

A. Lopez

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в двенадцати

томах

Под общей редакцией

В. В. ЕРМИЛОВА, К. Д. МУРАТОВОЙ,

З. С. ПАПЕРНОГО, А. И. РЕВЯКИНА

Государственное издательство

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1963

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том девятый

ПЬЕСЫ

1880—1904

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1963

Примечания *А. П. Скафтымова*,
в драме «Три сестры» *А. Р. Владимирской*.

Оформление художника
Н. ШИШЛОВСКОГО

А. П. ЧЕХОВ

1899

[ПЬЕСА БЕЗ НАЗВАНИЯ]

в 4 действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Анна Петровна Войничева, молодая вдова, генеральша.

Сергей Павлович Войницев, сын генерала Войничева от первого брака.

Софья Егоровна, его жена.

Порфирий Семенович Глагольев 1

Кирилл Порфирьевич Глагольев 2, } помещики,
его сын } соседи

Герасим Кузьмич Петрин } Войницевых.
Павел Петрович Щербук }

Марья Ефимовна Грекова, девушка 20 лет.

Иван Иванович Трилецкий, полковник в отставке.

Николай Иванович, его сын, молодой лекарь.

Абрам Абрамович Венгерович 1, богатый еврей.

Исак Абрамович, его сын, студент.

Тимофей Гордеевич Бугров, купец.

Михаил Васильевич Платонов, сельский учитель.

Александра Ивановна (Саша), его жена, дочь

И. И. Трилецкого.

Осип, малый лет 30, конокрад.

Марко, рассильный мирового судьи, маленький старичок.

Василий

Яков

Катя

} прислуга Войницевых.

Гости, прислуга.

Действие происходит в имении Войницевых в одной из южных губерний.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Войнищевых. Стеклопанная дверь в сад и две двери во внутренние покои. Мебель старого и нового фасона, смешанная. Рояль, возле нее поупитр со скрипкой и нотами. Фисгармония. Картины (олеография) в золоченых рамках.

Я В Л Е Н И Е I

Анна Петровна сидит за роялем, склонив голову к клавишам. Николай Иванович Трилецкий входит.

Трилецкий (*подходит к Анне Петровне*). Что? Анна Петр. (*поднимает голову*). Ничего... Скучненько.

Трилецкий. Дайте, топ анге ¹, покурить! Плоть ужасно курить хочет. С самого утра почему-то еще не курил...

Анна Петр. (*подает ему папиросы*). Берите больше, чтобы потом не беспокоить.

Закуривают.

Скучно, Николая! Тоска, делать нечего, хандра. Что и делать, не знаю...

Трилецкий берет ее за руку.

Вы это за пульсом? Я здорова...

Трилецкий. Нет, я не за пульсом... Я чмокнуть. (*Целует руку.*) В вашу руку целуешь, как в подушечку... Чем это вы моете свои руки, что они у вас такие белые? Чудо руки! Даже еще раз поцелую. (*Целует руку.*) В шахматы, что ли?

Анна Петр. Давайте... (*Смотрит на часы.*) Четверть первого... Небось наши гости проголодались...

Трилецкий (*приготавливает шахматную доску*). По всей вероятности. Что касается меня, то я страшно голоден.

---

¹ мой ангел (*франц.*).

А н н а П е т р. Я о вас и не спрашиваю... Вы всегда голодны, хоть и едите каждую минуту...

Садятся за шахматы.

Ходите вы... Уж и пошел... Надо сперва подумать, а потом уже и идти. Я сюда. Вы всегда голодны...

Т р и л е ц к и й. Вы так пошли... Тэк-с... Голоден-с... Обедать скоро будем?

А н н а П е т р. Не думаю, чтобы скоро... Повар изволил ради нашего приезда нализаться и теперь без ног. Завтракать скоро будем. Серьезно, Николай Иванович, когда вы будете сыты? Ест, ест, ест... без конца ест! Ужас что такое! Какой маленький человек и такой большой желудок!

Т р и л е ц к и й. О да! Удивительно!

А н н а П е т р. Забрался в мою комнату и, не спросясь, съел полпирога! Вы знаете ведь, что это не мой пирог? Свинство, голубчик! Ходите!

Т р и л е ц к и й. Ничего я не знаю. Знаю только, что он у вас там прокиснет, если я его не съем. Вы так? Можете-с... А я этак... Если я много ем, то я, значит, здоров, а если здоров, то, с вашего позволения... *Mens sana in corpore sano*¹. Зачем думаете? Ходите, милая дамочка, не думая... (Поет.) Я хочу вам рассказать, рассказать...

А н н а П е т р. Молчите... Вы мешаете мне думать.

Т р и л е ц к и й. Жаль, что вы, такая умная женщина, ничего не смыслите в гастрономии. Кто не умеет хорошо поесть, тот урод... Нравственный урод!.. Ибо... Позвольте, позвольте! Так не ходят! Ну? Куда же вы? А, ну это другое дело. Ибо вкус занимает в природе таковое же место, как и слух и зрение, то есть входит в число пяти чувств, которые всецело относятся к области, ма-тушка моя, психологии. Психологии!

А н н а П е т р. Вы, кажется, острить собираетесь... Не острите, дорогой мой! И надоело, и не к лицу вам... Вы заметили, что я не смеюсь, когда вы острите? Пора, кажется, заметить...

Т р и л е ц к и й. Ваш ход, *votre excellencel..*² Бе-

¹ В здоровом теле здоровый дух (лат.).

² ваше превосходительство!.. (франц.)

регите коня. Не смеетесь, потому что не понимаете... Так-с...

А н н а П е т р. Чего глазеее? Ваш ход! Как полагаете? Ваша «она» будет сегодня у нас или нет?

Т р и л е ц к и й. Обещала быть. Дала слово.

А н н а П е т р. Пора уже ей быть в таком случае. Первый час... Вы... извините за нескромность вопроса. Вы и с этой «да так» или же серьезно?

Т р и л е ц к и й. То есть?

А н н а П е т р. Откровенно, Николай Иванович. Не ради сплетен спрашиваю, по-приятельски... Что Грекова для вас и что вы для нее? Откровенно и без острот, пожалуйста... Ну? Ей-ей, по-приятельски спрашиваю...

Т р и л е ц к и й. Что она для меня и что я для нее? Пока неизвестно-с...

А н н а П е т р. По крайней мере...

Т р и л е ц к и й. Езжу к ней, болтаю, надоедаю, ввожу ее маменьку в расход по кофейной части и... больше ничего. Ваш ход. Езжу, надо вам сказать, через день, а иногда и каждый день, гуляю по темным аллеикам. Я толкую ей про свое, она толкует мне про свое, причем держит меня за эту пуговку и снимает с моего воротника пушок... Я ведь вечно в пуху.

А н н а П е т р. Ну?

Т р и л е ц к и й. Ну и ничего... Что, собственно, тянет меня к ней, определить трудно. Скука ли то, любовь ли, или что-либо другое прочее, не могу знать... Знаю, что после обеда мне бывает страшно скучно за ней... По случайно наведенным справкам оказывается, что и она скучает за мной...

А н н а П е т р. Любовь, значит?

Т р и л е ц к и й (*пожимает плечами*). Очень может быть. Как вы думаете, люблю я ее или нет?

А н н а П е т р. Вот это мило! Вам же лучше знать...

Т р и л е ц к и й. Э-э... да вы не понимаете меня!.. Ваш ход!

А н н а П е т р. Хожу. Не понимаю, Николая! Женщине трудно понять вас в этом отношении.

Пауза.

Т р и л е ц к и й. Она хорошая девочка.

А н н а П е т р. Мне нравится. Светленькая головка. Только вот что, приятель... Не наделайте-ка вы ей как-нибудь неприятностей!.. Как-нибудь... За вами этот грех водится... Пошляетесь, пошляетесь, наговорите кучу вздора, наобещаете, разнесете славу и тем и покончите... Мне ее жалко будет... Что она теперь подделывает?

Т р и л е ц к и й. Читает...

А н н а П е т р. И химией занимается? *(Смеется.)*

Т р и л е ц к и й. Кажется.

А н н а П е т р. Славная... Потише! Вы рукавом свезете! Нравится она мне со своим острым носиком! Из нее мог бы выйти недурной ученый...

Т р и л е ц к и й. Дороги не видит, бедная девочка!

А н н а П е т р. Вот что, Николая... Попросите Марью Ефимовну, чтобы она поехала ко мне немного... Я с ней познакомлюсь и... Я, впрочем, маклеровать не стану, а так только... Мы ее вместе раскусим и или отпустим с миром, или же примем ее к сведению... Авось... *(Пауза.)* Я считаю вас малюточкой, ветерком, а потому и вмешиваюсь в ваши дела. Ваш ход. Мой совет таков. Или не трогать ее вовсе, или же жениться на ней... Только жениться, но... не далее! Паче чаяния жениться захотите, извольте подумать сперва... Извольте рассмотреть ее со всех сторон, не поверхностно, подумать, помыслить, порассуждать, чтоб потом не плакать... Слышите?

Т р и л е ц к и й. Как же... уши развесил.

А н н а П е т р. Знаю я вас. Все делаете не думая и женитесь не думая. Вам только палец покажи женщина, так вы уж готовы на всякую всячину. Посоветоваться с близкими людьми должны... Да... На свою глупую голову не надейтесь. *(Стучит о стол.)* Вот она у вас, ваша голова! *(Свистит.)* Свистит, матушка! Мозгу в ней много, да толку что-то не видно.

Т р и л е ц к и й. Свистит, точно мужик! Удивительная женщина!

Пауза.

Ездить она к вам не станет.

А н н а П е т р. Почему?

Т р и л е ц к и й. Потому что к вам шляется Платонов. Она терпеть не может его после тех его выходов. Вообразил человек, что она дура, вбил себе это в свою нечесаную голову, и теперь черт его не разубедит! Считает почему-то своею обязанностью надоедать дурам, выделяет над ними разные штуки... Ходите!.. А разве она дура? Понимает же он людей!

А н н а П е т р. Пустяки. Мы не позволим ему лишнего. Скажите ей, чтоб не боялась. А чего это Платонова так долго нет? Давно уж пора ему быть... (*Смотрит на часы.*) Невежливо с его стороны. Шесть месяцев не видались.

Т р и л е ц к и й. Когда я ехал к вам, в школе ставни были наглухо закрыты. Должно быть, спит еще. Каналья человек! Я его сам давно уж не видел.

А н н а П е т р. Здоров он?

Т р и л е ц к и й. Он всегда здоров. Жив курилка.

Входят Г л а г о л ь е в 1 и В о й н и ц е в.

Я В Л Е Н И Е II

Т е ж е, Г л а г о л ь е в 1 и В о й н и ц е в.

Г л а г о л ь е в 1 (*входя*). Так-то, милейший Сергей Павлович. В этом отношении мы, заходящие светила, лучше и счастливее вас, восходящих. И мужчина не был, как видите, в проигрыше, и женщина была в выигрыше.

Садятся.

Сядемте, а то я утомился... Мы любили женщин, как самые лучшие рыцари, веровали в нее, поклонялись ей, потому что видели в ней лучшего человека... А женщина лучший человек, Сергей Павлович!

А н н а П е т р. Зачем же мошенничать?

Т р и л е ц к и й. Кто мошенничает?

А н н а П е т р. А кто эту шашку сюда поставил?

Т р и л е ц к и й. Да вы же сами поставили!

А н н а П е т р. Ах да... Pardon...

Т р и л е ц к и й. То-то что pardon.

Г л а г о л ь е в 1. У нас были и друзья. Дружба в наше время не была так наивна и так ненужна. В наше время

были кружки, арзамасы. За друзей у нас, между прочим, было принято в огонь лазить.

В о й н и ц е в (*зевает*). Славное было время!

Т р и л е ц к и й. А в наше ужасное время пожарные на то есть, чтоб в огонь лазить за друзьями.

А н н а П е т р. Глупо, Николая.

Пауза.

Г л а г о л ь е в I. В прошлую зиму в Москве на опере я видел, как один молодой человек плакал под влиянием хорошей музыки... Ведь это хорошо?

В о й н и ц е в. Пожалуй, что и очень даже хорошо.

Г л а г о л ь е в I. И я так думаю. Но зачем же, скажите вы мне, пожалуйста, глядя на него, улыбались близидящие дамочки и кавалеры? Чему они улыбались? И он сам, заметив, что добрые люди видят его слезы, завернулся на кресле, покраснел, построил на своем лице скверную улыбочку и потом вышел из театра... В наше время не стыдились хороших слез и не смеялись над ними...

Т р и л е ц к и й (*Анне Петровне*). Умереть этому медоточивому от меланхолии! Страсть не люблю! Уши режет!

А н н а П е т р. Тссс...

Г л а г о л ь е в I. Мы были счастливее вас. В наше время понимающие музыку не выходили из театра, досиживали оперу до конца... Вы зевааете, Сергей Павлович... Я оседлал вас...

В о й н и ц е в. Нет... Подводите же итог, Порфирий Семеныч! Пора...

Г л а г о л ь е в I. Ну-с... И так далее, и так далее. Если теперь подвести итог всему мною сказанному, то и получится, что в наше время были любящие и ненавидящие, а следовательно, и негодующие и презирующие...

В о й н и ц е в. Прекрасно, а в наше время их нет, что ли?

Г л а г о л ь е в I. Думаю, что нет.

Войнищев встает и идет к окну.

Отсутствие этих-то людей и составляет современную чухотку...

Пауза.

В о й н и ц е в. Голословно, Порфирий Семеныч!

А н н а П е т р. Не могу! От него так несет несносными пачулями, что мне даже дурно делается. *(Кашляет.)* Отодвиньтесь немного назад!

Т р и л е ц к и й *(отодвигается)*. Сама проигрывает, а бедные пачули виноваты. Удивительная женщина!

В о й н и ц е в. Грешно, Порфирий Семеныч, бросать в лицо обвинение, основанное на одних только догадках и пристрастии к минувшей молодости!..

Г л а г о л ь е в I. Может быть, я и ошибаюсь.

В о й н и ц е в. Может быть... В данном случае не должно иметь места это «может быть»... Обвинение не шуточное!

Г л а г о л ь е в I *(смеется)*. Но... вы сердиться, милый мой, начинаете... Гм... Одно уж это доказывает, что вы не рыцарь, что вы не умеете относиться с должным уважением к взглядам противника.

В о й н и ц е в. Одно уж это доказывает, что я умею возмущаться.

Г л а г о л ь е в I. Я не всех, разумеется, поголовно... Есть и исключения, Сергей Павлович!

В о й н и ц е в. Разумеется... *(Кланяется.)* Покорнейше вас благодарю за уступочку! Вся прелесть ваших приемов заключается в этих уступках. Ну, а что, если бы наскочил на вас человек неопытный, вас не знающий, верующий в ваше знание? Ведь вам удалось бы убедить его, что мы, то есть я, Николай Иванович, тамап и вообще все более или менее молодое, не умеем негодовать и презирать...

Г л а г о л ь е в I. Но... вы уж... Я не говорил...

А н н а П е т р. Я хочу Порфирия Семеновича слушать. Давайте бросим! Довольно.

Т р и л е ц к и й. Нет, нет... Играйте и слушайте!

А н н а П е т р. Довольно. *(Встает.)* Надоело. После доиграем.

Т р и л е ц к и й. Когда проигрываю, она сидит как приклеенная, а как только начну выигрывать, у нее является желание слушать Порфирия Семеновича! *(Глагольеву.)* И кто вас просит говорить? Мешаете только! *(Анне Петровне.)* Извольте сесть и продолжать, в противном же случае я буду считать вас проигравшей!

А н н а П е т р. Считайте! *(Садится против Глагольева.)*

Те же и Венгерович I.

Венгерович I (*входит*). Жарко! Эта жара на-
поминает мне, жиду, Палестину. (*Садится у рояля и*
перебирает клавиши.) Там, говорят, очень жарко!

Трилецкий (*встает*). Так и запишем. (*Выни-*
мает из кармана записную книжку.) Так и запишем-с,
добрая женщина! (*Записывает.*) За генеральшей... За
генеральшей три рубля... Итого с прежними — десять.
Эге! Когда я буду иметь честь получить с вас эту сумму?

Глагольев I. Эх, господа, господа! Не видали вы
прошлого! Другое бы запели... Поняли бы... (*Вздыхает.*)
Не понять вам!

Войницев. Литература и история имеет, кажется,
более прав на нашу веру... Мы не видели, Порфирий Се-
меныч, прошлого, но чувствуем его. Оно у нас очень часто
вот тут чувствуется. (*Бьет себя по затылку.*) Вот вы так
не видите и не чувствуете настоящего.

Трилецкий. Прикажете считать за вами, votre
excellence, или сейчас заплатите?

Анна Петр. Перестаньте! Вы не даете слушать!

Трилецкий. Да зачем вы их слушаете? Они до
вечера будут говорить!

Анна Петр. Сержель, дай этому юродивому де-
сять рублей!

Войницев. Десять? (*Вынимает бумажник.*) Да-
вайте-ка, Порфирий Семеныч, переменим разговор...

Глагольев I. Давайте, если он вам не нравится.

Войницев. Люблю вас слушать, но не люблю
слушать то, что отзывается клеветой... (*Подает Трилец-*
кому десять рублей.)

Трилецкий. Мерси. (*Бьет по плечу Венгери-*
вича.) Вот как нужно жить на этом свете! Посадил без-
защитную женщину за шахматы, да и обчистил ее без
зазрения совести на десять целкачей. Каково? Похвально?
Венгерович I. Похвально. Вы, доктор, настоя-
щий иерусалимский дворянин!

Анна Петр. Перестаньте же, Трилецкий! (*Гла-*
гольеву.) Так женщина лучший человек, Порфирий Се-
меныч?

Глагольев 1. Лучший.

Анна Петр. Гм... По-видимому, вы большой женолюбец, Порфирий Семеныч!

Глагольев 1. Да, я люблю женщин. Я им поклоняюсь, Анна Петровна. Я вижу в них отчасти все то, что я люблю: и сердце, и...

Анна Петр. Вы им поклоняетесь... Ну, а стоят они ваших поклонов?

Глагольев 1. Стоят.

Анна Петр. Вы убеждены в этом? Сильно убеждены или только заставляете себя так думать?

Трилецкий берет скрипку и водит по ней смычком.

Глагольев 1. Сильно убежден. Достаточно знать мне одну только вас, чтобы быть убежденным в этом...

Анна Петр. Серьезно? В вас какая-то особенная закваска.

Войницев. Он романтик.

Глагольев 1. Может быть... Что ж? Романтизм — вещь не безусловно дурная. Вы изгнали романтизм... Хорошо сделали, но боюсь, что вы изгнали вместе с ним что-то другое...

Анна Петр. Не сводите, друг мой, на полемику. Не умею спорить. Изгнали или не изгнали, но, во всяком случае, умней стали, слава богу! Ведь умней, Порфирий Семеныч? А это главное... *(Смеется.)* Были бы умные люди, да умнели бы, а остальное само собой приложится... Ах! Не рыпите, Николай Иваныч! Положите скрипку!

Трилецкий *(вешает скрипку)*. Хороший инструмент.

Глагольев 1. Удачно однажды выразился Платонов... Мы, сказал он, поумнели по части женщин, а поумнеть по части женщин значит втоптать самого себя и женщину в грязь...

Трилецкий *(хохочет)*. Должно быть, именинником был... Хватил лишнее...

Анна Петр. Это он сказал? *(Смеется.)* Да, он любит иногда отпускать такие изречения... Но да ведь он для красного словца... Кстати, к слову пришлось... Кто такой, что за человек, на ваш взгляд, этот Платонов? Герой или не герой?

Г л а г о л ь е в 1. Как вам сказать? Платонов, по моему, есть лучший выразитель современной неопределенности... Это герой лучшего, еще, к сожалению, не написанного, современного романа... (*Смеется.*) Под неопределенностью я разумею современное состояние нашего общества: русский беллетрист чувствует эту неопределенность. Он стал в тупик, теряется, не знает, на чем остановиться, не понимает... Трудно понять ведь этих господ! (*Указывает на Войнищева.*) Романы донельзя плохи, натянуты, мелочны... и не мудрено! Все крайне неопределенно, непонятно... Все смешалось до крайности, перепуталось... Вот этой-то неопределенности, по моему мнению, и является выразителем наш умнейший Платонов. Он здоров?

А н н а П е т р. Говорят, что здоров.

Пауза.

Славный человек...

Г л а г о л ь е в 1. Да... Его грешно не уважать. Я зимой несколько раз заезжал к нему и никогда не забуду тех немногих часов, которые мне посчастливилось провести с ним.

А н н а П е т р. (*смотрит на часы*). Пора уже ему быть. Сергей, ты посылал за ним?

В о й н и щ е в. Два раза.

А н н а П е т р. Вы все врете, господа. Трилецкий, бегите, пошлите за ним Якова!

Т р и л е ц к и й (*потягивается*). Приказать на стол собирать?

А н н а П е т р. Я сама прикажу.

Т р и л е ц к и й (*идет и сталкивается у двери с Бугровым*). Пыхтит, как локомотив, бакалейный человек! (*Хлопает его по животу и уходит.*)

Я В Л Е Н И Е IV

А н н а П е т р о в н а, Г л а г о л ь е в 1, В е н г е р о в и ч 1,
В о й н и щ е в и Б у г р о в.

Б у г р о в (*входя*). Уф! Страсть как жарит! Перед дождем, знать.

В о й н и щ е в. Вы из сада?

Б у г р о в. Из сада-...
В о й н и ц е в. Софи там?
Б у г р о в. Какая Софи?
В о й н и ц е в. Моя жена, Софья Егоровна!
В е н г е р о в и ч 1. Я сейчас. (*Уходит в сад.*)

Я В Л Е Н И Е V

А н н а Петровна, Глагольев 1, Войницев,
Б у г р о в, Платонов и Саша (в русском костюме).

П л а т о н о в (*в дверях Саше*). Пожалуйста! Милости просим, молодая женщина! (*Входит за Сашей.*) Вот мы и не дома наконец! Кланяйся, Саша! Здравствуйте, ваше превосходительство! (*Подходит к Анне Петровне, целует у нее одну руку и потом другую.*)

А н н а П е т р. Жестокий, нелюбезный... Можно ли заставлять ждать себя так долго? Ведь вы знаете, как я нетерпелива? Дорогая Александра Ивановна... (*Целуется с Сашей.*)

П л а т о н о в. Вот мы и не дома наконец! Слава тебе господи! Шесть месяцев не видели мы ни паркета, ни кресел, ни высоких потолков, ниже даже людей... Всю зиму проспали в берлоге, как медведи, и только сегодня выползли на свет божий! Сергею Павловичу! (*Целуется с Войницевым.*)

В о й н и ц е в. И вырос, и пополнил и... черт знает чего только... Александра Ивановна! Батюшки, как пополнила! (*Жмет Саше руку.*) Здоровы? Похорошела и пополнила!

П л а т о н о в (*пожимает руку Глагольеву*). Порфирий Семеныч... очень рад вас видеть...

А н н а П е т р. Как поживаете? Как живете-можете, Александра Ивановна? Да садитесь же, господа! Рассказывайте-ка... Сядем!

П л а т о н о в (*хохочет*). Сергей Павлович! Он ли это? Господи! Где же длинные волосы, блузочка и сладенький тенорок? А ну-ка, скажите-ка что-нибудь!

В о й н и ц е в. Я дурандас. (*Смеется.*)

П л а т о н о в. Бас, совершенный бас! Ну? Сядем... Подвигайтесь-ка, Порфирий Семеныч! Я сажусь. (*Садит-*

ся.) Садитесь, господа! Ф-ф-ф... Жара... Что, Саша! Ньюхаешь?

Садятся.

С а ш а. Ньюхаю.

Смех.

П л а т о н о в. Человечьим мясом пахнет. Прелесть, что за запах! Мне кажется, что мы уже сто лет не видались. Черт знает, как долго эта зима тянется! А вон и мое кресло! Узнаешь, Саша? На нем шесть месяцев тому назад просиживал я дни и ночи, отыскивая с генеральшей причину всех причин и проигрывая твои блестящие гривеннички... Жарко...

А н н а П е т р. Я заждалась, терпение потеряла... Здоровы?

П л а т о н о в. Очень здоровы... Надо вам доложить, ваше превосходительство, что вы и пополнили, и чуточку похорошели... Сегодня и жарко, и душно... Я уж начинаю скучать за холодом.

А н н а П е т р. Как они оба варварски пополнили! Экий счастливый народ! Как жилось, Михаил Васильич?

П л а т о н о в. Скверно, по обыкновению... Всю зиму спал и шесть месяцев не видел неба. Пил, ел, спал, Майн-Рида жене вслух читал... Скверно!

С а ш а. Жилось хорошо, только скучно, разумеется.

П л а т о н о в. Не скучно, а очень скучно, душа моя. За вами скучал страшно... Как кстати для меня теперь мои глаза! Видеть вас, Анна Петровна, после долгого, томительнейшего безлюдья и сквернолюдья — да ведь это непростительная роскошь!

А н н а П е т р. Нате вам за это папироску! (*Дает ему папиросу.*)

П л а т о н о в. Мерси.

Закуривают.

С а ш а. Вы вчера приехали?

А н н а П е т р. В десять часов.

П л а т о н о в. В одиннадцать видел у вас огни, да побоялся зайти к вам. Небось утомлены были?

А н н а П е т р. И что б зайти! Мы до двух часов проболтали.

Саша шепчет Платонову на ухо.

П л а т о н о в. Ах, черт возьми! (*Бьет себя по лбу.*) Вот память-то! Что же ты раньше молчала? Сергей Павлович!

В о й н и ц е в. Что?

П л а т о н о в. А он и молчит! Женился и молчит! (*Встает.*) Я забыл, а они и молчат!

С а ш а. И я забыла, пока он тут говорил. Поздравляю вас, Сергей Павлович! Желаю вам... всего, всего!

П л а т о н о в. Честь имею... (*Кланяется.*) Совет да любовь, милый человек! Чудо сотворил, Сергей Павлович! Я от вас такого важного и отважного поступка никак не ожидал! Как скоро и как быстро! Кто мог ожидать от вас такой ереси?

В о й н и ц е в. Каков я? И скоро, и быстро! (*Хочет.*) Я сам не ожидал от себя такой ереси. Вмиг, батенька, склеилось дело. Влюбился и женился!

П л а т о н о в. Без «влюбился» не проходила ни одна зима, а в эту зиму еще и женился, цензурой обзавелся, как говорит наш поп. Жена — это самая ужасная, самая придирчивая цензура! Горе, если она глупа! Местечко нашли?

В о й н и ц е в. Предлагают место в прогимназии, да не знаю, как быть. Не хотелось бы мне в прогимназию! Жалованья мало, да и вообще...

П л а т о н о в. Берете?

В о й н и ц е в. Пока еще решительно ничего не знаю. Вероятно, нет...

П л а т о н о в. Гм... Гулять, значит, будем. Три года прошло с тех пор, как вы кончили университет?

В о й н и ц е в. Да.

П л а т о н о в. Так... (*Вздыхает.*) Бить вас некому! Нужно будет жене вашей сказать... Прогулять три хороших года! а?

А н н а П е т р. Жарко теперь толковать о высоких материях... Мне звать хочется. Чего ради вы так долго не являлись, Александра Ивановна?

С а ш а. Времени не было... Миша клетку починял, а я в церковь ходила. Клетка поломалась, и нельзя было соловья так оставить.

Г л а г о л ь е в 1. А в церкви же что сегодня? Праздник какой?

С а ш а. Нет... Ходила заказывать отцу Константину обедню. Сегодня именинник Мишин отец, покойник, и неловко как-то не помолиться... Панихиду отслужила...

Пауза.

Г л а г о л ь е в 1. Сколько прошло с тех пор, как скончался ваш отец, Михаил Васильич?

П л а т о н о в. Года три, четыре...

С а ш а. Три года и восемь месяцев.

Г л а г о л ь е в 1. Нуте? Боже мой! Как быстро время летит! Три года и восемь месяцев! Давно ли, кажется, мы виделись с ним в последний раз? *(Вздыхает.)* В последний раз виделись мы в Ивановке, присяжными заседателями оба были... И тогда же произошел случай, как нельзя лучше характеризующий покойника. Судили, помню, одного беденького и пьяненького казенного землемера за лихоимство и *(смеется)* оправдали... Василий Андреич, покойник, настоял... Часа три настаивал, доводы приводил, горячился... «Не обвиню его, кричит, пока вы не присягнете, что вы сами не берете взятки!» Нелогично, но... ничего с ним нельзя было поделаться! Утомились мы страшно по его милости... С нами тогда был и покойный генерал Войницев, ваш супруг, Анна Петровна... Тоже человек в своем роде.

А н н а П е т р. Ну этот не оправдал бы...

Г л а г о л ь е в 1. Да, он настаивал на обвинении. Помню обоих, красных, клокочущих, свирепых... Крестьяне держали сторону генерала, а мы, дворяне, сторону Василия Андреича... Мы пересилили, разумеется. *(Смеется.)* Ваш отец вызвал генерала на дуэль, генерал назвал его... извините, подлецом... Потеха была! Мы напоили после их пьяными и помирили. Нет ничего легче, как мирить русских людей... Добряк был ваш отец, доброе имел сердце.

П л а т о н о в. Не доброе, а безалаберное...

Г л а г о л ь е в 1. Великий человек был в своем роде... Я уважал его. Мы были с ним в прекраснейших отношениях!

П л а т о н о в. Ну, а вот я так не могу похвалиться этим. Я разошелся с ним, когда у меня не было еще ни волоска на подбородке, а в последние три года мы были

настоящими врагами. Я его не уважал, он считал меня пустым человеком и... оба мы были правы. Я не люблю этого человека! Не люблю за то, что он умер спокойно. Умер так, как умирают честные люди. Быть подлецом и в то же время не хотеть сознавать этого — страшная особенность русского негодяя!

Г л а г о л ь е в 1. De mortuis aut bene aut nihil ¹,
Михаил Васильич!

П л а т о н о в. Нет... Это латинская ересь. По-моему: de omnibus aut nihil, aut veritas ². Но лучше veritas, чем nihil, поучительнее по крайней мере... Полагаю, что мертвые не нуждаются в уступке.

Входит И в а н И в а н о в и ч.

Я В Л Е Н И Е VI

Т е ж е и И в а н И в а н о в и ч.

И в а н И в а н о в и ч (*входит*). Та-та-та... Зять и дочка! Светила из созвездия полковника Трилецкого! Здравствуйте, голубчики! Салют вам из крупповской пушки! Господи, как жарко! Мишенька, голубчик мой...

П л а т о н о в (*встает*). Здравствуй, полковник! (*Обнимает его.*) Здоров?

И в а н И в а н о в и ч. Я всегда здоров. Терпит господь и не наказывает. Сашенька... (*Целует Сашу в голову.*) Давно я вас не лицезрел... Здорова, Сашенька?

С а ш а. Здорова... Ты здоров?

И в а н И в а н о в и ч (*садится рядом с Сашей*). Я всегда здоров. Во всю жизнь мою ни разу не был болен... Давно уж я вас не видел! Каждый день все собираюсь к вам, внучка повидать да с зятьком свет белый покритиковать, да никак не соберусь... Занят, ангелы мои! Позавчера хотел к вам поехать, новую двустволочку желал показать тебе, Мишенька, да исправник остановил, в преферанс засадил... Славная двустволочка! Аглицкая, сто семьдесят шагов дробью наповал... Внучек здоров?

С а ш а. Здоров. Тебе кланяется...

И в а н И в а н о в и ч. Разве он умеет кланяться?

¹ О мертвых или хорошо, или ничего (*лат.*).

² Обо всех или ничего, или правда (*лат.*).

В о й н и ц е в. Сие нужно понимать духовно.

И в а н И в а н о в и ч. Ну да, ну да... Духовно... Скажи ему, Сашурка, чтоб скорее рос. На охоту возьму с собой. Для него я уже и двустволочку маленькую приготовил... Охотника из него сделаю, чтоб было кому после смерти свои охотничьи причиндалы оставить.

А н н а П е т р. Душка этот Иван Иваныч! Мы с ним на Петров день перепелов стрелять поедем.

И в а н И в а н о в и ч. Го-го! Мы, Анна Петровна, на бекасов поход устроим. Мы на Бесово Болотце полярную экспедицию устроим...

А н н а П е т р. Попробуем вашу двустволочку...

И в а н И в а н о в и ч. Попробуем, Диана божественная! (*Целует ее руку.*) Помните, матушка, прошлый год? Ха-ха! Люблю таких особ, побей меня бог! Не люблю малодушия! Вот она где самая-то и есть эмансипация женская! Ее в плечико нюхаешь, а от нее пороховом, Ганнибалами да Гамилькарами пахнет! Воевода, совсем воевода! Дай ей эполеты, и погиб мир! Поедем! И Сашку с собой возьмем! Всех возьмем! Покажем им, что значит кровь военная, Диана божественная, ваше превосходительство, Александра Македонская!

П л а т о н о в. А ты уж клякнул, полковник?

И в а н И в а н о в и ч. Разумеется... Sans doute...¹

П л а т о н о в. То-то ты так и раскудахтался.

И в а н И в а н о в и ч. Я приехал сюда, братец ты мой, часов в восемь... Все еще спали... Пришел сюда, да и давай ногами стучать... Смотрю, выходит она... смеется... Бутылочку мадерки распили. Диана три рюмочки выпила, а я остальное...

А н н а П е т р. А нужно это рассказывать!

Вбегае т Р и л е ц к и й.

Я В Л Е Н И Е VII

Т е ж е и Т р и л е ц к и й.

Т р и л е ц к и й. Господам родственникам!

П л а т о н о в. А-а-а... Плохой лейб-медик ее превосходительства! Argentum nitricum... aquae destillatae...²

¹ Без сомнения... (*франц.*)

² Азотистое серебро... дистиллированная вода... (*лат.*)

Очень рад видеть, любезный! Здоров, сияет, блещет и пахнет!

Т р и л е ц к и й (*целует Сашу в голову*). Да и разнесли же черти твоего Михайла! Бык, настоящий бык!

С а ш а. Фи, как от тебя духами пахнет! Здоров?

Т р и л е ц к и й. Здоровехонек. Умно сделали, что пришли. (*Садится.*) Как дела, Мишель?

П л а т о н о в. Какие?

Т р и л е ц к и й. Твои, разумеется.

П л а т о н о в. Мои? А кто их знает, каковы они! Долго, брат, рассказывать, да и неинтересно. Где это ты так шикарно остригся? Хороша прическа! Стоит целковый?

Т р и л е ц к и й. Меня не цирюльник чешет... У меня на это дамы есть, а дамам я не за прическу плачу целковые... (*Ест мармелад.*) Я, братец ты мой...

П л а т о н о в. Состричь хочешь? Ни, ни, ни... Не беспокойся! Избавь, пожалуйста.

Я В Л Е Н И Е VIII

Т е ж е, П е т р и н и В е н г е р о в и ч I.

Петрин входит с газетой и садится.

Венгерович I садится в угол.

Т р и л е ц к и й (*Ивану Ивановичу*). Заплачь, отче! Иван Иванович. Для чего мне плакать?

Т р и л е ц к и й. Да вот, например, хоть от радости... Взгляни на меня! Это сын твой... (*Указывает на Сашу.*) Это дочь твоя! (*Указывает на Платонову.*) Этот юноша зять твой! Дочь-то одна чего стоит! Это перл, папаша! Один только ты мог породить такую ахтительную дочь! А зять?

И в а н И в а н о в и ч. Чего же мне, друг мой, плакать? Плакать не нужно.

Т р и л е ц к и й. А зять? О... это зять! Другого такого не сыщешь, хоть обрыскай всю вселенную! Честен, благороден, великодушен, справедлив! А внук?! Что за мальчишка разанафемский! Машет руками, тянется вперед этак и все пищит: «Дедь! дедь! где дедь? Подайте-ка

мне сюда его, разбойника, подайте-ка мне сюда его усищи!»

Иван Иванович (*вытаскивает из кармана платок*). Чего же плакать? Ну и слава богу. (*Плачет.*) Плакать не нужно.

Трилецкий. Ты плачешь, полковник?

Иван Иванович. Нет... Зачем? Ну и слава тебе господи!.. Что ж?..

Платонов. Перестань, Николай!

Трилецкий (*встает и садится рядом с Бугровым*). Жаркий нонче темперамент в воздухе, Тимофей Гордеич!

Бугров. Это действительно. Жарко, как в бане на самой верхней полочке. Темперамент в градусов тридцать, надо полагать.

Трилецкий. Что бы это значило? Отчего это так жарко, Тимофей Гордеич?

Бугров. Вам это лучше знать.

Трилецкий. Я не знаю. Я по докторской части шел.

Бугров. А по-моему-с, оттого так жарко, что мы засмеялись бы с вами, ежели б в июне месяце было холодно.

Смех.

Трилецкий. Так-с... Теперь понимаю... Что лучше для травы, Тимофей Гордеич, климат или атмосфера?

Бугров. Все хорошо, Николай Иваныч, только для хлеба дождик нужней... Что толку с климата, ежели дождя нет? Без дождя он и гроша медного не стоит.

Трилецкий. Так... Это правда... Вашими устами, надо полагать, гласит сама мудрость. А какого вы мнения, господин бакалейный человек, касательно остального прочего?

Бугров (*смеется*). Никакого.

Трилецкий. Что и требовалось доказать. Умнейший вы человек, Тимофей Гордеич! Ну, а какого вы мнения насчет того астрономического фокуса, чтобы Анна Петровна дала нам поесть? а?

Анна Петр. Подождите, Трилецкий! Все ждут, и вы ждите!

Т р и л е ц к и й. Appetитов она наших не знает! Не знает она, как нам с вами, а в особенности вам со мной выпить хочется! А славно мы выпьем и закусим, Тимофей Гордеич! Во-первых... Во-первых... (*Шепчет Бугрову на ухо.*) Плохо? Это за галстук... Crematum simplex ¹. Там все есть: и распивочно, и навынос... Икра, балык, семга, сардины... Далее — шести- или семиэтажный пирог... Во какой! Начинен всевозможными чудесами флоры и фауны Старого и Нового Света... Скорей бы только... Сильно голоден, Тимофей Гордеич? Откровенно...

С а ш а (*Трилецкому*). Не так тебе есть хочется, как бунт поднимать! Не любишь, когда люди спокойно сидят!

Т р и л е ц к и й. Не люблю, когда людей голодом мортят, толстушка!

П л а т о н о в. Ты сейчас сострил, Николай Иваныч, отчего же это не смеются?

А н н а П е т р. Ах, как он надоел! Как он надоел! Нахален до безобразия! Это ужасно! Ну подождите же, скверный человек! Я вам дам поесть! (*Уходит.*)

Т р и л е ц к и й. Давно бы так.

Я В Л Е Н И Е IX

Т е ж е, кроме Анны Петровны.

П л а т о н о в. Впрочем, не мешало бы... Который час? Я тоже голоден.

В о й н и ц е в. Где же моя жена, господа? Платонов ведь ее не видел еще... Надо познакомить. (*Встает.*) Пойду ее искать. Ей так понравился сад, что она никак не расстанется с ним.

П л а т о н о в. Между прочим, Сергей Павлович.. Я просил бы вас не представлять меня вашей супруге... Мне хотелось бы знать, узнает она меня или нет? Я когда-то был с ней знаком немножко и...

В о й н и ц е в. Знакомы? С Соней?

П л а т о н о в. Был во время оно... Когда еще был студентом, кажется. Не представляйте, пожалуйста, и молчите, не говорите ей ни слова обо мне...

¹ Простой продукт (*лат.*).

В о й н и ц е в. Хорошо. Этот человек со всеми знаком! И когда он успевает знакомиться? *(Уходит в сад.)*

Т р и л е ц к и й. А какую я важную корреспонденцию поместил в «Русском курьере», господа! Читали? Вы читали, Абрам Абрамыч?

В е н г е р о в и ч I. Читал.

Т р и л е ц к и й. Не правда ли, замечательная корреспонденция? Вас-то, вас, Абрам Абрамыч, каким я людоедом выставил! Такое про вас написал, что вся Европа ужаснется!

П е т р и н *(хохочет)*. Так это вот про кого?! Вот кто этот В.! Ну, а кто же Б.?

Б у г р о в *(смеется)*. Это я-с. *(Вытирает лоб.)* Бог с ними!

В е н г е р о в и ч I. Что ж! Это очень похвально. Если бы я умел писать, то непременно писал бы в газеты. Во-первых, деньги за это дают, а во-вторых, у нас почему-то принято пишущих считать очень умными людьми. Только не вы, доктор, написали эту корреспонденцию. Ее написал Порфирий Семеныч.

Г л а г о л ь е в I. Вы откуда это знаете?

В е н г е р о в и ч I. Знаю.

Г л а г о л ь е в I. Странно... Я писал, это правда, но откуда вам это известно?

В е н г е р о в и ч I. Все можно узнать, лишь бы только желание было. Вы заказным посылали, ну а приемщик на нашей почте имеет хорошую память. Вот и все... И разгадывать нечего. Мое еврейское ехидство тут ни при чем... *(Смеется.)* Не бойтесь, мстить не стану.

Г л а г о л ь е в I. Я и не боюсь, но... мне странно.

Входит Г р е к о в а.

Я В Л Е Н И Е X

Т е ж е и Г р е к о в а.

Т р и л е ц к и й *(вскакивает)*. Марья Ефимовна! Вот это так мило! Вот это так сюрприз!

Г р е к о в а *(подает ему руку)*. Здравствуйте, Николай Иваныч! *(Кивает всем головой.)* Здравствуйте, господа!

Т р и л е ц к и й (снимает с нее тальму). Стащу с вас тальмочку... Живы, здоровы? Здравствуйте еще раз! (Целует руку.) Здоровы?

Г р е к о в а. Как всегда... (Конфузится и садится на первое попавшееся стуло.) Анна Петровна дома?

Т р и л е ц к и й. Дома. (Садится рядом.)

Г л а г о л ь е в 1. Здравствуйте, Марья Ефимовна!

И в а н И в а н о в и ч. Это Марья Ефимовна? Насилу узнал! (Подходит к Грековой и целует у нее руку.) Имею счастье видеть... Весьма приятно...

Г р е к о в а. Здравствуйте, Иван Иванович! (Кашляет.) Ужасно жарко... Не целуйте мне, пожалуйста, рук... Я себя неловко чувствую... Не люблю...

П л а т о н о в (подходит к Грековой). Честь имею кланяться!.. (Хочет поцеловать руку.) Как поживаете? Дайте же руку!

Г р е к о в а (отдергивает назад руку). Не нужно...

П л а т о н о в. Почему? Недостойн?

Г р е к о в а. Не знаю, достойны вы или недостойны, но... вы ведь неискренно?

П л а т о н о в. Неискренно? Почему же вы знаете, что неискренно?

Г р е к о в а. Вы не стали бы целовать моей руки, если бы я не сказала, что я не люблю этого целования... Вы вообще любите делать то, чего я не люблю.

П л а т о н о в. Сейчас уж и заключение!

Т р и л е ц к и й (Платонову). Отойди!

П л а т о н о в. Сейчас... Как ваш клоповый эфир, Марья Ефимовна?

Г р е к о в а. Какой эфир?

П л а т о н о в. Я слышал, что вы добываете из клопов эфир... Хотите обогатить науку... Хорошее дело!

Г р е к о в а. Вы все шутите...

Т р и л е ц к и й. Да, он все шутит... Итак, значит, вы приехали, Марья Ефимовна... Как ваша тата поживает?

П л а т о н о в. Какая вы розовенькая! Как вам жарко!

Г р е к о в а (встает). Для чего вы мне это все говорите?

П л а т о н о в. Поговорить хочу с вами... Давно с вами не беседовал. Зачем же сердиться? Когда же наконец вы перестанете на меня сердиться?

Г р е к о в а. Я замечаю, что вы чувствуете себя не в своей тарелке, когда видите меня... Не знаю, чем я вам мешаю, но... Я делаю вам удовольствие и по возможности избегаю вас... Если бы Николай Иванович не дал мне честного слова, что вы здесь не будете, то я не приехала бы сюда... *(Трилецкому.)* Стыдно вам лгать!

П л а т о н о в. Стыдно тебе лгать, Николай! *(Грековой.)* Вы плакать собираетесь... Поплачьте! Слезы приносят иногда облегчение...

Грекова быстро идет к двери, где встречается с Анной Петровной.

Я В Л Е Н И Е X I

Т е ж е и А н н а П е т р о в н а.

Т р и л е ц к и й *(Платонову)*. Глупо... глупо! Понимаешь ты? Глупо! Еще раз и... мы враги!

П л а т о н о в. Ты-то тут при чем?

Т р и л е ц к и й. Глупо! Ты не знаешь, что ты делаешь!

Г л а г о л ь е в I. Жестоко, Михаил Васильич!

А н н а П е т р. Марья Ефимовна! Как я рада! *(Пожимает Грековой руку.)* Очень рада! Вы такая редкая у меня гостя... Вы приехали, и я вас люблю за это... Сядемте... Садятся.

Очень рада... Спасибо Николаю Ивановичу... Он потрудился выклянчить вас из вашей деревеньки...

Т р и л е ц к и й *(Платонову)*. А если я ее люблю, положим?

П л а т о н о в. Люби... Сделай такое одолжение!

Т р и л е ц к и й. Не знаешь ты, что ты говоришь!

А н н а П е т р. Как вы поживаете, моя дорогая?

Г р е к о в а. Благодарю.

А н н а П е т р. Вы утомлены... *(Смотрит ей в лицо.)* Проехать двадцать верст мудрено без привычки...

Г р е к о в а. Нет... *(Подносит к глазам платок и плачет.)* Нет...

А н н а П е т р. Что с вами, Марья Ефимовна?

Пауза.

Г р е к о в а. Нет...

Трилецкий ходит по сцене.

Г л а г о л ь е в I (*Платонову*). Надо вам извиниться, Михаил Васильич!

П л а т о н о в. Для чего?

Г л а г о л ь е в I. Вы спрашиваете?! Вы были жестоки...

С а ш а (*подходит к Платонову*). Объяснись, а то я уйду!.. Извинись!

А н н а П е т р. Я сама имею обыкновение плакать после дороги... Нервы расстраиваются!..

Г л а г о л ь е в I. Наконец... Я хочу этого! Нелюбезно! Не ожидал я от вас!

С а ш а. Извинись, тебе говорят! Бессовестный!

А н н а П е т р. Понимаю... (*Смотрит на Платонова.*) Успел уж... Извините меня, Марья Ефимовна. Я забыла поговорить с этим... с этим... Я виновата...

П л а т о н о в (*подходит к Грековой*). Марья Ефимовна!

Г р е к о в а (*поднимает голову*). Что вам угодно?

П л а т о н о в. Извиняюсь... Публично прошу прощения... Сгораю от стыда на пятидесяти кострах!.. Давайте же руку... Клянусь честью, что искренно. (*Берет ее руку.*) Помиримся... Не будем хныкать... Мир? (*Целует руку.*)

Г р е к о в а. Мир. (*Закрывает платком лицо и убегает. За ней уходит Трилецкий.*)

Я В Л Е Н И Е XII

Т е ж е, кроме Грековой и Трилецкого.

А н н а П е т р. Не думала, что вы позволите себе... Вы!

Г л а г о л ь е в I. Осторожность, Михаил Васильич, ради бога осторожность!

П л а т о н о в. Довольно. (*Садится на диван.*) Бог

с ней... Я сделал глупость, что заговорил с нею, а глупость не стоит того, чтобы о ней много говорили...

А н н а П е т р. Для чего Трилецкий пошел за ней? Не всем женщинам приятно, если видят их слезы.

Г л а г о л ь е в 1. Уважаю я в женщинах эту чуткость... Особенного ничего ведь вы... не сказали ей, кажется, но... Один намек, словечко...

А н н а П е т р. Нехорошо, Михаил Васильич, нехорошо.

П л а т о н о в. Я извинился, Анна Петровна.

Входят Войницев, Софья Егоровна и Венгерович 2.

Я В Л Е Н И Е Х И Ш

Т е ж е, Войницев, Софья Егоровна, Венгерович 2 и потом Трилецкий.

В о й н и ц е в (*вбегает*). Идет, идет! (*Поет.*) Идет!

Венгерович 2 становится у дверей, скрестив на груди руки.

А н н а П е т р. Наконец-то Софи надоел этот несносный зной! Милости просим!

П л а т о н о в (*в сторону*). Соня! Творец небесный, как она изменилась!

С о ф ь я Е г о р. Я так заболталась с т-ег Венгеровичем, что совершенно забыла про зной... (*Садится на диван на аршин от Платонова.*) Я в восторге от нашего сада, Сергей.

Г л а г о л ь е в 1 (*садится возле Софьи Егоровны*). Сергей Павлович!

В о й н и ц е в. Что прикажете?

Г л а г о л ь е в 1. Софья Егоровна, милейший мой друг, дала мне слово, что в четверг вы все будете у меня.

П л а т о н о в (*в сторону*). На меня посмотрела!

В о й н и ц е в. Мы и сдержим это слово. Прикатим к вам целой компанией...

Т р и л е ц к и й (*входит*). О, женщины, женщины! сказал Шекспир и сказал неправду. Нужно было сказать: ах вы, женщины, женщины!

А н н а П е т р. Где Марья Ефимовна?

Т р и л е ц к и й. Я ее в сад проводил. Пусть себе пошляется с горя!

Г л а г о л ь е в 1. Вы у меня еще ни разу не были, Софья Егоровна! У меня вам, надеюсь, понравится... Сад получше вашего, река глубокая, лошадки есть хорошие...

Пауза.

А н н а П е т р. Молчание... Дурак родился.

Смех.

С о ф ь я Е г о р. *(тихо Глагольеву, кивая на Платонова)*. Кто это такой? Вот этот, что рядом со мной сидит!

Г л а г о л ь е в 1 *(смеется)*. Это наш учитель... Фамилии не знаю.

Б у г р о в *(Трилецкому)*. Скажите мне на милость, Николай Иванович, вы всякие болезни лечить можете или не всякие?

Т р и л е ц к и й. Всякие.

Б у г р о в. И сибирку?

Т р и л е ц к и й. И сибирку

Б у г р о в. А ежели собака бешеная укусит, и это можете?

Т р и л е ц к и й. А вас бешеная собака укусила? *(Отодвигается от него.)*

Б у г р о в *(конфузится)*. Боже меня сохрани! Что это вы, Николай Иванович! Христос с вами!

Смех.

А н н а П е т р. Как к вам ехать, Порфирий Семенович? Через Юсновку?

Г л а г о л ь е в 1. Нет... Круг дадите, если поедете через Юсновку. Езжайте прямо на Платоновку. Я обитаю почти что в самой Платоновке, в двух верстах от нее.

С о ф ь я Е г о р. Я знаю эту Платоновку. Она все еще существует?

Г л а г о л ь е в 1. Как же...

С о ф ь я Е г о р. Я когда-то с ее помещиком была знакома, с Платоновым. Сергей, ты не знаешь, где теперь этот Платонов?

Платонов (в сторону). Спросила бы она у меня, где он.

Войничев. Кажется, знаю. Не помнишь ли, как его зовут? (Смеется.)

Платонов. Я тоже когда-то был с ним знаком. Его зовут, кажется, Михаилом Васильевичем.

Смех.

Софья Егор. Да, да... Его зовут Михаилом Васильичем. Когда я была с ним знакома, он был еще студентом, почти мальчиком... Вы смеетесь, господа... А я, право, ничего не нахожу остроумного в моих словах...

Анна Петр. (хохочет и указывает на Платонова). Да узнайте же его наконец, а то он лопнет от нетерпения!

Платонов поднимается.

Софья Егор. (поднимается и смотрит на Платонова). Да... он. Что же вы молчите, Михаил Васильич! Неужели... это вы?

Платонов. Не узнаете, Софья Егоровна? И не мудрено! Прошло четыре с половиной года, почти пять лет, а никакие крысы не в состоянии изгрызть так хорошо человеческую физиономию, как мои последние пять лет.

Софья Егор. (подает ему руку). Я теперь только начинаю узнавать вас. Как вы изменились!

Войничев (подводит к Софье Егоровне Сашу). А это, рекомендую тебе, его жена!.. Александра Ивановна, сестра остроумнейшего из людей — Николая Иваныча!

Софья Егор. (подает Саше руку). Очень приятно. (Садится.) Вы уж и женаты!.. Давно ли? Впрочем, пять лет...

Анна Петр. Молодец, Платонов! Он нигде не бывает, но всех знает. Это, Софи, рекомендую вам, наш друг!

Платонов. Этой роскошной рекомендации достаточно для того, чтобы иметь право спросить вас, Софья Егоровна, как вы вообще поживаете. Как ваше здоровье?

Софья Егор. Поживаю вообще очень сносно, но здоровье плоховато. Вы как поживаете? Что поделяваете теперь?

Платонов. Со мной судьба моя сыграла то, чего я ни в каком случае не мог предполагать в то время,

когда вы видели во мне второго Байрона, а я в себе будущего министра каких-то особенных дел и Христофора Колумба. Я школьный учитель, Софья Егоровна, только всего.

Софья Егор. Вы?

Платонов. Да, я...

Пауза.

Пожалуй, что немножко и странно...

Софья Егор. Невероятно! Почему же... Почему же не больше?

Платонов. Мало одной фразы, Софья Егоровна, чтобы ответить на ваш вопрос...

Пауза.

Софья Егор. Университет вы по крайней мере кончили?

Платонов. Нет. Я его бросил.

Софья Егор. Гм. Это все-таки не мешает вам быть человеком?

Платонов. Виноват... Я не понимаю вашего вопроса.

Софья Егор. Я неясно выразилась. Это вам не мешает быть человеком... тружеником, хочу сказать, на поприще... ну хоть, например, свободы, эмансипации женщин... Не мешает это вам быть служителем идеи?

Трилецкий *(в сторону)*. Завралась!

Платонов *(в сторону)*. Вот как! Гм... *(Ей.)* Как вам сказать? Пожалуй, что это и не мешает, но... чему же мешать-то? *(Смеется.)* Мне ничто не может мешать... Я лежачий камень. Лежачие камни сами созданы для того, чтоб мешать...

Входит Щербук.

Я В Л Е Н И Е X I V

Т е ж е и Щ е р б у к .

Щербук *(в дверях)*. Лошадям овса не давай: плохо везли!

Анна Петр. Ура! Мой кавалер пришел!

В с е. Павел Петрович!

Щ е р б у к (*молча целует у Анны Петровны и Саши руку, молча кланяется мужчинам, каждому отдельно, и отдает общий поклон*). Друзья мои! Скажите мне, недостойному субъекту, где та особа, видеть которую душа моя стремится? Подозрение имею и думаю, что эта особа — оне! (*Указывает на Софью Егоровну.*) Анна Петровна, позвольте мне просить вас отрекомендовать меня им, чтобы они знали, что я такой за человек!

А н н а П е т р. (*берет его под руку и подводит к Софье Егоровне*). Отставной гвардии корнет Павел Петрович Щербук!

Щ е р б у к. А касательно чувств?

А н н а П е т р. Ах да... Наш приятель, сосед, кавалер, гость и кредитор.

Щ е р б у к. Действительно! Друг первейший его превосходительства покойничка генерала! Под предводительством его брал крепости, именуемые женским полонезом. (*Кланяется.*) Позвольте ручку-с!

С о ф ь я Е г о р. (*протягивает руку и отдергивает ее назад*). Очень приятно, но... не нужно.

Щ е р б у к. Обидно-с... Вашего супруга на руках носил, когда он еще под стол пешком ходил... Я от него знак имею и знак сей в могилу унесу. (*Открывает рот.*) В-во! Зуба нет! Замечаете?

Смех.

Я его на руках держал, а он, Сереженька-то, пистолетом, коим забавляться изволил, мне по зубам реприманду устроил. Хе, хе, хе... Шалун! Вы его, матушка, не имею чести знать имени и отчества, в строгости содержите. Красотой своей вы мне одну картину напоминаете... Носик только не такой... Не дадите ручки?

Петрин подсаживается к Венгеровичу 1 и читает ему вслух газету.

С о ф ь я Е г о р. (*протягивает руку*). Если вы уж так...

Щ е р б у к (*целует руку*). Мерси вас! (*Платонову.*) Как здоровье, Мишенька? Молодец-то какой вырос! (*Садится.*) Я знал тебя еще в тот период, когда ты на свет божий с недоумением глядел... И все растет, и все

растет... Тьфу! чтоб не сглазить! Молодчина! Красавец-то какой! Ну чего, купидон, по военной не идешь?

П л а т о н о в. Грудью слаб, Павел Петрович!

Щ е р б у к (*указывает на Трилецкого*). Он сказал? Верь ему, свистуну, так без головы останешься!

Т р и л е ц к и й. Прошу не ругаться, Павел Петрович!

Щ е р б у к. Он мне поясницу лечил... Того не ешь, другого не ешь, на полу не спи... Ну и не вылечил. Я его и спрашиваю: «Зачем же ты деньги взял, а не вылечил?» А он и говорит: «Что-нибудь из двух, говорит, или лечить, или деньги брать». Каков молодец?

Т р и л е ц к и й. Для чего же врать, Вельзевул Буцефалович? Сколько вы мне дали денег, позвольте вас спросить? Припомните-ка, съездил я к вам шесть раз и получил только всего рубль, да еще порванный рубль. Хотел его нищему дать, да нищий не взял. «Порван, говорит, очень, номеров нет!»

Щ е р б у к. И ездил шесть раз не потому, что я болен был, а потому, что у моего арендатора дочка кельк шоз¹.

Т р и л е ц к и й. Платонов, ты близко к нему сидишь... Щелкни его раз от моего имени по лысине! Сделай милость!

Щ е р б у к. Отстань! Довольно. Не раздражай спящего льва! Молод еще, еле видим! (*Платонову.*) И отец твой был молодец! Мы с ним, с покойничком, большие друзья были. Штукарь он был! Теперь таких и нет проказников, какими мы с ним были... Эх! Прошло время... (*Петрину.*) Герася! Побойся всевышнего! Мы здесь беседеуем, а ты вслух читаешь! Имей деликатность!

Петрин продолжает читать.

С а ш а (*толкает Ивана Ивановича в плечо*). Папа! Папа, не спи здесь! Стыдно!

Иван Иванович просыпается и через минуту опять засыпает.

Щ е р б у к. Нет... Не могу я говорить!.. (*Встает.*) Его слушайте... Он читает!

---

¹ этакая (от *франц.* quelque chose).

Петрин (*встает и подходит к Платонову*). Что вы сказали-с?

Платонов. Решительно ничего...

Петрин. Нет, вы что-то сказали-с... Вы сказали что-то про Петрина.

Платонов. Вам приснилось, должно быть...

Петрин. Критикуете-с?

Платонов. Ничего я не говорил! Уверяю вас, что вам это приснилось!

Петрин. Можете говорить, сколько вам угодно... Петрин... Петрин... Что Петрин? (*Кладет газету в карман.*) Петрин, может быть, в университете обучался, кандидат прав, может быть... Вам это известно?.. Ученое звание за мною до гроба останется... Так-то-с. Надворный советник... Вам это известно? И пожил побольше вашего. Шестой десяточек, слава богу, доживаю.

Платонов. Очень приятно, но... что же из этого следует?

Петрин. Поживите с мое, душенька, так узнаете! Жизнь пережить не шутка! Жизнь кусается...

Платонов (*пожимает плечами*). Право, не знаю, что вы хотите этим сказать, Герасим Кузьмич... Я вас не понимаю... Начали вы о себе, а с себя съехали на жизнь... Что может быть общего между вами и жизнью?

Петрин. Вот как ломает вас жизнь, потрясет хорошенечко, тогда сами на молодых с предостережением смотреть станете... Жизнь, сударь мой... Что такое жизнь? А вот что-с! Когда рождается человек, то идет на одну из трех дорог жизненных, кроме которых других путей не имеется: пойдешь направо — волки тебя съедят, пойдешь налево — сам волков съешь, пойдешь прямо — сам себя съешь.

Платонов. Скажите... Гм... Вы пришли к этому умозаключению путем науки, опыта?

Петрин. Путем опыта.

Платонов. Путем опыта... (*Смеется.*) Говорите, почтенный Герасим Кузьмич, кому-нибудь другому, а не мне... Вообще бы я вам советовал не говорить со мной о высоких материях... И смеюсь, и, ей-богу, не верю. Не верю я вашей старческой, самоделковой мудрости! Не верю, друзья моего отца, глубоко, слишком

искренно не верю вашим простым речам о мудреных вещах, всему тому, до чего вы дошли своим умом!

Петрин. Да-с... Действительно... Из молодого дерева все сделаешь: и домик, и корабль, и все... а старое, широкое да высокое, ни к черту не годится...

Платонов. Я не говорю вообще про стариков; я говорю про друзей моего отца.

Глагольев 1. Я тоже был другом вашего отца, Михаил Васильич!

Платонов. Мало ли у него было друзей... Бывало, весь двор был запружен каретами да колясками.

Глагольев 1. Нет... Но, значит, и мне вы не верите? *(Хохочет.)*

Платонов. Гм... Как вам сказать?.. И в вас, Порфирий Семеныч, плохо верю.

Глагольев 1. Да? *(Протягивает ему руку.)* Спасибо, дорогой мой, за откровенность! Ваша откровенность еще более привязывает меня к вам.

Платонов. Вы добряк. Я даже глубоко уважаю вас, но... но...

Глагольев 1. Пожалуйста, говорите!

Платонов. Но... но нужно быть слишком доверчивым, чтобы веровать в тех фонвизинских солидных Стародумов и сахарных Милонов, которые всю свою жизнь ели щи из одной чашки со Скотиниными и Простаковыми, и в тех сатрапов, которые только потому и святы, что не делают ни зла, ни добра. Не рассердитесь, пожалуйста!

Анна Петр. Не люблю подобных бесед, а в особенности, если они ведутся Платоновым... Всегда плохо оканчиваются. Михаил Васильич, рекомендую вам нашего нового знакомого! *(Указывает на Венгеровича 2.)* Исак Абрамович Венгерович, студент...

Платонов. А... *(Встает и идет к Венгеровичу 2.)* Очень приятно! Очень рад. *(Протягивает руку.)* Дорого я дал бы теперь, чтобы иметь право опять называться студентом...

Пауза.

Я руку вам подаю... Берите же мою или давайте мне свою...

Венгерович 2. Я не сделаю ни того, ни другого...

П л а т о н о в. Что?

В е н г е р о в и ч 2. Я не подам вам своей руки.

П л а т о н о в. Загадка... Почему-с?

А н н а П е т р. *(в сторону)*. Черт знает что!

В е н г е р о в и ч 2. Потому что я имею на это основание. Я презираю таких людей, как вы!

П л а т о н о в. Брависсимо... *(Осматривает его.)*
Я сказал бы вам, что это мне ужасно нравится, если бы это не пощекотало вашего самолюбия, которое нужно поберечь для будущего...

Пауза.

Вы смотрите на меня, точно великан на пигмея. Может быть, вы и в самом деле великан.

В е н г е р о в и ч 2. Я честный человек и не пошляк.

П л а т о н о в. С чем вас и поздравляю... Странно было бы видеть в молодом студенте нечестного человека... О вашей честности вас никто и не спрашивает... Не дадите руки, юноша?

В е н г е р о в и ч 2. Я не подаю милостыни.

Трилецкий шикает.

П л а т о н о в. Не подаете? Ваше дело... Я о приличии говорю, а не о милостыне... Сильно презираете?

В е н г е р о в и ч 2. Насколько это возможно для человека, всей душой ненавидящего пошлость, тунеядство, фиглярство...

П л а т о н о в *(вздыхает)*. Давно уж я не слышал таких речей... Что-то слышится родное в звонких песнях ямщика!.. И я когда-то был мастером рассыпаться... Только, к сожалению, все это фразы... Милые фразы, но только фразы... Чутьочку бы искренности... Фальшивые звуки ужасно действуют на непривычное ухо...

В е н г е р о в и ч 2. Не прекратить ли нам этот разговор?

П л а т о н о в. Для чего? Нас охотно слушают, да и мы еще не успели надоесть друг другу... Давайте побеседуем в том же духе...

Ббегает В а с и л и й и за ним О с и п.

ЯВЛЕНИЕ XV

Т е ж е и О с и п.

О с и п (*входит*). Кгм... Честь имею и удовольствие поздравить ваше превосходительство с приездом...

Пауза.

Желаю вам всего того, что вы от бога желаете.

Смех.

П л а т о н о в. Кого вижу?! Чертов кум! Самый страшный из людей! Ужаснейший из смертных.

А н н а П е т р. Скажите пожалуйста! Вас недоставало! Зачем пришел?

О с и п. Поздравить.

А н н а П е т р. Очень нужно! Проваливай!

П л а т о н о в. Ты ли это, во тьму ночей и в свет дня вселяющий грозный ужас! Давно уж я не видел тебя, человекоубийца, шестьсот шестьдесят шесть! Ну, приятель? Распространись о чем-нибудь! Вонмем великому Осипу!

О с и п (*кланяется*). С приездом, ваше превосходительство! Сергею Павлычу! С браком с законным! Дай бог, чтоб все... что касательно семейства, выходило лучше... всего! Дай бог!

В о й н и ц е в. Спасибо! (*Софье Егоровне.*) Это, Софи, рекомендую тебе, наше войнищевское пугало!

А н н а П е т р. Не держите его, Платонов! Пусть уходит! Я на него сердита. (*Осипу.*) Скажешь на кухне, чтобы тебе дали пообедать... Экие ведь какие зверские глаза. Много за зиму нашего леса накрал?

О с и п (*смеется*). Деревца три, четыре...

Смех.

А н н а П е т р. (*смеется*). Врешь, больше! У него и цепочка есть! Скажите! Это золотая цепочка? Позвольте узнать, который час?

О с и п (*смотрит на стенные часы*). Двадцать две минуты второго... Позвольте мне вашу ручку поцеловать!

А н н а П е т р. (*подносит к его губам руку*). На, целуй...

О с и п (*целует руку*). Очень вам благодарен, ваше превосходительство, за ваше сочувствие! (*Кланяется.*) Что вы за меня держитесь, Михаил Васильич?

П л а т о н о в. Боюсь, чтобы ты не ушел. Люблю тебя, милый! Какой молодец, черт тебя задери совсем! Каким это образом, мудрый, тебя угораздило попасть сюда?

О с и п. За дураком гнался, за Василием, да и зашел кстати.

П л а т о н о в. Умный гнался за дураком, а не наоборот! Честь имею, господа, представить! Интереснейший субъект! Одно из интереснейших кровожадных животных современного зоологического музея! (*Поворачивает Осипа на все стороны.*) Известен всем и каждому как Осип, конокрад, чужеяд, человекоубийца и вор. Родился в Войницевке, грабил и убивал в Войницевке и пропадает в той же Войницевке!

Смех.

О с и п (*смеется*). Чудной вы человек, Михаил Васильич!

Т р и л е ц к и й (*рассматривает Осипа*). Чем занимаешься, любезный?

О с и п. Воровством.

Т р и л е ц к и й. Гм... Приятное занятие... Какой же ты, однако, циник!

О с и п. Что значит циник?

Т р и л е ц к и й. Циник слово греческое, в переводе на твой язык значущее: свинья, желающая, чтобы весь свет знал, что она свинья.

П л а т о н о в. Он улыбается, боги! Что это за улыбка! А лицо-то, лицо! В этом лице сто пудов железа! Не скоро разобьешь его о камень! (*Подводит его к зеркалу.*) Посмотри-ка, чудовище! Видишь? И ты не удивишься?

О с и п. Самый обыкновенный человек! Даже хуже...

П л а т о н о в. Будто бы? А не богатырь? Не Илья Муромец? (*Хлопает его по плечу.*) О храбрый, победоносный росс! Что мы теперь значим с тобой? Шляемся из угла в угол мелкими людишками, чужеядами, места своего не знаем... Нам бы с тобой пустыню с витязями, нам

бы с тобой богатырей со стопудовыми головами, с шипом, с посвистом! Уколотил бы Соловья Разбойника? а?

О с и п. А кто ж его знает!

П л а т о н о в. Уколотил бы! Ведь у тебя силища! Это не мускулы, а канаты. Кстати, отчего ты не на каторге?

А н н а П е т р. Кончите, Платонов! Право, надоело.

П л а т о н о в. Ты сидел хоть раз в остроге, Осип?

О с и п. Случается... Каждую зиму сижу.

П л а т о н о в. Так и следует... В лесу холодно — иди в острог. Но отчего же ты не на каторге?

О с и п. Не знаю... Пустите, Михаил Васильич!

П л а т о н о в. Ты не от мира сего? Ты вне времени и пространства? Ты вне обычаев и закона?

О с и п. Позвольте-с... В законе написано, что только тогда пойдешь в Сибирь, когда на тебя обстоятельства докажут или на месте преступления поймают... Всякому, положим, известно, что я, положим, вор да разбойник (*смеется*), да не всякий доказать это может... Гм... не смел nonче народ стал, глуп, не умный то есть... Бойтся всего... Ну и доказать боится... Выслать бы мог, да законов не понимает... Все ему страшно... Осел nonче народ стал, одним словом... Все нороят исподтишка, артелью... Пакостный народ, плевый... Невежество... И обижать такой народ не жалко...

П л а т о н о в. Как он важно рассуждает, подлец! Своим умом дошел, отвратительное животное! И он ведь на основании теорий... (*Вздыхает.*) Какая гадость еще возможна в России!..

О с и п. Не один так рассуждаю, Михаил Васильич! Все nonче так рассуждают. Да вот, например, хоть Абрам Абрамыч...

П л а т о н о в. Да, но и этот тоже незаконный... Всяк знает, да не всяк докажет.

В е н г е р о в и ч I. Меня, полагаю, можно оставить в покое...

П л а т о н о в. Про него и толковать нечего. Это подобие твое; разница только в том, что он умней тебя и счастлив, как аркадский пастушок. Ну и... в глаза нельзя назвать, а тебя можно. Одного поля ягоды, но... Шесть-

десять кабаков, друг мой, шестьдесят кабаков, а у тебя и шестидесяти копеек нет!

Венгерович I. Шестьдесят три кабака.

Платонов. Через год будет семьдесят три... Оп благодеяния делает, обеды дает, всеми уважаем, все перед ним шапку ломают, ну а ты... ты великий человек, но... жить, брат, не умеешь! Не умеешь жить, вредный человек!

Венгерович I. Вы начинаете фантазировать, Михаил Васильич! *(Встает и садится на другой стул.)*

Платонов. На этой голове и громоотводов больше... Проживет преспокойно еще столько же, сколько и жил, если не больше, и умрет... и умрет ведь спокойно!

Анна Петр. Перестаньте, Платонов!

Войницев. Помирней, Михаил Васильич! Осип, уходи отсюда! Своим присутствием ты только раздражаешь платоновские инстинкты.

Венгерович I. Ему хочется выгнать меня отсюда, но не удастся!

Платонов. Удастся! Не удастся, сам уйду.

Анна Петр. Платонов, вы не перестанете? Вы не распространяйтесь, а прямо говорите: перестанете вы или нет?

Саша. Замолчи, ради бога! *(Тихо.)* Неприлично! Ты меня срамишь!

Платонов *(Осипу)*. Проваливай! От души желаю тебе скорейшего исчезновения!

Осип. У Марфы Петровны есть попугайчик, который всех людей да собак называет дураками, а как завидит коршуна или Абрам Абрамыча, то и кричит: «Ах ты проклятый!» *(Хохочет.)* Прощайте-с! *(Уходит.)*

Я В Л Е Н И Е [XVI]

Т е ж е без Осипа.

Венгерович I. Кто бы, да не вы, молодой человек, позволяли себе читать мне мораль и еще в такой форме. Я гражданин, и, скажу правду, полезный гражданин... Я отец, а вы кто? Кто вы, молодой человек?

Извините, хлыщ, промотавшийся помещик, взявший в свои руки святое дело, на которое вы не имеете ни малейшего права как испорченный человек...

П л а т о н о в. Гражданин... Если вы гражданин, то это очень нехорошее слово! Ругательное слово!

А н н а П е т р. Он не перестанет! Платонов, зачем отравлять нам день своим резонерством? Зачем говорить лишнее? И имеете ли вы право?

Т р и л е ц к и й. Непокойно живется с этими справедливейшими и честнейшими... Всюду вмешиваются, везде у них дело, все до них касается...

Г л а г о л ь е в I. Начали, господа, о здравии, а оканчиваете за упокой...

А н н а П е т р. Не следует, Платонов, забывать того, что если гости бранятся, то хозяева чувствуют себя очень неловко...

В о й н и ц е в. Это справедливо, а посему с этой же минуты всеобщее тссс... Мир, согласие и тишина!

В е н г е р о в и ч I. Не дает и минуты покоя! Что я ему сделал? Это шарлатанство!

В о й н и ц е в. Тссс...

Т р и л е ц к и й. Пусть себе бранятся! Нам же веселей.

Пауза.

П л а т о н о в. Как поглядишь вокруг себя да подумаешь серьезно, в обморок падаешь!.. И что хуже всего, так это то, что все мало-мальски честное, сносное молчит, мертвецки молчит, только смотрит... Все смотрит на него с боязнью, все кланяется до земли этому ожиревшему, позолоченному выскочке, все обязано ему от головы до пяток! Честь в трубу вылетела!

А н н а П е т р. Успокойтесь, Платонов! Вы начинаете прошлогоднюю историю, я не выношу этого!

П л а т о н о в (*пьет воду*). Ладно. (*Садится*.)

В е н г е р о в и ч I. Ладно.

Пауза.

Щ е р б у к. Мученик я, друзья мои, мученик!

А н н а П е т р. Что там еще?

Щ е р б у к. Горе мне, друзья мои! Лучше в гробу лежать, чем с женою-ехидною жить! Опять материя была!

Чуть не убила меня неделю тому назад со своим дьяволом, рыжим Дон-Жуаном. Сплю я себе на дворе под яблонькой, сны вкушаю, на прошлые картины во сне с завистью поглядываю... (*Вздыхает.*) Вдруг... Вдруг как шарахнет меня кто-то по голове моей! Господи! Конеч, думаю, пришел! Землетрясение, борьба стихий, потоп, дождь огненный... Открываю глаза, а передо мной рыжий... Схватил меня рыжий за бока, да как даст со всего размаху по этим местам, а потом — шлеп меня о землю! Подскочила, лютая... Схватила меня за мою невинную бороду (*хватает себя за бороду*), а тут не пообедаешь! (*Бьет себя по лысине.*) Чуть не убили... Думал, что богу душу отдам...

А н н а П е т р. Вы преувеличиваете, Павел Петрович...

Щ е р б у к. Старуха ведь, старей всех на свете, ни кожи ни рожи у старой кочерги, а туда же... любовь! Ах ты ведьма! А рыжему это и на руку. Ему денежки нужны мои, а любовь ее ему не нужна...

Я к о в входит и подает Анне Петровне визитную карточку.

В о й н и ц е в. От кого это?

А н н а П е т р. Перестаньте, Павел Петрович! (*Читает.*) «Comte Glagolief»¹. К чему эти церемонии? Пожалуйста, проси. (*Глагольеву 1.*) Ваш сын, Порфирий Семеныч!

Г л а г о л ь е в 1. Мой сын?! Откуда он мог взяться? Он за границей!

Входит Г л а г о л ь е в 2.

Я В Л Е Н И Е [XVIII]

Т е ж е и Г л а г о л ь е в 2.

А н н а П е т р. Кирилл Порфирыч! Как это любезно!

Г л а г о л ь е в 1 (*встает*). Ты, Кирилл... приехал! (*Садится.*)

¹ Граф Глагольев (*франц.*).

Г л а г о л ь е в 2. Здравствуйте, mesdames! Платонову, Венгеровичу, Трилецкому... И чудак Платонов здесь... Салют, почет и уважение! Ужасно жарко в России... Прямо из Парижа! Прямехонько из французской земли! Ф-ф... Не верите? Честное и благородное слово! Домой только чемодан завез... Ну, да и Париж же, господа! Вот город!

В о й н и ц е в. Садитесь, французский человек!

Г л а г о л ь е в 2. Нет, нет, нет. Я не в гости приехал, а так только... Мне одного только отца нужно видеть... (Отцу.) Ты что же это, послушай?

Г л а г о л ь е в 1. Что такое?

Г л а г о л ь е в 2. Ты ссориться хочешь? Ты зачем не прислал мне денег, когда я просил, а?

Г л а г о л ь е в 1. Дома об этом потолкуем.

Г л а г о л ь е в 2. Почему ты не прислал мне денег? Ты смеешься? Тебе всё шутки? Ты шутишь? Господа, можно за границей жить без денег?

А н н а П е т р. Как вам жилось в Париже? Вы сядьте, Кирилл Порфирьич!

Г л а г о л ь е в 2. По его милости я воротился с одной только зубочисткой! Я послал ему из Парижа тридцать пять телеграмм! Почему ты не присылал мне денег, я тебя спрашиваю? Краснеешь? Стыдно?

Т р и л е ц к и й. Не кричите, пожалуйста, ваше сиятельство! Будете кричать, пошлю судебному следователю вашу визитную карточку и привлеку вас к судебной ответственности за присвоение не принадлежащего вам графского титула! Неприлично!

Г л а г о л ь е в 1. Не делай, Кирилл, скандала! Я полагал, что шести тысяч будет достаточно. Успокойся!

Г л а г о л ь е в 2. Дай мне денег, я опять поеду! Давай сейчас! Сейчас давай! Еду! Давай скорей! Я спешу!

А н н а П е т р. Куда вы так спешите? Успеете! Расскажите-ка нам лучше что-нибудь из своего путешествия...

Я к о в (входит). Готово-с!

А н н а П е т р. Да? В таком случае, господа, идемте есть!

Т р и л е ц к и й. Есть? Ур-а-а-а! (Хватает одной

рукой за руку Сашу, а другой Глагольева 2 и бежит.)

С а ш а. Пусти, сорванец! Я сама пойду!

Г л а г о л ь е в 2. Пустите! Что за свинство! Я не люблю шуток! *(Вырывается.)*

Саша и Трилецкий убегают.

А н н а П е т р. *(берет Глагольева 2 под руку)*. Пойдемте-ка, парижанин! Нечего кипятиться попусту! Абрам Абрамыч, Тимофей Гордеич... Прошу! *(Уходит с Глагольевым 2.)*

Б у г р о в *(встает и потягивается)*. Пока дождешься этого завтрака, так весь слюной изойдешь. *(Уходит.)*

П л а т о н о в *(подает Софье Егоровне руку)*. Вы позволите? Какие у вас удивленные глаза! Для вас этот мир — неведомый мир! Это мир *(тише)* глупцов, Софья Егоровна, глупцов набитых, невылазных, безнадежных... *(Уходит с Софьей Егоровной.)*

В е н г е р о в и ч 1 *(сыну)*. Теперь видел?

В е н г е р о в и ч 2. Это оригинальнейший негодяй! *(Уходит с отцом.)*

В о й н и ц е в *(толкает Ивана Ивановича)*. Иван Иваныч! Иван Иваныч! Завтракать!

И в а н И в а н о в и ч *(вскакивает)*. А? Кто?

В о й н и ц е в. Никто... Завтракать идемте!

И в а н И в а н о в и ч. Очень хорошо, душенька! *(Уходит с Войницевым и Щербуком.)*

Я В Л Е Н И Е [XVIII]

П е т р и н и Г л а г о л ь е в 1.

П е т р и н. Хочешь?

Г л а г о л ь е в 1. Я не прочь... Я уже говорил тебе!

П е т р и н. Голубчик... Непременно женишься?

Г л а г о л ь е в 1. Не знаю, братец. Захочет ли она еще?

П е т р и н. Захочет! Побей меня бог, захочет!

Г л а г о л ь е в 1. Кто знает? Предполагать не следует... Чужая душа потемки. Ты-то чего так хлопочешь?

Петрин. О ком же мне хлопотать, душенька? Ты человек хороший, она такая славная... Хочешь, я с ней поговорю?

Глагольев I. Я и сам поговорю. Ты молчи пока и... если можно, пожалуйста, не хлопочи! Я и сам сумею жениться. *(Уходит.)*

Петрин *(один)*. Вот если б сумел! Святые угодники, войдите в мое положение!.. Выйди генеральша за него, я богатый человек! По векселям получу, святые угодники! Даже аппетит пропал от этой радостной мысли. Венчаются рабы божии Анна и Порфирий, или, то бишь, Порфирий и Анна...

Входит Анна Петровна.

ЯВЛЕНИЕ [XIX]

Петрин и Анна Петровна.

Анна Петр. Вы же чего не идете завтракать?

Петрин. Матушка, Анна Петровна, можно вам намек сделать?

Анна Петр. Делайте, только поскорей, пожалуйста... Мне некогда...

Петрин. Гм... Не дадите вы мне немножко денег, матушка?

Анна Петр. Какой же это намек? Это далеко не намек. Сколько вам нужно? Рубль, два?

Петрин. Сделайте умаление векселям. Надоело глядеть на векселя эти... Векселя — это одна только обманчивость, мечта туманная. Они говорят: ты владеешь! А на деле-то выходит, что ты вовсе не владеешь.

Анна Петр. Вы все про те же шестнадцать тысяч толкуете? Как вам не стыдно? Неужели вас ничто не корбит, когда вы клянчите этот долг? Как вам не грешно? На что вам, старику холостому, сдались эти нехорошие деньги?

Петрин. Они мне сдались, потому что они мои, матушка.

Анна Петр. Вы эти векселя выманили у моего мужа, когда он был не трезв, болен... Вы это помните?

Петрин. Что ж такое, матушка? А на то они и векселя, чтоб по ним денежки требовались и платились. Деньги счет любят.

Анна Петр. Хорошо, хорошо... Довольно. Денег у меня нет и не будет для вашего брата! Убирайтесь, протестуйте! Эх вы, кандидат прав! Ведь вы на днях умрете, для чего же мошенничаете? Чудак вы!

Петрин. Можно вам, матушка, намек сделать?

Анна Петр. Нельзя. *(Идет к двери.)* Ступайте жевать!

Петрин. Позвольте, матушка! Родненькая, на минуточку. Вам Порфиша нравится?

Анна Петр. Вам какое дело? Какое вам дело до меня, кандидат вы этакий!

Петрин. Какое дело? *(Бьет себя по груди.)* А кто, позвольте вас спросить, первым другом покойного генерал-майора был? Кто ему глаза на смертном одре закрыл?

Анна Петр. Вы, вы, вы! Молодец вы за это!

Петрин. Пойду выпью за упокой его души... *(Вздыхает.)* И за ваше здравие! Горды и надменны, сударыня! Гордость порок есть... *(Уходит.)*

Входит Платонов.

ЯВЛЕНИЕ XX

Анна Петровна и Платонов.

Платонов. Черт знает что за самолюбие! Его гонишь, а он сидит как ни в чем не бывало... Вот уж воистину хамское барышническое самолюбие! О чем мыслите, превосходительная?

Анна Петр. Вы успокоились?

Платонов. Успокоился... Но не будем сердиться... *(Целует ее руку.)* Все они, наша дорогая генеральша, достойны того, чтобы всякий имел право выгнать их из вашего дома...

Анна Петр. С каким удовольствием я сама бы, невыносимый Михаил Васильич, прогнала этих гостей!.. В том и вся наша беда, что честь, о которой вы сегодня трактовали на мой счет, удобоварима только в теории, но

никак не в практике. Ни я и ни ваше красноречие не имеем права прогнать их. Ведь все это наши благодетели, кредиторы... Погляди я на них косо — и завтра же нас не будет в этом имении. Или имение, или честь, как видите... Выбираю имение... Понимайте это, милый пустослов, как хотите, и если вам угодно, чтобы я не уехала из прекрасных здешних мест, то не напоминайте мне о чести и не трогайте моих гусей... Меня зовут там... Сегодня после обеда едем кататься... Не смей уходить! *(Бьет его по плечу.)* Заживем! Идемте есть! *(Уходит.)*

П л а т о н о в *(после паузы)*. А все-таки я его выгоню... Я всех выгоню!.. Глупо, нетактично, но выгоню... Дал себе слово не трогать этого свинства, но что поде-лаешь? Характер — стихия, а бесхарактерность и по-давно...

Входит Венгерович 2.

ЯВЛЕНИЕ XXI

Платонов и Венгерович 2.

Венгерович 2. Послушайте, господин учитель, я советовал бы вам не трогать моего отца.

Платонов. Мерси за совет.

Венгерович 2. Я не шучу. Мой отец знаком с очень многими и поэтому легко может лишить вас места. Я вас предостерегаю.

Платонов. Великодушный юноша! Как вас зовут?

Венгерович 2. Исаак.

Платонов. Абрам, значит, роди Исака. Благодарю вас, великодушный юноша! В свою очередь, потрудитесь передать вашему папаше, что я желаю ему и его многим провалиться сквозь землю! Идите кушать, а то там все поедят без вас, юноша!

Венгерович 2 *(пожимает плечами и идет к двери)*. Странно, если не глупо... *(Останавливается.)* Не думаете ли вы, что я сержусь на вас за то, что вы не даете покоя моему отцу? Ничуть. Я поучаюсь, а не сержусь... Я изучаю на вас современных Чацких, и... я понимаю вас! Если бы вам было весело, если бы не было так бездельни-

чески скучно, то, поверьте, вы не трогали бы моего отца. Вы, господин Чацкий, не правды ищете, а увеселяетесь, забавляетесь... Дворни у вас теперь нет, надо же кого-нибудь распекать. Ну и распекаете всех и вся...

П л а т о н о в (*смеется*). Ей-богу, славно! А у вас, знаете ли, есть этакое маленькое соображение...

В е н г е р о в и ч 2. Замечательно то отвратительное обстоятельство, что вы никогда не ссоритесь с моим отцом с глазу на глаз, *tête-à-tête*; вы выбираете для своих увеселений гостиную, где бы вы были видны глупцам во всем своем величии! О, театр!

П л а т о н о в. Желал бы я поговорить с вами лет через десять, даже пять... Как-то вы сохранитесь? Останется ли нетронутым этот тон, этот блеск очей? А ведь попортитесь, юноша! По наукам у вас хорошо идут дела?.. По лицу вижу, что плохо... Попортитесь! Впрочем, идите есть! Я не буду больше беседовать с вами. Мне не нравится ваша злая физиономия...

В е н г е р о в и ч 2 (*смеется*). Эстетик. (*Идет к двери.*) Лучше злая физиономия, чем физиономия, напрашивающаяся на пощечину.

П л а т о н о в. Да, лучше... Но... ступайте есть!

В е н г е р о в и ч 2. Мы не знакомы... Не забудьте, пожалуйста... (*Уходит.*)

П л а т о н о в (*один*). Мало знающий, много думающий и из-за угла много говорящий юноша. (*Смотрит в дверь столовой.*) По сторонам смотрит... Меня ищет своими бархатными глазами. Какая она еще хорошенькая! Сколько в ее лице красивого! Волосы все те же! Тот же цвет, та же прическа... Сколько раз приходилось мне целовать эти волосы! Славные воспоминания навевает на меня эта головка...

Пауза.

Неужели и для меня уже настала пора довольствоваться одними только воспоминаниями?

Пауза.

Воспоминания вещь хорошая, но... неужели мне-то... уж конец? Ох, не дай бог, не дай бог! Лучше смерть... Надо жить... Жить еще... Молод я еще!

Входит В о й н и ц е в.

Платонов и Войницев и потом Трилецкий.

Войницев (*входит и вытирает губы салфеткой*).
Идемте за здоровье Софи пить, нечего прятаться!..
Ну что?

Платонов. Смотрю и люблюсь на вашу супругу...
Чудо барыня!

Войницев смеется.

Большой вы счастливец!

Войницев. Да... Я сознаю... Я счастлив. Не то чтобы счастлив, а с точки зрения... нельзя сказать, чтобы совершенно. Но вообще очень счастлив!

Платонов (*смотрит в дверь столовой*). Я давно уже знаю ее, Сергей Павлович! Я ее знаю как свои пять пальцев. Как она хороша, но как она была хороша! Жаль, что вы ее не знали тогда! Как она хороша!

Войницев. Да.

Платонов. Глаза-то!

Войницев. А волосы?!

Платонов. Она была чудной девушкой! (*Смеется*.) А моя-то Саша, моя Авдотья, Матрена, Пелагея. Вон она сидит! Чуть видна из-за графина с водкой! Раздражена, взволнована, возмущена моим поведением! Терзается, бедная, мыслью, что все теперь осуждают и ненавидят меня за то, что я поругался с Венгеровичем!

Войницев. Извини за нескромность вопроса. Ты счастлив с ней?

Платонов. Семья, брат... Отними ты у меня ее, и я, кажется, окончательно пропал... Гнездо! Поживешь, узнаешь. Жаль только, что ты мало собачился, цены семье не знаешь. Я свою Сашку и за миллион не продам. Мы с ней сошлись как нельзя лучше... Она глупа, а я никуда не годен...

Трилецкий входит.

(*Трилецкому*.) Натрескался?

Трилецкий. Страсть. (*Бьет себя по животу*.) Твердыня! Пойдемте-ка, гуси лапчатые, выпьем, надо бы, господа, для приезда господ... Эх, братцы... (*Обнимает их обоих вместе*.) Да и выпьем же! Эх! (*Потягивается*.)

Эх! Жизнь наша человеческая! Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых... (*Потягивается.*) Гуси вы лапчатые! Жулики!..

П л а т о н о в. У своих больных ты сегодня был?

Т р и л е ц к и й. Об этом после... Или вот что, Мишель... Говорю тебе раз навсегда. Меня не трогай! Надоел ты мне пуще горькой редьки своими поучениями. Будь человеколюбив! Убедись наконец, что я стена, а ты горох! Или уж если тебе так приспичило, если чешется твой язык, то изложи мне письменно все то, что тебе нужно. Наизусть выучу! Или наконец даже читай мне поучения в определенный час. Даю тебе час в сутки... От четырех до пяти пополудни, например... Хочешь? Я даже платить тебе буду по рублю за этот час. (*Потягивается.*) Целый день, целый день...

П л а т о н о в (*Войницеву*). Объясни мне, пожалуйста, что значит объявление в «Ведомостях»? Неужели в самом-таки деле пришла пора?

В о й н и ц е в. Нет, не беспокойся! (*Смеется.*) Это маленькая коммерческая комбинация... Будут торги, и имение наше купит Глагольев. Порфирий Семеныч освободит нас от банка, и мы ему, а не банку, будем платить проценты. Это его выдумка.

П л а т о н о в. Не понимаю. Какая ему тут выгода? Дарит он, что ли? Не понимаю я этого подарка, да и едва ли он вам... нужен.

В о й н и ц е в. Нет... Впрочем, я сам не совсем понимаю. Спроси у татап, она растолкует... Знаю только, что имение после продажи останется за нами и что выплачивать за него мы будем Глагольеву. Матап сейчас же выдает ему своих пять тысяч в уплату. Во всяком случае, с банком не так удобно вести дела, как с ним. Ох, да и надоел же мне этот банк! Ты не надоел так Трилецкому, как мне надоел этот банк! Бросим коммерцию. (*Берет Платонова под руку.*) Пойдем выпьем за наше «ты»! Николай Иваныч! Пойдем, брат! (*Берет Трилецкого под руку.*) Выпьемте за наши хорошие отношения, друзья! Пусть судьба лишает меня всего. Пусть пропадут к черту все эти коммерческие комбинации! Были бы живы да здоровы люди, которых я люблю, вы, да моя Соня, да моя мачеха! В вас моя жизнь! Пойдем!

П л а т о н о в. Иду. Я выпью за все и выпью, должно быть, все! Я давно уже не был пьян, и мне хочется напиться.

А н н а П е т р. *(в дверь)*. О дружба, это ты! Хороша тройка! *(Поет.)* Запрягу ль я тройку борзых...

Т р и л е ц к и й. Темно-карих лошадей... С коньяка начинать, ребята!

А н н а П е т р. *(в дверь)*. Идите, дармоеды, есть! Простыло все!

П л а т о н о в. Ох, о дружба, это ты! Всегда везло мне в любви, но никогда не везло в дружбе. Боюсь, господа, чтоб и вам не пришлось плакать от моей дружбы. Выпьем за благополучный исход всех дружб, в том числе и нашей! Да будет конец ее так же не бурен и постепенен, как и начало! *(Уходит в столовую.)*

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сад. На первом плане цветник с круговой аллеей. В центре цветника статуя. На голове статуи плошка. Скамьи, стулья, столики. Направо фасад дома. Крыльцо. Окна открыты. Из окон несутся смех, говор, звуки рояля и скрипки (кадриль, вальсы и проч.). В глубине сада китайская беседка, увешанная фонарями. Над входом в беседку вензель с литерами «С. В.». За беседкой игра в кегли, слышны катанье шаров и возгласы: «Пять хороших! Четыре нехороших!» и т. п. Сад и дом освещены. По саду снуют гости и прислуга. В а с и л и й и Я к о в *(в черных фраках, пьяные)* развешивают фонари и зажигают плошки.

ЯВЛЕНИЕ I

Б у г р о в и Т р и л е ц к и й *(в фуражке с кокардой)*.

Т р и л е ц к и й *(выходит из дома под руку с Бугровым)*. Дай же, Тимофей Гордеич! Ну что тебе стоит дать? Взаимы ведь прошу!

Б у г р о в. Верьте богу, не могу-с! Не обижайте, Николай Иваныч!

Т р и л е ц к и й. Можешь, Тимофей Гордеич! Ты все можешь! Ты можешь всю вселенную купить и выкупить, только не хочешь. Ведь займы прошу! Пойми ты, чудак! Честное слово, не отдам!

Б у г р о в. Видите-с, видите-с? Проговорились касательно неотдачи!

Т р и л е ц к и й. Ничего не вижу! Вижу одно только твое бесчувствие. Дай, великий человек. Не дашь? Дай, тебе говорят! Прошу, умоляю наконец! Неужели ты такой бесчувственный? Где же твое сердце?

Б у г р о в (*вздыхает*). Э-хе-хех, Николай Иваныч! Исцелять-то вы не исцелите, а деньги тащите...

Т р и л е ц к и й. Ты хорошо сказал! (*Вздыхает.*) Ты прав.

Б у г р о в (*вынимает бумажник*). И насмешка тоже по вашей части... Чуть что, сейчас: ха-ха-ха! Нешто можно так? То-то, что не можно... Хоть необразованные, а все же крещеные, как и ваш брат ученый... Ежели я глупо говорю, то вы должны наставить, а не смеяться... Так-то. Мы люди мужики, не пудренные, кожа на нас дубленая, с нас мало и спрашивайте, извиняйте... (*Открывает бумажник.*) В последний раз, Николай Иваныч! (*Считает.*) Один... шесть... двенадцать...

Т р и л е ц к и й (*смотрит в бумажник*). Батюшки! А еще говорят, что у русских денег нет! Где ты их набрал столько?

Б у г р о в. Пятьдесят... (*Подает ему деньги.*) В последний раз.

Т р и л е ц к и й. А это что за бумажка? И ее ты дай. Она на меня так умильно смотрит! (*Берет деньги.*) Дай же и эту бумажку!

Б у г р о в (*дает еще*). Получите-с! Жадности в вас много, Николай Иваныч!

Т р и л е ц к и й. И все рублевики, и все рублевики... Милостыню ты собирал, что ли? А они у тебя не фальшивые?

Б у г р о в. Пожалуйте назад, ежели фальшивые!

Т р и л е ц к и й. Отдал бы назад, ежели бы они тебе были нужны... Мегсі, Тимофей Гордеич! Желаю тебе еще больше потолстеть и медаль получить. Скажи мне, пожалуйста, Тимофей Гордеич, зачем ты такую ненормальную

жизнь ведешь? Пьешь много, говоришь басом, потеешь, не спишь, когда следует... Например, отчего ты сейчас не спишь? Ты человек полнокровный, желчный, вспыльчивый, бакалейный, тебе рано ложиться нужно! У тебя и жил больше, чем у других. Можно ли так убивать себя?

Б у г р о в. Но?

Т р и л е ц к и й. Вот тебе и но! Впрочем, не пугайся... Шучу... Рано тебе еще умирать... Поживешь! Много у тебя денег, Тимофей Гордеич?

Б у г р о в. Хватит на наш век.

Т р и л е ц к и й. Хороший, умный ты человек, Тимофей Гордеич, но большой мошенник! Ты меня извини... Я по дружбе... Ведь мы друзья? Большой мошенник! Для чего ты векселя Войницева скупаешь? Для чего ему деньги даешь?

Б у г р о в. Не вашего ума это дело, Николай Иваныч!

Т р и л е ц к и й. Хочешь с Венгеровичем шахты генеральшины схватить? Генеральша, мол, сжалится над пасынком, не даст ему погибнуть, отдаст тебе свои шахты? Великий ты человек, но мошенник! Плут!

Б у г р о в. Вот что-с, Николай Иваныч... Я пойду усну где-нибудь около беседочки маленько, а вы, когда станут ужин подавать, меня и разбудите.

Т р и л е ц к и й. Прелестно! Иди спи.

Б у г р о в (*идет*). А ежели не будут ужина подавать, то разбудите в половину одиннадцатого! (*Уходит к беседке.*)

Я В Л Е Н И Е II

Т р и л е ц к и й и потом В о й н и ц е в.

Т р и л е ц к и й (*рассматривает деньги*). Мужиком пахнут... Надрал, каналья! Куда же мне их девать? (*Василию и Якову.*) Эй вы, вольнонаемники! Василий, позови сюда Якова, Яков, позови сюда Василия! Ползите сюда! Живо!

Я к о в и В а с и л и й подходят к Трилецкому.

Они во фраках! Ах, черт возьми! Ужасно вы на господ похожи! (*Дает Якову рубль.*) Это тебе рубль! (*Василию.*) Это тебе рубль! Это вам за то, что у вас носы длинные.

Яков и Василий (кланяются). Много довольны, Николай Иванович!

Трилецкий. Что же вы, славяне, качаетесь? Пьяны? Оба как веревки? Будет же вам от генеральши, коли узнает! По мордасам отлупит! (Дает еще по рублю.) Натe еще по рублю! Это за то, что тебя Яковом зовут, а его Василием, а не наоборот. Кланяйтесь! (Яков и Василий кланяются.) Совершенно верно! А это вам еще по рублю за то, что меня Николаем Ивановичем, а не Иваном Николаевичем зовут! (Дает еще.) Кланяйтесь! Так! Смотрите — не пропить! Горького лекарства пропишу! Ужасно вы на господ похожи! Ступайте фонари зажигать! Марш! Довольно с вас!

Яков и Василий отходят.
Войнищев проходит через сцену.

(Войнищеву.) На тебе три рубля!

Войнищев берет деньги, машинально кладет их в карман и уходит в глубину сада.

Трилецкий. Поблагодари же!

Выходят из дома Иван Иванович и Саша.

ЯВЛЕНИЕ III

Трилецкий, Иван Иванович и Саша.

Саша (входя). Боже мой! Когда же всему этому конец будет? И за что ты так наказал меня? Этот пьян, Николай пьян, Миша тоже... Хоть бы бога вы побоялись, бессовестные, если людей не стыдитесь! Все смотрят на вас! Мне-то, мне-то какво видеть, как все на вас пальцем указывают!

Иван Иванович. Не то, не то! Постой... Ты меня запутала... Постой...

Саша. Вас в благородный дом пускать нельзя! Не успели войти, как уже и пьяны! У, безобразный! А еще тоже старый! Ты должен пример им подавать, а не то что вместе с ними пить!

Иван Иванович. Постой, постой... Ты меня за-

путала... О чем бишь я? Да! И не лгу, брат Саша! Верь! Послужи я еще лет пять, генералом был бы! А что ты думаешь, не был бы генералом? Фи!.. *(Хочочет.)* С моим характером, да не быть генералом? С моим образованием? Не понимаешь же ты ничего после этого... Ты, значит, не понимаешь...

С а ш а. Пойдем! Генералы не пьют так.

И в а н И в а н о в и ч. От восторга все пьют! Был бы генералом! Да молчи ты, сделай милость! Вся в мать! Зу-зу-зу... Господи, ей-богу! Та, бывало, день и ночь, день и ночь... То не так, другое не так... Зу-зу-зу... О чем бишь я? Да! И вся ты в покойницу мать, моя крошечка! Вся ты... Вся... И глазки, и волосочки... И ходила та тоже так, как гусочка... *(Целует ее.)* Ангел мой! Вся ты в покойницу... Страсть как любил покойницу!

С а ш а. Будет тебе... Идем! Seriously, папа... Пора уже тебе оставить выпивку и скандалы. Предоставь это тем здоровилам... Они молодые, а тебе все-таки, старику, не к лицу, право...

И в а н И в а н о в и ч. Слушаю, друг мой! Понимаю! Не буду... Слушаю... Ну да, ну да... Понимаю... О чем бишь я?

Т р и л е ц к и й *(Ивану Ивановичу)*. На тебе, ваше высокоблагородие, сто копеек! *(Дает ему рубль.)*

И в а н И в а н о в и ч. Так-с... Беру, сын мой! Мерси... От чужого не возьму, но от сына своего всегда возьму... Возьму и возрадуюсь... Не люблю, деточки, чужих финансов. И, боже мой, как не люблю! Честен, дети! Честен ваш отец! В жизнь мою ни разу не грабил ни отечества, ни пенатов! А стоило только чуточку руку кое-куда запустить, и был бы богат и славен!

Т р и л е ц к и й. Похвально, но не нужно, отец, хвастать!

И в а н И в а н о в и ч. Не хвастаю я, Николай! Получаю, дети мои! Вразумляю... За вас ответ перед творцом дам!

Т р и л е ц к и й. Куда это вы?

И в а н И в а н о в и ч. Домой. Провожая вот эту жу-желицу... Проводи да проводи... Ввязалась... Вот и провожаю. Самой страшно. Я провожу ее, да опять сюда приду.

Т р и л е ц к и й. Разумеется, приходи. (Саше.) И тебе дать? На и тебе, и тебе на! Три целковых! Тебе три целковых!

С а ш а. Прибавь, кстати, и еще два, Мише на летние панталоны куплю, а то у него только одни. А хуже нет, как иметь одни. Во время стирки приходится надевать суконные...

Т р и л е ц к и й. Я ему никаких бы не дал, ни летних, ни суконных, если бы это от меня зависело: ходи как знаешь! Но что с тобой поделаешь? На, возьми еще два! (Дает деньги.)

И в а н И в а н о в и ч. О чем бишь я? Да... Как теперь помню... Ну да... В генеральном штабе служил, дети мои. Я головой против неприятеля действовал, мозгами турецкую кровь проливал... Штыка не знаю, нет, не знаю... Ну да...

С а ш а. Что же мы стоим? Пора уже. Прощай, Коля! Идем, папа!

И в а н И в а н о в и ч. Постой! Замолчи ты, Христа ради! Тар-тар-тар... Цысарка! Шкворец! Вот как жить надо, дети мои! Честно, благородно, беспорочно... Ну да, ну да... Владимира третьей степени получил...

С а ш а. Будет тебе, папа! Пойдем!

Т р и л е ц к и й. Мы и без разглагольствований знаем, что ты за человек... Ступай провожай!

И в а н И в а н о в и ч. Умнейший ты человек, Николай! Быть тебе Пироговым!

Т р и л е ц к и й. Ступай, ступай.

И в а н И в а н о в и ч. О чем бишь я? Да... Видал я Пирогова... Когда еще в Киеве был... Ну да, ну да... Умнейший человек... Ничего себе... Так я иду... Идем, Сашурка! Я, дети, ослабел... На панихиду похож стал... Ох, господи, прости нас, грешных! Согрешихом, согрешихом. Ну да, ну да... Грешен, деточки! Теперь Мамону служу, а в молодости богу не молился. Базаристей меня и человека не было... Материя! Штоф унд крафт! ¹ Ах, господи!.. Ну да... Молитесь, деточки, чтоб я не умер! Ты уж пошла, Сашурочка? Где ты? Вот где ты... Идем...

Анна Петровна смотрит в окно.

---

¹ Материя и сила (от нем. Stoff und Kraft).

Т р и л е ц к и й. А сам ни с места... Зарапортовался малый... Ну, ступайте! Мимо мельницы не ходите, собаки порвут.

С а ш а. На тебе, Коля, его фуражка. Отдай ему, а то простудится...

Т р и л е ц к и й (*снимает фуражку и надевает ее на отца*). Шествуй, старче! Налево кругом... марш!

И в а н И в а н о в и ч. По-лу-об-орот нааале...вво! Ну да, ну да... Справедлив ты, Николай! Видит бог, что ты справедлив! И Михайло, зять, справедлив! Вольнодумен, но справедлив! Иду, иду...

Идут.

Идем, Саша... Ты идешь? Дай я тебя понесу!

С а ш а. Вот еще глупости!

И в а н И в а н о в и ч. Дай я тебя понесу! Всегда я мать носил... Несу, бывало, а сам качаюсь... Раз с пригорка загремел с ней вместе... Засмеялась только, голубка, ничуть не рассердилась... Дай я тебя понесу!

С а ш а. Не выдумывай... Надень картуз как следует. (*Поправляет ему фуражку.*) Какой ты еще молодец у нас!

И в а н И в а н о в и ч. Ну да, ну да...

Уходят.

Входят П е т р и н и Щ е р б у к.

Я В Л Е Н И Е I V

Т р и л е ц к и й, П е т р и н и Щ е р б у к.

П е т р и н (*выходит из дому под руку с Щербуком*). Положи ты передо мной пятьдесят тысяч, и я украду... Честное слово, украду... Лишь бы только ничего за это не было... Украду... Положи перед тобой, и ты украдешь.

Щ е р б у к. Не украду, Герася! Нет!

П е т р и н. Положи рубль, и рубль украду. Честность! Фи-фи! Кому нужна твоя честность? Честный — значит, дурак...

Щ е р б у к. Я дурак... Пускай я дурак...

Т р и л е ц к и й. Натя вам, старцы, по рублю! (*Дает им по рублю.*)

Петрин (*берет деньги*). Давайте...

Щербук (*хохочет и берет деньги*). Мегсі, господин доктор!

Трилецкий. Напузырились, господа почтенные?

Петрин. Малость...

Трилецкий. А это вам еще по рублю на поминовение душ ваших! Ведь грешны? Берите же! Вам бы по кукишу следовало, да так уж ради праздника... расщедрюсь, черт возьми!

Анна Петр. (*в окно*). Трилецкий, дайте и мне рубль! (*Скрывается.*)

Трилецкий. Вам не рубль, а пять рублей, генерал-майорская вдова! Сейчас! (*Уходит в дом.*)

Петрин (*смотрит на окно*). Скрылась фея?

Щербук (*смотрит на окно*). Скрылась.

Петрин. Не терплю! Нехорошая женщина. Гордыни много... Женщина должна быть смиренная, уважительная... (*Качает головой.*) Видал Глагольева? Вот тоже еще чучело! Сидит, как гриб, на одном месте, молчит да глазами лупает! Разве так ухаживают за дамами?

Щербук. Женится!

Петрин. Когда он женится? Через сто лет? Покорнейше вас благодарю! Через сто лет мне не нужно.

Щербук. Не нужно, Герася, жениться ему, старику. Женился бы, коли уж так жениться понадобилось, на какой-нибудь простушечке... Он для нее не годится... Она молодая, огненная, дама европейская, образованная...

Петрин. Вот ежели б женился! То есть так мне этого хочется, что и выразить словесно не умею! Ведь у них ровно ничего нету от самой смерти покойничка генерала, царство ему небесное! Есть у ней шахты, да на те Венгерович метит... Где мне с Венгеровичем тягаться? Что я теперь могу получить по векселям с них? Протестуй я теперь, что я получу?

Щербук. Nihil ¹.

Петрин. А ежели она замуж за Глагольева пойдет, то я буду знать, с чего мне получить... Векселя сейчас

---

¹ Ничего (*лат.*).

протестую, запрещение наложу... Небось не даст пасынку погибнуть, выплатит. Эх-эх-ох! Исполнишь, мечтание мое! Шестнадцать тысяч, Павочка!

Щ е р б у к. А мне три тысячи... Приказывает моя ко-черга, чтоб я получил... Как я получу? Не умею я полу-чать... Это не мужики... Это друзья... Пусть сама едет сюда и получает... Пойдем, Герася, во флигель!

П е т р и н. Зачем?

Щ е р б у к. К дамскому полонезу баллады нашепты-вать...

П е т р и н. А Дуняша во флигеле?

Щ е р б у к. Там.

Идут.

У них веселей... (Поет.) Ах, как я несчастлив, пере-став жить в нем!

П е т р и н. Тик-ток, тик-ток... (Кричит.) Да-с! (Поет.) Год новый радостно встречаем в собранье искрен-них друзей...

Уходят.

Я В Л Е Н И Е V

В о й н и ц е в и С о ф ь я Е г о р о в н а выходят из глубины сада.

В о й н и ц е в. О чем ты думаешь?

С о ф ь я Е г о р. Право, не знаю.

В о й н и ц е в. Ты чуждаешься моей помощи... Не-ужели я не в состоянии помочь тебе? Что за тайны, Софи? Тайны от мужа... Гм...

Садятся.

С о ф ь я Е г о р. Какие тайны? Я сама не знаю, что во мне происходит... Не мучь себя понапрасну, Сергей! Не обращай внимания на мою хандру.

Пауза.

Уедем отсюда, Сергей!

В о й н и ц е в. Отсюда?

С о ф ь я Е г о р. Да.

В о й н и ц е в. Зачем?

С о ф ь я Е г о р. Хочу... Хоть за границу. Уедем?

В о й н и ц е в. Ты этого хочешь... Но зачем же?

Софья Егор. Здесь хорошо, здорово, весело, но не могу... Все идет хорошо, благополучно, только... уехать нужно. Ты дал слово не спрашивать.

Войницев. Завтра же уедем... Завтра же нас здесь не будет! *(Целует руку.)* Тебе здесь скучно! Да это и понятно! Я понимаю тебя! Черт знает что за среда! Петрины, Щербуки...

Софья Егор. Они не виноваты... Оставим их в покое.

Пауза.

Войницев. И откуда у вас, у женщин, берется столько тоски? Ну, чего тосковать? *(Целует жену в щеку.)* Полно! Будь весела! Живи, пока живется! Нельзя ли эту тоску, как говорит Платонов, по шапке? Ба! Очень кстати вспомнил Платонова! Отчего ты с ним редко беседуешь? Это человек не из мелкоплавающих, малый развитой и слишком нескучный! Поговори-ка с ним по душе, посвободней! Как рукой снимает тоску! С папап говори почаще, с Трилецким... *(Смеется.)* Поговори-ка, а не смотри на них свысока! Ты еще не раскусила этих людей. Я рекомендую тебе их, потому что эти люди — моего вкуса люди. Я их люблю. Ты их тоже полюбишь, когда покороче узнаешь.

Анна Петр. *(в окно)*. Сергей! Сергей! Кто там? Позовите Сергея Павловича!

Войницев. Что прикажете?

Анна Петр. Ты здесь? На минутку!

Войницев. Сейчас! *(Софье Егоровне.)* Завтра же едем, коли не передумает. *(Идет в дом.)*

Софья Егор. *(после паузы)*. Ведь это почти что несчастье! Я уже в состоянии по целым дням не думать о муже, забывая о его присутствии, не обращать внимания на его слова... В тягость становится... Что делать? *(Думает.)* Ужасно! Так недавно была свадьба, и уже... А все это тот... Платонов! Сил не хватает, нет характера, ничего нет такого, что помогало бы мне устоять против этого человека! Он преследует меня от утра до вечера, ищет меня, не дает мне покою своими понятными глазами... Это ужасно... и глупо наконец! Ручаться за себя даже нет сил! Сделай он шаг, и, пожалуй, все может произойти!

ЯВЛЕНИЕ VI

Софья Егоровна и Платонов.
Платонов выходит из дома.

Софья Егор. Вот он идет! Водит вокруг своими глазами и ищет! Кого он ищет? По походке вижу, кто ему нужен! Как нечестно с его стороны не давать мне покоя!

Платонов. Жарко! Не нужно бы пить... (*Увидев Софью Егоровну.*) Вы здесь, Софья Егоровна? В уединении? (*Смеется.*)

Софья Егор. Да.

Платонов. Смертных избегаете?

Софья Егор. Нет надобности мне избегать их. Они мне не противны и не мешают.

Платонов. Да? (*Садится рядом.*) Вы позволите?

Пауза.

Но если вы не избегаете людей, зачем вы меня, Софья Егоровна, избегаете? За что? Позвольте, дайте договорить! Очень рад, что могу-таки наконец поговорить с вами. Вы избегаете меня, обходите, не глядите на меня. Что это? Комедия или серьез?

Софья Егор. Я и не думала избегать вас! Откуда вы это взяли?

Платонов. Сначала вы как будто благоволили ко мне, удостоивали меня своим благовниманием, а теперь и видеть меня не хотите! Я в одну комнату — вы в другую, я в сад — вы из сада, я начинаю говорить с вами, вы отнекиваетесь или говорите сухое, знойное «да» и уходите... Наши отношения превратились в какое-то недоумение... Винават я? Противен? (*Встает.*) Вины я за собой никакой не чувствую. Потрудитесь сейчас же вывести меня из этого институтски-глупого положения! Выносить его долее я не намерен!

Софья Егор. Признаюсь, я вас... избегаю немножко... Знай я, что это вам так неприятно, я иначе повела бы дело...

Платонов. Избегаете? (*Садится.*) Признаетесь? Но... за что, с какой стати?

Софья Егор. Не кричите, то есть... не говорите так громко! Вы мне, надеюсь, не выговор делаете. Я не люблю, если кричат на меня. Я избегаю не вас собствен-

но, а бесед с вами... Человек вы, насколько я вас знаю, хороший... Здесь все вас любят, уважают, некоторые даже поклоняются вам, считают за честь поговорить с вами...

П л а т о н о в. Ну те, ну те...

С о ф ь я Е г о р. Когда я приехала сюда, я сама сейчас же, после первой же нашей беседы, присоединилась к вашим слушателям, но мне, Михаил Васильич, не посчастливилось, решительно не повезло... Вы скоро стали для меня почти невыносимы... Не подыщу более мягкого слова, извините... Вы почти каждый день беседовали со мной о том, как вы меня любили когда-то, как я вас любила и так далее... Студент любил девочку, девочка любила студента... История слишком старая и обыкновенная, чтобы о ней стоило много рассказывать и придавать ей для нас с вами теперь какое бы то ни было значение... Не в этом, впрочем, дело... Дело в том, что когда вы говорили со мной о прошлом, то... то говорили так, как будто бы чего-то просили, как будто бы вы тогда, в прошлом, чего-то не добрали, что хотели бы взять теперь... Каждый день тон ваш был томительно одинаков, и каждый день мне казалось, что вы намекаете на какие-то как бы обязательства, наложенные на нас с вами нашим общим прошлым... И потом мне казалось, что вы придаете уж слишком большое значение... что, как бы выразиться яснее, преувеличиваете наши отношения добрых знакомых! Вы как-то странно смотрите, выходите из себя, кричите, хватаете за руку и преследуете... Точно шпионите! Для чего это?.. Одним словом, вы не даете мне покоя... Для чего этот надзор? Что я для вас? Право, можно подумать, что вы выжидаете какого-то удобного случая, который вам для чего-то нужен...

Пауза.

П л а т о н о в. Все? *(Встает.)* Мерси за откровенность! *(Идет к двери.)*

С о ф ь я Е г о р. Вы сердитесь? *(Встает.)* Пойдите, Михаил Васильич! Для чего же в амбицию вламываться? Я не хотела...

П л а т о н о в *(останавливается)*. Эх вы!

Пауза.

Выходит, значит, что я вам не надоел, а что вы боитесь, трусите... Трусите, Софья Егоровна? *(Подходит к ней.)*

Софья Егор. Перестаньте, Платонов! Лжете! Я не боялась и не думаю бояться!

Платонов. Где же ваш характер, где сила здоровыслящих мозгов, если каждый встречный, мало-мальски не банальный мужчина может вам казаться опасным для вашего Сергея Павловича? Я и без вас шлялся сюда каждый день, а беседовал с вами потому, что считал вас умной, понимающей женщиной! Какая глубокая испорченность! Впрочем... Виноват, я увлекся... Я не имел права говорить вам все это... Извините за неприличную выходку...

Софья Егор. Никто не дал вам права говорить такие вещи! Если вас слушают, то из этого не следует, что вы имеете право говорить все то, что вам вздумается! Ступайте от меня!

Платонов *(хохочет)*. Вас преследуют?! Вас ищут, хватают вас за руки?! Вас, бедную, хотят отнять у вашего мужа?! В вас влюблен Платонов, оригинал Платонов?! Какое счастье! Блаженство! Да ведь это такие конфеты для нашего маленького самолюбвица, каких не едал ни один конфетный фабрикант! Смешно... Не к лицу развитой женщине эти сладости! *(Идет в дом.)*

Софья Егор. Вы дерзки и резки, Платонов! Вы с ума сошли! *(Идет за ним и останавливается у дверей.)* Ужасно! Для чего он говорил все это? Он хотел ошеломить меня... Нет, я этого не выношу... Я пойду скажу ему... *(Уходит в дом.)*

Из-за беседки выходит Осип.

Я В Л Е Н И Е VII

Осип, Яков и Василий.

Осип *(входит)*. Пять хороших! Шесть нехороших! Черт знает чем занимаются! Щли бы лучше в преферанс играть... По одной десятой... Или в стуколку.... *(Якову.)* Здоров, Яша! Того... м-м-м... Венгерович здесь?

Я к о в. Здесь.

О с и п. Пойди позови! Потихонечку вызови! Скажи, что дело есть большое...

Я к о в. Ладно. *(Идет в дом.)*

О с и п *(срывает фонарь, тушит и кладет его в карман)*. В прошлом годе в городе я у Дарьи Ивановны, что вещи краденые покупает да питейное заведение с девицами держит, в стуколку играл. Три копейки обязательно были... Ремизы доходили до двух целковых... Выиграл восемь рублей. *(Срывает другой фонарь.)* Весело в городе!

В а с и л и й. Не для вас фонари повешены! Чего рвать?

О с и п. А я тебя и не вижу! Здорово, осел! Как поживаешь? *(Подходит к нему.)* Как дела?

Пауза.

Ах ты лошадь! Ах ты свинопас! *(Снимает с него шапку.)* Смешной ты человек! Ей-богу, смешной! У тебя хоть капелька ума есть? *(Бросает шапку на дерево.)* Ударь меня по щеке за то, что я вредный человек!

В а с и л и й. Пушай вас кто другой ударит, а я не стану бить!

О с и п. А убивать станешь? Нет, коли у тебя есть ум, так ты не артелью убивай, а сам убей! Плюнь мне в лицо за то, что я вредный человек!

В а с и л и й. Не плюну. Ну что пристали?

О с и п. Не плюнешь? Боишься меня, значит? Становись же передо мной на колени!

Пауза.

Ну? Становись! Кому говорю? Стенам или человеку живому?

Пауза.

Кому говорю?

В а с и л и й *(становится на колени)*. Грех вам, Осип Иваныч!

О с и п. Стыдно стоять? Очень мне это приятно... Господин во фраке, а на коленях пред разбойником стоит... Ну, а теперь кричи ура, что есть духу... Ну?

Входит Венгерович 1.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Осип и Венгерович 1.

Венгерович 1 (*выходит из дома*). Кто здесь меня звал?

Осип (*быстро снимает шапку*). Я-с, ваше степенство!
Василий поднимается, садится на скамью и плачет.

Венгерович 1. Что тебе нужно?

Осип. Вы изволили искать и спрашивать меня у кабатчика, вот я и пришел!

Венгерович 1. Ах да... Но... не мог разве выбрать другого места?

Осип. Для хороших людей, ваше превосходительство, всякое место хорошо!

Венгерович 1. Ты мне отчасти нужен... Отойдем отсюда... Вон к той скамье!

Идут к скамье, стоящей в глубине сцены.

Стань немного поодаль, так, как будто ты со мной не говоришь... Вот так! Тебя кабатчик Лев Соломоныч прислал?

Осип. Так точно.

Венгерович 1. Напрасно... Я не тебя хотел, но... что поделаешь? Ничего с тобой не поделаешь. С тобой не следовало бы делов иметь... Ты такой нехороший человек...

Осип. Очень нехороший! Хуже всех на свете.

Венгерович 1. Говори тише! Сколько я передавал тебе денег, так это ужас, а ты этого не чувствуешь, как будто мои деньги камни или другой какой-нибудь ненужный предмет... Ты позволяешь себе дерзости, воруешь... Отворачиваешься? Не нравится правда? Правда глаза колет?

Осип. Колет, да только не ваша, ваше превосходительство! Вы позвали меня сюда только за тем, чтобы наставления мне читать?

Венгерович 1. Говори тише... Ты знаешь... Платонова?

Осип. Учителя? Как не знать!

Венгерович 1. Да, учителя. Учителя, который учит только ругаться, и больше ничему. За сколько ты возьмешься искалечить этого учителя?

О с и п. То есть как искалечить?

В е н г е р о в и ч 1. Не убить, а искалечить... Убивать людей не следует... Для чего их убивать? Убийство— это вещь такая, что... Искалечить, то есть побить так, чтобы всю жизнь помнил.

О с и п. Это могу-с...

В е н г е р о в и ч 1. Поломай ему что-нибудь, на лице уродство сделай... Что возьмешь? Тссс... Кто-то идет... Отойдем немного далее...

Идут в глубину сцены. Из дома выходят П л а т о н о в и Г р е к о в а.

Я В Л Е Н И Е IX

В е н г е р о в и ч 1 и О с и п (в глубине сцены), П л а т о н о в и Г р е к о в а.

П л а т о н о в (*смеется*). Что, что? Как? (*Хохочет*.) Я не расслышал...

Г р е к о в а. Не расслышали? Что ж? Могу повторить... Я даже еще резче выражусь... Вы не обидитесь, разумеется... Вы так привыкли к разного рода резкостям, что мои слова едва ли будут вам в диковинку...

П л а т о н о в. Говорите, говорите, красавица!

Г р е к о в а. Я не красавица. Кто считает меня красавицей, тот не имеет вкуса... Откровенно — ведь я не красива? Как на ваш взгляд?

П л а т о н о в. После скажу. Говорите вы теперь!

Г р е к о в а. Так слушайте же... Вы или необыкновенный человек, или же... негодяй, кто-нибудь из двух.

Платонов хохочет.

Смеетесь... Впрочем, смешно... (*Хохочет*.)

П л а т о н о в (*хохочет*). Она это сказала! Ай да дурочка! Скажите пожалуйста! (*Берет ее за талию*.)

Г р е к о в а (*садится*). Позвольте, однако ж...

П л а т о н о в. И она туда же, куда и люди! Философствует, химией занимается и какие изреченья откальвает! Поди ты с ней, с презренной! (*Целует ее*.) Хорошенькая, оригинальная бестия...

Грекова. Позвольте же... Что же это? Я... я не говорила... *(Встает и опять садится.)* Зачем вы меня целуете? Я вовсе...

Платонов. Сказала и удивила! Дай, мол, скажу и поражу! Пусть увидит, какая я умная! *(Целует ее.)* Растерялась... растерялась... Глупо смотрит... Ах, ах...

Грекова. Вы... Вы меня любите? Да?.. Да?

Платонов *(пищит)*. А ты меня любишь?

Грекова. Если... если... то... да... *(Плачет.)* Любишь? Иначе бы ты не делал так... Любишь?

Платонов. Ни капельки, моя прелесть! Не люблю дурачков, грешный человек! Люблю одну дуру, да и то от нечего делать... О! Побледнела! Глазами за сверкала! Знай, мол, наших!..

Грекова *(поднимается)*. Издеваетесь, что ли?

Пауза.

Платонов. Чего доброго пощечину влепит...

Грекова. Я горда... Не умею пачкать рук... Я вам сказала, милостивый государь, что вы или необыкновенный человек, или же негодяй, теперь же я вам говорю, что вы необыкновенный негодяй! Презираю вас! *(Идет к дому.)* Не заплачу теперь... Я рада, что наконец-таки узнала, что вы за птица...

Входит Трилецкий.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же Трилецкий *(в цилиндре)*.

Трилецкий *(входит)*. Журавли кричат! Откуда это они взялись? *(Смотрит вверх.)* Так рано...

Грекова. Николай Иваныч, если вы уважаете меня... себя хоть сколько-нибудь, то не знайтесь с этим человеком! *(Указывает на Платонова.)*

Трилецкий *(смеется)*. Помилуйте! Это мой почтеннейший родственник!

Грекова. И друг?

Трилецкий. И друг.

Г р е к о в а. Не завидую вам. И ему тоже, кажется... не завидую. Вы добрый человек, но... этот шуточный тон... Бывает время, когда тошнит от ваших шуток... Я не хочу вас обидеть этим, но... я оскорблена, а вы... шутите! *(Плачет.)* Я оскорблена... Но, впрочем, я не заплачу... Я горда. Знайтесь с этим человеком, любите его, поклоняйтесь его уму, бойтесь... Вам всем кажется, что он на Гамлета похож... Ну и любуйтесь им! Дела мне нет... Не нужно мне от вас ничего... Шутите с ним, сколько вам угодно, с этим... негодяем! *(Уходит в дом.)*

Т р и л е ц к и й *(после паузы)*. Съел, брат?

П л а т о н о в. Ничего я не ел...

Т р и л е ц к и й. Пора бы, Михаил Васильич, по чести, по совести, оставить ее в покое. Стыдно, право... Такой умный и большой человек, а выделываешь черт знает что... Вот и назвали негодяем...

Пауза.

Не могу же я в самом деле разорваться на две половины, чтобы одной половиной уважать тебя, а другой благоволить к девушке, назвавшей тебя негодяем...

П л а т о н о в. Не уважай меня, не понадобится это раздвоение.

Т р и л е ц к и й. Не могу же я не уважать тебя! Ты сам не знаешь, что ты говоришь.

П л а т о н о в. Остается, значит, только одно: не благоволить к ней. Не понимаю я тебя, Николай! Что хорошего, умный человек, ты нашел в этой дурочке?

Т р и л е ц к и й. Гм... Генеральша часто упрекает меня в недостатке джентльменства и указывает мне на тебя, как на образец джентльменства... А по-моему, этот упрек можно всецело отнести и к тебе, образцу... Все вы, а в особенности ты, кричите на каждом переулке, что я влюблен в нее, смеетесь, дразните, подозреваете, следите...

П л а т о н о в. Выражайся ясней...

Т р и л е ц к и й. Я, кажется, ясно выражаюсь... и в то же время у вас хватает совести величать ее при мне дурочкой, дрянью... Не джентльмен ты! Джентльмены знают, что у влюбленных есть известное самолюбие. Не дура она, братец! Она не дура! Она жертва ненужная,

вот что! Бывают минутки, друг мой, когда хочется кого-нибудь ненавидеть, в кого-нибудь вьестся, на ком-нибудь выместить свою какую-нибудь пакость... Отчего же на ней не попробовать? Она годится! Слаба, безответна, смотрит на тебя так до глупости доверчиво... Понимаю я все это очень хорошо... *(Встает.)* Пойдем выпьем!

О с и п *(Венгеровичу)*. Ежели не отдадите тогда остальных, то на сто украду. Об этом не сомневайтесь!

В е н г е р о в и ч 1 *(Осипу)*. Говори тише! Когда будешь его бить, то не забудь сказать: «Благодарный кабатчик!» Тсс... Ступай! *(Идет к дому.)*

Осип уходит.

Т р и л е ц к и й. Черт возьми! Абрам Абрамыч! *(Венгеровичу.)* Ты, Абрам Абрамыч, не болен?

В е н г е р о в и ч 1. Ничего... Слава богу, здоров.

Т р и л е ц к и й. Какая жалость! А мне так деньги нужны! Веришь ли? До зарезу, что называется...

В е н г е р о в и ч 1. Следовательно, выходит, доктор, из ваших слов, что вам больные нужны до зарезу? *(Смеется.)*

Т р и л е ц к и й. Удачно сострил! Хотя тяжело, да зато удачно! Ха-ха-ха и паки ха-ха-ха! Смейся, Платонов! Дай, голубчик, если можешь!

В е н г е р о в и ч 1. Вы мне и так уже много должны, доктор!

Т р и л е ц к и й. Для чего говорить это? Кто этого не знает? А сколько я тебе должен?

В е н г е р о в и ч 1. Около... Ну да... Двести сорок пять рублей, кажется.

Т р и л е ц к и й. Дай, великий человек! Одолжи, и я одолжу тебе когда-нибудь! Будь столь добр, великодушен и храбр! Самый храбрый из евреев тот, кто дает взаимно без расписки! Будь самым храбрым евреем!

В е н г е р о в и ч 1. Гм... евреем... Всё евреи да евреи... Уверяю вас, господи, что за всю жизнь мою я не видел ни одного русского, который давал бы деньги без расписки, и уверяю вас, нигде не практикуется в таких больших размерах давание денег без расписки, как среди нечестного еврейства!.. Пусть отнимет у меня бог мою жизнь, если я лгу! *(Вздыхает.)* Многому, очень

многому можно с успехом и с пользой поучиться вам, молодые люди, у нас, евреев, а в особенности у стариков евреев... Очень многому... (*Вынимает из кармана бумажник.*) Вам занимаешь деньги с охотой, с удовольствием, а вы... смеяться, пошутить любите... Нехорошо, господа! Я старик... У меня есть дети... Считаю подлецом, но обходись по-человечески... На то вы и в университете учились...

Т р и л е ц к и й. Ты хорошо говоришь, Абрам Абрамыч!

В е н г е р о в и ч 1. Нехорошо, господа, дурно... Можно подумать, что между вами, развитыми людьми, и моими приказчиками нет никакой разницы... И тыкать вам никто не позволил... Сколько вам? Очень дурно, молодые люди... Сколько вам?

Т р и л е ц к и й. Сколько дашь...

Пауза.

В е н г е р о в и ч 1. Я вам дам... Я вам могу дать... пятьдесят рублей... (*Дает деньги.*)

Т р и л е ц к и й. Роскошно! (*Берет деньги.*) Велик!

В е н г е р о в и ч 1. На вас, доктор, моя шляпа!

Т р и л е ц к и й. Твоя? Гм... (*Снимает шляпу.*) На, возьми... Отчего ты не отдашь ее почистить? Ведь дешево возьмут! Как по-еврейски цилиндр?

В е н г е р о в и ч 1. Как угодно. (*Надевает шляпу.*)

Т р и л е ц к и й. А тебе идет цилиндр, к лицу. Барон, совсем барон! Отчего ты не купишь себе баронства?

В е н г е р о в и ч 1. Ничего я не знаю! Оставьте меня, пожалуйста!

Т р и л е ц к и й. Ты велик! Отчего это тебя понять не хотят?

В е н г е р о в и ч 1. Отчего не хотят оставить в поксе, скажите лучше. (*Уходит в дом.*)

Я В Л Е Н И Е X I

П л а т о н о в   и   Т р и л е ц к и й.

П л а т о н о в. Для чего ты взял у него эти деньги?

Т р и л е ц к и й. Да так... (*Садится.*)

П л а т о н о в. Как это да так?

Т р и л е ц к и й. Взял, да и шабаш! А тебе его жалко, что ли?

П л а т о н о в. Не в том дело, братец!

Т р и л е ц к и й. В чем же?

П л а т о н о в. Не знаешь?

Т р и л е ц к и й. Не знаю.

П л а т о н о в. Врешь, знаешь!

Пауза.

Великою любовью воспылал бы я к тебе, душа моя, если бы ты хоть недельку, хоть денек пожил по каким-нибудь правилам, хоть бы самым мизерным! Для таких субъектов, как ты, правила необходимы, как хлеб насущный...

Пауза.

Т р и л е ц к и й. Ничего не знаю... Не нам, брат, с тобой переделывать плоть нашу! Не нам сломать ее. Знал я это, когда еще с тобой в гимназии по-латыни единицы получал... Не будем же болтать попусту... Да прилипнут гортани к языкам!

Пауза.

Смотрел я третьего дня, братец ты мой, у одной своей дамочки портреты «Современных деятелей» и читал их биографии. И что же ты думаешь, любезный? Ведь нет нас с тобой среди них, нет! Не нашел, как ни бился! *Lasciate*, Михаил Васильевич, *ogni speranza!*¹ — говорят итальянцы. Не нашел я ни тебя, ни себя среди современных деятелей и — вообрази! Я спокоен! Вот Софья Егоровна так не того... не спокойна...

П л а т о н о в. При чем же тут Софья Егоровна?

Т р и л е ц к и й. Обижается, что ее между «Современными деятелями» нет... Воображает, что стоит ей только мизинцем шевельнуть — и земной шар рот разинет, человечество от радости шапку потеряет... Воображает... Гм... Ни в одном умном романе ты не найдешь столько белиберды, сколько в ней... А, в сущности, гроша медного не стоит. Лед! Камень! Статуя! Так и хочется подойти к ней и соскоблить с ее носа капельку гипса... А чуть что... сейчас истерика, глас и воздыхания... Силенок ни на грош... Умная кукла... На меня с презрением смотрит, шалопаем считает... А чем ее Сереженька лучше нас

---

¹ Оставьте... всякую надежду! (*итал.*)

с тобой? Чем? Тем только и хорош, что водки не пьет, возвышенно мыслит и без зазрения совести величает себя человеком будущего. Впрочем, не судите, не судимы будете... *(Встает.)* Пойдем выпьем!

Платонов. Не пойду. Мне там душно.

Трилецкий. Пойду сам. *(Потягивается.)* Кстати, что означают на вензеле эти Слово и Веди? Софью ли Войницеву или Сергея Войничева? Кого хотел уважить этими литерами наш филолог: себя или свою супругу?

Платонов. Мне сдается, что эти литеры означают: «Слава Венгеровичу!» На его деньги кутим.

Трилецкий. Да... Что это с генеральшей сегодня делается? Хохочет, стонет, лезет целоваться... Точно влюблена...

Платонов. В кого ей тут влюбиться? В самое себя разве? Ты не верь в ее смех. Нельзя верить в смех той умной женщины, которая никогда не плачет: она хочет тогда, когда ей плакать хочется. А нашей генеральше не плакать, а застрелиться хочется... Это по глазам ее видно...

Трилецкий. Женщины не стреляются, а травятся... Но не будем философствовать... Когда я философствую, я жестоко вру... Славная бабенка наша генеральша! Я вообще ужасно скверно мыслю, когда смотрю на женщину, но это единственная женщина, от которой отскакивают все мои лютые помыслы, как горох от стены. Единственная... Когда я гляжу на ее реальное лицо, я начинаю верить в платоническую любовь. Идешь?

Платонов. Нет.

Трилецкий. Пойду сам... С попом выпью... *(Идет и сталкивается у двери с Глагольевым 2.)* Ах! ваше сиятельство, самоделковый граф! Нате вам три рубля! *(Сует ему в руку три рубля и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XII

Платонов и Глагольев 2.

Глагольев 2. Странная личность! Ни с того ни с сего: нате вам три рубля! *(Кричит.)* Я сам могу вам дать три рубля! Гм... Какой идиот! *(Платонову.)* Он

ужасно поражает меня своей глупостью. (*Смеется.*)
Глуп до безобразия!

Платонов. Что же вы, танцор, не танцуете?

Глагольев 2. Танцевать? Здесь? С кем, по-
звольте спросить? (*Садится рядом.*)

Платонов. Уж будто бы и не с кем?

Глагольев 2. Одни только типы! Все типы, на
кого ни посмотришь! Какие-то рожи, орлиные носы, же-
манство... А дамы? (*Хохочет.*) Черт знает что! При такой
публике я всегда предпочитаю танцам буфет.

Пауза.

Какой в России, однако же, воздух несвежий! Какой-то
промоглый, душный... Терпеть не могу России!.. Не-
вежество, вонь. Бррр... То ли дело... Вы были хоть раз
в Париже?

Платонов. Не был.

Глагольев 2. Жаль. Впрочем, успеете еще побы-
вать. Когда будете ехать туда, то скажете мне. Я вам
открою все тайны Парижа. Я вам дам триста рекоменда-
тельных писем, и триста шикознейших французских коко-
ток в вашем распоряжении.

Платонов. Благодарю вас, я сыт. Скажите мне,
правду ли говорят, что ваш отец хочет купить Плато-
новку?

Глагольев 2. Право, не знаю. Я далеко держу
себя от коммерции. А вы заметили, как топ рège¹ уха-
живает за вашей генеральшей? (*Хохочет.*) Вот еще тоже
тип! Этот старый барсук хочет жениться! Глуп, как тете-
рев! А ваша генеральша charmante!² Совсем недурна!

Пауза.

Она такая душка, такая душка... А формы?! Фи, фи!
(*Бьет Платонова по плечу.*) Счастливчик! Она затяги-
вается? Сильно затягивается?

Платонов. Не знаю. Я не присутствую при ее
туалете...

Глагольев 2. А мне говорили... Разве вы не...

---

¹ мой отец (*франц.*).

² прелестна! (*франц.*)

Платонов. Вы, граф, идиот!

Глагольев 2. Но я пошутил... Зачем сердиться? Какой вы, право, чудак! *(Тихо.)* А правду ли говорят, что она... Немножко щекотливый вопрос, но между нами, я полагаю... Правду ли говорят, что она иногда любит деньги до положения риз?

Платонов. Об этом спросите у ней самой. Я не знаю.

Глагольев 2. Спросить у нее самой? *(Хочет.)* Что за идея?! Платонов! Что вы говорите?!

Платонов *(садится на другую скамью)*. Какой же вы мастер надоедать!

Глагольев 2 *(хочет)*. А что, если на самом-таки деле спросить! Впрочем, почему же и не спросить?

Платонов. Разумеется... *(В сторону.)* Спроси только... Она отобьет тебе твои глупые щеки! *(Ему.)* Спросите!

Глагольев 2 *(вскакивает)*. Клянусь, что это великая идея! Миллион чертей! Я спрошу, Платонов, и даю вам честное слово, что она моя! У меня предчувствие есть! Сейчас же спрошу! Держу пари, что она моя! *(Бежит к дому и у двери сталкивается с Анной Петровной и Трилецким.)* Mille pardons¹, madame! *(Расшаркивается и уходит.)*

Платонов садится на старое место.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Платонов, Анна Петровна и Трилецкий.

Трилецкий *(на крыльце)*. Вон он сидит, наш великий мудрец и философ! Сидит настороже и с нетерпением ожидает добычи: кому бы нотацию прочесть на сон грядущий?

Анна Петр. Не клюет, Михаил Васильич!

Трилецкий. Плохо! Не клюет что-то сегодня! Бедный моралист! Жалею тебя, Платонов! Однако же я пьян, и... однако же, меня там дьякон ждет! Прощайте! *(Уходит.)*

¹ Тысяча извинений *(франц.)*.

А н н а П е т р. (*идет к Платонову*). Что вы тут сидите?

П л а т о н о в. В комнатах душно, и это хорошее небо лучше вашего побеленного бабами потолка!

А н н а П е т р. (*садится*). Прелесть, что за погода! Чистый воздух, прохлада, звездное небо и луна! Жалею, что барыням нельзя спать на дворе под небом. Когда я была девочкой, я всегда летом ночевала в саду.

Пауза.

А у вас галстук новый?

П л а т о н о в. Новый.

Пауза.

А н н а П е т р. Я сегодня в каком-то особенном настроении... Мне сегодня все нравится... Гуляю! Ну да говорите же что-нибудь, Платонов! Чего вы молчите? Я для того и явилась сюда, чтобы вы говорили... Экой вы!

П л а т о н о в. Что вам говорить?

А н н а П е т р. Скажите мне что-нибудь новенькое, хорошенькое, кисленькое... Вы сегодня такой умный, такой хорошенький... Право, мне кажется, что я сегодня влюблена в вас более, чем когда-либо... Душка вы такой сегодня! И бунтуете мало!

П л а т о н о в. И вы сегодня такая красавица... Впрочем, вы всегда красавица!

А н н а П е т р. Мы с вами друзья, Платонов?

П л а т о н о в. По всей вероятности... Пожалуй, что друзья... Что же другое можно назвать дружбой?

А н н а П е т р. Во всяком случае, друзья? а?

П л а т о н о в. Полагаю, что большие.... Я к вам сильно привык и привязан... Много нужно времени, чтобы отучить меня от вас...

А н н а П е т р. Большие друзья?

П л а т о н о в. Для чего эти вопросы? Бросьте их, матушка! Друзья... друзья... Точно дева старая...

А н н а П е т р. Хорошо... Мы друзья, а знаете ли, что от дружбы между мужчиной и женщиной до любви единый только шаг, милостивый государь? (*Смеется.*)

П л а т о н о в. Вот как! (*Смеется.*) К чему вы это говорите? Ну да мы с вами не дошагаемся до чертиков, как бы широко ни шагали.

А н н а П е т р. Любовь — чертики... Сравнил! Не слышит тебя твоя жена! Радон, я на вас тыкнула... Ей-богу, Мишель, нечаянно! А почему же нам и не дошагаться? Разве мы не люди, что ли? Любовь вещь хорошая... Чего же краснеть-то?

П л а т о н о в (*смотрит на нее пристально*). Вы, я вижу, или шутите мило, или же хотите... договориться до чего-то... Пойдемте-ка вальс танцевать!

А н н а П е т р. Не умеете вы танцевать!

Пауза.

Надо с вами поговорить как следует... Пора... (*Оглядывается.*) Потрудитесь, топ сег¹, слушать и не философствовать!

П л а т о н о в. Пойдемте плясать, Анна Петровна!

А н н а П е т р. Сядемте подальше... Идите сюда! (*Садится на другую скамью.*) Вот только не знаю, с чего начать... Вы такой неповоротливый и лживый человекина...

П л а т о н о в. Не начать ли мне, Анна Петровна?

А н н а П е т р. Ведь вы околесную понесете, Платонов, когда начнете! Скажите пожалуйста! Он сконфузился! Поверю — держи карман! (*Бьет Платонова по плечу.*) Шутник Миша! Ну говорите же, говорите... Покороче только...

П л а т о н о в. Я буду короток. Вот что я вам хочу сказать: для чего?

Пауза.

Честное слово, не стоит, Анна Петровна!

А н н а П е т р. Почему же? Да вы послушайте... Вы меня не понимаете... Будь вы свободны, я недолго думая сделалась бы вашей женой, отдала бы вам в вечное владение мое превосходительство, но теперь... Ну? Молчание знак согласия? Так, что ли?

Пауза.

Послушайте, Платонов, в данном случае неприлично молчать!

---

¹ дорогой мой (*франц.*).

Платонов (*вскакивает*). Забудем этот разговор, Анна Петровна! Давайте, бога ради, сделаем так, как будто бы его вовсе и не было! Не было его!

Анна Петр. (*пожимает плечами*). Станный человек! Почему же?

Платонов. Потому что я уважаю вас! Я так уважаю в себе это уважение к вам, что расстаться с ним для меня будет тяжелее, чем провалиться сквозь землю! Друг мой, я свободный человек, я не прочь приятно провести время, я не враг связей с женщинами, не враг даже благородных интрижек, но... с вами заводите мелкую интрижку, вас делать предметом своих праздных помыслов, вас, умную, прекрасную, свободную женщину?! Нет! Это уж слишком! Лучше прогоните меня от себя за тридевять земель! Пожить глупо месяц, другой, а там... краснея, разойтись?!

Анна Петр. Речь идет о любви?

Платонов. А разве я не люблю вас? Я люблю вас, добрую, умную, милосердную. Я люблю вас отчаянно, бешено! Жизнь свою я отдам за вас, если вы захотите! Люблю как женщину — человека! Неужели же всякая любовь должна подтасовываться под известный род любви? Моя любовь для меня в тысячу раз дороже той, которая взбрела вам на ум!..

Анна Петр. (*встает*). Ступай, милый, проспись! Проспишься, тогда и поговорим...

Платонов. Забудем этот разговор... (*Целует руку.*) Будем друзьями, но не будем шалить друг с другом; мы стоим по отношению друг к другу лучшей участи!.. И к тому же я все-таки... хоть немножко, да женат! Оставим этот разговор! Да будет все по-старому!

Анна Петр. Ступай, милый, ступай! Женат... Ведь меня любишь? Зачем же тут про жену толковать? Марш! После поговорим, часика через два... Теперь ты находишься в припадке лжи...

Платонов. Лгать я вам не умею... (*Тихо ей на ухо.*) Если бы я умел тебе лгать, то давно уже я был бы твоим любовником...

Анна Петр. (*резко*). Убирайтесь!

Платонов. Врете, не сердитесь... Это вы так только... (*Уходит в дом.*)

А н н а П е т р. Чудак человек! (*Садится.*) Сам не понимает, что говорит... Всякую любовь подтасовывать под известный род любви... Чепуха какая! Точно любовь писателя к писательнице...

Пауза.

Невыносимый человек! Этак мы до Страшного суда с тобой, друг милый, проболтаем. Не взяла честью, силой возьму... Сегодня же! Пора уже обоим выйти из этого глупого выжидательного положения... Надоело... Возьму силой... Это кто идет? Глагольев... меня ищет...

Входит Г л а г о л ь е в 1.

я в л е н и е X I V

А н н а П е т р о в н а и Г л а г о л ь е в 1.

Г л а г о л ь е в 1. Скучно! Говорят эти люди о том, что я год тому назад слышал; думают то, о чем я в детстве думал... Все старо, ничего нового... Поговорю с ней и уеду.

А н н а П е т р. О чем это вы бормочете, Порфирий Семеныч? Можно узнать?

Г л а г о л ь е в 1. Вы здесь? (*Идет к ней.*) Я брашно себя за то, что я здесь лишний...

А н н а П е т р. Не потому ли, что на нас непохожи? Полноте! Мирятся люди с тараканами, помиритесь и вы с нашими людьми! Подсаживайтесь-ка, потолкуем!

Г л а г о л ь е в 1 (*садится рядом*). Я вас искал, Анна Петровна! Мне нужно с вами поговорить кое о чем...

А н н а П е т р. И давайте говорить...

Г л а г о л ь е в 1. Мне хотелось бы с вами поговорить... Мне хочется узнать ответ моему... письму...

А н н а П е т р. Гм... На что я вам сдалась, Порфирий Семеныч?

Г л а г о л ь е в 1. Я, знаете ли, отрешаюсь... от прав мужа... Не до прав мне! Мне нужен друг, умная хозяйка... У меня есть рай, но нет в нем... ангелов.

А н н а П е т р. (*в сторону*). Что ни слово — то сахару кусок! (*Ему.*) Часто я задаю себе вопрос, что я

буду в раю делать, я — человек, а не ангел, если попаду в него?

Г л а г о л ь е в 1. Можете ли вы знать, что вы будете делать в раю, если не знаете — что будете делать завтра? Хороший человек везде найдет себе работу — и на земле, и на небе...

А н н а П е т р. Все это прекрасно, но будет ли мое житье у вас стоить того, что я за него буду получать? Немножко странно, Порфирий Семеныч! Извините меня, Порфирий Семеныч, но мне ваше предложение кажется очень странным... Для чего вам жениться? Для чего вам сдался друг в юбке? Не мое дело, извините... но уж на то пошло, договорю. Будь я в ваших летах, имей я столько денег, ума и правды, сколько вы имеете, я ничего не искала бы на этом свете, кроме общего блага... то есть, как бы так выразиться, я ничего не искала бы, кроме удовлетворения любви к ближним...

Г л а г о л ь е в 1. Не умею я биться за благополучие людей... Для этого нужны воля железная и уменье, а их-то и не дал мне бог! Я родился для того только, чтобы любить великие дела и наделать массу грошовых, ничего не стоящих... Только любить! Пойдемте ко мне!

А н н а П е т р. Нет, не говорите больше ни слова об этом... Не придавайте моему отказу жизненного значения. Суета, мой друг! Если бы мы владели всем тем, что мы любим, то у нас не хватило бы места... для наших владений... Значит, не совсем неумно и нелюбезно поступают, когда отказывают... (*Хохочет.*) Вот вам и философия на закуску! Что это за шум? Слышите? Бьюсь об заклад, что это Платонов бунтует... Что за характер!

Входят Грекова и Трилецкий.

ЯВЛЕНИЕ XV

Анна Петровна, Глагольев 1, Грекова и Трилецкий.

Г р е к о в а (входя.) Это выше всяких оскорблений! (*Плачет.*) Выше! Молчать могут, видя это, одни только испорченные люди!

Т р и л е ц к и й. Верю, верю, но при чем же я тут? Я-то тут при чем? Не идти же мне на него с дубиной, согласитесь сами!

Г р е к о в а. Должны были идти с дубиной, если не имеете других средств! Отойдите от меня! Я, я женщина, не молчала бы, если бы при мне оскорбляли вас так низко, так бесстыдно и незаслуженно!

Т р и л е ц к и й. Но ведь я же того... Рассуждайте умно!.. Чем виноват я?..

Г р е к о в а. Вы трус, вот кто вы! Ступайте от меня прочь к вашему отвратительному буфету! Прощайте! Не трудитесь ездить ко мне больше! Не нужны мы друг другу... Прощайте!

Т р и л е ц к и й. Прощайте, сделайте милость, прощайте! Надоело все это, опротивело без конца! Слезы, слезы... А, боже мой! У меня у самого в голове вертеж... соepigus cerebralis! Э-э-э... *(Машет рукой и уходит.)*

Г р е к о в а. Соepigus cerebralis... *(Идет.)* Оскорбил... За что? Что я сделала?

А н н а П е т р. *(подходит к ней)*. Марья Ефимовна... Не держу вас... Я сама бы ушла отсюда на вашем месте... *(Целует ее.)* Не плачьте, моя дорогая. Большая часть женщин создана для того, чтобы сносить всякие гадости от мужчин...

Г р е к о в а. Только не я... Я его... уволю! Он не будет здесь учителем! Он не имеет права быть учителем! Завтра же поеду к директору народных училищ...

А н н а П е т р. Полноте... На днях я побываю у вас, и мы вместе осудим Платонова, а пока успокойтесь... Перестаньте плакать... Вы будете удовлетворены... На Трилецкого же вы не сердитесь, моя дорогая... Он не заступился за вас потому, что он слишком добр и мягок, а такие люди не в состоянии заступаться... Что он вам сделал?

Г р е к о в а. Он при всех поцеловал... назвал душой и... и... пхнул на стол... Не думайте, что это пройдет ему безнаказанно! Или он сумасшедший, или же... Я покажу ему! *(Уходит.)*

А н н а П е т р. *(ей вслед)*. Прощайте! Скоро увидимся! *(Якову.)* Яков! Подать экипаж Марье Ефимовне!

Ах, Платонов, Платонов... Добуянится он когда-нибудь до беды...

Глагольев 1. Прекрасная девушка! Невзлюбил ее наш добрейший Михаил Васильич... Обижает...

Анна Петр. Ни за что! Сегодня обижает, а завтра извиняется... Барская струнка!

Входит Глагольев 2.

ЯВЛЕНИЕ XVII

Те же и Глагольев 2.

Глагольев 2 (*в сторону*). С ней! Опять с ней! Это наконец уж черт знает что такое? (*Смотрит в упор на отца.*)

Глагольев 1 (*после паузы*). Что тебе?

Глагольев 2. Ты здесь сидишь, а тебя там ищут! Иди, тебя там зовут!

Глагольев 1. Кто меня там зовет?

Глагольев 2. Люди!

Глагольев 1. Знаю, что люди... (*Встает.*) Как хотите, а я не отстану от вас, Анна Петровна! Авось другое заговорите, когда поймете меня! Увидимся... (*Уходит в дом.*)

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Анна Петровна и Глагольев 2.

Глагольев 2 (*садится рядом*). Старый барсук! Осел! Его никто не зовет! Это я надул его!

Анна Петр. Когда вы поумнеете, вы сильно ругаете себя за отца!

Глагольев 2. Шутите... Вот зачем я сюда пришел... Два слова... Да или нет?

Анна Петр. То есть?

Глагольев 2 (*смеется*). Будто бы не понимаете? Да или нет?

А н н а П е т р. Решительно не понимаю!

Г л а г о л ь е в 2. Сейчас поймете... При помощи злата все понимается... Если «да», то не угодно ли вам будет, генералиссимус души моей, залезть ко мне в карман и вытащить оттуда мой бумажник с папашиними деньгами?.. *(Подставляет боковой карман.)*

А н н а П е т р. Откровенно! Да ведь за такие речи умным людям пощечины дают!

Г л а г о л ь е в 2. От приятной дамы приятно и пощечину получить... Сперва пощечину даст, а потом немного погодя и «да» скажет...

А н н а П е т р. *(встает)*. Берите вашу шапку и убирайтесь отсюда сию же секунду!

Г л а г о л ь е в 2 *(встает)*. Куда?

А н н а П е т р. Куда угодно! Убираться и не смей показываться сюда!

Г л а г о л ь е в 2. Фи... Для чего же сердиться? Я не уйду, Анна Петровна!

А н н а П е т р. Ну так я прикажу вас вывести! *(Уходит в дом.)*

Г л а г о л ь е в 2. Какая вы сердитая! Я ведь ничего не сказал такого, осбенного. Что же я сказал? Сердиться не нужно... *(Уходит за ней.)*

Я В Л Е Н И Е Х V I I I

П л а т о н о в и С о ф ь я Е г о р о в н а выходят из дома.

П л а т о н о в. В школе я и доселе пребываю в качестве занимающего не свое место, а место учителя... Вот что было после того, как мы расстались!..

Садятся.

Зло кишит вокруг меня, пачкает землю, глотает моих братьев во Христе и по родине, я же сижу, сложив руки, как после тяжелой работы; сижу, гляжу, молчу... Мне двадцать семь лет, тридцати лет я буду таким же — не предвижу перемены! — там дальше жирное халатничество, отупение, полное равнодушие ко всему тому, что

не плоть, а там смерть!! Пропала жизнь! Волосы становятся дыбом на моей голове, когда я думаю об этой смерти!

Пауза.

Как подняться, Софья Егоровна?

Пауза.

Вы молчите, не знаете... Да и знать ли вам? Софья Егоровна, не жалко мне себя! Черт с ним, с этим мной! Но что с вами поделалось? Где ваша чистая душа, ваша искренность, правдивость, ваша смелость? Где ваше здоровье? Куда вы дели его? Софья Егоровна! Проводить целые годы в безделье, мозолить чужие руки, любоваться чужими страданиями и в то же время уметь прямо глядеть в глаза — это разврат!

Софья Егоровна встает.

(Сажает ее.) Это последнее слово, стойте! Что сделало вас жеманной, ленивицей, фразеркой? Кто научил вас лгать? А какой вы были прежде! Позвольте! Я сейчас отпущу вас! Дайте договорить! Как вы были хороши, Софья Егоровна, как велики! Голубушка, Софья Егоровна, может быть, вам еще можно подняться, не поздно! Подумайте! Соберите все ваши силы и поднимайтесь, ради самого бога! *(Хватает ее за руку.)* Дорогая моя, скажите мне откровенно, ради того нашего общего прошлого, что заставило вас выйти замуж за этого человека? Чем прельстило вас это замужество?

Софья Егор. Он прекрасный человек...

Платонов. Не говорите того, во что не верите!

Софья Егор. *(встает)*. Он мой муж, и я просила бы вас...

Платонов. Будь он чем ему угодно, а я скажу правду! Сядьте! *(Сажает ее.)* Отчего вы не выбрали себе труженика, страдальца? Отчего не взяли себе в мужа кого-нибудь другого, а не этого пигмея, погрязшего в долгах и безделье?..

Софья Егор. Оставьте! Не кричите! Идут...

Проходят гости

Платонов. Черт с ними! Пусть все слышат! *(Тихо.)* Извините меня за резкость... Но ведь я любил вас! Я любил вас больше всего на свете, а потому вы и

теперь мне дороги. Я так любил эти волосы, эти руки, это лицо... Для чего вы пудритесь, Софья Егоровна? Бросьте! Эх! Попадись вы другому человеку, вы скоро бы поднялись, а здесь вы еще больше погрязнете! Бедная... Будь у меня, несчастного, силы, вырвал бы я с корнем и себя и вас из этого болота...

Пауза.

Жизнь! Отчего мы живем не так, как могли бы?!

Софья Егор. *(встает и закрывает руками лицо)*.
Оставьте меня!

В доме шум.

Отойдите! *(Идет к дому)*.

Платонов *(идет за ней)*. Отнимите от лица руки!
Вот так! Вы не уедете? Ведь нет? Будемте друзьями,
Софи! Ведь не уедете? Мы будем еще беседовать? Да?

В доме усиленный шум и беганье по лестнице.

Софья Егор. Да.

Платонов. Будемте друзьями, моя дорогая...
Зачем нам быть врагами? Позвольте... Еще пару слов...

Выбегает из дома Войницев и за ним гости.

ЯВЛЕНИЕ XIX

Те же, Войницев с гостями, потом Анна Петровна и Трилецкий.

Войницев *(вбегая)*. Ах... Вот они, самые главные! Идем фейерверки зажигать! *(Кричит.)* Яков, к реке марш! *(Софье Егоровне.)* Не передумала, Софи?

Платонов. Не уедет, здесь останется...

Войницев. Да? В таком случае ура! Руку, Михаил Васильич! *(Пожимает Платонову руку.)* Я всегда верил в твое красноречие. Идем огни зажигать! *(Идет с гостями в глубину сада.)*

Платонов *(после паузы)*. Да, такие-то дела, Софья Егоровна... Гм...

Голос Войницева: «Мапан, где вы? Платонов?»

Пауза.

Пойду-ка, черт возьми, и я... (*Кричит.*) Сергей Павлович, подожди, не зажигай без меня! Пошли, братец, Якова ко мне за шаром. (*Убегает в сад.*)

А н н а П е т р. (*выбегает из дома*). Подождите! Сергей, подожди, еще не все сошлись! Стреляйте пока из пушки! (*Софье.*) Идите, Софи! Чего приуныли?

Голос Платонова: «Сюда, барынька! Затянем старую песню, не начиная новой!»

Иду, мон шер! (*Убегает.*)

Голос Платонова: «Кто со мной в лодку? Софья Егоровна, не хотите ли со мной на реку?»

С о ф ь я Е г о р. Идти или не идти? (*Думает.*)

Т р и л е ц к и й (*входит*). Эй, где вы? (*Поет.*)

Иду, иду! (*Смотрит в упор на Софью Егоровну.*)

С о ф ь я Е г о р. Что вам нужно?

Т р и л е ц к и й. Ничего-с...

С о ф ь я Е г о р. Ну так и отойдите! Я не расположена сегодня ни беседовать, ни слушать...

Т р и л е ц к и й. Знаю, знаю...

Пауза.

Мне ужасно почему-то хочется провести пальцем по вашему лбу: из чего он у вас сделан? Ужасно хочется!.. Не для того, чтобы оскорбить вас, а так... для контенансу...¹

С о ф ь я Е г о р. Шут! (*Отворачивается*). Не комик, а шут, паяц!

Т р и л е ц к и й. Да... Шут... За шутовство я и харчи получаю от генеральши... Ну да-с... и деньги карманные... А когда надоем, меня с позором выгонят из этих местов. Ведь верно говорю-с? Впрочем, это не я один говорю... Это говорили и вы, когда изволили гостить у Глагольева, этого масона нашего времени...

С о ф ь я Е г о р. Хорошо, хорошо... Очень рада, что вам передали... Теперь вы знаете, значит, что я умею отличать шутов от остроумных людей! Будь вы актером— вы были бы фаворитом райка, но партнер шикал бы вам... Я вам шикаю.

¹ Здесь: смелости (от франц. contenance).

Т р и л е ц к и й. Острота удачна до сверхъестественности... Похвально... Честь имею кланяться. (*Кланяется.*) До приятного свидания! Побеседовал бы еще с вами, но... робею, поражен! (*Идет в глубину сада.*)

С о ф ь я Е г о р. (*стучит ногой*). Негодный! Не знает он, какого я о нем мнения! Пустой человечиска!

Голос Платонова: «Кто на реку со мной?»

Ээ... Чему быть, тому не миновать! (*Кричит.*) Иду! (*Убегает.*)

Я В Л Е Н И Е Х Х

Г л а г о л ь е в 1 и Г л а г о л ь е в 2 выходят из дома.

Г л а г о л ь е в 1. Лжешь! Лжешь, скверный мальчишка!

Г л а г о л ь е в 2. Что за глупости? С какой стати я буду врать? Спроси ее самое, если не веришь! Как только ты ушел, я вот на этой самой скамье шепнул ей два-три слова, обнял, чмокнул... Попросила сначала три тысячи, ну, а я поторговался и сошелся на тысяче! Дай же мне тысячу рублей!

Г л а г о л ь е в 1. Кирилл, дело идет о чести женщины! Не пачкай этой чести, она свята! Замолчи!

Г л а г о л ь е в 2. Клянусь честью! Не веришь? Клянусь всем святым! Дай же тысячу рублей! Я сейчас же поднесу ей эту тысячу...

Г л а г о л ь е в 1. Ужасно... Лжешь ты! Она пошутила с тобой, с глупцом!

Г л а г о л ь е в 2. Но... Обнял ее, тебе говорят. Что же тут удивительного? Все женщины теперь таковы! Не верь их невинности! Знаю я их! А ты еще тоже жениться хотел! (*Хохочет.*)

Г л а г о л ь е в 1. Ради бога, Кирилл! Ты знаешь, что такое значит клевета?

Г л а г о л ь е в 2. Дай тысячу рублей! Я при тебе вручу ей эту тысячу! На этой самой скамье я обнял ее, поцеловал и поторговался... Клянусь! Чего же тебе еще нужно? Для того я и прогнал тебя, чтобы с нею потор-

говаться! Он не верит, что я умею побеждать женщин! Предложи ей две тысячи, и она твоя! Знаю я женщин, брат!

Г л а г о л ь е в 1 (*вынимает из кармана бумажник и бросает его на землю*). Возьми!

Глагольев 2 поднимает бумажник и считает деньги.

Голос Войничева: «Я начинаю! Матап, стреляйте! Трилецкий, полезай на беседку! Кто это на коробку наступил? Вы!»
Голос Трилецкого: «Лезу, черт меня подери! (*Хохочет.*) Кто это? Бугрова раздавили! Я Бугрову на голову наступил! Где спички?»

Г л а г о л ь е в 2 (*в сторону*). Я отмщен! (*Кричит.*) Ур-а-а-а! (*Убегает.*)

Т р и л е ц к и й. Кто это там орет? Дайте ему по шеям!

Голос Войничева: «Начинать?»

Г л а г о л ь е в 1 (*хватает себя за голову*). Боже мой! Разврат! Гной! Я молился ей! Прости ее, господи! (*Садится на скамью и закрывает лицо руками.*)

Голос Войничева: «Кто веревочку взял? Матап, как вам не стыдно?

Где моя веревочка, что тут лежала?»

Голос Анны Петровны: «Вот она, ротозей!»

Глагольев 1 валится со скамьи.

Голос Анны Петровны: «Вы! Кто вы? Не топчитесь здесь! (*Кричит.*)

Дай сюда! Дай сюда!»

Вбегает С о ф ь я Е г о р о в н а .

Я В Л Е Н И Е Х Х I

С о ф ь я Е г о р о в н а одна.

С о ф ь я Е г о р . (*бледная, с помятой прической*). Не могу! Это уж слишком, выше сил моих! (*Хватает себя за грудь.*) Гибель моя или... счастье! Душно здесь!.. Он или погубит, или... вестник новой жизни! Приветствую, благословляю... тебя, новая жизнь! Решено!

Голос Войничева (*кричит*): «Берегись!»
Фейерверк.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Лес. Просека. У начала просеки, с левой стороны — школа. По просеке, теряющейся вдаль, тянется полотно железной дороги, которое возле школы поворачивает направо. Ряд телеграфных столбов. Ночь.

Я В Л Е Н И Е I

С а ш а (сидит у открытого окна) и О с и п (с ружьем через спину стоит перед окном).

О с и п. Как это случилось? Очень просто. Иду я по узлеску, недалече отсюда, смотрю, а она стоит в балочке: подсушила платье и лопухом из ручья воду черпает. Зачерпнет, да и выпьет, зачерпнет, да и выпьет, а потом голову помочит... Я спустился вниз, подошел близко, да и гляжу на нее. Она и внимания не обращает: дурак, мол, ты, мужик, мол, зачем же мне на тебя внимание обращать в таком случае? «Сударыня, говорю, ваше превосходительство, попить холодной водицы, знать, захотели?» — «А тебе, говорит, какое дело? Ступай отсюда туда, откуда пришел!» Сказала и не смотрит... Я обробел... Меня и стыд взял, и обидно стало, что я из мужицкого звания... «Чего смотришь на меня, дуралей? Не видал, говорит, никогда людей, что ли?» И посмотрела на меня пронизательно... «Аль, говорит, понравилась?» — «Страсть, говорю, понравилась! Уж такая вы, ваше превосходительство, благородная, чувствительная особа, такая красавица... Красивей вас, говорю, отродясь не видал... Наша деревенская красавица Манька, сотского дочка, говорю, супротив вас лошадь, верблюды... Нежности в вас сколько! Поцеловал бы, кажись, говорю, да и помер бы на этом самом месте!» Она засмеялась... «Что ж, говорит, целуй, коли хочешь!» Меня после этих самых слов в жар бросило. Подошел я к ней, взял ее тихонько за плечико и поцеловал со всего размаху вот тут, в это самое место, в щеку и в шейку зараз...

С а ш а (хохочет). Она же что?

О с и п. «Ну, теперь, говорит, проваливай! Умывайся, говорит, почаще, да ногти себе не запускай!» Я и отошел.

С а ш а. Какая она смелая! (*Подает Осипу тарелку щей.*) На, кушай! Присядь где-нибудь!

О с и п. Не велик барин, и постою... Очень вам благодарен за ваше дружелюбие, Александра Ивановна! Я вам когда-нибудь за ваши ласки одолжение сделаю...

С а ш а. Сними шапку. В шапке грешно есть. Ты с молитвой кушай!

О с и п (*снимает шапку*). Давно уж я этих святостей не соблюдал... (*Ест.*) И с той поры я как будто очумел... Верите ли? не ем, не сплю... Все она у меня перед глазами... Закрою, бывало, глаза, а она перед глазами... Таковую нежность на себя напустил, что хоть вешайся! Чуть было не утопился от тоски, генерала хотел подстрелить... А когда овдовела, начал я всякие поручения исполнять... Куропаток ей стрелял, перепелов ловил, беседочку ей разноцветными красками выкрасил... Волка ей однажды живого привел... Всякое удовольствие ей доставлял... Бывало, что ни прикажет, все исполняю... Приказала бы самого себя слопать, себя бы слопал... Нежные чувства... Ничего с ними не поделаешь.

С а ш а. Да... Я когда полюбила Михаила Васильича и не знала еще, что он меня любит, тоже ужасно тосковала... Несколько раз у бога, грешница, смерти даже просила....

О с и п. Вот видите-с... Чувства такие... (*Выпивает из тарелки.*) Не пожалуете ли еще щец? (*Подает тарелку.*)

С а ш а (*уходит и через полминуты появляется у окна с кастрюлькой*). Щей нет, а вот не хочешь ли картофли? Жаренная на гусином жиру...

О с и п. Мерси... (*Берет кастрюльку и ест.*) Страсть как наелся! И вот так ходил я, ходил, как очумелый... Я все про то же, Александра Ивановна... Ходил, ходил... Приношу ей в прошлом году после Святой зайчика. «Вот извольте, говорю, ваше превосходительство... Косого зверинца вам принес!» Она взяла его на руки, погладила, да и спрашивает меня: «Правду ли говорят, Осип, что ты разбойник?» — «Истинная, говорю, правда. Не станут люди понапрасну говорить»... Взял и рассказал ей все... «Надо, говорит, тебя исправить. Ступай, говорит, пеш-

ком в Киев. Из Киева ступай в Москву, из Москвы в Троицкую лавру, из Троицкой лавры в Новый Иерусалим, а оттуда домой. Сходи и через год ты другой человек будешь». Напустил я на себя убожество, надел сумочку и пошел в Киев... Не тут-то было! Исправился, да не совсем... Славная картошка! Связался под Харьковом с почтенной компанией, пропил денежки, подрался и воротился назад. И пачпорт даже потерял....

Пауза.

Теперь ничего от меня не берет... Сердится.

С а ш а. Почему ты в церковь не ходишь, Осип?

О с и п. Я пошел бы, да, того... Народ смеяться станет... Ишь, скажет, каяться пришел! Да и ходить около церкви днем страшно... Народу много — убьют.

С а ш а. Ну, а за что ты бедных людей обижаешь?

О с и п. А за что их не обижать? Не вашего ума это дело, Александра Ивановна! Не вам рассуждать о грубостях. Не вам понять. А Михаил Васильич никого не обижает?

С а ш а. Никого! Он если и обидит кого-нибудь, то нехотя, нечаянно. Он добрый человек!

О с и п. Я, признаться, его более всех уважаю... Генералчонок Сергей Павлыч глупый человек, неумный; братец ваш тоже неумный, хоть и в докторях, ну а в Михайле Васильиче много умственных способностей! У него есть чин?

С а ш а. А как же? Он коллежский регистратор!

О с и п. Ну?

Пауза.

Молодчина! Так у него и чин есть... Гм... Молодчина! Доброты у него только мало. Все у него дураки, все у него холуи... Нешто можно так? Ежели б я был хорошим человеком, то я так бы не делал... Я этих самых холуев, дураков и жуликов ласкал бы... Самый несчастный народ они, заметьте! Их-то и нужно жалеть... Мало в нем доброты, мало... Гордости нет, запанибрата со всяким, а доброты ни-ни... Не вам понять. Покорнейше благо-

дарю! Век бы целый такую картошку ел... *(Подает кастрюльку.)* Благодарю...

С а ш а. Не за что.

О с и п. *(вздыхает)*. Славная вы женщина, Александра Ивановна! За что вы меня каждый раз кормите? У вас, Александра Ивановна, есть хоть капелька женской злобы? Благочестивая! *(Смеется.)* В первый раз такую вижу... Святая Александра, моли бога о нас грешных! *(Кланяется.)* Радуйся, святая Александра!

С а ш а. Михаил Васильич идет.

О с и п. Обманываете. Он в настоящий момент с молодой барыней про нежные чувства рассуждает... Красивый он у вас человек! Коли б захотел, так за ним весь женский пол пошел... Краснобай такой... *(Смеется.)* Все к генеральше ластится... Ну та и нос натрет, не посмотрит, что он красивый... Он хотел бы, может быть, да она...

С а ш а. Ты уже начинаешь лишнее болтать... Я не люблю этого... Иди с богом!

О с и п. Сейчас пойду... Вам давно уже пора спать... Небось мужа поджидаете?

С а ш а. Да...

О с и п. Хорошая жена! Платонов, должно быть, такую жену себе десять годов искал, со свечками да с понятами... Нашел-таки где-то... *(Кланяется.)* Прощайте, Александра Ивановна! Спокойной ночи!

С а ш а. *(зевает)*. Ступай с богом!

О с и п. Пойду. *(Идет.)* Пойду к себе домой... Мой дом там, где пол земля, потолок небо, а стены и крыша неизвестно в каком месте... Кого бог проклял, тот и живет в этом доме... Велик он, да негде голову положить... Только и хорошо тем, что за него в волость поземельных платить не надо... *(Останавливается.)* Спокойной ночи, Александра Ивановна! В гости пожалуйте! В лес! Спросите Осипа, каждая птица и ящерица знает! Посмотрите-ка, как пенек светится! Как будто мертвец из гроба встал... А вон другой! Моя мать мне говорила, что под тем пеньком, который светится, грешник зарыт, а светится пенек для того, чтоб молились... И надо мной будет пенек светиться... я тоже грешник... А вон и третий! Много же на этом свете грешников! *(Уходит и минуты через две свистит.)*

Я В Л Е Н И Е II

С а ш а.

С а ш а (*выходит из школы со свечой и книгой*). Как долго Миши нет. (*Садится.*) Как бы он себе здоровья не испортил... Эти гулянья ничего не дают, кроме нездоровья... Да и мне уже спать хочется... Где я остановилась? (*Читает.*) «Пора наконец снова возвестить о тех великих, вечных идеалах человечества, о тех бессмертных принципах свободы, которые были руководящими звездами наших отцов и которым мы изменили, к несчастью». Что это значит? (*Думает.*) Не понимаю... Отчего это не пишут так, чтобы всем понятно было? Далее. Ммм... Пропущу предисловие... (*Читает.*) «Захар Мазох...» Какая смешная фамилия!.. Мазох... Должно быть, не русский... Далее... Миша заставил читать, так надо читать... (*Зевает и читает.*) «Веселым зимним вечером...» Ну, это можно пропустить... Описание... (*Перелистывает и читает.*) «Трудно было решить, кто играл и на каком инструменте... Сильные величавые звуки органа под железной мужской рукой вдруг сменялись нежной флейтой как бы под прелестными женскими устами и наконец замирали...» Тсс... Кто-то идет....

Пауза.

Это Мишины шаги... (*Тушит свечу.*) Наконец-то... (*Встает и кричит.*) Ау! Раз, два, раз, два!левой, правой, левой, правой!левой, левой!

Входит П л а т о н о в.

Я В Л Е Н И Е III

С а ш а и П л а т о н о в.

П л а т о н о в (*входя*). Назло тебе: правой! правой! Впрочем, милая моя, ни правой, ни левой! У пьяного нет ни права, ни лева; у него есть вперед, назад, вкось и вниз...

С а ш а. Пожалуйте сюда, пьяненький, садитесь сюда. Вот я вам покажу, как шагать вкось да вниз! Садитесь! (*Бросается Платонову на шею.*)

П л а т о н о в. Сядем... (*Садится.*) Ты чего же это не спишь, инфузория!

С а ш а. Не хочется. (*Садится рядом.*) Поздно же тебя отпустили!

П л а т о н о в. Да, поздно... Пассажирский уж прошел?

С а ш а. Нет еще. Товарка с час тому назад прошла.

П л а т о н о в. Значит, нет еще двух часов. Ты давно оттуда?

С а ш а. Я в десять часов была уже дома... Пришла, а Колька ревет на чем свет стоит... Я ушла, не простившись, пусть извинят... Танцы после меня были?

П л а т о н о в. И танцы были, и ужин был, и скандалы были... Между прочим... знаешь? При тебе это случилось? С Глагольевым-стариком удар случился!

С а ш а. Что ты?!

П л а т о н о в. Да... Твой братец кровь пускал и вечную память нел...

С а ш а. Отчего же это? Что с ним? Он, кажется, здоровый такой на вид...

П л а т о н о в. Легонький удар... Легонький к его счастью и к несчастью его осленка, которого он по глупости величает сыном... Домой отвезли... Ни один вечер без скандала не обходится! Такова наша судьба, знать!

С а ш а. Воображаю, как перепугались Анна Петровна и Софья Егоровна! А какая славная Софья Егоровна! Я таких хорошеньких дамочек редко вижу... Что-то в ней такое особенное...

Пауза.

П л а т о н о в. Ох! Глупо, мерзко...

С а ш а. Что?

П л а т о н о в. Что я наделал?! (*Закрывает руками лицо.*) Стыдно!

С а ш а. Что ты наделал?

П л а т о н о в. Что наделал? Ничего хорошего! Когда я делал то, чего впоследствии не стыдился?

С а ш а (*в сторону*). Пьян, бедненький! (*Ему*.)
Пойдем спать!

П л а т о н о в. Гадок был, как никогда! Уважай себя после этого! Нет более несчастья, как быть лишенным собственного уважения! Боже мой! Нет ничего во мне такого, за что можно было бы ухватиться, нет ничего такого, за что можно было бы уважать и любить!

Пауза.

Ты вот любишь... Не понимаю! Нашла, значит, во мне что-то такое, что можно любить? Любишь?

С а ш а. Что за вопрос! Может ли быть, чтобы я тебя не любила?

П л а т о н о в. Знаю, но назови мне то хорошее, за что ты меня так любишь! Укажи мне то хорошее, что ты любишь во мне!

С а ш а. Гм... За что я тебя люблю? Какой же ты сегодня чудак, Миша! Как же мне не любить тебя, если ты мне муж?

П л а т о н о в. Только и любишь за то, что я тебе муж?

С а ш а. Я тебя не понимаю.

П л а т о н о в. Не понимаешь? (*Смеется*.) Ах ты моя дурочка набитая! Зачем ты не муха? Между мухами с своим умом ты была бы самой умной мухой! (*Целует ее в лоб*.) Что было бы с тобой, если бы ты понимала меня, если бы у тебя не было твоего хорошего неведения? Была бы ты так женски счастлива, если бы умела постигать своей нетронутой головкой, что у меня нет ничего того, что можно любить? Не понимай, мое сокровище, не ведай, если хочешь любить меня! (*Целует ее руку*.) Самочка моя! И я счастлив по милости твоего неведения! У меня, как у людей, семья есть... Есть семья...

С а ш а (*смеется*). Чудак!

П л а т о н о в. Сокровище ты мое! Маленькая, глупенькая бабёночка! Не женой тебя иметь, а на столе под стеклом тебя держать нужно! И как это мы ухитрились с тобой Николку породить на свет божий? Не Николок рождают, а солдатиков из теста лепить тебе впору, половина ты моя!

С а ш а. Глупости ты говоришь, Миша!

П л а т о н о в. Сохрани тебя бог понимать! Не понимай! Да будет земля на китах, а киты на вилах! Где мы брали бы себе постоянных жен, если бы вас не было, Саши? (*Хочет ее поцеловать.*)

С а ш а (*не дается*). Пошел вон! (*Сердито.*) Зачем же ты женился на мне, если я так глупа? Ну и брал бы себе умную! Я не неволила!

П л а т о н о в (*хохочет*). А вы и сердиться умеете? Ах, черт возьми! Да это целое открытие из области... Из какой области? Целое открытие, душа моя! Так ты умеешь и сердиться? Ты не шутишь?

С а ш а (*встает*). Иди-ка, брат, спать! Если бы не пил, не делал бы открытий! Пьяница! А еще тоже учитель! Ты не учитель, а свинтус! Ступай спать! (*Бьет его по спине и уходит в школу.*)

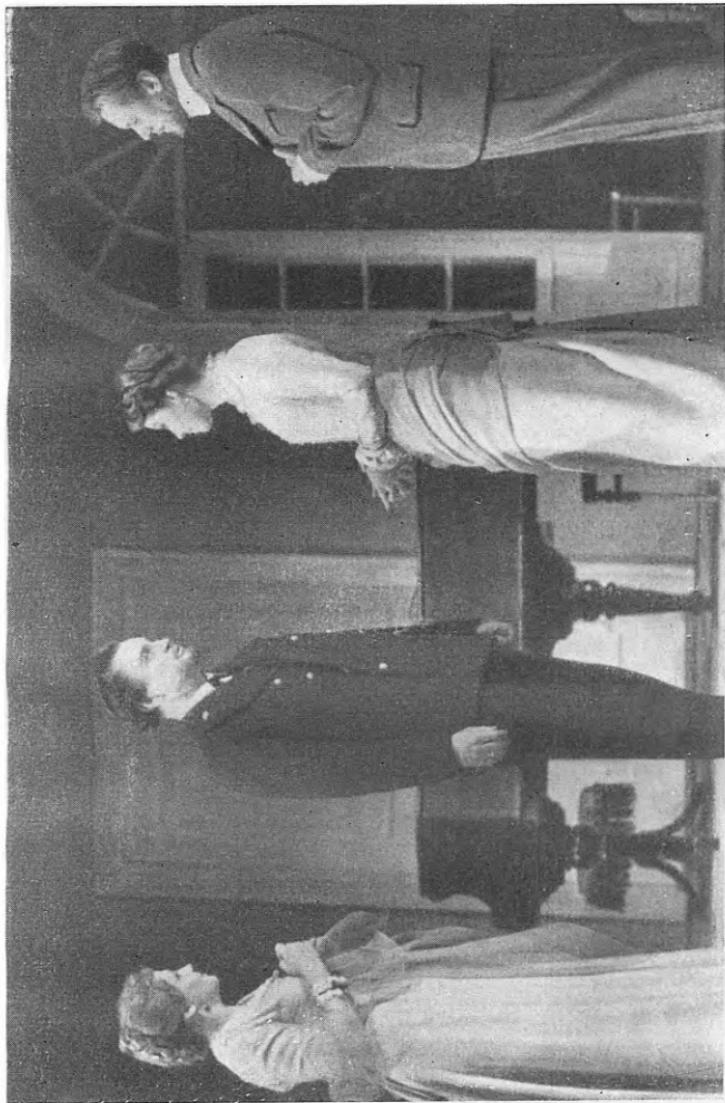
Я В Л Е Н И Е I V

П л а т о н о в один.

П л а т о н о в. В самом деле, я пьян? Не может быть, я пил мало... В голове, впрочем, не совсем нормально...

П а у з а.

А когда с Софьей говорил, был я... пьян? (*Думает.*) Нет, не был! Не был, к несчастью, святые угодники! Не был! Проклятая трезвость моя! (*Вскакивает.*) В чем провинился предо мной ее несчастный муж? За что я опачкал его перед ней такой грязью? Не прощай мне этого, моя совесть! Я разболтался перед ней, как мальчишка, рисовался, театральничал, хвастался... (*Дразнит себя.*) «Зачем вы не вышли за труженика, за страдальца?» А для чего бы она сдалась труженику, страдальцу? Зачем же ты, безумец, говорил то, чему не верил? Ах!.. Она поверила... Она выслушала бредни глупца и опустила глазки! Раскисла, несчастная, разнежилась... Как это все глупо, как это все мерзко, нелепо! Опротивело все... (*Смеется.*) Самодур! Осмеяли купцов-самодуров, осмеяли насквозь... Был и смех сквозь слезы и слезы сквозь смех... Кто же меня осмеет? Когда? Смешно! Взят

Пьеса без названия («Платонов»). Саша — Г. А. Пашкова,
Платонов — Н. О. Грищенко, Софья — А. О. Петерсон, Войничев —
А. К. Граве. Театр им. Евг. Вахтангова, Москва, 1960.

не берет, не ворует, жены не бьет, мыслит порядочно, а... негодяй! Смешной негодяй! Необыкновенный негодяй!..

Пауза.

Надо ехать... Буду у инспектора просить другого места... Сегодня же напишу в город...

Входит Венгерович 2.

Я В Л Е Н И Е V

Платонов и Венгерович 2.

Венгерович 2 (входя.) Гм... Школа, в которой вечно спит тот недоделанный мудрец... Спит он теперь, по обыкновению, или же бранится, по обыкновению? (Увидев Платонова.) Вот он, пустой и звонкий. Не спит и не бранится... Не в нормальном положении... (Ему.) Не спите еще?

Платонов. Как видите! Чего же вы остановились? Позвольте вам пожелать спокойной ночи!

Венгерович 2. Сейчас уйду. Вы предаетесь уединению? (Оглядывается.) Чувствуете себя царем природы? В такую прелестную ночь...

Платонов. Вы домой идете?

Венгерович 2. Да... Отец уехал, и я принужден идти пешком. Наслаждаетесь? А ведь как приятно — не правда ли? — выпить шампанского и под куражом обозреть самого себя! Можно сесть возле вас?

Платонов. Можете.

Венгерович 2. Благодарю. (Садится.) Я люблю за все благодарить. Как сладко сидеть здесь, вот на этих ступенях, и чувствовать себя полным хозяином! Где ваша подруга, Платонов? Ведь к этому шуму, к этому шепоту природы, пению и трещанию кузнечиков недостает только любовного лепета, чтобы все это обратилось в рай! К этому кокетливому, робкому ветерку недостает только горячего дыхания милой, чтобы ваши щеки пылали от счастья! К шепоту матери-природы недостает слов любви... Женщину!! Вы смотрите на меня с изумлением... Ха-ха! Я заговорил не своим языком?

Да, это не мой язык... Отрезвившись, я не раз покраснею за этот язык... Впрочем, почему же мне и не поболтать поэтически? Гм... Кто мне воспретит?

П л а т о н о в. Никто.

В е н г е р о в и ч 2. Или, может быть, этот язык богов не соответствует моему положению, моей фигуре? У меня лицо не поэтическое?

П л а т о н о в. Не поэтическое.

В е н г е р о в и ч 2. Не поэтическое... Гм... Очень рад. У всех евреев физиономии не поэтические. Подшутила природа, не дала нам, евреям, поэтических физиономий! У нас судят обыкновенно по физиономии и на основании того, что мы имеем известные физиономии, отрицают в нас всякое поэтическое чувство... Говорят, что у евреев нет поэтов.

П л а т о н о в. Кто говорит?

В е н г е р о в и ч 2. Все говорят... А какая ведь это подлая клевета!

П л а т о н о в. Полно придирааться! Кто это говорит?

В е н г е р о в и ч 2. Все говорят, а между тем сколько у нас настоящих поэтов, не Пушкиных, не Лермонтовых, а настоящих: Ауэрбах, Гейне, Гете.

П л а т о н о в. Гете немец.

В е н г е р о в и ч 2. Еврей!

П л а т о н о в. Немец!

В е н г е р о в и ч 2. Еврей! Знаю, что говорю!

П л а т о н о в. И я знаю, что говорю, но пусть будет по-вашему! Полуученого еврея трудно переспорить.

В е н г е р о в и ч 2. Очень трудно...

Пауза.

Да хоть бы и не было поэтов! Велика важность! Есть поэты — хорошо, нет их — еще лучше! Поэт, как человек чувства, в большинстве случаев дармоед, эгоист... Гете, как поэт, дал ли хоть одному немецкому пролетарию кусок хлеба?

П л а т о н о в. Старо! Полно, юноша! Он не взял куска хлеба у немецкого пролетария! Это важно... Потом, лучше быть поэтом, чем ничем! В миллиард раз лучше! Впрочем, давайте замолчим... Оставьте вы в покое кусок хлеба, о котором вы не имеете ни малейшего поня-

тия, и поэтов, которых не понимает ваша высушенная душа, и меня, которому вы не даете покоя!

Венгерович 2. Не стану, не стану шевелить вашего великого сердца, шипучий человек! Не стану стягивать с вас теплого одеяла... Спите себе!

Пауза.

Посмотрите-ка на небо! Да... Здесь хорошо, покойно, здесь одни только деревья... Нет этих сытых, довольных физиономий... Да... Деревья шепчут не для меня... И луна не смотрит на меня так приветливо, как на этого Платонова... Она старается смотреть холодно... Ты, мол, не наш... Ступай отсюда, из этого рая, в свою жидовскую лавочку... Впрочем, чепуха... Я заболтался... довольно!..

Платонов. Довольно... Идите, юноша, домой! Чем более вы будете сидеть, тем больше наболтаете... А за болтовню эту вы краснеть будете, как вы сказали! Идите!

Венгерович 2. Хочу болтать! (Смеется.) Я теперь поэт!

Платонов. Не поэт тот, кто стыдится своей молодости. Вы переживаете молодость, будьте же молодым! Смешно, глупо, может быть, но зато человечно!

Венгерович 2. Так... Какие глупости! Вы большой чудак, Платонов! Все вы чудачки здесь... Вам бы жить во времена Ноя... И генеральша чудачка, и Войничев чудак... Между прочим, генеральша недурна в телесном отношении... Какие у нее неглупые глаза! Какие у нее хорошие пальцы! Недурна отчасти... Грудь, шея...

Пауза.

Почему? Хуже я вас, что ли? Хоть бы раз в жизни! Если мысли так сильно, привлекательно действуют на мой... спинной мозг, то какое бы блаженство растопило бы меня в пух и прах, если бы она показалась сейчас между этими деревьями и поманила бы меня своими прозрачными пальцами!.. Не смотрите на меня так... Я глуп теперь, мальчуган... Впрочем, кто же смеет запретить мне хоть раз в жизни быть глупым? Я с научной целью хотел бы сейчас быть глупым, счастливым, по-вашему... Я и счастлив... Кому какое дело? Гм...

Платонов. Но... *(Рассматривает его цепь.)*

Венгерович 2. Впрочем, личное счастье эгоизм!

Платонов. О да! Личное счастье эгоизм, а личное несчастье добродетель! Сколько же, однако, в вас белиберды! Какая цепь! Какие чудные брелоки! Как сияет!

Венгерович 2. Вас занимает эта цепь? *(Смеется.)* Вас манит к себе эта мишура, этот блеск... *(Качает головой.)* В эти минуты, когда вы поучаете меня чуть ли не стихами, вы можете восхищаться золотом! Возьмите эту цепь! Бросьте! *(Срывает с себя цепь и бросает ее в сторону.)*

Платонов. Важно звякнуло! По одному этому звуку уж можно заключить, как она тяжела!

Венгерович 2. Золото тяжело не на один только вес! Счастливы вы, что можете сидеть на этих грязных ступеньках! Здесь вы не испытываете всей тяжести этого грязного золота! О, эти мне золотые цепи, золотые оковы!

Платонов. Не всегда прочные оковы! Пропили их наши отцы!

Венгерович 2. Сколько несчастных, сколько голодных, сколько пьяных под луной! Когда же наконец миллионы много сеющих и ничего не ядущих перестанут голодать? Когда, я вас спрашиваю? Платонов, отчего же вы не отвечаете?

Платонов. Оставьте меня! Сделайте такое одолжение! Не люблю без умолку и без толку звонящих колоколов! Извините, но оставьте меня! Спать хочу!

Венгерович 2. Я колокол? Гм... Скорей же вы колокол...

Платонов. Я колокол, и вы колокол с тою только разницею, что я в себя сам звоню, а в вас звонят другие... Спокойной ночи! *(Встает.)*

Венгерович 2. Спокойной ночи!

В школе бьет два часа.

Уже два часа... В это время нужно уже спать, а я не сплю... Бессонница, шампанское, волнение... Ненормальная жизнь, благодаря которой разрушается организм... *(Встает.)* У меня, кажется, грудь уже начинает болеть... Спокойной ночи! Руки я вам не подаю и горжусь этим. Вы не имеете права на пожатие моей руки...

Платонов. Какие глупости! Мне все одно.

Венгерович 2. Надеюсь, что нашу беседу и мою... болтовню никто, кроме нас, не слышал и не услышит. *(Идет в глубину сцены и идет обратно.)*

Платонов. Что вам угодно?

Венгерович 2. Тут где-то была моя цепь...

Платонов. Вот она, ваша цепь! *(Швыряет цепь ногой.)* Не забыл-таки! Послушайте, будьте так любезны, пожертвуйте эту цепь в пользу одного моего знакомого, принадлежащего к разряду много сеющих и ничего не ядущих! Эта цепь будет кормить его семью целые годы!.. Позвольте передать ее ему?

Венгерович 2. Нет... С удовольствием отдал бы, но, честное слово, не могу! Это подарок, сувенир...

Платонов. Да, да... Убирайтесь!

Венгерович 2 *(поднимает цепь)*. Отстаньте, пожалуйста! *(Идет и в глубине сцены, утомленный, садится на полотно железной дороги и закрывает руками лицо.)*

Платонов. Пошлость! Быть молодым и в то же время не быть светлой личностью! Какая глубокая испорченность! *(Садится.)* Как противны нам люди, в которых мы видим хоть намек на свое нечистое прошлое! Я когда-то был немного похож на этого... Ох!

Слышен конский топот.

Я В Л Е Н И Е VI

Платонов и Анна Петровна *(входит в амазонке, с хлыстом в руке)*.

Платонов. Генеральша!

Анна Петр. Как мне его увидеть? Постучать разве? *(Увидев Платонова.)* Вы здесь? Как это кстати! Я знала, что вы еще не спите... Да и можно ли спать теперь? Для спанья бог зиму дал... Доброй ночи, человечина! *(Протягивает руку.)* Ну? Что же вы? Руку!

Платонов протягивает руку.

Вы не пьяны?

П л а т о н о в. А черт меня знает! Или трезв, или же пьян, как самый горький пьяница... Вы что же это? Прогуливаться с жиру изволите, почтеннейшая сомнамбула?

А н н а П е т р. (*садится рядом*). Н-да-с...

Пауза.

Да-с, милейший Михаил Васильич! (*Поет.*) Сколько счастья, сколько муки... (*Хохочет.*) Какие большие, удивленные глаза! Полноте, не бойтесь, дружище!

П л а т о н о в. Я и не боюсь... за себя по крайней мере...

Пауза.

Вы, я вижу, ерундой вздумали заниматься...

А н н а П е т р. На старости лет...

П л а т о н о в. Старухам простительно... Те сдуру... А вы какая старуха? Вы молоды, как лето в июне. Ваша жизнь впереди.

А н н а П е т р. Мне нужна жизнь теперь, а не впереди... А я молода, Платонов, ужас как молода! Чувствую... Так ветром и ходит по мне эта молодость! Чертовски молода... Холодно!

Пауза.

П л а т о н о в (*вскакивает*). Не хочу ни понимать, ни угадывать, ни предполагать... Ничего не хочу! Идите! Назовите меня невеждой и оставьте меня! Прошу вас! гм... Для чего смотреть так? Да вы... вы подумайте!

А н н а П е т р. Я уже думала...

П л а т о н о в. Вы подумайте, гордая, умная, прекрасная женщина! Куда и зачем вы пришли?! Ах...

А н н а П е т р. Не пришла, а приехала, мой милый!

П л а т о н о в. С таким умом, с такой красотой, молодостью... ко мне?! Глазам, ушам не верится... Пришла победить, взять крепость! Не крепость я! Не побеждать вы пришли... Я слабость, страшная слабость! Поймите вы!

А н н а П е т р. (*встает и подходит к нему*). Самоунижение паче гордости... Как же быть, Мишель? Надо же чем-нибудь кончить? Согласись сам, что...

П л а т о н о в. Не буду я кончать, потому что я ничего не начинал!

А н н а П е т р. Э... философия гадкая! И тебе не стыдно лгать? В такую ночь, при таком небе... и лгать? Лги осенью, если хочешь, в грязь, в слякоть, но не теперь, не здесь... Тебя слышат, на тебя смотрят... Взгляни, чудак, вверх!

Пауза.

Вон и звезды мерцают, что ты лжешь... Полно, милый мой! Будь же хорошим, как все это хорошо! Не нарушай своей маленькой особой этой тишины... Отгни от себя своих бесов. *(Обнимает его одной рукой.)* Нет другого, которого я любила бы так, как я тебя люблю! Нет женщины, которую ты любил бы так, как меня любишь... Возьмем себе одну только любовь, а остальное, что тебя так мучит, пусть решат другие... *(Целует его.)* Возьмем себе одну только любовь...

П л а т о н о в. Одиссей стоил того, чтобы ему пели сирены, но не царь Одиссей я, сирена! *(Обнимает ее.)* Если бы я мог дать тебе счастье! Как ты хороша! Но не дам я тебе счастья! Я сделаю из тебя то, что делал я из всех женщин, бросавшихся мне на шею... Я сделаю тебя несчастной!

А н н а П е т р. Как много ты о себе думаешь! Неужели ты так ужасен, Дон-Жуан? *(Хохочет.)* Какой же ты хорошенький при лунном свете! Прелесть!

П л а т о н о в. Знаю я себя! Те только романы и оканчиваются благополучно, в которых меня нет...

А н н а П е т р. Сядем... Сюда вот...

Садятся на полотно.

Еще что скажешь, философ?

П л а т о н о в. Если бы я был честным человеком, я ушел бы от тебя... Я сегодня предчувствовал это, предвидел... Почему же я, негодяй, не ушел?

А н н а П е т р. Отгни от себя бесов, Мишель! Не отравляйся... Ведь к тебе женщина пришла, а не зверь... Лицо постное, на глазах слезы... Фи! Если тебе это не нравится, то я уйду... Хочешь? Я уйду, и все останется по-старому... Идет? *(Хохочет.)* Дуралей! Бери, хватай, хапай!.. Что тебе еще? Выкури всю, как папиросу, выжми, на кусочки раздробь... Будь человеком! *(Тормозит его.)* Смешной!

П л а т о н о в. Но разве ты моя? Разве ты про меня писана? (*Целует ее руки.*) Иди к другому, моя дорогая... Ступай к тому, который стоит тебя...

А н н а П е т р. Ах... Полно тебе молоть чепуху! Дело ведь очень просто: к тебе пришла женщина, которая тебя любит и которую ты любишь... Погода прелестная... Что может быть проще? К чему же тут эта философия, политика? Порисоваться разве хочешь?

П л а т о н о в. Гм... (*Встает.*) А если ты пришла пошалить мной, поразвратничать, покуролесить?.. Тогда что? Ведь я не гожусь во временнообязанные... Я не позволю играть собой! Ты не отделаешься от меня грошами, как отделалась от десятка!.. Слишком дорог я для интрижки... (*Хватает себя за голову.*) Уважать, любить тебя и в то же время... мелочь, пошлость, мещанство, плебейская игра.

А н н а П е т р. (*подходит к нему*). Ты меня любишь, уважаешь, для чего же ты, беспокойная душа, торгуешься со мной, говоришь мне эти мерзости! Для чего эти «если»? Я люблю... Я сказала тебе, и сам ты знаешь, что я тебя люблю... Что же тебе еще? Покоя мне... (*Кладет голову ему на грудь.*) Покоя... Пойми же наконец, Платонов! Я отдохнуть хочу... Забыться, и больше мне ничего не нужно... Ты не знаешь... Ты не знаешь, как тяжела для меня жизнь, а я... жить хочу!

П л а т о н о в. Не сумею я дать тебе покой!

А н н а П е т р. Сумею только не философствовать!.. Живи! Все живет, все движется... Кругом жизнь... Давай же и мы жить! Завтра решать вопросы, а сегодня, в эту ночь, жить, жить... Жить, Мишель!

Пауза.

Да что я в самом деле распелась пред тобой? (*Хохочет.*) Скажите пожалуйста! Я пою, а он и ломается!

П л а т о н о в (*хватает ее за руку*). Послушай!.. В последний раз... Как честный человек говорю... Уйди!.. В последний раз! Уйди!

А н н а П е т р. Будто бы? (*Хохочет.*) А ты не шутишь?.. Глупишь, брат! Теперь уж я тебя не оставлю! (*Бросается ему на шею.*) Слышишь? В последний раз говорю, не выпущу! Во что бы там ни стало, что бы там ни

было! Хоть меня погуби, хоть сам пропади, а возьму! Жить! Тра-та-та-та-та... ра-ра-ра... Чего рвешься, чу-дак? Мой! Мели теперь свою философию!

П л а т о н о в. Еще раз... Как честный человек...

А н н а П е т р. Честью не взяла, силой возьму... Люби, коли любишь, а не строй из себя дурачка! Тра-та-та-та... Звон победы раздавайся... Ко мне, ко мне! (*Накидывает ему на голову черный платок.*) Ко мне!

П л а т о н о в. К тебе? (*Смеется.*) Пустая ты женщина! Добра ты себе не желаешь... Плакать ведь будешь! Мужем твоим я не буду, потому что не про меня ты писана, а играть собой не позволю... Посмотрим, кто кем играть будет... Увидим... Заплачешь... Идем, что ли?

А н н а П е т р. (*хохочет*). Allons! (*Берет его под руку.*) Постой... Кто-то идет... Станем пока за дерево...

Прячутся за дерево.

В сюртуке кто-то, не мужик... Отчего ты в газеты передовых статей не пишешь? Ты славно бы писал... Не шутя.

Входит Т р и л е ц к и й.

Я В Л Е Н И Е V I I I

Т е ж е и Т р и л е ц к и й.

Т р и л е ц к и й (*идет к школе и стучит в окно*). Саша! Сестренка! Сашурка!

С а ш а (*отворяет окно*). Кто здесь? Это ты, Коля? Чего тебе?

Т р и л е ц к и й. Ты еще не спишь? Пусти меня, душечка, переночевать!

С а ш а. Сделай милость...

Т р и л е ц к и й. Положишь меня в классной... Да, пожалуйста, чтоб Мишель не узнал, что я у вас ночую: спать не даст своей философией! У меня голова ужасно кружится... Все в глазах двоится... Стою перед одним окном, а мне кажется, что их два: в какое лезть? Комиссия! Хорошо, что я не женат! Будь я женат, мне показалось бы, что я двоеженец... Все двоится! У тебя на двух шеях две головы! Кстати, между прочим... Там около

срубленного дуба, что над речкой — знаешь? — я сморкался, козявочка, и выронил из платка сорок рублей... Поднимешь их, душечка, завтра пораньше... Поищи и возьми себе...

С а ш а. Их чуть свет плотники поднимут... Какой же ты разгильдяй, Коля! Ах да! Чуть было не позабыла... Приходила жена лавочника и просила тебя убедительно, чтобы ты пришел к ним как можно скорей... Ее муж внезапно заболел... В голову какой-то удар сделался... Иди скорей!

Т р и л е ц к и й. Бог с ним совсем! Мне не до того... У меня у самого стреляет и в голове, и в брюхе... (*Лезет в окно.*) Посторонись...

С а ш а. Влезай скорей! Ногой меня зацепил... (*Запирает окно.*)

П л а т о н о в. Еще кого-то черти несут!

А н н а П е т р. Стой.

П л а т о н о в. Не держи... Уйду, если захочу! Кто это?

А н н а П е т р. Петрин и Щербук.

Входят П е т р и н и Щ е р б у к, без сюртуков, покачиваясь.
На первом черный цилиндр, на втором — серый.

Я В Л Е Н И Е V I I I

В е н г е р о в и ч 2 (в глубине сцены), П л а т о н о в, А н н а П е т р о в н а, П е т р и н и Щ е р б у к.

П е т р и н. Виват, Петрин, кандидат прав! Ура! Где дорога? Куда зашли? Что это? (*Хохочет.*) Тут, Павочка, народное просвещение! Тут дураков учат бога забывать да людей надувать! Вот куда мы зашли... Гм... Так-с... Тут, брат, тот... как его, черт? — Платошка живет, цивилизованный человек... Пава, а где теперь Платошка? Выскажи мнение, не стыдись! С генеральшей дуэт поет? Ох, господи, твоя воля... (*Кричит.*) Глагольев дурак! Она ему нос натерла, а с ним удар сделался!

Щ е р б у к. Домой хочу, Герася... Спать хочется страсть как! Шут с ними со всеми!

Петрин. А где наши сюртуки, Пава? К начальнику станции ночевать идем, а сюртуков нет... *(Хохочет.)* Девки сняли? Ах ты кавалер, кавалер! Девки сюртуки снимали... *(Вздыхает.)* Эх, Пава, Павочка... Ты шампань пил? Небось вот ты пьян теперь? А чье ты пил? Мое ты пил... И пил ты сейчас мое, и ел ты сейчас мое... На генеральше платье мое, на Сережке чулки мои... все мое! Я им все передавал! У самого каблучонки на сапожонках кривые... Все им отдал, все на них просадил, а что получил? Ты спроси, что я получил? Кукиш и позор... Да... Лакей за столом обносит да локтем норовит толкнуть, сама же как с свинством обращается...

Платонов. Надоело мне!

Анна Петр. Постой... Сейчас уйдут! Какой же скот этот Петрин! Как лжет! А та старая тряпка и верит...

Петрин. Жиду почета больше... Жид у изголовья, а мы у подножия ног... А почему? А потому, что жид больше денег дает... А на лбу роковые слова: продается с публичного торга!

Щербук. Это Некрасова... Говорят, помер Некрасов...

Петрин. Ладно же! Больше ни копейки! Слышишь? Ни копейки! Пусть старичок в могиле сердится... Пусть там себе с... гробокопателями! Шабаш! Протестую векселья! Завтра же! Я ее в грязь головой поставлю, неблагодарную.

Щербук. Она граф, барон! У нее генеральское лицо! А я... калмык, и больше ничего... Меня пушай Дуняша обожает... Какая дорога неровная! Шоссе бы надо со столбами телеграфическими... с колоколами... Дзиль, дзиль, дзиль...

(Уходят.)

Я В Л Е Н И Е IX

Т е ж е без Петрина и Щербука.

Анна Петр. *(выходит из-за дерева)*. Ушли?
Платонов. Ушли...

Анна Петр. *(берет его за плечи)*. Шествуем?

П л а т о н о в. Пойдем! Иду, но если бы ты знала, как мне не хочется идти!.. Пойду не я к тебе, а черт, который бьет меня теперь по затылку: иди, иди! Пойду не я к тебе, а мое слабое тело... А как бы я швырнул тебя, если бы не это, не воспитанное тело!

А н н а П е т р. Мерзости... (*Бьет Платонова хлыстом.*) Говори, говори, но не заговаривайся! (*Идет от Платонова.*) Хочешь — иди, не хочешь — наплевать! Кланяться не буду! Это уж слишком!

П л а т о н о в. Но... Поздно оскорбляться! (*Идет за ней и берет ее за руку.*)

Анна Петровна вырывает руку.

Ведь все одно... пойду... Теперь уж не остановишь во мне беса... Отворачиваешься? Поздно оскорбляться! Мы оба поставлены теперь в такое положение, что, как бы ни оскорбляли достоинство друг друга, не можем разойтись... Пойми же! Если моя совесть не принимает твоей любви, то только потому, что она глубоко убеждена в том, что ты делаешь непоправимую ошибку...

С а ш а (*в окно*). Миша, Миша! Где ты?

П л а т о н о в. Черт возьми!

С а ш а (*в окно*). Ах... Я вижу тебя... С кем это ты? (*Хохочет.*) Анна Петровна! Насилу я вас узнала! Вы такая черная! В чем это вы? Здравствуйте!

А н н а П е т р. Здравствуйте, Александра Ивановна!

С а ш а. Вы в амазонке? Катаетесь, значит? Отличное дело! Ночь такая хорошая! Поедем и мы с тобой, Миша!

А н н а П е т р. Я уже накаталась, Александра Ивановна. Домой сейчас еду...

С а ш а. В таком случае, разумеется... Иди, Миша, в комнату!.. Я не знаю, право, что делать! С Колей дурно...

П л а т о н о в. С каким Колей?

С а ш а. С братом Николаем. Выпил, должно быть, много... Войди, пожалуйста! Заходите и вы, Анна Петровна! Я сбегаю в погреб и сливок принесу... По стакану выпьем... Холодные сливки!

А н н а П е т р. Благодарю вас... Я сейчас домой еду...
(Платонову.) Ступай... Я подожду...

С а ш а. А то бы я сбегала в погреб... Иди, Миша!
(Скрывается.)

П л а т о н о в. Совершенно забыл о ее существовании. Верит-то, верит как?! Ступай... Я уложу ее спать и приду...

А н н а П е т р. Скорей же...

П л а т о н о в. Чуть-чуть скандала не было! Прощай пока... (Идет в школу.)

Я В Л Е Н И Е X

А н н а П е т р о в н а, В е н г е р о в и ч 2 и потом О с и п.

А н н а П е т р. Сюрприз... И я совершенно забыла о ее существовании...

Пауза.

Жестоко... Впрочем, ему не в первый раз надувать эту бедную девочку!.. Э-э-э... грешить так грешить! Один только бог будет знать! Не впервой... Канальство! Жди теперь, пока он уложит ее спать! Час протянется, если не больше...

В е н г е р о в и ч 2 (идет к ней). Анна Петровна... (Падает перед ней на колени.) Анна Петровна... (Хватает ее за руку.) Анна!

А н н а П е т р. Кто это? Кто вы? (Нагибается к нему.) Кто это? Вы, Исак Абрамыч? Вы ли? Что с вами?

В е н г е р о в и ч 2. Анна! (Целует руку.)

А н н а П е т р. Уйдите! Нехорошо так! Вы мужчина!

В е н г е р о в и ч 2. Анна!

А н н а П е т р. Полно вам цепляться! Уйдите прочь! (Пихает его в плечо.)

В е н г е р о в и ч 2 (растягивается на земле). Ох! Глупо... Глупо!

О с и п (входит). Комедьянты! Это, бывает, не вы, ваше превосходительство? (Кланяется.) Как это вы попали в наши святые места?

А н н а П е т р. Это ты, Осип? Здравствуй! Подсматриваешь? Шпионишь? *(Берет его за подбородок.)* Все видел?

О с и п. Все.

А н н а П е т р. А чего ты бледен так? а? *(Смеется.)* Ты влюблен в меня, Осип?

О с и п. Это как вам угодно...

А н н а П е т р. Влюблен?

О с и п. Я вас не понимаю... *(Плачет.)* Я вас за святую почитал... Ежели б приказали в огонь лезть, в огонь бы полез...

А н н а П е т р. Отчего ты в Киев не пошел?

О с и п. Что мне Киев? Я вас за святую почитал... Для меня святей вас и людей не было...

А н н а П е т р. Полно, дуралей... Носи опять ко мне зайчиков... Опять буду брать... Ну, прощай... Приходи завтра ко мне, и я тебе дам денег: по железной дороге в Киев поедешь... Идет? Прощай... Платонова у меня не смей трогать! Слышишь?

О с и п. Вы мне с этой поры уж не указ...

А н н а П е т р. Скажите пожалуйста! Не прикажете ли мне в монастырь идти? Его дело!.. Ну, ну... Плачет... Маленький ты, что ли? Довольно... Когда он будет идти ко мне, то выстрелишь!..

О с и п. В него?

А н н а П е т р. Нет, в воздух... Прощай, Осип! Погромче выстрели! Выстрелишь?

О с и п. Выстрелю.

А н н а П е т р. Ну и умничек...

О с и п. Только он к вам не пойдет... Он с женой теперь.

А н н а П е т р. Толкуй... Прощай, душегуб! *(Убегает.)*

Я В Л Е Н И Е X I

О с и п и В е н г е р о в и ч 2.

О с и п *(бьет шапкой оземь и плачет)*. Кончено! Всё кончено, и чтоб оно провалилось сквозь землю!

В е н г е р о в и ч 2 *(лежа)*. Что он говорит?

О с и п. Видел всю эту материю, слышал! Глаза лопа-лись, в ушах кто-то здоровенным молотом колотил! Все слышал! Ну, как его не убить, ежели хочется в клочки его разорвать, слопать... (*Садится на насыпь задом к школе.*) Надо убить...

В е н г е р о в и ч 2. Что он говорит? Кого убить?

Я В Л Е Н И Е XII

Т е ж е, П л а т о н о в и Т р и л е ц к и й.

П л а т о н о в (*выталкивает из школы Трилецкого*). Вон! Изволь сию же минуту отправляться к лавочнику! Марш!

Т р и л е ц к и й (*потягивается*). Лучше бы ты протянул меня завтра большой палкой, чем сегодня будить!

П л а т о н о в. Ты негодяй, Николай, негодяй! Понимаешь?

Т р и л е ц к и й. Что ж делать? Таким, значит, бог создал!

П л а т о н о в. А что, если лавочник уже умер?

Т р и л е ц к и й. Если умер, то царство ему небесное, а если же еще продолжает борьбу за существование, то напрасно ты говоришь страшные слова... Не пойду я к лавочнику! Мне спать хочется!

П л а т о н о в. Пойдешь, скот! Пойдешь! (*Толкает его.*) Я не дам тебе спать! Да что ты в самом деле? Что ты строишь из себя? Отчего ты ничего не делаешь? Ради чего ты здесь проедаешься, проводишь свои лучшие дни и бездельничаешь?

Т р и л е ц к и й. Пристал... Какой же ты, братец, право... клещ!

П л а т о н о в. Что ты за существо, скажи мне ты, пожалуйста? Это ужасно! Для чего ты живешь? Отчего ты не занимаешься наукой? Отчего не продолжаешь своего научного образования? Наукой отчего не занимаешься, животное?

Т р и л е ц к и й. Об этом интересном предмете поговорим, когда мне не будет спать хотеться, а теперь пусти

меня спать... *(Чешется.)* Черт знает что! Ни с того ни с сего: вставай, негодяй!.. Гм... Честные правила... Черт бы их съел, эти честные правила!

Платонов. Какому богу ты служишь, странное существо? Что ты за человек? Нет, не будет из нас толку! Нет, не будет!

Трилецкий. Послушай, Михаил Васильич, кто дал тебе право запускать свои холодные лапищи в чужие сердца! Твоя бесцеремонность выше всяких удивлений, братец!

Платонов. Не выйдет из нас ничего, кроме лишаев земли! Пропавший мы народ! Гроша мы не стоим! *(Плачет.)* Нет человека, на котором могли бы отдохнуть глаза! Как все пошло, грязно, истаскано... Поди прочь, Николай! Уйди!

Трилецкий *(пожимает плечами)*. Плачешь?

Пауза.

Я пойду к лавочнику! Слышишь? Я пойду!

Платонов. Как хочешь!

Трилецкий. Пойду! Иду вот...

Платонов *(стучит ногами)*. Пошел прочь!

Трилецкий. Хорошо... Ложись-ка спать, Мишель! Не стоит волноваться! Прощай! *(Идет и останавливается.)* На прощанье одно слово. Посоветуй всем проповедникам, в том числе и самому себе, чтобы слово проповедническое клеилось с делами проповедника... Если твои глаза не умеют отдохнуть на тебе самом, то не моги требовать от меня отдыха для твоих глаз, которые, à propos ¹, очень хороши у тебя при лунном свете! Они блестят у тебя, как зеленые стеклышки... И еще вот что... С тобой бы говорить не следовало... Тебя бы избить страшно, изломать на куски, разорвать бы с тобой навсегда за ту девочку... Сказать бы тебе то, чего ты отродясь не слышал! Но... не умею! Я плохой дуэлист! И это твое счастье!..

Пауза.

Прощай! *(Уходит.)*

---

¹ кстати *(франц.)*.

Платонов, Венгерович 2 и Осип.

Платонов (*хватает себя за голову*). Не один я таков, все таковы! Все! Где же люди, боже мой? Я-то каков! Не ходи к ней! Она не твоя! Это чужое добро! Испортишь ее жизнь, исковеркаешь навсегда! Уйти отсюда? Нет! Буду у ней, буду здесь жить, буду пьянствовать, язычничать... Развратные, глупые, пьяные... Вечно пьяные! Глупая мать родила от пьяного отца! Отец... мать! Отец... О, чтоб у вас там кости так переверочились, как вы спяна и сдуру переверочили мою бедную жизнь!

Пауза.

Нет... Что я сказал? Бог простит... Царство небесное... (*Наталкивается на лежащего Венгеровича.*) Это кто?

Венгерович 2 (*поднимается на колени*). Дикая, безобразная, позорная ночь.

Платонов. Аааа... Пойди и запиши эту дикую ночь в свой дурацкий дневник чернилами из отцовской совести! Прочь отсюда!

Венгерович 2. Да... Запишу... (*Уходит.*)

Платонов. Что он здесь делал? Подслушивал? (*Осипу.*) Ты кто? Ты зачем здесь, вольный стрелок? Тоже подслушивал? Прочь отсюда! Или постой!.. Догони Венгеровича и сними с него цепь!

Осип (*встает*). Какую цепь?

Платонов. У него на груди висит большая золотая цепь! Догони его и сними! Живей! (*Стучит ногами.*) Скорей, а то не догонишь! Он бежит теперь к деревне, как сумасшедший!

Осип. А вы к генеральше?

Платонов. Беги скорей, негодяй! Не бей его, а только сними цепь! Пошел! Чего стоишь? Беги!

Осип убегает.

(*После паузы.*) Идти... Идти или не идти? (*Вздыхает.*) Идти... Пойду затаю длинную, в сущности скучную, безобразную песню... Я же думал, что я хожу в прочной броне! А что же оказывается?

Женщина сказала слово, и во мне поднялась буря... У людей мировые вопросы, а у меня женщина! Вся жизнь — женщина! У Цезаря — Рубикон, у меня — женщина... Пустой бабник! Не жалко было бы, если бы не боролся, а то ведь борюсь! Слаб, бесконечно слаб!

С а ш а *(в окно)*. Миша, ты здесь?

П л а т о н о в. Здесь, мое бедное золото!

С а ш а. Иди в комнату!

П л а т о н о в. Нет, Саша! Я хочу побыть на воздухе. У меня голова трещит. Спи, мой ангел!

С а ш а. Спокойной ночи! *(Закрывает окно.)*

П л а т о н о в. Тяжело надувать того, кто верит безгранично! Я и вспотел и покраснел... Иду! *(Идет.)*

Навстречу ему идут Катя и Яков.

Я В Л Е Н И Е Х I V

П л а т о н о в, Катя и Яков.

К а т я *(Якову)*. Постой здесь... Я сейчас... Только книгу возьму... Не уйди же, смотри! *(Идет навстречу Платонову.)*

П л а т о н о в *(увидев Катю)*. Ты? Что тебе?

К а т я *(испугавшись)*. Ах... это вы? Мне вас нужно.

П л а т о н о в. Это ты, Катя? Все, начиная с барыни и кончая горничной, все — ночные птицы! Что тебе?

К а т я *(тихо)*. Вам барыня письмо прислала.

П л а т о н о в. Что?

К а т я. Вам барыня письмо прислала!

П л а т о н о в. Что врешь? Какая барыня?

К а т я *(тише)*. Софья Егоровна...

П л а т о н о в. Что? Ты с ума сошла? Окати себя холодной водой! Пошла вон отсюда!

К а т я *(подает письмо)*. Вот оно!

П л а т о н о в *(вырывает письмо)*. Письмо... письмо... Какое письмо! Нельзя было завтра принести? *(Распечатывает.)* Как же я его буду читать?

К а т я. Просили как можно скорей...

П л а т о н о в *(зажигает спичку)*. Черт вас носит! *(Читает.)* «Я делаю первый шаг. Иди, сделаем его вме-

сте. Я воскресаю. Иди и бери. Твоя». Черт знает... Телеграмма какая-то! «Жду до четырех часов в беседке около четырех столбов. Пьяный муж уехал с молодым Глагольевым на охоту. Вся твоя С.». Этого еще недоставало! Боже мой! Этого еще недоставало! *(Кате.)* Что смотришь?

К а т я. Как же мне не смотреть, если у меня глаза есть?

П л а т о н о в. Выколи себе свои глаза! Это ко мне письмо?

К а т я. К вам-с...

П л а т о н о в. Врешь! Прочь отсюда!

К а т я. Слушаю-с. *(Уходит с Яковом.)*

Я В Л Е Н И Е Х У

П л а т о н о в один.

П л а т о н о в *(после паузы.)* Вот они, последствия... Доигрался малый! Исковеркал женщину, живое существо, так, без толку, без всякой на то надобности... Прроклятый язык! Довел до чего... Что теперь делать! А ну-ка, мудрая ты голова, подумай! Брани себя теперь, рви волосы... *(Думает.)* Ехать! Сейчас же ехать и не сметь показываться сюда до самого Страшного суда! Марш отсюда на все четыре стороны, в ежовые рукавицы нужды, труда! Лучше худшая жизнь, чем эта с этой историей!

Пауза.

Еду... Но... неужели Софья на самом-таки деле любит меня? Да? *(Смеется.)* За что? Как все темно и странно на этом свете!

Пауза.

Странно... Неужели эта прекрасная, мраморная женщина с чудными волосами в состоянии полюбить нищего чудака? Неужели любит? Невероятно! *(Зажигает спичку и пробегает письмо.)* Да... Меня? Софья? *(Хочет.)* Любит? *(Хватает себя за грудь.)* Счастье! Да ведь это счастье! Это мое счастье! Это новая жизнь, с новыми лицами, с новыми декорациями! Иду! Марш в беседку

около четырех столбов! Жди, моя Софья! Была ты и будешь моей! (*Идет и останавливается.*) Не пойду! (*Идет обратно.*) Разбивать семью? (*Кричит.*) Саша, иду в комнату! Отворяй! (*Хватает себя за голову.*) Не пойду, не пойду... не пойду!

Пауза.

Пойду! (*Идет.*) Иди, разбивай, топчи, оскверняй... (*Сталкивается с Войницевым и Глагольевым 2.*)

Я В Л Е Н И Е Х V I

Платонов, Войницев и Глагольев 2.
Войницев и Глагольев 2 вбегают с ружьями через спину.

Войницев. Вот он! Вот он! (*Обнимает Платонова.*) Ну? на охоту едем!

Платонов. Нет... Постой!

Войницев. Что рвешься, друг? (*Хочет.*) Пьян, я пьян! Первый раз в жизни пьян! Боже мой, как я счастлив! Друг мой! (*Обнимает Платонова.*) Едем? Она послала меня.. Приказала настрелять для нее дичи...

Глагольев 2. Скорей едемте! Уже светает...

Войницев. Ты слышал, что мы выдумали? Не гениально разве? Мы думаем Гамлета сыграть! Честное слово! Такой театр удерем, что даже чертей затошнит! (*Хочет.*) Как ты бледен... И ты пьян?

Платонов. Пусти... Пьян...

Войницев. Постой... Моя идея! Завтра же начинаем декорации писать! Я — Гамлет, Софи — Офелия, ты — Клавдий, Трилецкий — Горацио... Как я счастлив! Доволен! Шекспир, Софи, ты и тап! Больше мне ничего не нужно! Впрочем, еще Глинка. Ничего больше! Я Гамлет...

И этому злодею,
Стыд женщины, супруги, матери забыв,
Могла отдаться ты!..

(*Хочет.*) Чем не Гамлет?

Платонов (*вырывается и бежит*). Подлец! (*Убегает.*)

В о й н и ц е в. Тюлюлю! Пьян! Важно! (*Хохочет.*)
Каков наш друг?

Г л а г о л ь е в 2. Наспиртован... Едем!

В о й н и ц е в. Едем... И вы были бы моим другом,
если бы... Офелия! О нимфа, помяни мои грехи в твоих
святых молитвах! (*Уходит.*)

Слышен шум идущего поезда.

Я В Л Е Н И Е Х V И I

О с и п и потом С а ш а.

О с и п (*вбегает с целью*). Где он? (*Оглядывается.*)
Где он? Ушел? Нет его? (*Свистит.*) Михаил Васильич!
Михаил Васильич! Ау!

Пауза.

Нет? (*Подбегает к окну и стучит.*) Михаил Васильич!
Михаил Васильич! (*Разбивает стекло.*)

С а ш а (*в окно*). Кто здесь?

О с и п. Позовите Михаила Васильича! Скорей!

С а ш а. Что случилось? Его нет в комнате!

О с и п (*кричит*). Нет? Пошел к генеральше, зна-
чит! Генеральша здесь была и к себе его звала! Все
пропало, Александра Ивановна! К генеральше пошел
он, проклятый!

С а ш а. Лжешь!

О с и п. Накажи меня господь, к генеральше! Все
слышал и видел! Они тут обнимались, целовались...

С а ш а. Лжешь!

О с и п. Чтоб ни отцу моему, ни матери не увидеть
царства небесного, коли вру! К генеральше! От жены
ушел! Догоните его, Александра Ивановна! Нет, нет...
Все пропало! И вы несчастная теперь! (*Снимает с
плеч ружье.*) Она приказала мне в последний раз, и я
исполняю в последний раз! (*Стреляет в воздух.*) Пусть
встречает! (*Бросает ружье на землю.*) Зарежу его,
Александра Ивановна! (*Перепрыгивает через насыпь и
садится на пень.*) Не беспокойтесь, Александра Ива-

новна... не беспокойтесь... Я его зарежу... Не сомневайтесь...

Показываются огни.

С а ш а (*выходит в ночной кофточке с распущенными волосами*). Ушел... Обманул... (*Рыдает.*) Пропала я... Убей меня, господи, после этого...

Свисток.

Под машину лягу... Не хочу я жить... (*Ложится на рельсы.*) Обманул. Убей меня, божья мать!

Пауза.

Прости, господи. Прости, господи... (*Вскрикивает.*) Коля! (*Поднимается на колени.*) Сын! Спасите! Спасите! Вот она, машина, идет!.. Спасите!

Осип подсакивает к Саше.

(*Падает на рельсы.*) Ах...

О с и п (*берет ее и несет в школу*). Зарежу... не беспокойтесь!

Идет поезд.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната в школе. Направо и налево двери. Шкаф с посудой, комод, старый фортепиан, стулья, диван, обитый клеенкой, гитара и т. д. Полный беспорядок.

Я В Л Е Н И Е I

Софья Егоровна и Платонов.
Платонов спит на диване, у окна. Лицо закрыто соломенной шляпой.

Софья Егор. (*будит Платонова*). Платонов! Михаил Васильич! (*Толкает его.*) Проснись! Мишель! (*Снимает с его лица шляпу.*) Можно ли класть на лицо такую грязную шляпу? Фи, какой неряха, нечистот! Запонки растерял, спит с открытой грудью, неумытый, в грязной сорочке... Мишель! Тебе говорят! Вставай!

Платонов. А?

Софья Егор. Проснитесь!

Платонов. После... Хорошо...

Софья Егор. Будет тебе! Изволь подняться!

Платонов. Кто это? *(Поднимается.)* Это ты, Софья?

Софья Егор. *(подносит к его глазам часы).* Взгляните!

Платонов. Хорошо... *(Ложится.)*

Софья Егор. Платонов!

Платонов. Ну, чего тебе? *(Поднимается.)* Ну?

Софья Егор. Взгляните на часы!

Платонов. Что такое? Опять ты, Софья, с причудами!

Софья Егор. Да, я опять с причудами, Михаил Васильич. Извольте взглянуть на часы! Который теперь час?

Платонов. Половина восьмого.

Софья Егор. Половина восьмого... А условие забыли?

Платонов. Какое условие? Выражайся ясней, Софья! Я не расположен сегодня ни шутить, ни решать ерундистые загадки!

Софья Егор. Какое условие? А ты забыл? Что с тобой? У тебя глаза красные, ты весь измят... Ты болен?

Пауза.

Условие: быть сегодня обоим в шесть часов в избе... Забыл? Шесть часов прошло...

Платонов. Дальше что?

Софья Егор. *(сидится рядом).* И тебе не стыдно? Отчего ты не приходил? Ты дал честное слово...

Платонов. Я и сдержал бы это слово, если бы не уснул... Ведь ты видишь, что я спал? Что же пристаешь?

Софья Егор. *(качает головой).* Какой же ты недобросовестный человек! Что злобно смотришь? Недобросовестный по отношению ко мне по крайней мере... Подумай-ка... Явился ли ты хоть раз вовремя на наши свидания? Сколько раз не сдерживал ты данного мне честного слова!

Платонов. Очень рад это слышать!

Софья Егор. Неумно, Платонов, стыдно! Зачем ты перестаешь быть благородным, умным, самим собой, когда я с тобою? Для чего эти плебейские выходки, недостойные человека, которому я обязана спасением своей духовной жизни? При мне держишь ты себя каким-то уродом... Ни ласкового взгляда, ни нежного слова, ни одного слова любви? Прихожу к тебе — от тебя пахнет вином, одет ты безобразно, не причесан, отвечаешь дерзко и невпопад...

Платонов *(вскакивает и шагает по сцене)*. Пришла!

Софья Егор. Ты пьян?

Платонов. Вам какое дело?

Софья Егор. Как это мило! *(Плачет.)*

Платонов. Женщины!!

Софья Егор. Не говори мне про женщин! Тысячу раз на день ты говоришь мне о них! Надоело! *(Встает.)* Что ты делаешь со мной?.. Ты уморить меня хочешь? Я больна через тебя! У меня день и ночь грудь болит по твоей милости! Ты этого не видишь? Знать ты этого не хочешь? Ты ненавидишь меня! Если бы ты любил меня, то не смел бы так обращаться со мной! Я не какая-нибудь простая девчонка для тебя, неотесанная, грубая душа! Я не позволю какому-нибудь... *(Садится.)* Ради бога! *(Плачет.)*

Платонов. Довольно!

Софья Егор. За что ты убиваешь меня? Не прошло и трех недель после той ночи, а я уже стала походять на щепку! Где же обещанное тобою счастье? Чем кончатся эти твои выходки? Подумай, умный, благородный, честный человек! Подумай, Платонов, пока еще не поздно! Думай вот сейчас... Сядь вот на этот стул, выкинь все из головы и подумай только об одном: что ты делаешь со мной?

Платонов. Я не умею думать.

Пауза.

А вот ты подумай! *(Подходит к ней.)* Ты подумай! Я лишил тебя семьи, благополучия, будущности... За что? К чему? Я ограбил тебя, как самый злейший враг твой!

Что я могу тебе дать? Чем я могу заплатить тебе за твои жертвы? Этот незаконный узел твое несчастье, твое мпипити, твоя гибель! (*Садится.*)

Софья Егор. Я сошлась с ним, а он смеет называть эту связь незаконным узлом!

Платонов. Э-э... Не время теперь придирааться к каждому слову! У тебя свой взгляд на эту связь, у меня свой... Я погубил тебя, вот и все! Да и не тебя одну... Подожди, что еще запоет твой муж, когда узнает!

Софья Егор. Ты боишься, чтобы он тебе не сделал неприятностей?

Платонов. Этого я не боюсь... Я боюсь, чтобы мы его не убили...

Софья Егор. Зачем же ты, малодушный трус, шел тогда ко мне, если ты знал, что мы убьем его?

Платонов. Пожалуйста, не так... патетично! Меня не проймешь грудными нотами... А зачем ты... Впрочем... (*машет рукой*) говорить с тобой — значит проливать твои слезы...

Софья Егор. Да, да... Никогда я не плакала, пока не сошлась с тобой! Бойся, дрожи! Он уже знает!

Платонов. Что?

Софья Егор. Он уже знает.

Платонов (*поднимается*). Он?!

Софья Егор. Он... Я сегодня утром объяснилась с ним...

Платонов. Шутки...

Софья Егор. Побледнел?! Тебя бы ненавидеть нужно, а не любить! Я с ума сошла... Я не знаю, за что... за что я люблю тебя? Он уже знает! (*Треплет его за рукав.*) Дрожи же, дрожи! Он все знает! Клянусь тебе честью, что он все знает! Дрожи!

Платонов. Быть не может! Не может быть этого!

Пауза.

Софья Егор. Он все знает... Нужно же было когда-нибудь сделать это?

Платонов. Отчего же ты дрожишь? Как ты объяснилась с ним? Что ты ему сказала?

Софья Егор. Я объявила ему, что я уже... что не могу...

Платонов. Он же что?

Софья Егор. Был похож на тебя... Испугался! А как невыносимо твое лицо в настоящую минуту!

Платонов. Что он сказал?

Софья Егор. Он сперва думал, что я шучу, но когда убедился в противном, то побледнел, зашатался, заплакал, начал ползать на коленях... У него было такое же противное лицо, как у тебя теперь!

Платонов. Что ты наделала, мерзкая?! (*Хватает себя за голову.*) Ты убила его! И ты можешь, и ты смеешь говорить это так хладнокровно? Ты убила его! Ты... назвала меня?

Софья Егор. Да... Как же иначе?

Платонов. Он же что?

Софья Егор. (*вскакивает*). Постыдись же наконец, Платонов! Ты не знаешь, что ты говоришь! По твоему, значит, не нужно было говорить?

Платонов. Не нужно! (*Ложится на диван лицом вниз.*)

Софья Егор. Честный человек, что ты говоришь?

Платонов. Честнее было бы не говорить, чем убивать! Мы убили его! Он заплакал, ползал на коленях... Ах! (*Вскакивает.*) Несчастный человек! Если бы не ты, он до самой смерти не узнал бы о нашей связи!

Софья Егор. Я обязана была объясниться с ним! Я честная женщина!

Платонов. Знаешь, что ты наделала этим объяснением? Ты рассталась с мужем навсегда!

Софья Егор. Да, навсегда... Как же иначе? Платонов, ты начинаешь говорить как... подлец!

Платонов. Навсегда... Что же будет с тобой, когда мы разойдемся? А мы скоро разойдемся! Ты первая перестанешь заблуждаться! Ты первая откроешь глаза и оставишь меня! (*Машет рукой.*) Впрочем... делай, Софья, что хочешь! Ты честней и умней меня, возьми же всю эту некстати заваренную кашу в свое распоряжение! Делай и говори ты! Воскрешай меня, если можешь, поднимай меня на ноги! Скорее только, ради бога, а то я сойду с ума!

Софья Егор. Мы завтра уезжаем отсюда.

Платонов. Да, да, едем... Скорей только!

Софья Егор. Надо увезти тебя отсюда... Я написала о тебе матери. Мы к ней поедem...

Платонов. К кому хочешь!.. Делай что знаешь!

Софья Егор. Мишель! Ведь новая же жизнь... Пойми ты это!.. Слушайся, Мишель, меня! Пусть все будет по-моему! У меня свежей голова, чем у тебя! Верь мне, мой дорогой! Я подниму тебя на ноги! Я повезу тебя туда, где больше света, где нет этой грязи, этой пыли, лени, этой грязной сорочки... Я сделаю из тебя человека... Счастье я тебе дам! Пойми же...

Пауза.

Я сделаю из тебя работника! Мы будем людьми, Мишель! Мы будем есть свой хлеб, мы будем проливать пот, натирать мозоли... *(Кладет голову ему на грудь.)* Я буду работать...

Платонов. Где ты будешь работать? Не такие есть женщины, как ты, посильнее, да и те валяются, как снопы, от безделья! Не умеешь ты работать, да и что ты будешь работать? Наше положение, Соня, таково теперь, что полезнее было бы рассуждать здраво, а не утешать себя иллюзиями... Впрочем, как знаешь!

Софья Егор. Увидишь! Есть женщины не такие, как я, но я сильнее их... Веруй же, Мишель! Я освещу путь твой! Ты воскресил меня, и вся жизнь моя будет благодарностью... Едем завтра? Да? Я сейчас пойду в дорогу собираться... Собирайся и ты... В десять часов приходи в избу и приноси свои вещи... Придешь?

Платонов. Приду.

Софья Егор. Дай мне честное слово, что ты придешь!

Платонов. А-а-а... Сказал же!

Софья Егор. Дай честное слово!

Платонов. Честное слово... Божусь... Уедем!

Софья Егор. *(смеется)*. Верю, верю! Даже раньше приходи... Я раньше десяти часов буду готова... А ночью и покатым! Заживем, Мишель! Счастья своего ты не понимаешь, глупый человек! Ведь это наше счастье, наша жизнь!.. Завтра же ты будешь другим человеком, свежим, новым! Задышим новым воздухом; потечет в

наших жилах новая кровь... (Хочет.) Прочь, ветхий человек! На тебе руку! Жми ее! (Подает руку.)

Платонов целует руку.

Приходи же, мой тюлень! Я буду ждать... Не хандри... Прощай пока! Я живо соберусь!.. (Целует его.)

П л а т о н о в. Прощай... В одиннадцать или в десять?
С о ф ь я Е г о р. В десять... Даже раньше приходи. Прощай! Оденься на дорогу попримочней... (Смеется.) Денежки у меня есть... Дорогой и поужинаем... Прощай! Пойду собираться... Будь же весел! В десять часов жду! (Убегает.)

Я В Л Е Н И Е П

Платонов один.

П л а т о н о в (после паузы). Не новая песня... Сто раз слышал...

Пауза.

Напишу ему и Саше по письму... Пусть поплачут, простят и забудут!.. Прощай, Войницевка! Прощай все! И Саша, и генеральша... (Открывает шкаф.) Завтра я уже новый человек... Страсть какой новый! Во что белье взять? У меня нет чемодана... (Наливает вино.) Прощай, школа! (Пьет.) Прощайте, мои ребятишки! Исчезает ваш плохой, но добрый Михаил Васильич! Это я пил сейчас? Для чего? Больше не стану пить... Это в последний раз... Сяду писать Саше... (Ложится на диван.) Софья искренно верит... Блаженны верующие!.. Смеясь, генеральша! А ведь генеральша смеяться будет! Хотать будет!.. Да! От нее, кажется, письмо было... Где оно? (Достает с окна письмо.) Сотое письмо, если не двухсотое после той дикой ночи... (Читает.) «Вы, Платонов, не отвечающий на мои письма, неделикатный, жестокий, глупый невежа! Если и это письмо оставите без внимания, не явитесь, то, так и быть уж, сама явлюсь к вам, черт с вами! Жду целый день. Глупо, Платонов! Можно подумать, что вам стыдно той ночи. Забудем ее, если уж на то пошло! Сергей и Софья ведут себя пре-скверно — конец месяцу, вымазанному диким медом.

А все потому, что нет красноречивого болванчика с ними. Вы болванчик! До свидания!»

Пауза.

А почерк-то какой! Аккуратный, смелый... Запятые, точки, ять, е — все на своем месте... Женщина, правильно пишущая, редкое явление...

Входит М а р к о.

Надо будет ей письмо написать, а то придет, пожалуй...
(Увидев Марко.) Явление...

Я В Л Е Н И Е Ш

П л а т о н о в и М а р к о.

П л а т о н о в. Милости просим! Кого надобно? (Поднимается.)

М а р к о. К вашему благородию... (Вынимает из сумки повестку.) Повесточку к вашей милости...

П л а т о н о в. А... Очень приятно. Какую повесточку? Ты от кого?

М а р к о. От Ивана Андреевича, мирового судьи-с...

П л а т о н о в. Гм... От мирового! На что я ему сдался? Дай сюда! (Берет повестку.) Не понимаю... На крестины зовет, что ли? Плодовит, как саранча, старый грешник! (Читает.) «В качестве обвиняемого по делу об оскорблении действием дочери статского советника Марьи Ефимовны Грековой». (Хохочет.) Ах, черт возьми! Bravo! Черт возьми! Bravo, клоповый эфир! Когда будет разбираться это дело? Послезавтра? Приду, приду... Скажи, старче, что приду... Умница, ей-богу умница! Молодец девка! Вот давно бы так и следовало!

М а р к о. Извольте расписаться-с!

П л а т о н о в. Расписаться? Изволь... Ужасно ты, братец, на подстреленную утку похож!

М а р к о. Никак нет-с...

П л а т о н о в (садится за стол). На кого же ты похож?

М а р к о. На образ и подобие божие-с...

П л а т о н о в. Так... Николаевский?

М а р к о. Точно так... После Севастопольской кампании-с отставку получил... Сверх службы четыре года в госпитале пролежал... Унтер-офицер... Я по артиллерии-с...

П л а т о н о в. Так... Хороши были пушки?

М а р к о. Обнаковенные... Круглого диаметра...

П л а т о н о в. Карандашом можно?

М а р к о. Можно-с... Получил сию повестку такой-то. Имя, отчество и фамилия.

П л а т о н о в (*встает*). Получи. Пять раз расписался. Ну что твой мировой? Играет?

М а р к о. Так точно.

П л а т о н о в. От пяти часов вечера до пяти часов вечера?

М а р к о. Точно так.

П л а т о н о в. Цепи своей еще не проиграл?

М а р к о. Никак нет-с...

П л а т о н о в. Скажи ему... Впрочем, ничего не говори ему... Карточных долгов, разумеется, не платит... Играет, глупец, должна, а у самого детей целая куча... Ведь этакая она умница, ей-богу! Не ожидал, совсем не ожидал! Свидетелями же кто? Кому еще есть повестки?

М а р к о (*перебирает повестки и читает*). «Господину доктору Николаю Ивановичу Трилецкому-с»...

П л а т о н о в. Трилецкому? (*Хохочет.*) Можно будет комедь удрать! А еще кому?

М а р к о (*читает*). «Господину Кириллу Порфирьичу Глагольеву-с, господину Альфонсу Иванычу Шрифтеру, его благородию господину отставному гвардии корнету Максиму Егорычу Алеутову-с, сыну действительного статского советника господину гимназисту Ивану Талье, господину кандидату Санкт-Петербургского неверситета»...

П л а т о н о в. Там так и написано «неверситета»?

М а р к о. Никак нет-с...

П л а т о н о в. Зачем же ты так читаешь?

М а р к о. По невежеству-с... (*Читает.*) «...уни... уни... неверситета Сергею Павлычу... Павловичу Войницеву, жене кандидата Санкт-Петербургского уни...

неверситета Софье Егоровне госпоже Войницевой, господину студенту Харьковского неверситета Исаку Абрамычу Венгеровичу». Все-с!

П л а т о н о в. Гм... Это послезавтра, а завтра ехать нужно... Жалко. Вот был бы, воображаю, процесс... Гм... Экая досада! Доставил бы ей удовольствие... *(Ходит по сцене.)* Досада...

М а р к о. На чаек бы с вашего благородия...

П л а т о н о в. А?

М а р к о. На чаек бы... Шесть верст шел-с...

П л а т о н о в. На чаек? Не нужно... Впрочем, что я говорю? Хорошо, мой милый! На чаек я тебе не дам, а я тебе лучше чайку дам... И мне выгоднее, да и для тебя трезвее... *(Вынимает из шкафа чайницу.)* Подойди сюда... Чай хороший, крепкий... Хоть не сорокаградусный, но крепкий... Во что же тебе дать?

М а р к о *(подставляет карман)*. Сыпьте-с...

П л а т о н о в. Прямо в карман? А не провоняет?

М а р к о. Сыпьте-с, сыпьте-с... Не сомневайтесь...

П л а т о н о в *(сылет чай)*. Довольно?

М а р к о. Благодарим покорно...

П л а т о н о в. Какой же ты старый... Люблю я вас, старых солдатиков!.. Душа вы народ!.. Но и между вами встречаются иногда такие ужасные...

М а р к о. Всякие бывают-с... Один господь без греха... Счастливо оставаться!

П л а т о н о в. Постой... Сейчас... *(Садится и пишет на повестке.)* «Тогда целовал, потому что... потому что был раздражен и не знал, чего хотел, теперь же поцеловал бы как святыню! Гадок был с вами, сознаю. Со всеми я гадок. На суде, к сожалению, не увидимся. Завтра уезжаю навсегда. Будьте счастливы и будьте хоть вы справедливы ко мне! Не прощайте!» *(Марку.)* Знаешь, где Грекова живет?

М а р к о. Знаю-с. Двенадцать верст отсюда, если пройти реку бродом-с...

П л а т о н о в. Ну да... в Жилкове... Отнеси ты ей это письмо, и ты получишь три целковых. Барышне прямо отдашь... Ответа не нужно... Будет давать, не бери... Сегодня же отнесешь... Сейчас... Отнесешь, а потом уж разнесешь повестки. *(Ходит по сцене.)*

Марко. Понимаю.

Платонов. Еще что? Да! Будешь говорить всем, что я у Грековой прощения просил и что она меня не простила.

Марко. Понимаю. Счастливо оставаться!

Платонов. Прощай, друг! Будь здоров!

Марко уходит.

Я В Л Е Н И Е I V

Платонов один.

Платонов. С Грековой, значит, квиты... На всю губернию осрамит... Так и следует... Первый раз в жизни меня наказывает женщина... *(Ложится на диван.)* Им пакостишь, а они тебе на шею вешаются... Софья, например... *(Закрывает платком лицо.)* Был свободен, как ветер, а теперь лежи вот здесь; мечтай... Любовь... Ато, амас, ама!..¹ Связался... И ее погубил, и себя уважил... *(Вздыхает.)* Бедные Войницевы! А Саша? Бедная девочка! Как-то она заживет без меня? Зачахнет, умрет... Ушла, почуяла правду, ушла с ребенком, не сказав ни одного слова... Ушла после той же ночи... Проститься бы с ней...

Анна Петр. *(в окно)*. Можно войти? Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Платонов. Анна Петровна! *(Вскакивает.)* Генеральша! Что ей сказать? Ну зачем ей приходиться сюда, спрашивается? *(Поправляется.)*

Анна Петр. *(в окно)*. Можно войти? Я вхожу! Слышите?

Платонов. Пришла! Каким бы образом не впустить ее? *(Причесывается.)* Как бы ее спровадить. Выпью, пока еще не вошла... *(Быстро отворяет шкаф.)* И за каким чертом... Не понимаю! *(Быстро выпивает.)* Хорошо, если она еще ничего не знает, ну, а если знает? Покраснею...

---

¹ Люблю, любишь, любит! . *(лат.)*

Платонов и Анна Петровна.

Анна Петровна входит.

Платонов медленно запирает шкаф.

Анна Петр. Мое почтение! Наше вам!

Платонов. Не запирается...

Пауза.

Анна Петр. Вы! Здравствуйте!

Платонов. Ах... Это вы, Анна Петровна? Pardon, я и не заметил... Не запирается, да и только... Странно...
(Роняет ключ и поднимает.)

Анна Петр. Подходите же ко мне! Оставьте шкаф в покое! Оставьте!

Платонов (подходит к ней). Здравствуйте...

Анна Петр. Что же это вы на меня не смотрите?

Платонов. Стыдно. (Целует руку.)

Анна Петр. Чего стыдно?

Платонов. Всего.

Анна Петр. Гм... Соблазнил кого-нибудь?

Платонов. Да, в этом роде...

Анна Петр. Ай да Платонов! Кого же?

Платонов. Не скажу...

Анна Петр. Сядем... (Садится на диван.) Узнаем, молодой человек, узнаем... Чего же меня-то стыдиться? Ведь я вашу грешную душу давно уже знаю...

Платонов. Не спрашивайте, Анна Петровна! Не расположен я сегодня присутствовать на собственном допросе. Говорите, если хотите, но не спрашивайте!

Анна Петр. Ладно. Письма получал?

Платонов. Да.

Анна Петр. Отчего же не являлся?

Платонов. Не могу.

Анна Петр. Отчего же не можете?

Платонов. Не могу.

Анна Петр. Дуетесь?

Платонов. Нет. За что мне дуться? Не спрашивайте, ради бога!

Анна Петр. Извольте мне отвечать, Михаил Васильич! Сядьте хорошенько! Отчего вы не являлись к нам в эти последние три недели?

Платонов. Болен был.

Анна Петр. Лжете!

Платонов. Лгу. Не спрашивайте, Анна Петровна!

Анна Петр. Как от вас винищем несет! Платонов, что это все значит? Что с вами? На что вы стали похожи? Глаза красные, лицо скверное... Вы грязны, в комнатах грязь... Посмотрите вокруг себя, что это за безобразие? Что с вами? Вы пьете?

Платонов. Ужасно пью!

Анна Петр. Гм... Прошлогодня история... В прошлом году соблазнил и до самой осени ходил мокрой курицей, так и теперь... Дон-Жуан и жалкий трус в одном теле. Не смей пить!

Платонов. Не буду...

Анна Петр. Честное слово? Впрочем, для чего отягощать вас честным словом? *(Встает.)* Где ваше вино?

Платонов указывает на шкаф.

Стыдно, Миша, быть таким малодушным! Где ваш характер? *(Отпирает шкаф.)* А в шкафу-то какой беспорядок! Задаст же вам Александра Ивановна, когда воротится! Хотите, чтоб жена воротилась?

Платонов. Хочу только одного: не задавайте мне вопросов и не смотрите мне прямо в лицо!

Анна Петр. В какой бутылке вино!

Платонов. Во всех.

Анна Петр. Во всех пяти? Ах вы пьяница, пьяница! Да у вас в шкафу целое питейное заведение! Нужно, чтобы Александра Ивановна воротилась... Вы ей объясните как-нибудь... Я соперница не из ужасных... Подельчива... Не в моих планах разводить вас... *(Отпивает из бутылки.)* А вино вкусное... Идите-ка, выпьем немножко! Хотите? Выпьем, да и больше пить не будем!

Платонов идет к шкафу.

Держите стакан! *(Льет вино.)* Дуйте! Больше не налью.

Платонов пьет.

А теперь и я выпью... *(Наливает.)* За здоровье плохих! *(Пьет.)* Плохой вы! Хорошее вино! У вас есть вкус... *(Подает ему бутылки.)* Держите-ка! Несите сюда!

Идут к окну.

Прощайтесь с вашим вкусным вином! (*Смотрит в окно.*)
Выливать жалко... Еще разве выпить, а? Выпьем?

П л а т о н о в. Как хотите...

А н н а П е т р. (*наливает*). Пейте... Скорей!

П л а т о н о в. (*пьет*). За ваше здоровье! Дай бог вам счастья!

А н н а П е т р. (*наливает и пьет*). Скучал за мной? Сядем. Поставьте бутылки пока...

Садятся,

Скучал?

П л а т о н о в. Каждую минуту.

А н н а П е т р. Отчего же не являлся?

П л а т о н о в. Не спрашивайте! Ничего я вам не скажу не потому, что я не откровенен с вами, а потому, что жалею ваши уши! Я пропадаю, совсем пропадаю, моя дорогая! Угрызения совести, тоска, хандра... мука, одним словом! Вы пришли, и мне стало легче.

А н н а П е т р. Вы похудели, подурнели... Не терплю я этих романтических героев! Что вы строите из себя, Платонов? Разыгрываете героя какого романа? Хандра, тоска, борьба страстей, любовь с предисловиями... Фи! Держите себя по-человечески! Живите, глупый человек, как люди живут! Что вы за архангел такой, что вам не живется, не дышится и не сидится так, как обыкновенным смертным?

П л а т о н о в. Это говорить легко... Что же делать?

А н н а П е т р. Человек живет, мужчина то есть, живет и не знает, что ему делать! Странно! Что ему делать?! Извольте, я отвечу вам на ваш вопрос, как умею, хотя он и не стоит ответа, как вопрос праздный!

П л а т о н о в. Ничего вы не ответите...

А н н а П е т р. Во-первых, живите по-человечески, то есть не пейте, не лежите, умывайтесь почаще и ходите ко мне, а во-вторых, будьте довольны тем, что имеете... Глупите, сэр! Мало вам вашего учительства? (*Встает.*) Пойдем сейчас ко мне!

П л а т о н о в. Как? (*Встает.*) К вам идти? Нет, нет...

А н н а П е т р. Идемте! Людей увидите, поговорите, послушаете, побранитесь...

Платонов. Нет, нет... И не приказывайте!

Анна Петр. Почему же?

Платонов. Не могу, вот и все!

Анна Петр. Можете! Надевайте вашу шляпу! Идемте!

Платонов. Не могу, Анна Петровна! Ни за что! Шага из дома не сделаю!

Анна Петр. Можете! *(Надевает на него шляпу.)* Глупишь, брат Платонов, шутишь! *(Берет его под руку.)* Ну? Раз, два!.. Идите, Платонов! Вперед!

Пауза.

Да ну же, Мишель! Идите!

Платонов. Не могу!

Анна Петр. Упрямится, точно молодой бык! Начинайте шагать! Ну? Раз, два... Мишель, голубчик, родненький, хорошенький...

Платонов *(вырывается)*. Не пойду я, Анна Петровна!

Анна Петр. Пойдем вокруг школы пройдемся!

Платонов. Зачем приставать? Ведь сказал же, что не пойду? Хочу сидеть дома, а потому и позвольте мне делать так, как я хочу!

Пауза.

Не пойду!

Анна Петр. Гм... Вот что, Платонов... Я вам займу немного денег, а вы уезжайте отсюда куда-нибудь на месяц, на два...

Платонов. Куда?

Анна Петр. В Москву, в Петербург... Идет? Поезжайте, Мишель! Вам более чем необходимо проветриться! Прокатаетесь, людей посмотрите, в театры сходите, освежитесь, проветритесь... Я вам [дам] денег, писем... Хочешь, я с тобой поеду? Хочешь? Покатаемся, нагуляемся... Приедем сюда обратно обновленными, сияющими...

Платонов. Прелестная идея, но, к несчастью, неисполнима... Завтра я еду отсюда, Анна Петровна, но не с вами!

Анна Петр. Как хотите... Куда едете?

П л а т о н о в. Еду...

Павза.

Навсегда уезжаю отсюда...

А н н а П е т р. Пустяки... *(Отпивает из бутылки.)*
Вздор!

П л а т о н о в. Не пустяки, моя дорогая! Еду! Навсегда!!

А н н а П е т р. Для чего же, странный вы человек!

П л а т о н о в. Не спрашивайте! Ей-богу, навсегда! Уезжаю и... Прощайте, вот что! Не спрашивайте! Ничего вы не узнаете от меня теперь...

А н н а П е т р. Вздор!

П л а т о н о в. Сегодня только и видимся... Навсегда скроюсь... *(Берет ее за рукав и потом за плечо.)* Забудьте дурака, осла, подлеца и мерзавца Платонова! Он провалится сквозь землю, стучуется. Встретимся, быть может, через десятки лет, когда оба будем в состоянии хохотать и старчески плакать над этими днями, а теперь... черт с ним! *(Целует руку.)*

А н н а П е т р. На-ка выпей! *(Наливает ему вина.)*
Пьяному не грешно молотить чепуху...

П л а т о н о в *(выпивает)*. Не буду я пьян... Буду помнить, моя мать, моя хорошая фея!.. Никогда не забуду! Смейся, развитая, светлоголовая женщина! Завтра я бегу отсюда, бегу от самого себя, сам не знаю куда, бегу к новой жизни! Знаю я, что такое эта новая жизнь!

А н н а П е т р. Все это прекрасно, но что с вами поделалось?

П л а т о н о в. Что? Я... После все узнаете! Друг мой, когда вы ужаснетесь моему поступку, не проклинайте меня! Помните, что я уже почти что наказан... Расстаться с вами навсегда больше чем наказание... Чего улыбаетесь? Верьте! Честное слово, верьте! Так горько на душе, так скверно и подло, что рад был бы задушить себя!

А н н а П е т р. *(сквозь слезы)*. Не думаю, чтобы вы были способны на ужасное что-нибудь... Вы мне напишете по крайней мере?

П л а т о н о в. Не посмею я писать к вам, да и вы

сами не захотите читать моих писем! Безусловно навсегда... прощайте!

А н н а П е т р. Гм... Пропадете вы без меня, Платонов! (*Трет себе лоб.*) Я чуточку опьянела... Поедем вместе!

П л а т о н о в. Нет... Завтра все узнаете и... (*Оборачивается к окну.*)

А н н а П е т р. Вам нужны деньги?

П л а т о н о в. Нет...

А н н а П е т р. А... помочь не могу?

П л а т о н о в. Не знаю. Пришлите сегодня мне вашу карточку... (*Оборачивается.*) Уходите, Анна Петровна, или я черт знает чего наделаю! Я разрыдаюсь, отколочу себя и... Уходите! Нельзя мне оставаться! Вам говорят русским языком! Чего же вы ждете? Я должен ехать, поймите вы это! Зачем же так смотреть? Для чего делать такое лицо?

А н н а П е т р. Прощайте... (*Подает руку.*) Мы еще увидимся.

П л а т о н о в. Нет... (*Целует руку.*) Не нужно... уходите, моя родная... (*Целует руку.*) Прощайте... Оставьте... (*Закрывает себе лицо ее рукой.*)

А н н а П е т р. Раскис, сердечный, растаял... Ну? Пустите руку... Прощайте! Выпьем на прощании, что ли? (*Наливает.*) Пейте!.. Счастливого пути, а после пути счастья!

Платонов пьет.

Остался бы, Платонов! А? (*Наливает и пьет.*) Важно пожили бы... Что за преступление такое? Возможно ли оно в Войницевке?

Пауза.

Налить еще с горя?

П л а т о н о в. Да.

А н н а П е т р. (*наливает*). Пей, душа моя... Эх, черт возьми!

П л а т о н о в (*пьет*). Будьте счастливы! Живите тут себе... И без меня можно.

А н н а П е т р. Пить так пить... (*Наливает.*) И пить умирать, и не пить умирать, так лучше же пить умирать... (*Пьет.*) Пьяница я, Платонов... А? Налить

еще? Не нужно, впрочем... Язык свяжет, а чем тогда говорить будем? (*Садится.*) Нет ничего хуже, как быть развитой женщиной... Развитая женщина и без дела... Ну что я значу, для чего живу?

Пауза.

Поневоле безнравственная... Я безнравственная женщина, Платонов... (*Хочет.*) А? И тебя люблю, может быть, потому, что безнравственная... (*Трет себе лоб.*) Я и пропаду... Такие всегда пропадают... Меня бы куда-нибудь профессором, директором... Будь я дипломатом, я бы весь свет перебаламутила... Развитая женщина и... без дела. Не нужна, значит... Лошади, коровы и собаки нужны, а ты не нужна, лишняя... А? Что же ты молчишь?

П л а т о н о в. Обоим нам плохо...

А н н а П е т р. Хоть бы дети были... Ты любишь детей? (*Встает.*) Останься, голубчик! Останешься? Хорошо пожилы бы!.. Весело, дружно... Ты уедешь, а я же как? Ведь мне же отдохнуть хочется... Мишель! Мне отдохнуть надо! Я хочу быть... женой, матерью...

Пауза.

Не молчи! Говори! Останешься? Ведь... ведь любишь, чужак? Любишь?

П л а т о н о в (*смотрит в окно*). Убью себя, если останусь.

А н н а П е т р. Ведь любишь?

П л а т о н о в. Кто вас не любит?

А н н а П е т р. Ты меня любишь, я тебя тоже, что же тебе еще нужно? С ума ты сходишь, должно быть... Что тебе еще нужно? Отчего тогда ночью не приходил?

Пауза.

Остаешься?

П л а т о н о в. Уходите, ради бога! Вы мучаете меня!

А н н а П е т р. (*подает руку*). Ну... в таком случае... Желаю всего лучшего...

П л а т о н о в. Уйдите же, или я все расскажу, а если расскажу, то убью себя!

А н н а П е т р. Я руку подаю... Не видите? Я вечером забегу на минуту...

Платонов. Не нужно! Сам приду проститься! Сам к вам приду... Ни за что не приду! Не увидишь ты меня больше, и я тебя не увижу! Сама не захочешь увидеть! Отвернешься навсегда! Новая жизнь... *(Обнимает ее и целует.)* В последний раз... *(Выталкивает ее в дверь.)* Прощай! Ступай и будь счастлива! *(Запирает дверь на задвижку.)*

Анна Петр. *(за дверью)*. Клянусь богом, что увидимся!

Платонов. Нет! Прощай! *(Затыкает пальцами уши.)* Ничего не слышу! Молчи и уходи! Я заткнул уши!

Анна Петр. Ухожу! Я пришлю к тебе Сергея и даю слово, что ты не уедешь, а если уедешь, то со мной! Прощай!

Пауза.

ЯВЛЕНИЕ VI

Платонов один.

Платонов. Ушла? *(Идет к двери и слушает.)* Ушла... А может быть, и не ушла? *(Отворяет дверь.)* Она ведь бес... *(Смотрит за дверь.)* Ушла... *(Ложится на диван.)* Прощай, милая женщина!.. *(Вздыхает.)* И не увижу больше никогда... Ушла... Могла бы еще побыть минут пять...

Пауза.

Это было бы недурно! Попрошу-ка Софью отложить отъезд недели на две, а сам с генеральшей поеду! Право... Две недели — только! Софья согласится... Может пока у матери пожить... Попрошу-ка... а?.. Пока я буду ездить с генеральшей, Софья поотдохнет... сил наберется то есть... Ну да ведь не навеки же уеду!

Стук в дверь.

Еду! Решено! Отлично...

Стук.

Кто стучит! Генеральша? Кто там?

Стук.

Это вы? *(Встает.)* Не впусчу! *(Идет к двери.)* Она ли это?

Стук.

Хихикает, кажется. *(Смеется.)* Она... Надо впустить... *(Отворяет дверь.)* Ах!

Входит О с и п.

Я В Л Е Н И Е VII

П л а т о н о в и О с и п.

П л а т о н о в. Что такое? Ты, черт? Зачем пожаловал?

О с и п. Здравствуйте, Михаил Васильич!

П л а т о н о в. Что скажешь? Чему и кому обязан посещением такой важной персоны! Говори скорей и убирайся к черту!

О с и п. Я сяду... *(Садится.)*

П л а т о н о в. Сделайте такое одолжение!

Пауза.

Ты ли это, Осип? Что с тобой? На лице у тебя написаны все десять египетских казней! Что с тобой поделалось? Ты бледен, худ, тощ... Ты болен?

О с и п. У вас тоже казни на лице написаны... Что с вами поделалось? Меня черт берет, ну а вы?

П л а т о н о в. Я? Я с чертом незнаком... Я сам себя беру... *(Трогает Осипа за плечо.)* Одни кости!

О с и п. Жирок ваш где? Больны, Михаил Васильич? От хорошего поведения?

П л а т о н о в *(садится рядом)*. Зачем пришел?

О с и п. Проститься.

П л а т о н о в. Разве уезжаешь?

О с и п. Не я уезжаю, а вы уезжаете.

П л а т о н о в. Вот как! А ты почему знаешь?

О с и п. Как не знать!

П л а т о н о в. Не уезжаю, брат, я. Напрасно ты пришел.

О с и п. Уезжаете-с...

П л а т о н о в. И все ты знаешь, и до всего тебе дело... Ты, Осип, колдун. Еду, любезный. Ты прав.

О с и п. Вот видите ли, значит, знаю. Знаю даже, куда и поедете!

П л а т о н о в. Да? Экий ты какой... А я не знаю. Мудрец, совсем мудрец! Ну-ка скажи, куда?

О с и п. А вам хочется знать?

П л а т о н о в. Помилуй! Интересно! Куда же?

О с и п. На тот свет.

П л а т о н о в. Далеко!

Пауза.

Загадка. Не ты ли отправителем будешь?

О с и п. Так точно. Подорожную вам принес.

П л а т о н о в. Очень приятно!.. Гм... Убить, значит, пришел!

О с и п. Так точно...

П л а т о н о в (*дразнит*). Так точно... Какое нахальство, черт побери! Он пришел отправить меня на тот свет... Гм... Убивать меня станешь от себя или же по чьему-нибудь поручению?

О с и п (*показывает четвертную*). Вот... Венгерович дал, чтобы я вашу милость покалечил! (*Рвет деньги.*)

П л а т о н о в. Ага... Старый Венгерович?

О с и п. Он самый...

П л а т о н о в. Для чего же это ты порвал деньги? Великодушие свое показать хочешь, что ли?

О с и п. Не умею я великодушие показывать, а для того деньги эти порвал, чтобы вы не подумали на том свете, что я вас из-за денег убил.

Платонов встает и ходит по сцене.

Бойтесь, Михаил Васильич? Страшно? (*Смеется.*) Бежите, кричите! Около дверей не стою, дверей не держу: выход есть. Подите народ сзывайте, скажите, что Осип убить пришел! А убить пришел... Не верите?

Пауза.

П л а т о н о в (*подходит к Осипу и смотрит на него*). Удивительно!

Пауза.

Что улыбаешься? Дурак! (*Бьет его по руке.*) Не улыбаться! С тобой говорят! Молчать! Я тебя повешу!

Я из тебя мочалу сделаю, разбойник! (*Быстро отходит от него.*) Впрочем... Не серди меня. Мне нельзя сердиться... Мне больно.

О с и п. Ударьте меня по щеке за то, что я вредный человек!

П л а т о н о в. Сколько угодно! (*Подходит к Осипу и дает ему пощечину.*) Что? Шатаешься? Подожди, не так еще зашатаешься, когда сотни палок будут дробить твою пустую голову! Помнишь, как умер рябой Филька?

О с и п. Собаке собачья и смерть.

П л а т о н о в. В-в-в... как ты отвратителен, тварь! Я исковеркать тебя готов, негодяй! За что ты вредишь им, подлая душа, как болезнь, как шальной огонь? Что они сделали тебе? В-в-в... Мерзавец! (*Бьет его по щеке.*) Гадость! Я тебя... я тебя... (*Быстро отходит от Осипа.*) Ступай!

О с и п. Плюньте мне в глаза за то, что я вредный человек!

П л а т о н о в. Слюны жалко!

О с и п (*поднимается*). А вы смеете так говорить?

П л а т о н о в. Ступай отсюда, пока я тебя с грязью не смешал!

О с и п. Не смеете! Вы тоже вредный человек!

П л а т о н о в. Ты еще разговаривать со мной станешь? (*Подходит к нему.*) Ты убить, кажется, пришел? На! Убивай! Вот он я! Убивай же!

О с и п. Уважал я вас, господин Платонов, за важного человека почитал! Ну а теперь... Жалко убивать, да надо... Уж вредны очень... Зачем к вам сегодня молодая барыня приходила?

П л а т о н о в (*треплет его за грудь*). Убивай! Убивай же!

О с и п. А генеральша зачем после нее приходила? Вы генеральшу обманываете, значит? А жена ваша где? Какая из них троих самая настоящая? а? И вы не вредный человек после этого? (*Быстро валит его через ногу и падает вместе с ним на пол.*)

П л а т о н о в. Прочь пошел! Я убью, а не ты убьешь! Я сильнее тебя!

Борются.

Тише!

О с и п. Вы на живот повернитесь! Руки-то не крутите! Рука нисколько не виновата, за что ее крутить? Ну, вот еще! На том свете будете, генералу Войницеву от меня поклон нижайший!

П л а т о н о в. Пусти!

О с и п (*вынимает из-за пояса нож*). Тише! Все одно убью! А у вас сила! Важный человек! Не хочется помирать! Не трогай того, что не для тебя положено!

П л а т о н о в (*кричит*). Руку! Постой, постой!.. Руку!

О с и п. Не хочется помирать? Сейчас в царстве небесном будете...

П л а т о н о в. В спину только не бей, железное животное, в грудь бей! Руку! Пусти, Осип! Жена, сын... Это нож блестит? О, злоба проклятая!

Вбегает С а ш а.

Я В Л Е Н И Е VIII

Т е ж е и С а ш а.

С а ш а (*вбегает*). Что такое? (*Вскрикивает.*) Миша! (*Бежит к борющимся и падает на них.*) Что вы делаете?

О с и п. Кто это? Александра Ивановна? (*Вскакивает.*) Живой останется! (*Саше.*) Натё вам ножик! (*Дает ножик.*) При вас не зарежу... Живой останется!! После зарежу! Не уйдет! (*Выскакивает в окно.*)

П л а т о н о в (*после паузы*). Экий черт... Здорово, Саша! Это ты, кажется? (*Стонет.*)

С а ш а. Он не повредил тебя? Можешь встать? Скорей!

П л а т о н о в. Не знаю... Эта тварь из чугуна вылита... Дай мне руку! (*Поднимается.*) Не пугайся, моя родная... Я целехонек. Он меня помял только...

С а ш а. Какой же он подлый человек! Говорила ведь я тебе, чтоб ты его не трогал!

П л а т о н о в. Где диван? Ну что смотришь? Жив твой изменник! Не видишь разве? (*Ложится на диван.*) Спасибо, что пришла, а то быть бы тебе вдовушкой, а мне покойником!

С а ш а. Ложись на подушку! (*Кладет ему под голову подушку.*) Вот так! (*Садится ему на ноги.*) Ничего не болит?

Пауза.

Зачем ты закрыл глаза?

П л а т о н о в. Нет, нет... Это я так... Пришла, Саша? Пришло мое сокровище? (*Целует руку.*)

С а ш а. Коля наш заболел!

П л а т о н о в. Что с ним?

С а ш а. Кашель такой, жар, сыпь... Две ночи уже не спит и кричит... Не пьет, не ест... (*Плачет.*) Сильно он захворал, Миша! Боюсь я за него!.. Так боюсь! И сон снился нехороший...

П л а т о н о в. Что же твой братец смотрит? Ведь он лекарь!

С а ш а. Что он? Разве он может сочувствовать? Он четыре дня тому назад заехал на минутку, покрутился и уехал. Я ему рассказываю про Колину болезнь, а он щипается да зевает... Дурой назвал...

П л а т о н о в. Вот еще тоже балбес! Он и себя когда-нибудь прозевает! И от себя уедет, когда заболит!

С а ш а. Что делать?

П л а т о н о в. Уповать... Ты у отца теперь живешь?

С а ш а. Да.

П л а т о н о в. Он что же?

С а ш а. Ничего. Ходит себе по комнате, трубку курит да к тебе съездить собирается. Я приехала к нему встревоженная, ну а он и догадался, что я... что мы с тобой... Что с Колей делать?

П л а т о н о в. Не беспокойся, Саша!

С а ш а. Как же не беспокоиться? Умри он, чего не дай господи, что с нами тогда будет?

П л а т о н о в. Да... Не возьмет бог у тебя нашего мальчишку! За что тебя наказывать? Разве за то, что за шалолая замуж вышла?

Пауза.

Береги, Саша, моего маленького человечка! Сбереги ты мне его, и клянусь я тебе всем святым, что я сделаю из него человека. Каждый его шаг будет твоею радостью!

А ведь он, бедняга, тоже Платонов! Фамилию бы ему только переменить... Как человек я мал, ничтожен, но как отец я буду велик! Не бойся за его судьбу! Ох, рука! *(Стонет.)* Рука у меня болит... Сильно помял тот разбойник... Что с ней? *(Рассматривает руку.)* Красна... Ну, черт с ней! Так-то, Саша... Счастлива будешь ты сыном! Смеешься... Смейся, мое золото! А теперь плачешь? Чего же ты плачешь? Гм... Не плачь, Саша! *(Обнимает ее голову.)* Пришла... А зачем уходила? Не плачь, суслик! Для чего слезы? Ведь люблю тебя, девочка!.. Сильно люблю! Велика моя вина, но что поделаешь? Простить надо... Ну, ну...

С а ш а. Интрига кончилась?

П л а т о н о в. Интрига? Что это за слово, меша-ночка?

С а ш а. Не кончилась?

П л а т о н о в. Как тебе сказать? Интриги нет никакой, но есть какая-то чудовищная галиматья... Не смущайся сильно этой галиматией! Если не кончилась она, то скоро... кончится!

С а ш а. Когда же?

П л а т о н о в. Надо думать, что скоро! Скоро заживем, Саша, по-старому! Пропади оно, все новое! Измучился весь, истаскался... Не верь ты в прочность этого узла, как я не верю! Не туго он затянут... Сама она первая охладает и первая взглянет со смехом и горечью на этот узел. Не пара мне Софья. В ней бродит то, что во мне уже перебродило; она со слезами умиления смотрит на то, что я не могу видеть без смеха... Не пара она мне...

Пауза.

Верь мне! Софья недолго будет твоей соперницей... Саша, что с тобой?

Саша встает и шатается.

(Поднимается.) Саша!

С а ш а. Ты... ты с Софьей, а не с генеральшей?

П л а т о н о в. Первый раз об этом слышишь?

С а ш а. С Софьей?.. Подло... низко...

П л а т о н о в. Что с тобой? Ты бледна, шатаешься... *(Стонет.)* Не мучь хоть ты меня, Саша! Рука болит,

а тут ты еще... Неужели это... это для тебя новость? В первый раз слышишь? Отчего же ты тогда ушла? Разве не от Софьи?

С а ш а. С генеральшей уж так и сяк, ну а с чужой женой?! Низко, грешно... Не ожидала я от тебя такой подлости! Бог тебя накажет, бессовестный человек! *(Идет к двери.)*

П л а т о н о в *(после паузы)*. Возмущена? Но куда ты?

С а ш а *(останавливается у двери)*. Дай бог счастья...

П л а т о н о в. Кому?

С а ш а. Вам и Софье Егоровне.

П л а т о н о в. Глупых романов начиталась, Саша! Я для тебя еще «ты»: у нас мальчишка есть, и я... все-таки же твой муж! А во-вторых, не нужно мне счастья!.. Останься, Саша! Ты вот уходишь. И небось навсегда?

С а ш а. Не могу! Ох, боже мой, боже мой...

П л а т о н о в. Не можешь?

С а ш а. Боже мой... И неужели это правда? *(Берется руками за виски и приседает.)* Я... я не знаю, что делать...

П л а т о н о в. Не можешь? *(Подходит к ней.)* Твоя воля... А то осталась бы! Зачем реветь, дурочка?

Пауза.

Эх, Саша, Саша... Велик мой грех, но неужели уж и простить нельзя?

С а ш а. А сам ты себя прости?

П л а т о н о в. Философский вопрос! *(Целует ее в голову.)* Осталась бы... Каюсь ведь! Ведь без тебя водка, грязь, Осипы... Замучился! Сиделкой, а не женой останься! Станный народ вы, женщины! Станна ты, Саша! Если ты кормишь негодяя Осипа, не даешь покоя своим милосердием собакам и кошкам, читаешь до полночи акафисты за каких-то врагов своих, то что стоит тебе бросить ломоть своему провинившемуся, кающемуся мужу? Зачем и ты являешься палачом? Останься, Саша! *(Обнимает ее.)* Не могу без няньки! Я негодяй, я у друга жену отнял, я любовник Софьи, быть может даже любовник и генеральши, я многоженец, большой мошенник с точки зрения семьи... Возмущайся, негодуй!

Но кто тебя так любить будет, как я люблю? Кто оценит тебя так дорого, бабенка, как я оценил? Кому ты обед варить будешь, чей суп пересаливать? Права будешь, голи уйдешь... Справедливость этого требует, но... *(Поднимает ее.)* Кто тебя поднимать так будет? Возможно ли ты, золото, без меня?

С а ш а. Не могу! Пусти меня! Я пропала! Ты шутишь, а я пропадаю! *(Вырывается.)* Ведь знаешь, что это не шутка? Прощай! Не могу я жить с тобой! Теперь все тебя будут считать подлым человеком! Каково же мне?! *(Рыдает.)*

П л а т о н о в. Ступай с богом! *(Целует ее в голову и ложится на диван.)* Я понимаю...

С а ш а. Разбил нашу семью... Счастливо, покойно жили... Счастливей меня никого и не было на свете... *(Садится.)* Что ты наделал, Миша? *(Встает.)* Что ты наделал? Ведь не воротишь теперь... Пропащая я... *(Рыдает.)*

П л а т о н о в. Иди с богом!

С а ш а. Прощай! Не увидишь меня больше! Не езди к нам... Колю к тебе отец будет возить... Бог тебя простит, как я прощаю! Погубил ты нашу жизнь!

П л а т о н о в. Ты ушла?

С а ш а. Ушла... Хорошо... *(Смотрит некоторое время на Платонова и уходит.)*

Я В Л Е Н И Е IX

П л а т о н о в (один) и потом В о й н и ц е в.

П л а т о н о в. Вот для кого начинается новая жизнь! Больно!! Всего лишаясь... С ума схожу! Боже мой! Саша, комашка, клоп — и та осмеливается, и та... в силу какой-то святости имеет право бросать в меня камень! Проклятые обстоятельства! *(Ложится на диван.)*

Войнищев входит и останавливается у двери.

(После паузы.) Это эпилог или еще только комедия? *(Увидев Войнищева, закрывает глаза и слегка хрипит.)*

Войницев (*подходит к Платонову*). Платонов!

Пауза.

Ты не спишь... Я вижу это по твоему лицу... (*Садится возле.*) Не думаю, чтобы... можно было спать...

Платонов поднимается.

(*Встает и смотрит в окно.*) Ты меня убил... Ты это знаешь?

Пауза.

Благодарю... Мне что? Бог с тобой... Пусть. Значит, так тому и быть... (*Плачет.*)

Платонов встает и медленно идет в другой угол комнаты.

Раз получил от судьбы подарок, и... тот отняли! Мало ему его ума, его красоты, его великой души... Ему понадобилось еще мое счастье! Отнял... А я? Что я? Я ничего... Так... Больной, недалекого ума, женоподобный, сентиментальный, обиженный богом... С наклоном к безделью, мистицизму, суеверный... Добил, друг!

Платонов. Уйди отсюда!

Войницев. Сейчас... Шел на дуэль вызвать, а пришел и разревелся... Я уйду.

Пауза.

Я окончательно потерял?

Платонов. Да.

Войницев (*свистит*). Так... Разумеется...

Платонов. Уйди отсюда! Я прошу! Уйди!

Войницев. Сейчас... Что мне здесь делать? (*Идет к двери.*) Нечего мне здесь делать...

Пауза.

Отдай мне ее назад, Платонов! Будь добр! Моя ведь она! Платонов! Ты и так счастлив! Спаси, голубчик! А? Отдай! (*Рыдает.*) Ведь она моя! Моя! Понимаешь?

Платонов (*идет к дивану.*) Уходи... Я застрелюсь... Клянусь честью!

Войницев. Не надо... Бог с вами! (*Машет рукой и уходит.*)

Платонов (*хватает себя за голову*). О, несчастный, жалкий! Боже мой! Проклятие моей богом оставленной голове! (*Рыдает.*) Прочь от людей, гадина! Несчастьем был я для людей, люди были для меня несчастьем! Прочь от людей! Бьют, бьют и никак не убьют! Под каждым стулом, под каждой щепкой сидит убийца, смотрит в глаза и хочет убить! Бейте! (*Бьет себя по груди.*) Бейте, пока еще сам себя не убил! (*Бежит к двери.*) Не бейте меня по груди! Растерзали мою грудь! (*Кричит.*) Саша! Саша, ради бога! (*Отворяет дверь.*)

Входит Глагольев 1.

Я В Л Е Н И Е X

Платонов, Глагольев 1 и потом Глагольев 2.

Глагольев 1 (*входит окутанный, с костылем*). Вы дома, Михаил Васильич? Очень рад... Я вам помешал... Но я не задержу вас, я сейчас же уйду... Задам вам один вопрос. Вы ответите, и я уйду. Что с вами, Михаил Васильич? Вы бледны, шатаетесь, дрожите... Что с вами?

Платонов. Что со мной? А? Я пьян, должно быть, или... схожу с ума! Я пьян... пьян... Голова кружится...

Глагольев 1 (*в сторону*). Спрошу! Что у трезвого на душе, то у пьяного на языке. (*Ему.*) Вопрос странен, может быть даже глуп, но, ради бога, ответьте мне, Михаил Васильич! Вопрос мой для меня жизненный вопрос! Ответу вашему я поверю, потому что я знаю вас за честнейшего человека... Пусть мой вопрос покажется вам странным, нелепым, глупым и даже, быть может, оскорбительным, но, ради бога... ответ! Я захожусь в страшном положении! Наша общая знакомая... Вы ее хорошо знаете... Я считал ее совершенством в человеческом смысле... Анна Петровна Войницева... (*Поддерживает Платонова.*) Не упадите, ради бога!

Платонов. Уйдите! Я всегда считал тебя... вас глупым стариком!

Глагольев 1. Вы друг ее, вы знаете ее как свои пять пальцев... Ее мне или оклеветали, или... открыли мне глаза... Она честная женщина, Михаил Васильич? Она... она... Имеет ли она право быть женою честного человека?

Пауза.

Не знаю, как формулировать свой вопрос... Поймите меня, ради бога! Мне сказали, что она...

Платонов. Все подло, низко, грязно на этом свете! Все... подло... низко... *(Падает без чувств на Глагольева и валится на землю.)*

Глагольев 2 *(входит)*. Что же ты застрял здесь? Я не намерен ждать!

Глагольев 1. Все подло, грязно, низко... Все, в том числе, значит, и она...

Глагольев 2 *(смотрит на Платонова)*. Отец, что это с Платоновым?

Глагольев 1. Отвратительно пьян... Да, подло, грязно... Глубокая, беспощадная, колючая правда!

Пауза.

Едем в Париж!

Глагольев 2. Что?! В Па... В Париж? Зачем тебе в Париж? *(Хохочет.)*

Глагольев 1. Валяться так, как этот валяется! *(Указывает на Платонова.)*

Глагольев 2. Валяться... в Париже?

Глагольев 1. Едем искать счастья на другом поприще! Довольно! Полно играть комедию для самого себя, морочить себя идеалами! Нет больше ни веры, ни любви! Нет людей! Едем!

Глагольев 2. В Париж?

Глагольев 1. Да... Если грешить, то грешить на чужой, а не на родной земле! Пока еще не сгнили, заживем по-людски! Будь учителем, сын! Едем в Париж!

Глагольев 2. Вот это мило, отец! Ты научил меня читать, а я научу тебя жить! Едем!

Уходят.

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кабинет покойного генерала Войнищева. Две двери. Старинная мебель, персидские ковры, цветы. Стены увешаны ружьями, пистолетами, кинжалами (кавказской работы) и т. п. Семейные портреты. Бюсты Крылова, Пушкина и Гоголя. Этажерка с чучелами птиц. Шкаф с книгами. На шкафу мундштуки, коробки, палки, ружейные стволы и т. п. Письменный стол, заваленный бумагами, портретами, статуэтками и оружием. Утро.

ЯВЛЕНИЕ I

Софья Егоровна и Катя входят.

Софья Егор. Вы не волнуйтесь! Говорите толком!

Катя. Что-то нехорошее делается, барыня! Двери и окна все настезь, в комнатах переворочено, перебито... Дверь сорвана с крючьев... Что-то нехорошее случилось, барыня! Недаром у нас курица петухом пела!

Софья Егор. Что же вы думаете?

Катя. Ничего не думаю, барыня. Что я могу думать? Знаю только, что случилось что-то... Или Михаил Васильич уехали совсем, или же руку на себя наложили... У них, барыня, горячий характер! Я их уж два года знаю...

Софья Егор. Нет... На деревне вы были?

Катя. Была-с... Нету нигде... Часа четыре ходила...

Софья Егор. (садится). Что делать? Что же делать?

Пауза.

Вы уверены в том, что его здесь нигде нет? Уверены?

Катя. Не знаю, барыня... Нехорошее что-то случилось... Недаром у меня сердце ноет! Бросьте, барыня! Грех ведь! (Плачет.) Барина Сергея Павловича жалко... Красавец был такой, а на что похож стал? Измаялся за два дня, сердечный, и как шальной ходит. Перевелся, хороший господин... Михаила Васильича жалко... Бывало, самый веселый человек был, проходу, бывало, от его веселости не было, а теперь он на смерть похож стал... Бросьте, барыня!

Софья Егор. Что бросить?

К а т я. Любовь. Что с нее толку? Одна только срамота. И вас жалко. На что вы похожи стали! Похудали, не пьете, не кушаете, не спите, а одно только и делаете, что кашляете...

С о ф ь я Е г о р. Ступайте, Катя, опять! Может быть, он уже в школе.

К а т я. Сейчас...

Пауза.

Вы бы спать легли.

С о ф ь я Е г о р. Ступайте, Катя, опять! Вы ушли?

К а т я *(в сторону)*. Не мужицкого ты звания. *(Резко, плаксиво.)* Куда же мне идти, барыня?

С о ф ь я Е г о р. Мне спать хочется. Я всю ночь не спала. Не кричи так громко. Уйди отсюда!

К а т я. Слушаю... Напрасно вы себя так изводите!.. Шли бы к себе в комнату да легли бы на постель! *(Уходит.)*

Я В Л Е Н И Е И I

С о ф ь я Е г о р о в н а и потом В о й н и ц е в.

С о ф ь я Е г о р. Ужасно! Дал вчера честное слово явиться в избу к десяти часам и не явился... Ждала его до рассвета... И это честное слово! Это любовь, это наш отъезд!.. Он не любит меня!

В о й н и ц е в *(входит)*. Спать лягу... Может быть, усну как-нибудь... *(Увидев Софью Егоровну.)* Вы... у меня? В моем кабинете?

С о ф ь я Е г о р. Я здесь? *(Смотрит кругом.)* Да... Но я зашла сюда нечаянно, сама того не замечая... *(Идет к двери.)*

В о й н и ц е в. На минуту!

С о ф ь я Е г о р. *(останавливается)*. Ну?

В о й н и ц е в. Дайте мне, пожалуйста, минуты две-три... Можете вы здесь побыть две-три минуты?

С о ф ь я Е г о р. Говорите! Вы сказать что-нибудь хотите?

В о й н и ц е в. Да...

Пауза.

Прошло то время, когда мы в этой комнате не были чужими друг для друга...

Софья Егор. Прошло.

Войницев. Извините, впрочем, я заговариваться стал. Вы уезжаете?

Софья Егор. Да.

Войницев. Гм... Скоро?

Софья Егор. Сегодня.

Войницев. С ним?

Софья Егор. Да.

Войницев. Желаю вам счастья!

Пауза.

Хороший материал для счастья! Разыгравшаяся плоть и несчастье другого... Несчастье другого всегда бывает чьим-нибудь счастьем! Впрочем, это старо... Новая ложь охотнее слушается, чем старая истина... Бог с вами! Живите как знаете!

Софья Егор. Вы хотели что-то сказать.

Войницев. А разве я молчу? Ну да... Вот что я хотел сказать... Я хочу, чтобы я пред вами был совершенно чист, не был бы вам должен, а потому прошу вас извинить за мое вчерашнее поведение... Я вчера вечером наговорил вам дерзостей, был груб, зол... Извините, пожалуйста... Извиняете?

Софья Егор. Извиняю. *(Хочет уйти.)*

Войницев. Постойте же, постойте, еще не все! Я скажу еще что-нибудь. *(Вздыхает.)* Я сумасшедший, Софи! Не в силах перенести этот страшный удар... Я сумасшедший, но еще пока все понимаю... В моей голове среди необъятного тумана, в массе чего-то такого серого, свинцового, тяжелого торчит светлый кусочек, которым я все понимаю... Оставит меня и этот кусочек, ну тогда, значит... совсем пропал. Я все понимаю...

Пауза.

Это стою я в своем кабинете; в этом кабинете жил когда то мой отец, свиты его величества генерал-майор Войницев, георгиевский кавалер, человек великий, славный! На нем видели одни только пятна... Видели, как он бил и топтал, а как его били и топтали, никто не хотел

видеть... (*Указывает на Софью Егоровну.*) Это моя экс-жена...

Софья Егоровна хочет уйти.

Постойте! Дайте договорить! Глупо говорю, но послушайте! В последний раз ведь!

Софья Егор. Все вы уже сказали... Что вы еще можете сказать? Расстаться нужно... Что же еще тут говорить? Вам хочется доказать, что я виновата перед вами? Не трудитесь! Я знаю, что мне думать о себе самой...

Войницев. Что я могу сказать? Ох, Софья, Софья! Ничего ты не знаешь! Ничего, иначе ты не смотрела бы так надменно. Что выделывается в душе моей, так это ужас! (*Становится перед ней на колени.*) Что ты делаешь, Софи? Куда ты пхаешь себя и меня? Ради бога, пожалей! Умираю и схожу с ума! Останься со мной! Все забуду, все простил уже... Буду твоим рабом, любить тебя буду... буду, как доселе не любил! Я дам тебе счастье! Ты будешь счастлива у меня, как богиня! Не даст он тебе счастья! И себя погубишь, и его погубишь! Погубишь Платонова, Софья!.. Знаю, что насильно мил не будешь, но останься! Опять ты будешь весела, не будешь так мертвецки бледна, так несчастлива! Опять я буду человеком, опять будет ходить к нам... Платонов! Утопия, но... останься! Воротим прошлое, пока еще не поздно! Платонов согласится... Я знаю его... Он не любит тебя, а так... ты отдалась ему, а он и взял... (*Встает.*) Ты плачешь?

Софья Егор. (*встает*). Не принимайте этих слез на свой счет! Может быть, Платонов согласится... Пусть соглашается! (*Резко.*) Вы все подлые люди! Где Платонов?

Войницев. Не знаю я, где он.

Софья Егор. Не приставайте ко мне! Отстаньте! Я вас ненавижу! Убирайтесь прочь! Где Платонов? Подлые люди... Где он? Ненавижу я вас!

Войницев. За что?

Софья Егор. Где он?

Войницев. Я дал ему денег, и он обещал мне уехать. Если он исполнил свое обещание, то, значит, уехал.

Софья Егор. Вы его подкупили? Что вы лжете?

В о й н и ц е в. Я дал ему тысячу рублей, и он отказался от вас. Впрочем, лгу! Все это я лгу! Не верьте вы мне, ради бога! Жив и здоров этот проклятый Платонов! Подите берите его, целуйтесь с ним... Не подкупал я его! И неужели вы... он будет счастлив? И это моя жена, моя Софья... Что же все это значит? И до сих пор даже не верю! Вы с ним платонически? Не дошло еще до... крупного?

С о ф ь я Е г о р. Я его жена, любовница, что хотите! (*Хочет уйти.*) Для чего задерживать? У меня нет времени выслушивать разные...

В о й н и ц е в. Постой, Софья! Ты его любовница? С какой же это стати? Ты так смело говоришь! (*Хватает ее за руку.*) И ты могла? Ты могла?

Входит Анна Петровна.

С о ф ь я Е г о р. Отстаньте! (*Уходит.*)

я в л е н и е ш

В о й н и ц е в и А н н а П е т р о в н а.
Анна Петровна входит и смотрит в окно.

В о й н и ц е в (*машет рукой*). Шабаш!

Пауза.

Что там?

А н н а П е т р. Осипа мужики убили.

В о й н и ц е в. Уже?..

А н н а П е т р. Да... Около колодезя... Видишь? Вон он!

В о й н и ц е в (*смотрит в окно*). Что ж? Так ему и надо.

Пауза.

А н н а П е т р. Слышал, сынок, новости? Платонов, говорят, куда-то исчез и... Читал письмо?

В о й н и ц е в. Читал.

А н н а П е т р. Тю-тю имение! Как тебе это нравится? Спмыло... Бог дал, бог и взял. Вот тебе и хваленый коммерческий фокус! А все потому, что Глагольеву поверили... Обещался купить имение, а на торгах не был... Прислуга говорит, что в Париж уехал... Сострил ка-

налья на старости лет! Не будь его, платили бы мы с тобой потихонечку проценты да жили бы... *(Вздыхает.)* Не следует на этом свете доверять врагам, а заодно уж с ними и друзьям!

В о й н и ц е в. Да, не следует верить друзьям!

А н н а П е т р. Ну, феодал? Что теперь делать будешь? Куда пойдешь? Бог предкам дал, а у тебя взял... Ничего у тебя не осталось...

В о й н и ц е в. Мне все одно.

А н н а П е т р. Нет, не все одно. Кушать что будешь? Давай сядем...

Садятся.

Как ты мрачен... Что ж делать? Жалко расставаться с гнездышком, но что же поделаешь, голубчик мой? Не воротишь... Так тому и быть, значит... Будь умницей, Сержель! Первое дело — хладнокровие.

В о й н и ц е в. Не обращайтесь на меня внимания, папан! Что уж обо мне-то говорить? Вы сами едва сидите... Утешьте сперва себя самое, а потом придите и меня утешать.

А н н а П е т р. Ну... Не о бабах речь... Баб всегда на задний план... Первое дело — хладнокровие! Ты потерял то, что у тебя было, а важно не то, что было, а то, что впереди. У тебя целая жизнь впереди, хорошая, трудовая, мужская жизнь! Чего же тебе горевать? Поступишь в прогимназию или гимназию, начнешь работать... Ты у меня молодец. Филолог, благонамеренный такой, ни в какие дела нехорошие не суешься, убеждения имеешь, тихоня, женат... Коли захочешь, ты далеко пойдешь! Умница ты у меня, мальчик. Не надо только с женою ссориться... Не успели пожениться, как уже и ссоритесь... Отчего ты мне не скажешь, Сержель? Болеешь душой, а молчишь... Что происходит между вами?

В о й н и ц е в. Не происходит, а уже произошло.

А н н а П е т р. Что же? Или, может быть, секрет?

В о й н и ц е в *(вздыхает)*. Страшное несчастье стряслось над нашим домом, мама Аня! Отчего я вам не сказал до сих пор? Не знаю. Все надеялся, да и стыдно говорить... Сам только вчера утром узнал... А на имение мне наплевать!

А н н а П е т р. (*смеется*). Как же ты меня пугаешь! Рассердилась, что ли?

В о й н и ц е в. Смейтесь! Подождите, не так еще засмеетесь!

Пауза.

Она изменила мне... Честь имею рекомендоваться: рогатый муж!

А н н а П е т р. Что за глупости, Сергей?! Что за глупые фантазии! Говорить о таких чудовищных вещах, и говорить не думая! Удивительный ты человек! Иногда такое сморозишь, что просто уши вянут! Рогатый муж... Не знаешь ты, значит, что это значит...

В о й н и ц е в. Знаю, тапан! Не теоретически, но уже практически знаю!

А н н а П е т р. Жены своей не оскорбляй, чудак! Ах...

В о й н и ц е в. Клянусь вам богом!

Пауза.

А н н а П е т р. Странно... О невозможных вещах говоришь ты. Ты клеветчица! Невозможно! Здесь, в Войницевке?

В о й н и ц е в. Да, здесь, в вашей проклятой Войницевке!

А н н а П е т р. Гм... Да кому здесь, в нашей проклятой Войницевке, может залезть в голову невозможная мысль поставить на твою аристократическую голову рога? Совершенно некому! Младшему Глагольеву разве? Наверяд, Глагольев перестал к нам ездить... Твоя Софи никому здесь не под стать. Глупо ревнуешь, милый!

В о й н и ц е в. Платонов!

А н н а П е т р. Что Платонов?

В о й н и ц е в. Он!

А н н а П е т р. (*вскакивает*). Можно говорить глупости, но такие глупости, как ты сейчас сказал, послушай... Сморозил!! Меру знать нужно! Непростительно глупо!

В о й н и ц е в. Спросите ее, подите спросите его самого, если не верите! Сам не хотел и не хочу верить, а она уезжает сегодня, оставляет меня! Нужно верить! И он с ней едет! Да неужели же наконец вы не видите,

что я хожу и смотрю на свет белый, как дохлая кошка!
Я пропадаю!

А н н а П е т р. Не может быть этого, Сергей! Это плод твоей мальчишеской фантазии! Верь мне! Ничего этого нет!

В о й н и ц е в. Верьте мне, что она уезжает сегодня! Верьте, что она не перестает в эти последние два дня твердить мне, что она его любовница! Она сама! Произошло такое, чему невозможно поверить, но придется помимо желания и сверх всяких сил верить!

А н н а П е т р. Помню, помню... Теперь все понимаю... Дай стуло, Сергей! Нет, не нужно... Так вот оно что! Гм... Постой, постой, дай припомнить как следует...

Пауза.

Входит Б у г р о в.

Я В Л Е Н И Е IV

Анна Петровна, Войницев и Бугров.

Б у г р о в (*входит*). Здравствуйте-с! С воскресным днем-с! Живы, здоровы-с?

А н н а П е т р. Да-да-да... Это ужасно...

Б у г р о в. Дождик идет, а жарко... (*Утирает лоб.*)
Ффф... Сваришься, покедова дойдешь или доедешь...
Здоровы-с?

Пауза.

Я, собственно, по тому случаю заехал к вам-с, что вчерась были торги, как вам известно... А к тому как это, знаете, немножко (*смеется*) для вас, разумеется, чувствительно и обидно, то я... то вы на меня не обижайтесь, сделайте милость! Не я купил именье! Купил его Абрам Абрамыч, а на мое имя только...

В о й н и ц е в (*сильно звонит*). Черт бы их побрал...

Б у г р о в. Так-то-с... Вы не подумайте-с... Не я-с... Следовательно, на мое только имя, стало быть! (*Садится.*)

Я к о в входит.

В о й н и ц е в (*Якову*). Сколько раз я просил вас, подлецов, мерзавцев (*кашляет*), негодяев, не впускать

никого без доклада! Перепороть вас всех, скотов! (*Бросает звонок под стол.*) Вон стсюда! Мерзавцы... (*Ходит по сцене.*)

Яков пожимает плечами и уходит.

Б у г р о в (*кашляет*). На мое имя только-с... Абрам Абрамыч приказал передать, что жить можете тут сколько вашей душе угодно, хоть до рождества... Переделочки тут кое-какие будут, ну да они вам не помешают-с. А ежели что такое, и во флигель можете перебраться... Комнат много, да и тепло-с... Он приказал еще спросить-с, не желаете ли вы продать мне, то есть на мое имя, шахты? Шахты ваши-с, Анна Петровна... Вот не желаете ли в настоящее время продать их? Цену хорошую дадим...

А н н а П е т р. Нет... Не продам никакому черту я шахт! Что вы мне за них дадите? Грош? Подавитесь этим грошом!

Б у г р о в. Абрам Абрамыч велел еще передать, что в случае ежели если не угодно будет-с вам, Анна Петровна, продать ему свои шахты с вычетом долга Сергея Павлыча и покойника, его превосходительства Павла Иваныча, то он протестует векселя... И я тоже протестую-с... Хи-хи-с... Дружба дружбой, знаете, а денежки врозь... Коммерция! Проклятое дело такое. Я, того... купил ваши векселя у Петрина...

В о й н и ц е в. Никому я не позволю рассчитывать на имение моей мачехи! Ее имение — не мое!..

Б у г р о в. Они, может быть, сжалятся...

В о й н и ц е в. Некогда мне с вами разговаривать!.. Э-э... (*Машет рукой.*) Делайте что хотите!

А н н а П е т р. Оставьте нас, Тимофей Гордеич! Извините... Уйдите, пожалуйста!

Б у г р о в. Слушаю-с... (*Встает.*) Так вы не извольте беспокоиться... Жить здесь можете хоть до рождества. Я завтра или послезавтра заеду-с. Будьте здоровы-с! (*Уходит.*)

А н н а П е т р. Завтра же выедем отсюда! Да, теперь помню... Платонов... Так вот оно то, отчего он бежит!..

В о й н и ц е в. Пусть делают что хотят! Пусть все берут! Нет у меня уж больше жены, ничего же мне и не нужно! Нет жены, папан!

А н н а П е т р. Да, нет у тебя больше жены... Но что он нашел в этой размазне Софье? Что он нашел в этой девчонке? Что он мог в ней найти? Как неразборчивы эти глупые мужчины! Они способны увлечься всякою дрянью... Ты чего же смотрел, муж? Где были твои глаза? Плакса! Нюнил до тех пор, пока не утащили из-под его носа жены! И это мужчина! Мальчишка ты! Женят вас, мальчишек, дураков, только на смех, ослов этаких! Оба вы никуда не годитесь, ни ты, ни твой Платонов! Это из рук вон что такое!

В о й н и ц е в. Ничто теперь не поможет, не помогут и упреки. Она уже не моя, а он не ваш. Что ж тут много рассказывать? Оставьте меня, татан! Не выносите моей глупой физиономии!

А н н а П е т р. Но что же делать? Что-нибудь да нужно же сделать! Надо спасти!

В о й н и ц е в. Кого спасти? Спасать нужно одного только меня... Они пока счастливы. *(Вздыхает.)*

А н н а П е т р. Поди ты с своей логикой! Их, а не тебя спасать нужно! Платонов не любит ее! Знаешь ты это? Он обольстил ее, как ты когда-то обольстил свою глупую немку! Не любит он ее! Уверяю тебя! Что она говорила тебе? Что ты молчишь?

В о й н и ц е в. Она говорила, что она его любовница.

А н н а П е т р. Дура она его, а не любовница! Замолчи! Может быть, еще можно поправить... Платонов из-за одного только поцелуя или пожатия руки в состоянии поднять шум... До крупного у них дело не доходило еще! Я в этом уверена...

В о й н и ц е в. Доходило!

А н н а П е т р. Ты ничего не понимаешь.

Входит Грекова.

Я В Л Е Н И Е V

Войницев, Анна Петровна и Грекова.

Грекова *(входит)*. Вот где вы! Здравствуйте! *(Подает руку Анне Петровне.)* Здравствуйте, Сергей Павлович! Извините, пожалуйста, я, кажется, вам поме-

шала... Гость не вовремя хуже... хуже... Как это говорится? Хуже татара, ну да... Я к вам на минуточку... Вы и представить себе не можете! (*Смеется.*) Я вам сейчас покажу, Анна Петровна... Извините, Сергей Павлович, мы будем секретничать... (*Отводит Анну Петровну в сторону.*) Прочтите... (*Подает ей записку.*) Это я вчера получила... Прочтите!

А н н а П е т р. (*пробегает записку*). А...

Г р е к о в а. Я, знаете ли, в суд подала... (*Кладет ей на грудь голову.*) Пошлите за ним, Анна Петровна! Пусть он придет!

А н н а П е т р. Для чего это вам?

Г р е к о в а. Я хочу посмотреть, какое у него теперь лицо... Что у него теперь на лице написано? Пошлите за ним! Умоляю вас! Я хочу ему два слова сказать... Вы не знаете, что я наделала! Что я наделала! Не слушайте, Сергей Павлович! (*Шепотом.*) Я ездила к директору... Михаила Васильича переведут по моей просьбе в другое место... Что я наделала! (*Плачет.*) Пошлите за ним!.. Кто знал, что он напишет это письмо?! Ах, если б я могла знать! Боже мой... Я страдаю!

А н н а П е т р. Идите, моя дорогая, в библиотеку! Я сейчас приду к вам, тогда и потолкуем... Мне нужно с Сергеем Павловичем наедине поговорить...

Г р е к о в а. В библиотеку? Хорошо... А вы пошлете за ним? Какое у него лицо теперь, после этого письма? Вы читали? Дайте я спрячу! (*Прячет письмо.*) Милая моя, дорогая... Прошу вас! Я пойду... но вы пошлите! Не слушайте, Сергей Павлович! Будемте говорить по-немецки, Анна Петровна! Schicken Sie, meine Liebe! ¹

А н н а П е т р. Хорошо... Ступайте же!

Г р е к о в а. Хорошо... (*Быстро целует ее.*) Не сердитесь на меня, моя дорогая! Я... я страдаю! Вы не можете себе представить! Я ухожу, Сергей Павлович! Можете продолжать свою беседу! (*Уходит.*)

А н н а П е т р. Я сейчас все разубаю... Ты не кипятись! Может быть, можно будет еще починить твою семью... Ужасная история! Кто мог ожидать?! Я сейчас поговорю с Софьей! Я расспрошу ее как следует... Ты

---

¹ Пошлите, моя милая! (*нем.*)

ошибаешься и глупишь... Впрочем, нет! (*Закрывает лицо руками.*) Нет, нет...

В о й н и ц е в. Нет! Не ошибаюсь я!

А н н а П е т р. А все-таки я поговорю с ней... Я и с ним пойду поговорю...

В о й н и ц е в. Идите говорите! Напрасно только. (*Садится за стол.*) Уедемте отсюда! Нет надежды! И соломинки нет, за которую можно было бы ухватиться...

А н н а П е т р. Я сейчас все разузнаю... А ты сиди и плачь! Спать ложись, мужчина! Где Софья?

В о й н и ц е в. Должно быть, у себя...

Анна Петровна уходит.

Я В Л Е Н И Е VI

В о й н и ц е в и потом П л а т о н о в.

В о й н и ц е в. Тяжелое горе! Сколько времени оно будет тянуться? И завтра, и послезавтра, и через неделю, через месяц, год... Нет конца муке! Застрелиться нужно.

П л а т о н о в (*входит с подвязанной рукой*). Сидит... Плачет, кажется...

Пауза.

Мир душе твоей, мой бедный друг! (*Подходит к Войницеву.*) Ради бога, выслушай! Не оправдаться я пришел... Не мне и не тебе судить меня... Я пришел просить не за себя, а за тебя... Братски прошу тебя. Ненавидь, презирай меня, думай обо мне как хочешь, но не убивай себя! Я не говорю про револьверы, а... вообще... Ты слаб здоровьем... Горе добьет тебя... Не буду я жить!.. Я себя убью, не ты себя убьешь! Хочешь моей смерти? Хочешь, чтоб я перестал жить?

Пауза.

В о й н и ц е в. Ничего я не хочу.

Входит Анна Петровна.

Войницев, Платонов и Анна Петровна.

Анна Петр. Он здесь?! *(Медленно подходит к Платонову.)* Платонов, это правда?

Платонов. Правда.

Анна Петр. Он еще смеет... смеет говорить так хладнокровно! Правда... Подлый человек, ведь вы знали, что это подло, низко?

Платонов. Подлый человек... Нельзя ли повежливей? Ничего я не знал! Я знал и знаю из всей этой истории одно только то, что я никогда не желал ему и тысячной доли того, что он теперь переносит!

Анна Петр. И, кроме этого, вам, друг, не мешало бы еще знать, что жена одного друга не должна и не может быть игрушкой другого! *(Кричит.)* Не любите вы ее! Вам скучно было!

Войницев. Спросите его, татап, зачем он пришел?

Анна Петр. Подло. Подло играть людьми! Они такие же живые существа, как и вы, чересчур умный человек!

Войницев *(вскакивает)*. Пришел сюда! Дерзость! Зачем вы явились сюда? Знаю, зачем вы явились, но не удивите и не поразите нас своими громкими фразами!

Платонов. Кого это «нас»?

Войницев. Знаю я теперь цену всем этим громким фразам! Оставьте меня в покое! Если вы пришли многоглаголанием искупить свою вину, то знайте же, что пышными речами не искупишь вины!

Платонов. Как пышными речами не искупишь вины, так криком и злостью не докажешь ее, но я ведь, кажется, сказал, что я застрелюсь?

Войницев. Не так искупают вину свою! Не словами, которым я теперь не верю! Презираю ваши слова! Вот как искупает вину русский человек! *(Показывает в окно.)*

Платонов. Что там?

Войницев. Вон у колодца лежит искупивший свои вины!

Платонов. Видел... А вы-то зачем фразерствуете, Сергей Павлович? Вы ведь, кажется, теперь в горе... Вы весь обратились в горе и в то же время театральничаете? Чему это приписать: неискренности или же... глупости?

Войницев (*садится*). Матап, спросите его, зачем он пришел сюда?

Анна Петр. Платонов, что вам здесь нужно?

Платонов. Вы сами спросите, зачем беспокоить матап? Все пропало! Жена ушла — и все пропало, ничего не осталось! Прекрасная, как майский день, Софи — идеал, за которым не видно других идеалов! Без женщины мужчина — что без паров машина! Пропала жизнь, улетучились пары! Все пропало! И честь, и человеческое достоинство, и аристократизм, все! Конец пришел!

Войницев. Не слушаю я! Можете оставить меня!

Платонов. Разумеется. Не оскорбляй, Войницев! Я пришел сюда не затем, чтобы меня оскорбляли! Не дает тебе права твое несчастье топтать меня в грязь! Я человек, и обходись же со мной по-человечески. Несчастлив ты, но ничего не стоишь со своим несчастьем в сравнении с теми страданиями, которые вынес я после твоего ухода! Была страшная ночь, Войницев, после того как ты ушел! Клянусь вам, филантропы, что ваше несчастье не стоит и тени моих мук!

Анна Петр. Очень может быть, но кому какое дело до вашей ночи, до ваших мук!

Платонов. И вам нет дела?

Анна Петр. Уверю вас, что и нам нет дела!

Платонов. Да? Не лгите, Анна Петровна! (*Вздыхает.*) А может быть, вы по-своему и правы... Может быть... Но где же людей искать? К кому идти? (*Закрывает лицо руками.*) Где же люди? Не понимают... Не понимают! Кто же поймет? Глупы, жестоки, бессердечны...

Войницев. Нет, понимаю я. Понял я! Не к лицу вам, милостивый государь, мой бывший друг, это казанское сиротство! Я понимаю вас! Вы ловкий подлец! Вот кто вы!

Платонов. Прощаю тебе, глупцу, это слово! Побереги себя, не говори больше! (*Анне Петровне.*)

Вы-то чего торчите здесь, любительница сильных ощущений? Любопытно? Нет вам здесь дела! Свидетелей не нужно!

А н н а П е т р. И вам здесь нет дела! Можете... убираться! Нахальство! Нагадить, напакостить, наподличать, а потом прийти на муки свои жаловаться! Дипломат! Впрочем... извините меня! Если не хотите выслушать еще что-нибудь, то уходите! Сделайте милость!

В о й н и ц е в (*вскакивает*). Что ему от меня нужно еще, не понимаю! Что ты хочешь, что ты ждешь от меня? Не понимаю!

П л а т о н о в. Вижу, что не понимаете... Прав тот, кто с горя идет не к людям, а в кабак... Тысячу раз прав! (*Идет к двери.*) Жалею, что говорил с вами, унижался... Имел глупость считать вас порядочными людьми... А вы те же... дикари, грубое, неотесанное мужичье... (*Хлопает дверью и уходит.*)

А н н а П е т р. (*ломает руки*). Мерзости какие... Изволь сию же минуту догнать его и сказать ему... Скажи ему, что...

В о й н и ц е в. Что я могу ему сказать?

А н н а П е т р. Найдешь что сказать... Что-нибудь. Беги, Сержель! Умоляю тебя! Он приходил сюда с хорошим чувством! Ты должен был понять его, а ты был жесток с ним. Беги, мой родной!

В о й н и ц е в. Не могу! Оставьте меня!

А н н а П е т р. Ну да ведь не один же он виноват! Сержель, все виноваты! У всех есть страсти, у всех нет сил... Беги! Скажи ему что-нибудь примиряющее! Покажи ему, что ты человек! Ради бога... Да ну же! Беги!

В о й н и ц е в. Я с ума схожу...

А н н а П е т р. Сходи с ума, но не смей оскорблять людей! Ах... но беги же, ради бога! (*Плачет.*) Сергей!

В о й н и ц е в. Оставьте меня, папаша!

А н н а П е т р. Я сама пойду... Что же я сама не бегу? Я сама...

П л а т о н о в (*входит*). Ох! (*Садится на диван.*)

Войницев встает.

А н н а П е т р. (*в сторону*). Что с ним?

Пауза.

П л а т о н о в. Рука болит... Я голоден, как самая голодная собака... Холодно... Лихорадка трясет... Больно! Поймите вы, что мне больно! Жизнь моя пропадает! Что вы хотите от меня? Что вам еще нужно? Мало вам той проклятой ночи?

В о й н и ц е в (*подходит к Платонову*). Михаил Васильич, простим друг другу... Я... Но вы поймете мое положение... Разойдемся как следует...

Пауза.

Я прощаю... Честное слово, прощаю! И если б я мог забыть все это, то был бы счастлив, как никогда. Оставим друг друга в покое!

П л а т о н о в. Да.

Пауза.

Нет, развинтился... Испортилась машина. Спать хочу ужасно, глаза слиплись, но нет сил уснуть... Смирюсь, прошу прощения, виноват, молчу... Делайте, что знаете, и думайте, что знаете...

Войнищев отходит от Платонова и садится за стол.

Не уйду отсюда, хоть дом зажгите! Кому неприятно мое присутствие, тот может выйти из этой комнаты... (*Хочет лечь*.) Дайте мне чего-нибудь теплого... Не есть, а укрыться... Не пойду я к себе... На дворе дождь... Тут лягу.

А н н а П е т р. (*подходит к Платонову*). Ступайте, Михаил Васильич, домой! Я пришлю и принесу то, что вам нужно. (*Трогает его за плечо*.) Идите! Идите домой!

П л а т о н о в. Кому неприятно мое присутствие, тот может выйти из этой комнаты... Дайте мне воды напиться! Пить хочу.

Анна Петровна подает ему графин.

(*Пьет из графина*.) Болен... Совсем болен, милая женщина!

А н н а П е т р. Идите к себе!.. (*Прикладывает руку к его лбу*.) Голова горяча... Идите домой. Я за Трилецким пошлю.

П л а т о н о в (*тихо*). Худо, ваше превосходительство! Худо... худо...

А н н а П е т р. Мне-то какво? Идите! Я вас прошу! Вам во что бы то ни стало уехать нужно! Слышите?

Я В Л Е Н И Е VIII

Т е ж е и С о ф ь я Е г о р о в н а .

С о ф ь я Е г о р . Потрудитесь взять ваши деньги обратно. Что за великодушие! Я уж сказала вам, кажется... (*Увидев Платонова.*) Вы... здесь?! Зачем вы здесь?

Пауза.

Странно... Что вы здесь делаете?

П л а т о н о в . Я-то?

С о ф ь я Е г о р . Да, вы!

А н н а П е т р . Выйдем, Сергей! (*Выходит и через минуту входит на цыпочках и садится в углу.*)

П л а т о н о в . Все кончено, Софья!

С о ф ь я Е г о р . То есть?

П л а т о н о в . Да, то есть... После поговорим.

С о ф ь я Е г о р . Михаил Васильич! Что значит это... все?

П л а т о н о в . Ничего мне не нужно, ни любви, ни ненависти, дайте мне одного только покоя! Прошу... И говорить даже не хочется... Довольно с меня и того, что было... Пожалуйста...

С о ф ь я Е г о р . Что он говорит?

П л а т о н о в . То говорю, что довольно. Не надо мне новой жизни. И старой девать некуда... Ничего мне не нужно!

С о ф ь я Е г о р . (*пожимает плечами*). Не понимаю!..

П л а т о н о в . Не понимаете? Узел разорвался, вот что!

С о ф ь я Е г о р . Вы не едете, что ли?

П л а т о н о в . Не нужно бледнеть, Софья... впрочем, Егоровна!

С о ф ь я Е г о р . Вы подличаете?

П л а т о н о в . По всей вероятности...

С о ф ь я Е г о р . Подлец вы! (*Плачет.*)

П л а т о н о в . Знаю... Сто раз слышал... После бы поговорили и... без свидетелей.

Софья Егоровна рыдает.

П л а т о н о в. Шли бы к себе в комнату. Самая лишняя вещь в несчастье — это слезы... Должно было случиться и случилось... В природе есть законы, а в нашей жизни... логика... По логике и случилось...

Пауза.

С о ф ь я Е г о р. *(рыдает)*. Я же тут при чем? Какое дело мне, какое дело моей жизни, которую вы взяли, до того, что вы утомились? Я же тут при чем? Вы не любите больше?

П л а т о н о в. Утешитесь чем-нибудь... Хоть тем, например, что этот скандал послужит уроком для вашего будущего!

С о ф ь я Е г о р. Не уроком, а гибелью! Вы смеете это говорить? Подло!

П л а т о н о в. Для чего плакать? Как все это мне... опротивело! *(Кричит.)* Болен я!

С о ф ь я Е г о р. Он клялся, просил, он первый начал, а теперь вот пришел сюда! Я вам опротивела? Вам нужна была я только на две недели? Ненавижу я вас! Не могу и видеть его! Убирайтесь вон отсюда! *(Рыдает сильнее.)*

А н н а П е т р. Платонов!

П л а т о н о в. А?

А н н а П е т р. Уйдите отсюда!

Платонов встает и медленно идет к двери.

С о ф ь я Е г о р. Подождите... Не уходите! Вы... правда? Вы, может быть, не трезвы... Вы сядьте, подумайте! *(Хватает его за плечо.)*

П л а т о н о в. Сидел я уже и думал. Избавьтесь от меня, Софья Егоровна! Не ваш я человек! Я так долго гнил, моя душа так давно превратилась в скелет, что нет возможности воскресить меня! Закопать подальше, чтоб не заражал воздуха! Верьте мне в последний раз!

С о ф ь я Е г о р. *(ломает руки)*. Что же я буду делать? Что делать мне? Научите! Ведь я умру! Я не переживу этой подлости! Я не проживу и пяти минут! Убью себя... *(Садится в кресло, стоящее в углу.)* Что вы делаете со мной? *(Истерика.)*

В о й н и ц е в *(подходит к Софье Егоровне)*. Софи!

А н н а П е т р. Бог знает что делается! Успокой-
тесь, Софи! Дай воды, Сергей!

В о й н и ц е в. Софи! Не убивайте себя... Перестань-
те! (*Платонову.*) Чего вы ждете здесь, Михаил Василь-
ич? Уйдите, бога ради!

А н н а П е т р. Будет, Софи, будет! Довольно!

П л а т о н о в (*подходит к Софье Егоровне*). Ну
чего? Э-э... (*Быстро отходит.*) Идиотство!

С о ф ь я Е г о р. Отойдите от меня прочь! Все!
Не нуждаюсь я в вашей помощи! (*Анне Петровне.*)
Отойдите прочь! Я вас ненавижу! Я знаю, кому обязана
всем этим! Не пройдет это вам даром!

А н н а П е т р. Тссс... Не следует браниться.

С о ф ь я Е г о р. Не будь над ним вашего развра-
щающего авторитета, не губил бы он меня! (*Рыдает.*)
Прочь! (*Войницеву.*) И вы... и вы отойдите!

Войнищев отходит, садится за стол и кладет голову на руки.

А н н а П е т р. (*Платонову*). Ступайте отсюда,
вам говорят! Удивительный вы идиот сегодня! Чего вы
еще хотите?

П л а т о н о в (*затыкает уши*). Куда же я пойду?
Я ооченел от холода... (*Идет к двери.*) Хотя бы черти
прибрали скорей...

Я В Л Е Н И Е IX

Т е ж е и Т р и л е ц к и й.

Т р и л е ц к и й (*в дверях*). Я тебе задам такого док-
лада, что ты и своих не узнаешь!

Г о л о с Я к о в а. Барин приказали...

Т р и л е ц к и й. Пойди и поцелуйся с своим бари-
ном! Он такой же болван, как и ты! (*Входит.*) Неужели
и здесь его нет? (*Падает на диван.*) Ужасно! Это... это...
это... (*Вскакивает.*) Ох! (*Платонову.*) Трагедия на ис-
ходе, трагик! На исходе-с!

П л а т о н о в. Что тебе?

Т р и л е ц к и й. Что ты здесь проедаешься? Где ты
шляешься, несчастный? Как тебе не стыдно, не грешно?
Философствуешь здесь? Проповеди читаешь?

П л а т о н о в. Говори по-человечески, Николай! Что тебе?

Т р и л е ц к и й. Это скотство! *(Садится и закрывает руками лицо.)* Несчастье, какое несчастье! Кто мог ожидать?

П л а т о н о в. Что случилось?

Т р и л е ц к и й. Что случилось? А ты и не знаешь? Тебе и дела нет до этого? Тебе некогда?

А н н а П е т р. Николай Иванович!

П л а т о н о в. Саша, что ли? Говори, Николай! Этого еще не доставало! Что с ней?

Т р и л е ц к и й. Спичками отравилась!

П л а т о н о в. Что ты говоришь?

Т р и л е ц к и й *(кричит)*. Спичками отравилась! *(Вскакивает.)* На, читай! Читай! *(Подносит к его глазам записку.)* Читай, филоссф!

П л а т о н о в *(читает)*. «Самоубийцев грешно поминать, но меня поминайте. Я лишила себя жизни в болезни. Миша, люби Колю и брата, как я тебя люблю, Не оставь отца. Живи по закону. Коля, господь тебя благословит, как я благословляю материнским благословением. Простите, грешную. Ключ от Мишиного комода в шерстяном платье»... Золото мое! Грешная! Она грешная! Этого еще не доставало! *(Хватает себя за голову.)* Отравилась...

Пауза.

Саша отравилась... Где она? Послушай! Я к ней пойду! *(Срывает с руки повязку.)* Я... я воскрешу ее!

Т р и л е ц к и й *(ложится на диван лицом вниз)*. Прежде чем воскрешать, не нужно было убивать!

П л а т о н о в. Убивать... Зачем ты, безумец, говоришь... это слово? Да разве я убивал ее? Разве... разве я хотел ее смерти? *(Плачет.)* Отравилась... Этого еще не доставало, чтобы переехать меня колесом, как собаку! Если это наказание, то... *(Машет кулаком.)* Это жестокое, безнравственное наказание! Нет, это уж выше сил моих! Выше! За что? Ну, грешен, положим, подл... но все-таки ведь жив еще!

Пауза.

Глядите на меня теперь все! Глядите! Нравится?

Т р и л е ц к и й (*вскакивает*). Да, да, да... Будем теперь плакать... Кстати, глаза на мокром месте... Выпороть бы тебя хорошенько! Одевай шапку! Едем! Муж! Хорош муж! Погубил женщину ни за что ни про что! Довел до чего! А эти и держат его здесь! Нравится он им! Оригинальный человек, интересный субъект, с грустью благородной на лице! Со следами когда-то бывшей красоты! Поедем-ка! Посмотришь, что ты наделал, интересный субъект, оригинал!

П л а т о н о в. Без слов... без слов... Не нужно слов!

Т р и л е ц к и й. Счастье твое, живодер, что я сегодня чуть свет домой заехал! Ну что было бы, если бы я не заехал, если бы я не захватил? Умерла бы она! Понимаешь ты это или нет? Ты обыкновенно все понимаешь, кроме самых обыкновенных вещей! О, я бы тебе тогда задал! Я не посмотрел бы на твою жалостную физиономию! Если бы ты поменьше болтал своим окаянным языком, да побольше сам слушал, то не было бы этого несчастья! За нее я и десять не возьму таких умников, как ты! Едем!

В о й н и ц е в. Не кричите! Ах... Как надоели все.

Т р и л е ц к и й. Едем!

П л а т о н о в. Постой... Так она... не умерла, ты говоришь?

Т р и л е ц к и й. А тебе хотелось бы, чтобы она умерла?

П л а т о н о в (*вскрикивает*). Не умерла! Я не пойму никак... Не умерла? (*Обнимает Трилецкого.*) Жива! (*Хохочет.*) Жива!

А н н а П е т р. Не понимаю!.. Трилецкий, извольте сказать толком! Все они сегодня как-то особенно глупы! Что же значит это письмо?

Т р и л е ц к и й. Она написала это письмо... Если бы не я, она успела бы умереть... А теперь страшно больна. Не знаю, вынесет ли ее организм... О, пусть она только умрет, тогда... Отойди ты от меня, пожалуйста!

П л а т о н о в. Напугал ты меня как! Боже мой! Жива она еще! Значит, ты не допустил ее умереть? Милый мой! (*Целует Трилецкого.*) Дорогой! (*Хохочет.*) Не верил в медицину, но теперь даже и в тебя верю! Что с ней теперь? Слаба? Нездорова? Но мы поднимем ее!

Т р и л е ц к и й. Вынесет ли она еще!

П л а т о н о в. Вынесет! Не она вынесет, так я вынесу! Зачем же ты сначала не сказал, что она жива? Анна Петровна! Милая женщина! Воды стакан холодной, и я счастлив! Простите меня, господа, все! Анна Петровна!.. Я с ума схожу!.. *(Целует у Анны Петровны руку.)* Жива Саша... Воды, воды... моя дорогая!

Анна Петровна выходит с пустым графином и через минуту входит с водой.

П л а т о н о в *(Трилецкому)*. Едем к ней! На ноги ее, на ноги! Вверх ногами всю медицину от Гиппократы до Трилецкого! Все переворочаем! Кому же и жить на этом свете, как не ей? Едем! Но нет... подожди! Голова кружится... Я страшно болен... Постой... *(Садится на диван.)* Отдохну, и едем... Очень слаба?

Т р и л е ц к и й. Очень... Обрадовался! Чему он обрадовался, не понимаю!

А н н а П е т р. И я испугалась. Говорить нужно потолковей! Пейте! *(Подает Платонову воду.)*

П л а т о н о в *(пьет с жадностью)*. Спасибо, добрая женщина! Негодяй я, необыкновенный негодяй! *(Трилецкому.)* Сядь возле меня! *(Трилецкий садится.)* И ты весь измучился... Спасибо тебе, друг. Много онахватила?

Т р и л е ц к и й. Хватило бы на тот свет отправить...
ся...

П л а т о н о в. Экая... Ну, слава богу. Рука болит... Дайте мне еще пить. Я сам ужасно болен, Николай! Еле голову на плечах держу... Того и смотри, что свалится... У меня, должно быть, горячка будет. Солдатики в ситцевых мундирах с острыми шапочками так и мелькают перед глазами... Желто и зелено кругом... Закати-ка мне *chīnīni sulphurici*...

Т р и л е ц к и й. Закатил бы тебе сотню-другую горячих!

П л а т о н о в *(хохочет)*. Шути, шути... Я иногда смеюсь твоим островам. Ты мне деверь или шурин? Боже мой, как я болен! Ты представить себе не можешь, как я болен!

Трилецкий щупает ему пульс.

А н н а П е т р. *(тихо Трилецкому)*. Везите его, Николай Иванович! Я сама к вам сегодня приеду, поговорю с Александрой Ивановной. Что это ей вздумалось нас так пугать? Не опасно?

Т р и л е ц к и й. Нельзя еще ничего сказать. Отравиться не удалось, но, в общем... беда!

П л а т о н о в. Что ты ей дал?

Т р и л е ц к и й. То, что следует. *(Встает.)* Едем!

П л а т о н о в. А генеральше что ты сейчас дал?

Т р и л е ц к и й. Бредишь... Едем!

П л а т о н о в. Едем... *(Встает.)* Сергей Павлович! Брось! *(Садится.)* Брось! Чего пригорюнился? Точно солнце у земли украли! А еще тоже философию когда-то учил! Будь Сократом! А? Сергей Павлович! *(Тихо.)* Впрочем, я сам не знаю, что говорю...

Т р и л е ц к и й *(кладет ему на голову руку)*. Ты еще заболей! Ну да тебе для очистки совести не мешает псболеть!

А н н а П е т р. Платонов, езжайте с богом! Пошлите в город за другим доктором... Консилиум не мешало бы... Я сама, впрочем, пошлю, не беспокойтесь... Успокойте же Александру Ивановну!

П л а т о н о в. У вас, Анна Петровна, по груди ползет маленький фортепьянчик! Комизм! *(Смеется.)* Комизм! Сядь, Николай, сыграй что-нибудь!.. *(Хохочет.)* Комизм! Я болен, Николай... Серьезно говорю... Не шутя... Едем!

Входит И в а н И в а н о в и ч.

Я В Л Е Н И Е X

Т е ж е и И в а н И в а н о в и ч.

И в а н И в а н о в и ч *(растрепанный, в халате)*. Саша моя! *(Плачет.)*

Т р и л е ц к и й. Тебя еще недоставало здесь с твоими слезами! Ступай отсюда! Чего прибежал?

И в а н И в а н о в и ч. Умирает она! Исповедовать хочет! Боюсь, боюсь... Ох, как боюсь! *(Подходит к Платонову.)* Мишенька! Умоляю тебя господом и всеми

святыми. Дорогой, умный, прекрасный, честный человек! Пойди ты скажи ей, что ты ее любишь! Брось ты все эти романы паскудные! Умоляю тебя коленопреклоненно! Помирает ведь! Одна у меня... одна! Умрет... погибну! Без покаяния погибну! Скажи ты ей, что ты ее любишь, за жену свою считаешь! Успокой ты ее, ради Христа! Мишенька! Ложь бывает во спасение... Видит бог, что ты справедлив, но солги для спасения ближнего! Поедем, сделай милость! Подай ты мне эту милостыню, Христа ради, старику! Сторицею господь воздаст тебе! Трясусь весь, трясусь от ужаса!

П л а т о н о в. Уже успел клюкнуть, полковник? *(Смеется.)* Вылечим Сашку и вместе выпьем! Ах, как пить хочу!

И в а н И в а н о в и ч. Поедем, благороднейший... праведнейший! Скажи ты ей два слова, и она спасена! Не спасут медикаменты, когда психиатрия душевная страдает!

Т р и л е ц к и й. Выйди отсюда, отец, на минутку! *(Ведет отца за рукав.)* Кто тебе сказал, что она умрет? Откуда ты это выдумал? Вовсе не опасно! Подождешь в той комнате. Сейчас поедем к ней с ним вместе. Постыдился [бы] в таком виде вваливаться в чужой дом!

И в а н И в а н о в и ч *(Анне Петровне)*. Грех вам, Диана! Не простит вас бог! Он молодой человек, неопытный...

Т р и л е ц к и й *(вталкивает его в другую комнату)*. Подожди там! *(Платонову.)* Желаете ехать?

П л а т о н о в. Страшно болен... Болен я, Николай!

Т р и л е ц к и й. Желаете ехать, я вас спрашиваю, или нет?

П л а т о н о в *(поднимается)*. Поменьше слов... Что делать, чтоб во рту не сохло? Едем... Я сюда, кажется, без шапки пришел... *(Садится.)* Poiщи мою шапку!

С о ф ь я Е г о р. Он должен был это предвидеть. Я отдавалась ему, не спрашивая... Я знала, что я убиваю мужа, но я... ни перед чем для него не остановилась. *(Поднимается и подходит к Платонову.)* Что вы сделали со мной? *(Рыдает.)*

Т р и л е ц к и й *(хватает себя за голову)*. Комиссия! *(Ходит по сцене.)*

А н н а П е т р. Успокойтесь, Софи! Не время... Он болен.

С о ф ь я Е г о р. Можно ли, человечно ли издеваться так над целой человеческой жизнью? (*Садится рядом с Платоновым.*) Ведь вся жизнь теперь моя пропала... Я уж не жива теперь... Спасите меня, Платонов! Не поздно! Платонов, не поздно!

Пауза.

А н н а П е т р. (*плачет*). Софи... Что вы хотите? Успеете еще... Что он вам может сказать теперь? Разве вы не слышали... не слышали?

С о ф ь я Е г о р. Платонов... Еще раз прошу... (*Рыдает.*) Нет?

Платонов отодвигается от нее.

С о ф ь я Е г о р. Не нужно... Хорошо же... (*Падает на колени.*) Платонов!

А н н а П е т р. Это уж слишком, Софи! Не смеее вы этого делать! Никто не стоит того, чтоб... на коленях... (*Поднимает ее и сажает.*) Вы... женщина!

С о ф ь я Е г о р. (*рыдает*). Скажите ему... Уговорите...

А н н а П е т р. Призовите к себе все силы вашего ума... Надо быть... стойкой... Вы женщина! Ну... полноте! Идите к себе в комнату!

Пауза.

Идите лягте на постель... (*Трилецкому.*) Николай Иванович! Что делать?

Т р и л е ц к и й. Об этом нужно спросить милого Мишеньку! (*Ходит по сцене.*)

А н н а П е т р. Поведите ее на постель! Сергей! Николай Иванович! Да помогите же мне наконец!

Войнищев встает и подходит к Софье Егоровне.

Т р и л е ц к и й. Поведите. Надо дать успокоительного.

А н н а П е т р. Я сама приняла бы теперь хлороформу... (*Войнищеву.*) Будь мужчиной, Сергей! Не теряйся хоть ты! Мне не лучше твоего, однако же... стою на ногах... Пойдемте, Софи! Экий денек нынче выдался...

(Ведут Софью Егоровну.) Мужайся, Сержель! Будем людьми!

В о й н и ц е в. Постараюсь, тамап! Креплюсь...

Т р и л е ц к и й. Не горюй, брат Сергей! Авось вытянем! Не ты первый, не ты и последний!

В о й н и ц е в. Постараюсь... Да, я постараюсь...

Уходят.

Я В Л Е Н И Е Х I

П л а т о н о в и п о т о м Г р е к о в а.

П л а т о н о в (один). Папиросу, Николай, и воды! (Оглядывается.) Нет их? Ехать нужно...

Пауза.

Разгромил, придушил женщин слабых, ни в чем не повинных... Не жалко было бы, если бы я их убил как-нибудь иначе, под напором чудовищных страстей, как-нибудь по-испански, а то убил так... глупо как-то, по-русски... (Машет рукой перед глазами.) Mouches volantes¹. Облачки... Бредить, должно быть, буду... Раздавлен, приплюснен, скомкан... А давно ли перестал хорохориться? (Закрывает руками лицо.) Стыд, жгучий стыд... Больно от стыда! (Встает.) Был голоден, холоден, истаскался, пропадал, исшарлатанился весь, пришел в этот дом... Дали мне теплый угол, одели, приласкали, как никого... Хорошо заплатил! Однако же болен... Плохо... Убить себя нужно... (Подходит к столу.) Выбирай, арсенал целый... (Берет револьвер.) Гамлет боялся сновидений... Я боюсь... жизни! Что будет, если я жить буду? Стыд заест один... (Прикладывает револьвер к виску.) Finita la comedia!² Одним умным скотом меньше! Прости, Христос, мне мои грехи!

Пауза.

Ну? Сейчас смерть, значит... Боли теперь, рука, сколько хочешь...

Пауза.

¹ Здесь: круги перед глазами (франц.).

² Окончена комедия! (итал.)

Нет сил!! (*Кладет револьвер на стол.*) Жить хочется...
(*Садится на диван.*) Жить хочется...

Входит Грекова.

Воды бы... Где же Трилецкий? (*Увидев Грекову.*) Это кто? А-а-а... (*Смеется.*) Враг злейший... Будем завтра судиться?

Пауза.

Грекова. Но, разумеется, после того письма мы уж не враги.

Платонов. Все одно. Воды нет?

Грекова. Вам воды? Что с вами?

Платонов. Болен... У меня горячка будет... Мне это понравилось. Умно. Но еще умнее было бы, если бы вы со мной вовсе не связывались... Застрелиться хотел... (*Смеется.*) Не удалось. Инстинкт... Ум свое, природа свое... Остроглазая! Ведь умница? (*Целует руку.*) Рука холодная... Слушайте... Вы хотите меня слушать?

Грекова. Да-да-да...

Платонов. Возьмите меня к себе! Я болен, пить хочу, страдаю страшно, невыносимо! Спать хочу, а лечь негде... Меня хоть бы в сарай, лишь бы угол, вода и... хинину немножко. Пожалуйста! (*Протягивает руку.*)

Грекова. Едемте! Я с удовольствием!.. Вы можете жить у меня сколько угодно... Вы еще не знаете, что я наделала! Едемте!

Платонов. Мегсі, умная девочка... Папироса, вода и постель! На дворе дождь?

Грекова. Дождь.

Платонов. По дождю ехать придется... Судиться не станем. Мир! (*Смотрит на нее.*) Я брежу?

Грекова. Нисколько. Едемте! Экипаж у менякрытый.

Платонов. Хорошенькая... Чего же краснеешь? Не трону. Ручку вот холодную поцелую... (*Целует руку и тянет ее к себе.*)

Грекова (*садится к нему на колени*). Нет... не следует... (*Встает.*) Едемте... У вас лицо странное... Пустите руку!

П л а т о н о в. Болен. (*Встает.*) Едем... В щечку... (*Целует ее в щеку.*) Без всякой задней мысли. Не могу... Впрочем, пустяки. Едемте, Марья Ефимовна! И, пожалуйста, поскорей! Вот... вот этим револьвером застрелиться хотел... В щечку... (*Целует в щеку.*) Брежу, но вижу ваше лицо... Всех людей люблю! Всех! Я и вас люблю... Люди были для меня дороже всего... Никого не хотел обидеть, а всех обидел... Всех... (*Целует руку.*)

Г р е к о в а. Я все поняла... Я понимаю ваше положение... Софи... да?

П л а т о н о в. Софи, Зизи, Мими, Маша... Вас много... Всех люблю... Был в университете, и на Театральной площади, бывало... падшим хорошие слова говорил... Люди в театре, а я на площади... Раису выкупил... Собрал со студентами триста целковых и другую выкупил... Показать ее письма?

Г р е к о в а. Что с вами?

П л а т о н о в. С ума, думаете, сошел? Нет, это так... Бред горячечный... Спросите Трилецкого... (*Берет ее за плечи.*) И меня все любят... Все! Оскорбишь, бывало, и то... любят... Грекову, например, оскорбил, на стол пхнул, и то... любит. Вы, впрочем, сама Грекова... Виноват...

Г р е к о в а. Что у вас болит?

П л а т о н о в. Платонов болит. Вы ведь меня любите? Любите? Откровенно... Я ничего не хочу... Вы только скажите мне, любите?

Г р е к о в а. Да... (*Кладет голову ему на грудь.*) Да...

П л а т о н о в (*целует ее в голову*). Все любят... Когда выздоровею, развращу... Прежде хорошие слова говорил, а теперь развращаю...

Г р е к о в а. Мне все одно... Мне ничего не нужно... Ты только и... человек. Не хочу я знать других! Что хочешь делай со мной... Ты... ты только и человек! (*Плачет.*)

П л а т о н о в. Понимаю я царя Эдипа, выколотившего себе глаза! Как я низок и как глубоко познаю свою низость! Отойдите! Не стоит... Я болен. (*Освобождается.*) Я еду сейчас... Извините меня, Марья Ефимовна! Я с ума схожу! Где Трилецкий?

Входит Софья Егоровна.

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же и Софья Егоровна.
Софья Егоровна подходит к столу и роется на нем.

Грекова (*хватает Платонова за руку*). Тссс...

Пауза.

Софья Егоровна берет револьвер, стреляет в Платонова и дает промах.

Грекова (*становится между Платоновым и Софьей Егоровной*). Что вы делаете? (*Кричит.*) Сюда! Скорей сюда!

Софья Егор. Пустите... (*Обегает вокруг Грековой и стреляет Платонову в грудь в упор.*)

Платонов. Пойдите, пойдите... Как же это так? (*Падает.*)

Вбегают Анна Петровна, Иван Иванович, Трилецкий и Войнищев.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же, Анна Петровна, Иван Иванович, Трилецкий, Войнищев, потом прислуга и Марко.

Анна Петр. (*вырывает у Софьи Егоровны револьвер и отбрасывает ее на диван*). Платонов! (*Наклоняется к Платонову.*)

Войнищев закрывает лицо и отворачивается к двери.

Трилецкий (*наклоняется к Платонову и поспешно расстегивает ему сюртук*).

Пауза.

Михаил Васильич! Ты слышишь?

Пауза.

Анна Петр. Бога ради, Платонов! Мишель... Мишель! Скорей, Трилецкий...

Т р и л е ц к и й (кричит). Воды!
Г р е к о в а (подает ему графин). Спасите его! Вы спасете его! (Ходит по сцене.)

Трилецкий пьет воду и бросает графин в сторону.

И в а н И в а н о в и ч (хватает себя за голову). Ведь сказал же, что погибну! Ну и погиб! Вот и погиб! (Опускается на колени.) Господь всемогущий! Погиб... Вот и погиб...

Убегают Яков, Василий, Катя и повар.

М а р к о (входит). От мирового судьи-с...

Пауза.

А н н а П е т р. Платонов!

Платонов приподнимается и обводит всех глазами.

А н н а П е т р. Платонов... Это ничего... Воды выпейте!

П л а т о н о в (указывает на Марка). Ему три целковых! (Падает и умирает.)

А н н а П е т р. Мужайся, Сергей! Все это пройдет, Николай Иванович... Все это пройдет... Мужайтесь...

К а т я (кланяется в ноги Анне Петровне). Я одна виноватая! Я записку носила! На деньги польстилась, барыня! Простите меня, окаянную!

А н н а П е т р. Крепитесь... Зачем теряться? Он только так... Излечимо...

Т р и л е ц к и й (кричит). Умер!

А н н а П е т р. Нет, нет...

Грекова садится за стол, рассматривает бумажку и горько плачет.

И в а н И в а н о в и ч. Со святыми упокой... Погиб... Погиб...

Т р и л е ц к и й. Жизнь — копейка! Прощай, Мишка! Пропала твоя копейка! Чего глазаете? Сам застрелился! Расстроилась компания! (Плачет.) С кем я теперь на твоих поминках пить буду! О, дураки. Не могли уберечь Платонова! (Встает.) Отец, поди скажи Саше, чтоб она умирала! (Покачиваясь, подходит к Войни-

цеву.) Ты-то чего? Эх! *(Обнимает Войницеву.)* Умер Платошка! *(Рыдает.)*

В о й н и ц е в. Что делать, Николай?

Т р и л е ц к и й. Хоронить мертвых и починять живых!

А н н а П е т р. *(медленно поднимается и идет к Софье Егоровне).* Успокойтесь, Софи! *(Рыдает.)* Что вы наделали?! Но... но... успокойтесь! *(Трилецкому.)* Ничего не говорите Александре Ивановне, Николай Иванович. Я сама ей скажу! *(Идет к Платонову и опускается перед ним на колени.)* Платонов! Жизнь моя!.. Не верю я! Ведь ты не умер? *(Берет его за руку.)* Жизнь моя!

Т р и л е ц к и й. За дело, Сережа! Поможем твоей жене, а потом...

В о й н и ц е в. Да-да-да... *(Идет к Софье Егоровне.)*

И в а н И в а н о в и ч. Забыл господь... За грехи... За мои грехи... Зачем грешил, старый шут? Убивал тварей божьих, пьянствовал, сквернословил, осуждал... Не вытерпел господь и поразил.

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

Драматический этюд в одно действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Тихон Евстигнеев, содержатель кабака на большой дороге.

Семен Сергеевич Борцов, разорившийся помещик.

Марья Егоровна, его жена.

Савва, старик странник.

Назаровна }
Ефимовна } богомолки.

Федя, прохожий фабричный.

Егор Мерик, бродяга.

Кузьма, проезжий.

Почтальон.

Кучер Борцовой.

Богомольцы, гуртовщики, проезжие и проч.

Действие происходит в одной из южнорусских губерний. Сцена представляет собой кабак Тихона. Направо прилавок и полки с бутылками. В глубине дверь, ведущая наружу. Над нею снаружи висит красный, засаженный фонарик. Пол и скамья, стоящие у стен, вплотную заняты богомольцами и прохожими. Многие, за неимением места, спят сидя. Глубокая ночь. При поднятии занавеса слышится гром и в дверь видна молния.

За прилавком Тихон. На одной из скамей, развалясь, полулежит Федя и тихо наигрывает на гармонике. Около него сидит Боров, одетый в поношенное летнее платье. На полу около скамей расположились Савва, Назаровна и Ефимовна.

Ефимовна (*Назаровне*). Потолкай-ка, мать, старца! Словно, никак, богу душу отдает.

Назаровна (*поднимая с лица Саввы край сермяги*). Божий человек, а божий человек! Жив ты аль уж помер?

Савва. Зачем помер? Жив, матушка! (*Приподнимаясь на локоть*.) Укрой-ка мне, убогонькая, ноги! Вот так. Правую больше. Вот так, матушка. Дай бог здоровья!

Назаровна (*прикрывая Савве ноги*). Спи, ба-тюшка!

Савва. Какой уж тут сон? Было б терпенье муку эту перенести, а спанья, матушка, хоть и не надо. Не достоин грешник покой иметь. Это что шумит, богомолочка?

Назаровна. Грозу бог посылает. Ветер воеет, а дождик так и хлещет, так и хлещет. По крыше и в стекла словно горошком дробненьким. Чуешь? Разверзлись хляби небесные...

Гром.

Свят, свят, свят...

Федя. И гремит, и гудит, и шумит, и конца-краю нет! Гууу... словно лес шумит... Гууу... Ветер как собака воеет... (*Ежится*.) Холодно! Одежа мокрая, хоть возьми да выжми, двери настезь... (*Тихо наигрывает*.) Размокла моя гармония, православные, никакой музыки нет, а то бы я вам такую концерту отшпандорил, что держись шапка! Великолепно! Кадрель ежели, или польку, положим... или какой русский куплетец... все это мы можем. В городе, когда в коридорных при гранд-ателе состоял, денег не нажил, а в рассуждении гармонии все ноты превзошел. И на гитаре умею.

Голос из угла: «Дурак, дурацкие и речи».

Федя. От дурака слышу.

Пауза.

Н а з а р о в н а (*Савве*). Тебе бы, старик, гаперича в тепле полежать, ножку-то погреть.

Пауза.

Старик! Человек божий! (*Толкает Савву.*) Ай помирать собираешься?

Ф е д я. Ты бы, дедусь, водочки выпил. Ты выпьешь, а оно в животе погорит, погорит, да от сердца и оттянет малость. Выпей-ка!

Н а з а р о в н а. Не бахвальничай, парень! Старик, может, душу богу отдает да о грехах кается, а ты слова такие, да с гармонией... Брось музыку-то! Глаза бесстыжие!

Ф е д я. А ты чего к нему пристала? Ему невмочь, а ты... бабьи глупости... Он из праведности не может тебе грубое слово вымолвить, а ты обрадовалась, рада, что он тебя, дуру, слушает... Спи, дедусь, не слушай! Пушай болтает, а ты наплюй. Бабий язык — чертово помело, выметет из дому хитреца и мудреца. Наплюй... (*Всплескивает руками.*) Да и худой же ты, братец ты мой! Страсть! Чисто как ни на есть мертвый шкилет! Никакой живности! Ай и впрямь помираешь?

С а в в а. Зачем помирать? Избави, господи, зря помереть... Помаюсь маленько, а там и поднимусь с божьей помощью... Не попустит матерь божия в чужой земле помереть... помру дома...

Ф е д я. Издалече сам?

С а в в а. Вологодский. Из самой Вологды... мещанин тамошний...

Ф е д я. А где это Вологда?

Т и х о н. За Москвой... Губерния...

Ф е д я. Тю-тю-тю... Занесло же тебя, борода! И все пешком?

С а в в а. Пешком, паренек. Был у Тихона Задонского, а иду в Святые горы... Из Святых гор, коли на то воля господня, в Одест... Оттуда, сказывают, в Ерусалим задешево отправляют. Будто за двадцать один рупь...

Ф е д я. А в Москве был?

С а в в а. Эва! разов пять...

Ф е д я. Хороший город? (*Закуривает.*) Стоящий?

С а в в а. Святынь много, парень... Где святынь много, там везде хорошо...

Б о р ц о в (*подходит к прилавку и Тихону*). Еще раз прошу! Дай, Христа ради!

Ф е д я. Главное в городе, чтоб чистота была... Ежели пыль — поливать, ежели грязь — чистить. Чтоб дома высокие были... театр, полиция... извозчики, которые... Сам жил в городах, понимаю.

Б о р ц о в. Рюмочку... вот эту маленькую. В долг ведь! Отдам!

Т и х о н. Ладно.

Б о р ц о в. Ну, прошу! Сделай милость!

Т и х о н. Ступай!

Б о р ц о в. Ты меня не понимаешь... Пойми ты, невежа, если в твоей деревянной, мужицкой голове есть хоть капля мозга, не я прошу, нутро, выражаясь по-твоему, по-мужицкому, просит! Болезнь моя просит! Пойми!

Т и х о н. Нечего нам понимать... Отходи!

Б о р ц о в. Ведь если я не выпью сейчас, пойми ты это, если я не удовлетворю своей страсти, то я могу преступление совершить. Я бог знает что могу сделать! Видал ты, хам, на своем кабацком веку много пьяного люда, и неужели же ты до сих пор не сумел уяснить себе, что это за люди? Это больные! На цепь их сажай, бей, режь, а водки дай! Ну, покорнейше прошу! Сделай милость! Унижаюсь! Боже мой, как я унижаюсь!

Т и х о н. Деньги давай, тогда и водка будет.

Б о р ц о в. Где же мне взять денег? Все пропито! Все дотла! Что же я могу тебе дать? Пальто вот только одно осталось, но дать тебе его я не могу... Оно на голом теле... Хочешь шапку? (*Снимает шапку и подает ее Тихону.*)

Т и х о н (*осматривая шапку*). Гм... Шапка шапке рознь... Дыр, словно в решете...

Ф е д я (*смеется*). Дворянская! По улице в ней ходить да перед мамзелями снимать. Здрасте, прощайте! Как поживаете?

Т и х о н (*отдает Борцову шапку*). И даром не надо. Навоз.

Б о р ц о в. Не нравится? В таком случае дай в долг! Буду обратно идти из города, занесу тебе твой пятак! Подавись тогда этим пятаком! Подавись! Пусть он у тебя поперек горла станет! *(Кашляет.)* Ненавижу!

Т и х о н *(стуча кулаком о прилавок)*. Чего пристал? Какой такой ты человек? Что за жулик? Зачем пришел?

Б о р ц о в. Выпить хочу! Не я хочу, болезнь моя хочет! Пойми!

Т и х о н. Не выводите меня из моего терпенья! Живое в степи будешь!

Б о р ц о в. Что же мне делать? *(Отходит от прилавка.)* Что же делать? *(Задумывается.)*

Е ф и м о в н а. Это тебя нечистый мутит. Ты плюнь, барин. Он тебе, окаянный, шепчет: «Выпей! выпей!» А ты ему: «Не выпью! Не выпью!» Отстанет!

Ф е д я. В башке-то небось — тру-ту-ту-ту... Животы подвело! *(Хохочет.)* Блажной ты, ваше благородие. Ложись-ка, спи! Нечего пугалом посередь кабака торчать! Не огород нашел!

Б о р ц о в *(с злобой)*. Молчи! Тебя не спрашивают, осел!

Ф е д я. Ты говори, говори, да не заговаривайся! Видали мы таких! Много вас таких здесь по большой дороге шатается! В отношении осла, как звездану тебя по уху, так взвоешь пуще ветра. Сам осел! Дрянь!

Пауза.

Сволочь!

Н а з а р о в н а. Старец, может, молитву творит и душу богу отдает, а они, нечестивцы, друг дружку задирают да слова разные... Срамники!

Ф е д я. А ты, кочерыжка, коли в кабаке попала, не хныкай! В кабаке и кабацкий обычай.

Б о р ц о в. Как же мне быть? Что делать? Как мне дать ему понять? Какое же еще нужно красноречие? *(Тихону.)* Кровь запеклась в груди! Дядя Тихон! *(Плачет.)* Дядя Тихон!

С а в в а *(стонет)*. Стреляет в ногу, словно пулей огненной... Богомолочка, матушка!

Е ф и м о в н а. Что, батюшка?

С а в в а. Кто это плачет?

Е ф и м о в н а. Барин.

С а в в а. Попроси барина, пушай и за меня слезу прольет, чтоб довелось в Вологде помереть. Слезная молитва угодней.

Б о р ц о в. Не молюсь я, дед! Не слезы это! Сок! Сдавило мою душу, и сок течет. *(Садится у ног Саввы.)* Сок! Впрочем, не понять вам! Не понять, дед, твоему темному разуму. Темные вы люди!

С а в в а. Где ж светлых-то взять?

Б о р ц о в. Есть, дед, светлые... они бы поняли!

С а в в а. Есть, есть, родимый... Святые светлые были... Они всякое горе понимали... Ты им и не говори, а они поймут... В глаза тебе взглянут — поймут... И такое тебе утешение после их понятия, словно и горя не было — рукой снимет!

Ф е д я. А ты нешто видал святых?

С а в в а. Случалось, паренек... На земле всякого народу много. Есть и грешники, есть и божьи слуги.

Б о р ц о в. Ничего не понимаю... *(Быстро поднимается.)* Разговоры нужно понимать, а разве у меня теперь есть разум? У меня есть инстинкт, жажда! *(Быстро подходит к прилавку.)* Тихон, возьми пальто! Понимаешь? *(Хочет снять пальто.)* Пальто...

Т и х о н. А под пальтом что? *(Смотрит Борцову под пальто.)* Голое тело? Не снимай, не возьму... Не стану я брать греха на душу.

Входит М е р и к.

II

Т е ж е и М е р и к.

Б о р ц о в. Хорошо, я грех беру на себя! Согласен?

М е р и к *(молча снимает сермягу и остается в поддевке. За поясом топор)*. Кому холодно, а медведю да непомнящему родства всегда жарко. Вопрею! *(Кладет на пол топор и снимает поддевку.)* Покуда из грязи ногу вытащишь, так с тебя ведро пота стечет. Одну ногу вытащил, а другая вязнет.

Ефимовна. Это так... Родненький, дождик не меньше?

Мерик (поглядев на Ефимовну). С бабами не рассуждаю.

Пауза.

Борцов (Тихону). На себя грех беру! Да ты слышишь или нет?

Тихон. И слышать не желаю, отстань!

Мерик. Темень, словно кто дегтем небо вымазал. Носа не видать. А дождь в рожу бьет, что твоя пурга! (Берет в охапку одежду и топор.)

Федя. Для вашего брата, жулика, это — первое дело. Зверь хищный прячется, а вам праздник, шутам.

Мерик. Который человек говорит эти слова?

Федя. Погляди... чай, не повылазило.

Мерик. Так и запишем... (Подходит к Тихону.) Здорово, мордастый! Аль не спознал?

Тихон. Коли ежели вас, всех пьяниц, спознавать, что по большой дороге ходят, так для этого самого во лбу, почитай, десять дыр надо.

Мерик. А ты погляди...

Пауза.

Тихон. А и то спознал, скажи на милость. По глазцам спознал! (Подает руку.) Андрей Поликарпов?

Мерик. Был Андрей Поликарпов, а нынче, почитай, Егор Мерик.

Тихон. Зачем так?

Мерик. Какой билет бог послал, так и обозначаюсь. Месяца два как Мерик...

Гром.

Ррр... Греми, не испужался! (Осматривается.) Борзых тут нету?

Тихон. Какие борзые. Все больше мошка да комары... Народ мякенький... Борзые телерича, чай, на перинах дрыхнут... (Громко.) Православные, стерегите карманы да одежонку, коли жалко. Лихой человек! Скрадет!

М е р и к. Ну, деньжонки пушай берегут, ежели есть, а касательно одежи — не трону. Брать некуда.

Т и х о н. Куда нелегкая несет?

М е р и к. В Кубань.

Т и х о н. Эва!

Ф е д я. В Кубань? Ей-богу? (*Приподнимается.*) Славные места. Такой, братцы, край, что и во сне не увидишь, хоть три года спи. Приволье. Сказывают, птицы этой самой, дичи, зверья всякого и — боже ты мой! Трава круглый год растет, народ — душа в душу, земли девать некуда! Начальство, сказывают... мне наемни один солдатик сказывал... дает по сто десятин на рыло. Счастье, побей меня бог!

М е р и к. Счастье... Счастье за спиной ходит... Его не видать. Коли локоть укусишь, и счастье увидишь... Одна глупость... (*Оглядывает скамьи и народ.*) Словно привал арестантский... Здорово, нужда!

Е ф и м о в н а (*Мерику*). Глазища-то какие злющие!.. В тебе, парень, ворог сидит... Ты на нас не гляди...

М е р и к. Здорово, беднота!

Е ф и м о в н а. Отвернись! (*Толкает Савву.*) Саввушка, на нас злой человек глядит. Испортит, ридименький. (*Мерику.*) Отвернись, говорю, аспид!

С а в в а. Не тронет, матушка, не тронет... Не попустит бог.

М е р и к. Здорово, православные! (*Пожимает плечами.*) Молчат! Ведь не спите же, косолапые! Чего же молчите?

Е ф и м о в н а. Отверни глазища-то! Гордыню бевсовскую отверни!

М е р и к. Молчи ты, старая карга! Не гордыней бевсовской, а лаской и словом добрым хотел почесть долю горькую! Словно мухи, жметесь от холода — ну, жалко стало, хотел доброе слово вымолвить, нужду приголубить, а вы рожи воротите! Что ж? И не надо! (*Подходит к Феде.*) Из каких будете?

Ф е д я. Тутошние, Хамоньевские заводские. С кирпичных заводов.

М е р и к. Встань-кась.

Ф е д я (*приподнимаясь*). Ну?

М е р и к. Вставай. Совсем вставай, я тут лягу...

Ф е д я. То ись... Твое место, што ли?

М е р и к. Мое. Поди ложись наземь!

Ф е д я. Проходи, прохожий... Не испужался...

М е р и к. Прыткий... Ну, ступай, не разговаривай!
Плакаться будешь, глупый человек.

Т и х о н (Феде). Не прекословь ему, парень. Наплюй.

Ф е д я. Какую ты имеешь полную праву? Вытирашил свои щучьи глазищи и думаешь — испужался!
(Собирает свой скарб в охапку, идет и постилает себе на полу.) Черт! (Ложится и укрывается с головой.)

М е р и к (постилает себе на скамье). Стало быть, не видал ты черта, коли меня обзывает... Черти не такие.
(Ложится и кладет рядом с собой топор.) Ложись, топорик, братик... дай я тебе топорщице укрою.

Т и х о н. Топор где взял?

М е р и к. Украл... Украл, а теперь вот и ношусь с ним, как с писаной торбой: и бросать жалко, и девать некуда. Как жена постылая... Да... (Укрывается.)
Черти, брат, не такие...

Ф е д я (высовывая голову из-под сермяги). А какие?

М е р и к. Они как пар, дух... Дунуть вот (дует), такие и они. Видеть их невозможно.

Голос из угла: «Ежели под борону сечь, так увидишь».

М е р и к. Сидел, не видал... Бабы врут да глупые мужики... Ни черта не увидишь, ни лешего, ни мертвеца... Глаз не так сотворен, чтобы все увидеть можно было... Когда мал был, нарочито по ночам в лес ходил лешего поглядеть... Кричу, кричу, бывало, что есть духу, зову лешего и глазами не моргаю: пустяк разный мерещится, а лешего не видать. На погост по ночам ходил, мертвецов желал видеть — врут бабы. Зверье всякое видывал, а что насчет страшного — на-кося выкуси. Глаз не тот...

Голос из угла: «Не говори, бывает так, что и увидишь... В нашей деревне потрошил один мужик кабана... Распорол этта трепуху, а отгеда как выскочит!»

С а в в а (приподнимаясь). Ребятушки, не поминайте вы нечистого! Грех, милые!

М е р и к. Ааа... седая борода! Шкилет! (Смеется.)
Не надо и на погост итить, свои мертвецы из-под пола

былезают наставления читать... Грех... Не с вашим глупым понятием людей наставлять! Народ вы темный, в невежестве... *(Закуривает трубку.)* Отец мой был мужик и тоже любил, бывало, наставлять. Накрал раз у попа ночью мешок яблок, приносит нам, да и наставляет: «Вы же, ребята, глядите, до Спаса не лопаите яблок, потому грех...» Так и вы... Черта вспоминать нельзя, а чертить можно... К примеру, хоть эту вот каргу взять. *(Указывает на Ефимовну.)* Во мне ворога увидела, а небось сама на своем веку из-за женских глупостей раз пять черту душу отдавала.

Е ф и м о в н а. Тьфу, тьфу, тьфу... С нами крестная сила! *(Закрывает лицо руками.)* Саввушка!

Т и х о н. Зачем пужаешь? Обрадовался!

Дверь хлопает от ветра.

Господи Иисусе... Ветер-то, ветер!

М е р и к *(потягивается)*. Эх, силищу бы свою показать!

Дверь хлопает от ветра.

С... ветром бы с эфтим померяться! Не сорвать ему двери, а я, ежели что, кабак с корнем вырву! *(Встает и ложится.)* Тоска!

Н а з а р о в н а. Молитву сотвори, идол! Что мечешься?

Е ф и м о в н а. Не трожь его, чтоб ему пусто! Опять на нас глядит! *(Мерику.)* Не гляди, злой человек! Глаза-то, глаза, словно у беса перед заутреней!

С а в в а. Пушай глядит, богомолочки! Молитву творите, глаз и не пристанет...

Б о р ц о в. Нет, не могу! Выше сил моих! *(Подходит к прилавку.)* Послушай, Тихон, в последний раз прошу... Полрюмки!

Т и х о н *(качает отрицательно головой)*. Деньги!

Б о р ц о в. Боже мой, да ведь я уже сказал тебе! Все пропито! Откуда же я возьму тебе? И неужто ты разоришься, если дашь мне в долг каплю водки? Рюмка водки стоит тебе грош, меня же избавит она от страданий! Страдаю! Не блажь тут, а страдание! Пойми!

Т и х о н. Поди рассказывай кому другому, а не мне... Ступай проси вон у православных, пушай подносят

тебе, Христа ради, ежели желают, а я, Христа ради, только хлеб подаю.

Б о р ц о в. Дери ты с них, бедняков, а я уж... извини! Не мне их обирать! Не мне! Понимаешь? *(Стучит кулаком о прилавок.)* Не мне!

Пауза.

Гм... постойте же... *(Оборачивается к богомольцам.)* А ведь это идея, православные! Пожертвуйте пятачишку! Нутро просит. Болен!

Ф е д я. Ишь ты, жертвуйте... Жулик... А водицы не хочешь?

Б о р ц о в. Как я унижаюсь! Как унижаюсь! Не надо! Ничего мне не надо!.. Я шутил!

М е р и к. Не выпросишь у него, барин... Известный жила... Постой, у меня где-то пятачишка валялся... Оба стакашку выпьем... напополам... *(Роется в карманах.)* Черт... застрял где-то... Кажись, намедни что-то звякало в кармане... Нет, нету... Нету, брат! Счастье твое такое!

Пауза.

Б о р ц о в. Не выпить мне нельзя, иначе я преступление совершу! или на самоубийство решусь... Что же делать, боже мой! *(Глядит в дверь.)* Уйти разве? Пойти в эти потемки куда глаза глядят...

М е р и к. Что же вы, богомолочки, ему наставление не прочтете? А ты, Тихон, отчего его наружу не выгонишь? Ведь он не заплатил тебе за ночлег. Гони его, толкай в шею! Эх, жестокий нынче народ. Нет в нем мягкости и доброты... Лютый народ! Тонет человек, а ему кричат: «Тони скорей, а то глядеть некогда, день рабочий». А про то, чтоб ему веревку бросить, и толковать нечего... Веревка деньги стоит...

С а в в а. Не осуждай, добрый человек!

М е р и к. Молчи, старый волк! Лютый вы народ! Ироды! Душепродавцы! *(Тихону.)* Пошел сюда, сними мне сапоги! Живо!

Т и х о н. Эх, расходился! *(Смеется.)* Ужаси!

М е р и к. Пошел, тебе говорят! Живо!

Пауза.

Слышишь ты аль нет? Стенам говорю? *(Поднимается.)*

Т и х о н. Ну, ну... будет...

М е р и к. Я желаю, живодер, чтобы ты у меня, у нищего бродяги, сапоги снял.

Т и х о н. Ну, ну... не серчай! Поди стаканчик выпей... Иди выпей!

М е р и к. Люди, чего я желаю? Чтобы он меня водкой угощал или чтобы сапоги снял? Нешто я оговорился, не так сказал? (*Тихону.*) Ты, стало быть, не расслышал? Погожу минутку, авось расслышишь.

Между богомольцами и прохожими некоторое волнение. Приподнимаются и глядят на Тихона и Мерика. Молчаливое ожидание.

Т и х о н. Нелегкая тебя принесла! (*Выходит из-за прилавка.*) Барин какой нашелся! Ну давай, что ли? (*Снимает с Мерика сапоги.*) Каиново отродье...

М е р и к. Вот так. Поставь их рядом... Вот так... Ступай!

Т и х о н (*снявши сапоги, идет за прилавок*). Больно ты любишь мудрить! Помудри еще у меня, так живо из кабака вылетишь! Да! (*Подходящему Борцову.*) Ты опять?

Б о р ц о в. Видишь ли, я, пожалуй, могу дать тебе одну золотую вещь... Изволь, если хочешь, я тебе дам...

Т и х о н. Чего трясешься? Говори толком!

Б о р ц о в. Хоть это подло и мерзко с моей стороны, но что же делать? Я решаюсь на эту мерзость, будучи неменяем... Меня и на суде оправдали бы... Возьми, но только с условием: возратить мне потом, когда буду обратно из города идти. Даю тебе при свидетелях... Господа, вы будьте свидетелями! (*Достает из-за пазухи золотой медальон.*) Вот он... Портрет надо бы вынуть, да некуда мне его положить: я весь мокрый... Ну, грабь с портретом! Только вот что... ты тово... пальцами не прикасайся к этому лицу... Прошу... Я, голубчик, был груб с тобою... глуп, но ты извини и... не трогай пальцами... Не гляди своими глазами на это лицо... (*Подает Тихону медальон.*)

Т и х о н (*рассматривает медальон*). Краденые часики... Ну да ладно, пей... (*Наливает водки.*) Трескай...

Б о р ц о в. Только ты пальцами... не тово... (*Пьет медленно, с судорожной расстановкой.*)

Т и х о н (*открывает медальон*). Гм... мадама!.. Откуда это ты подцепил такую?

М е р и к. А покажь-ка! (*Встает и идет к прилавку.*) Дай-ка поглядеть!

Т и х о н (*отстраняет его руку*). Куда лезешь? Из рук гляди!

Ф е д я (*поднимается и идет к Тихону*). Дай-кась и я погляжу!

К прилавку подходят с разных сторон странники и прохожие.
Группа.

М е р и к (*крепко обеими руками держит руку Тихона с медальоном и молча смотрит на портрет. Пауза*). Красивая дьяволица. Из барынь...

Ф е д я. Из барынь... Щеки эта, глаза... Оттопырь руку-то, не видать. Волосья по самый пояс... Чисто как живая! Говорить собирается...

Пауза.

М е р и к. Для слабого человека это первая гибель. Сядет этакая верхом на шею и... (*машет рукой*) и — крышка тебе!

Слышен голос Кузьмы: «Тпррр... Стой, тетеря!»
Входит К у з ь м а.

Ш

Т е ж е и К у з ь м а.

К у з ь м а (*входит*). Стоит кабачок на пути — ни проехать, ни пройти. Мимо отца родного днем поедешь, не заметишь, а кабак и в потемках за сто верст видать. Расступись, кто в бога верует! Ну-кася! (*Стучит пятак о прилавок.*) Стакан мадеры настоящей! Живо!

Ф е д я. Ишь ты, черт верченый!

Т и х о н. Руками-то не размахивай! Зацепишь!

К у з ь м а. На то они и от бога дадены, чтобы ими размахивать. Растаяли, сахарные, тетка ваша подкурятина! Дождя испужались, нежные! (*Пьет.*)

Ефимовна. Испугаешься, добрый человек, коли на пути такая ночь захватит. Таперича, слава богу, благодать, по дорогам деревень и дворов много, есть где от погоды уйти, а допрежь и не приведи создатель, что было! Сто верст пройдешь и не токмо что деревни или двора, щепочки не узришь. Так и ночуешь на земле...

Кузьма. А давно, баба, на свете маешься?

Ефимовна. Восьмой десяток, батюшка.

Кузьма. Восьмой десяток! Скоро доживешь до восьмого века. (*Глядит на Борцова.*) А это что за изюмина? (*Глядит в упор на Борцова.*) Барин!

Борцов узнает Кузьму и, сконфузившись, идет в угол и садится на скамью.

Семен Сергеевич! Да это вы или не вы? А? С какой такой стати вы в этом кабаке? Нешто вам тут место?

Борцов. Молчи!

Мерик (*Кузьме*). Кто это?

Кузьма. Мученик несчастный. (*Нервно ходит около прилавка.*) А? В кабаке, скажи на милость! Оборванный! Пьяный! Я встревожился, братцы... Встревожился... (*Говорит Мерику полушепотом.*) Это наш барин... наш помещик, Семен Сергеич, господин Борцов... Видал, в каком виде? На какого человека он похож таперя? То-то вот... пьянство до какой степени... Налейкась! (*Пьет.*) Я из его деревни, из Борцовки, может, слыхали, за двести верст отседа, в Ерговском уезде. Крепостными у его отца были... Жалость!

Мерик. Богатый был?

Кузьма. Большой...

Мерик. Профуфырил отцовское-то?

Кузьма. Нет, судьба, друг милый... Господин был большой, богатый, тверезый... (*Тихону.*) Чай, сам небось видывал, как, бывалыча, тут мимо кабака в город еживал. Лошади барские, шустрые, коляска лесорная — первый сорт! Пять троек держал, братец ты мой... Лет пять назад, помню, едет тут через Микишкинский паром и заместо пятка рупь выкидывает... Некогда, говорит, мне сдачу ждать... В-во!

Мерик. Ума, стало быть, решился.

Кузьма. Словно как будто ум и при нем... Из ма-

лодушества все вышло! С жиру. Первое дело, ребята, из-за бабы... Полюбил он, сердешный, одну городскую, и представилось ему, что краше ее на всем свете нет... Полюбилась ворона пуще ясна сокола. Из благородных девушка. Не то чтобы какая беспутная или что, а так... вертуха... хвостом — верть! верть! Глазами — шурь! шурь! И все смеется, и все смеется! Никакого ума... Барам это ндравится, по-ихнему умная, а по-нашему, по-мужицкому — взял бы да со двора прогнал... Ну... полюбилась и — пропадай ты, доля барская! Стал с ней хороводиться, то да се, чай да сахар, прочее... на лодках всю ночь ездют, на фортепьянах...

Б о р ц о в. Не рассказывай, Кузьма! К чему? Какое им дело до моей жизни?

К у з ь м а. Извините, ваше высокоблагородие, я только самую малость... Рассказал им, и будет с них... Я малость, потому встревожился... Очень уж я встревожился. Налей-кась! *(Пьет.)*

М е р и к *(полушепотом)*. А она его любила?

К у з ь м а *(полушепотом, который постепенно переходит в обыкновенную речь)*. Как не любить? Барин не пустяковый... Полюбишь, коли ежели тыща десятин, да денег куры не клюют... Сам-то солидный, сановитый, тверезый... каждого начальства все одно, как вот я тебя сичас... за ручку... *(берет Мерика за руку)* «здрасьте и прощайте, милости просим»... Ну, прохожу однажды, это самое, вечером, через сад господский... сад-то, брат, ввво! верстами меряй... иду потихоньку, смотрю это, а они сидят на лавочке и друг дружку *(изображает звук поцелуя)* целуют. Он ее раз, она, змея, его два... Он ее за белу ручку, а она вся — вспых! и жметя, так и жметя к нему, чтоб ей... Люблю, говорит, тебя, Сеня... А Сеня, как окаянный человек, ходит с места на место и счастьем похвалается с малодушества... Тому рупь, тому два... Мне на лошадь дал. Всем долги прости́л на радостях...

Б о р ц о в. Ах... Ну к чему рассказывать? У этого народа никакого сожаления... Больно ведь!

К у з ь м а. Я малость, барин! Просют! Отчего чутько не рассказать? Ну, ну, я не буду, ежели сердчаете... Не буду... Мне плевать на них...

Слышны почтовые звонки.

Ф е д я. Ты не ори, потихоньку...

К у з ь м а. Я и так потихоньку... Не велит, ничего не поделаешь... Да и рассказывать больше нечего. Повенчались — вот и все... Больше ничего и не было. На-лей-кась Кузьме бессребренику! (*Пьет.*) Не люблю пьянства! В самый раз, когда господам, после венца, за ужин садиться, она возьми да и убеги в карете... (*Шепотом.*) В город к аблакату дернула, к полюбовнику... А? Какова? В самый настоящий момент! Тоись... убить мало!

М е р и к (*задумчиво*). Да... Ну что же дальше?

К у з ь м а. Очумел... Вот, как видишь, стал зашибать муху и ноне, сказывают, до шмеля дошел... То были мухи, а теперь — шмель... И до сей поры любит... Погляди: любит! Должно, идет таперь пешком в город на нее одним глазочком взглянуть... Взглянет и — назад...

К кабаку подъезжает почта. Почтальон входит и пьет.

Т и х о н. А нынче запоздала пошта!

Почтальон молча расплачивается и уходит. Почта со звоном уезжает. Голос из угла: «В этакое ненастье пошту ограбить—раз плюнуть».

М е р и к. Жил на свете тридцать пять лет и ни разу пошты не грабил.

Пауза.

Таперь уехала, поздно... Поздно...

К у з ь м а. Каторги понюхать желательно?

М е р и к. Люди грабят, не нюхают. Да хоть и каторга! (*Резко.*) Дальше что?

К у з ь м а. Ты про несчастного?

М е р и к. А то про кого же?

К у з ь м а. Второе дело, братцы, откуда разоренье пошло — зять, сестрин муж... Вздумал он за зятя в банковом обществе поручиться... тысяч на тридцать... Зять любит взять... известно, знает, шельма, свой интерес и ухом своим свиным не ведет... Взял, а платить не надоть... Наш так и заплатил все тридцать. (*Вздыхает.*) Глупый человек за глупость и муки терпит. Жена с аблакатом детей прижила, а зять около Полтавы именье купил,

наш же, как дурак, по кабакам ходит да нашему брату мужику жалится: «Потерял я, братцы, веру! Не в кого мне теперь, это самое, верить!» Малодушество! У всякого человека свое горе бывает, змей за сердце сосет, так и пить, значит? Взять, к примеру, хоть нашего старшину. Жена к себе учителя среди бела дня водит, мужнины деньги на хмель изводит, а старшина ходит себе да усмешки на лице делает... Поосунулся только малость...

Т и х о н (*вздыхает*). Кому какую бог силу дал...

К у з ь м а. Сила разная бывает, это правильно... Ну? Сколько тебе? (*Расплачивается*.) Забирай кровные! Прощай, ребята! Спокойной вам ночи, приятного сна! Бегу, пора... Акушерку к барыне из больницы везу... Чай, заждалась, сердешная, размокла... (*Убегает*.)

Т и х о н (*после паузы*). Эй, ты! Как вас? Несчастный человек, иди выпей! (*Наливает*.)

Б о р ц о в (*подходит нерешительно к прилавку и пьет*). Значит, теперь я тебе за два стакана должен.

Т и х о н. Какой уж тут долг? Пей — вот и все. Заливай горе бедой!

Ф е д я. Выпей, барин, и мое! Эх! (*Бросает пятак на прилавок*.) Пить — помирать, и не пить — помирать. Без водки хорошо, а с водкой, ей-богу, вольготней! При водке и горе не горе... Жарь!

Б о р ц о в. Фу! Горячо!

М е р и к. Дай-ка сюда! (*Берет у Тихона медальон и рассматривает портрет*.) Гм... После венца ушла... Какова?

Голос из угла: «Нацеди-ка ему, Тиша, стаканчик, Пусть и мое выпьет!»

М е р и к (*с силой бьет медальон о пол*). Проклятая! (*Быстро идет на свое место и ложится лицом к стене*.)

Волнение.

Б о р ц о в. Это что же? Что же это такое? (*Поднимает медальон*.) Как ты смеешь, скотина? Какое ты имеешь право? (*Плаксиво*.) Ты хочешь, чтобы я тебя убил? Да? Мужик! Невежа!

Т и х о н. Будет, барин, серчать... Не стеклянное, не разбилось... Выпей-ка еще, да спать... (*Наливает*.)

Заслушался вас тут, а давно уж пора кабак запирать.
(Идет и запирает наружную дверь.)

Б о р ц о в (пьет). Как он смеет? Этакий ведь дурак!
(Мерику.) Понимаешь? Ты дурак, осел!

С а в в а. Ребятушки! Почтенные! Положите хранение устом! Какая польза от шума? Дайте спать людям!

Т и х о н. Ложитесь, ложитесь... Будет вам! (Идет за прилавок и запирает ящик с выручкой.) Спать пора!

Ф е д я. Пора! (Ложится.) Приятного сна, братцы!

М е р и к (встает и постилает на скамье полушубок). Иди, барин, ложись.

Т и х о н. Ты же где ляжешь?

М е р и к. Где придется... Хоть и на полу... (Постилает сермягу на полу.) Мне все равно. (Кладет рядом с собой топор.) Ему на полу спать мука... Привык к шелку да к вате...

Т и х о н (Борцову). Ложись, ваше благородие! Будет тебе на патрет глядеть. (Тушит свечу.) Брось ты ее!

Б о р ц о в (пошатываясь). Где же мне лечь?

Т и х о н. На бродягино место! Чай, слышал, уступает тебе!

Б о р ц о в (подходит к уступленному месту). Я тово... опьянел. Это... что же? Тут мне ложиться? А?

Т и х о н. Тут, тут, не бойся, ложись... (Растягивается на прилавке.)

Б о р ц о в (ложится). Я... пьян... Все кругом... (Открывает медальон.) Свечечки у тебя нет?

Пауза.

Ты, Маша, чудачка... Глядишь на меня из рамочки и смеешься... (Смеется.) Пьяный! А разве над пьяным можно смеяться? Ты пренебреги, как говорит Счастливец, и... полюби пьяного.

Ф е д я. Ветер-то как вое! Жутко!

Б о р ц о в (смеется). Какая ты... Разве можно так кружиться? Тебя не поймаеть!

М е р и к. Бредит. На портрет загляделся. (Смеется.) Комиссия! Образованные господа всякие машины и лекарства повыдумывали, а нет еще того умного человека, чтобы нашел лекарство от женского пола... Ищут,

как бы все болезни лечить, а того и вдомек не берут, что от бабья народа пропадает больше, чем от болезней... Лукавы, сребролюбы, немилостивы, никакого ума... Свекровь изводит невестку, невестка норовит как бы облукавить мужа... И конца нет...

Т и х о н. Натрепали ему бабы вихор, вот он и топорщится.

М е р и к. Не я один... Спокон века, пока мир стоит, люди плачутся... Недаром и не зря в сказках да песнях черта с бабой на одну линию ставят... Недаром! Хоть наполовину, да правда...

Пауза.

Барин вон дурака ломает, а я нешто от большого ума в бродяги пошел, отца-мать бросил?

Ф е д я. Бабы?

М е р и к. Тоже как вот и барин... Ходил, как окаянный, замороженный, счастьем похвалялся... день и ночь как в огне, а пришла пора, открыл глаза... Не любовь была, а одно только обманство...

Ф е д я. Что ж ты ей сделал?

М е р и к. Не твое дело...

Пауза.

Убил, думаешь? Руки коротки... Не то что убьешь, но еще и пожалеешь... Живи ты, и будь ты... счастлива! Не видали бы только тебя мои глаза, да забыть бы мне тебя, змея подколодная!

Стук в дверь.

Т и х о н. Кого-то черти принесли... Кто там?

Стук.

Кто стучит? *(Встает и подходит к двери.)* Кто стучит? Проходи, заперто!

Голос за дверью: «Впусти, Тихон, сделай милость! Рессора в карете лопнула! Помоги, будь отцом родным! Веревошкой бы обвязать, а потом уж как-нибудь доехали бы...»

Т и х о н. Кто едет?

Голос за дверью: «Барыня едет из города в Варсонофьево... Пять верст только осталось... Помоги, сделай милость!»

Т и х о н. Поди скажи барыне, коли даст десять рублей, так и веревка будет и рессору починим...

Голос за дверь: «Взбесился ты, что ли? Десять рублей! Собака ты бешеная! Рад людскому горю!»

Т и х о н. Как знаешь... Не хочешь и не нужно...

Голос за дверь: «Ну да ладно, погоди».

Пауза.

Барыня сказала: «Хорошо».

Т и х о н. Милости просим! *(Отворяет дверь и впускает кучера.)*

IV

Т е ж е и к у ч е р.

К у ч е р. Здорово, православные! Ну, давай веревку! Скорей! Ребята, кто пойдет поможет? На чай перепадет!

Т и х о н. Нечего там на чай... Пушай дрыхнут, вдвоем справимся.

К у ч е р. Фу! измаялся весь! Холодно, в грязи, ни одного сухого места... Вот что еще, милый... Нет ли у тебя здесь комнатки, барыне погреться? Карету покровило набок, сидеть никак невозможно...

Т и х о н. Какой еще там комнаты захотела? Пушай здесь греется, коли озябла... Найдем место. *(Подходит к Борцову и очищает около него место.)* Вставайте, вставайте! Повалитесь часик на полу, покуда барыня погрется. *(Борцову.)* Привстань-ка, ваше благородие! Посиди! *(Борцов приподнимается.)* Вот тебе и место.

Кучер выходит.

Ф е д я. Вот вам и гостья, шут ее принес! Теперь до света не уснешь.

Т и х о н. Жалко, что я пятнадцати не запросил... Дала бы... *(Останавливается перед дверью в ожидательной позе.)* Вы же, народ, поделикатней... Не говорите слов...

Входят Марья Егоровна и за нею кучер.

Т е ж е, М а р ь я Е г о р о в н а и к у ч е р.

Т и х о н (*кланяется*). Милости просим, ваше сиятельство! Жилье наше мужицкое, тараканье. Не побрезгуйте!

М а р ь я Е г о р о в н а. Я тут ничего не вижу... Куда же мне идти?

Т и х о н. Сюда, ваше сиятельство! (*Ведет ее к месту около Борцова.*) Сюда, милости просим! (*Дует на место.*) Комнатки у меня отдельной, извините, нету, но вы, сударыня, не сомневайтесь: народ хороший, тихий...

М а р ь я Е г о р о в н а (*садится рядом с Борцовым*). Какая ужасная духота! Отворите по крайней мере хоть дверь!

Т и х о н. Слушаю-с! (*Бежит и отворяет настежь дверь.*)

М е р и к. Народ зябнет, а они двери настежь! (*Встает и захлопывает дверь.*) Что за указчица? (*Ложится.*)

Т и х о н. Извините, ваше сиятельство, это у нас дурачок... юродивенький... Но вы не пугайтесь, не обидит... Только извините, барыня, я за десять рублей не согласен... За пятнадцать, ежели угодно.

М а р ь я Е г о р о в н а. Хорошо, только поскорей.

Т и х о н. Сею минутою... Мигом мы это самое... (*Вытаскивает из-под прилавка веревки.*) Сею минутою...

Пауза.

Б о р ц о в (*вглядывается в Марию Егоровну*). Мари... Маша...

М а р ь я Е г о р о в н а (*глядя на Борцова*). Что еще?

Б о р ц о в. Мари... это ты? Откуда ты?

М а р ь я Е г о р о в н а, узнав Борцова, вскрикивает и отскакивает на середину кабака.

(*Идет за ней.*) Мари, это я... Я. (*Хохочет.*) Моя жена! Мари! Да где же я нахожусь? Люди, огня!

Марья Егоровна. Отойдите прочь! Лжете, это не вы! Невозможно! *(Закрывает лицо руками.)* Это ложь, глупость!

Борцов. Голос, движения... Мари, это я! Сейчас я перестану... быть пьян... Голова кружится... Боже мой! Постой, постой... я ничего не понимаю. *(Кричит.)* Жена! *(Падает к ее ногам и рыдает.)*

Около супругов собирается группа.

Марья Егоровна. Отойдите прочь! *(Кучеру.)* Денис, едем! Я не могу здесь долее оставаться!

Мерик *(вскакивает и пристально вглядывается ей в лицо)*. Портрет! *(Хватает ее за руку.)* Она самая! Эй, народ! Жена баринова!

Марья Егоровна. Пошел прочь, мужик! *(Старается вырвать у него свою руку.)* Денис, что же ты смотришь?

Денис и Тихон подбегают к ней и хватают Мерика под руки.

Это разбойничий вертеп! Пусти же руку! Не боюсь я!.. Подите прочь!

Мерик. Постой, сейчас отпущу... Дай мне сказать тебе одно только слово... Одно слово, чтоб ты поняла... Постой... *(Оборачивается к Тихону и Денису.)* Прочь вы, хамы, не держите! Не выпущу, покада слова не скажу! Постой... сейчас. *(Бьет себя кулаком по лбу.)* Нет, не дал бог разума! Не могу я тебе этого слова придумать!

Марья Егоровна *(вырывает руку)*. Поди ты прочь! Пьяницы... Едем, Денис! *(Хочет идти к двери.)*

Мерик *(загораживает ей дорогу)*. Ну, погляди ты на него хоть одним глазом! Приголубь ты его хоть одним словечком ласковым, богом молю!

Марья Егоровна. Возьмите от меня этого... юродивого.

Мерик. Так пропадай же ты, проклятая, пропадом! *(Взмахивает топором.)*

Страшное волнение. Все вскакивают с шумом и криком ужаса. Савва становится между Мериком и Марьей Егоровной... Денис с силой отталкивает в сторону Мерика и выносит свою барыню из кабака. После этого все стоят как вкопанные. Продолжительная пауза.

Борцов (*ловит в воздухе руками*). Мари... Где же ты, Мари!

Назаровна. Боже мой, боже мой... Душеньку мою надорвали вы, убивцы! И что за ночь окаянная!

Мерик (*опуская руку с топором*). Убил я ее аль нет?..

Тихон. Благодарю бога, цела твоя голова...

Мерик. Не убил, стало быть... (*Пошатываясь, идет к своей постели.*) Не привела судьба помереть от краденного топора... (*Падает на постель и рыдает.*) Тоска! Злая моя тоска! Пожалейте меня, люди православные!

Занавес

О ВРЕДЕ ТАБАКА

Сцена-монолог

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО:

Маркел Иванович Нюхин, муж своей жены, содержательницы женского пансиона.

Сцена представляет эстраду одного из провинциальных клубов. Нюхин величественно входит, кланяется, поправляет жилетку и величественно начинает.

Милостивые государыни и милостивые государи! Моей жене предложено было, чтобы я с благотворительной целью прочел здесь какую-нибудь популярную лекцию. Истинная ученость скромна и не любит фигурировать, но ввиду названной цели жена моя согласилась — и вот я перед вами. Я не профессор и чужд ученых степеней, но ни для кого из вас не составляет секрета, что я... что я *(мнетя и быстро заглядывает в бумажку, которую вытаскивает из жилетного кармана)*... что я вот уже тридцать лет не переставая, жертвуя здоровьем и благами жизни, работаю над вопросами строго научного свойства и даже печатаю иногда в местном органе научные статьи... На днях сдана мною в редакцию большая статья под заглавием: «О вреде чаизма и кофеизма для организма». Предметом сегодняшней моей лекции я избрал вред, который приносит человечеству потребление табаку. Конечно, трудно в одну лекцию исчерпать всю важность предмета, но я

постараюсь быть краток и скажу только о самом важном... Как враг популяризации, буду строго научен, вам же, слушатели, предлагаю прочувствовать всю важность предмета и отнестись к моей настоящей лекции с должной серьезностью... Кто легкомыслен, кого пугает сухость строго научной речи, тот может не слушать и выйти!.. *(Делает величественный жест и поправляет жилетку.)* Итак, начинаю...

Прошу внимания... Особенно прошу внимания у присутствующих здесь господ врачей, которые могут почерпнуть из моей лекции много полезных сведений, так как табак, помимо его вредных действий, употребляется также в медицине. Так, в тысяча восемьсот семьдесят первом году, десятого февраля, он прописывался моей жене в виде клизм *(заглядывает в бумажку)*. Табак есть тело органическое. Получается он, по моему мнению, из растения *Nicotiana Tabacum*, принадлежащего к семейству *solanaeae*. Растет в Америке. Главную составную часть его составляет страшный, губительный яд никотин. Химически он, по моему мнению, состоит из десяти атомов углерода, четырнадцати атомов водорода и... двух... атомов... азота... *(Задыхается и хватается за грудь, причем роняет бумажку.)* Воздуху! *(Чтобы не упасть, балансирует руками и ногами.)* Ох! Сейчас! Дайте отдышаться... Сейчас... Сию минуту... Силой воли я остановлю припадок... *(Бьет себя кулаком по груди.)* Довольно! Уф!

Минутная пауза, в продолжение которой Нюхин ходит по сцене и отдувается.

С давних пор... я страдаю припадками удушья... астмой... Эта болезнь началась у меня в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году, тринадцатого сентября... в тот самый день, когда у моей жены родилась шестая дочь Вероника... Всех дочерей у моей жены ровно девять... сыновей же — ни одного, чему моя жена очень рада, так как сыновья в женском пансионе во многих отношениях были бы неудобны... Во всем пансионе один только мужчина — это я... Но почтеннейшие, высокоуважаемые семьи, вверившие моей жене судьбу своих детей, относительно меня могут быть совершенно спокойны... Впро-

чем... ввиду недостатка времени не станем отклоняться от предмета лекции... Итак, на чем я остановился. Уф! Припадок астмы перебил меня на самом интересном месте. Но нет худа без добра. Для меня и для вас, в особенности же для присутствующих здесь господ врачей, этот припадок может послужить прекраснейшим уроком. В природе не бывает действий без причины... Поищем же причину моего сегодняшнего припадка... (*Прикладывает палец ко лбу и думает.*) Да! Единственное средство от астмы — это воздержание от тяжелой и возбуждающей пищи, я же, идя сюда на лекцию, позволил себе некоторое излишество. Надо вам заметить, что в пансионе моей жены сегодня блины. Каждая воспитанница вместо жаркого получает за обедом по одному блину. Я муж моей жены, не мне бы, кажется, хвалить эту благородную особу, но клянусь вам, что нигде не кормят так осмысленно, гигиенично и целесообразно, как в пансионе моей жены. Я лично могу засвидетельствовать это, потому что в пансионе моей жены я имею честь состоять заведующим хозяйственной частью. Я покупаю провизию, проверяю прислугу, каждый вечер подаю счет жене, шью тетрадки, изобретаю средства от насекомых, очищаю воздух путем пульверизации, считаю белье, слежу за тем, чтобы одна зубная щетка приходилась не более как на пять воспитанниц и чтоб одним и тем же полотенцем утиралось не более десяти девиц. Сегодня на моей обязанности лежало выдать кухарке муку и масло в таком количестве, которое строго соответствовало бы числу пансионеров. Итак, сегодня пекли блины. Надо вам заметить, что блины предназначались только для воспитанниц. Для членов же семьи моей жены готовилось жаркое, на каковой предмет имелась задняя телячья ножка, хранившаяся в погребе с пятницы прошлой недели. Моя жена и я пришли к заключению, что если мы не изжарим сегодня эту ножку, то к завтраму она может испортиться. Но далее. Вы слушайте, что будет далее! Когда блины были уже напечены и сосчитаны, моя жена прислала на кухню сказать, что пять воспитанниц наказаны за дурные манеры лишением блинов. Таким образом оказалось, что мы спекли пять лишних блинов. Куда прикажете девать их? Куда? Отдать их дочерям? Но моя

жена запрещает дочерям есть тесто. Ну, как вы думаете? Куда мы их дели? *(Вздыхает и качает головой.)* О любящее сердце! О ангел доброты! Она сказала: «Съешь эти блины сам, Маркеша!» И я съел, выпив предварительно рюмку водки. Так вот где причина припадка. Da ist der Hund begraben! ¹ Но однако... *(Смотрит на часы.)* Мы заболтались и несколько уклонились от темы. Будем продолжать... Итак, никотин химически состоит из... из... *(Нервно роется по карманам и ищет глазами бумажку.)* Я предлагаю вам запомнить эту формулу... Химическая формула — это путеводная звезда... *(Увидев бумажку, роняет на нее платок. Поднимает вместе с платком бумажку.)* Я забыл вам сказать, что в пансионе моей жены, кроме заведования хозяйством, на мне лежит преподавание математики, физики, химии, географии, истории и наглядного обучения. Кроме этих наук, в пансионе моей жены преподается французский, немецкий и английский язык, закон божий, рукоделия, рисование, музыка, танцы и манеры.

Как видите, курс больше чем гимназический. А пицца! А комфорт! И удивительно: все это за самую ничтожную плату! Полные пансионеры платят триста рублей, полупансионеры — двести, приходящие — сто. За танцы, музыку и рисование плата отдельная, по приглашению с моей женой... Прекрасный пансион! Помещается он на углу Кошачьей улицы и Пятисобачьего переулка в доме штабс-капитанши Мамашечкиной. Для переговоров жену мою можно застать дома во всякое время, а программа пансиона продается у швейцара по пятьдесят копеек за экземпляр. *(Смотрит в бумажку.)* Итак, приглашаю запомнить формулу! Никотин химически состоит из десяти атомов углерода, четырнадцати водорода и двух азота. Потрудитесь записать. Представляет он собою бесцветную жидкость с аммиакальным запахом. Для нас, собственно говоря, важно непосредственное действие никотина *(смотрит в табакерку)* на нервные центры и мышцы пищеварительного канала. О господи! Опять насыпали! *(Чихает.)* Ну, что делать с этими мерзкими, негодными девчонками? Вчера насы

---

¹ Вот где собака зарыта! *(нем.)*

пали в табакерку пудры, а сегодня чего-то едкого, вонючего. *(Чихает и чешет себе нос.)* Ведь это гнусно! У меня от этого порошка черт знает что в носу делается. Бррр!.. Мерзкие, гадкие! Вы, быть может, усматриваете в этом их проступке недостаток в пансионе моей жены строгой дисциплины. Нет, милостивые государи, тут не пансион виноват. Нет! Виновато общество! Вы виноваты! Семья должна идти об руку со школой, а между тем что мы видим? *(Чихает.)* Но забудем об этом! *(Чихает.)* Забудем. Никотин приводит желудок и кишки в тетаническое состояние, то есть в состояние тетануса!

Пауза.

Однако я замечаю на многих лицах улыбки. Очевидно, не все слушатели достаточно оценили всю высокую важность интересующего нас предмета. Есть даже такие, которые находят даже возможным смеяться, когда с трибуны говорят истины, освященные строгой наукой! *(Вздыхает.)* Конечно, я не смею делать вам замечаний, но... дочерям своей жены я всегда говорю: «Дети, не смейтесь над тем, что выше смеха!» *(Чихает.)* У моей жены девять дочерей. Старшей из них, Анне, двадцать семь лет, младшей семнадцать. Милостивые государи! Все, что только есть в природе прекрасного, чистого и возвышенного, все собрано в эти девять юных, непорочных существ. Простите мне это волнение и эту дрожь в голосе: вы видите перед собой счастливейшего из отцов. *(Вздыхает.)* Как, однако, трудно в наше время выдавать замуж. Ужасно трудно! Легче найти денег под третью закладную, чем найти мужа хотя бы одной из дочерей. *(Качает головой.)* Ах, молодые люди, молодые люди! Вы своим упрямством, своим материальным направлением лишаете себя одного из высших наслаждений, наслаждений семейной жизни!.. Если бы вы только знали, как хороша эта жизнь! Я прожил с женой тридцать три года и могу сказать, что это были лучшие годы моей жизни. Протекли они, как один счастливый миг. *(Плачет.)* Как часто огорчал я ее своими слабостями! Бедная моя! Хотя я и с покорностью принимал наказания, но чем я вознаграждал ее гнев?

Пауза.

Дочери моей жены не выходят так долго замуж потому, что они застенчивы, и потому, что мужчины их никогда не видят. Вечеров давать моя жена не может, на обед она никогда никого не приглашает, но... могу вам сообщить по секрету (*приближается к рампе и шепчет*): дочерей моих можно видеть по большим праздникам у тетки Натальи Семеновны Завертюхиной, той самой, которая страдает падучей и собирает старинные монеты. Там бывает и закуска. Но по недостатку времени не будем удаляться от темы. Остановился я на тетанусе. Впрочем (*смотрит на часы*), до следующего раза! (*Повправляет жилетку и величественно уходит.*)

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

(Калхас)

Драматический этюд в одноком действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Василий Васильич Светловидов, комик, старик, 68 лет.

Никита Иваныч, суфлер, старик.

Действие происходит на сцене провинциального театра, ночью, после спектакля. Пустая сцена провинциального театра средней руки. Направо ряд некрашенных, грубо сколоченных дверей, ведущих в уборные; левый план и глубина сцены завалены хламом.

Посреди сцены опрокинутый табурет.— Ночь. Темно.

I

Светловидов (в костюме Калхаса, со свечой в руке, выходит из уборной и хохочет).

Светловидов. Вот так фунт! Вот так штука. В уборной уснул! Спектакль давно уже кончился, все из театра ушли, а я преспокойнейшим манером храповицкого задаю. Ах, старый хрен, старый хрен! Старая ты собака! Так, значит, налимонился, что сидя уснул! Умница! Хвалю, мамочка. (*Кричит.*) Егорка! Егорка, черт! Петрушка! Заснули, черти, в рот вам дышло, сто чертей и одна ведьма! Егорка! (*Поднимает табурет, садится на него и ставит свечу на пол.*) Ничего не слыш-

но... Только эхо и отвечает... Егорка и Петрушка получили с меня сегодня за усердие по трешнице,— их теперь и с собаками не сыщешь... Ушли и, должно быть, подлецы, театр заперли... (*Крутит головой.*) Пьян! Уф! Сколь я сегодня ради бенефиса влил в себя этого винища и пивнища, боже мой! Во всем теле перегар стоит, а во рту двенадцать языков ночуют... Противно...

Пауза.

Глупо... напился старый дуралей и сам не знает, с какой радости... Уф, боже мой!.. И поясницу ломит, и башка трещит, и знобит всего, а на душе холодно и темно, как в погребке. Если здоровья не жаль, то хоть бы старость-то свою пощадил, шут Иваныч...

Пауза.

Старость... Как ни финти, как ни храбрись и ни ломай дурака, а уж жизнь прожита... шестьдесят восемь лет уже тютю, мое почтение! Не воротишь... Все уж выпито из бутылки, и осталось чуть-чуть на доньшке... Осталась одна гуща... Так-то... Такие-то дела, Васюша... Хочешь — не хочешь, а роль мертвеца пора уже репетировать. Смерть-матушка не за горами... (*Глядит вперед себя.*) Однако служил я на сцене сорок пять лет, а театр вижу ночью, кажется, только в первый раз... Да, в первый раз... А ведь курьезно, волк его заешь... (*Подходит к рампе.*) Ничего не видать... Ну, суфлерскую будку немножко видно... вот эту литерную ложу, попитр... а все остальное — тьма! Черная бездонная яма, точно могила, в которой прячется сама смерть... Брр!.. холодно! Из залы дует, как из каминной трубы... Вот где самое настоящее место духов вызывать! Жутко, черт подери... По спине мурашки забегали... (*Кричит.*) Егорка! Петрушка! Где вы, черти? Господи, что ж это я нечистого поминаю? Ах, боже мой, брось ты эти слова, брось ты пить, ведь уж стар, помирать пора... В шестьдесят восемь лет люди к заутрене ходят, к смерти готовятся, а ты... О господи! Нечистые слова, пьяная рожа, этот шутовской костюм... Просто не глядел бы!

Пойду скорее одеваться... Жутко! Ведь этак ежели всю ночь здесь просидеть, то со страху помереть можно... *(Идет к своей уборной; в это время из самой крайней уборной в глубине сцены показывается Никита Иваныч в белом халате.)*

II

Светловидов *(увидев Никиту Иваныча, вскрикивает от ужаса и пятится назад)*. Кто ты? Зачем? Кого ты? *(Топочет ногами.)* Кто ты?

Никита Иваныч. Это я-с!

Светловидов. Кто ты?

Никита Иваныч *(медленно приближаясь к нему)*. Это я-с... Суфлер, Никита Иваныч... Василь Васильич, это я-с!..

Светловидов *(опускается в изнеможении на табурет, тяжело дышит и дрожит всем телом)*. Боже мой! Кто это? Это ты... ты, Никитушка? За...зачем ты здесь?

Никита Иваныч. Я здесь ночую в уборных-с. Только вы, сделайте милость, не сказывайте Алексею Фомичу-с... Больше ночевать негде, верьте богу-с...

Светловидов. Ты, Никитушка... Боже мой, боже мой! Вызывали шестнадцать раз, поднесли три венка и много вещей... все в восторге были, но ни одна душа не разбудила пьяного старика и не свезла его домой... Я старик, Никитушка... Мне шестьдесят восемь лет... Болен! Томится слабый дух мой... *(Припадает к руке суфлера и плачет.)* Не уходи, Никитушка... Стар, немощен, помирать надо... Страшно, страшно!..

Никита Иваныч *(нежно и почтительно)*. Вам, Василь Васильич, домой пора-с!

Светловидов. Не пойду! Нет у меня дома,— нет, нет, нет!

Никита Иваныч. Господи! Уж забыли, где и живете!

Светловидов. Не хочу туда, не хочу! Там я один... никого у меня нет, Никитушка, ни родных, ни старухи, ни деток... Один, как ветер в поле... Помру, и

некому будет помянуть... Страшно мне одному... Нekomу меня согреть, обласкать, пьяного в постель уложить... Чей я? Кому я нужен? Кто меня любит? Никто меня не любит, Никитушка!

Н и к и т а И в а н ы ч *(сквозь слезы)*. Публика вас любит, Василь Васильич!

С в е т л о в и д о в. Публика ушла, спит и забыла про своего шута! Нет, никому я не нужен, никто меня не любит... Ни жены у меня, ни детей...

Н и к и т а И в а н ы ч. Эва, о чем горюете...

С в е т л о в и д о в. Ведь я человек, ведь я живой, у меня в жилах кровь течет, а не вода. Я дворянин, Никитушка, хорошего рода... Пока в эту яму не попал, на военной служил, в артиллерии... Какой я молодец был, красавец, какой честный, смелый, горячий! Боже, куда же это все девалось? Никитушка, а потом каким я актером был, а? *(Поднявшись, опирается на руку суфлера.)* Куда все это девалось, где оно, то время? Боже мой! Поглядел нынче в эту яму — и все вспомнил, все! Яма-то эта съела у меня сорок пять лет жизни, и какой жизни, Никитушка! Гляжу в яму сейчас и вижу все до последней черточки, как твое лицо. Восторги молодости, вера, пыл, любовь женщин! Женщины, Никитушка!

Н и к и т а И в а н ы ч. Вам, Василь Васильич, спать пора-с.

С в е т л о в и д о в. Когда был молодым актером, когда только что начинал в самый пыл входить, помню — полюбила одна меня за мою игру... Изящна, стройна, как тополь, молода, невинна, чиста и пламенна, как летняя заря! Под взглядом ее голубых глаз, при ее чудной улыбке не могла бы устоять никакая ночь. Морские волны разбиваются о камни, но о волны ее кудрей разбивались утесы, льдины, снеговые глыбы! Помню, стою я перед нею, как сейчас перед тобою... Прекрасна была в этот раз, как никогда, глядела на меня так, что не забыть мне этого взгляда даже в могиле... Ласка, бархат, глубина, блеск молодости! Упоенный, счастливый, падаю перед нею на колени, прошу счастья... *(Продолжает упавшим голосом.)* А она... она говорит: оставьте сцену! Ос-та-вь-те сце-ну!.. Понимаешь? Она могла любить актера, но быть его женой — никогда! Помню, в

тот день играл я... Роль была подлая, шутовская... Я играл и чувствовал, как открываются мои глаза... Понял я тогда, что никакого святого искусства нет, что все бред и обман, что я — раб, игрушка чужой праздности, шут, фигляр! Понял я тогда публику! С тех пор не верил я ни аплодисментам, ни венкам, ни восторгам... Да, Никитушка! Он аплодирует мне, покупает за целковый мою фотографию, но я чужд ему, я для него — грязь, почти кокотка! Ради тщеславия он ищет знакомства со мною, но не унижит себя до того, чтобы отдать мне в жены свою сестру, дочь... Не верю я ему! (*Опускается на табурет.*) Не верю!

Н и к и т а И в а н ы ч. На вас лица нет, Василь Васильич! Даже меня в страх вогнали... Пойдемте домой, будьте великодушны!

С в е т л о в и д о в. Прозрел я тогда... и дорого мне стоило это прозрение, Никитушка! Стал я после той истории... после девицы этой... стал я без толку шататься, жить зря, не глядя вперед... Разыгрывал шутов, зубоскалов, паясничал, развращал умы, а ведь какой художник был, какой талант! Зарыл я талант, опошлил и изломал свой язык, потерял образ и подобие... Сожрала, поглотила меня эта черная яма! Не чувствовал раньше, но сегодня... когда проснулся, поглядел назад, а за мною шестьдесят восемь лет. Только сейчас увидел старость! Спета песня! (*Рыдает.*) Спета песня!

Н и к и т а И в а н ы ч. Василь Васильич! Батюшка мой, голубчик... Ну, успокойтесь... Господи! (*Кричит.*) Петрушка! Егорка!

С в е т л о в и д о в. А ведь какой талант, какая сила! Представить ты себе не можешь, какая дикция, сколько чувства и грации, сколько струн... (*бьет себя по груди*) в этой груди! Задохнуться можно!.. Старик, ты послушай... постой, дай перевести дух... Вот хоть из «Годунова»:

Тень Грозного меня усыновила,
Дмитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла.
Царевич я. Довольно. Стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться!

А, плохо? (*Живо.*) Постой, вот из «Короля Лиры»... По-нимаешь, черное небо, дождь, гром — ррр!.. молния — жжж!.. полосует все небо, а тут:

Злись, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки!
Вы, хляби вод, стремитесь ураганом,
Залейте башни, флюгера на башнях!
Вы, серные и быстрые огни,
Предвестники громовых тяжких стрел,
Дубов крушители, летите прямо
На голову мою седую! Гром небесный,
Все потрясающий, разбей природу всю,
Расплюсни разом толстый шар земли
И разбросай по ветру семена,
Родящие людей неблагодарных!

(*Нетерпеливо.*) Скорее слова шута! (*Топочет ногами.*)
подавай скорее слова шута! Некогда мне!

Н и к и т а И в а н ы ч (*играя шута*). «Что, ку-манек? Под кровлей-то сидеть получше, я думаю, чем под дождем шататься? Право, дяденька, помирился бы ты лучше с дочерьми. В такую ночь и умнику и дураку — обоим плохо!»

С в е т л о в и д о в.

Ревн всем животом!
Дуй, лей, греми и жги!
Чего шадить меня? Огонь и ветер,
И гром и дождь — не дочери мои!
В жестокости я вас не укоряю:
Я царства вам не отдавал при жизни,
Детьми моими вас не называл.

Сила! Талант! Художник! Еще что-нибудь... еще что-нибудь этакое... стариной тряхнуть... Хватим (*закаты-вается счастливым смехом*) из «Гамлета»! Ну, я начинаю... Что бы такое? А, вот что... (*Играя Гамлета.*) «Ах, вот и флейтчики! Поддай мне твою флейту! (*Никите Иванычу.*) Мне кажется, будто вы слишком гоняетесь за мною».

Н и к и т а И в а н ы ч. «Поверьте, принц, что всему причиною любовь моя к вам и усердие к королю».

С в е т л о в и д о в. «Я что-то не совсем это понимаю. Сыграй мне что-нибудь!»

Н и к и т а И в а н ы ч. «Не могу, принц».

Светловидов. «Сделай одолжение!»

Никита Иванович. «Право, не могу, принц!»

Светловидов. «Ради бога, сыграй!»

Никита Иванович. «Да я совсем не умею играть на флейте».

Светловидов. «А это так же легко, как лгать. Возьми флейту так, губы приложи сюда, пальцы туда — и заиграет!»

Никита Иванович. «Я вовсе не учился».

Светловидов. «Теперь суди сам: за кого ты меня принимаешь? Ты хочешь играть на душе моей, а вот не умеешь сыграть даже чего-нибудь на этой дудке. Разве я хуже, простее, нежели эта флейта? Считай меня чем тебе угодно: ты можешь мучить меня, но не играть мною!» (*Хохочет и аплодирует.*) Bravo! Бис! Bravo! Какая тут, к черту, старость! Никакой старости нет, все вздор, чепуха! Сила из всех жил бьет фонтаном, — это молодость, свежесть, жизнь! Где талант, Никитушка, там нет старости! Ошалел, Никитушка? Очумел? Погоди, дай и мне прийти в чувство... О господи боже мой! А вот послушай, какая нежность и тонкость, какая музыка! Тсс... Тише!

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы...

Слышен стук отворяемых дверей.

Что это?

Никита Иванович. Это, должно быть, Петрушка и Егорка пришли... Талант, Василь Васильич! Талант!

Светловидов (*кричит, оборачиваясь в сторону стука*). Сюда, мои соколы! (*Никите Ивановичу.*) Пойдем одеваться... Никакой нет старости, все это вздор, галиматья... (*Весело хохочет.*) Что ж ты плачешь? Дура моя хорошая, что ты нюни распустил? Э, нехорошо! Вот это уж и нехорошо! Ну, ну, старик, будет так глядеть! Зачем так глядеть? Ну, ну... (*Обнимает его сквозь слезы.*) Не нужно плакать... Где искусство, где талант, там нет

ни старости, ни одиночества, ни болезней, и сама смерть вполовину... *(Плачет.)* Нет, Никитушка, спета уж наша песня. Какой я талант? Выжатый лимон, сосулька, ржавый гвоздь, а ты — старая театральная крыса, суфлер... Пойдем!

Идут.

Какой я талант? В серьезных пьесах гожусь только в свиту Фортинбраса... да и для этого уже стар... Да... Помнишь это место из «Отелло», Никитушка?

Прости, покой, прости, мое довольство!
Простите вы, пернатые войска
И гордые сражения, в которых
Считается за доблесть честолюбие,—
Все, все прости! Прости, мой ржущий конь,
И звук трубы, и грохот барабана,
И флейты свист, и царственное знамя,
Все почести, вся слава, все величье
И бурные тревоги славных войн!

Н и к и т а   И в а н ы ч .   Т а л а н т !   Т а л а н т !
С в е т л о в и д о в .   И л и   в о т   е щ е :

Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!
Карету мне, карету!

Уходит с Никитой Иванычем.

Занавес медленно опускается.

ИВАНОВ

Драма в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Иванов Николай Алексеевич, неперменный член по крестьянским делам присутствия.

Анна Петровна, его жена, урожденная Сарра Абрамсон.

Шабельский Матвей Семенович, граф, его дядя по матери.

Лебедев Павел Кириллыч, председатель земской управы.

Зинаида Савишна, его жена.

Саша, дочь Лебедевых, 20 лет.

Львов Евгений Константинович, молодой земский врач.

Бабакина Марфа Егоровна, молодая вдова, помещица, дочь богатого купца.

Косых Дмитрий Никитич, акцизный.

Боркин Михаил Михайлович, дальний родственник Иванова и управляющий его имением.

Авдотья Назаровна, старуха с неопределенною профессией.

Егорушка, нахлебник Лебедевых.

1-й гость.

2-й гость.

3-й гость.

4-й гость.

Петр, лакей Иванова.

Гаврила, лакей Лебедевых.

Гости обоего пола, лакеи.

Действие происходит в одном из уездов средней полосы России.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сад в имении Иванова. Слева фасад дома с террасой. Одно окно открыто. Перед террасой широкая полукруглая площадка, от которой в сад, прямо и вправо, идут аллеи. На правой стороне садовые диванчики и столики. На одном из последних горит лампа. Вечереет. При поднятии занавеса слышно, как в доме разучивают дуэт на рояле и виолончели.

I

Иванов и Боркин.

Иванов сидит за столом и читает книгу. Боркин в больших сапогах с ружьем показывается в глубине сада; он навеселе; увидев Иванова, на цыпочках идет к нему и, поравнявшись с ним, прицеливается в его лицо.

Иванов (*увидев Боркина, вздрагивает и вскакивает*). Миша, бог знает что... вы меня испугали... Я и так расстроен, а вы еще с глупыми шутками... (*Садится.*) Испугал и радуется...

Боркин (*хохочет*). Ну, ну... виноват, виноват. (*Садится рядом.*) Не буду больше, не буду... (*Снимает фуражку.*) Жарко. Верите ли, душа моя, в какие-нибудь три часа семнадцать верст отмахал... замучился... Пощупайте-ка, как у меня сердце бьется...

Иванов (*читая*). Хорошо, после...

Боркин. Нет, вы сейчас пощупайте. (*Берет его руку и прикладывает к груди.*) Слышите? Ту-ту-ту-ту-ту. Это значит, у меня порок сердца. Каждую минуту могу скоростречно умереть. Послушайте, вам будет жаль, если я умру?

Иванов. Я читаю... после...

Б о р к и н. Нет, серьезно, вам будет жаль, если я вдруг умру? Николай Алексеевич, вам будет жаль, если я умру?

И в а н о в. Не приставайте!

Б о р к и н. Голубчик, скажите: будет жаль?

И в а н о в. Мне жаль, что от вас водкой пахнет. Это, Миша, противно.

Б о р к и н (*смеется*). Разве пахнет? Удивительное дело... Впрочем, тут нет ничего удивительного. В Плесниках я встретил следователя, и мы, признаться, с ним рюмок по восьми стукнули. В сущности говоря, пить очень вредно. Послушайте, ведь вредно? А? Вредно?

И в а н о в. Это наконец невыносимо... Поймите, Миша, что это издевательство...

Б о р к и н. Ну, ну... виноват, виноват!.. Бог с вами, сидите себе... (*Встает и идет.*) Удивительный народ, даже и поговорить нельзя. (*Возвращается.*) Ах да! Чуть было не забыл...Пожалуйте восемьдесят два рубля!..

И в а н о в. Какие восемьдесят два рубля?

Б о р к и н. Завтра рабочим платить.

И в а н о в. У меня нет.

Б о р к и н. Покорнейше благодарю! (*Дразнит.*) У меня нет... Да ведь нужно платить рабочим? Нужно?

И в а н о в. Не знаю. У меня сегодня ничего нет. Подождите до первого числа, когда жалование получу.

Б о р к и н. Вот и извольте разговаривать с такими субъектами!.. Рабочие придут за деньгами не первого числа, а завтра утром!..

И в а н о в. Так что же мне теперь делать? Ну, режьте меня, пилите... И что у вас за отвратительная манера приставать ко мне именно тогда, когда я читаю, пишу или...

Б о р к и н. Я вас спрашиваю: рабочим нужно платить или нет? Э, да что с вами говорить!.. (*Машет рукой.*) Помещики тоже, черт подери, землевладельцы... Рациональное хозяйство... Тысяча десятин земли — и ни гроша в кармане... Винный погреб есть, а штопора нет... Возьму вот и продам завтра тройку! Да-с!.. Овес на корню продал, а завтра возьму и рожь продам. (*Шагает по сцене.*) Вы думаете, я стану церемониться? Да? Ну нет-с, не на такого напали...

П

Те же, Шабельский (за сценой) и Анна Петровна. Голос Шабельского за окном: «Играть с вами нет никакой возможности... Слуха у вас меньше, чем у фаршированной щуки, а тушё возмутительное».

Анна Петровна (*показывается в открытом окне*). Кто здесь сейчас разговаривал? Это вы, Миша? Что вы так шагаете?

Боркин. С вашим *Nicolas-voilà* еще не так зашагаешь.

Анна Петровна. Послушайте, Миша, прикажите принести на крокет сена.

Боркин (*машет рукой*). Оставьте вы меня, пожалуйста...

Анна Петровна. Скажите, какой тон... К вам этот тон совсем не идет. Если хотите, чтобы вас любили женщины, то никогда при них не сердитесь и не солидничайте... (*Мужу.*) Николай, давайте на сене кувыряться!..

Иванов. Тебе, Анюта, вредно стоять у открытого окна. Уйди, пожалуйста... (*Кричит.*) Дядя, закрой окно!

Окно закрывается.

Боркин. Не забывайте еще, что через два дня нужно проценты платить Лебедеву.

Иванов. Я помню. Сегодня я буду у Лебедева и попрошу его подождать... (*Смотрит на часы.*)

Боркин. Вы когда туда поедете?

Иванов. Сейчас.

Боркин (*живо*). Пойдите, пойдите!.. ведь сегодня, кажется, день рождения Шуручки... Те-те-те-те... А я забыл... Вот память, а? (*Прыгает.*) Поеду, поеду... (*Поет.*) Поеду... Пойду выкупаюсь, пожую бумаги, приму три капли нашатырного спирта и — хоть сначала начинай... Голубчик, Николай Алексеевич, мамуся моя, ангел души моей, вы всё нервничаете, ноете, постоянно в мерлехлюндии, а ведь мы вместе черт знает каких делов могли бы наделать! Для вас я на все готов... Хотите, я для вас на Марфуше Бабакиной женюсь? По-

ловина приданого ваша... То есть не половина, а все берите, все!..

И в а н о в. Будет вам вздор молоть...

Б о р к и н. Нет, серьезно! Хотите, я на Марфуше женюсь? Приданое пополам... Впрочем, зачем я это вам говорю? Разве вы поймете? (*Дразнит.*) «Будет вздор молоть». Хороший вы человек, умный, но в вас не хватает этой жилки, этого, понимаете ли, взмаха. Этак бы размахнуться, чтобы чертям тошно стало... Вы психопат, нюня, а будь вы нормальный человек, то через год имели бы миллион. Например, будь у меня сейчас две тысячи триста рублей, я бы через две недели имел двадцать тысяч. Не верите? И это, по-вашему, вздор? Нет, не вздор... Вот дайте мне две тысячи триста рублей, и я через неделю доставлю вам двадцать тысяч. На том берегу Овсянов продает полоску земли, как раз против нас, за две тысячи триста рублей. Если мы купим эту полоску, то оба берега будут наши. А если оба берега будут наши, то, понимаете ли, мы имеем право запрудить реку. Ведь так? Мы мельницу будем строить, и, как только мы объявим, что хотим запруду сделать, как все, которые живут вниз по реке, поднимут гвалт, а мы сейчас: коммен-зиир,— если хотите, чтобы плотины не было, заплатите. Понимаете? Заревская фабрика даст пять тысяч, Корольков три тысячи, монастырь даст пять тысяч...

И в а н о в. Все это, Миша, фокусы... Если не хотите со мною ссориться, то держите их при себе.

Б о р к и н (*садится за стол*). Конечно!.. Я так и знал!.. И сами ничего не делаете, и меня связываете...

Ш

Т е ж е, Ш а б е л ь с к и й и Л ь в о в.

Ш а б е л ь с к и й (*выходя со Львовым из дома*). Доктора — те же адвокаты, с тою только разницей, что адвокаты только грабят, а доктора и грабят и убивают... Я не говорю о присутствующих. (*Садится на диванчик.*) Шарлатаны, эксплуататоры... Может быть, в какой-

нибудь Аркадии попадают исключения из общего правила, но... я в свою жизнь пролечил тысяч двадцать и не встретил ни одного доктора, который не казался бы мне патентованным мошенником.

Б о р к и н (*Иванову*). Да, сами ничего не делаете и меня связываете. Оттого у нас и денег нет...

Ш а б е л ь с к и й. Повторяю, я не говорю о присутствующих... Может быть, есть исключения, хотя, впрочем... (*Зевает.*)

И в а н о в (*закрывая книгу*). Что, доктор, скажете?

Л ь в о в (*оглядываясь на окно*). То же, что и утром говорил: ей немедленно нужно в Крым ехать. (*Ходит по сцене.*)

Ш а б е л ь с к и й (*прыскает*). В Крым!.. Отчего, Миша, мы с тобою не лечим? Это так просто... Стала перхоть или кашлять от скуки какая-нибудь мадам Анго или Офелия, бери сейчас бумагу и прописывай по правилам науки: сначала молодой доктор, потом поездка в Крым, в Крыму татарин...

И в а н о в (*графу*). Ах, не зуди ты, зудя! (*Львову*.) Чтобы ехать в Крым, нужны средства. Допустим, что я найду их, но ведь она решительно отказывается от этой поездки...

Л ь в о в. Да, отказывается.

Пауза.

Б о р к и н. Послушайте, доктор, разве Анна Петровна уж так серьезно больна, что необходимо в Крым ехать?..

Л ь в о в (*оглядывается на окно*). Да, чахотка...

Б о р к и н. Псс!.. нехорошо... Я сам давно уже по лицу замечал, что она не протянет долго.

Л ь в о в. Но... говорите потише... в доме слышно...

Пауза.

Б о р к и н (*вздохая*). Жизнь наша... Жизнь человеческая подобна цветку, пышно произрастающему в поле: пришел козел, съел и — нет цветка...

Ш а б е л ь с к и й. Все вздор, вздор и вздор... (*Зевает.*) Вздор и плутни.

Пауза.

Боркин. А я, господа, тут все учу Николая Алексеевича деньги наживать. Сообщил ему одну чудную идею, но мой порох, по обыкновению, упал на влажную почву. Ему не втолкуешь... Посмотрите, на что он похож: меланхолия, сплин, тоска, хандра, грусть...

Шабельский *(встает и потягивается)*. Для всех ты, гениальная башка, изобретаешь и учишь всех, как жить, а меня хоть бы раз поучил... Поучи-ка, умная голова, укажи выход...

Боркин *(встает)*. Пойду купаться... Прощайте, господа... *(Графу.)* У вас двадцать выходов есть... На вашем месте я через неделю имел бы тысяч двадцать. *(Идет.)*

Шабельский *(идет за ним)*. Каким это образом? Ну-ка, научи.

Боркин. Тут и учить нечему. Очень просто... *(Возвращается.)* Николай Алексеевич, дайте мне рубль!

Иванов молча дает ему деньги.

Мерси! *(Графу.)* У вас еще много козырей на руках.

Шабельский *(идя за ним)*. Ну, какие же?

Боркин. На вашем месте я через неделю имел бы тысяч тридцать, если не больше. *(Уходит с графом.)*

Иванов *(после паузы)*. Лишние люди, лишние слова, необходимость отвечать на глупые вопросы — все это, доктор, утомило меня до болезни. Я стал раздражителен, вспыльчив, резок, мелочен до того, что не узнаю себя. По целым дням у меня голова болит, бессонница, шум в ушах... А деваться положительно некуда... Положительно...

Львов. Мне, Николай Алексеевич, нужно серьезно поговорить с вами.

Иванов. Говорите.

Львов. Я об Анне Петровне. *(Садится.)* Она не соглашается ехать в Крым, но с вами она поехала бы.

Иванов *(подумав)*. Чтобы ехать вдвоем, нужны средства. К тому же мне не дадут продолжительного отпуска. В этом году я уже брал раз отпуск...

Львов. Допустим, что это правда. Теперь далее. Самое главное лекарство от чахотки — это абсолютный покой, а ваша жена не знает ни минуты покоя. Ее по-

стоянно волнуют ваши отношения к ней. Простите, я взволнован и буду говорить прямо. Ваше поведение убивает ее.

Пауза.

Николай Алексеевич, позвольте мне думать о вас лучше!..

И в а н о в. Все это правда, правда... Вероятно, я страшно виноват, но мысли мои перепутались, душа скована какою-то ленью, и я не в силах понимать себя. Не понимаю ни людей, ни себя... *(Взглядывает на окно.)* Нас могут услышать, пойдемте пройдемся.

Встают.

Я, милый друг, рассказал бы вам с самого начала, но история длинная и такая сложная, что до утра не расскажешь.

Идут.

Анюта замечательная, необыкновенная женщина... Ради меня она переменила веру, бросила отца и мать, ушла от богатства, и, если бы я потребовал еще сотню жертв, она принесла бы их не моргнув глазом. Ну-с, а я ничем не замечателен и ничем не жертвовал. Впрочем, это длинная история... Вся суть в том, милый доктор *(мнет-ся)*, что... короче говоря, женился я по страстной любви и клялся любить вечно, но... прошло пять лет, она все еще любит меня, а я... *(Разводит руками.)* Вы вот говорите мне, что она скоро умрет, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомление. Если со стороны поглядеть на меня, то это, вероятно, ужасно; сам же я не понимаю, что делается с моею душой...

Уходят по аллее.

IV

Шабельский, потом Анна Петровна.

Шабельский *(входит и хохочет)*. Честное слово, это не мошенник, а мыслитель, виртуоз! Памятник ему нужно поставить. В себе одном совмещает современ-

ный гной во всех видах: и адвоката, и доктора, и кукуевца, и кассира. (*Садится на нижнюю ступень террасы.*) И ведь нигде, кажется, курса не кончил, вот что удивительно... Стало быть, каким был бы гениальным подлецом, если бы еще усвоил культуру, гуманитарные науки! «Вы, говорит, через неделю можете иметь двадцать тысяч. У вас, говорит, еще на руках козырной туз — ваш графский титул. (*Хохочет.*) За вас любая девица пойдет с приданым...»

Анна Петровна открывает окно и глядит вниз.

«Хотите, говорит, посватаю за вас Марфушу?» *Qui est se que c'est* ¹ Марфуша? Ах, это та, Балабалкина... Бабакалкина... эта, что на прачку похожа.

А н н а П е т р о в н а. Это вы, граф?
Ш а б е л ь с к и й. Что такое?

Анна Петровна смеется.

(*Еврейским акцентом.*) Зачиво вы шмеетесь?

А н н а П е т р о в н а. Я вспомнила одну вашу фразу. Помните, вы говорили за обедом? Вор прощенный, лошадь... Как это?

Ш а б е л ь с к и й. Жид крещеный, вор прощенный, конь леченый — одна цена.

А н н а П е т р о в н а (*смеется*). Вы даже простого каламбура не можете сказать без злости. Злой вы человек. (*Серьезно.*) Не шутя, граф, вы очень злы. С вами жить скучно и жутко. Всегда вы брюзжите, ворчите, все у вас подлецы и негодяи. Скажите мне, граф, откровенно: говорили вы когда-нибудь о ком хорошо?

Ш а б е л ь с к и й. Это что за экзамен?

А н н а П е т р о в н а. Живем мы с вами под одною крышей уже пять лет, и я ни разу не слыхала, чтобы вы отзывались о людях спокойно, без желчи и без смеха. Что вам люди сделали худого? И неужели вы думаете, что вы лучше всех?

Ш а б е л ь с к и й. Вовсе я этого не думаю. Я такой же мерзавец и свинья в ермолке, как все. Моветон ²

---

¹ Кто это (*франц.*).

² Человек дурного тона (*от франц. mauvais ton*).

«Иванов». Иванов — Б. А. Смирнов. Театр
Москва, 1954.

Пушкина,

и старый башмак. Я всегда себя браню. Кто я? Что я? Был богат, свободен, немного счастлив, а теперь... хлебник, приживалка, обезличенный шут. Я негодную, презираю, а мне в ответ смеются; я смеюсь, на меня печально кивают головой и говорят: спятил старик... А чаще всего меня не слышат и не замечают...

А н н а П е т р о в н а (*покойно*). Опять кричит...

Ш а б е л ь с к и й. Кто кричит?

А н н а П е т р о в н а. Сова. Каждый вечер кричит.

Ш а б е л ь с к и й. Пусть кричит. Хуже того, что уже есть, не может быть. (*Потягивается.*) Эх, милейшая Сарра, выиграй я сто или двести тысяч, показал бы я вам, где раки зимуют!.. Только бы вы меня и видели. Ушел бы я из этой ямы, от даровых хлебов, и ни ногой бы сюда до самого Страшного суда...

А н н а П е т р о в н а. А что бы вы сделали, если бы вы выиграли?

Ш а б е л ь с к и й (*подумав*). Я прежде всего поехал бы в Москву и цыган послушал. Потом... потом махнул бы в Париж. Нанял бы себе там квартиру, ходил бы в русскую церковь...

А н н а П е т р о в н а. А еще что?

Ш а б е л ь с к и й. По целым дням сидел бы на женой могиле и думал. Так бы я и сидел на могиле, пока не околел. Жена в Париже похоронена...

Пауза.

А н н а П е т р о в н а. Ужасно скучно. Сыграть нам дуэт еще, что ли?

Ш а б е л ь с к и й. Хорошо, приготовьте ноты.

У

Ш а б е л ь с к и й, И в а н о в и Л ь в о в.

И в а н о в (*показывается на аллее со Львовым*). Вы, милый друг, кончили курс только в прошлом году, еще молоды и бодры, а мне тридцать пять. Я имею право вам советовать. Не женитесь вы ни на еврейках, ни на

психопатках, ни на синих чулках, а выбирайте себе что-нибудь заурядное, серенькое, без ярких красок, без лишних звуков. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чем серее и монотоннее фон, тем лучше. Голубчик, не воюйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стены... Да хранит вас бог от всевозможных рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей... Запритесь себе в свою раковину и делайте свое маленькое, богом данное дело... Это теплее, честнее и здоровее. А жизнь, которую я пережил,— как она утомительна! Ах, как утомительна!.. Сколько ошибок, несправедливостей, сколько нелепого. (*Увидев графа, раздраженно.*) Всегда ты, дядя, перед глазами вертишься, не даешь поговорить наедине!

Шабельский (*плачущим голосом*). А черт меня возьми, нигде приюта нет! (*Вскакивает и идет в дом.*)

Иванов (*кричит ему вслед*). Ну, виноват, виноват! (*Львову.*) За что я его обидел? Нет, я решительно развинтился. Надо будет с собою что-нибудь сделать. Надо...

Львов (*волнуясь*). Николай Алексеевич, я выслушал вас и... и, простите, буду говорить прямо, без обиняков. В вашем голосе, в вашей интонации, не говоря уж о словах, столько бездушного эгоизма, столько холодного бессердечия... Близкий вам человек погибает оттого, что он вам близок, дни его сочтены, а вы... вы можете не любить, ходить, давать советы, рисоваться... Не могу я вам высказать, нет у меня дара слова, но... но вы мне глубоко несимпатичны!..

Иванов. Может быть, может быть... Вам со стороны виднее... Очень возможно, что вы меня понимаете... Вероятно, я очень, очень виноват... (*Прислушивается.*) Кажется, лошадей подали. Пойду одеваться... (*Идет к дому и останавливается.*) Вы, доктор, не любите меня и не скрываете этого. Это делает честь вашему сердцу... (*Уходит в дом.*)

Львов (*один*). Проклятый характер... Опять упустил случай и не поговорил с ним как следует... Не могу говорить с ним хладнокровно! Едва раскрою рот и скажу одно слово, как у меня вот тут (*показывает на грудь*)

начинает душить, переворачиваться, и язык прилипает к горлу. Ненавижу этого Тартюфа, возвышенного мошенника, всюю душой... Вот уезжает... У несчастной жены все счастье в том, чтобы он был возле нее, она дышит им, умоляет его провести с нею хоть один вечер, а он... он не может... Ему, видите ли, дома душно и тесно. Если он хоть один вечер проведет дома, то с тоски пулю себе пустит в лоб. Бедный... ему нужен простор, чтобы затеять какую-нибудь новую подлость... О, я знаю, зачем ты каждый вечер едешь к этим Лебедевым! Знаю!

VI

Львов, Иванов (в шляпе и пальто), Шабельский и Анна Петровна.

Шабельский (выходя с Ивановым и с Анной Петровной из дому). Наконец, Nicolas, это бесчеловечно!.. Сам уезжаешь каждый вечер, а мы остаемся одни. От скуки ложимся спать в восемь часов. Это безобразие, а не жизнь! И почему это тебе можно ездить, а нам нельзя? Почему?

Анна Петровна. Граф, оставьте его! Пусть едет, пусть...

Иванов (жене). Ну, куда ты, больная, поедешь? Ты больна, и тебе нельзя после заката солнца быть на воздухе... Спроси вот доктора. Ты не дитя, Анюта, нужно рассуждать... (Графу.) А тебе зачем туда ехать?

Шабельский. Хоть к черту в пекло, хоть к крокодилу в зубы, только чтоб не здесь оставаться. Мне скучно! Я оступел от скуки! Я надоел всем. Ты оставляешь меня дома, чтобы ей не было одной скучно, а я ее загрыз, заел!

Анна Петровна. Оставьте его, граф, оставьте! Пусть едет, если ему там весело.

Иванов. Аня, к чему этот тон? Ты знаешь, я не за весельем туда еду! Мне нужно поговорить о векселе.

Анна Петровна. Не понимаю, зачем ты оправдываешься? Поезжай! Кто тебя держит?

Иванов. Господа, не будемте есть друг друга! Неужели это так необходимо?!

Шабельский (*плачушим голосом*). Nicolas, голубчик, ну, я прошу тебя, возьми меня с собою! Я погляжу там мошенников и дураков и, может быть, развлекусь. Ведь я с самой пасхи нигде не был!

Иванов (*раздраженно*). Хорошо, поедем! Как вы мне все надоели!

Шабельский. Да? Ну, мерсі, мерсі... (*Весело берет его под руку и отводит в сторону.*) Твою соломенную шляпу можно надеть?

Иванов. Можно, только поскорей, пожалуйста!

Граф бежит в дом,

Как вы все надоели мне! Впрочем, господа, что я говорю? Аня, я говорю с тобою невозможным тоном. Никогда этого со мною раньше не было. Ну, прощай, Аня, я вернусь к часу.

Анна Петровна. Коля, милый мой, останься дома!

Иванов (*волнуясь*). Голубушка моя, родная моя, несчастная, умоляю тебя, не мешай мне уезжать по вечерам из дому. Это жестоко, несправедливо с моей стороны, но позволяй мне делать эту несправедливость! Дома мне мучительно тяжело! Как только прячется солнце, душу мою начинает давить тоска. Какая тоска! Не спрашивай, отчего это. Я сам не знаю. Клянусь, не знаю! Здесь тоска, а поедешь к Лебедевым, там еще хуже; вернешься оттуда, а здесь опять тоска, и так всю ночь... Просто отчаяние!..

Анна Петровна. Коля... а то остался бы! Будем, как прежде, разговаривать... Поужинаем вместе, будем читать... Я и брюзга разучили для тебя много дуэтов... (*Обнимает его.*) Останься!..

Пауза.

Я тебя не понимаю. Это уж целый год продолжается. Отчего ты изменился?

Иванов. Не знаю, не знаю...

Анна Петровна. А почему ты не хочешь, чтобы я уезжала вместе с тобою по вечерам?

Иванов. Если тебе нужно, то, пожалуй, скажу. Немножко жестоко это говорить, но лучше сказать... Когда меня мучает тоска, я... я начинаю тебя не любить. Я и от тебя бегу в это время. Одним словом, мне нужно уезжать из дому.

Анна Петровна. Тоска? понимаю, понимаю... Знаешь что, Коля? Ты попробуй, как прежде, петь, смеяться, сердиться... Останься, будем смеяться, пить наливку и твою тоску разгоним в одну минуту. Хочешь, я буду петь? Или пойдем сядем у тебя в кабинете, в потемках, как прежде, и ты мне про свою тоску расскажешь... У тебя такие страдальческие глаза! Я буду глядеть в них и плакать, и нам обоим станет легче... *(Смеется и плачет.)* Или, Коля, как? Цветы повторяются каждую весну, а радости — нет? Да? Ну, поезжай, поезжай...

Иванов. Ты помолись за меня богу, Аня! *(Идет, останавливается и думает.)* Нет, не могу! *(Уходит.)*

Анна Петровна. Поезжай... *(Садится у стола.)*

Львов *(ходит по сцене)*. Анна Петровна, возьмите себе за правило: как только бьет шесть часов, вы должны идти в комнаты и не выходить до самого утра. Вечерняя сырость вредна вам.

Анна Петровна. Слушаю-с.

Львов. Что «слушаю-с»! Я говорю серьезно.

Анна Петровна. А я не хочу быть серьезною. *(Кашляет.)*

Львов. Вот видите, — вы уже кашляете...

VI

Львов, Анна Петровна и Шабельский.

Шабельский *(в шляпе и пальто выходит из дому)*. А где Николай? Лошадей подали? *(Быстро идет и целует руку Анне Петровне.)* Покойной ночи, прелесть! *(Гримасничает.)* Гевалт! Жвините, пожалуста! *(Быстро уходит.)*

Львов. Шут!

Пауза; слышны далекие звуки гармоники.

А н н а П е т р о в н а. Какая скука!.. Вон кучера и кухарки задают себе бал, а я... я — как брошенная... Евгений Константинович, где вы там шагаете? Идите сюда, сядьте!..

Л ь в о в. Не могу я сидеть.

Пауза.

А н н а П е т р о в н а. На кухне «чижика» играют. (Поет.) «Чижик, чижик, где ты был? Под горою водку пил».

Пауза.

Доктор, у вас есть отец и мать?

Л ь в о в. Отец умер, а мать есть.

А н н а П е т р о в н а. Вы скучаете по матери?

Л ь в о в. Мне некогда скучать.

А н н а П е т р о в н а (смеется). Цветы повторяются каждую весну, а радости — нет. Кто мне сказал эту фразу? Дай бог память... Кажется, сам Николай сказал. (Прислушивается.) Опять сова кричит!

Л ь в о в. Ну и пусть кричит.

А н н а П е т р о в н а. Я, доктор, начинаю думать, что судьба меня обсчитала. Множество людей, которые, может быть, и не лучше меня, бывают счастливы и ничего не платят за свое счастье. Я же за все платила, решительно за все!.. И как дорого! За что брать с меня такие ужасные проценты?.. Душа моя, вы все осторожны со мною, деликатничаете, боитесь сказать правду, но думаете, я не знаю, какая у меня болезнь? Отлично знаю. Впрочем, скучно об этом говорить... (Еврейским акцентом.) Жвините, пожалуста! Вы умеете рассказывать смешные анекдоты?

Л ь в о в. Не умею.

А н н а П е т р о в н а. А Николай умеет. И начинаю я также удивляться несправедливости людей: почему за любовь не отвечают любовью и за правду платят ложью? Скажите: до каких пор будут ненавидеть меня отец и мать? Они живут за пятьдесят верст отсюда, а я день и ночь, даже во сне, чувствую их ненависть. А как прикажете понимать тоску Николая? Он говорит, что не любит меня только по вечерам, когда его гнетет тоска.

Это я понимаю и допускаю, но представьте, что он разлюбил меня совершенно! Конечно, это невозможно, ну — а вдруг? Нет, нет, об этом и думать даже не надо. (Поет.) «Чижик, чижик, где ты был?..» (Вздрагивает.) Какие у меня страшные мысли!.. Вы, доктор, не семейный и не можете понять многого...

Львов. Вы удивляетесь... (Садится рядом.) Нет, я... я удивляюсь, удивляюсь вам! Ну, объясните, растолкуйте мне, как это вы, умная, честная, почти святая, позволили так нагло обмануть себя и затащить вас в это свиное гнездо? Зачем вы здесь? Что общего у вас с этим холодным, бездушным... но оставим вашего мужа! — что у вас общего с этою пустою, пошлою средой? О господи боже мой!.. Этот вечно брюзжащий, заржавленный, сумасшедший граф, этот пройдоха, мошенник из мошенников, Миша со своею гнусною физиономией... Объясните же мне, к чему вы здесь? Как вы сюда попали?..

Анна Петровна (смеется). Вот точно так же и он когда-то говорил... Точь-в-точь... Но у него глаза больше, и, бывало, как он начнет говорить о чем-нибудь горячо, так они, как угли... Говорите, говорите!..

Львов (встает и машет рукой). Что мне говорить? Идите в комнаты...

Анна Петровна. Вы говорите, что Николай то да сё, пятое, десятое. Откуда вы его знаете? Разве за полгода можно узнать человека? Это, доктор, замечательный человек, и я жалею, что вы не знали его года два-три тому назад. Он теперь хандрит, молчит, ничего не делает, но прежде... Какая прелесть!.. Я полюбила его с первого взгляда. (Смеется.) Взглянула, а меня мышеловка хлоп! Он сказал: пойдём... Я отрезала от себя все, как, знаете, отрезают гнилые листья ножницами, и пошла...

Пауза.

А теперь не то... Теперь он едет к Лебедевым, чтобы развлечься с другими женщинами, а я... сижу в саду и слушаю, как сова кричит...

Стук сторожа.

Доктор, а братьев у вас нет?

Львов. Нет.

Анна Петровна рыдает.

Ну, что еще? Что вам?

Анна Петровна (*встает*). Я не могу, доктор, я поеду туда...

Львов. Куда это?

Анна Петровна. Туда, где он... Я поеду... Прикажите заложить лошадей. (*Бежит в дом.*)

Львов. Нет, я решительно отказываюсь лечить при таких условиях! Мало того, что ни копейки не платят, но еще душу выворачивают вверх дном!.. Нет, я отказываюсь! Довольно! (*Идет в дом.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Зал в доме Лебедевых; прямо выход в сад; направо и налево двери. Старинная, дорогая мебель. Люстра, канделябры и картины — все это в чехлах,

I

Зинаида Савишна, Косых, Авдотья Назаровна, Егорушка, Гаврила, горничная, старухи гости, барышни и Бабакина.

Зинаида Савишна сидит на диване. По обе стороны ее на креслах старухи гости; на стульях молодежь. В глубине, около выхода в сад, играют в карты; между играющими: Косых, Авдотья Назаровна и Егорушка. Гаврила стоит у правой двери; горничная разносит на подносе лакомства. Из сада в правую дверь и обратно в продолжение всего действия циркулируют гости. Бабакина выходит из правой двери и направляется к Зинаиде Савишне.

Зинаида Савишна (*радостно*). Душечка, Марфа Егоровна...

Бабакина. Здравствуйте, Зинаида Савишна! Честь имею вас поздравить с новорожденною...

Целуются.

Дай бог, чтоб...

Зинаида Савишна. Благодарю вас, душечка, я так рада... Ну, как ваше здоровье?..

Бабакина. Очень вами благодарна. (*Садится рядом на диван.*) Здравствуйте, молодые люди!..

Гости встают и кланяются.

1-й гость (*смеется*). Молодые люди... а вы разве старая?

Бабакина (*вздыхая*). Где уж нам в молодые лезть...

1-й гость (*почтительно смеясь*). Помилуйте, что вы... Одно только звание, что вдова, а вы любой девице можете десять очков вперед дать.

Гаврила подносит Бабакиной чай.

Зинаида Савишна (*Гавриле*). Что же ты так подаешь? Принес бы какого-нибудь варенья. Кружовенного, что ли...

Бабакина. Не беспокойтесь, очень вами благодарна.

Пауза.

1-й гость. Вы, Марфа Егоровна, через Мушкино ехали?..

Бабакина. Нет, на Займище. Тут дорога лучше.

1-й гость. Так-с.

Косых. Два пики.

Егорушка. Пас.

Авдотья Назаровна. Пас.

2-й гость. Пас.

Бабакина. Выигрышные билеты, душечка Зинаида Савишна, опять пошли шибко в гору. Видано ли дело: первый заем сто́ит уж двести семьдесят, а второй без малого двести пятьдесят... Никогда этого не было...

Зинаида Савишна (*вздыхает*). Хорошо, у кого их много...

Бабакина. Не скажите, душечка; хоть они и в большой цене, а держать в них капитал невыгодно. Одна страховка сживает со света.

Зинаида Савишна. Так-то так, а все-таки, моя милая, надеешься... (*Вздыхает.*) Бог милостив...

3-й г о с т ь. С моей точки зрения, mesdames, я так рассуждаю, что в настоящее время иметь капитал очень невыгодно. Процентные бумаги дают весьма немного дивиденда, а пускать деньги в оборот чрезвычайно опасно. Я так понимаю, mesdames, что человек, который в настоящее время имеет капитал, находится более в критическом положении, чем тот, mesdames, который...

Б а б а к и н а (*вздыхает*). Это верно!

1-й г о с т ь зевает.

А разве можно при дамах зевать?

1-й г о с т ь. Pardon, mesdames¹, это я нечаянно.

Зинаида Савишна встает и уходит в правую дверь; продолжительное молчание.

Е г о р у ш к а. Два бубны.

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. Пас.

2-й г о с т ь. Пас.

К о с ы х. Пас.

Б а б а к и н а (*в сторону*). Господи, какая скука, помереть можно!

II

Т е ж е, Зинаида Савишна и Лебедев.

Зинаида Савишна (*выходя из правой двери с Лебедевым, тихо*). Что уселся там? Примадонна какая! Сиди с гостями! (*Садится на прежнее место*.)

Лебедев (*зевает*). Ох, грехи наши тяжкие! (*Увидев Бабакину*.) Батюшки, мармелад сидит! Рахат-лукум!.. (*Здоровается*.) Как ваше драгоценнейшее?..

Б а б а к и н а. Очень вами благодарна.

Л е б е д е в. Ну, слава богу!.. Слава богу! (*Садится в кресло*.) Так, так... Гаврила!

Гаврила подносит ему рюмку водки и стакан воды; он выпивает водку и запивает водой.

1-й г о с т ь. На доброе здоровье!..

---

¹ Извините, сударыни (*франц.*).

Л е б е д е в. Какое уж тут доброе здоровье!.. Околеванца нет, и на том спасибо. (Жене.) Зююшка, а где же наша новорожденная?

К о с ы х (плаксиво). Скажите мне: ну, за что мы остались без взятки? (Вскакивает.) Ну, за что мы проиграли, черт меня подери совсем?

А в д о т ь я Н а з а р о в н а (вскакивает и сердито). А за то, что если ты, батюшка, не умеешь играть, так не садись. Какое ты имеешь полное право ходить в чужую масть? Вот и остался у тебя маринованный туз!..

Оба бегут из-за стола вперед.

К о с ы х (плачушим голосом). Позвольте, господа... У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь, туз пик и одна, понимаете ли, одна маленькая червонка, а она, черт знает, не могла объявить маленький шлем!.. Я сказал, без козыря...

А в д о т ь я Н а з а р о в н а (перебивая). Это я сказала, без козыря! Ты сказал: два без козыря...

К о с ы х. Это возмутительно!.. Позвольте... у вас... у меня... у вас... (Лебедеву.) Да вы посудите, Павел Кириллыч... У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь...

Л е б е д е в (затыкает уши). Отстань, сделай милость... отстань...

А в д о т ь я Н а з а р о в н а (кричит). Это я сказала, без козыря!

К о с ы х (свирепо). Будь я подлец и анафема, если я сяду еще когда-нибудь играть с этою севрюгой! (Быстро уходит в сад.)

2-й гость уходит за ним, за столом остается Егорушка.

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. Уф!.. Даже в жар от него бросило... Севрюга! Сам ты севрюга!..

Б а б а к и н а. Да и вы, бабушка, сердитая...

А в д о т ь я Н а з а р о в н а (увидев Бабакину, всплескивает руками). Ясочка моя, красавица!.. Она здесь, а я, куриная слепота, и не вижу... Голубочка... (Целует ее в плечо и садится рядом.) Вот радость! Дай же я на тебя погляжу, лебедь белая! Тьфу, тьфу, тьфу... чтоб не сглазить!..

Лебедев. Ну, распелась... Жениха бы ей лучше подыскала...

Авдотья Назаровна. И найду! В гроб, грешница, не лягу, а ее да Санечку замуж выдам!.. В гроб не лягу... *(Вздых.)* Только вот где их найдешь нынче, женихов-то? Вон они, наши женихи-то, сидят нахохлившись, словно петухи мокрые!..

3-й гость. Весьма неудачное сравнение. С моей точки зрения, mesdames, если теперешние молодые люди предпочитают холостую жизнь, то в этом виноваты, так сказать, социальные условия...

Лебедев. Ну, ну!.. не философствуй!.. не люблю!..

III

Те же и Саша.

Саша *(входит и идет к отцу)*. Такая великолепная погода, а вы сидите здесь, господа, в духоте.

Зинаида Савишна. Сашенька, разве ты не видишь, что у нас Марфа Егоровна?

Саша. Виновата. *(Идет к Бабакиной и здоровается.)*

Бабакина. Загорделась, Санечка, загорделась, хоть бы разок приехала. *(Целуется.)* Поздравляю, душечка...

Саша. Благодарю. *(Садится рядом с отцом.)*

Лебедев. Да, Авдотья Назаровна, трудно теперь с женихами. Не то что жениха — путевых шаферов достать негде. Нынешняя молодежь, не в обиду будь сказано, какая-то, господь с нею, кислая, переваренная... Ни поплясать, ни поговорить, ни выпить толком...

Авдотья Назаровна. Ну, пить-то они все мастера, только дай...

Лебедев. Не велика штука пить, — пить и лошадь умеет. Нет, ты с толком выпей!.. В наше время, бывало, день-деньской с лекциями бьешься, а как только настал вечер, идешь прямо куда-нибудь на огонь и до самой зари волчком вертишься... И пляшешь, и бары-

шень забавляешь, и эта штука. (*Щелкает себя по щеке.*) Бывало, и брешешь и философствуешь, пока язык не отнимется... А нынешние... (*Машет рукой.*) Не понимаю... Ни богу свечка, ни черту кочерга. Во всем уезде есть только один путевый малый, да и тот женат (*вздыхает*) и, кажется, уж беситься стал...

Б а б а к и н а. Кто это?

Л е б е д е в. Николаша Иванов.

Б а б а к и н а. Да, он хороший мужчина (*делает гримасу*), только несчастный!..

З и н а и д а С а в и ш н а. Еще бы, душечка, быть ему счастливым! (*Вздыхает.*) Как он, бедный, ошибся!.. Женился на своей жидовке и так, бедный, рассчитывал, что отец и мать за нею золотые горы дадут, а вышло совсем напротив... С того времени, как она переменяла веру, отец и мать знать ее не хотят, прокляли... Так ни копейки и не получил. Теперь кается, да уж поздно...

С а ш а. Мама, это неправда.

Б а б а к и н а (*горячо*). Шурочка, как же неправда? Ведь это все знают. Ежели бы не было интереса, то зачем бы ему на еврейке жениться? Разве русских мало? Ошибся, душечка, ошибся... (*Живо.*) Господи, да и достается же теперь ей от него! Просто смех один. Придет откуда-нибудь домой и сейчас к ней: «Твой отец и мать меня надули! Пошла вон из моего дома!» А куда ей идти? Отец и мать не примут; пошла бы в горничные, да работать не приучена... Уж он мудрует-мудрует над нею, пока граф не вступится. Не будь графа, давно бы ее со света сжил...

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. А то, бывает, запрет ее в погреб и — «ешь, такая-сякая, чеснок»... Ест-ест, покуда из души переть не начнет.

Смех.

С а ш а. Папа, ведь это ложь!

Л е б е д е в. Ну, так что же? Пусть себе мелют на здоровье... (*Кричит.*) Гаврила!..

Гаврила подает ему водку и воду.

З и н а и д а С а в и ш н а. Оттого вот и разорился бедный. Дела, душечка, совсем упали... Если бы Боркин не глядел за хозяйством, так ему бы с жидовкой есть

нечего было. (*Вздыхает.*) А как мы-то, душечка, из-за него пострадали!.. Так пострадали, что один только бог видит! Верите ли, милая, уж три года, как он нам девять тысяч должен!

Б а б а к и н а (*с ужасом*). Девять тысяч!..

З и н а и д а С а в и ш н а. Да... это мой милый Пашенька распорядился дать ему. Не разбирает, кому можно дать, кому нельзя. Про капитал я уже не говорю, — бог с ним, но лишь бы проценты исправно платил!..

С а ш а (*горячо*). Мама, об этом вы говорили уже тысячу раз!

З и н а и д а С а в и ш н а. Тебе-то что? Что ты заступаешься?

С а ш а (*встает*). Но как у вас хватает духа говорить все это про человека, который не сделал вам никакого зла? Ну, что он вам сделал?

3-й г о с т ь. Александра Павловна, позвольте мне сказать два слова! Я уважаю Николая Алексеича и всегда считал за честь, но, говоря *entre nous*¹, он мне кажется авантюристом.

С а ш а. И поздравляю, если вам так кажется.

3-й г о с т ь. В доказательство приведу вам следующий факт, который передавал мне его атташе, или, так сказать, чичероне, Боркин. Два года тому назад, во время скотской эпизоотии, он накупил скота, застраховал его...

З и н а и д а С а в и ш н а. Да, да, да! Я помню этот случай. Мне тоже говорили.

3-й г о с т ь. Застраховал его, можете иметь в виду, потом заразил чумой и взял страховую премию.

С а ш а. Ах, да вздор все это! Вздор! Никто не покупал и не заражал скота! Это сам Боркин сочинил такой проект и везде хвастался им. Когда Иванов узнал об этом, то Боркин потом у него две недели прощения просил. Виноват же Иванов только, что у него слабый характер и не хватает духа прогнать от себя этого Боркина, и виноват, что он слишком верит людям! Все, что у него было, растащили, расхитили; около его великодушных затей наживался всякий, кто только хотел.

---

¹ между нами (*франц.*).

Л е б е д е в. Шура-горячка! Будет тебе!

С а ш а. Зачем же они говорят вздор? Ах, да все это скучно и скучно! Иванов, Иванов, Иванов — и больше нет других разговоров. (*Идет к двери и возвращается.*) Удивляюсь! (*Молодым людям.*) Положительно удивляюсь вашему терпению, господа! Неужели вам не скучно так сидеть? Ведь воздух застыл от тоски! Говорите же что-нибудь, забавляйте барышень, шевелитесь! Ну, если у вас нет других сюжетов, кроме Иванова, то смейтесь, пойте, пляшите, что ли...

Л е б е д е в (*смеется*). Пробери-ка, пробери их хорошенько!

С а ш а. Ну, послушайте, сделайте мне такое одолжение! Если не хотите плясать, смеяться, петь, если все это скучно, то прошу вас, умоляю, хоть раз в жизни, для курьеза, чтобы удивить или насмешить, соберите силы и все разом придумайте что-нибудь остроумное, блестящее, скажите даже хоть дерзость или пошлость, но чтоб было смешно и ново! Или все разом совершите что-нибудь маленькое, чуть заметное, но хоть немножко похожее на подвиг, чтобы барышни хоть раз в жизни, глядя на вас, могли бы сказать: «Ах!» Послушайте, ведь вы желаете нравиться, но почему же вы не стараетесь нравиться? Ах, господа! Все вы не то, не то, не то!.. На вас глядя, мухи мрут и лампы начинают коптеть. Не то, не то!.. Тысячу раз я вам говорила и всегда буду говорить, что все вы не то, не то, не то!..

IV

Т е ж е, И в а н о в и Ш а б е л ь с к и й.

Ш а б е л ь с к и й (*входя с Ивановым из правой двери*). Кто это здесь декламирует? Вы, Шурочка? (*Хохочет и пожимает ей руку.*) Поздравляю, ангел мой, дай вам бог попозже умереть и не рождаться во второй раз...

З и н а и д а С а в и ш н а (*радостно*). Николай Алексеевич, граф!..

Л е б е д е в. Ба! Кого вижу... граф! (*Идет навстречу.*)

Шабельский (*увидав Зинаиду Савишину и Бабакину, протягивает в сторону их руки*). Два банка на одном диване!.. Глядеть любо! (*Здоровается; Зинаиде Савишине.*) Здравствуйте, Зююшка! (*Бабакиной.*) Здравствуйте, помпончик!..

Зинаида Савишна. Я так рада. Вы, граф, у нас такой редкий гость! (*Кричит.*) Гаврила, чаю! Садитесь, пожалуйста! (*Встает, уходит в правую дверь и тотчас же возвращается; вид крайне озабоченный. Саша садится на прежнее место. Иванов молча здоровается со всеми.*)

Лебедев (*Шабельскому*). Откуда ты взялся? Какие это силы тебя принесли? Вот сюрприз! (*Целует его.*) Граф, ведь ты разбойник! Так не делают порядочные люди! (*Ведет его за руку к рампе.*) Отчего ты у нас не бываешь? Сердит, что ли?

Шабельский. На чем же я могу к тебе ездить? Верхом на палке? Своих лошадей у меня нет, а Николай не берет с собою, велит с Саррой сидеть, чтоб та не скучала. Присылай за мною своих лошадей, тогда и буду ездить...

Лебедев (*машет рукой*). Ну да!.. Зююшка скорее треснет, чем даст лошадей. Голубчик ты мой, милый, ведь ты для меня дороже и роднее всех! Из всего старья уцелели я да ты! Люблю в тебе я прежние страдания и молодость погибшую мою... Шутки шутками, а я вот почти плачу. (*Целует графа.*)

Шабельский. Пусти, пусти! От тебя, как из винного погреба...

Лебедев. Душа моя, ты не можешь себе представить, как мне скучно без моих друзей! Вешаться готов с тоски... (*Тихо.*) Зююшка со своею ссудною кассой разогнала всех порядочных людей, и остались, как видишь, одни только зулусы... эти Дудкины, Будкины... Ну, кушай чай...

Гаврила подносит графу чай.

Зинаида Савишна (*озабоченно Гавриле*). Ну, как же ты подаешь? Принес бы какого-нибудь варенья... Кружовенного, что ли...

Шабельский (*хохочет; Иванову*). Что, не гово-

рил я тебе? *(Лебедеву.)* Я с ним пари дорогой держал, что, как приедем, Зюсюшка сейчас же начнет угощать нас кружовенным вареньем...

З и н а и д а С а в и ш н а. Вы, граф, все такой же насмешник... *(Садится.)*

Л е б е д е в. Двадцать бочек его наварили, так куда же его девать?

Ш а б е л ь с к и й *(сядяся около стола)*. Вы копите, Зюсюшка? Ну что, уж миллиончик есть, а?

З и н а и д а С а в и ш н а *(со вздохом)*. Да, со стороны поглядеть, так богаче нас и людей нет, а откуда быть деньгам? Один разговор только...

Ш а б е л ь с к и й. Ну да, да!.. знаем!.. Знаем, как вы плохо в шашки играете... *(Лебедеву.)* Паша, скажи по совести: скопили миллион?

Л е б е д е в. Не знаю. Это у Зюсюшки спроси...

Ш а б е л ь с к и й *(Бабакиной)*. И у жирненького помпончика скоро будет миллиончик! Хорошеет и полнеет не по дням, а по часам! Что значит деньжищ много...

Б а б а к и н а. Очень вами благодарна, ваше сиятельство, а только я не люблю насмешек.

Ш а б е л ь с к и й. Милый мой банк, да разве это насмешки? Это просто вопль души, от избытка чувств глаголят уста... Вас и Зюсюшку я люблю бесконечно... *(Весело.)* Восторг!.. Упоение!.. Вас обеих не могу видеть равнодушно...

З и н а и д а С а в и ш н а. Вы все такой же, как и были. *(Егорушке.)* Егорушка, потуши свечи! Зачем им гореть попусту, если не играете? *(Егорушка вздрагивает; тушит свечи и садится; Иванову.)* Николай Алексеевич, как здоровье вашей супруги?

И в а н о в. Плохо. Сегодня доктор положительно сказал, что у нее чахотка...

З и н а и д а С а в и ш н а. Неужели? Какая жалость!.. *(Вздох.)* А мы все ее так любим...

Ш а б е л ь с к и й. Вздор, вздор и вздор!.. Никакой чахотки нет, докторское шарлатанство, фокус. Хочется эскулапу шляться, вот и выдумал чахотку. Благо муж не ревнив.

Иванов делает нетерпеливое движение.

Что касается самой Сарры, то я не верю ни одному ее слову, ни одному движению. В своей жизни я никогда не верил ни докторам, ни адвокатам, ни женщинам. Вздор, вздор, шарлатанство и фокусы!

Лебедев (*Шабельскому*). Удивительный ты субъект, Матвей!.. Напустил на себя какую-то мизантропию и носится с нею, как дурак с писаной торбой. Человек как человек, а заговоришь, так точно у тебя типун на языке или сплошной катар...

Шабельский. Что же, мне целоваться с мошенниками и подлецами, что ли?

Лебедев. Где же ты видишь мошенников и подлецов?

Шабельский. Я, конечно, не говорю о присутствующих, но...

Лебедев. Вот тебе и но... Все это напускное.

Шабельский. Напускное... Хорошо, что у тебя никакого мировоззрения нет.

Лебедев. Какое мое мировоззрение? Сижу и каждую минуту околеванца жду. Вот мое мировоззрение. Нам, брат, не время с тобою о мировоззрениях думать. Так-то... (*Кричит.*) Гаврила!

Шабельский. Ты уж и так нагаврился... Погляди, как нос насандалил!

Лебедев (*пьет*). Ничего, душа моя, не венчаться мне ехать.

Зинаида Савишна. Давно уже у нас доктор Львов не был. Совсем забыл.

Саша. Моя антипатия. Ходячая честность. Воды не попросит, папиросы не закурит без того, чтобы не показать своей необыкновенной честности. Ходит или говорит, а у самого на лбу написано: я честный человек! Скучно с ним.

Шабельский. Узкий, прямолинейный лекарь! (*Дразнит.*) «Дорогу честному труду!» Орет на каждом шагу, как попугай, и думает, что в самом деле второй Добролюбов. Кто не орет, тот подлец. Взгляды удивительные по своей глубине. Если мужик зажиточный и живет по-человечески, то, значит, подлец и кулак. Я хожу в бархатном пиджаке, и одевает меня лакей —

я подлец и крепостник. Так честен, так честен, что всего распирает от честности. Места себе не находит. Я даже боюсь его... Ей-ей!.. Того и гляди, что из чувства долга по рылу хватит или подлеца пустит.

И в а н о в. Он меня ужасно утомил, но все-таки мне симпатичен; в нем много искренности.

Ш а б е л ь с к и й. Хороша искренность! Подходит вчера ко мне вечером и ни с того ни с сего: «Вы, граф, мне глубоко несимпатичны!» Покорнейше благодарю! И все это не просто, а с тенденцией: и голос дрожит, и глаза горят, и поджилки трясутся... Черт бы побрал эту деревянную искренность! Ну, я противен ему, гадок, это естественно... я и сам сознаю, но к чему говорить это в лицо? Я дрянной человек, но ведь у меня, как бы то ни было, седые волосы... Бездарная, безжалостная честность!

Л е б е д е в. Ну, ну, ну!.. Сам небось был молодым и понимаешь.

Ш а б е л ь с к и й. Да, я был молод и глуп, в свое время разыгрывал Чацкого, обличал мерзавцев и мошенников, но никогда в жизни я воров не называл в лицо ворами и в доме повешенного не говорил о веревке. Я был воспитан. А ваш этот тупой лекарь почувствовал бы себя на высоте своей задачи и на седьмом небе, если бы судьба дала ему случай, во имя принципа и общечеловеческих идеалов, хватить меня публично по рылу и под микитки.

Л е б е д е в. Молодые люди все с норовом. У меня дядя гегелианец был... так тот, бывало, соберет к себе гостей полон дом, выпьет, станет вот этак на стул и начинает: «Вы невежды! Вы мрачная сила! Заря новой жизни!» Та-та, та-та, та-та... Уж он отчитывает-отчитывает...

С а ш а. А гости что же?

Л е б е д е в. А ничего... Слушают да пьют себе. Раз, впрочем, я его на дуэль вызвал... дядю-то родного. Из-за Бэкона вышло. Помню, сидел я, дай бог память, вот так, как Матвей, а дядя с покойным Герасимом Нилычем стояли вот тут примерно, где Николаша... Ну-с, Герасим Нилыч и задает, братец ты мой, вопрос...

Входит Б о р к и н.

Те же и Боркин (одетый франтом, со свертком в руках, подпрыгивая и напевая, входит из правой двери. Гул одобрения).

Барышни. Михаил Михайлович!..

Лебедев. Мишель Мишелич! Слыхом-слыхать...

Шабельский. Душа общества!

Боркин. А вот и я! (*Подбегает к Саше.*) Благородная синьорина, беру на себя смелость поздравить вселенную с рождением такого чудного цветка, как вы... Как дань своего восторга, осмеливаюсь преподнести (*подает сверток*) фейерверки и бенгальские огни собственного изделия. Да прояснят они ночь так же, как вы просветляете потемки темного царства. (*Театрально раскланивается.*)

Саша. Благодарю вас...

Лебедев (*хохочет, Иванову*). Отчего ты не прогонишь этого Иуду?

Боркин (*Лебедеву*). Павлу Кириллычу! (*Иванову.*) Патрону... (*Поет.*) Nicolas-voilà, го-ги-го! (*Обходит всех.*) Почтеннейшей Зинаиде Савишне... Божественной Марфе Егоровне... Древнейшей Авдотье Назаровне... Сиятельнейшему графу...

Шабельский (*хохочет*). Душа общества... Едва вошел, как атмосфера стала жиже. Вы замечаете?

Боркин. Уф, утомился... Кажется, со всеми здоровался. Ну, что новенького, господа? Нет ли чего-нибудь такого особенного, в нос шibaющего? (*Живо, Зинаиде Савишне.*) Ах, послушайте, мамаша... Еду сейчас к вам... (*Гавриле.*) Дай-ка мне, Гаврюша, чаю, только без кружовенного варенья! (*Зинаиде Савишне.*) Еду сейчас к вам, а на реке у вас мужики с лозняка кору дерут. Отчего вы лозняк на откуп не отдадите?

Лебедев (*Иванову.*) Отчего ты не прогонишь этого Иуду?

Зинаида Савишна (*испуганно*). А ведь это правда, мне и на ум не приходило!..

Боркин (*делает ручную гимнастику*). Не могу без движений... Мамаша, что бы такое особенное выки-

нуть? Марфа Егоровна, я в ударе... Я экзальтирован!
(Поет.) «Я вновь пред тобою...»

Зинаида Савишна. Устройте что-нибудь, а то все соскучились.

Боркин. Господа, что же вы это в самом деле носы повесили? Сидят точно присяжные заседатели!.. Давайте изобразим что-нибудь. Что хотите? Фанты, веревочку, горелки, танцы, фейерверки?

Барышни (хлопают в ладоши). Фейерверки, фейерверки! (Бегут в сад.)

Саша (Иванову). Что вы сегодня такой скучный?..

Иванов. Голова, болит, Шурочка, да и скучно...

Саша. Пойдемте в гостиную.

Идут в правую дверь; уходят в сад все, кроме Зинаиды Савишны и Лебедева.

Зинаида Савишна. Вот это я понимаю — молодой человек: и минуты не побыл, а уж всех разве-селил. (Притушивает большую лампу.) Пока они все в саду, нечего свечам даром гореть. (Тушит свечи.)

Лебедев (идя за нею). Зююшка, надо бы дать гостям закусить чего-нибудь...

Зинаида Савишна. Ишь свечей сколько... недаром люди судят, что мы богатые. (Тушит.)

Лебедев (идя за нею). Зююшка, дала бы чего-нибудь поесть людям... Люди молодые, небось проголодались, бедные... Зююшка...

Зинаида Савишна. Граф не допил своего стакана. Даром только сахар пропал. (Идет в левую дверь.)

Лебедев. Тьфу!.. (Уходит в сад.)

VI

Иванов и Саша.

Саша (входя с Ивановым из правой двери). Все ушли в сад.

Иванов. Такие-то дела, Шурочка. Прежде я много работал и много думал, но никогда не утомлялся; те-

перь же ничего не делаю и ни о чем не думаю, а устал телом и душой. День и ночь болит моя совесть, я чувствую, что глубоко виноват, но в чем, собственно, моя вина, не понимаю. А тут еще болезнь жены, безденежье, вечная грызня, сплетни, лишние разговоры, глупый Боркин... Мой дом мне опротивел, и жить в нем для меня хуже пытки. Скажу вам откровенно, Шурочка, для меня стало невыносимо даже общество жены, которая меня любит. Вы — мой старый приятель, и вы не будете сердиться за мою искренность. Приехал я вот к вам развлекаться, но мне скучно и у вас, и опять меня тянет домой. Простите, я сейчас потихоньку уеду.

С а ш а. Николай Алексеевич, я понимаю вас. Ваше несчастье в том, что вы одиноки. Нужно, чтобы около вас был человек, которого бы вы любили и который вас понимал бы. Одна только любовь может обновить вас.

И в а н о в. Ну, вот еще, Шурочка! Недостает, чтоб я, старый, мокрый петух, затянул новый роман! Храни меня бог от такого несчастья! Нет, моя умница, не в романе дело. Говорю, как перед богом, я снесу все: и тоску, и психопатию, и разоренье, и потерю жены, и свою раннюю старость, и одиночество, но не снесу, не выдержу я своей насмешки над самим собою. Я умираю от стыда при мысли, что я, здоровый, сильный человек, обратился не то в Гамлета, не то в Манфреда, не то в лишние люди... сам черт не разберет! Есть жалкие люди, которым льстит, когда их называют Гамлетами или лишними, но для меня это — позор! Это возмущает мою гордость, стыд гнетет меня, и я страдаю...

С а ш а (*шутя, сквозь слезы*). Николай Алексеевич, бежимте в Америку.

И в а н о в. Мне до этого порога лень дойти, а вы— в Америку.

Идут к выходу в сад.

В самом деле, Шура, вам здесь трудно живется! Как погляжу я на людей, которые вас окружают, мне становится страшно: за кого вы тут замуж пойдете? Одна только надежда, что какой-нибудь проезжий поручик или студент украдет вас и увезет...

VII

Зинаида Савишна (выходит из левой двери с банкой варенья).

Иванов. Виноват, Шурочка, я догоню вас...

Саша уходит в сад.

Зинаида Савишна, я к вам с просьбой...

Зинаида Савишна. Что вам, Николай Алексеевич?

Иванов (мнется). Дело, видите ли, в том, что послезавтра срок моему векселю. Вы премного обязали бы меня, если бы дали отсрочку или позволили приписать проценты к капиталу. У меня теперь совсем нет денег...

Зинаида Савишна (испуганно). Николай Алексеевич, да как это можно? Что же это за порядок? Нет, и не выдумывайте вы, бога ради, не мучьте меня, несчастную...

Иванов. Виноват, виноват... (Уходит в сад.)

Зинаида Савишна. Фуй, батюшки, как он меня встревожил!.. Я вся дрожу... вся дрожу... (Уходит в правую дверь.)

VIII

Косых (выходит из левой двери и идет через сцену). У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-во-семь, туз пик и одна... одна маленькая червонка, а она, черт ее возьми совсем, не могла объявить маленького шлема! (Уходит в правую дверь.)

IX

Авдотья Назаровна и 1-й гость.

Авдотья Назаровна (выходя с 1-м гостем из сада). Вот так бы я ее и растерзала, сквалыгу... так бы и растерзала! Шутка ли, с пяти часов сижу, а она хоть

бы ржавую селедкой попотчевала!.. Ну, дом!.. Ну, хозяйство!..

1-й г о с т ь. Такая скучища, что просто разбежался бы и головой об стену! Ну, люди, господи помилуй!.. Со скуки да с голоду волком завоешь и людей грызть начнешь.

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. Так бы я ее и растерзала, грешница.

1-й г о с т ь. Выпью, старая, и — домой! И невест мне твоих не надо. Какая тут, к нечистому, любовь, ежели с самого обеда ни рюмки?

А в д о т ь я Н а з а р о в н а. Пойдем поищем, что ли...

1-й г о с т ь. Тсс!.. Потихоньку! Шнапс, кажется, в столовой, в буфете стоит. Мы Егорушку за бока... Тсс!..

Уходят в левую дверь.

Х

А н н а П е т р о в н а и Л ь в о в (выходят из правой двери).

А н н а П е т р о в н а. Ничего, нам рады будут. Никого нет. Должно быть, в саду.

Л ь в о в. Ну, зачем, спрашивается, вы привезли меня сюда, к этим коршунам? Не место тут для нас с вами! Честные люди не должны знать этой атмосферы!

А н н а П е т р о в н а. Послушайте, господин честный человек! Нелюбезно провожать даму и всю дорогу говорить с нею только о своей честности! Может быть, это и честно, но по меньшей мере скучно. Никогда с женщинами не говорите о своих добродетелях. Пусть они сами поймут. Мой Николай, когда был таким, как вы, в женском обществе только пел песни и рассказывал небылицы, а между тем каждая знала, что он за человек.

Л ь в о в. Ах, не говорите мне про вашего Николая, я его отлично понимаю!

А н н а П е т р о в н а. Вы хороший человек, но ничего не понимаете. Пойдемте в сад. Он никогда не выражался так: «Я честен! Мне душно в этой атмосфере! Коршуны! Совиное гнездо! Крокодилы!» Зверинец он

оставлял в покое, а когда, бывало, возмущался, то я от него только и слышала: «Ах, как я был несправедлив сегодня!», или: «Анюта, жаль мне этого человека!» Вот как, а вы...

Уходят.

XI

Авдотья Назаровна и 1-й гость.

1-й гость (*выходя из левой двери*). В столовой нет, так, стало быть, где-нибудь в кладовой. Надо бы Егорушку пощупать. Пойдем через гостиную.

Авдотья Назаровна. Так бы я ее и растерзала!..

Уходят в правую дверь.

XII

Бабакина, Боркин и Шабельский. (Бабакина и Боркин со смехом выбегают из сада; за ними, смеясь и потирая руки, семенит Шабельский.)

Бабакина. Какая скука! (*Хохочет.*) Какая скука! Все ходят и сидят, как будто аршин проглотили! От скуки все косточки застыли. (*Прыгает.*) Надо размяться!..

Боркин хватает ее за галию и целует в щеку.

Шабельский (*хохочет и щелкает пальцами*). Черт возьми! (*Крякает.*) Некоторым образом...

Бабакина. Пустите, пустите руки, бесстыдник, а то граф бог знает что подумает! Отстаньте!..

Боркин. Ангел души моей, карбункул моего сердца!.. (*Целует.*) Дайте взаймы две тысячи триста рублей!..

Бабакина. Не-не-нет... Как хотите, а насчет денег — очень вами благодарна... Нет, нет, нет!.. Ах, да пустите руки!..

Шабельский (*семенит около*). Помпончик... Имеет свою приятность...

Боркин (*серьезно*). Но довольно. Давайте говорить о деле. Будем рассуждать прямо, по-коммерчески. Отвечайте мне прямо, без subtilностей и без всяких фокусов: да или нет? Слушайте! (*Указывает на графа.*) Вот ему нужны деньги, минимум три тысячи годового дохода. Вам нужен муж. Хотите быть графиней?

Шабельский (*хохочет*). Удивительный циник!

Боркин. Хотите быть графиней? Да или нет?

Бабакина (*взволнованная*). Выдумываете, Миша, право... И эти дела не делаются так, с бухты-бархаты... Если графу угодно, он сам может, и... и я не знаю, как это вдруг, сразу...

Боркин. Ну, ну, будет тень наводить! Дело коммерческое... Да или нет?

Шабельский (*смеясь и потирая руки*). В самом деле, а? Черт возьми, разве устроить себе эту гнусность? а? Помпончик... (*Целует Бабакину в щеку.*) Прелесть!.. Огурчик!..

Бабакина. Постойте, постойте, вы меня совсем встревожили... Уйдите, уйдите!.. Нет, не уходите!..

Боркин. Скорей! Да или нет? Нам некогда...

Бабакина. Знаете что, граф? Вы приезжайте ко мне в гости дня на три... У меня весело, не так, как здесь... Приезжайте завтра... (*Боркину.*) Нет, вы это шутите?

Боркин (*сердито*). Да кто же станет шутить в серьезных делах?

Бабакина. Постойте, постойте... Ах, мне дурно! Мне дурно! Графиня... Мне дурно!.. Я падаю...

Боркин и граф со смехом берут ее под руки и, целуя в щеки, уводят в правую дверь.

XIII

Иванов, Саша, потом Анна Петровна. (Иванов и Саша вбегают из сада.)

Иванов (*в отчаянии хватая себя за голову*). Не может быть! Не надо, не надо, Шурочка!.. Ах, не надо!..

Саша (*с увлечением*). Люблю я вас безумно... Без

вас нет смысла моей жизни, нет счастья и радости! Для меня вы всё...

И в а н о в. К чему, к чему! Боже мой, я ничего не понимаю... Шуручка, не надо!

С а ш а. В детстве моем вы были для меня единственной радостью; я любила вас и вашу душу, как себя, а теперь... я вас люблю, Николай Алексеевич... С вами не то что на край света, а куда хотите, хоть в могилу, только ради бога скорее, иначе я задохнусь...

И в а н о в (*закатывается счастливым смехом*). Это что же такое? Это, значит, начинать жизнь сначала? Шуручка, да? Счастье мое! (*Привлекает ее к себе*.) Моя молодость, моя свежесть...

А н н а П е т р о в н а входит из сада и, увидев мужа и Сашу, останавливается как вкопанная.

Значит, жить? Да? Снова за дело?

Поцелуй. После поцелуя Иванов и Саша оглядываются и видят Анну Петровну.

(*В ужасе*.) Сарра!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Кабинет Иванова. Письменный стол, на котором в беспорядке лежат бумаги, книги, казенные пакеты, безделушки, револьверы; возле бумаг лампа, графин с водкой, тарелка с селедкой, куски хлеба и огурцы. На стенах ландкарты, картины, ружья, пистолеты, серпы, нагайки и проч.— Полдень.

I

Шабельский, Лебедев, Боркин, Петр. Шабельский и Лебедев сидят по сторонам письменного стола. Боркин среди сцены верхом на стуле. Петр — стоит у двери.

Лебедев. У Франции политика ясная и определенная... Французы знают, чего хотят. Им нужно лущить колбасников, и больше ничего, а у Германии, брат, совсем не та музыка. У Германии, кроме Франции, еще много сучков в глазу...

Ш а б е л ь с к и й. Вздор!.. По-моему, немцы трусы и французы трусы... Показывают только друг другу кукиши в кармане. Поверь, кукишами дело и ограничится. Драться не будут.

Б о р к и н. А по-моему, зачем драться? К чему все эти вооружения, конгрессы, расходы? Я что бы сделал? Собрал бы со всего государства собак, привил бы им пастёровский яд в хорошей дозе и пустил бы в неприятельскую страну. Все враги перебесились бы у меня через месяц.

Л е б е д е в (*смеется*). Голова, посмотришь, маленькая, а великих идей в ней тьма-тьмущая, как рыб в океане.

Ш а б е л ь с к и й. Virtuoz!

Л е б е д е в. Бог с тобою, смешишь ты, Мишель Мишелич! (*Перестав смеяться*.) Что ж, господа, Жомини да Жомини, а об водке ни полслова. Repetatur!¹ (*Наливает три рюмки*.) Будемте здоровы...

Пьют и закусывают.

Селечка, матушка, всем закусам закуска.

Ш а б е л ь с к и й. Ну нет, огурец лучше... Ученые с сотворения мира думают и ничего умнее соленого огурца не придумали. (*Петру*.) Петр, поди-ка еще принеси огурцов да вели на кухне изжарить четыре пирожка с луком. Чтоб горячие были.

Петр уходит.

Л е б е д е в. Водку тоже хорошо икрой закусывать. Только как? С умом надо... Взять икры паюсной четверку, две луковочки зеленого лучку, прованского масла, смешать все это и, знаешь, этак... поперх всего лимончиком... Смерть! От одного аромата угоришь.

Б о р к и н. После водки хорошо тоже закусывать жареными пескарями. Только их надо уметь жарить. Нужно почистить, потом обвалить в толченых сухарях и жарить дóсуха, чтобы на зубах хрустели... хру-хру-хру...

Ш а б е л ь с к и й. Вчера у Бабакиной была хорошая закуска — белые грибы.

---

¹ Повторим! (*лат.*)

Лебедев. А еще бы...

Шабельский. Только как-то особенно приготовлены. Знаешь, с луком, с лавровым листом, со всякими специями. Как открыли кастрюлю, а из нее пар, запах... просто восторг!

Лебедев. А что ж? Repetatur, господа!

Выпивают.

Будемте здоровы... (*Смотрит на часы.*) Должно быть, не дождусь я Николаши. Пора мне ехать. У Бабакиной, ты говоришь, грибы подавали, а у нас еще не видать грибов. Скажи на милость, за каким это лешим ты зачистил к Марфутке?

Шабельский (*кивает на Боркина*). Да вот, женить меня на ней хочет...

Лебедев. Женить? Тебе сколько лет?

Шабельский. Шестьдесят два года.

Лебедев. Самая пора жениться. А Марфутка как раз тебе пара.

Боркин. Тут не в Марфутке дело, а в Марфуткиных стерлингах.

Лебедев. Чего захотел: Марфуткиных стерлингов... А гусяного чаю не хочешь?

Боркин. А вот как женится человек да набьет себе ампоше¹, тогда и увидите гусяный чай. Облизнетесь...

Шабельский. А ведь он серьезно. Этот гений уверен, что я его послушаюсь и женюсь...

Боркин. А то как же? А вы разве уже не уверены?

Шабельский. Да ты с ума сошел... Когда я был уверен? Псс...

Боркин. Благодарю вас... Очень вам благодарен! Так это, значит, вы меня подвести хотите? То женюсь, то не женюсь... сам черт не разберет, а я уж честное слово дал! Так вы не женитесь?

Шабельский (*пожимает плечами*). Он серьезно... Удивительный человек!

Боркин (*возмущаясь*). В таком случае зачем же было баламутить честную женщину? Она помешалась

¹ Здесь: карман (от франц. *empocher* — сунуть в карман).

на графстве, не спит, не ест... Разве этим шутят? Разве это честно?

Ш а б е л ь с к и й (*щелкает пальцами*). А что в самом деле, не устроить ли себе эту гнусность? А? Назло! Возьму и устрою. Честное слово... Вот будет потеха!

Входит Л ь в о в.

II

Л е б е д е в. Эскулапии наше нижайшее... (*Подает Львову руку и поет.*) «Доктор, батюшка, спасите, смерти до смерти боюсь...»

Л ь в о в. Николай Алексеевич еще не приходил?

Л е б е д е в. Да нет, я сам его жду больше часа.

Львов нетерпеливо шагает по сцене.

Милый, ну, как здоровье Анны Петровны?

Л ь в о в. Плохо.

Л е б е д е в (*вздых*). Можно пойти засвидетельствовать почтение?

Л ь в о в. Нет, пожалуйста, не ходите. Она, кажется, спит...

Пауза.

Л е б е д е в. Симпатичная, славная... (*Вздыхает.*) В Шурочкин день рождения, когда она у нас в обморок упала, поглядел я на ее лицо и тогда еще понял, что уж ей, бедной, недолго жить. Не понимаю, отчего с нею тогда дурно сделалось? Прибегаю, гляжу: она, бледная, на полу лежит, около нее Николаша на коленях, тоже бледный, Шурочка вся в слезах. Я и Шурочка после этого случая неделю как шальные ходили.

Ш а б е л ь с к и й (*Львову*). Скажите мне, почтеннейший жрец науки, какой ученый открыл, что при грудных болезнях дамам бывают полезны частые посещения молодого врача? Это великое открытие! Великое! Куда оно относится: к аллопатии или гомеопатии?

Львов хочет ответить, но делает презрительное движение и уходит.

Какой уничтожающий взгляд...

Лебедев. А тебя дергает нелегкая за язык! За что ты его обидел?

Шабельский *(раздраженно)*. А зачем он врет? Чахотка, нет надежды, умрет... Врет он! Я этого терпеть не могу!

Лебедев. Почему же ты думаешь, что он врет?

Шабельский *(встает и ходит)*. Я не могу допустить мысли, чтобы живой человек вдруг, ни с того ни с сего, умер. Оставим этот разговор!

III

Косых *(вбегают, запыхавшись)*. Дома Николай Алексеевич? Здравствуйте! *(Быстро пожимает всем руки.)* Дома?

Боркин. Его нет.

Косых *(садится и вскакивает)*. В таком случае прощайте! *(Выпивает рюмку водки и быстро закусьивает.)* Поеду дальше... Дела... Замучился... Еле на ногах стою...

Лебедев. Откуда ветер принес?

Косых. От Барабанова. Всю ночь провинтили и только что кончили... Проигрался в пух... Этот Барабанов играет как сапожник! *(Плачущим голосом.)* Вы послушайте: все время несу я черву... *(Обращается к Боркину, который прыгает от него.)* Он ходит бубну, я опять черву, он бубну... Ну, и без взятки. *(Лебедеву.)* Играем четыре трефы. У меня туз, дама-шост на руках, туз, десятка-третей пик...

Лебедев *(затыкает уши)*. Уволь, уволь, ради Христа, уволь!

Косых *(графу)*. Понимаете: туз, дама-шост на трефах, туз, десятка-третей пик...

Шабельский *(отстраняет его руками)*. Уходите, не желаю я слушать.

Косых. И вдруг несчастье: туза пик по первой бьют...

Шабельский *(хватает со стола револьвер)*. Отойдите, стрелять буду!..

Косых *(машет рукой)*. Черт знает... Неужели даже поговорить не с кем? Живешь как в Австралии:

ни общих интересов, ни солидарности... Каждый живет врозь... Однако надо ехать... пора. (*Хватает фуражку.*) Время дорого... (*Подает Лебедеву руку.*) Пас!..

Смех.

Косых уходит и в дверях сталкивается с Авдотьей Назаровной.

IV

Авдотья Назаровна (*вскрикивает*). Чтоб тебе пусто было, с ног сшиб!

Все. А-а-а!.. вездесущая!..

Авдотья Назаровна. Вот они где, а я по всему дому ищу. Здравствуйте, ясные соколы, хлеб да соль... (*Здоровается.*)

Лебедев. Зачем пришла?

Авдотья Назаровна. За делом, батюшка! (*Графу.*) Дело вас касающее, ваше сиятельство. (*Кланяется.*) Велели кланяться и о здоровье спросить... И велела она, куколочка моя, сказать, что ежели вы нынче к вечеру не приедете, то она глазочки свои проплачет. Так, говорит, милая, отзови его в стороночку и шепни на ушко по секрету. А зачем по секрету? Тут всё люди свои. И такое дело, не кур крадем, а по закону да по любви, по междоусобному согласию. Никогда, грешница, не пью, а через такой случай выпью!

Лебедев. И я выпью. (*Наливает.*) А тебе, старая скворешня, и сносу нет. Лет тридцать я тебя старухой знаю...

Авдотья Назаровна. И счет годам потеряла... Двух мужей похоронила, пошла бы еще за третьего, да никто не хочет без приданого брать. Детей душ восемь было... (*Берет рюмку.*) Ну, дай бог, дело хорошее мы начали, дай бог его и кончить! Они будут жить да поживать, а мы глядеть на них да радоваться. Совет им и любовь... (*Пьет.*) Строгая водка!

Шабельский (*хохоча, Лебедеву*). Но что, понимаешь, курьезнее всего, так это то, что они думают серьезно, будто я... Удивительно! (*Встает.*) А то в самом деле, Паша, не устрой ли себе эту гнусность? Назло... Этак, мол, на, старая собака, ешь! Паша, а?

Лебедев. Пустое ты городишь, граф. Наше, брат, дело с тобою об околеванце думать, а Марфутки да стерлинги давно мимо проехали... Прошла наша пора.

Шабельский. Нет, я устрою! Честное слово, устрою!

Входят Иванов и Львов.

▼

Львов. Я прошу вас уделить мне только пять минут.

Лебедев. Николаша! *(Идет навстречу к Иванову и целует его.)* Здравствуй, дружище... Я тебя уж целый час дожидаясь.

Авдотья Назаровна *(кланяется)*. Здравствуйте, батюшка!

Иванов *(с горечью)*. Господа, опять в моем кабинете кабак завели!.. Тысячу раз просил я всех и каждого не делать этого... *(Подходит к столу.)* Ну, вот, бумагу водкой облили... крошки... огурцы... Ведь противно!

Лебедев. Виноват, Николаша, виноват... Прости. Мне с тобою, дружище, поговорить надо о весьма важном деле.

Боркин. И мне тоже.

Львов. Николай Алексеевич, можно с вами поговорить?

Иванов *(указывает на Лебедева)*. Вот и ему я нужен. Подождите, вы после... *(Лебедеву.)* Чего тебе?

Лебедев. Господа, я желаю говорить конфиденциально. Прошу...

Граф уходит с Авдотьей Назаровной, за ними Боркин, потом Львов.

Иванов. Паша, сам ты можешь пить, сколько тебе угодно, это твоя болезнь, но прошу не спаивать дядю. Раньше он у меня никогда не пил. Ему вредно.

Лебедев *(испуганно)*. Голубчик, я не знал... Я даже внимания не обратил...

Иванов. Не дай бог, умрет этот старый ребенок, не вам будет худо, а мне... Что тебе нужно?..

Пауза.

Лебедев. Видишь ли, любезный друг... Не знаю, как начать, чтобы это вышло не так бессовестно. Николаша, совестно мне, краснею, язык заплетается, но, голубчик, войди в мое положение, пойми, что я человек подневольный, негр, тряпка... Извини ты меня...

Иванов. Что такое?

Лебедев. Жена послала... Сделай милость, будь другом, заплати ты ей проценты! Верить ли, загрызла, заездила, замучила! Отвяжись ты от нее ради создателя!..

Иванов. Паша, ты знаешь, у меня теперь нет денег.

Лебедев. Знаю, знаю, но что же мне делать? Ждать она не хочет. Если протестует вексель, то как я и Шуручка будем тебе в глаза глядеть?

Иванов. Мне самому совестно, Паша, рад сквозь землю провалиться, но... но где взять? Научи: где? Остается одно: ждать осени, когда я хлеб продам.

Лебедев (*кричит*). Не хочет она ждать!

Пауза.

Иванов. Твое положение неприятное, щекотливое, а мое еще хуже. (*Ходит и думает.*) И ничего не придумаешь... Продать нечего...

Лебедев. Съездил бы к Мильбаху, попросил, ведь он тебе шестнадцать тысяч должен.

Иванов безнадежно машет рукой.

Вот что, Николаша... Я знаю, ты станешь браниться, но... уважь старого пьяницу! По-дружески... Гляди на меня как на друга... Студенты мы с тобою, либералы... Общность идей и интересов... В Московском университете оба учились... *Alma mater*... ¹ (*Вынимает бумажник.*) У меня вот есть заветные, про них ни одна душа в доме не знает. Возьми займы... (*Вынимает деньги и кладет на стол.*) Брось самолюбие, а взгляни по-дружески... Я бы от тебя взял, честное слово...

Пауза.

---

¹ Мать-кормилица... (*лат.*)

Вот они на столе: тысяча сто. Ты съезди к ней сегодня и отдай собственноручно. Нате, мол, Зинаида Савишна, подавитесь! Только смотри и виду не подавай, что у меня занял, храни тебя бог! А то достанется мне на орехи от кружовенного варенья! (*Всматривается в лицо Иванова.*) Ну, ну, не надо! (*Быстро берет со стола деньги и прячет в карман.*) Не надо! Я пошутил... Извини, ради Христа!

Пауза.

Мутит на душе?

Иванов машет рукой.

Да, дела... (*Вздыхает.*) Настало для тебя время скорби и печали. Человек, братец ты мой, все равно что самовар. Не все он стоит в холодке на полке, но, бывает, и угольки в него кладут: пш... пш! Ни к черту это сравнение не годится, ну, да ведь умнее не придумаешь... (*Вздыхает.*) Несчастья закаляют душу. Мне тебя не жалко, Николаша, ты выскочишь из беды, перемелется — мука́ будет, но обидно, брат, и досадно мне на людей... Скажи на милость, откуда эти сплетни берутся! Столько, брат, про тебя по уезду сплетен ходит, что того и гляди к тебе товарищ прокурора приедет... Ты и убийца, и кровопийца, и грабитель...

И в а н о в. Это все пустяки, вот у меня голова болит.

Л е б е д е в. Все оттого, что много думаешь.

И в а н о в. Ничего я не думаю.

Л е б е д е в. А ты, Николаша, начихай на все да поезжай к нам. Шурочка тебя любит, понимает и ценит. Она, Николаша, честный, хороший человек. Не в мать и не в отца, а, должно быть, в проезжего молодца... Гляжу, брат, иной раз и не верю, что у меня, у толстого пьяницы, такое сокровище. Поезжай, потолкуй с нею об умном и — развлечешься. Это верный, искренний человек...

Пауза.

И в а н о в. Паша, голубчик, оставь меня одного...

Л е б е д е в. Понимаю, понимаю... (*Торопливо смотрит на часы.*) Я понимаю. (*Целует Иванова.*) Прощай.

Мне еще на освящение школы ехать. (*Идет к двери и останавливается.*) Умная... Вчера стали мы с Шурочкой насчет сплетен говорить. (*Смеется.*) А она афоризмом выпалила: «Папочка, светляки, говорит, светят ночью только для того, чтобы их легче могли увидеть и съест ночные птицы, а хорошие люди существуют для того, чтобы было что есть клевете и сплетне». Каково? Гений! Жорж Занд!..

И в а н о в. Паша! (*Останавливает его.*) Что со мною?

Л е б е д е в. Я сам тебя хотел спросить об этом, да, признаться, стеснялся. Не знаю, брат! С одной стороны, мне казалось, что тебя одолели несчастья разные, с другой же стороны, знаю, что ты не таковский, чтобы того... Бедой тебя не победишь. Что-то, Николаша, другое, а что — не понимаю!

И в а н о в. Я сам не понимаю. Мне кажется, или... Впрочем, нет!

Пауза.

Видишь ли, что я хотел сказать. У меня был рабочий Семен, которого ты помнишь. Раз, во время молотьбы, он захотел похвастать перед девками своею силой, взвалил себе на спину два мешка ржи и надорвался. Умер скоро. Мне кажется, что я тоже надорвался. Гимназия, университет, потом хозяйство, школы, проекты... Веровал я не так, как все, женился не так, как все, горячился, рисковал, деньги свои, сам знаешь, бросал направо и налево, был счастлив и страдал, как никто во всем уезде. Все это, Паша, мои мешки. Взвалил себе на спину ношу, а спина-то и треснула. В двадцать лет мы все уже герои, за все беремся, все можем, и к тридцати уже утомляемся, никуда не годимся. Чем, чем ты объяснишь такую утомляемость? Впрочем, быть может, это не то... Не то, не то!... Иди, Паша, с богом, я надоел тебе.

Л е б е д е в (*живо*). Знаешь что? Тебя, брат, среда заела!

И в а н о в. Глупо, Паша, и старо. Иди!

Л е б е д е в. Действительно, глупо. Теперь и сам вижу, что глупо. Иду, иду!.. (*Уходит.*)

Иванов (один). Нехороший, жалкий и ничтожный я человек. Надо быть тоже жалким, истасканным, испытанным, как Паша, чтобы еще любить меня и уважать. Как я себя презираю, боже мой! Как глубоко ненавижу я свой голос, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли. Ну, не смешно ли, не обидно ли? Еще года нет, как был здоров и силен, был бодр, неутомим, горяч, работал этими самыми руками, говорил так, что трогал до слез даже невежд, умел плакать, когда видел горе, возмущался, когда встречал зло. Я знал, что такое вдохновение, знал прелесть и поэзию тихих ночей, когда от зари до зари сидишь за рабочим столом или тешишь свой ум мечтами. Я веровал, в будущее глядел, как в глаза родной матери... А теперь, о боже мой! утомился, не верю, в безделье провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозг, ни руки, ни ноги. Имение идет прахом, леса трещат под топором. (Плачет.) Земля моя глядит на меня как сирота. Ничего я не жду, ничего не жаль, душа дрожит от страха перед завтрашним днем... А история с Саррой? Клялся в вечной любви, пророчил счастье, открывал перед ее глазами будущее, какое ей не снилось даже во сне. Она поверила. Во все пять лет я видел только, как она угасала под тяжестью своих жертв, как изнемогала в борьбе с совестью, но, видит бог, ни косога взгляда на меня, ни слова упрека!.. И что же? Я разлюбил ее... Как? Почему? За что? Не понимаю. Вот она страдает, дни ее сочтены, а я, как последний трус, бегу от ее бледного лица, впалой груди, умоляющих глаз... Стыдно, стыдно!

Пауза.

Сашу, девочку, трогают мои несчастья. Она мне, почти старику, объясняется в любви, а я пьянею, забываю про все на свете, обвороженный как музыкой, и кричу: «Новая жизнь! счастье!» А на другой день верю в эту жизнь и в счастье так же мало, как в домового... Что же со мною? В какую пропасть толкаю я себя? Откуда во мне эта слабость? Что стало с моими нервами? Стоит только больной жене уколоть мое самолюбие, или не

угодит прислуга, или ружье даст осечку, как я становлюсь груб, зол и не похож на себя...

Пауза.

Не понимаю, не понимаю, не понимаю! Просто хоть пулю в лоб!..

Львов (*входит*). Мне нужно с вами объясниться, Николай Алексеевич!

Иванов. Если мы, доктор, будем каждый день объясняться, то на это сил никаких не хватит.

Львов. Вам угодно меня выслушать?

Иванов. Выслушиваю я вас каждый день и до сих пор никак не могу понять: что, собственно, вам от меня угодно?

Львов. Говорю я ясно и определенно, и не может меня понять только тот, у кого нет сердца...

Иванов. Что у меня жена при смерти — я знаю; что я непоправимо виноват перед нею — я тоже знаю; что вы честный, прямой человек — тоже знаю! Что же вам нужно еще?

Львов. Меня возмущает человеческая жестокость... Умирает женщина. У нее есть отец и мать, которых она любит и хотела бы видеть перед смертью; те знают отлично, что она скоро умрет и что все еще любит их, но, проклятая жестокость, они точно хотят удивить своим религиозным закалом: всё еще проклинают ее! Вы человек, которому она пожертвовала всем — и родным гнездом, и покоем совести, вы откровеннейшим образом и с самыми откровенными целями каждый день катаетесь к этим Лебедевым!

Иванов. Ах, я там уже две недели не был...

Львов (*не слушая его*). С такими людьми, как вы, надо говорить прямо, без обиняков, и если вам не угодно слушать меня, то не слушайте! Я привык называть вещи настоящим их именем... Вам нужна эта смерть для новых подвигов; пусть так, но неужели вы не могли бы подождать? Если бы вы дали ей умереть естественным порядком, не долбили бы ее своим откровенным цинизмом, то неужели бы от вас ушла Лебедева со своим приданым? Не теперь, так через год, через два, вы, чудный Тартюф, успели бы вскружить голову

девочке и завладеть ее приданым так же, как и теперь... К чему вы торопитесь? Почему вам нужно, чтобы ваша жена умерла теперь, а не через месяц, через год?

И в а н о в. Мучение... Доктор, вы слишком плохой врач, если предполагаете, что человек может сдерживать себя до бесконечности. Мне страшных усилий стоит не отвечать вам на ваши оскорбления.

Л ь в о в. Полноте, кого вы хотите одурачить? Сбросьте маску.

И в а н о в. Умный человек, подумайте: по-вашему, нет ничего легче, как понять меня! Да? Я женился на Анне, чтобы получить большое приданое... Приданого мне не дали, я промахнулся и теперь сживаю ее со света, чтобы жениться на другой и взять приданое... Да? Как просто и несложно... Человек такая простая и немудреная машина... Нет, доктор, в каждом из нас слишком много колес, винтов и клапанов, чтобы мы могли судить друг о друге по первому впечатлению или по двум-трем внешним признакам. Я не понимаю вас, вы меня не понимаете, и сами мы себя не понимаем. Можно быть прекрасным врачом — и в то же время совсем не знать людей. Не будьте же самоуверенны и согласитесь с этим.

Л ь в о в. Да неужели же вы думаете, что вы так непрозрачны и у меня так мало мозга, что я не могу отличить подлости от честности?

И в а н о в. Очевидно, мы с вами никогда не споемся... В последний раз я спрашиваю и отвечайте, пожалуйста, без предисловий: что, собственно, вам нужно от меня? Чего вы добиваетесь? (*Раздраженно.*) И с кем я имею честь говорить: с моим прокурором или с врачом моей жены?

Л ь в о в. Я врач и, как врач, требую, чтобы вы изменили ваше поведение... Оно убивает Анну Петровну!

И в а н о в. Но что же мне делать? Что? Если вы меня понимаете лучше, чем я сам себя понимаю, то говорите определенно: что мне делать?

Л ь в о в. По крайней мере действовать не так откровенно.

И в а н о в. А, боже мой! Неужели вы себя понимаете? (*Пьет воду.*) Оставьте меня. Я тысячу раз вино-

ват, отвечу перед богом, а вас никто не уполномочивал ежедневно пытаться меня....

Л ь в о в. А кто вас уполномочивал оскорблять во мне мою правду? Вы измучили и отравили мою душу. Пока я не попал в этот уезд, я допускал существование людей глупых, сумасшедших, увлекающихся, но никогда я не верил, что есть люди преступные осмысленно, сознательно направляющие свою волю в сторону зла... Я уважал и любил людей, но когда увидел вас...

И в а н о в. Я уже слышал об этом!

Л ь в о в. Слышали? *(Увидев входящую Сашу; она в амазонке.)* Теперь уж, надеюсь, мы отлично понимаем друг друга! *(Пожимает плечами и уходит.)*

VII

И в а н о в *(испуганно)*. Шура, это ты?

С а ш а. Да, я. Здравствуй. Не ожидал? Отчего ты так долго не был у нас?

И в а н о в. Шура, ради бога, это неосторожно! Твой приезд может страшно подействовать на жену.

С а ш а. Она меня не увидит. Я прошла черным ходом. Сейчас уеду. Я беспокоюсь: ты здоров? Отчего не приезжал так долго?

И в а н о в. Жена и без того уж оскорблена, почти умирает, а ты приезжаешь сюда. Шура, Шура, это легкомысленно и бесчеловечно!

С а ш а. Что же мне было делать? Ты две недели не был у нас, не отвечал на письма. Я измучилась. Мне казалось, что ты тут невыносимо страдаешь, болен, умер. Ни одной ночи я не спала покойно... Сейчас уеду... По крайней мере скажи: ты здоров?

И в а н о в. Нет, замучил я себя, люди мучают меня без конца... Просто сил моих нет! А тут еще ты! Как это нездорово, как ненормально! Шура, как я виноват, как виноват!..

С а ш а. Как ты любишь говорить страшные и жалкие слова! Виноват ты? Да? Виноват? Ну, так говори же: в чем?

И в а н о в. Не знаю, не знаю...

С а ш а. Это не ответ. Каждый грешник должен знать, в чем он грешен. Фальшивые бумажки делал, что ли?

И в а н о в. Неостроумно.

С а ш а. Виноват, что разлюбил жену? Может быть, но человек не хозяин своим чувствам, ты не хотел разлюбить. Виноват ты, что она видела, как я объяснялась тебе в любви? Нет, ты не хотел, чтобы она видела...

И в а н о в (*перебивая*). И так далее, и так далее... Полюбил, разлюбил, не хозяин своим чувствам — все это общие места, избитые фразы, которыми не поможешь...

С а ш а. Утомительно с тобою говорить. (*Смотрит на картину.*) Как хорошо собака нарисована! Это с природы?

И в а н о в. С природы. И весь этот наш роман — общее, избитое место: он пал духом и утерял почву. Явилась она, бодрая духом, сильная, и подала ему руку помощи. Это красиво и похоже на правду только в романах, а в жизни...

С а ш а. И в жизни то же самое.

И в а н о в. Вижу, тонко ты понимаешь жизнь! Мое нытье внушает тебе благоговейный страх, ты воображаешь, что обрела во мне второго Гамлета, а по-моему, эта моя психопатия, со всеми ее аксессуарами, может служить хорошим материалом только для смеха, и больше ничего! Надо бы хохотать до упаду над моим кривляньем, а ты — караул! Спасать, совершать подвиг. Ах, как я зол сегодня на себя. Чувствую, что сегодняшнее мое напряжение разрешится чем-нибудь... Или я сломаю что-нибудь, или....

С а ш а. Вот, вот, это именно и нужно. Сломай что-нибудь, разбей или закричи. Ты на меня сердит, я сделала глупость, что решилась приехать сюда. Ну, так возмутись, закричи на меня, затопай ногами. Ну? Начи-най сердиться...

Пауза.

Ну?

И в а н о в. Смешная.

С а ш а. Отлично. Мы, кажется, улыбаемся! Будьте добры, сообразовайте еще раз улыбнуться!

И в а н о в (*смеется*). Я заметил: когда ты начинаешь спасать меня и учить уму-разуму, то у тебя делается лицо наивное-пренаивное, а зрачки большие,

точно ты на комету смотришь. Пстой, у тебя плечо в пыли. (*Смахивает с ее плеча пыль.*) Наивный мужчина — это дурак. Вы же, женщины, умудряетесь наивничать так, что это у вас выходит и мило, и здорово, и тепло, и не так глупо, как кажется. Только что у вас у всех за манера? Пока мужчина здоров, силен и весел, вы не обращаете на него никакого внимания, но как только он покотился вниз по наклонной плоскости и стал Лазаря петь, вы вешаетесь ему на шею. Разве быть женой сильного и храброго человека хуже, чем быть сиделкой у какого-нибудь слезоточивого неудачника?

С а ш а. Хуже!

И в а н о в. Почему же? (*Хохочет.*) Не знает об этом Дарвин, а то бы он задал вам на орехи! Вы портите человеческую породу. По вашей милости на свете скоро будут рождаться одни только нытики и психопаты.

С а ш а. Мужчины многого не понимают. Всякой девушке скорее понравится неудачник, чем счастливец, потому что каждую соблазняет любовь деятельная... Понимаешь? Деятельная. Мужчины заняты делом, и потому у них любовь на третьем плане. Поговорить с женой, погулять с нею по саду, приятно провести время, на ее могилке поплакать — вот и все. А у нас любовь — это жизнь. Я люблю тебя, это значит, что я мечтаю, как я излечу тебя от тоски, как пойду с тобою на край света... Ты на гору, и я на гору; ты в яму, и я в яму. Для меня, например, было бы большим счастьем всю ночь бумаги твои переписывать, или всю ночь сторожить, чтобы тебя не разбудил кто-нибудь, или идти с тобою пешком верст сто. Помню, года три назад, ты раз, во время молотьбы, пришел к нам весь в пыли, загорелый, измученный и попросил пить. Принесла я тебе стакан, а ты уж лежишь на диване и спишь как убитый. Спал ты у нас полсуток, а я все время стояла за дверью и сторожила, чтобы кто не вошел. И так мне было хорошо! Чем больше труда, тем любовь лучше, то есть она, понимаешь ли, сильнее чувствуется.

И в а н о в. Деятельная любовь... Гм... Порча это, девическая философия, или, может, так оно и должно быть... (*Пожимает плечами.*) Черт его знает! (*Весело.*) Шура, честное слово, я порядочный человек!.. Ты по-

суди: я всегда любил философствовать, но никогда в жизни я не говорил: «наши женщины испорчены», или: «женщина вступила на ложную дорогу». Я был только благодарен, и больше ничего! Больше ничего! Девочка моя, хорошая, какая ты забавная! А я-то, какой смешной болван! Православный народ смущаю, по целым дням Лазаря пою. (*Смеется.*) Бу-у! бу-у! (*Быстро уходит.*) Но уходи, Саша! Мы забылись...

С а ш а. Да, пора уходить. Прощай! Боюсь, как бы твой честный доктор из чувства долга не донес Анне Петровне, что я здесь. Слушай меня: ступай сейчас к жене и сиди, сиди, сиди... Год понадобится сидеть — год сиди. Десять лет — сиди десять лет. Исполняй свой долг. И горюй, и прощения у нее проси, и плачь — все это так и надо. А главное, не забывай дела.

И в а н о в. Опять у меня такое чувство, как будто я мухомору объелся. Опять!

С а ш а. Ну, храни тебя создатель! Обо мне можешь совсем не думать! Недели через две черкнешь строчку — и на том спасибо. А я тебе буду писать...

Б о р к и н выглядывает в дверь.

VIII

Б о р к и н. Николай Алексеевич, можно? (*Увидев Сашу.*) Виноват, я и не вижу... (*Входит.*) Бонжур! (*Раскланивается.*)

С а ш а (*смущенно*). Здравствуйте...

Б о р к и н. Вы пополнели, похорошели.

С а ш а (*Иванову*). Так я ухожу, Николай Алексеевич. Я ухожу. (*Уходит.*)

Б о р к и н. Чудное видение! Шел за прозой, а наткнулся на поэзию... (*Поет.*) «Явилась ты, как пташка к свету...»

Иванов взволнованно ходит по сцене.

(*Садится.*) А в ней, Nicolas, есть что-то такое, этакое, чего нет в других. Не правда ли? Что-то особенное... фантазмагорическое... (*Вздыхает.*) В сущности, самая богатая невеста во всем уезде, но маменька такая редька, что никто не захочет связываться. После ее

смерти все останется Шурочке, а до смерти даст тысячу десятых, плойку и утюг, да еще велит в ножки поклониться. (*Роется в карманах.*) Покурить де-лос-махорос. Не хотите ли? (*Протягивает портсигар.*) Хорошие... Курить можно.

И в а н о в (*подходит к Боркину, задыхаясь от гнева*). Сию же минуту чтоб ноги вашей не было у меня в доме! Сию же минуту!

Боркин приподнимается и роняет сигару.

Вон сию же минуту!

Б о р к и н. Nicolas, что это значит? За что вы сердитесь?

И в а н о в. За что? А откуда у вас эти сигары? И вы думаете, что я не знаю, куда и зачем вы каждый день возите старика?

Б о р к и н (*пожимает плечами*). Да вам-то что за надобность?

И в а н о в. Негодяй вы этакий! Ваши подлые проекты, которыми вы сыплете по всему уезду, сделали меня в глазах людей бесчестным человеком! У нас нет ничего общего, и я прошу вас сию же минуту оставить мой дом! (*Быстро ходит.*)

Б о р к и н. Я знаю, все это вы говорите в раздражении, а потому не сержусь на вас. Оскорбляйте сколько хотите... (*Поднимает сигару.*) А меланхолию пора бросить. Вы не гимназист...

И в а н о в. Я вам что сказал? (*Дрожа.*) Вы играете мною?

Входит Анна Петровна.

IX

Б о р к и н. Ну вот, Анна Петровна пришла... Я уйду. (*Уходит.*)

Иванов останавливается возле стола и стоит, поникнув головой.

А н н а П е т р о в н а (*после паузы*). Зачем она сейчас сюда приезжала?

Пауза.

Я тебя спрашиваю: зачем она сюда приезжала?

И в а н о в. Не спрашивай, Анюта...

Пауза.

Я глубоко виноват. Придумывай какое хочешь наказание, я все снесу, но... не спрашивай... Говорить я не в силах.

А н н а П е т р о в н а (*сердито*). Зачем она здесь была?

Пауза.

А, так вот ты какой! Теперь я тебя понимаю. Наконец-то я вижу, что ты за человек. Бесчестный, низкий... Помнишь, ты пришел и солгал мне, что ты меня любишь... Я поверила и оставила отца, мать, веру и пошла за тобой... Ты лгал мне о правде, о добре, о своих честных планах, я верила каждому слову...

И в а н о в. Анюта, я никогда не лгал тебе.

А н н а П е т р о в н а. Жила я с тобою пять лет, томилась и болела, но любила тебя и не оставляла ни на одну минуту... Ты был моим кумиром... И что же? Все это время ты обманывал меня самым наглым образом...

И в а н о в. Анюта, не говори неправды. Я ошибался, да, но не солгал ни разу в жизни... В этом ты не смеешь попрекнуть меня...

А н н а П е т р о в н а. Теперь все понятно... Женился ты на мне и думал, что отец и мать простят меня, дадут мне денег... Ты это думал...

И в а н о в. О боже мой! Анюта, испытывать так терпение... (*Плачет.*)

А н н а П е т р о в н а. Молчи! Когда увидел, что денег нет, повел новую игру... Теперь я все помню и понимаю. (*Плачет.*) Ты никогда не любил меня и не был мне верен... Никогда!..

И в а н о в. Сарра, это ложь!.. Говори что хочешь, но не оскорбляй меня ложью...

А н н а П е т р о в н а. Бесчестный, низкий человек... Ты должен Лебедеву и теперь, чтобы увильнуть от долга, хочешь вскружить голову его дочери, обмануть ее так же, как меня. Разве не правда?

И в а н о в (*задыхаясь*). Замолчи, ради бога! Я за себя не ругаюсь... Меня душит гнев, и я... я могу оскорбить тебя...

А н н а П е т р о в н а. Всегда ты нагло обманывал, и не меня одну... Все бесчестные поступки сваливал ты на Боркина, но теперь я знаю — чьи они...

И в а н о в. Сарра, замолчи, уйди, а то у меня с языка сорвется слово! Меня так и подмывает сказать тебе что-нибудь ужасное, оскорбительное... *(Кричит.)* Замолчи, жидовка!..

А н н а П е т р о в н а. Не замолчу... Слишком долго ты обманывал меня, чтобы я могла молчать...

И в а н о в. Так ты не замолчишь? *(Борется с собою.)* Ради бога...

А н н а П е т р о в н а. Теперь иди и обманывай Лебедеву...

И в а н о в. Так знай же, что ты... скоро умрешь... Мне доктор сказал, что ты скоро умрешь...

А н н а П е т р о в н а *(садится, упавшим голосом)*. Когда он сказал?

Пауза.

И в а н о в *(хватая себя за голову)*. Как я виноват! Боже, как я виноват! *(Рыдает.)*

З а н а в е с

Между третьим и четвертым действиями проходит около года.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Одна из гостиных в доме Лебедева. Впереди арка, отделяющая гостиную от зала, направо и налево — двери. Старинная бронза, фамильные портреты. Праздничное убранство. Пианино, на нем скрипка, возле стоит виолончель. В продолжение всего действия по залу ходят гости, одетые по-бальному.

I

Л ь в о в *(входит, смотрит на часы)*. Пятый час. Должно быть, сейчас начнется благословение... Благословят и повезут венчать. Вот оно, торжество добродетели и правды! Сарру не удалось ограбить, замучил

ее и в гроб уложил, теперь нашел другую. Будет и перед этою лицемерить, пока не ограбит ее и, ограбивши, не уложит туда же, где лежит бедная Сарра. Старая, кулачская история...

Пауза.

На седьмом небе от счастья, прекрасно проживет до глубокой старости, а умрет со спокойною совестью. Нет, я выведу тебя на чистую воду! Когда я сорву с тебя проклятую маску и когда все узнают, что ты за птица, ты полетишь у меня с седьмого неба вниз головой в такую яму, из которой не вытащит тебя сама нечистая сила! Я честный человек, мое дело вступить и открыть глаза слепым. Исполню свой долг и завтра же вон из этого проклятого уезда! (*Задумывается.*) Но что сделать? Объясниться с Лебедевыми — напрасный труд. Вызвать на дуэль? Затеять скандал? Боже мой, я волнуюсь, как мальчишка, и совсем потерял способность соображать. Что делать? Дуэль?

II

К о с ы х (*входит, радостно Львову*). Вчера объявил маленький шлем на трефах, а взял большой. Только опять этот Барабанов мне всю музыку испортил! Играем. Я говорю: без козырей. Он пас. Два трефы. Он пас. Я два бубны... три трефы... и, представьте, можете себе представить: я объявляю шлем, а он не показывает туза. Покажи он, мерзавец, туза, я объявил бы большой шлем на бескозырях...

Л ь в о в. Простите, я в карты не играю и потому не сумею разделить вашего восторга. Скоро благословение?

К о с ы х. Должно, скоро. Зююшку в чувство приведут. Белугой ревет, приданого жалко.

Л ь в о в. А не дочери?

К о с ы х. Приданого. Да и обидно. Женится, значит, долга не заплатит. Зятевы векселя не протестуешь.

Ш

Бабакина (разодетая, важно проходит через сцену мимо Львова и Косых; последний прыскает в кулак; она оглядывается). Глупо!

Косых касается пальцем ее талии и хохочет.

Мужик! (Уходит.)

Косых (хохочет). Совсем спятила баба! Пока в сиятельство не лезла — была баба как баба, а теперь приступу нет. (Дразнит.) Мужик!

Львов (волнуясь). Слушайте, скажите мне искренно: какого вы мнения об Иванове?

Косых. Ничего не стоит. Играет как сапожник. В прошлом году, в посту, был такой случай. Садимся мы играть: я, граф, Боркин и он. Я сдаю...

Львов (перебивая). Хороший он человек?

Косых. Он-то? Жох-мужчина! Пройда, сквозь огонь и воду прошел. Он и граф — пятак пара. Нюхом чувят, где что плохо лежит. На жидовке нарвался, съел гриб, а теперь к Зюзюшкиным сундукам подбирается. Об заклад бьюсь, будь я трижды анафема, если через год он Зюзюшку по миру не пустит. Он — Зюзюшку, а граф — Бабакину. Заберут денежки и будут жить-поживать да добра наживать. Доктор, что это вы сегодня такой бледный? На вас лица нет.

Львов. Ничего, это так. Вчера лишнее выпил.

IV

Лебедев (входя с Сашей). Здесь поговорим. (Львову и Косых.) Ступайте, зулусы, в залу к барышням. Нам по секрету поговорить нужно.

Косых (проходя мимо Саши, восторженно целкает пальцами). Картина! Козырная дама!

Лебедев. Проходи, пещерный человек, проходи!

Львов и Косых уходят.

Садись, Шурочка, вот так... (Садится и оглядывается.)
Слушай внимательно и с должным благоговением. Дело

вот в чем: твоя мать приказала мне передать тебе следующее... Понимаешь? Я не от себя буду говорить, а мать приказала.

С а ш а. Папа, покороче!

Л е б е д е в. Тебе в приданое назначается пятнадцать тысяч рублей серебром... Вот... Смотри, чтоб потом разговоров не было! Постой, молчи! Это только цветки, а будут еще ягодки. Приданого тебе назначено пятнадцать тысяч, но, принимая во внимание, что Николай Алексеевич должен твоей матери девять тысяч, из твоего приданого делается вычитание... Ну-с, а потом, кроме того...

С а ш а. Для чего ты мне это говоришь?

Л е б е д е в. Мать приказала!

С а ш а. Оставьте меня в покое! Если бы ты хотя немного уважал меня и себя, то не позволял бы себе говорить со мною таким образом. Не нужно мне вашего приданого! Я не просила и не прошу!

Л е б е д е в. За что же ты на меня набросилась? У Гоголя две крысы сначала понюхали, а потом уж ушли, а ты, эмансипе, не понюхавши, набросилась.

С а ш а. Оставьте вы меня в покое, не оскорбляйте моего слуха вашими грошовыми расчетами.

Л е б е д е в (*вспылив*). Тьфу! Все вы то сделаете, что я себя ножом пырну или человека зарежу! Та деньденской ревмя ревет, зудит, пилит, копейки считает, а эта, умная, гуманная, черт подери, эмансипированная, не может понять родного отца! Я оскорбляю слух! Да ведь прежде, чем прийти сюда оскорблять твой слух, меня там (*указывает на дверь*) на куски резали, четверговали. Не может она понять! Голову вскружили и с толку сбили... ну вас! (*Идет к двери и останавливается.*) Не нравится мне, все мне в вас не нравится!

С а ш а. Что тебе не нравится?

Л е б е д е в. Все мне не нравится! Все!

С а ш а. Что все?

Л е б е д е в. Так вот я рассядусь перед тобою и стану рассказывать. Ничего мне не нравится, а на свадьбу твою я и смотреть не хочу! (*Подходит к Саше и ласково.*) Ты меня извини, Шуручка, может быть, твоя свадьба умная, честная, возвышенная, с принци-

пами, но что-то в ней не то, не то! Не походит она на другие свадьбы. Ты — молодая, свежая, чистая, как стеклышко, красивая, а он — вдовец, истрепался, обносился. И не понимаю я его, бог с ним. (*Целует дочь.*) Шурочка, прости, но что-то не совсем чисто. Уж очень много люди говорят. Как-то так у него эта Сарра умерла, потом как-то вдруг почему-то на тебе жениться захотел... (*Живо.*) Впрочем, я баба, баба. Обабился, как старый криолин. Не слушай меня. Никого, себя только слушай.

С а ш а. Папа, я и сама чувствую, что не то... Не то, не то, не то. Если бы ты знал, как мне тяжело! Невыносимо! Мне неловко и страшно сознаваться в этом. Папа, голубчик, ты меня подбодри, ради бога... научи, что делать.

Л е б е д е в. Что такое? Что?

С а ш а. Так страшно, как никогда не было! (*Оглядывается.*) Мне кажется, что я его не понимаю и никогда не пойму. За все время, пока я его невеста, он ни разу не улыбнулся, ни разу не взглянул мне прямо в глаза. Вечно жалобы, раскаяние в чем-то, намеки на какую-то вину, дрожь... Я утомилась. Бывают даже минуты, когда мне кажется, что я.. я его люблю не так сильно, как нужно. А когда он приезжает к нам или говорит со мною, мне становится скучно. Что это все значит, папочка? Страшно!

Л е б е д е в. Голубушка моя, дитя мое единственное, послушай старого отца. Откажи ему!

С а ш а (*испуганно*). Что ты, что ты!

Л е б е д е в. Право, Шурочка. Скандал будет, весь уезд языками затрезвонит, но ведь лучше пережить скандал, чем губить себя на всю жизнь.

С а ш а. Не говори, не говори, папа! И слушать не хочу. Надо бороться с мрачными мыслями. Он хороший, несчастный, непонятый человек, я буду его любить, пойму, поставлю его на ноги. Я исполню свою задачу. Решено!

Л е б е д е в. Не задача это, а психопатия.

С а ш а. Довольно. Я покаялась тебе, в чем не хотела сознаться даже самой себе. Никому не говори. Забудем.

Лебедев. Ничего я не понимаю. Или я отупел от старости, или все вы очень уж умны стали, а только я, хоть зарежьте, ничего не понимаю.

У

Шабельский (входя). Черт бы побрал всех и меня в том числе! Возмутительно!

Лебедев. Тебе что?

Шабельский. Нет, серьезно, нужно во что бы то ни стало устроить себе какую-нибудь гнусность, подлость, чтоб не только мне, но и всем противно стало. И я устрою. Честное слово! Я уж сказал Боркину, чтобы он объявил меня сегодня женихом. (Смеется.) Все подлы, и я буду подл.

Лебедев. Надоел ты мне! Слушай, Матвей, договоришься ты до того, что тебя, извини за выражение, в желтый дом свезут.

Шабельский. А чем желтый дом хуже любого белого или красного дома? Сделай милость, хоть сейчас меня туда вези. Сделай милость. Все подленькие, маленькие, ничтожные, бездарные, сам я гадок себе, не верю ни одному своему слову...

Лебедев. Знаешь что, брат? Возьми в рот паклю, зажги и дыши на людей. Или еще лучше: возьми свою шапку и поезжай домой. Тут свадьба, все веселятся, а ты кра-кра, как ворона. Да, право...

Шабельский склоняется к пианино и рыдает.

Матюшка!.. Матвей!.. граф!.. Что с тобою? Матюша, родной мой... ангел мой... Я обидел тебя. Ну, прости меня, старую собаку... Прости пьяницу... Воды выпей...

Шабельский. Не нужно. (Поднимает голову.)

Лебедев. Чего ты плачешь?

Шабельский. Ничего, так...

Лебедев. Нет, Матюша, не лги... отчего? Что за причина?

Шабельский. Взглянул я сейчас на эту виолончель и... и жидовочку вспомнил...

Лебедев. Эва, когда нашел вспомнить! Царство ей небесное, вечный покой, а вспоминать не время...

Шабельский. Мы с нею дуэты играли... Чудная, превосходная женщина!

Саша рыдает.

Лебедев. Ты еще что? Будет тебе! Господи, ревут оба, а я... я... Хоть уйдите отсюда, гости увидят!

Шабельский. Паша, когда солнце светит, то и на кладбище весело. Когда есть надежда, то и в старости хорошо. А у меня ни одной надежды, ни одной!

Лебедев. Да, действительно тебе плоховато... Ни детей у тебя, ни денег, ни занятий... Ну, да что делать! (Саше.) А ты-то чего?

Шабельский. Паша, дай мне денег. На том свете мы поквитаемся. Я съезжу в Париж, погляжу на могилу жены. В своей жизни я много давал, роздал половину своего состояния, а потому имею право просить. К тому же прошу я у друга...

Лебедев (растерянно). Голубчик, у меня ни копейки! Впрочем, хорошо, хорошо! То есть я не обещаю, а понимаешь ли... отлично, отлично! (В сторону.) Замутили!

VI

Бабаккина (входит). Где же мой кавалер? Граф, как вы смеете оставлять меня одну? У, противный! (Бьет графа веером по руке.)

Шабельский (брезгливо). Оставьте меня в покое! Я вас ненавижу!

Бабаккина (оторопело). Что?.. А?..

Шабельский. Отойдите прочь!

Бабаккина (падает в кресло). Ах! (Плачет.)

Зинаида Савишна (входит плача). Там кто-то приехал... Кажется, женихов шафер. Благословлять время... (Рыдает.)

Саша (умоляюще). Мама!

Лебедев. Ну, все заревели! Квартет! Да будет вам сырость разводить! Матвей!.. Марфа Егоровна!.. Ведь так и я... я заплачу... (Плачет.) Господи!

Зинаида Савишна. Если тебе мать не нужна. если без послушания... то сделаю тебе такое удовольствие, благословлю...

Входит Иванов; он во фраке и перчатках.

VI

Лебедев. Этого еще не доставало! Что такое?

Саша. Зачем ты?

Иванов. Виноват, господа, позвольте мне поговорить с Сашей наедине.

Лебедев. Это не порядок, чтоб до венца к невесте приезжать! Тебе пора ехать в церковь!

Иванов. Паша, я прошу...

Лебедев пожимает плечами; он, Зинаида Савишна, граф и Бабакина уходят.

VII

Саша (*сурово*). Что тебе нужно?

Иванов. Меня душит злоба, но я могу говорить хладнокровно. Слушай. Сейчас я одевался к венцу, взглянул на себя в зеркало, а у меня на висках... седины. Шура, не надо! Пока еще не поздно, нужно прекратить эту бессмысленную комедию... Ты молода, чиста, у тебя впереди жизнь, а я...

Саша. Все это не ново, слышала я уже тысячу раз, и мне надоело! Поезжай в церковь, не задерживай людей.

Иванов. Я сейчас уеду домой, а ты объяви своим, что свадьбы не будет. Объясни им как-нибудь. Пора взяться за ум. Поиграл я Гамлета, а ты возвышенную девицу — и будет с нас.

Саша (*вспыхнув*). Это что за тон? Я не слушаю.

Иванов. А я говорю и буду говорить.

Саша. Ты зачем приехал? Твое нытье переходит в издевательство.

Иванов. Нет, уж я не ною! Издевательство? Да, я издеваюсь. И если бы можно было издеваться над самим собою в тысячу раз сильнее и заставить хохотать весь свет, то я бы это сделал! Взглянул я на себя

в зеркало — и в моей совести точно ядро лопнуло! Я надсмехался над собою и от стыда едва не сошел с ума. (Смеется.) Меланхолия! Благородная тоска! Безотчетная скорбь! Недостает еще, чтобы я стихи писал. Ныть, петь Лазаря, нагонять тоску на людей, сознавать, что энергия жизни утрачена навсегда, что я заржавел, отжил свое, что я поддался слабодушию и по уши увяз в этой гнусной меланхолии,— сознавать это, когда солнце ярко светит, когда даже муравей тащит свою ношу и доволен собою,— нет, слуга покорный! Видеть, как одни считают тебя за шарлатана, другие сожалеют, третьи протягивают руку помощи, четвертые,— что всего хуже,— с благоговением прислушиваются к твоим вздохам, глядят на тебя, как на второго Магомета, и ждут, что вот-вот ты объявишь им новую религию... Нет, слава богу, у меня еще есть гордость и совесть! Ехал я сюда, смеялся над собою, и мне казалось, что надо мною смеются птицы, смеются деревья...

С а ш а. Это не злость, а сумасшествие!

И в а н о в. Ты думаешь? Нет, я не сумасшедший. Теперь я вижу вещи в настоящем свете, и моя мысль так же чиста, как твоя совесть. Мы любим друг друга, но свадьбе нашей не быть! Я сам могу беситься и киснуть сколько мне угодно, но я не имею права губить других! Своим нытьем я отравил жене последний год ее жизни. Пока ты моя невеста, ты разучилась смеяться и постарела на пять лет. Твой отец, для которого было все ясно в жизни, по моей милости перестал понимать людей. Еду ли я на съезд, в гости, на охоту, куда ни пойду, всюду вношу с собою скуку, уныние, недовольство. Постой, не перебивай! Я резок, свиреп, но, прости, злоба душит меня, и иначе говорить я не могу. Никогда я не лгал, не клеветал на жизнь, но, ставши брюзгой, я, против воли, сам того не замечая, клевету на нее, ропщу на судьбу, жалуюсь, и всякий, слушая меня, заражается отвращением к жизни и тоже начинает клеветать. А какой тон! Точно я делаю одолжение природе, что живу. Да черт меня возьми!

С а ш а. Постой... Из того, что ты сейчас сказал, следует, что ныть тебе надоело и что пора начать новую жизнь!.. И отлично!..

И в а н о в. Ничего я отличного не вижу. И какая там новая жизнь? Я погиб безвозвратно! Пора нам обоим понять это. Новая жизнь!

С а ш а. Николай, опомнись! Откуда видно, что ты погиб? Что за цинизм такой? Нет, не хочу ни говорить, ни слушать... Поезжай в церковь!

И в а н о в. Погиб!

С а ш а. Не кричи так, гости услышат!

И в а н о в. Если неглупый, образованный и здоровый человек без всякой видимой причины стал петь Лазаря и покатил вниз по наклонной плоскости, то он катит уже без удержа, и нет ему спасения! Ну, где мое спасение? В чем? Пить я не могу — голова болит от вина; плохих стихов писать — не умею; молиться на свою душевную лень и видеть в ней нечто превысшренное — не могу. Лень и есть лень, слабость есть слабость, — других названий у меня нет. Погиб, погиб — и разговоров быть не может! *(Оглядывается.)* Нам могут помешать. Слушай. Если ты меня любишь, то помоги мне. Сию же минуту, немедленно откажись от меня! Скорее...

С а ш а. Ах, Николай, если бы ты знал, как ты меня утомил! Как измучил ты мою душу! Добрый, умный человек, посуди: ну, можно ли задавать такие задачи? Что ни день, то задача, одна труднее другой... Хотела я деятельной любви, но ведь это мученическая любовь!

И в а н о в. А когда ты станешь моею женой, задачи будут еще сложнее. Откажись же! Пойми: в тебе говорит не любовь, а упрямство честной природы! Ты задалась целью во что бы то ни стало воскресить во мне человека, спасти, тебе льстило, что ты совершаешь подвиг... Теперь ты готова отступить назад, но тебе мешает ложное чувство. Пойми!

С а ш а. Какая у тебя странная, дикая логика! Ну, могу ли я от тебя отказаться? Как я откажусь? У тебя ни матери, ни сестры, ни друзей... Ты разорен, имяние твое растащили, на тебя кругом клеветают...

И в а н о в. Глупо я сделал, что сюда приехал. Мне нужно было бы поступить так, как я хотел...

Входит Лебедев.

С а ш а (*бежит навстречу отцу*). Папа, ради бога, прибежал он сюда как бешеный и мучает меня! Требуется, чтобы я отказалась от него, не хочет губить меня. Скажи ему, что я не хочу его великодушия! Я знаю, что делаю.

Л е б е д е в. Ничего не понимаю... Какое великодушие?

И в а н о в. Свадьбы не будет!

С а ш а. Будет! Папа, скажи ему, что свадьба будет!

Л е б е д е в. Постой, постой!.. Почему же ты не хочешь, чтобы была свадьба?

И в а н о в. Я объяснил ей почему, но она не хочет понимать.

Л е б е д е в. Нет, ты не ей, а мне объясни, да так объясни, чтобы я понял! Ах! Николай Алексеевич! Бог тебе судья! Столько ты напустил туману в нашу жизнь, что я точно в кунсткамере живу; гляжу и ничего не понимаю... Просто наказание... Ну, что мне прикажешь, старику, с тобою делать? На дуэль тебя вызвать, что ли?

И в а н о в. Никакой дуэли не нужно. Нужно иметь только голову на плечах и понимать русский язык.

С а ш а (*ходит в волнении по сцене*). Это ужасно, ужасно! Просто как ребенок!

Л е б е д е в. Остается только руками развести, и больше ничего. Послушай, Николай! По-твоему, все это у тебя умно, тонко, по всем правилам психологии, а по-моему, это скандал и несчастье. Выслушай меня, старика, в последний раз! Вот что я тебе скажу: успокой свой ум! Гляди на вещи просто, как все глядят! На этом свете все просто. Потолок белый, сапоги черные, сахар сладкий. Ты Сашу любишь, она тебя любит. Коли любишь — оставайся, не любишь — уходи, в претензии не будем. Ведь это так просто! Оба вы здоровые, умные, нравственные, и сыты, слава богу, и одеты... Что ж тебе еще нужно? Денег нет? Велика важность! Не в деньгах счастье... Конечно, я понимаю... имение у тебя заложено, процентов нечем платить, но я — отец, я понимаю... Мать как хочет, бог с ней; не дает денег — не нужно. Шурка говорит, что не нуждается в прида-

ном. Принципы, Шопенгауэр... Все это чепуха... Есть у меня в банке заветные десять тысяч. *(Оглядывается.)* Про них в доме ни одна собака не знает... Бабушкины... Это вам обоим... Берите, только уговор лучше денег: Матвею дайте тысячи две...

В зале собираются гости.

И в а н о в. Паша, разговоры ни к чему. Я поступаю так, как велит мне моя совесть.

С а ш а. И я поступаю так, как велит мне моя совесть. Можешь говорить что угодно, я тебя не отпущу. Пойду позову маму. *(Уходит.)*

Х

Л е б е д е в. Ничего не понимаю...

И в а н о в. Слушай, бедняга... Объяснять тебе, кто я — честен или подл, здоров или психопат, я не стану. Тебе не втолкуешь. Был я молодым, горячим, искренним, неглупым; любил, ненавидел и верил не так, как все, работал и надеялся за десятерых, сражался с мельницами, бился лбом об стены; не соразмерив своих сил, не рассуждая, не зная жизни, я взвалил на себя ношу, от которой сразу захрустела спина и потянулись жилы; я спешил расходовать себя на одну только молодость, пьянел, возбуждался, работал; не знал меры. И скажи: можно ли было иначе? Ведь нас мало, а работы много, много! Боже, как много! И вот как жестоко мстит мне жизнь, с которой я боролся! Надорвался я! В тридцать лет уже похмелье, я стар, я уже надел халат. С тяжелой головой, с ленивою душой, утомленный, надорванный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачем живу, чего хочу? И мне уже кажется, что любовь — вздор, ласки приторны, что в труде нет смысла, что песня и горячие речи пошлы и стары. И всюду я вношу с собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращение к жизни... Погиб безвозвратно! Перед тобою стоит человек, в тридцать пять лет уже утомленный, разочарованный, раздавленный своими ничтожными подви-

гами; он сгорает со стыда, издевается над своею слабостью... О, как возмущается во мне гордость, какое душит меня бешенство! (*Пошатываясь.*) Эка, как я уходил себя! Даже шатаюсь... Ослабел я. Где Матвей? Пусть он свезет меня домой.

Голоса в зале: «Женихов шафер приехал!»

ХІ

Шабельский (*входя*). В чужом, поношенном фраке... без перчаток... и сколько за это насмешливых взглядов, глупых острот, пошлых улыбок... Отвратительные людишки!

Боркин (*быстро входит с букетом; он во фраке, с шаферским цветком*). Уф! Где же он? (*Иванову.*) Вас в церкви давно ждут, а вы тут философию разводите. Вот комик! Ей-богу, комик! Ведь вам надо не с невестой ехать, а отдельно со мною, за невестой же я приеду из церкви. Неужели вы даже этого не понимаете? Положительно комик!

Львов (*входит, Иванову*). А, вы здесь? (*Громко.*) Николай Алексеевич Иванов, объявляю во всеуслышание, что вы подлец!

Иванов (*холодно*). Покорнейше благодарю.

Общее замешательство.

Боркин (*Львову*). Милостивый государь, это низко! Я вызываю вас на дуэль!

Львов. Господин Боркин, я считаю для себя униженным не только драться, но даже говорить с вами! А господин Иванов может получить удовлетворение, когда ему угодно.

Шабельский. Милостивый государь, я дерусь с вами!..

Саша (*Львову*). За что? За что вы его оскорбили? Господа, позвольте, пусть он мне скажет: за что?

Львов. Александра Павловна, я оскорблял не голословно. Я пришел сюда как честный человек, чтобы раскрыть вам глаза, и прошу вас выслушать меня.

С а ш а. Что вы можете сказать? Что вы честный человек? Это весь свет знает! Вы лучше скажите мне по чистой совести: понимаете вы себя или нет? Вошли вы сейчас сюда как честный человек и нанесли ему страшное оскорбление, которое едва не убило меня; раньше, когда вы преследовали его, как тень, и мешали ему жить, вы были уверены, что исполняете свой долг, что вы честный человек. Вы вмешивались в его частную жизнь, злословили и судили его; где только можно было, забрасывали меня и всех знакомых анонимными письмами,— и все время вы думали, что вы честный человек. Думая, что это честно, вы, доктор, не щадили даже его больной жены и не давали ей покоя своими подозрениями. И какое бы насилие, какую жестокую подлость вы ни сделали, вам все бы казалось, что вы необыкновенно честный и передовой человек!

И в а н о в (*смеясь*). Не свадьба, а парламент! Браво, браво!..

С а ш а (*Львову*). Вот теперь и подумайте: понимаете вы себя или нет? Тупые, бессердечные люди! (*Берет Иванова за руку.*) Пойдем отсюда, Николай! Отец, пойдем!

И в а н о в. Куда там пойдем? Пстой, я сейчас все это кончу! Проснулась во мне молодость, заговорил прежний Иванов! (*Вынимает револьвер.*)

С а ш а (*вскрикивает*). Я знаю, что он хочет сделать! Николай, бога ради!

И в а н о в. Долго катил вниз по наклону, теперь стой! Пора и честь знать! Отойдите! Спасибо, Саша!

С а ш а (*кричит*). Николай, бога ради! Удержите!

И в а н о в. Оставьте меня! (*Отбегает в сторону и застреливается.*)

З а н а в е с

МЕДВЕДЬ

Шутка в одном действии

Посвящена Н. Н. Соловцову

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Елена Ивановна Попова, вдовушка с ямочками на щеках, помещица.

Григорий Степанович Смирнов, нестарый помещик.

Лука, лакей Поповой, старик.

Гостиная в усадьбе Поповой.

I

Попова (в глубоком трауре; не отрывает глаз от фотографической карточки) и Лука.

Лука. Нехорошо, барыня... Губите вы себя только... Горничная и кухарка пошли по ягоды, всякое дыхание радуется, даже кошка и та свое удовольствие понимает и по двору гуляет, пташек ловит, а вы целый день сидите в комнате, словно в монастыре, и никакого удовольствия. Да, право! Почитай, уж год прошел, как вы из дому не выходите!..

Попова. И не выйду никогда... Зачем? Жизнь моя уже кончена. Он лежит в могиле, я погребла себя в четырех стенах... Мы оба умерли.

Лука. Ну, вот! И не слушал бы, право. Николай Михайлович померли, так тому и быть, божья воля, царство им небесное... Погоревали — и будет, надо и честь знать. Не весь же век плакать и траур носить. У меня тоже в свое время старуха померла... Что ж? Погоревал, поплакал с месяц, и будет с нее, а ежели цельный век Лазаря петь, то и старуха того не стоит. *(Вздыхает.)* Соседей всех забыли... И сами не ездите, и принимать не велите. Живем, извините, как пауки, — света белого не видим. Ливрею мыши съели... Добро бы хороших людей не было, а то ведь полон уезд господ... В Рыбловле полк стоит, так офицеры — чистые конфеты, не нагладишься! А в лагерях что ни пятница, то бал, и, почитай, каждый день военная оркестра музыку играет... Эх, барыня-матушка! Молодая, красивая, кровь с молоком, — только бы и жить в свое удовольствие... Красота-то ведь не навеки дадена! Пройдет годов десять, сами захотите павой пройти да господам офицерам в глаза пыль пустить, ан поздно будет.

Попова *(решительно)*. Я прошу тебя никогда не говорить мне об этом! Ты знаешь, с тех пор как умер Николай Михайлович, жизнь потеряла для меня всякую цену. Тебе кажется, что я жива, но это только кажется! Я дала себе клятву до самой могилы не снимать этого траура и не видеть света... Слышишь? Пусть тень его видит, как я люблю его... Да, я знаю, для тебя не тайна, он часто бывал несправедлив ко мне, жесток и... и даже неверен, но я буду верна до могилы и докажу ему, как я умею любить. Там, по ту сторону гроба, он увидит меня такую же, какою я была до его смерти...

Лука. Чем эти самые слова, пошли бы лучше по саду погуляли, а то велели бы запряхь Тоби или Великана и к соседям в гости...

Попова. Ах!.. *(Плачет.)*

Лука. Барыня!.. Матушка!.. Что вы? Христос с вами!

Попова. Он так любил Тоби! Он всегда ездил на нем к Корчагиным и Власовым. Как он чудно правил! Сколько грации было в его фигуре, когда он изо всей силы натягивал вожжи! Помнишь? Тоби, Тоби! Прикажи ему дать сегодня лишнюю осьмушку овса.

Лука. Слушаю!

Резкий звонок.

Попова (*вздрагивает*). Кто это? Скажи, что я никого не принимаю!

Лука. Слушаю-с! (*Уходит.*)

II

Попова (одна).

Попова (*глядя на фотографию*). Ты увидишь, Nicolas, как я умею любить и прощать... Любовь моя угаснет вместе со мною, когда перестанет биться мое бедное сердце. (*Смеется, сквозь слезы.*) И тебе не совестно? Я, паинька, верная женка, заперла себя на замок и буду верна тебе до могилы, а ты... и тебе не совестно, бутуз? Изменял мне, делал сцены, по целым неделям оставлял меня одну...

III

Попова и Лука.

Лука (*входит, встревоженно*). Сударыня, там кто-то спрашивает вас. Хочет видеть...

Попова. Но ведь ты сказал, что я со дня смерти мужа никого не принимаю?

Лука. Сказал, но он и слушать не хочет, говорит, что очень нужное дело.

Попова. Я не при-ни-ма-ю!

Лука. Я ему говорил, но... леший какой-то... ругается и прямо в комнату прет... уж в столовой стоит...

Попова (*раздраженно*). Хорошо, проси... Какие невежи!

Лука уходит.

Как тяжелы эти люди! Что им нужно от меня? К чему им нарушать мой покой? (*Вздыхает.*) Нет, видно, уж и вправду придется уйти в монастырь... (*Задумывается.*) Да, в монастырь...

Попова, Лука, Смирнов.

Смирнов (*входя, Луке*). Болван, любишь много разговаривать... Осел! (*Увидев Попову, с достоинством.*) Сударыня, честь имею представиться: отставной поручик артиллерии, землевладелец Григорий Степанович Смирнов! Вынужден беспокоить вас по весьма важному делу...

Попова (*не подавая руки*). Что вам угодно?

Смирнов. Ваш покойный супруг, с которым я имел честь быть знаком, остался мне должен по двум векселям тысячу двести рублей. Так как завтра мне предстоит платеж процентов в земельный банк, то я просил бы вас, сударыня, уплатить мне деньги сегодня же.

Попова. Тысяча двести... А за что мой муж остался вам должен?

Смирнов. Он покупал у меня овес.

Попова (*вздыхая, Луке*). Так ты же, Лука, не забудь приказать, чтобы дали Тоби лишнюю осьмушку овса. (*Лука уходит. Смирнову.*) Если Николай Михайлович остался вам должен, то, само собою разумеется, я заплачу; но извините, пожалуйста, у меня сегодня нет свободных денег. Послезавтра вернется из города мой приказчик, и я прикажу ему уплатить вам что следует, а пока я не могу исполнить вашего желания... К тому же сегодня исполнилось ровно семь месяцев как умер мой муж, и у меня теперь такое настроение, что я совершенно не расположена заниматься денежными делами.

Смирнов. А у меня теперь такое настроение, что если я завтра не заплачу процентов, то должен буду вылететь в трубу вверх ногами. У меня опишут имение!

Попова. Послезавтра вы получите ваши деньги.

Смирнов. Мне нужны деньги не послезавтра, а сегодня.

Попова. Простите, сегодня я не могу заплатить вам.

Смирнов. А я не могу ждать до послезавтра.

Попова. Что же делать, если у меня сейчас нет!

Смирнов. Стало быть, не можете заплатить?

П о п о в а. Не могу...

С м и р н о в. Гм!.. Это ваше последнее слово?

П о п о в а. Да, последнее.

С м и р н о в. Последнее? Положительно?

П о п о в а. Положительно.

С м и р н о в. Покорнейше благодарю. Так и запишем. (*Пожимает плечами.*) А еще хотят, чтобы я был хладнокровен! Встречается мне сейчас по дороге акцизный и спрашивает: «Отчего вы все сердитесь, Григорий Степанович?» Да помилуйте, как же мне не сердиться? Нужны мне до зарезу деньги... Выехал я еще вчера утром чуть свет, объездил всех своих должников, и хоть бы один из них заплатил свой долг! Измучился как собака, ночевал черт знает где,— в жидовской корчме около водочного бочонка... Наконец приезжаю сюда, за семьдесят верст от дому, надеюсь получить, а меня угощают «настроением»! Как же мне не сердиться?

П о п о в а. Я, кажется, ясно сказала: приказчик вернется из города, тогда и получите.

С м и р н о в. Я приехал не к приказчику, а к вам! На кой леший, извините за выражение, сдался мне ваш приказчик!

П о п о в а. Простите, милостивый государь, я не привыкла к этим странным выражениям, к такому тону. Я вас больше не слушаю. (*Быстро уходит.*)

У

С м и р н о в (один).

С м и р н о в. Скажите пожалуйста! Настроение... Семь месяцев тому назад муж умер! Да мне-то нужно платить проценты или нет? Я вас спрашиваю: нужно платить проценты или нет? Ну, у вас муж умер, настроение там и всякие фокусы... приказчик куда-то уехал, черт его возьми, а мне что прикажете делать? Улететь от своих кредиторов на воздушном шаре, что ли? Или разбежаться и трахнуть башкой о стену? Приезжаю к Груздеву — дома нет, Ярошевич спрятался, с Курицыным поругался насмерть и чуть было его в окно не

вышвырнул, у Мазутова — холерина, у этой — настроение. Ни одна каналья не платит! А все оттого, что я слишком их избаловал, что я нюня, тряпка, баба! Слишком я с ними деликатен! Ну, погодите же! Узнаете вы меня! Я не позволю шутить с собою, черт возьми! Останусь и буду торчать здесь, пока она не заплатит! Брр!.. Как я зол сегодня, как я зол! От злости все поджилки трясутся и дух захватило... Фу!й, боже мой, даже дурно делается! *(Кричит.)* Человек!

VI

Смирнов и Лука.

Лука *(входит)*. Чего вам?

Смирнов. Дай мне квасу или воды!

Лука уходит.

Нет, какова логика! Человеку нужны до зарезу деньги, в пору вешаться, а она не платит, потому что, видите ли, не расположена заниматься денежными делами!.. Настоящая женская, турнюрная логика! Потому-то вот я никогда не любил и не люблю говорить с женщинами. Для меня легче сидеть на бочке с порохом, чем говорить с женщиной. Брр!.. Даже мороз по коже дерет — до такой степени разозлил меня этот шлейф! Стоит мне хотя бы издали увидеть поэтическое создание, как у меня от злости в икрах начинаются судороги. Просто хоть караул кричи.

VII

Смирнов и Лука.

Лука *(входит и подает воду)*. Барыня больны и не принимают.

Смирнов. Пошел!

Лука уходит.

Больны и не принимают! Не нужно, не принимай... Я останусь и буду сидеть здесь, пока не отдашь денег. Неделю будешь больна, и я неделю просижу здесь... Год будешь больна — и я год... Я свое возьму, матушка! Меня не тронешь трауром да ямочками на щеках... Знаем мы эти ямочки! *(Кричит в окно.)* Семен, распрягай! Мы не скоро уедем! Я здесь остаюсь! Скажешь там, на конюшне, чтобы овса дали лошадям! Опять у тебя, скотина, левая пристяжная запуталась в вожжу! *(Дразнит.)* Ничаво... Я тебе задам — ничаво! *(Отходит от окна.)* Скверно... жара невыносимая, денег никто не платит, плохо ночь спал, а тут еще этот траурный шлейф с настроением... Голова болит... Водки выпить, что ли? Пожалуй, выпью. *(Кричит.)* Человек!

Лука *(входит)*. Что вам?

Смирнов. Дай рюмку водки!

Лука уходит.

Уф! *(Садится и оглядывает себя.)* Нечего сказать, хороша фигура! Весь в пыли, сапоги грязные, неумыт, нечесан, на жилетке солома... Барынька, чего доброго, меня за разбойника приняла. *(Зевает.)* Немножко невежливо являться в гостиную в таком виде, ну, да ничего... я тут не гость, а кредитор, для кредиторов же костюм не писан...

Лука *(входит и подает водку)*. Много вы позволяете себе, сударь...

Смирнов *(сердито)*. Что?

Лука. Я... я ничего... я, собственно...

Смирнов. С кем ты разговариваешь?! Молчать!

Лука *(в сторону)*. Навязался, леший, на нашу голову... Принесла нелегкая...

Лука уходит.

Смирнов. Ах, как я зол! Так зол, что, кажется, весь свет стер бы в порошок... Даже дурно делается... *(Кричит.)* Человек!

П о п о в а и С м и р н о в.

П о п о в а (*входит, опустив глаза*). Милостивый государь, в своем уединении я давно уже отвыкла от человеческого голоса и не выношу крика. Прошу вас убедительно, не нарушайте моего покоя!

С м и р н о в. Заплатите мне деньги, и я уеду.

П о п о в а. Я сказала вам русским языком: денег у меня свободных теперь нет, погодите до послезавтра.

С м и р н о в. Я тоже имел честь сказать вам русским языком: деньги нужны мне не послезавтра, а сегодня. Если сегодня вы мне не заплатите, то завтра я должен буду повеситься.

П о п о в а. Но что же мне делать, если у меня нет денег? Как странно!

С м и р н о в. Так вы сейчас не заплатите? Нет?

П о п о в а. Не могу...

С м и р н о в. В таком случае я остаюсь здесь и буду сидеть, пока не получу... (*Садится.*) Послезавтра заплатите? Отлично! Я до послезавтра просижу таким образом. Вот так и буду сидеть... (*Вскакивает.*) Я вас спрашиваю: мне нужно заплатить завтра проценты или нет?.. Или вы думаете, что я шучу?

П о п о в а. Милостивый государь, прошу вас не кричать! Здесь не конюшня!

С м и р н о в. Я вас не о конюшне спрашиваю, а о том,— нужно мне платить завтра проценты или нет?

П о п о в а. Вы не умеете держать себя в женском обществе!

С м и р н о в. Нет-с, я умею держать себя в женском обществе!

П о п о в а. Нет, не умеете! Вы невоспитанный, грубый человек! Порядочные люди не говорят так с женщинами!

С м и р н о в. Ах, удивительное дело! Как же прикажете говорить с вами? По-французски, что ли? (*Злится и сюсюкает.*) Мадам, же ву при... ¹ как я счастлив, что

¹ прошу вас (от франц. je vous pris).

вы не платите мне денег... Ах, пардон, что беспокоил вас! Такая сегодня прелестная погода! И этот траур так к лицу вам! (*Расшиаркивается.*)

П о п о в а. Неумно и грубо.

С м и р н о в (*дразнит*). Неумно и грубо! Я не умею держать себя в женском обществе! Сударыня, на своем веку я видел женщин гораздо больше, чем вы воробьев! Три раза я стрелялся на дуэли из-за женщин, двенадцать женщин я бросил, девять бросили меня! Да-с! Было время, когда я ломал дурака, миндальничал, медоточил, рассыпался бисером, шаркал ногами... Любил, страдал, вздыхал на луну, раскисал, таял, холодел... Любил страстно, бешено, на всякие манеры, черт меня возьми, трещал, как сорока, об эмансипации, прожил на нежном чувстве половину состояния, но теперь — слуга покорный! Теперь меня не проведете! Довольно! Очи черные, очи страстные, алые губки, ямочки на щеках, луна, шепот, робкое дыханье — за все это, сударыня, я теперь и медного гроша не дам! Я не говорю о присутствующих, но все женщины, от мала до велика, ломачи, кривляки, сплетницы, ненавистницы, лгунишки до мозга костей, суетливы, мелочны, безжалостны, логика возмутительная, а что касается вот этой штуки (*хлопает себя по лбу*), то, извините за откровенность, воробей любому философу в юбке может дать десять очков вперед! Посмотришь на иное поэтическое создание: кисея, эфир, полубогиня, миллион восторгов, а заглянешь в душу — обыкновеннейший крокодил! (*Хватается за спинку стула, стул трещит и ломается.*) Но возмутительнее всего, что этот крокодил почему-то воображает, что его шедевр, его привилегия и монополия — нежное чувство! Да черт побери совсем, повесьте меня вот на этом гвозде вверх ногами, — разве женщина умеет любить кого-нибудь, кроме болонок?.. В любви она умеет только хныкать и распускать нюни! Где мужчина страдает и жертвует, там вся ее любовь выражается только в том, что она вертит шлейфом и старается покрепче схватить за нос. Вы имеете несчастье быть женщиной, стало быть, по себе самой знаете женскую натуру. Скажите же мне по совести: видели ли вы на своем веку женщину, которая была бы искренна,

верна и постоянна? Не видели! Верны и постоянны одни только старухи да уроды! Скорее вы встретите рогатую кошку или белого вальдшнепа, чем постоянную женщину!

П о п о в а. Позвольте, так кто же, по-вашему, верен и постоянен в любви? Не мужчина ли?

С м и р н о в. Да-с, мужчина!

П о п о в а. Мужчина! (*Злой смех.*) Мужчина верен и постоянен в любви! Скажите, какая новость! (*Горько.*) Да какое вы имеете право говорить это? Мужчины верны и постоянны! Коли на то пошло, так я вам скажу, что из всех мужчин, каких только я знала и знаю, самым лучшим был мой покойный муж... Я любила его страстно, всем своим существом, как может любить только молодая, мыслящая женщина; я отдала ему свою молодость, счастье, жизнь, свое состояние, дышала им, молилась на него, как язычница, и... и — что же? Этот лучший из мужчин самым бессовестным образом обманывал меня на каждом шагу! После его смерти я нашла в его столе полный ящик любовных писем, а при жизни — ужасно вспомнить! — он оставлял меня одну по целым неделям, на моих глазах ухаживал за другими женщинами и изменял мне, сорил моими деньгами, шутил над моим чувством... И, несмотря на все это, я любила его и была ему верна... Мало того, он умер, а я все еще верна ему и постоянна. Я навеки погребла себя в четырех стенах и до самой могилы не сниму этого траура...

С м и р н о в (*презрительный смех*). Траур!.. Не понимаю, за кого вы меня принимаете? Точно я не знаю, для чего вы носите это черное домино и погребли себя в четырех стенах! Еще бы! Это так таинственно, поэтично! Проедет мимо усадьбы какой-нибудь юнкер или куцый поэт, взглянет на окна и подумает: «Здесь живет таинственная Тамара, которая из любви к мужу погребла себя в четырех стенах». Знаем мы эти фокусы!

П о п о в а (*вспыхнув*). Что? Как вы смеете говорить мне все это?

С м и р н о в. Вы погребли себя заживо, однако вот не позабыли напудриться!

П о п о в а. Как вы смеете говорить со мною таким образом?

С м и р н о в. Не кричите, пожалуйста, я вам не приказчик! Позвольте мне называть вещи настоящими их именами. Я не женщина и привык высказывать свое мнение прямо! Не извольте же кричать!

П о п о в а. Не я кричу, а вы кричите! Извольте оставить меня в покое!

С м и р н о в. Заплатите мне деньги, и я уеду.

П о п о в а. Не дам я вам денег!

С м и р н о в. Нет-с, дадите!

П о п о в а. Вот назло же вам ни копейки не получите! Можете оставить меня в покое!

С м и р н о в. Я не имею удовольствия быть ни вашим супругом, ни женихом, а потому, пожалуйста, не делайте мне сцен. *(Садится.)* Я этого не люблю.

П о п о в а *(задыхаясь от гнева)*. Вы сели?

С м и р н о в. Сел.

П о п о в а. Прошу вас уйти!

С м и р н о в. Отдайте деньги... *(В сторону.)* Ах, как я зол! Как я зол!

П о п о в а. Я не желаю разговаривать с нахалами! Извольте убраться вон!

Пауза.

Вы не уйдете? Нет?

С м и р н о в. Нет.

П о п о в а. Нет?

С м и р н о в. Нет!

П о п о в а. Хорошо же! *(Звонит.)*

IX

Т е ж е и Л у к а.

П о п о в а. Лука, выведи этого господина!

Л у к а *(подходит к Смирнову)*. Сударь, извольте уходить, когда велят! Нечего тут...

С м и р н о в *(вскакивая)*. Молчать! С кем ты разговариваешь? Я из тебя салат сделаю!

Лука (*хватается за сердце*). Батюшки!.. Угодники!..
(*Падает в кресло.*) Ох, дурно, дурно! Дух захватило!

Попова. Где же Даша? Даша! (*Кричит.*) Даша!
Пелагея! Даша! (*Звонит.*)

Лука. Ох! Все по ягоды ушли... Никого дома
нету... Дурно! Воды!

Попова. Извольте убираться вон!

Смирнов. Не угодно ли вам быть повежливее?

Попова (*сжимая кулаки и топая ногами*). Вы мужик!
Грубый медведь! Бурбон! Монстр!

Смирнов. Как? Что вы сказали?

Попова. Я сказала, что вы медведь, монстр!

Смирнов (*наступая*). Позвольте, какое же вы
имеете право оскорблять меня?

Попова. Да, оскорбляю... ну, так что же? Вы
думаете, я вас боюсь?

Смирнов. А вы думаете, что если вы поэтическое
создание, то имеете право оскорблять безнака-
занно? Да? К барьеру!

Лука. Батюшки!.. Угодники!.. Воды!

Смирнов. Стреляться!

Попова. Если у вас здоровые кулаки и бычье
горло, то, думаете, я боюсь вас? А? Бурбон вы этакий!

Смирнов. К барьеру! Я никому не позволю
оскорблять себя и не посмотрю на то, что вы женщина,
слабое создание!

Попова (*стараясь перекричать*). Медведь! Мед-
ведь! Медведь!

Смирнов. Пора наконец отрешиться от пред-
рассудка, что только одни мужчины обязаны платить
за оскорбления! Равноправность так равноправность,
черт возьми! К барьеру!

Попова. Стреляться хотите? Извольте!

Смирнов. Сю минуту!

Попова. Сю минуту! После мужа остались пи-
столеты... Я сейчас принесу их сюда... (*Торопливо идет
и возвращается.*) С каким наслаждением я влеплю пулю
в ваш медный лоб! Черт вас возьми! (*Уходит.*)

Смирнов. Я подстрелю ее, как цыпленка! Я не
мальчишка, не сентиментальный щенок, для меня не
существует слабых созданий!

Лука. Батюшка родимый!.. (Становится на колени.) Сделай такую милость, пожалей меня, старика, уйди ты отсюда! Напужал до смерти, да еще стреляться собираешься!

Смирнов (не слушая его). Стреляться, вот это и есть равноправность, эмансипация! Тут оба пола равны! Подстрелю ее из принципа! Но какова женщина? (Дразнит.) «Черт вас возьми... влеплю пулю в медный лоб...» Какова? Раскраснелась, глаза блестят... Вызов приняла! Честное слово, первый раз в жизни такую вижу.

Лука. Батюшка, уйди! Заставь вечно бога молить!

Смирнов. Это — женщина! Вот это я понимаю! Настоящая женщина! Не кислятина, не размазня, а огонь, порох, ракета! Даже убивать жалко!

Лука (плачет). Батюшка... родимый, уйди!

Смирнов. Она мне положительно нравится! Положительно! Хоть и ямочки на щеках, а нравится! Готов даже долг ей простить... и злость прошла... Удивительная женщина!

Х

Те же и Попова.

Попова (входит с пистолетами). Вот они, пистолеты... Но, прежде чем будем драться, вы извольте показать мне, как нужно стрелять... Я ни разу в жизни не держала в руках пистолета.

Лука. Спаси, господи, и помилуй... Пойду садовника и кучера поищу... Откуда эта напасть взялась на нашу голову... (Уходит.)

Смирнов (осматривая пистолеты). Видите ли, существует несколько сортов пистолетов... Есть специально дуэльные пистолеты Мортимера, капсюльные. А это у вас револьверы системы Смит и Вессон, тройного действия с экстрактором, центрального боя... Прекрасные пистолеты!.. Цена таким минимум девяносто рублей за пару... Держать револьвер нужно так... (В сторону.) Глаза, глаза! Зажигательная женщина!

П о п о в а. Так?

С м и р н о в. Да, так... Засим вы поднимаете курок... вот так прицеливаетесь... Голову немножко назад! Вытяните руку как следует... Вот так... Потом вот этим пальцем надавливаете эту штучку — и больше ничего... Только главное правило: не горячиться и прицеливаться не спеша... Стараться, чтоб не дрогнула рука.

П о п о в а. Хорошо... В комнатах стреляться неудобно, пойдемте в сад.

С м и р н о в. Пойдемте. Только предупреждаю, что я выстрелю в воздух.

П о п о в а. Этого еще недоставало! Почему?

С м и р н о в. Потому что... потому что... Это мое дело, почему!

П о п о в а. Вы струсил? Да? А-а-а-а! Нет, сударь, вы не виляйте! Извольте идти за мною! Я не успокоюсь, пока не пробью вашего лба... вот этого лба, который я так ненавижу! Струсил?

С м и р н о в. Да, струсил.

П о п о в а. Лжете! Почему вы не хотите драться?

С м и р н о в. Потому что... потому что вы... мне нравитесь.

П о п о в а (*злой смех*). Я ему нравлюсь! Он смеет говорить, что я ему нравлюсь! (*Указывает на дверь*.) Можете!

С м и р н о в (*молча кладет револьвер, берет фуражку и идет; около двери останавливается, полминуты оба молча глядят друг на друга; затем он говорит, нерешительно подходя к Поповой*). Послушайте... Вы все еще сердитесь?.. Я тоже чертовски взбешен, но, понимаете ли... как бы этак выразиться... Дело в том, что, видите ли, такого рода история, собственно говоря... (*Кричит*.) Ну, да разве я виноват, что вы мне нравитесь? (*Хватается за спинку стула, стул трещит и ломается*.) Черт знает какая у вас ломкая мебель! Вы мне нравитесь! Понимаете? Я... я почти влюблен!

П о п о в а. Отойдите от меня,— я вас ненавижу!

С м и р н о в. Боже, какая женщина! Никогда в жизни не видал ничего подобного! Пропал! Погиб! Попал в мышеловку, как мышь!

П о п о в а. Отойдите прочь, а то буду стрелять!

С м и р н о в. Стреляйте! Вы не можете понять, какое счастье умереть под взглядами этих чудных глаз, умереть от револьвера, который держит эта маленькая бархатная ручка... Я с ума сошел! Думайте и решайте сейчас, потому что если я выйду отсюда, то уж мы больше никогда не увидимся! Решайте... Я дворянин, порядочный человек, имею десять тысяч годового дохода... попадаю пульей в подброшенную копейку... имею отличных лошадей... Хотите быть моею женой?

П о п о в а (*возмущенная, потрясает револьвером*). Стреляться! К барьеру!

С м и р н о в. Сошел с ума... Ничего не понимаю... (*Кричит.*) Человек, воды!

П о п о в а (*кричит*). К барьеру!

С м и р н о в. Сошел с ума, влюбился, как мальчишка, как дурак! (*Хватает ее за руку, она вскрикивает от боли.*) Я люблю вас! (*Становится на колени.*) Люблю, как никогда не любил! Двенадцать женщин я бросил, девять бросили меня, но ни одну из них я не любил так, как вас... Разлимонился, рассиропился, раскис... стою на коленях, как дурак, и предлагаю руку... Стыд, срам! Пять лет не влюблялся, дал себе зарок, и вдруг втюрился, как оглобля в чужой кузов! Руку предлагаю. Да или нет? Не хотите? Не нужно! (*Встает и быстро идет к двери.*)

П о п о в а. Пойдите...

С м и р н о в (*останавливается*). Ну?

П о п о в а. Ничего, уходите... Впрочем, пойдите... Нет, уходите, уходите! Я вас ненавижу! Или нет... Не уходите! Ах, если бы вы знали, как я зла, как я зла! (*Бросает на стол револьвер.*) Отекли пальцы от этой мерзости... (*Рвет от злости платок.*) Что же вы стоите? Убирайтесь!

С м и р н о в. Прощайте.

П о п о в а. Да, да, уходите!.. (*Кричит.*) Куда же вы? Пойдите... Ступайте, впрочем. Ах, как я зла! Не подходите, не подходите!

С м и р н о в (*подходя к ней*). Как я на себя зол! Влюбился, как гимназист, стоял на коленях... Даже мороз по коже дерет... (*Грубо.*) Я люблю вас! Очень мне

нужно было влюбляться в вас! Завтра проценты платить, сенокос начался, а тут вы... (*Берет ее за талию.*)
Никогда этого не прощу себе...

П о п о в а. Отойдите прочь! Прочь руки! Я вас... ненавижу! К ба-барьеру!

Продолжительный поцелуй.

Х I

Т е ж е, Л у к а с топором, садовник с граблями, кучер с вилами и рабочие с дрекольем.

Л у к а (*увидев целующуюся парочку*). Батюшки!

Пауза.

П о п о в а (*опустив глаза*). Лука, скажешь там, на конюшне, чтобы сегодня Тоби вовсе не давали овса.

З а н а в е с

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Шутка в однож действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Степан Степанович Чубуков, помещик.

Наталья Степановна, его дочь, 25 лет.

Иван Васильевич Ломов, сосед Чубукова, здоровый, упитанный, но очень мнительный помещик.

Действие происходит в усадьбе Чубукова.

Гостиная в доме Чубукова.

I

Чубуков и Ломов (входит во фраке и белых перчатках).

Чубуков (*идя к нему навстречу*). Голубушка, кого вижу! Иван Васильевич! Весьма рад! (*Пожимает руку.*) Вот именно сюрприз, мамочка... Как поживаете?

Ломов. Благодарю вас. А вы как изволите поживать?

Чубуков. Живем помаленьку, ангел мой, вашими молитвами и прочее. Садитесь, покорнейше прошу... Вот именно, нехорошо соседей забывать, мамочка моя. Голубушка, но что же вы это так официально? Во фраке, в перчатках и прочее. Разве куда едете, драгоценный мой?

Л о м о в. Нет, я только к вам, уважаемый Степан Степаныч.

Ч у б у к о в. Так зачем же во фраке, прелесть? Точно на Новый год с визитом!

Л о м о в. Видите ли, в чем дело. *(Берет его под руку.)* Я приехал к вам, уважаемый Степан Степаныч, чтобы обеспокоить вас одною просьбою. Неоднократно я уже имел честь обращаться к вам за помощью, и всегда вы, так сказать... но я, простите, волнуюсь. Я выпью воды, уважаемый Степан Степаныч. *(Пьет воду.)*

Ч у б у к о в *(в сторону)*. Денег приехал просить! Не дам! *(Ему.)* В чем дело, красавец?

Л о м о в. Видите ли, Уважай Степаныч... виноват, Степан Уважаемыч... то есть я ужасно волнуюсь, как изволите видеть... Одним словом, вы один только можете помочь мне, хотя, конечно, я ничем не заслужил и... и не имею права рассчитывать на вашу помощь...

Ч у б у к о в. Ах, да не размазывайте, мамочка! Говорите сразу! Ну?

Л о м о в. Сейчас... Сию минуту. Дело в том, что я приехал просить руки у вашей дочери Натальи Степановны.

Ч у б у к о в *(радостно)*. Мамуся! Иван Васильевич! Повторите еще раз, — я не расслышал!

Л о м о в. Я имею честь просить...

Ч у б у к о в *(перебивая)*. Голубушка моя... Я так рад и прочее... Вот именно и тому подобное. *(Обнимает и целует.)* Давно желал. Это было моим всегдашним желанием. *(Пускает слезу.)* И всегда я любил вас, ангел мой, как родного сына. Дай бог вам обоим совет и любовь и прочее, а я весьма желал... Что же я стою, как болван? Опешил от радости, совсем опешил! Ох, я от души... Пойду позову Наташу и тому подобное.

Л о м о в *(растроганный)*. Уважаемый Степан Степаныч, как вы полагаете, могу я рассчитывать на ее согласие?

Ч у б у к о в. Такой вот именно красавец — и... и вдруг она не согласится! Влюблена небось, как кошка, и прочее... Сейчас! *(Уходит.)*

II

Л о м о в (один).

Л о м о в. Холодно... Я весь дрожу, как перед экзаменом. Главное — нужно решиться. Если же долго думать, колебаться, много разговаривать да ждать идеала или настоящей любви, то этак никогда не женишься... Брр!.. Холодно! Наталья Степановна отличная хозяйка, недурна, образованна... чего ж мне еще нужно? Однако у меня уж начинается от волнения шум в ушах. (*Пьет воду.*) А не жениться мне нельзя... Во-первых, мне уже тридцать пять лет — возраст, так сказать, критический. Во-вторых, мне нужна правильная, регулярная жизнь... У меня порок сердца, постоянные сердцебиения, я вспыльчив и всегда ужасно волнуюсь... Сейчас вот у меня губы дрожат и на правом веке живчик прыгает... Но самое ужасное у меня — это сон. Едва только лягу в постель и только что начну засыпать, как вдруг в левом боку что-то — дерг! и бьет прямо в плечо и в голову... Вскakiваю, как сумасшедший, похожу немного и опять ложусь, но только что начну засыпать, как у меня в боку опять — дерг! И этак раз двадцать...

III

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а   и   Л о м о в.

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а (*входит*). Ну, вот! Это вы, а папа говорит: поди, там купец за товаром пришел. Здравствуйте, Иван Васильевич!

Л о м о в. Здравствуйте, уважаемая Наталья Степановна!

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а. Извините, я в фартуке и неглиже... Мы горошек чистим для сушки. Отчего вы у нас так долго не были? Садитесь...

Садятся.

Хотите завтракать?

Л о м о в. Нет, благодарю вас, я уже кушал.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Курите... Вот спички... Погода великолепная, а вчера такой дождь был, что рабочие весь день ничего не делали. Вы сколько копен накосили? Я, представьте, сжадничала и скосила весь луг, а теперь сама не рада, боюсь, как бы мое сено не сгнило. Лучше было бы подождать. Но что это? Вы, кажется, во фраке! Вот новость! На бал едете, что ли? Между прочим, вы похорошели... Вправду, зачем вы таким франтом?

Л о м о в (*волнуясь*). Видите ли, уважаемая Наталья Степановна... Дело в том, что я решился просить вас выслушать меня... Конечно, вы удивитесь и даже рассердитесь, но я... (*В сторону.*) Ужасно холодно!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. В чем дело?

Пауза.

Ну?

Л о м о в. Я постараюсь быть краток. Вам, уважаемая Наталья Степановна, известно, что я давно уже, с самого детства, имею честь знать ваше семейство. Моя покойная тетушка и ее супруг, от которых я, как вы изволите знать, получил в наследство землю, всегда относились с глубоким уважением к вашему батюшке и к покойной матушке. Род Ломовых и род Чубуковых всегда находились в самых дружественных и, можно даже сказать, родственных отношениях. К тому же, как вы изволите знать, моя земля тесно соприкасается с вашей. Если вы изволите припомнить, мои Воловьи Лужки граничат с вашим березняком.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Виновата, я вас перебыю. Вы говорите «мои Воловьи Лужки»... Да разве они ваши?

Л о м о в. Мой-с...

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Ну, вот еще! Воловьи Лужки наши, а не ваши!

Л о м о в. Нет-с, мой, уважаемая Наталья Степановна.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Это для меня новость. Откуда же они ваши?

Л о м о в. Как откуда? Я говорю про те Воловьи Лужки, что входят клином между вашим березняком и Горелым болотом.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Ну да, да... Они наши...

Л о м о в. Нет, вы ошибаетесь, уважаемая Наталья Степановна,— они мои.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Опомнитесь, Иван Васильевич! Давно ли они стали вашими?

Л о м о в. Как давно? Насколько я себя помню, они всегда были нашими.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Ну, это, положим, извините!

Л о м о в. Из бумаг это видно, уважаемая Наталья Степановна. Воловьѣ Лужки были когда-то спорными, это — правда; но теперь всем известно, что они мои. И спорить тут нечего. Извольте ли видеть, бабушка моей тетушки отдала эти Лужки в бессрочное и в безвозмездное пользование крестьянам дедушки вашего батюшки за то, что они жгли для нее кирпич. Крестьяне дедушки вашего батюшки пользовались безвозмездно Лужками лет сорок и привыкли считать их как бы своими, потом же, когда вышло положение...

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. И совсем не так, как вы рассказываете! И мой дедушка и прадедушка считали, что ихняя земля доходила до Горелого болота,— значит, Воловьѣ Лужки были наши. Что ж тут спорить? — не понимаю. Даже досадно!

Л о м о в. Я вам бумаги покажу, Наталья Степановна!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Нет, вы просто шутите или дразните меня... Сюрприз какой! Владеем землей чуть ли не триста лет, и вдруг нам заявляют, что земля не наша! Иван Васильевич, простите, но я даже ушам своим не верю... Мне не дороги эти Лужки. Там всего пять десятин, и стоят они каких-нибудь триста рублей, но меня возмущает несправедливость. Говорите что угодно, но несправедливости я терпеть не могу.

Л о м о в. Выслушайте меня, умоляю вас! Крестьяне дедушки вашего батюшки, как я уже имел честь сказать вам, жгли для бабушки моей тетушки кирпич. Тетушкина бабушка, желая сделать им приятное...

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Дедушка, бабушка, тетушка... ничего я тут не понимаю! Лужки наши, вот и все.

Л о м о в. Мои-с!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Наши! Хоть вы два дня доказывайте, хоть наденьте пятнадцать фраков, а они наши, наши, наши!.. Вашего я не хочу и своего терять не желаю... Как вам угодно!

Л о м о в. Мне, Наталья Степановна, Лужков не надо, но я из принципа. Если угодно, то, извольте, я вам подарю их.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Я сама могу подарить вам их, они мои!.. Все это по меньшей мере странно, Иван Васильевич! До сих пор мы вас считали хорошим соседом, другом, в прошлом году давали вам свою молотилку, и через это самим нам пришлось домолачивать свой хлеб в ноябре, а вы поступаете с нами, как с цыганами. Дарите мне мою же землю. Извините, это не по-соседски! По-моему, это даже дерзость, если хотите...

Л о м о в. По-вашему, выходит, значит, что я узурпатор? Сударыня, никогда я чужих земель не захватывал, и обвинять меня в этом никому не позволю... *(Быстро идет к графину и пьет воду.)* Волосьи Лужки мои!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Неправда, наши!

Л о м о в. Мои!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Неправда! Я вам докажу! Сегодня же пошлю своих косарей на эти Лужки!

Л о м о в. Что-с?

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Сегодня же там будут мои косари!

Л о м о в. А я их в шею!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Не смеете!

Л о м о в *(хватается за сердце)*. Волосьи Лужки мои! Понимаете? Мои!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Не кричите, пожалуйста! Можете кричать и хрипеть от злости у себя дома, а тут прошу держать себя в границах!

Л о м о в. Если бы, сударыня, не это страшное, мучительное сердцебиение, если бы жилы не стучали в висках, то я поговорил бы с вами иначе! *(Кричит.)* Волосьи Лужки мои!

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а .   Н а ш и !
Л о м о в .   М о и !
Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а .   Н а ш и !
Л о м о в .   М о и !

IV

Т е ж е и   Ч у б у к о в .

Ч у б у к о в (входя). Что такое? О чем кричите?

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а . Папа, объясни, пожалуйста, этому господину, кому принадлежат Волынь Лужки: нам или ему?

Ч у б у к о в (ему). Цыпочка, Лужки наши!

Л о м о в . Да помилуйте, Степан Степаныч, откуда они ваши? Будьте хоть вы рассудительным человеком! Бабушка моей тетушки отдала Лужки во временное, безвозмездное пользование крестьянам вашего дедушки. Крестьяне пользовались землей сорок лет и привыкли к ней, как бы к своей, когда же вышло положение...

Ч у б у к о в . Позвольте, драгоценный... Вы забываете, что именно крестьяне не платили вашей бабушке и тому подобное, потому что Лужки тогда были спорными и прочее... А теперь всякая собака знает, вот именно, что они наши. Вы, значит, плана не видели!

Л о м о в . А я вам докажу, что они мои!

Ч у б у к о в . Не докажете, любимец мой.

Л о м о в . Нет, докажу!

Ч у б у к о в . Мамочка, зачем же кричать так? Криком, вот именно, ничего не докажете. Я вашего не желаю и своего упускать не намерен. С какой стати? Уж коли на то пошло, милаша моя, ежели вы намерены оспаривать Лужки и прочее, то я скорее подарю их мужикам, чем вам. Так-то!

Л о м о в . Не понимаю! Какое же вы имеете право дарить чужую собственность?

Ч у б у к о в . Позвольте уж мне знать, имею я право или нет. Вот именно, молодой человек, я не привык, чтобы со мною разговаривали таким тоном и прочее. Я, молодой человек, старше вас вдвое и прошу вас говорить со мною без ажитации и тому подобное.

Л о м о в. Нет, вы просто меня за дурака считаете и смеетесь надо мною! Мою землю называете своею, да еще хотите, чтобы я был хладнокровен и говорил с вами по-человечески! Так хорошие соседи не поступают, Степан Степаныч! Вы не сосед, а узурпатор!

Ч у б у к о в. Что-с? Что вы сказали?

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а. Папа, сейчас же пошли на Лужки косарей!

Ч у б у к о в (Ломову). Что вы сказали, милостивый государь?

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а. Волосья Лужки наши, и я не уступлю, не уступлю, не уступлю!

Л о м о в. Это мы увидим! Я вам судом докажу, что они мои.

Ч у б у к о в. Судом? Можете подавать в суд, милостивый государь, и тому подобное! Можете! Я вас знаю, вы только, вот именно, и ждете случая, чтобы судиться и прочее... Кляузная натура! Весь ваш род был сутяжный! Весь!

Л о м о в. Прошу не оскорблять моего рода! В роду Ломовых все были честные и не было ни одного, который находился бы под судом за растрату, как ваш дядюшка!

Ч у б у к о в. А в вашем ломовском роду все были сумасшедшие!

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а. Все, все, все!

Ч у б у к о в. Дед ваш пил запоем, а младшая те-тушка, вот именно, Настасья Михайловна, бежала с архитектором и прочее...

Л о м о в. А ваша мать была кривобокая. (Хватается за сердце.) В боку дернуло... В голову ударило... Батюшки!.. Воды!

Ч у б у к о в. А ваш отец был картежник и обжора.

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а. А тетка — сплетница, каких мало!

Л о м о в. Левая нога отнялась... А вы интриган... Ох, сердце!.. И ни для кого не тайна, что вы перед выборами под... В глазах искры... Где моя шляпа?

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а. Низко! Нечестно! Гадко!

Чубуков. А сами вы, вот именно, ехидный, двуличный и каверзный человек! Да-с!

Ломов. Вот она, шляпа... Сердце... Куда идти? Где дверь? Ох!.. Умираю, кажется... Нога волочится... *(Идет к двери.)*

Чубуков *(ему вслед)*. И чтоб ноги вашей больше не было у меня в доме!

Наталья Степановна. Подавайте в суд! Мы увидим!

Ломов уходит, пошатываясь.

У

Чубуков и Наталья Степановна.

Чубуков. К черту! *(Ходит в волнении.)*

Наталья Степановна. Каков негодяй? Вот и верь после этого добрым соседям!

Чубуков. Мерзавец! Чучело гороховое!

Наталья Степановна. Урод этакий! Пристроил себе чужую землю, да еще смеет браниться.

Чубуков. И эта кикимора, эта, вот именно, куриная слепота осмеливается еще делать предложение и прочее! А? Предложение!

Наталья Степановна. Какое предложение?

Чубуков. Как же! Приезжал затем, чтоб тебе предложение сделать.

Наталья Степановна. Предложение? Мне? Отчего же ты раньше мне этого не сказал?

Чубуков. И во фрак потому нарядился! Сосиска такая! Сморок!

Наталья Степановна. Мне? Предложение? Ах! *(Падает в кресло и стонет.)* Вернуть его! Вернуть! Ах! Вернуть!

Чубуков. Кого вернуть?

Наталья Степановна. Скорей, скорей! Дурно! Вернуть! *(Истерика.)*

Чубуков. Что такое? Что тебе? *(Хватает себя за голову.)* Несчастный я человек! Застрелюсь! Повешусь! Замучили!

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а . Умираю! Вернуть!

Ч у б у к о в . Тьфу! Сейчас. Не реви! *(Убегает.)*

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а *(одна, стонет)*. Что мы наделали! Вернуть! Вернуть!

Ч у б у к о в *(вбегает)*. Сейчас придет и прочее, черт его возьми! Уф! Говори сама с ним, а я, вот именно, не желаю...

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а *(стонет)*. Вернуть!

Ч у б у к о в *(кричит)*. Идет он, тебе говорят. О, что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом! Зарежусь! Обязательно зарежусь! Выругали человека, осрамили, выгнали, а все это ты... ты!

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а . Нет, ты!

Ч у б у к о в . Я же виноват, вот именно!

В дверях показывается Л о м о в .

Ну, разговаривай сама с ним! *(Уходит.)*

VI

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а   и   Л о м о в .

Л о м о в *(входит, изнеможенный)*. Страшное сердцебиение... Нога онемела... в боку дергает...

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а . Простите, мы погорячились, Иван Васильевич... Я теперь припоминаю: Воловьи Лужки в самом деле ваши.

Л о м о в . Страшно сердце бьется... Мои Лужки... На обоих глазах живчики прыгают...

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а . Ваши, ваши Лужки... Садитесь...

Садятся.

Мы были неправы.

Л о м о в . Я из принципа... Мне не дорога земля, но дорог принцип...

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а . Именно принцип... Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Л о м о в . Тем более что у меня есть доказательства. Бабушка моей тетушки отдала крестьянам дедушки вашего батюшки...

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а . Будет, будет об этом... *(В сторону.)* Не знаю, с чего начать... *(Ему.)* Скоро собираетесь на охоту?

Л о м о в . По тетеревам, уважаемая Наталья Степановна, думаю после жнитва начать. Ах, вы слышали? Представьте, какое у меня несчастье! Мой Угадай, которого вы изволите знать, захромал.

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а . Какая жалость! Отчего же?

Л о м о в . Не знаю... Должно быть, вывихнул или другие собаки покусали... *(Вздыхает.)* Самая лучшая собака, не говоря уж о деньгах! Ведь я за него Миرونу сто двадцать пять рублей заплатил.

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а . Переплатили, Иван Васильевич!

Л о м о в . А по-моему, это очень дешево. Собака чудесная.

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а . Папа дал за своего Откатая восемьдесят пять рублей, а ведь Откатай куда лучше вашего Угадай!

Л о м о в . Откатай лучше Угадай? Что вы! *(Смеется.)* Откатай лучше Угадай!

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а . Конечно, лучше! Откатай, правда, молод, еще не опсовел, но по ладам и по розвязи лучше его нет даже у Волчанецкого.

Л о м о в . Позвольте, Наталья Степановна, но ведь вы забываете, что он подуздоват, а подуздоватая собака всегда непоимиста!

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а . Подуздоват? В первый раз слышу!

Л о м о в . Уверяю вас, нижняя челюсть короче верхней.

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а . А вы мерили?

Л о м о в . Мерил. До угонки он годится, конечно, но если на-завладай, то едва ли...

Н а т а л ь я   С т е п а н о в н а . Во-первых, наш Откатай породистый, густопсовый, он сын Запрягая и Стамезки, а у вашего муруго-пегого не доберешься до породы... Потом стар и уродлив, как кляча...

Л о м о в . Стар, да я за него пяти ваших Откатаев не возьму... Разве можно? Угадай — собака, а Отка-

тай... даже и спорить смешно... Таких, как ваш Откатай, у всякого выжлятника — хоть пруд пруди. Четвертая — красная цена.

Наталья Степановна. В вас, Иван Васильевич, сидит сегодня какой-то бес противоречия. То выдумали, что Лужки ваши, то Угадай лучше Откатая. Не люблю я, когда человек говорит не то, что думает. Ведь вы отлично знаете, что Откатай во сто раз лучше вашего... этого глупого Угадая. Зачем же говорить напротив?

Ломов. Я вижу, Наталья Степановна, вы считаете меня за слепого или за дурака. Да поймите, что ваш Откатай подузоват!

Наталья Степановна. Неправда.

Ломов. Подузоват!

Наталья Степановна (*кричит*). Неправда!

Ломов. Что же вы кричите, сударыня?

Наталья Степановна. Зачем же вы говорите чушь? Ведь это возмутительно! Вашего Угадая подстрелить пора, а вы сравниваете его с Откатаем!

Ломов. Извините, я не могу продолжать этого спора. У меня сердцебиение.

Наталья Степановна. Я заметила: те охотники больше всех спорят, которые меньше всех понимают.

Ломов. Сударыня, прошу вас, замолчите... У меня лопается сердце... (*Кричит.*) Замолчите!

Наталья Степановна. Не замолчу, пока вы не сознаетесь, что Откатай во сто раз лучше вашего Угадая!

Ломов. Во сто раз хуже! Чтоб он издох, ваш Откатай! Виски... глаз... плечо...

Наталья Степановна. А вашему дурацкому Угадаю нет надобности издыхать, потому что он и без того уже дохлый!

Ломов (*плачет*). Замолчите! У меня разрыв сердца!!

Наталья Степановна. Не замолчу!

Т е ж е и Ч у б у к о в .

Ч у б у к о в (*входит*). Что еще?

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а . Папа, скажи искренно, по чистой совести: какая собака лучше — наш Откатай или его Угадай?

Л о м о в . Степан Степанович, умоляю вас, скажите вы только одно: подуздоват ваш Откатай или нет? Да или нет?

Ч у б у к о в . А хоть бы и так? Велика важность! Да зато во всем уезде лучше собаки нет и прочее.

Л о м о в . Но ведь мой Угадай лучше? По совести!

Ч у б у к о в . Вы не волнуйтесь, драгоценный... Позвольте... Ваш Угадай, вот именно, имеет свои хорошие качества... Он чистопсовый, на твердых ногах, крутобедрый и тому подобное. Но у этой собаки, если хотите знать, красавец мой, два существенных недостатка: стара и с коротким щипцом.

Л о м о в . Извините, у меня сердцебиение... Возьмем факты... Извольте припомнить, в Маруськиных зеленях мой Угадай шел с графским Размахаем ухо в ухо, а ваш Откатай отстал на целую версту.

Ч у б у к о в . Отстал, потому что графский доезжащий ударил его арапником.

Л о м о в . За дело. Все собаки за лисицей бегут, а Откатай барана трепать стал!

Ч у б у к о в . Неправда-с!.. Голубушка, я вспылчив и, вот именно, прошу вас, прекратим этот спор. Ударил потому, что всем завидно на чужую собаку глядеть... Да-с! Ненавистники все! И вы, сударь, не без греха! Чуть, вот именно, заметите, что чья собака лучше вашего Угадая, сейчас же начинаете того, этого... самого... и тому подобное... Ведь я все помню!

Л о м о в . И я помню!

Ч у б у к о в (*дразнит*). И я помню... А что вы помните?

Л о м о в . Сердцебиение... Нога отнялась... Не могу.

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а (*дразнит*). Сердцебиение... Какой вы охотник? Вам в кухне на печи ле-

жать да тараканов давить, а не лисиц травить! Сердцебиение...

Ч у б у к о в. Вправду, какой вы охотник? С вашими, вот именно, сердцебиениями дома сидеть, а не на седле болтаться. Добро бы охотились, а то ведь ездите только затем, чтобы спорить да чужим собакам мешать и прочее. Я вспылчив, оставим этот разговор. Вы вовсе, вот именно, не охотник!

Л о м о в. А вы разве охотник? Вы ездите только затем, чтобы к графу подмазываться да интриговать... Сердце!.. Вы интриган!

Ч у б у к о в. Что-с? Я интриган? *(Кричит.)* Замолчать!

Л о м о в. Интриган!

Ч у б у к о в. Мальчишка! Щенок!

Л о м о в. Старая крыса! Иезуит!

Ч у б у к о в. Замолчи, а то я подстрелю тебя из поганого ружья, как куропатку! Свистун!

Л о м о в. Всем известно, что — ох, сердце! — ваша покойная жена вас била... Нога... виски... искры... Падаю, падаю!..

Ч у б у к о в. А ты у своей ключницы под башмаком!

Л о м о в. Вот, вот, вот... лопнуло сердце! Плечо оторвалось... Где мое плечо?.. Умираю! *(Падает в кресло.)* Доктора! *(Обморок.)*

Ч у б у к о в. Мальчишка! Молокосос! Свистун! Мне дурно! *(Пьет воду.)* Дурно!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Какой вы охотник? Вы и на лошади сидеть не умеете! *(Отцу.)* Папа! Что с ним? Папа! Погляди, папа! *(Взвизгивает.)* Иван Васильевич! Он умер!

Ч у б у к о в. Мне дурно!.. Дыханье захватило!.. Воздуху!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Он умер! *(Треплет Ломова за рукав.)* Иван Васильич! Иван Васильич! Что мы наделали! Он умер! *(Падает в кресло.)* Доктора, доктора! *(Истерика.)*

Ч у б у к о в. Ох!.. Что такое? Что тебе?

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а *(стонет)*. Он умер!.. умер!

Ч у б у к о в. Кто умер? (*Поглядев на Ломова.*) В самом деле помер! Батюшки! Воды! Доктора! (*Подносит ко рту Ломова стакан.*) Выпейте!.. Нет, не пьет... Значит, умер и тому подобное... Несчастнейший я человек! Отчего я не пускаю себе пулю в лоб? Отчего я еще до сих пор не зарезался? Чего я жду? Дайте мне нож! Дайте мне пистолет!

Ломов шевелится.

Оживает, кажется... Выпейте воды!.. Вот так...

Л о м о в. Искры... туман.... Где я?

Ч у б у к о в. Женитесь вы поскорей и — ну вас к лешему! Она согласна! (*Соединяет руки Ломова и дочери.*) Она согласна и тому подобное. Благословляю вас и прочее. Только оставьте вы меня в покое!

Л о м о в. А? Что? (*Поднимаясь.*) Кого?

Ч у б у к о в. Она согласна! Ну? Поцелуйтесь и... и черт с вами!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а (*стонет*). Он жив... Да, да, я согласна...

Ч у б у к о в. Целуйтесь!

Л о м о в. А? Кого? (*Целуется с Натальей Степановной.*) Очень приятно... Позвольте, в чем дело? Ах да, понимаю... Сердце... искры... Я счастлив, Наталья Степановна... (*Целует руку.*) Нога отнялась...

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Я... я тоже счастлива...

Ч у б у к о в. Точно гора с плеч... Уф!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Но... все-таки согласитесь хоть теперь: Угадай хуже Откатая.

Л о м о в. Лучше!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Хуже!

Ч у б у к о в. Ну, начинается семейное счастье! Шампанского!

Л о м о в. Лучше!

Н а т а л ь я С т е п а н о в н а. Хуже! Хуже! Хуже!

Ч у б у к о в (*стараясь перекричать*). Шампанского! Шампанского!

З а н а в е с

ТРАГИК ПОНЕВОЛЕ

(Из дачной жизни)

Шутка в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Иван Иванович Толкачов, отец семейства.
Алексей Алексеевич Мурашкин, его друг.

Действие происходит в Петербурге, в квартире Мурашкина. Кабинет Мурашкина. Мягкая мебель.— Мурашкин сидит за письменным столом. Входит Толкачов, держа в руках стеклянный шар для лампы, игрушечный велосипед, три коробки со шляпками, большой узел с платьем, кулек с пивом и много маленьких узелков. Он бессмысленно поводит глазами и в изнеможении опускается на софу.

Мурашкин. Здравствуй, Иван Иванович! Как я рад. Откуда ты?

Толкачов (*тяжело дыша*). Голубчик, милый мой... У меня к тебе просьба... Умоляю, одолжи до завтрашнего дня револьвера. Будь другом!

Мурашкин. На что тебе револьвер?

Толкачов. Нужно... Ох, батюшки!.. Дай-ка воды... Скорей воды!.. Нужно... Ночью придется ехать темным лесом, так вот я... на всякий случай. Одолжи. сделай милость!

Мурашкин. Ой, врешь, Иван Иванович! Какой там у лешего темный лес? Вероятно, задумал что-нибудь? По лицу вижу, что задумал недоброе! Да что с тобою? Тебе дурно?

Толкачов. Постой, дай отдышаться... Ох, ма-тушки. Замучился, как собака. Во всем теле и в башке

такое ощущение, как будто из меня шашлык сделали. Не могу больше терпеть. Будь другом, ничего не спрашивай, не вдавайся в подробности... дай револьвер! Умоляю!

М у р а ш к и н. Ну, полно! Иван Иванович, что за малодушие? Отец семейства, статский советник! Стыдись.

Т о л к а ч о в. Какой я отец семейства? Я мученик! Я выючная скотина, негр, раб, подлец, который все еще чего-то ждет и не отправляет себя на тот свет! Я тряпка, болван, идиот! Зачем я живу? Для чего? *(Вскакивает.)* Ну, ты скажи мне, для чего я живу? К чему этот непрерывный ряд нравственных и физических страданий? Я понимаю, быть мучеником идеи, да! но быть мучеником черт знает чего, дамских юбок да ламповых шаров, нет! — слуга покорный! Нет, нет, нет! Довольно с меня! Довольно!

М у р а ш к и н. Ты не кричи, соседям слышно!

Т о л к а ч о в. Пусть и соседи слышат, для меня все равно! Не дашь ты револьвера, так другой даст, а уж мне не быть в живых! Решено!

М у р а ш к и н. Постой, ты мне пуговицу оторвал. Говори хладнокровно. Я все-таки не понимаю, чем же плоха твоя жизнь?

Т о л к а ч о в. Чем? Ты спрашиваешь: чем? Изволь, я расскажу тебе! Изволь! Выскажусь перед тобою, и, может быть, на душе у меня полегчает. Сядем. Ну, слушай... Ох, матушки, одышка!.. Возьмем, для примера, хоть сегодняшней день. Возьмем. Как ты знаешь, от десяти часов до четырех приходится трубить в канцелярии. Жарища, духота, мухи и несветимейший, братец ты мой, хаос. Секретарь отпуск взял, Храпов жениться поехал, канцелярская мелюзга помешалась на дачах, амурах да любительских спектаклях. Все заспанные, уморенные, испитые, так что не добьешься никакого толка... Должность секретаря исправляет субъект, глухой на левое ухо и влюбленный; просители обалделые, все куда-то спешат и торопятся, сердятся, грозят,— такой кавардак со стихиями, что хоть караул кричи. Путаница, и дым коромыслом. А работа аспидская: одно и то же, одно и то же, справка, отношение, справка, отношение,— однообразно, как зыбь морская.

Просто, понимаешь ли, глаза вон из-под лба лезут. Дай-ка воды... Выходишь из присутствия разбитый, измочаленный, тут бы обедать идти и спать завалиться, а нет! — помни, что ты дачник, то есть раб, дрянь, мочалка, сосулька, и изволь, как курицын сын, сейчас же бежать исполнять поручения. На наших дачах установился милый обычай: если дачник едет в город, то, не говоря уж о его супруге, всякая дачная мразь имеет власть и право навязать ему тьму поручений. Супруга требует, чтобы я заехал к модистке и выбрал ее за то, что лиф вышел широк, а в плечах узко; Сонечке нужно переменить башмаки, свояченице пунцового шелку по образчику на двадцать копеек и три аршина тесьмы... Да вот, постой, я тебе сейчас прочту. (*Вынимает из кармана записочку и читает.*) Шар для лампы; один фунт ветчинной колбасы; гвоздики и корицы на пять копеек; касторового масла для Миши; десять фунтов сахарного песку; взять из дому медный таз и ступку для сахара; карболовой кислоты, персидского порошку, пудры на десять копеек; двадцать бутылок пива; уксусной эссенции и корсет для m-lle Шансо номер восемьдесят два... уф! и взять дома Мишино осеннее пальто и калоши. Это приказ супруги и семейства. Теперь поручения милых знакомых и соседей, черт бы их взял. У Власиных завтра именинник Володя, ему нужно велосипед купить; подполковница Вихрина в интересном положении, и по этому случаю я обязан ежедневно заезжать к акушерке и приглашать ее приехать. И так далее и так далее. Пять записок у меня в кармане и весь платок в узелках. Этак, батенька, в промежутке между службой и поездом бегаешь по городу, как собака, высунув язык, — бегаешь, бегаешь и жизнь проклянешь. Из магазина в аптеку, из аптеки к модистке, от модистки в колбасную, а там опять в аптеку. Тут спотыкнешься, там деньги потеряешь, в третьем месте заплатить забудешь и за тобою гонятся со скандалом, в четвертом месте даме на шлейф наступишь... тьфу! От такого моциона осатанеешь и так тебя разломает, что потом всю ночь кости трещат и крокодилы снятся. Ну-с, поручения исполнены, все куплено, теперь как прикажешь упаковать всю эту музыку? Как ты, на-

пример, уложишь вместе тяжелую медную ступку и толкач с ламповым шаром или карболку с чаем? Как ты скомбинируешь воедино пивные бутылки и этот велосипед? Египетская работа, задача для ума, ребус! Как там ни ломай голову, как ни хитри, а в конце концов все-таки что-нибудь расколотишь и рассыплешь, а на вокзале и в вагоне будешь стоять растопыривши руки, раскорячившись и поддерживая подбородком какой-нибудь узел, весь в кульках, в картонках и в прочей дряни. А тронется поезд, публика начнет швырять во все стороны твой багаж: своими вещами ты чужие места занял. Кричат, зовут кондуктора, грозят высадить, а я-то что поделаю! Стою и глазами только лупаю, как побитый осел. Теперь слушай дальше. Приезжаю я к себе на дачу. Тут бы выпить хорошенько от трудов праведных, поесть да храповицкого — не правда ли? — но не тут-то было. Моя супружница уж давно стережет. Едва ты похлебал супу, как она цап-царап раба божьего и — не угодно ли вам пожаловать куда-нибудь на любительский спектакль или танцевальный круг? Протестовать не моги. Ты — муж, а слово «муж» в переводе на дачный язык значит бессловесное животное, на котором можно ездить и возить клади сколько угодно, не боясь вмешательства общества покровительства животных. Идешь и таращишь глаза на «Скандал в благородном семействе» или на какую-нибудь «Мотю», аплодируешь по приказанию супруги и чахнешь, чахнешь, чахнешь и каждую минуту ждешь, что вот-вот тебя хватит кондратий. А на кругу гляди на танцы и подыскивай для супруги кавалеров, а если недостает кавалера, то и сам изволь танцевать кадрили. Вернешься после полуночи из театра или с бала, а уж ты не человек, а дохлятина, хоть брось. Но вот наконец ты достиг цели: разоблачился и лег в постель. Отлично, закрывай глаза и спи... Все так хорошо, поэтично и тепло, понимаешь ли, и ребята за стеной не визжат, и супруги нет, и совесть чиста — лучше и не надо. Засыпаешь ты — и вдруг... и вдруг слышишь: дзз!.. Комары! *(Вскакивает.)* Комары, будь они трижды, анафемы, прокляты, комары! *(Потрясает кулаками.)* Комары! Это казнь египетская, инквизиция! Дзз!.. Дзююкает

этак жалобно, печально, точно прощения просит, но так тебя, подлец, укусит, что потом целый час чешешься. Ты и куришь, и бьешь их, и с головой укрываешься — нет спасения! В конце концов плюнешь и отдашь себя на растерзание: жрите, проклятые! Не успеешь привыкнуть к комарам, как новая казнь египетская: в зале супруга начинает со своими тенорами романсы разучивать. Днем спят, а по ночам к любительским концертам готовятся. О боже мой! Тенора — это такое мучение, что никакие комары не сравнятся. (Поет.) «Не говори, что молодость сгубила...», «Я вновь пред тобою стою, очарован...» О, по-одлые! Всю душу мою вытянули! Чтоб их хоть немножко заглушить, я на такой фокус пускаюсь: стучу себе пальцем по виску около уха. Этак стучу часов до четырех, пока не разойдутся. Ох, дай-ка, брат, еще воды... Не могу... Ну-с, этак, не поспавши, встанешь в шесть часов и — марш на станцию к поезду. Бежишь, боишься опоздать, а тут грязь, туман, холод, брр! А приедешь в город, заводи шарманку сначала. Так-то, брат. Жизнь, доложу я тебе, преподлая, и врагу такой жизни не пожелаю. Понимаешь — заболел! Одышка, изжога, вечно чего-то боюсь, желудок не варит, в глазах мутно... Веришь ли, психопатом стал... (Оглядывается.) Только это между нами... Хочу сходить к Чечотту или к Мержеевскому. Находит на меня, братец, какая-то чертовщина. Этак в минуты досады и обалдения, когда комары кусают или тенора поют, вдруг в глазах помутится, вдруг вскочишь, бегаешь как угорелый по всему дому и кричишь: «Крови жажду! Крови!» И в самом деле, в это время хочется кого-нибудь ножом пырнуть или по голове стулом трахнуть. Вот оно до чего дачная жизнь доводит! И никто не жалеет, не сочувствует, а как будто это так и надо. Даже смеются. Но ведь пойми, я животное, я жить хочу! Тут не водевиль, а трагедия! Послушай, если не даешь револьвера, то хоть посочувствуй!

М у р а ш к и н. Я сочувствую.

Т о л к а ч о в. Вижу, как вы сочувствуете... Прощай. Поеду за кильками, за колбасой... зубного порошку еще надо, а потом на вокзал.

М у р а ш к и н. Ты где на даче живешь?

Т о л к а ч о в. На Дохлой речке.

М у р а ш к и н (*радостно*). Неужели? Послушай, ты не знаешь ли там дачницу Ольгу Павловну Финберг?

Т о л к а ч о в. Знаю. Знаком даже.

М у р а ш к и н. Да что ты? Ведь вот какой случай! Как это кстати, как это мило с твоей стороны...

Т о л к а ч о в. Что такое?

М у р а ш к и н. Голубчик, милый, не можешь ли исполнить одну маленькую просьбу! Будь другом! Ну, дай честное слово, что исполнишь!

Т о л к а ч о в. Что такое?

М у р а ш к и н. Не в службу, а в дружбу! Умоляю, голубчик. Во-первых, поклонись Ольге Павловне и скажи, что я жив и здоров, целую ей ручку. Во-вторых, свези ей одну вещичку. Она поручила мне купить для нее ручную швейную машину, а доставить ей некому... Свези, милый! И, кстати, заодно вот эту клетку с канарейкой... только осторожней, а то дверца сломается... Что ты на меня так глядишь?

Т о л к а ч о в. Швейная машинка... канарейка с клеткой... чижик и, зяблики...

М у р а ш к и н. Иван Иваныч, да что с тобой? Отчего ты побагровел?

Т о л к а ч о в (*топая ногами*). Давай сюда машинку! Где клетка? Садись сам верхом! Ешь человека! Терзай! Добивай его! (*Сжимая кулаки.*) Крови жажду! Крови! Крови!

М у р а ш к и н. Ты с ума сошел!

Т о л к а ч о в (*наступая на него*). Крови жажду! Крови!

М у р а ш к и н (*в ужасе*). Он с ума сошел! (*Кричит.*) Петрушка! Марья! Где вы? Люди, спасите!

Т о л к а ч о в (*гоняясь за ним по комнате*). Крови жажду! Крови!

З а н а в е с

СВАДЬБА

Сцена в одноя действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Евдоким Захарович Жигалов, отставной коллежский регистратор.

Настасья Тимофеевна, его жена.

Дашенька, их дочь.

Эпаминонд Максимович Апломбов, ее жених.

Федор Яковлевич Ревунов-Караулов, капитан 2-го ранга в отставке.

Андрей Андреевич Нюнин, агент страхового общества.

Анна Мартыновна Змеюкина, акушерка, 30 лет, в ярко-пунцовом платье.

Иван Михайлович Ять, телеграфист.

Харламбий Спиридонович Дымба, грек-кондитер.

Дмитрий Степанович Мозговой, матрос из Добровольного флота.

Шафера, кавалеры, лакеи и проч.

Действие происходит в одной из зал кухмистра Андропова. Ярко освещенная зала. Большой стол, накрытый для ужина. Около стола хлопочут лакеи во фраках. За сценой музыка играет последнюю фигуру кадрили.

Змеюкина, Ять и шафер идут через сцену.

Змеюкина. Нет, нет, нет!

Ять (*идя за ней*). Сжальтесь! Сжальтесь!

Змеюкина. Нет, нет, нет!

Шафер (*спеша за ними*). Господа, так нельзя!
Куда же вы? А гран-рон? Гран-рон, силь-ву-пле!

Уходят.

Входят Настасья Тимофеевна и Апломбов.

Настасья Тимофеевна. Чем тревожить меня разными словами, вы бы лучше шли танцевать.

Апломбов. Я не Спиноза какой-нибудь, чтоб выделять ногами кренделя. Я человек положительный и с характером и не вижу никакого развлечения в пустых удовольствиях. Но дело не в танцах. Простите, тапап, но я многого не понимаю в ваших поступках. Например, кроме предметов домашней необходимости, вы обещали также дать мне за вашей дочерью два выгрышных билета. Где они?

Настасья Тимофеевна. Голова у меня что-то разболелась... Должно, к непогоде... Быть от-тепели!

Апломбов. Вы мне зубов не заговаривайте. Сегодня же я узнал, что ваши билеты в залоге. Извините, тапап, но так поступают одни только эксплуататоры. Я ведь это не из эгоистицизма — мне ваши билеты не нужны, но я из принципа, и надувать себя никому не позволю. Я вашу дочь осчастливил, и если вы мне не отдадите сегодня билетов, то я вашу дочь с кашей съем. Я человек благородный!

Настасья Тимофеевна (*оглядывая стол и считая приборы*). Раз, два, три, четыре, пять...

Лакей. Повар спрашивает, как прикажете подавать мороженое: с ромом, с мадерой или без никого?

Апломбов. С ромом. Да скажи хозяину, что вина мало. Скажи, чтоб еще го-сотерну поставил. (*Настасье Тимофеевне*.) Вы также обещали, и уговор такой был, что сегодня за ужином будет генерал. А где он, спрашивается?

Настасья Тимофеевна. Это, батюшка, не я виновата.

Апломбов. Кто же?

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а. Андрей Андреич виноват... Вчерась он был и обещал привести самого настоящего генерала. (*Вздыхает.*) Должно, не нашел нигде, а то привел бы... Нешто нам жалко? Для родного дитя мы ничего не пожалеем. Генерал так генерал...

А п л о м б о в. Но дальше... Всем, в том числе и вам, папап, известно, что за Дашенькой, пока я не сделал ей предложения, ухаживал этот телеграфист Ять. Зачем вы его пригласили? Разве вы не знали, что мне это неприятно?

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а. Ох, как тебя? Эпаминонд Максимыч, еще и дня нет, как женился, а уж замучил ты и меня и Дашеньку своими разговорами. А что будет через год? Нудный ты, ух, нудный!

А п л о м б о в. Не нравится правду слушать? Ага? То-то! А вы поступайте благородно. Я от вас хочу только одного: будьте благородны!

Через залу из одной двери в другую проходят пары танцующих grand-rond. В передней паре шафер с Дашенькой, в задней Ять со Змеюкиной. Последняя пара отстает и остается в зале. Ж и г а л о в и Д ы м б а входят и идут к столу.

Ш а ф е р (*кричит*). Променад! Мсье, променад! (*За сценой.*) Променад!

Пары уходят.

Я т ь (*Змеюкиной*). Сжальтесь! Сжальтесь, очаровательная Анна Мартыновна!

З м е ю к и н а. Ах, какой вы... Я уже вам сказала, что я сегодня не в голосе.

Я т ь. Умоляю вас, спойте! Одну только ноту! Сжальтесь! Одну только ноту!

З м е ю к и н а. Надоели. (*Садится и машет веером.*)

Я т ь. Нет, вы просто безжалостны! У такого жестокого создания, позвольте вам выразиться, и такой чудный, чудный голос! С таким голосом, извините за выражение, не акушерством заниматься, а концерты петь в публичных собраниях! Например, как божественно выходит у вас вот эта фиоритура... вот эта... (*Напевает.*) «Я вас любил, любовь еще напрасно...» Чудно!

З м е ю к и н а (*напевает*). «Я вас любил, любовь еще, быть может...» Это?

Я т ь. Вот это самое! Чудно!

З м е ю к и н а. Нет, я не в голосе сегодня. Нате, махайте на меня веером... Жарко! (*Апломбову.*) Эпаминонд Максимыч, что это вы в меланхолии? Разве жениху можно так? Как вам не стыдно, противный! Ну, о чем вы задумались?

А п л о м б о в. Женихья шаг серьезный! Надо все обдумать всесторонне, обстоятельно.

З м е ю к и н а. Какие вы все противные скептики! Возле вас я задыхаюсь... Дайте мне атмосферы! Слышите? Дайте мне атмосферы! (*Напевает.*)

Я т ь. Чудно! Чудно!

З м е ю к и н а. Махайте на меня, махайте, а то я чувствую, у меня сейчас будет разрыв сердца. Скажите, пожалуйста, отчего мне так душно?

Я т ь. Это оттого, что вы вспотели-с...

З м е ю к и н а. Фу! как вы вульгарны! Не смейте так выражаться!

Я т ь. Виноват! Конечно, вы привыкли, извините за выражение, к аристократическому обществу и...

З м е ю к и н а. Ах, оставьте меня в покое! Дайте мне поэзии, восторгов! Махайте, махайте...

Ж и г а л о в (*Дымбе*). Повторим, что ли? (*Наливает.*) Пить во всякую минуту можно. Главное действие, Харлампий Спиридоныч, чтоб дело свое не забывать. Пей, да дело разумеи... А ежели насчет выпить, то почему не выпить? Выпить можно... За ваше здоровье! (*Пьют.*) А тигры у вас в Греции есть?

Д ы м б а. Есть.

Ж и г а л о в. А львы?

Д ы м б а. И львы есть. Это в России ничего нету, а в Греции все есть. Там у меня и отец, и дядя, и братья, а тут ничего нету.

Ж и г а л о в. Гм... А кашалоты в Греции есть?

Д ы м б а. Все есть.

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а (*мужу*). Что ж зря-то пить и закусывать? Пора бы уж всем садиться. Не тыкай вилкой в омары... Это для генерала поставлено. Может, еще придет...

Ж и г а л о в. А омары в Греции есть?

Д ы м б а. Есть... Там все есть.

Ж и г а л о в. Гм... А коллежские регистраторы есть?

З м е ю к и н а. Воображаю, какая в Греции атмосфера!

Ж и г а л о в. И, должно быть, жульничества много. Греки ведь все равно что армяне или цыганы. Продает тебе губку или золотую рыбку, а сам так и норовит, чтоб содрать с тебя лишнее. Повторим, что ли?

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а. Что ж зря повторять? Всем бы уж пора садиться. Двенадцатый час...

Ж и г а л о в. Садиться так садиться. Господа, покорнейше прошу! Пожалуйста! *(Кричит.)* Ужинать! Молодые люди!

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а. Дорогие гости, милости просим! Садитесь!

З м е ю к и н а *(садясь за стол)*. Дайте мне поэзии! А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой. Дайте мне бурю!

Я т ь *(в сторону)*. Замечательная женщина! Влюблен! По уши влюблен!

Входят Дашенька, Мозговой, шафера, кавалеры, барышни и проч. Все шумно усаживаются за стол; минутная пауза, музыка играет марш.

М о з г о в о й *(вставая)*. Господа! Я должен сказать вам следующее... У нас приготовлено очень много тостов и речей. Не будем дожидаться и начнем сейчас же. Господа, предлагаю выпить тост за новобрачных!

Музыка играет туш. Ура. Чоканье.

Горько!

В с е. Горько! Горько!

Апломбов и Дашенька целуются.

Я т ь. Чудно! Чудно! Я должен вам выразиться, господа, и отдать должную справедливость, что эта зала и вообще помещение великолепны! Превосходно, очаровательно! Только знаете, чего не хватает для полного торжества? Электрического освещения, извините за вы-

ражение! Во всех странах уже введено электрическое освещение, и одна только Россия отстала.

Ж и г а л о в (*глубокомысленно*). Электричество... Гм... А по моему взгляду, электрическое освещение — одно только жульничество... Всунут туда уголек, да и думают глаза отвести! Нет, брат, уж если ты даешь освещение, то ты давай не уголек, а что-нибудь существенное, этакое что-нибудь особенное, чтоб было за что взяться! Ты давай огня — понимаешь? — огня, который натуральный, а не умственный!

Я т ь. Ежели бы вы видели электрическую батарею, из чего она составлена, то иначе бы рассуждали.

Ж и г а л о в. И не желаю видеть. Жульничество. Народ простой надувают... Соки последние выжимают... Знаем их, этих самых... А вы, господин молодой человек, чем за жульничество заступаться, лучше бы выпили и другим налили. Да, право!

А п л о м б о в. Я с вами, папаша, вполне согласен. К чему заводить ученые разговоры? Я не прочь и сам поговорить о всевозможных открытиях в научном смысле, но ведь на это есть другое время! (*Дашеньке*.) Ты какого мнения, машер? ¹

Д а ш е н ь к а. Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном.

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а. Слава богу, прожили век без образования и вот уж третью дочку за хорошего человека выдаем. А ежели мы, по-вашему, выходим необразованные, так зачем вы к нам ходите? Шли бы к своим образованным!

Я т ь. Я, Настасья Тимофеевна, всегда уважал ваше семейство, а ежели я насчет электрического освещения, так это еще не значит, что я из гордости. Даже вот выпить могу. Я всегда от всех чувств желал Дарье Евдокимовне хорошего жениха. В наше время, Настасья Тимофеевна, трудно выйти за хорошего человека. Нынче каждый норовит вступить в брак из-за интереса, из-за денег...

А п л о м б о в. Это намек!

Я т ь (*струсив*). И никакого тут нет намека... Я не

---

¹ дорогая (от *франц.* ma chère).

говорю о присутствующих... Это я так... вообще... Помилуйте! Все знают, что вы из-за любви... Приданое пустяшное.

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а. Нет, не пустяшное! Ты говори, сударь, да не заговаривайся. Кроме того, что тысячу рублей чистыми деньгами, мы три сапога даем, постель и всю мебель. Поди-кась найди в другом месте такое приданое!

Я т ь. Я ничего... Мебель действительно хорошая и... и сапоги, конечно, но я в том смысле, что вот они обижаются, что я намекнул.

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а. А вы не намекайте. Мы вас по вашим родителям почитаем и на свадьбу пригласили, а вы разные слова. А ежели вы знали, что Эпаминонд Максимыч из интересу женится, то что же вы раньше молчали? *(Слезливо.)* Я ее, может, вскормила, вспоила, взлелеяла... берегла пуще алмаза изумрудного, деточку мою...

А п л о м б о в. И вы поверили? Покорнейше вас благодарю! Очень вам благодарен! *(Ятю.)* А вы, господин Ять, хоть и знакомый мне, а я вам не позволю строить в чужом доме такие безобразия! Позвольте вам выйти вон!

Я т ь. То есть как?

А п л о м б о в. Желаю, чтобы и вы были таким же честным человеком, как я! Одним словом, позвольте вам выйти вон!

Музыка играет туш.

К а в а л е р ы *(Апломбову)*. Да оставь! Будет тебе! Ну, стоит ли? Садись! Оставь!

Я т ь. Я ничего... Я ведь... Не понимаю даже... Извольте, я уйду... Только вы отдайте мне сначала пять рублей, что вы брали у меня в прошлом году на жилетку пике, извините за выражение. Выпью вот еще и... и уйду, только вы сначала долг отдайте.

К а в а л е р ы. Ну, будет, будет! Довольно! Стоит ли из-за пустяков?

Ш а ф е р *(кричит)*. За здоровье родителей невесты, Евдокима Захарыча и Настасьи Тимофеевны!

Музыка играет туш. Ура.

Ж и г а л о в (*растроганный, кланяется во все стороны*). Благодарю вас! Дорогие гости! Очень вам благодарен, что вы нас не забыли и пожаловали, не побрезгали!.. И не подумайте, чтоб я был выжига какой или жульничество с моей стороны, а просто из чувств! От прямоты души! Для хороших людей ничего не пожалею! Благодарим покорно! (*Целуется.*)

Д а ш е н ь к а (*матери*). Мамаша, что же вы плачете? Я так счастлива!

А п л о м б о в. Мамаша взволнована предстоящей разлукой. Но я посоветовал бы ей лучше вспомнить наш недавний разговор.

Я т ь. Не плачьте, Настасья Тимофеевна! Вы подумайте: что такое слезы человеческие? Малодушная психиатрия, и больше ничего!

Ж и г а л о в. А рыжики в Греции есть?

Д ы м б а. Есть. Там все есть.

Ж и г а л о в. А вот груздей небось нету.

Д ы м б а. И грузди есть. Все есть.

М о з г о в о й. Харламбий Спиридоныч, ваша очередь читать речь! Господа, пусть говорит речь!

В с е (*Дымбе*). Речь! Речь! Ваша очередь!

Д ы м б а. Зачем? Я не понимаю которое... Сто такое?

З м е ю к и н а. Нет, нет! Не смейте отказываться! Ваша очередь! Вставайте!

Д ы м б а (*встает, смущенно*). Я могу говорить такое... Которая Россия и которая Греция. Теперь которые люди в России и которые в Греции... И которые по морю плавают каравия, по-русскому значит корабли, а по земле разные которые железные дороги. Я хорошо понимаю... Мы греки, вы русские, и мне ничего не надо... Я могу говорить такое... которая Россия и которая Греция.

Входит Н ю н и н.

Н ю н и н. Пойдите, господа, не ешьте! Погодите! Настасья Тимофеевна, на минуточку! Пожалуйте сюда! (*Ведет Настасью Тимофеевну в сторону, запыхавшись.*) Послушайте... Сейчас придет генерал... Наконец нашел-таки... Просто замучился... Генерал настоящий, со-

лидный такой, старый, лет, пожалуй, восемьдесят, а то и девяносто...

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а. Когда же он придет?

Н ю н и н. Сию минуту. Будете всю жизнь мне благодарны. Не генерал, а малина, Буланже! Не пехота какая-нибудь, не инфантерия, а флотский! По чину он капитан второго ранга, а по-ихнему, морскому, это все равно что генерал-майор, или в гражданской — действительный статский советник. Решительно все равно. Даже выше.

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а. А ты меня не обманываешь, Андрюшенька?

Н ю н и н. Ну вот, мошенник я, что ли? Будьте покойны!

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а (*вздыхая*). Не хочется зря деньги тратить, Андрюшенька...

Н ю н и н. Будьте покойны! Не генерал, а картина! (*Возвышая голос.*) Я и говорю: «Совсем, говорю, забыли нас, ваше превосходительство! Нехорошо, ваше превосходительство, старых знакомых забывать! Настасья, говорю, Тимофеевна на вас в большой претензии!» (*Идет к столу и садится.*) А он и говорит: «Помилуй, мой друг, как же я пойду, если я с женихом незнаком?» — «Э, полноте, ваше превосходительство, что за церемонии? Жених, говорю, человек прекраснейший, душа нараспашку. Служит, говорю, оценщиком в ссудной кассе, но вы не подумайте, ваше превосходительство, что это какой-нибудь замухрышка или червонный валет. В ссудных кассах, говорю, нынче и благородные дамы служат». Похлопал он меня по плечу, выкурили мы с ним по гаванской сигаре, и вот теперь он едет... Погодите, господа, не ешьте...

А п л о м б о в. А когда он придет?

Н ю н и н. Сию минуту. Когда я уходил от него, он уже калоши надевал. Погодите, господа, не ешьте.

А п л о м б о в. Так надо приказать, чтоб марш играли...

Н ю н и н (*кричит*). Эй, музыканты! Марш!

Музыка минуту играет марш.

Л а к е й (докладывает). Господин Ревунов-Қараулов!

Жигалов, Настасья Тимофеевна и Нюнин бегут навстречу. Входит Ревунов-Қараулов.

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а (кланяясь). Милости просим, ваше превосходительство! Очень приятно!

Р е в у н о в. Весьма!

Ж и г а л о в. Мы, ваше превосходительство, люди не знатные, не высокие, люди простые, но не подумайте, что с нашей стороны какое-нибудь жульничество. Для хороших людей у нас первое место, мы ничего не пожалеем. Милости просим!

Р е в у н о в. Весьма рад!

Н ю н и н. Позвольте представить, ваше превосходительство! Новобрачный Эпаминонд Максимыч Апломбов, со своей новорожд... то есть с новобрачной супругой! Иван Михайлович Ять, служащий на телеграфе! Иностранец греческого звания по кондитерской части Харлампий Спиридоныч Дымба! Осип Лукич Бабельмандебский! И прочие и прочие... Остальные все — чепуха. Садитесь, ваше превосходительство!

Р е в у н о в. Весьма! Виноват, господа, я хочу сказать Андрюше два слова. (Отводит Нюнина в сторону.) Я, братец, немножко сконфужен... Зачем ты зовешь меня вашим превосходительством? Ведь я не генерал! Капитан второго ранга — это даже ниже полковника.

Н ю н и н (говорит ему в ухо, как глухому). Знаю, но, Федор Яковлевич, будьте добры, позвольте нам называть вас вашим превосходительством! Семья здесь, знаете ли, патриархальная, уважает старших, любит чинопочитание.

Р е в у н о в. Да, если так, то конечно... (Идя к столу.) Весьма!

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а. Садитесь, ваше превосходительство! Будьте такие добрые! Кушайте, ваше превосходительство! Только извините, у себя там вы привыкли к деликатности, а у нас просто!

Р е в у н о в (не расслышав). Что-с? Гм... Да-с.

Пауза.

Да-с... В старину люди всегда жили просто и были довольны. Я человек, который в чинах, и то живу просто... Сегодня Андрюша приходит во мне и зовет меня сюда на свадьбу. Как же, говорю, я пойду, если я незнаком? Это неловко! А он говорит: «Люди они простые, патриархальные, всякому гостю рады...» Ну, конечно, если так... то отчего же? Очень рад. Дома мне, одинокому, скучно, а если мое присутствие на свадьбе может доставить кому-нибудь удовольствие, то сделай, говорю, одолжение...

Ж и г а л о в. Значит, от души, ваше превосходительство? Уважаю! Сам я человек простой, без всякого жульничества, и уважаю таких. Кушайте, ваше превосходительство!

А п л о м б о в. Вы давно в отставке, ваше превосходительство?

Р е в у н о в. А? Да, да... Это верно. Да-с... но позвольте, что же это, однако? Селедка горькая... и хлеб горький. Невозможно есть!

В с е. Горько! Горько!

Апломбов и Дашенька целуются.

Р е в у н о в. Хе-хе-хе... Ваше здоровье.

Пауза.

Да-с... В старину все просто было и все были довольны... Я люблю простоту... Я ведь старый, в отставку вышел в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году... Мне семьдесят два года... Да. Конечно, не без того, и прежде любили при случае показать пышность, но... (*Увидев Мозгового.*) Вы того... матрос, стало быть?

М о з г о в о й. Точно так.

Р е в у н о в. Ага... Так... Да... Морская служба всегда была трудная. Есть над чем задуматься и голову поломать. Всякое незначительное слово имеет, так сказать, свой особый смысл! Например: марсовые по вантам на фок и грот! Что это значит? Матрос небось понимает! Хе-хе. Тонкость, что твоя математика!

Н ю н и н. За здоровье его превосходительства Федора Яковлевича Ревунова-Караулова!

Музыка играет туш. Ура.

Я т ь. Вот вы, ваше превосходительство, изволили сейчас выразиться насчет трудностей флотской службы. А разве телеграфная легче? Теперь, ваше превосходительство, никто не может поступить на телеграфную службу, если не умеет читать и писать по-французски и по-немецки. Но самое трудное у нас — это передача телеграмм. Ужасно трудно! Извольте послушать. (*Стучит вилкой по столу, подражая телеграфному станку.*)

Р е в у н о в. Что же это значит?

Я т ь. Это значит: я уважаю вас, ваше превосходительство, за добродетели. Вы думаете, легко? А вот еще. (*Стучит.*)

Р е в у н о в. Вы погромче... Не слышу...

Я т ь. А это значит: мадам, как я счастлив, что держу вас в своих объятиях!

Р е в у н о в. Вы про какую это мадам? Да... (*Мозговому.*) А вот, если идя полным ветром и надо... и надо поставить брамсели и бом-брамсели! Тут уж надо командовать: салинговые к вантам на брамсели и бом-брамсели... и в это время, как на реях отдают паруса, внизу становятся на брам и бом-брам шкоты, фалы и брасы...

Ш а ф е р (*вставая*). Милостивые государи и милостивые госуд...

Р е в у н о в (*перебивая*). Да-с... Мало ли разных команд... Да... Брамы и бом-брамы-шкоты тянуть пшел фалы!! Хорошо? Но что это значит и какой смысл? А очень просто! Тянут, знаете ли, брамы и бом-брамы-шкоты и поднимают фалы... все вдруг! Причем уравнивают бом-брамы-шкоты и бом-брамы-фалы при подъеме, а в это время, глядя по надобности, потравливают брасы с их парусов, а когда уж, стало быть, шкоты натянуты, фалы все до места подняты, то брамы и бом-брамы-брасы вытягиваются и реи брасопяются соответственно направлению ветра...

Н ю н и н (*Ревунову*). Федор Яковлевич, хозяйка просит вас поговорить о чем-нибудь другом. Это непонятно гостям и скучно...

Р е в у н о в. Что? Кому скучно? (*Мозговому.*) Молодой человек! А вот ежели корабль лежит бейдевинд

правым галсом под всеми парусами и надо сделать через фордевинд. Как надо командовать? А вот как: свистать всех наверх, поворот через фордевинд!.. Хе-хе...

Н ю н и н. Федор Яковлевич, довольно! Кушайте.

Р е в у н о в. Как только все выбежали, сейчас командуют: по местам стоять, поворот через фордевинд! Эх, жизнь! Командуешь, а сам смотришь, как матросы, как молния, разбегаются по местам и разносят брамы и брасы. Этак не вытерпишь и крикнешь: молодцы ребята! (*Поперхнулся и кашляет.*)

Ш а ф е р (*спешит воспользоваться наступившей паузой*). В сегодняшней, так сказать, день, в который мы, собравшись все в кучу для чествования нашего любимого...

Р е в у н о в (*перебивая*). Да-с! И ведь все это надо помнить! Например: фока-шкот, грота-шкот раздернуть!..

Ш а ф е р (*обиженно*). Что ж он перебивает? Этак мы ни одной речи не скажем!

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а. Мы люди темные, ваше превосходительство, ничего этого самого не понимаем, а вы лучше расскажите нам что-нибудь касающее...

Р е в у н о в (*не расслышав*). Я уже ел, благодарю. Вы говорите: гуся? Благодарю... Да. Старину вспомнил... А ведь приятно, молодой человек! Плынешь себе по морю, горя не знаячи, и... (*дрогнувшим голосом*) помните этот восторг, когда делают поворот о вершлаг! Какой моряк не зажжется при воспоминании об этом маневре?! Ведь как только раздалась команда: свистать всех наверх, поворот о вершлаг — словно электрическая искра пробежала по всем. Начиная от командира и до последнего матроса — все встрепенулись...

З м е ю к и н а. Скучно! Скучно!

Общий ропот.

Р е в у н о в (*не расслышав*). Благодарю, я ел. (*С увлечением.*) Все приготовилось и впилось глазами в старшего офицера... На фокковые и гротовые брасы на правую, на крюсельные брасы на левую, на контробрас на

левую, командует старший офицер. Все моментально исполняется... Фока-шкот, кливер-шкот раздернуть... право на борт! (*Встает.*) Корабль покатился к ветру, и наконец паруса начинают заполаскивать. Старший офицер: на брасах, на брасах не зевать, а сам впился глазами в грот-марсель, и, когда наконец и этот парус заполоскал, то есть момент поворота наступил, раздается громовая команда: грото-марса буллель отдай, пшел брасы! Тут все летит, трещит — столпотворение вавилонское! Все исполняется без ошибки. Поворот удался!

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а (*вспыхнув*). Генерал, а безобразите... Постыдились бы на старости лет!

Р е в у н о в. Котлет? Нет, не ел... благодарю вас.

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а (*громко*). Я горю, постыдились бы на старости лет! Генерал, а безобразите!

Н ю н и н (*смущенно*). Господа, ну вот... стоит ли? Право...

Р е в у н о в. Во-первых, я не генерал, а капитан второго ранга, что по военной табели о рангах соответствует подполковнику.

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а. Ежели не генерал, то за что же вы деньги взяли? И мы вам не за то деньги платили, чтоб вы безобразили!

Р е в у н о в (*в недоумении*). Какие деньги?

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а. Известно, какие. Небось получили через Андрея Андреевича четвертную... (*Нюнину.*) А тебе, Андрюшенька, грех! Я тебя не просила такого нанимать!

Н ю н и н. Ну вот... Оставьте! Стоит ли?

Р е в у н о в. Наняли... заплатили... Что такое?

А п л о м б о в. Позвольте, однако... Вы ведь получили от Андрея Андреевича двадцать пять рублей?

Р е в у н о в. Какие двадцать пять рублей? (*Сообщив.*) Вот оно что! Теперь я все понимаю... Какая гадость! Какая гадость!

А п л о м б о в. Ведь вы получили деньги?

Р е в у н о в. Никаких я денег не получал! Подите прочь! (*Выходит из-за стола.*) Какая гадость! Какая низость! Оскорбить так старого человека, моряка, за-

служенного офицера!.. Будь это порядочное общество, я мог бы вызвать на дуэль, а теперь что я могу сделать? *(Растерянно.)* Где дверь? В какую сторону идти? Человек, выведи меня! Человек! *(Идет.)* Какая низость! Какая гадость! *(Уходит.)*

Н а с т а с ь я Т и м о ф е е в н а. Андрюшенька, где же двадцать пять рублей?

Н ю н и н. Ну стоит ли говорить о таких пустяках? Велика важность! Тут все радуются; а вы черт знает о чем... *(Кричит.)* За здоровье молодых! Музыка, марш! Музыка!

Музыка играет марш.

За здоровье молодых!

З м е ю к и н а. Мне душно! Дайте мне атмосферы! Возле вас я задыхаюсь.

Я т ь *(в восторге)*. Чудная! Чудная!

Шум.

Ш а ф е р *(стараясь перекричать)*. Милостивые государи и милостивые государыни! В сегодняшний, так сказать, день...

З а н а в е с

ЛЕШИЙ

Пожедил в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Александр Владимирович Серебряков, отставной профессор.

Елена Андреевна, его жена, 27 лет.

Софья Александровна (Соня), его дочь от первого брака, 20 лет.

Марья Васильевна Войницкая, вдова тайного советника, мать первой жены профессора.

Егор Петрович Войницкий, ее сын.

Леонид Степанович Желтухин, не кончивший курса технолог, очень богатый человек.

Юлия Степановна (Юля), его сестра, 18 лет.

Иван Иванович Орловский, помещик.

Федор Иванович, его сын.

Михаил Львович Хрущов, помещик, кончивший курс на медицинском факультете.

Илья Ильич Дядин.

Василий, слуга Желтухина.

Семен, работник на мельнице.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сад в имении Желтухина. Дом с террасою, на площадке перед домом два стола: большой, сервированный для завтрака, и другой поменьше — для закуски.

Третий час дня.

I

Желтухин и Юля (выходят из дома).

Юля. Ты бы лучше надел серенький костюмчик. Этот тебе не к лицу.

Желтухин. Все равно. Пустяки.

Юля. Ленечка, отчего ты такой хмурый? Разве можно так в день рождения? Какой же ты нехороший!.. (Кладет ему голову на грудь.)

Желтухин. Поменьше любви, пожалуйста!

Юля (сквозь слезы). Ленечка!

Желтухин. Вместо этих кислых поцелуев, разных там любящих взглядов и башмачков для часов, которые ни на какой черт мне не нужны, ты бы лучше просьбы мои исполняла! Отчего ты не написала Серебряковым?

Юля. Ленечка, я написала!

Желтухин. Кому ты написала!

Юля. Сонечке. Я просила ее приехать сегодня непременно, непременно к часу. Честное слово, написала!

Желтухин. Однако уж третий час, а их нет. Впрочем, как им угодно! И не нужно! Все это нужно оставить, ничего из этого не выйдет... Одни только унижения, подлое чувство, и больше ничего... Она на меня и внимания не обращает. Я некрасив, неинтересен, ничего во мне нет романического, и если она выйдет за меня, то только по расчету... за деньги!..

Юля. Некрасив... Ты о себе не можешь понимать.

Желтухин. Ну да, точно я слепой! Борода растет отсюда, из шеи, не так как у людей... Усы какие-то, черт их знает... нос...

Юля. Что это ты за щеку держишься?

Желтухин. Опять болит под глазом.

Ю л я. Да и напухло немножко. Дай я поцелую, оно и пройдет.

Ж е л т у х и н. Глупо!

Входят Орловский и Войницкий.

II

Т е ж е, Орловский и Войницкий.

О р л о в с к и й. Манюня, когда же мы есть будем? Уж третий час!

Ю л я. Крестненький, да ведь еще Серебряковы не приехали!

О р л о в с к и й. До каких же пор их ждать? Я, лапочка, есть хочу. Вот и Егор Петрович хочет.

Ж е л т у х и н (*Войницкому*). Ваши приедут?

В о й н и ц к и й. Когда я уезжал из дому, Елена Андреевна одевалась.

Ж е л т у х и н. Значит, наверное будут?

В о й н и ц к и й. Наверное ничего нельзя сказать. Вдруг у нашего генерала подагра или каприз какой — вот и останутся.

Ж е л т у х и н. В таком случае давайте есть. Что же ждать! (*Кричит.*) Илья Ильич! Сергей Никодимыч!

Входят Дядин и два-три гостя.

III

Т е ж е, Дядин и гости.

Ж е л т у х и н. Пожалуйста закусить. Милости просим. (*Около закуски.*) Серебряковы не приехали, Федора Иваныча нет, Леший тоже не приехал... Забыли нас!

Ю л я. Крестненький, выпьете водки?

О р л о в с к и й. Самую малость. Вот так... Достаточно.

Дядин (повязывая на шею салфетку). А какое у вас превосходное хозяйство, Юлия Степановна! Еду ли я по вашему полю, гуляю ли под тенью вашего сада, смотрю ли на этот стол — всюду вижу могучую власть вашей волшебной ручки. За ваше здоровье!

Юля. Неприятностей много, Илья Ильич! Вчера, например, Назарка не загнал индюшат в сарайчик, ночевали они в саду на росе, а сегодня пять индюшат издохло.

Дядин. Это нельзя. Индюшка птица нежная.

Войнички (Дядину). Вафля, отрежь-ка мне ветчины!

Дядин. С особенным удовольствием. Прекрасная ветчина. Одно из волшебств «Тысяча и одной ночи». (Режет.) Я тебе, Жорженька, отрежу по всем правилам искусства. Бетховен и Шекспир так не умели резать. Только вот ножик тупой. (Точит нож о нож.)

Желтухин (вздрагивая). Ввв!.. Оставь, Вафля! Я не могу этого!

Орловский. Рассказывайте же, Егор Петрович. Что у вас дома делается?

Войнички. Ничего не делается.

Орловский. Что нового?

Войнички. Ничего. Все старо. Что было в прошлом году, то и теперь. Я, по обыкновению, много говорю и мало делаю. Моя старая галка татап все еще лепечет про женскую эмансипацию; одним глазом смотрит в могилу, а другим ищет в своих умных книжках зарю новой жизни.

Орловский. А Саша?

Войнички. А профессора, к сожалению, еще не съела моль. По-прежнему от утра до глубокой ночи сидит у себя в кабинете и пишет. «Напрягши ум, наморщивши чело, все оды пишем, пишем и ни себе, ни им похвал нигде не слышим». Бедная бумага! Сонечка по-прежнему читает умные книжки и пишет очень умный дневник.

Орловский. Милая ты моя, душа моя...

Войнички. При моей наблюдательности мне бы роман писать. Сюжет так и просится на бумагу. Отставной профессор, старый сухарь, ученая вобла...

Подагра, ревматизм, мигрень, печенка и всякие штуки... Ревнив, как Отелло. Живет поневоле в имение своей первой жены, потому что жить в городе ему не по карману. Вечно жалуется на свои несчастья, хотя в то же время сам необыкновенно счастлив.

О р л о в с к и й. Ну вот!

В о й н и ц к и й. Конечно! Вы только подумайте, какое счастье! Не будем говорить о том, что сын простого дьячка, бурсак, добился ученых степеней и кафедры, что он его превосходительство, зять сенатора и прочее. Все это не важно. Но вы возьмите вот что. Человек ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве. Ровно двадцать пять лет он жует чужие мысли о реализме, тенденции и всяком другом вздоре; двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным давно уже известно, а для глупых неинтересно, значит ровно двадцать пять лет переливает из пустого в порожнее. И в то же время какой успех! Какая известность! За что? Почему? По какому праву?

О р л о в с к и й (*хохочет*). Зависть, зависть!

В о й н и ц к и й. Да, зависть! А какой успех у женщин! Ни один Дон-Жуан не знал такого полного успеха! Его первая жена, моя сестра, прекрасное, кроткое создание, чистое, как вот это голубое небо, благородная, великодушная, имевшая поклонников больше, чем он учеников, любила его так, как могут любить одни только чистые ангелы таких же чистых и прекрасных, как они сами. Моя мать, его теща, до сих пор обожает его, и до сих пор он внушает ей священный ужас. Его вторая жена, красавица, умница, — вы ее видели — вышла за него, когда уж он был стар, отдала ему молодость, красоту, свободу, свой блеск... За что? Почему? А ведь какой талант, какая артистка! Как чудно играет она на рояле!

О р л о в с к и й. Вообще талантливая семья. Редкая семья.

Ж е л т у х и н. Да, у Софьи Александровны, например, великолепнейший голос. Удивительное сопрано. Не слышал ничего подобного даже в Петербурге. Но, знаете ли, слишком форсирует в верхних нотах. Этакая

жалость! Дайте мне верхние ноты! Дайте мне верхние ноты! Ах, будь эти ноты, ручаюсь вам головой, из нее получилось бы удивительное, понимаете ли... Виноват, господа, мне нужно сказать Юле два слова. (*Отводит Юлю в сторону.*) Пошли к ним верхового. Напиши, что если им нельзя сейчас приехать, то чтоб хоть к обеду. (*Тише.*) Да не будь душой, не срами меня, пиши пограмотней... Ехать пишется через ять... (*Громко и ласково.*) Пожалуйста, мой друг.

Ю л я. Хорошо. (*Уходит.*)

Д я д и н. Говорят, что супруга профессора, Елена Андреевна, которую я не имею чести знать, отличается красотой своих не только душевных, но и внешних качеств.

О р л о в с к и й. Да, чудесная барыня.

Ж е л т у х и н. Она верна своему профессору?

В о й н и ц к и й. К сожалению, да.

Ж е л т у х и н. Почему же к сожалению?

В о й н и ц к и й. Потому что эта верность фальшива от начала до конца. В ней много риторики, но нет логики. Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь, — это безнравственно; стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство — это не безнравственно. Где же тут, черт возьми, логика?

Д я д и н (*плачушим голосом*). Жорженька, я не люблю, когда ты это говоришь. Ну вот, право... Я даже дрожу... Господа, я не обладаю талантом и цветами красноречия, но позвольте мне без пышных фраз высказать вам по совести... Господа, кто изменяет жене или мужу, тот, значит, неверный человек, тот может изменить и отечеству!

В о й н и ц к и й. Заткни фонтан!

Д я д и н. Позволь, Жорженька... Иван Иванович, Ленечка, милые мои друзья, возьмите вы во внимание коловратность моей судьбы. Это не секрет и не открыто мраком неизвестности, что жена моя бежала от меня на другой день после свадьбы с любимым человеком по причине моей непривлекательной наружности.

В о й н и ц к и й. И превосходно сделала.

Д я д и н. Позвольте, господа! После того инцидента я своего долга не нарушал. Я до сих пор ее люблю и

верен ей, помогаю, чем могу, и завещал свое имущество ее деточкам, которых она прижила с любимым человеком. Я долга не нарушал и горжусь. Я горд! Счастья я лишился, но у меня осталась гордость. А она? Молодость уж прошла, красота под влиянием законов природы поблекла, любимый человек скончался, царство ему небесное. Что же у нее осталось? (*Садится.*) Я вам серьезно, а вы смеетесь.

Орловский. Человек ты добрый, прекрасная у тебя душа, но уж очень длинно говоришь и руками махаешь...

Из дому выходит Федор Иванович; он в поддевке из отличного сукна, в высоких сапогах; на груди у него ордена, медали и массивная золотая цепь с брелоками; на пальцах дорогие перстни.

IV

Те же, Федор Иванович.

Федор Иванович. Здорово, ребята!

Орловский (*радостно*). Федюша милый, сын мой!

Федор Иванович (*Желтухину*). Поздравляю с днем рождения... расти большой... (*Здоровается со всеми.*) Родитель! Вафля, здравствуй! Приятного вам аппетита, хлеб да соль.

Желтухин. Где ты шатался? Нельзя так опаздывать.

Федор Иванович. Жарко! Водки выпить надо.

Орловский (*любясь им*). Душа моя, борода ты моя великолепная... Господа, ведь красавец? Поглядите: красавец?

Федор Иванович. С новорожденным! (*Пьет.*) А Серебряковых нет?

Желтухин. Не приехали.

Федор Иванович. Гм... А где же Юля?

Желтухин. Не знаю, что она там застряла. Пора бы уж и пирог подавать. Я сейчас ее позову. (*Уходит.*)

Орловский. А наш Ленечка, новорожденный, сегодня что-то не в духе. Угрюм.

Войнички. Просто скотина.

Орловский. Нервы расстроены, ничего не делаешь...

Войнички. Самолюбив очень, оттого и нервы. Скажите при нем, что эта селедка хороша, он сейчас же обидится: почему не его похвалили. Дрянцо порядочное. Вот он идет.

Входят Юля и Желтухин.

V

Те же, Желтухин и Юля.

Юля. Здравствуй, Феденька! *(Целуется с Федором Ивановичем.)* Кушай, душечка. *(Ивану Ивановичу.)* Посмотрите, крестенький, какой я сегодня Ленечке подарок подарила! *(Показывает башмачок для часов.)*

Орловский. Дусенька моя, девочка моя, башмачок! Какая штука...

Юля. Одной золотой канители на восемь с полтиной пошло. Посмотрите на края: жемчужинки, жемчужинки, жемчужинки... А это буквы: Леонид Желтухин. Тут шелком: «Кого люблю, того дарю»...

Дядин. А позвольте мне посмотреть! Восхитительно!

Федор Иванович. Бросьте вы это... будет вам! Юля, велика подать шампанского!

Юля. Феденька, это вечером!

Федор Иванович. Ну, вот еще — вечером! Валяй сейчас! А то уйду. Честное слово, уйду. Где оно у тебя стоит? Я сам пойду возьму.

Юля. Всегда ты, Федя, в хозяйстве беспорядки делаешь. *(Василию.)* Василий, на ключ! Шампанское в кладовой, знаешь, в углу около кулька с изюмом, в корзине. Только смотри не разбей чего-нибудь.

Федор Иванович. Василий, три бутылки!

Юля. Не выйдет из тебя, Феденька, хорошего хозяина... *(Накладывает всем пирога.)* Кушайте, господа,

побольше... Обед еще не скоро, в шестом часу... Ничего из тебя, Феденька, не выйдет... Пропаший ты человек.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ну, пошла отчитывать!

В о й н и ц к и й. Кажется, кто-то подъехал... Слышите?

Ж е л т у х и н. Да... Это Серебряковы... Наконец-то!

В а с и л и й. Господа Серебряковы приехали!

Ю л я *(вскрикивает)*. Сонечка! *(Убегает.)*

В о й н и ц к и й *(поет)*. Пойдем встретим, пойдем встретим... *(Уходит.)*

Ф е д о р И в а н о в и ч. Эка обрадовались!

Ж е л т у х и н. Как в людях мало такта! Живет с профессоршей и не может скрыть этого.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Кто?

Ж е л т у х и н. Да вот Жорж. Так ее расхваливал сейчас, когда тебя не было, что даже неприлично.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Откуда ты знаешь, что он с ней живет?

Ж е л т у х и н. Точно я слепой... Да и весь уезд говорит об этом...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Вздор. Пока с ней никто не живет, но скоро буду жить я... Понимаешь? Я!

VI

Т е ж е. Серебряков, Марья Васильевна, Войницкий под руку с Еленой Андреевной, Соня и Юля *(входят)*.

Ю л я *(целует Соню)*. Милая! Милая!

О р л о в с к и й *(идя навстречу)*. Саша, здравствуй, голубушка, здравствуй, матушка! *(Целуется с профессором.)* Здоров? Слава богу!

С е р е б р я к о в. А ты, кум? Ты ничего — молодец! Очень рад тебя видеть. Давно приехал?

О р л о в с к и й. В пятницу. *(Марье Васильевне.)* Марья Васильевна! Как изволите поживать, ваше превосходительство? *(Целует руку.)*

М а р ь я В а с и л ь е в н а. Дорогой мой... *(Целует его в голову.)*

С о н я. Крестенький!

О р л о в с к и й. Сонечка, душа моя! (*Целует ее.*)
Голубушка, канареечка моя...

С о н я. Лицо по-прежнему добренькое, сентиментальное, сладенькое...

О р л о в с к и й. И выросла, и похорошела, и возмужала, душа моя...

С о н я. Ну, как вы вообще? Что, здоровы?

О р л о в с к и й. Страсть как здоров!

С о н я. Молодчина, крестенький! (*Федору Ивановичу.*) А слона-то и не заметила. (*Целуется с ним.*)
Загорел, оброс... настоящий паук!

Ю л я. Милая!

О р л о в с к и й (*Серебрякову*). Как живешь, кум?

С е р е б р я к о в. Да понемножку... Ты как?

О р л о в с к и й. Что мне делается? Живу! Именье сыну отдал, дочек за хороших людей поывадал, и теперь свободней меня человека нет. Знай себе гуляю!

Д я д и н (*Серебрякову*). Ваше превосходительство изволили несколько опоздать. В пироге уж значительно понизилась температура. Позвольте представиться: Илья Ильич Дядин, или, как некоторые весьма остроумно выражаются по причине моего рябого лица, Вафля.

С е р е б р я к о в. Очень приятно.

Д я д и н. Madame! Mademoiselle! (*Кланяется Елене Андреевне и Соне.*) Здесь все мои друзья, ваше превосходительство. Когда-то я имел большое состояние, но по домашним обстоятельствам или, как выражаются в умственных центрах, по причинам, от редакции независимым, я должен был уступить свою часть родному моему брату, который по одному несчастному случаю лишился семидесяти тысяч казенных денег. Моя профессия: эксплуатация бурных стихий. Заставляю бурные волны вращать колеса мельницы, которую я арендую у моего друга Лешего.

В о й н и ц к и й. Вафля, заткни фонтан!

Д я д и н. Всегда с благоговением преклоняюсь (*преклоняется*) перед научными светилами, украшающими наш отечественный горизонт. Простите мне дерзость, с какою я мечтаю нанести вашему превосходительству

визит и усладить свою душу беседою о последних выводах науки.

Серебряков. Прошу покорно. Буду рад.

Соня. Ну, рассказывайте, крестенький. Где вы зиму проводили? Куда исчезали?

Орловский. В Гмундене был, в Париже был, в Ницце, в Лондоне, дуся моя, был...

Соня. Хорошо! Счастливчик!

Орловский. Поедем со мной осенью! Хочешь?

Соня (*поет*). «Не искушай меня без нужды...»

Федор Иванович. Не пой за завтраком, а то у твоего мужа жена будет дура.

Дядин. Теперь интересно бы взглянуть на этот стол à vol d'oiseau¹. Какой восхитительный букет! Сочетание грации, красоты, глубокой учености, сла...

Федор Иванович. Какой восхитительный язык! Черт знает что такое! Говоришь ты, точно кто тебя по спине рубанком водит...

Смех.

Орловский (*Соне*). А ты, душа моя, все еще замуж не вышла...

Войнички. Помилуйте, за кого ей замуж идти? Гумбольдт уж умер, Эдисон в Америке, Лассаль тоже умер... Намедни нашел я на столе ее дневник: во какой! Раскрываю и читаю: «Нет, я никогда не полюблю... Любовь — это эгоистическое влечение моего я к объекту другого пола...» И черт знает чего только там нет! Трансцендентально, кульминационный пункт интегрирующего начала... Тьфу! И где ты научилась?

Соня. Кто бы другой иронизировал, да не ты, дядя Жорж.

Войнички. Что же ты сердишься?

Соня. Если скажешь еще хоть одно слово, то кому-нибудь из нас двоих придется уехать домой. Я или ты...

Орловский (*хохочет*). Ну, характер!

Войнички. Да, характер, доложу вам... (*Соне*.) Ну, лапку! Дай лапку! (*Целует руку.*) Мир и согласие... Не буду больше.

¹ с высоты птичьего полета (*франц.*).

Т е ж е и Х р у щ о в.

Х р у щ о в (*выходя из дома*). Зачем я не художник? Какая чудная группа!

О р л о в с к и й (*радостно*). Миша! Сыночек мой крестенький!

Х р у щ о в. С новорожденным! Здравствуйте, Юлечка, какая вы сегодня хорошенькая! Крестенький! (*Целуется с Орловским.*) Софья Александровна... (*Здоровается со всеми.*)

Ж е л т у х и н. Ну, можно ли так поздно приезжать? Где ты был?

Х р у щ о в. У больного.

Ю л я. Пирог давно уже простыл.

Х р у щ о в. Ничего, Юлечка, я холодного поем. Где же мне сесть?

С о н я. Садитесь сюда... (*Дает ему место рядом.*)

Х р у щ о в. Великолепная сегодня погода, и аппетит у меня адский... Постойте, я водки выпью... (*Пьет.*)

С новорожденным! Пирожком закушу... Юлечка, поцелуйте этот пирожок, он станет вкуснее...

Та целует.

Мерси. Как живете, крестенький? Давно не видел вас.

О р л о в с к и й. Да, давненько не видались. Ведь я за границей был.

Х р у щ о в. Слышал, слышал... Позавидовал вам. Федор, а ты как живешь?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ничего, вашими молитвами, как столбами, подпираемся...

Х р у щ о в. Дела твои как?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Не могу пожаловаться. Живем. Только вот, братец ты мой, езды много. Замучился. Отсюда на Кавказ, из Кавказа сюда, отсюда опять на Кавказ — и этак без конца, скачешь как угорелый. Ведь у меня там два имения!

Х р у щ о в. Знаю.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Колонизацией занимаюсь и ловлю тарантулов и скорпионов. Дела вообще идут

хорошо, но насчет «уймитесь, волнения страсти» — все обстоит по-прежнему.

Х р у щ о в. Влюблен, конечно?

Ф е д о р И в а н о в и ч. По этому случаю, Леший, надо выпить. (*Пьет.*) Господа, никогда не влюбляйтесь в замужних женщин! Честное слово, лучше быть раненым в плечо и в ногу навывлет, как ваш покорнейший слуга, чем любить замужнюю... Такая беда, что просто...

С о н я. Безнадежно?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ну, вот еще! Безнадежно... На этом свете ничего нет безнадежного. Безнадежно, несчастная любовь, ох, ах — все это баловство. Надо только хотеть... Захотел я, чтоб ружье мое не давало осечки,— оно и не дает. Захотел я, чтоб барыня меня полюбила,— она и полюбит. Так-то, брат Соня. Уж если я какую намечу, то, кажется, легче ей на луну вскочить, чем от меня уйти.

С о н я. Какой ты, однако, страшный!

Ф е д о р И в а н о в и ч. От меня не уйдешь, нет! Я с нею не сказал еще трех фраз, а она уж в моей власти... Да... я ей только сказал: «Сударыня, всякий раз, когда вы взглянете на какое-нибудь окно, вы должны вспомнить обо мне. Я хочу этого...» Значит, вспоминает она обо мне тысячу раз в день. Мало того, я каждый день бомбардирую ее письмами.

Е л е н а А н д р е е в н а. Письма — это ненадежный прием. Она получает их, но может не читать.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Вы думаете? Гм... Живу я на этом свете тридцать пять лет, а что-то не встречал таких феноменальных женщин, у которых хватало бы мужества не распечатать письмо.

О р л о в с к и й (*любуясь им*). Каков? Сыночек мой, красавец! Ведь и я таким был. Точь-в-точь таким! Только вот на войне не был, а водку пил и деньги мотал — страшное дело!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Люблю я ее, Миша, серьезно, аспидски... Пожелай только она, и я отдал бы ей все... Увез бы ее к себе на Кавказ, на горы, жили бы мы припеваючи... Я, Елена Андреевна, сторожил бы ее, как верный пес, и была бы она для меня, как вот поет наш предводитель: «И будешь ты царицей

мира, подруга верная моя». Эх, не знает она своего счастья!

Х р у щ о в. Кто же эта счастливица?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Много будешь знать, скоро состаришься... Но довольно об этом. Теперь начнем из другой оперы. Помню, лет десять назад — Леня тогда еще гимназистом был — праздновали мы вот так же день его рождения. Ехал я отсюда домой верхом, и на правой руке сидела у меня Соня, а на левой — Юлька, и обе за мою бороду держались. Господа, выпьем за здоровье друзей юности моей, Сони и Юли!

Д я д и н (*хохочет*). Это восхитительно! Это восхитительно!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Как-то раз после войны пьянствовал я с одним турецким пашой в Трапезонде... Он меня и спрашивает...

Д я д и н (*перебивая*). Господа, выпьем тост за отличные отношения! Виват дружба! Живьё!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Стоп, стоп, стоп! Соня, прошу внимания! Держу, черт меня возьми, пари! Кладу вот на стол триста рублей! Пойдем после завтрака на крокет, и я держу пари, что в один раз пройду все ворота и обратно.

С о н я. Принимаю, только у меня трехсот рублей нет.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Если проиграешь, то споешь мне сорок раз.

С о н я. Согласна.

Д я д и н. Это восхитительно! Это восхитительно!

Е л е н а А н д р е е в н а (*глядя на небо*). Какая это птица летит?

Ж е л т у х и н. Это ястреб.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Господа, за здоровье ястреба!

Соня хохочет.

О р л о в с к и й. Ну, закатилась наша! Что ты?

Хрущов хохочет.

Ты-то чего?

М а р ь я В а с и л ь е в н а. Софи, это неприлично!

Х р у щ о в. Ох, виноват, господа... Сейчас кончу, сейчас...

О р л о в с к и й. Это называется — без ума смеялся.
В о й н и ц к и й. Им обоим палец покажи, сейчас же захохочут. Соня! *(Показывает палец.)* Ну, вот...

Х р у щ о в. Будет вам! *(Смотрит на часы.)* Ну, отче Михаиле, поел, попил, теперь и честь знай. Пора ехать.

С о н я. Куда это?

Х р у щ о в. К больному. Опротивела мне моя медицина, как постылая жена, как длинная зима...

С е р е б р я к о в. Позвольте, однако, ведь медицина ваша профессия, дело, так сказать...

В о й н и ц к и й *(с иронией)*. У него есть другая профессия. Он на своей земле торф копает.

С е р е б р я к о в. Что?

В о й н и ц к и й. Торф. Один инженер вычислил, как дважды два, что в его земле лежит торфу на семьсот двадцать тысяч. Не шутите.

Х р у щ о в. Я копаю торф не для денег.

В о й н и ц к и й. Для чего же вы его копаете?

Х р у щ о в. Для того, чтобы вы не рубили лесов.

В о й н и ц к и й. Почему же их не рубить? Если вас послушать, то леса существуют только для того, чтобы в них аукали парни и девки.

Х р у щ о в. Я этого никогда не говорил.

В о й н и ц к и й. И все, что я до сих пор имел честь слышать от вас в защиту лесов,— все старо, несерьезно и тенденциозно. Извините меня, пожалуйста. Я сужу не голословно, я почти наизусть знаю все ваши защитительные речи... Например... *(Приподнятым тоном и жестикулируя, как бы подражая Хрущову.)* Вы, о люди, истребляете леса, а они украшают землю, они учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Леса смягчают суровый климат. Где мягче климат, там меньше тратится сил на борьбу с природой, и потому там мягче и нежнее человек. В странах, где климат мягок, люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства. И так далее, и так далее... Все это мило, но так мало убедительно, что позвольте мне продолжать топить печи дровами и строить сараи из дерева.

Х р у щ о в. Рубить леса из нужды можно, но пора перестать истреблять их. Все русские леса трещат от топоров, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи, и все оттого, что у ленивого человека не хватает смысла нагнуться и поднять с земли топливо. Надо быть безрассудным варваром (*показывает на деревья*), чтобы жечь в своей печке эту красоту, разрушать то, чего мы не можем создать. Человеку даны разум и творческая сила, чтобы приумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а только разрушал. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее. Вы глядите на меня с иронией, и все, что я говорю, вам кажется старым и несерьезным, а когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный вот этими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью от сознания, что я помогаю богу создавать организм.

Ф е д о р И в а н о в и ч (*перебивая*). За твое здоровье, Леший!

В о й н и ц к и й. Все это прекрасно, но если бы взглянули на дело не с фельетонной точки зрения, а с научной, то...

С о н я. Дядя Жорж, у тебя язык покрыт ржавчиной. Замолчи!

Х р у щ о в. В самом деле, Егор Петрович, не будем говорить об этом! Прошу вас.

В о й н и ц к и й. Как угодно.

М а р ь я В а с и л ь е в н а. Ах!

С о н я. Бабушка, что с вами?

М а р ь я В а с и л ь е в н а (*Серебрякову*). Забыла я сказать вам, Александр... потеряла память... сегодня получила я письмо из Харькова от Павла Алексеевича... Вам кланяется...

С е р е б р я к о в. Благодарю, очень рад.

М а р ь я В а с и л ь е в н а. Прислал свою новую брошюру и просил показать вам.

С е р е б р я к о в. Интересно?

М а р ь я В а с и л ь е в н а. Интересно, но как-то странно. Опровергает то, что семь лет тому назад сам же защищал. Это очень, очень типично для нашего времени. Никогда с такую легкостью не изменяли своим убеждениям, как теперь. Это ужасно!

В о й н и ц к и й. Ничего нет ужасного. Кушайте, папап, карасей.

М а р ь я В а с и л ь е в н а. Но я хочу говорить!

В о й н и ц к и й. Но мы уже пятьдесят лет говорим о направлениях и лагерях, пора бы уж и кончить.

М а р ь я В а с и л ь е в н а. Тебе почему-то неприятно слушать, когда я говорю. Прости, Жорж, но в последний год ты так изменился, что я тебя совершенно не узнаю. Ты был человеком определенных убеждений, светлую личностью...

В о й н и ц к и й. О да! Я был светлую личностью, от которой никому не было светло. Позвольте мне встать. Я был светлую личностью... Нельзя сострить ядовитей! Теперь мне сорок семь лет. До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманивать свои глаза всякими отвлеченностями и схоластикой, чтобы не видеть настоящей жизни, — и думал, что делаю хорошо... А теперь, если б вы знали, каким большим дураком я кажусь себе за то, что глупо проворонил время, когда мог бы иметь все, в чем отказывает мне теперь моя старость!

С е р е б р я к о в. Постой. Ты, Жорж, точно обвиняешь в чем-то свои прежние убеждения...

С о н я. Довольно, папа! Скучно!

С е р е б р я к о в. Постой. Ты точно обвиняешь в чем-то свои прежние убеждения. Но виноваты не они, а ты сам. Ты забывал, что убеждения без дел мертвы. Нужно было дело делать.

В о й н и ц к и й. Дело? Не всякий способен быть пишущим perpetual mobile¹.

С е р е б р я к о в. Что ты хочешь этим сказать?

---

¹ вечным двигателем (лат.).

В о й н и ц к и й. Ничего. Прекратим этот разговор. Мы не дома.

М а р ь я В а с и л ь е в н а. Совсем потеряла память... Забыла вам, Александр, напомнить, чтобы вы перед завтраком приняли капли. Привезла их, а напомнить забыла.

С е р е б р я к о в. Не нужно.

М а р ь я В а с и л ь е в н а. Но ведь вы больны, Александр! Вы очень больны!

С е р е б р я к о в. Зачем же трезвонить об этом? Стар, болен, стар, болен... только и слышишь! (*Желтухину.*) Леонид Степаныч, позвольте мне встать и уйти в комнаты. Здесь немного жарко и кусают комары.

Ж е л т у х и н. Сделайте такое одолжение. Завтрак кончился.

С е р е б р я к о в. Благодарю вас. (*Уходит в дом; за ним идет Марья Васильевна.*)

Ю л я (*брату*). Иди за профессором! Неловко!

Ж е л т у х и н (*ей*). Черт бы его взял! (*Уходит.*)

Д я д и н. Юлия Степановна, позвольте вас поблагодарить от глубины души. (*Целует руку.*)

Ю л я. Не за что, Илья Ильич. Вы мало ели...

Ее благодарят.

Не за что, господа! Вы все так мало кушали!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Что же, господа, теперь будем делать? Пойдем сейчас на крокет пари держать... а потом?

Ю л я. А потом обедать.

Ф е д о р И в а н о в и ч. А потом?

Х р у щ о в. Потом приезжайте все ко мне. Вечером рыбную ловлю на озере устроим.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Превосходно.

Д я д и н. Восхитительно.

С о н я. Так позвольте же, господа... Значит, сейчас мы пойдем на крокет пари держать... Потом пораньше пообедаем у Юли и этак часов в семь поедem к Леш... то есть вот к Михаилу Львовичу. Отлично. Пойдемте, Юлечка, за шарами. (*Уходит с Юлей в дом.*)

Ф е д о р И в а н о в и ч. Василий, носи вино на крокет! Будем пить за здоровье победителей. Ну, отче, пойдем заниматься благородной игрой.

Орловский. Погоди, роднуша, мне нужно с профессором минуток пять посидеть, а то неловко. Этикет надо соблюсти. Пока поиграй моим шаром, а я скоро...
(Уходит в дом.)

Дядин. Пойду сейчас слушать учнейшего Александра Владимировича. Предвкушая то высокое наслаждение, кото..

Войницкий. Ты надоел, Вафля. Иди.

Дядин. Иду-с. (Уходит в дом.)

Федор Иванович (идя в сад, поет). «И будешь ты царицей мира, подруга верная моя...» (Уходит.)

Хрущов. Я сейчас потихоньку уеду. (Войничкому.) Егор Петрович, убедительно прошу вас, не будем никогда говорить ни о лесах, ни о медицине. Не знаю почему, но когда вы заводите об этом речь, то у меня после этого весь день бывает такое чувство, как будто я пообедал из нелуженой посуды. Честь имею кланяться.
(Уходит.)

VIII

Елена Андреевна и Войницкий.

Войницкий. Узкий человек. Всем позволительно говорить глупости, но я не люблю, когда их говорят с пафосом.

Елена Андреевна. А вы, Жорж, опять вели себя невозможно! Нужно было вам спорить с Марьей Васильевной и с Александром, говорить о regretting mobile! Как это мелко.

Войницкий. Но если я его ненавижу!

Елена Андреевна. Ненавидеть Александра не за что, он такой же, как и все...

Соня и Юлия проходят в сад с шарами и молотками для крокета.

Войницкий. Если б вы могли видеть свое лицо, свои движения... Какая вам лень жить! Ах, какая лень!

Елена Андреевна. Ах, и лень и скучно!

Пауза.

Все бранят моего мужа при мне, не стесняясь моим

присутствием. Все смотрят на меня с сожалением: несчастная, у нее старый муж! Всем, даже очень добрым людям, хотелось бы, чтоб я ушла от Александра... Это участие ко мне, все эти сострадательные взгляды и вздохи сожаления клонятся к одному. Вот, как сказал сейчас Леший, все вы безрассудно губите леса, и скоро на земле ничего не останется; точно так вы безрассудно губите человека, и скоро по вашей милости на земле не останется ни верности, ни чистоты, ни способности жертвовать собой. Почему вы не можете видеть равнодушно верную жену, если она не ваша? Потому что, прав этот Леший, во всех вас сидит бес разрушения. Вам не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга.

В о й н и ц к и й. Не люблю я этой философии!

Е л е н а А н д р е е в н а. Скажите этому Федору Иванычу, что он надоел мне своею наглостью. Это противно наконец. Смотреть мне в глаза и громко при всех говорить о своей любви к какой-то замуженной женщине— удивительно остроумно!

Голоса в саду: «Браво! Браво!»

Но как, однако, мил этот Леший! Он бывает у нас часто, но я застенчива и ни разу не говорила с ним как следует, не обласкала его. Он подумает, что я злая или гордая. Вероятно, Жорж, оттого мы с вами такие друзья, что оба мы нудные, скучные люди! Нудные! Не смотрите на меня так, я этого не люблю

В о й н и ц к и й. Могу ли я смотреть на вас иначе, если я люблю вас? Вы мое счастье, жизнь, моя молодость!.. Я знаю, шансы мои на взаимность равны нулю, но мне ничего не нужно, позвольте мне только глядеть на вас, слышать ваш голос...

IX

Т е ж е и С е р е б р я к о в.

С е р е б р я к о в (в окне). Леночка, где ты?

Е л е н а А н д р е е в н а. Здесь.

С е р е б р я к о в. Иди посиди с нами, милая... (Скрывается.)

Елена Андреевна идет к дому.

В о й н и ц к и й (*идя за нею*). Позвольте мне говорить о своей любви, не гоните меня прочь, и это одно будет для меня величайшим счастьем.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Столовая в доме Серебрякова. Буфет, посреди комнаты обеденный стол. Второй час ночи. Слышно, как в саду стучит сторож.

I

Серебряков (сидит в кресле перед открытым окном и дремлет) и Елена Андреевна (сидит около него и тоже дремлет).

Серебряков (*очнувшись*). Кто здесь? Соня, ты?

Елена Андреевна. Это я...

Серебряков Ты, Леночка... Невыносимая боль!

Елена Андреевна. У тебя плед упал на пол... (*Кутает ему ноги.*) Я, Александр, затворю окно.

Серебряков. Нет, мне душно... Я сейчас задремал, и мне снилось, будто у меня левая нога чужая... Проснулся от мучительной боли. Нет, это не подагра, скорей ревматизм. Который теперь час?

Елена Андреевна. Двадцать минут второго.

Пауза.

Серебряков. Утром поищи в библиотеке Батюшкова. Кажется, он есть у нас.

Елена Андреевна. А?

Серебряков. Поищи утром Батюшкова. Помнится, он был у нас. Но отчего мне так тяжело дышать?

Елена Андреевна. Ты устал. Вторую ночь не спишь.

Серебряков. Говорят, у Тургенева от подагры сделалась грудная жаба. Боюсь, как бы у меня не было. Проклятая, отвратительная старость. Черт бы ее побрал. Когда я постарел, я стал себе противен. Да и вам всем, должно быть, противно на меня смотреть.

Елена Андреевна. Ты говоришь о своей старости таким тоном, как будто все мы виноваты, что ты стар.

Серебряков. Тебе же первой я противен.

Елена Андреевна. Скучно! *(Отходит и садится поодаль.)*

Серебряков. Конечно, ты права. Я не глуп и понимаю. Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старик, почти труп. Что ж? Разве я не понимаю? И, конечно, глупо, что я до сих пор жив. Но погодите, скоро я освобожу вас всех. Недолго мне еще придется тянуть.

Елена Андреевна. Саша, я изнемогаю. Если за бессонные ночи я заслуживаю награды, то об одном только прошу: молчи! Бога ради, молчи. Больше мне ничего не нужно.

Серебряков. Выходит так, что благодаря мне все изнемогли, скучают, губят свою молодость, один только я наслаждаюсь жизнью и доволен. Ну да, конечно!

Елена Андреевна. Замолчи! Ты меня замучил!

Серебряков. Я всех замучил. Конечно!

Елена Андреевна *(плача)*. Невыносимо! Скажи, чего ты хочешь от меня?

Серебряков. Ничего.

Елена Андреевна. Ну, так замолчи; я прошу.

Серебряков. Странное дело, заговорит Жорж или эта старая идиотка Марья Васильевна,— и ничего, все слушают, но скажи я хоть одно слово, как все начинают чувствовать себя несчастными. Даже голос мой противен. Ну, допустим, я противен, я эгоист, я деспот, но неужели я даже в старости не имею некоторого права на эгоизм? Неужели я не заслужил? Жизнь моя была тяжела. Я и Иван Иванович в одно время были студентами. Спроси его. Он кутил, ездил к цыганкам, был моим благо-

детелем, а я в это время жил в дешевом, грязном номере, работал день и ночь, как вол, голодал и томился, что живу на чужой счет. Потом был я в Гейдельберге и не видел Гейдельберга; был в Париже и не видел Парижа: все время сидел в четырех стенах и работал. А получив кафедру, я всю свою жизнь служил науке, как говорится, верой и правдой, и теперь служу. Неужели же, я спрашиваю, за все это я не имею права на покойную старость, на внимание к себе людей?

Е л е н а   А н д р е е в н а. Никто не оспаривает у тебя этого права.

Окно хлопает от ветра.

Ветер поднялся, я закрою окно. *(Закрывает.)* Сейчас будет дождь. Никто у тебя твоих прав не оспаривает.

Пауза. Сторож в саду стучит и поет песню.

С е р е б р я к о в. Всю жизнь работать для науки, привыкнуть к своему кабинету, к аудитории, к почтенным товарищам и вдруг ни с того ни с сего очутиться в этом склепе, каждый день видеть тут пошлых людей, слушать ничтожные разговоры. Я хочу жить, я люблю успех, люблю известность, шум, а тут точно в ссылке. Каждую минуту тосковать по прошлому, следить за успехами других, бояться смерти... не могу! Нет сил! А тут еще не хотят простить мне моей старости!

Е л е н а   А н д р е е в н а. Погоди, имей терпенье: через пять-шесть лет и я буду стара.

Входит С о н я.

II

Т е ж е и С о н я.

С о н я. Не знаю, отчего это так долго доктора нет. Я сказала Степану, что если он не застанет земского врача, то чтоб поехал к Лешему.

С е р е б р я к о в. На что мне твой Леший? Он столько же понимает в медицине, как я в астрономии.

С о н я. Не выписывать же сюда для твоей подагры целый медицинский факультет.

С е р е б р я к о в. Я с этим юродивым и разговаривать не стану.

С о н я. Это как угодно. *(Садится.)* Мне все равно.

С е р е б р я к о в. Который теперь час?

Е л е н а А н д р е е в н а. Второй.

С е р е б р я к о в. Душно... Соня, дай мне со стола капли!

С о н я. Сейчас. *(Подает капли.)*

С е р е б р я к о в *(раздраженно)*. Ах, да не эти! Ни о чем нельзя попросить!

С о н я. Пожалуйста, не капризничай! Может быть, это некоторым и нравится, но меня избавь, сделай милость. Я этого не люблю.

С е р е б р я к о в. У этой девочки невозможный характер. Что же ты сердишься?

С о н я. И почему ты говоришь таким несчастным тоном? Пожалуй, кто-нибудь подумает, что ты в самом деле несчастлив. А на земле мало таких счастливых, как ты.

С е р е б р я к о в. Да, конечно! Я очень, очень счастлив!

С о н я. Разумеется, счастлив... А если подагра, то ведь ты знаешь отлично, что к утру припадок кончится. Что же тут стонать? Экая важность!

Входит В о й н и ц к и й *(в хзлате и со свечой)*.

Ш

Т е ж е и В о й н и ц к и й.

В о й н и ц к и й. На дворе гроза собирается...

Молния.

Вона как! Нелёпе и Соня, идите спать, я пришел вас сменить.

С е р е б р я к о в *(испуганно)*. Нет, нет, не оставляйте меня с ним! Нет! Он меня заговорит!

В о й н и ц к и й. Но надо же дать им покой! Они уж другую ночь не спят.

С е р е б р я к о в. Пусть идут спать, но и ты уходи. Благодарю. Умоляю тебя. Во имя нашей прежней дружбы, не протестуй. После поговорим.

В о й н и ц к и й. Препней нашей дружбы... Это, признаюсь, для меня новость.

Е л е н а А н д р е е в н а. Замолчите, Жорж.

С е р е б р я к о в. Дорогая моя, не оставляй меня с ним! Он меня заговорит.

В о й н и ц к и й. Это становится даже смешно.

Голос Хрущева за сценой: «Они в столовой? Здесь? Пожалуйста, велите убрать мою лошадь!»

В о й н и ц к и й. Вот доктор приехал.

Входит Х р у щ о в.

IV

Т е ж е и Х р у щ о в.

Х р у щ о в. Какова погодка-то? За мной гнался дождь, и я едва ушел от него. Здравствуйте. (*Здоровается.*)

С е р е б р я к о в. Извините, вас побеспокоили. Я этого вовсе не хотел.

Х р у щ о в. Полноте, что за важность! Но что это вы вздумали, Александр Владимирович? Как вам не стыдно хворать? Э, нехорошо! Что с вами?

С е р е б р я к о в. Отчего это доктора обыкновенно говорят с больными снисходительным тоном?

Х р у щ о в (*смеется*). А вы не будьте наблюдательны. (*Нежно.*) Пойдемте в постель. Здесь вам неудобно. В постели и теплей и покойней. Пойдемте... Там я вас выслушаю, и... и все будет прекрасно.

Е л е н а А н д р е е в н а. Слушайся, Саша, иди.

Х р у щ о в. Если вам больно ходить, то мы снесем вас в кресле.

Серебряков. Ничего, я могу... я пойду... *(Поднимается.)* Только напрасно вас побеспокоили.

Хрущов и Соня ведут его под руки.

К тому же я не очень-то верю... в аптеку. Что вы меня ведете? Я и сам могу. *(Уходит с Хрущовым и Соней.)*

У

Елена Андреевна и Войницкий.

Елена Андреевна. Я замучилась с ним. Едва на ногах стою.

Войницкий. Вы с ним, а я с самим собою. Вот уж третью ночь не сплю.

Елена Андреевна. Неблагополучно в этом доме. Ваша мать ненавидит все, кроме своих брошюр и профессора; профессор раздражен, мне не верит, вас боится; Соня злится на отца и не говорит со мною; вы ненавидите мужа и открыто презираете свою мать; я нудная, тоже раздражена и сегодня раз двадцать принималась плакать. Одним словом, война всех против всех. Сыршавается, какой смысл в этой войне, к чему она?

Войницкий. Оставим философию!

Елена Андреевна. Неблагополучно в этом доме. Вы, Жорж, образованны и умны и, кажется, должны понимать, что мир погибает не от разбойников и не от воров, а от скрытой ненависти, от вражды между хорошими людьми, от всех этих мелких дряг, которых не видят люди, называющие наш дом гнездом интеллигенции. Помогите же мне мирить всех! Одна я не в силах.

Войницкий. Сначала помирите меня с самим собой! Дорогая моя... *(Припадает к ее руке.)*

Елена Андреевна. Оставьте! *(Отнимает руку.)* Уходите!

Войницкий. Сейчас пройдет дождь, и все в природе освежится и легко вздохнет. Одного только меня не освежит гроза. Днем и ночью, точно домовой, душит меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлого нет, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелепости. Вот вам моя

жизнь и любовь: куда мне их девать, что мне из них делать? Чувство мое гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму, и сам я гибну...

Е л е н а А н д р е е в н а. Когда вы мне говорите о своей любви, я как-то тупею и не знаю, что говорить. Простите, я ничего не могу сказать вам. (*Хочет идти.*) Спокойной ночи!

В о й н и ц к и й (*загораживая ей дорогу*). И если бы вы знали, как я страдаю от мысли, что рядом со мною в этом же доме гибнет другая жизнь — ваша! Чего вы ждете? Какая проклятая философия мешает вам? Поймите же, что высшая нравственность заключается не в том, что вы на свою молодость надели колодки и стараетесь заглушить в себе жажду жизни...

Е л е н а А н д р е е в н а (*пристально смотрит на него*). Жорж, вы пьяны!

В о й н и ц к и й. Может быть, может быть...

Е л е н а А н д р е е в н а. Федор Иванович у вас?

В о й н и ц к и й. Он у меня ночует. Может быть, может быть. Все может быть!

Е л е н а А н д р е е в н а. И сегодня кутили? К чему это?

В о й н и ц к и й. Все-таки на жизнь похоже... Не мешайте мне, Hélène!

Е л е н а А н д р е е в н а. Раньше вы никогда не пили, и никогда вы так много не говорили, как теперь. Идите спать! Мне с вами скучно. И скажите вашему другу Федору Ивановичу, что если он не перестанет надоедать мне, то я приму меры. Идите!

В о й н и ц к и й (*припадая к ее руке*). Дорогая моя... чудная!

Входит Х р у щ о в.

VI

Т е ж е и Х р у щ о в.

Х р у щ о в. Елена Андреевна, вас Александр Владимирович просит.

Е л е н а А н д р е е в н а (*вырывая от Войницкого руку*). Сюю минуточку! (*Уходит.*)

Х р у щ о в (*Войничкому*). У вас нет ничего святого! Вы и эта милая барыня, что сейчас вышла, вспомнили бы, что ее муж был когда-то мужем вашей родной сестры и что с вами под одной кровлей живет молодая девушка! О вашем романе говорит уже вся губерния. Какое бесстыдство! (*Уходит к больному.*)

В о й н и ц к и й (*один*). Ушла...

Пауза.

Десять лет тому назад я встречал ее у покойной сестры. Тогда ей было семнадцать, а мне тридцать семь лет. Отчего я тогда не влюбился в нее и не сделал ей предложения? Ведь это было так возможно! И была бы теперь она моей женой... Да... теперь оба мы проснулись бы от грозы; она испугалась бы грома, а я держал бы ее в своих объятиях и шептал: «Не бойся, я здесь». О, чудные мысли, как хорошо, я даже смеюсь... но, боже мой, мысли путаются в голове... Зачем я стар? Зачем она меня не понимает? Ее риторика, ленивая мораль, вздорные ленивые мысли о погибели мира — все это мне глубоко ненавистно...

Пауза.

Зачем я дурно создан? Как я завидую этому шалому Федору или этому глупому Лешему! Они непосредственны, искренни, глупы... Они не знают этой проклятой, отравляющей иронии...

Входит Федор Иванович, окутанный в одеяло.

VII

В о й н и ц к и й и Ф е д о р И в а н о в и ч.

Ф е д о р И в а н о в и ч (*в дверь*). Вы одни здесь? дам нет? (*Входит.*) А меня гроза разбудила. Важный дождик. Который теперь час?

В о й н и ц к и й. А черт его знает!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Мне как будто послышался голос Елены Андреевны.

В о й н и ц к и й. Сейчас она была здесь.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Роскошная женщина! (*Осматривает склянки на столе.*) Что это? Мятные

лепешки? (*Ест.*) Да-с, роскошная женщина... Профессор болен, что ли?

В о й н и ц к и й. Болен.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Не понимаю такого существования. Говорят, что древние греки бросали слабых и хилых детей в пропасть с горы Монблана. Вот таких бы надо бросать!

В о й н и ц к и й (*раздраженно*). Не с Монблана, а с Тарпейской скалы. Какое грубое невежество!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ну, со скалы так со скалы... Черт ли в том? Что ты сегодня такой печальный? Профессора жаль, что ли?

В о й н и ц к и й. Оставь меня.

Пауза.

Ф е д о р И в а н о в и ч. А то, может быть, в профессору влюблен? А? Что ж! Это можно... вздыхай... только послушай: если в сплетнях, вот что по уезду ходят, есть хоть одна сотая доля правды и если я узнаю, то не проси милости, сброшу тебя с Тарпейской скалы...

В о й н и ц к и й. Она мой друг.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Уже?

В о й н и ц к и й. Что значит это «уже»?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Женщина может быть другом мужчины только под таким условием: сначала приятель, потом любовница, а затем уж друг.

В о й н и ц к и й. Пошляческая философия.

Ф е д о р И в а н о в и ч. По этому случаю надо выпить. Пойдем, у меня, кажется, еще шартрез остался. Выпьем. А как рассветет, ко мне поедем. Идешь? У меня есть приказчик Лука, который никогда не скажет «идет», а «идеть». Мошенник страшный... Так идешь? (*Увидав входящую Соню.*) Батюшки-светы, извините, я без галстука! (*Убегает.*)

VIII

В о й н и ц к и й и С о н я.

С о н я. А ты, дядя Жорж, опять пил шампанское с Федей и катался на тройке. Подружились, ясные соколы. Ну, тот уж отпетый и родился кутилой, а ты-то с чего? В твои годы это совсем не к лицу.

В о й н и ц к и й. Годы тут ни при чем. Когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего.

С о н я. Сено у нас не убрано; Герасим сегодня сказал, что оно сгниет от дождя, а ты занимаешься миражами. (*Испуганно.*) Дядя, у тебя на глазах слезы!

В о й н и ц к и й. Какие слезы? Ничего нет... вздор... ты сейчас взглянула на меня, как покойная твоя мать. Милая моя... (*Жадно целует руки и лицо.*) Сестра моя... милая сестра моя... где она теперь? Если б она знала! Ах, если б она знала!

С о н я. Что? Дядя, что знала?

В о й н и ц к и й. Тяжело, нехорошо... Ничего...

Входит Х р у щ о в.

После... Ничего... Я уйду... (*Уходит.*)

IX

С о н я и Х р у щ о в.

Х р у щ о в. Ваш батюшка совсем не хочет слушаться. Я ему говорю — подагра, а он — ревматизм; я прошу его лежать, а он сидит. (*Берет фуражку.*) Нервы.

С о н я. Избалован. Положите вашу шапку. Дайте дождю кончиться. Хотите закусить?

Х р у щ о в. Пожалуй, дайте.

С о н я. Я люблю по ночам закусывать. В буфете, кажется, есть что-то... (*Роется в буфете.*) Разве ему доктор нужен? Ему нужно, чтобы около него сидела дюжина дам, заглядывала бы ему в глаза и стонала: «Профессор!» Вот берите сыр...

Х р у щ о в. Таким тоном не говорят о родном отце. Согласен, он тяжелый человек, но если сравнить его с другими, то все эти дяди Жоржи и Иваны Иванычи не стоят его мизинца.

С о н я. Вот бутылка с чем-то. Я вам не об отце, а о великом человеке. Отца я люблю, а великие люди с их китайскими церемониями мне наскучили.

Садятся.

Дождь-то какой!

Молния.

Вот!

Х р у щ о в. Гроза идет мимо, только краем захватит.
С о н я (*наливает*). Пейте.

Х р у щ о в. Сто лет вам жить. (*Пьет.*)

С о н я. Вы сердитесь на нас за то, что мы побеспокоили вас ночью?

Х р у щ о в. Напротив. Если бы вы меня не позвали, то я бы теперь спал, а видеть вас наяву гораздо приятнее, чем во сне.

С о н я. Отчего же у вас такое сердитое лицо?

Х р у щ о в. Оттого, что я сердит. Здесь никого нет, и можно говорить прямо. С каким удовольствием, Софья Александровна, я увез бы вас отсюда сию минуту. Не могу я дышать этим вашим воздухом, и мне кажется, что он отравляет вас. Ваш отец, который весь ушел в свою подагру и в книги и знать больше ничего не хочет, этот дядя Жорж, наконец ваша мачеха...

С о н я. Что мачеха?

Х р у щ о в. Нельзя обо всем говорить... нельзя! Великолепная моя, я многого не понимаю в людях. В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли... Часто я вижу прекрасное лицо и такую одежду, что кружится голова от восторга, но душа и мысли — боже мой! В красивой оболочке прячется иногда душа такая черная, что не затрешь ее никакими белилами... Простите мне, я волнуюсь... Ведь вы мне бесконечно дороги...

С о н я (*роняет нож*). Уронила...

Х р у щ о в (*поднимает*). Ничего...

Пауза.

Бывает, что идешь темной ночью по лесу, а если в это время светит вдали огонек, то на душе почему-то так хорошо, что не замечаешь ни утомления, ни потемок, ни колючих веток, которые бьют тебя прямо в лицо. Я работаю от утра до глубокой ночи, зиму и лето не знаю покою, воюю с теми, кто меня не понимает, страдаю иногда невыносимо... но вот наконец я нашел свой огонек. Я не буду хвастать, что люблю вас больше всего на свете.

Любовь у меня не все в жизни... она моя награда! Моя хорошая, славная, нет выше награды для того, кто работает, борется, страдает...

С о н я (*взволнованно*). Виновата... Один вопрос, Михаил Львович.

Х р у щ о в. Что? Говорите скорее...

С о н я. Видите ли... вот вы часто бываете у нас, и я тоже иногда бываю у вас со своими. Сознаться, что вы этого никак не можете простить себе...

Х р у щ о в. То есть?

С о н я. То есть я хочу сказать, что ваше демократическое чувство оскорблено тем, что вы коротко знакомы с нами. Я институтка, Елена Андреевна аристократка, одеваемся мы по моде, а вы демократ...

Х р у щ о в. Ну... ну... не будем говорить об этом! Не время!

С о н я. Главное, что вы сами копаете торф, сажаете лес... как-то странно. Одним словом, вы народник...

Х р у щ о в. Демократ, народник... Софья Александровна, да неужели об этом можно говорить серьезно и даже с дрожью в голосе?

С о н я. Да, да, серьезно, тысячу раз серьезно.

Х р у щ о в. Да нет, нет...

С о н я. Уверяю вас и клянусь чем угодно, что если бы у меня, положим, была сестра и если бы вы ее полюбили и сделали ей предложение, то вы бы этого никогда себе не простили и вам было бы стыдно показаться на глаза вашим земским докторам и женщинам-врачам, стыдно, что вы полюбили институтку, кисейную барышню, которая не была на курсах и одевается по моде. Знаю я очень хорошо... По вашим глазам я вижу, что это правда! Одним словом, короче говоря, эти ваши леса, торф, вышитая сорочка — все рисовка, кривлянье, ложь, и больше ничего.

Х р у щ о в. За что? Дитя мое, за что вы меня оскорбили? Впрочем, я глупец. Так мне и нужно: не в свои сани не садись! Прощайте! (*Идет к двери.*)

С о н я. Прощайте... Я была резка, прошу извинения.

Х р у щ о в (*возвращаясь*). Если б вы знали, как здесь у вас тяжело и душно! Среда, где к каждому человеку подходят боком, смотрят на него искоса и ищут в нем народника, психопата, фразера — все что угодно, но толь-

ко не человека! «О, это, говорят, психопат!» — и рады. «Это фразер!» — и довольны, точно открыли Америку! А когда меня не понимают и не знают, какой ярлык прилепить к моему лбу, то винят в этом не себя, а меня же и говорят: «Это странный человек, странный!» Вам еще только двадцать лет, но уж вы стары и рассудительны, как ваш отец и дядя Жорж, и я нисколько бы не удивился, если бы вы пригласили меня лечить вас от подагры. Так жить нельзя! Кто бы я ни был, глядите мне в глаза прямо, ясно, без задних мыслей, без программы и ищите во мне прежде всего человека, иначе в ваших отношениях к людям никогда не будет мира. Прощайте! И попомните мое слово, с такими хитрыми, подозрительными глазами, как у вас, вы никогда не полюбите!

С о н я. Неправда!

Х р у щ о в. Правда!

С о н я. Неправда! Вот назло же вам... я люблю! люблю, и мне больно, больно! Оставьте меня! Уходите, умоляю... не бывайте у нас... не бывайте...

Х р у щ о в. Честь имею кланяться! (*Уходит.*)

С о н я (*одна*). Разозлился. Не дай бог иметь такой характер, как у этого человека.

Пауза.

Он прекрасно говорит, но кто поручится мне, что это не фразерство! Он постоянно думает и говорит только о своих лесах, сажает деревья... Это хорошо, но ведь очень может быть, что это психопатия... (*Закрывает лицо руками.*) Ничего не понимаю! (*Плачет.*) Учился на медицинском факультете, а занимается совсем не медициной... Это все странно, странно... Господи, да помоги же мне все это обдумать!

Входит Елена Андреевна.

Х

С о н я и Е л е н а А н д р е е в н а.

Е л е н а А н д р е е в н а (*открывает окна*). Прогроза! Какой хороший воздух!

Пауза.

Где Леший?

С о н я. Ушел.

Пауза.

Е л е н а А н д р е е в н а. Софи!

С о н я. Что?

Е л е н а А н д р е е в н а. До каких пор вы будете дуться на меня? Друг другу мы не сделали никакого зла. Зачем же нам быть врагами? Полноте...

С о н я. Я сама хотела... *(Обнимает ее.)* Милая!

Е л е н а А н д р е е в н а. И отлично...

Обе взволнованы.

С о н я. Папа лег?

Е л е н а А н д р е е в н а. Нет, сидит в гостиной. Не говорим мы друг с другом по целому месяцу и бог знает из-за чего. Пора наконец... *(Смотрит на стол.)* Что это?

С о н я. Леший ужинал.

Е л е н а А н д р е е в н а. И вино есть... Давайте выпьем брудершафт.

С о н я. Давайте.

Е л е н а А н д р е е в н а. Из одной рюмки... *(Наливает.)* Этак лучше. Ну, значит — «ты»?

С о н я. «Ты».

Пьют и целуются

Я давно уж хотела мириться, да все как-то совестно было... *(Плачет.)*

Е л е н а А н д р е е в н а. Что же ты плачешь?

С о н я. Ничего, это я так.

Е л е н а А н д р е е в н а. Ну, будет, будет... *(Плачет.)* Чудачка, и я через тебя заплакала!

Пауза.

Ты на меня сердита за то, что я будто вышла за твоего отца по расчету. Если веришь клятвам, то, клянусь тебе, я выходила за него по любви. Я увлеклась им как ученым и известным человеком. Любовь была не настоящая, искусственная, но ведь мне казалось тогда, что она настоящая! Я не виновата. А ты с самой нашей свадьбы казнила меня своими хитрыми, подозрительными глазами...

С о н я. Ну, мир, мир! Забудем. Я уж второй раз сегодня слышу, что у меня хитрые, подозрительные глаза.

Е л е н а А н д р е е в н а. Не надо смотреть так хитро. Тебе это не идет. Надо всем верить, иначе жить нельзя.

С о н я. Пуганая ворона куста боится. Мне так часто приходилось разочаровываться.

Е л е н а А н д р е е в н а. В ком? Отец твой хороший, честный человек, труженик. Ты сегодня попрекнула его счастьем. Если он в самом деле был счастлив, то за трудами он не замечал этого своего счастья. Я не сделала умышленно зла ни отцу, ни тебе. Дядя твой Жорж очень добрый, честный, но несчастный, неудовлетворенный человек... Кому же не веришь?

Пауза.

С о н я. Скажи мне по совести, как другу... Ты счастлива?

Е л е н а А н д р е е в н а. Нет.

С о н я. Я это знала. Еще один вопрос. Скажи откровенно, ты хотела бы, чтобы у тебя был молодой муж?

Е л е н а А н д р е е в н а. Какая ты еще девочка... Конечно, хотела бы! *(Смеется.)* Ну, спроси еще что-нибудь, спроси...

С о н я. Тебе Леший нравится?

Е л е н а А н д р е е в н а. Да, очень.

С о н я *(смеется)*. У меня глупое лицо... да? Вот он ушел, а я все еще слышу его голос и шаги, а посмотрю на темное окно — там мне представляется его лицо... Дай мне высказаться... Но я не могу говорить так громко, мне стыдно. Пойдем ко мне в комнату, там поговорим. Я тебе кажусь глупой? Сознайся... Он хороший человек?

Е л е н а А н д р е е в н а. Очень, очень...

С о н я. Мне кажутся странными его леса, торф... Я не понимаю.

Е л е н а А н д р е е в н а. Да разве в лесах дело? Милая моя, пойми, ведь это талант! Ты знаешь, что значит талант? Смелость, свободная голова, широкий размах... посадит деревцо или выкопает какой-нибудь пуд торфа — и уж загадывает, что будет от этого через

тысячу лет, уж снится ему счастье человечества. Такие люди дороги, и их любить нужно. Дай вам бог. Оба вы чистые, смелые, честные. Он взбалмошный, ты рассудительная, умная... Будете отлично дополнять друг друга... *(Встает.)* А я нудная, эпизодическое лицо... и в музыке, и в доме мужа, и во всех ваших романах — везде я была только эпизодическим лицом. Собственно говоря, Соня, если вдуматься, то, вероятно, я очень, очень несчастна! *(Ходит в волнении по сцене.)* Нет мне счастья на этом свете! Нет! Что ты смеешься?

С о н я *(смеется, закрывая лицо)*. Я так счастлива! Как я счастлива!

Е л е н а А н д р е е в н а *(ломая руки)*. В самом деле, как я несчастна!

С о н я. Я счастлива... счастлива.

Е л е н а А н д р е е в н а. Мне хочется играть. Я сыграла бы теперь что-нибудь...

С о н я. Сыграй. *(Обнимает ее.)* Я не могу спать... Сыграй.

Е л е н а А н д р е е в н а. Сейчас. Твой отец не спит. Когда он болен, его раздражает музыка. Поди спроси. Если он ничего, то сыграю... поди...

С о н я. Сейчас. *(Уходит.)*

В саду стучит сторож.

Е л е н а А н д р е е в н а. Давно уж я не играла. Буду играть и плакать, как дура... *(В окно.)* Это ты стучишь, Ефим?

Голос сторожа: «Эге!»

Не стучи, пан нездоров.

Голос сторожа: «Сейчас уйду!» Подсвистывает: «Жучка, Трезор! Жучка!»

Пауза.

С о н я *(вернувшись)*. Нельзя!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гостиная в доме Серебрякова. Три двери: направо, налево и посредине. День. Слышно, как за сценой Елена Андреевна играет на рояле арию Ленского перед дуэлью из «Евгения Онегина».

I

Орловский, Войницкий и Федор Иванович
(последний в черном костюме с папачкой в руках).

Войницкий (*слушая музыку*). Это она играет, Елена Андреевна... Моя любимая вещь.

Музыка за сценой умолкает.

Да... хорошая вещь... Кажется, никогда еще у нас так скучно не было...

Федор Иванович. Не видал ты, душа моя, настоящей скуки. Когда я был в Сербии добровольцем, так вот где была скука! Жарко, душно, грязно, голова трещит с похмелья... Сижу я раз, помню, в грязном сараишке... Со мною капитан Кашкинази... Все уж переговорили, идти некуда, делать нечего, пить не хочется — тошно, понимаешь ли, просто хоть в петлю! Сидим, как аспиды, и друг на друга глядим... Он на меня глядит, а я на него... я на него, а он на меня... Глядим и сами не знаем, чего... проходит, понимаешь ли, час, другой, а мы все глядим. Вдруг он ни с того ни с сего вскакивает, выхватывает шашку и на меня... Здравствуйте... Я, конечно, сейчас — ведь убьет же! — вынимаю свою шашку, и пошла писать: чик-чак, чик-чак, чик-чак... Насилу розняли. Я потом ничего, а капитан Кашкинази до сих пор с шрамом на щеке ходит. Так вот до какой степени люди балдеют иногда...

Орловский. Да, бывает.

Входит Соня.

II

Т е ж е и С о н я .

С о н я (в сторону). Не нахожу себе места... (Идет и смеется.)

О р л о в с к и й. Кисанька, куда ты? Посиди с нами.

С о н я. Федя, поди сюда... (Отводит Федора Ивановича в сторону.) Поди сюда...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Что тебе? Отчего у тебя лицо такое лучезарное?

С о н я. Федя, дай слово, что исполнишь!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ну?

С о н я. Поезжай... к Лешему.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Зачем?

С о н я. Да так... просто поезжай... Спроси, отчего он у нас так долго не был... Уж две недели.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Покраснела! Стыдно! Господа, Соня влюблена!

В с е. Стыдно! Стыдно!

Соня закрывает лицо и убегает.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Слоняется, как тень, из комнаты в комнату и места себе не находит. В Лешего влюблена.

О р л о в с к и й. Славная девочка... Люблю. Мечтал я, Федюша, что ты на ней женишься — лучшей невесты не скоро найдешь, ну да, значит, так богу угодно... А как бы мне приятно и умирительно было! Приехал бы я к тебе, а у тебя молодая жена, семейный очаг, самоварчик кипит...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Неграмотен я по этой части. Если бы когда-нибудь пришла мне в голову блажь жениться, то во всяком случае я женился бы на Юле. Эта, по крайности, маленькая, а из всех зол надо всегда выбирать меньшее. Да и хозяйка... (Хлопает себя по лбу.) Идея!

О р л о в с к и й. Что такое?

Ф е д о р И в а н о в и ч. Давайте шампанского выпьем!

В о й н и ц к и й. Рано еще, да и жарко... Погоди...

Орловский (*любуясь*). Сыночек мой, красавец... Шампанского захотел, дуся моя...

Входит Елена Андреевна.

III

Те же и Елена Андреевна.

Елена Андреевна идет через сцену.

Войницкий. Полюбуйтесь: идет и от лени шатается. Очень мило! Очень!

Елена Андреевна. Перестаньте, Жорж. И без вашего жужжання скучно.

Войницкий (*загораживая ей дорогу*). Талант, артистка! Ну, похожи ли вы на артистку? Апатия, Обломов, вахлак... Столько добродетели, что, извините, даже глядеть противно...

Елена Андреевна. Не глядите... пустите меня...

Войницкий. Что томитесь? (*Живо.*) Ну, дорогая моя, роскошь, будьте умницей! В ваших жилах течет русалочья кровь, будьте же русалкой!

Елена Андреевна. Пустите!

Войницкий. Дайте себе волю хоть раз в жизни, влюбитесь поскорее по самые уши в какого-нибудь водяного...

Федор Иванович. И бултых с головою в омут с ним вместе так, чтобы герр профессор и все мы только руками развели!

Войницкий. Русалка, а? Люби, пока любится!

Елена Андреевна. И что вы меня учите? Точно я без вас не знаю, как бы я жила, если б моя воля! Я бы улетела вольной птицей подальше от всех вас, от ваших сонных физиономий, скучных, постылых разговоров, забыла бы, что все вы существуете на свете, и никто бы не посмел тогда учить меня. Но нет у меня своей воли. Я труслива, застенчива, и мне все кажется, что если бы я изменила, то все жены взяли бы с меня пример и побросали бы своих мужей, что меня накажет бог

и замучит совесть, а то бы я показала вам, как живут на воле! *(Уходит.)*

Орловский. Душа моя, красавица...

Войницкий. Я, кажется, скоро начну презирать эту женщину! Застенчива, как девчонка, и философствует, как старый, приукрашенный добродетелями дьячок! Кислота! Простокваша!

Орловский. Полно, полно... Где теперь профессор?

Войницкий. У себя в кабинете. Пишет.

Орловский. Он вызвал меня сюда письмом по какому-то делу. Вам неизвестно, какое дело?

Войницкий. Никаких у него нет дел. Пишет чепуху, брюзжит и ревнует, больше ничего.

Входят из правой двери Желтухин и Юлия.

IV

Те же, Желтухин и Юлия.

Желтухин. Здравствуйте, господа. *(Здоровается.)*

Юлия. Здравствуйте, крестненький! *(Целуется.)*
Здравствуй, Феденька! *(Целуется.)* Здравствуйте, Егор Петрович! *(Целуется.)*

Желтухин. Александр Владимирович дома?

Орловский. Дома. В кабинете сидит.

Желтухин. Надо пойти к нему. Он писал мне, что дело какое-то есть... *(Уходит.)*

Юлия. Егор Петрович, вы вчера получили ячмень по вашей записке?

Войницкий. Благодарю, получил. Сколько вам следует? Мы еще что-то брали у вас весной, не помню что... Надо нам счесться. Терпеть не могу путать и запускать счета.

Юлия. Брали весной восемь четвертей ржи, Егор Петрович, двух телушек, одного бычка, и из вашего хутора присылали за маслом.

Войницкий. Сколько же вам следует?

Юлия. Как же я могу? Я без счетов не могу, Егор Петрович.

В о й н и ц к и й. Счеты я вам сейчас принесу, если нужно... (*Уходит и тотчас же возвращается со счетами.*)

О р л о в с к и й. Манюня, братон здоров?

Ю л я. Слава богу. Крестенький, где это вы купили такой галстук?

О р л о в с к и й. В городе, у Кирпичева.

Ю л я. Славенький. Надо будет Ленечке такой купить.

В о й н и ц к и й. Вот вам и счеты.

Юля садится и щелкает на счетах.

О р л о в с к и й. Какую Лене бог хозяйку послал! Пупсик, от земли не видно, а гляди, как работает! Ишь ты!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Да, а он только ходит да за щеку держится. Свистун...

О р л о в с к и й. Салопница моя милая... Знаете, ведь она в салопе ходит. Еду я в пятницу по базару, а она ходит около возов в салопе...

Ю л я. Вот вы меня и сбили.

В о й н и ц к и й. Пойдемте, господа, куда-нибудь в другое место. В залу, что ли. Надоело мне здесь... (*Зевает.*)

О р л о в с к и й. В залу так в залу... Мне все равно.

Уходят в левую дверь.

Ю л я (*одна; после паузы*). Феденька чеченцем нарядился... Что значит родители направления хорошего не дали... Красивей мужчины во всей губернии нет, умный, богатый, а никакого толку... Дурак дураком... (*Щелкает на счетах.*)

Входит С о н я.

У

Ю л я и С о н я.

С о н я. Вы у нас, Юлечка? А я не знала...

Ю л я (*целуется*). Милая!

С о н я. Что вы тут делаете? Считаете? Какая вы хорошая хозяйка, даже смотреть завидно... Юлечка, отчего вы замуж не выходите?

Ю л я. Так... Меня приезжали сватать, да я отказала. За меня не посватается настоящий жених! (*Вздыхает.*) Нет!

С о н я. Почему же?

Ю л я. Я необразованная девушка. Меня ведь из второго класса гимназии взяли!

С о н я. Зачем же вас взяли, Юлечка?

Ю л я. За неспособности.

Соня смеется.

Что вы смеетесь, Сонечка?

С о н я. У меня в голове как-то странно... Юлечка, я сегодня так счастлива, так счастлива, что даже скучно от счастья... Места себе не найду... Ну, давайте говорить о чем-нибудь, давайте... Вы были когда-нибудь влюблены?

Юля утвердительно кивает головой.

Да? Он интересный?

Юля шепчет ей на ухо.

В кого? В Федора Иваныча?

Ю л я (*утвердительно кивает головой*). А вы?

С о н я. И я тоже... только я не в Федора Иваныча. (*Смеется.*) Ну, еще скажите что-нибудь.

Ю л я. Мне давно уж нужно поговорить с вами, Сонечка.

С о н я. Пожалуйста.

Ю л я. Я хочу объясниться. Видите ли... Я всегда к вам душевно расположена... У меня много знакомых девушек, но вы из всех самая лучшая... Если бы вы мне сказали: «Юлечка, дайте мне десять лошадей или, положим, двести овец». С удовольствием... Для вас бы ничего не пожалела...

С о н я. Что же вы сконфузились, Юлечка?

Ю л я. Мне совестно... Я... я душевно к вам расположена. Из всех вы самая лучшая... не гордая... какой у вас миленький ситчик!

С о н я. Про ситчик после... Говорите...

Ю л я (*волнуясь*). Не знаю, как это по-умному... Позвольте предложить вам... осчастливить... то есть...

то есть... то есть... выходите замуж за Ленечку. (*Закрывает лицо.*)

С о н я (*вставая*). Не будем говорить об этом, Юлечка... Не надо, не надо...

Входит Е л е н а А н д р е е в н а.

VI

Т е ж е и Е л е н а А н д р е е в н а.

Е л е н а А н д р е е в н а. Положительно деваться некуда. Оба Орловские и Жорж ходят по всем комнатам, и, куда ни войдешь, везде они. Просто даже тоска берет. Что им здесь надо? Ехали бы куда-нибудь.

Ю л я (*сквозь слезы*). Здравствуйте, Елена Андреевна. (*Хочет целоваться.*)

Е л е н а А н д р е е в н а. Здравствуйте, Юлечка. Простите, я не люблю часто целоваться. Соня, что отец делает?

Пауза.

Соня, что же ты мне не отвечаешь? Я спрашиваю: что отец делает?

Пауза.

Соня, отчего ты не отвечаешь?

С о н я. Вам хочется знать? Идите сюда... (*Отводит ее немного в сторону.*) Извольте, я скажу... Слишком чисто у меня сегодня на душе, чтоб я могла говорить с вами и продолжать скрывать. Вот возьмите! (*Подает письмо.*) Это я нашла в саду. Юлечка, пойдете! (*Уходит с Юлей в левую дверь.*)

VII

Е л е н а А н д р е е в н а, потом Ф е д о р И в а н о в и ч.

Е л е н а А н д р е е в н а (*одна*). Что такое? Письмо Жоржа ко мне! Но чем же я виновата? О, как это резко, безбожно!.. У нее так чисто на душе, что она не может

говорить со мной... Боже мой, так оскорблять!.. Голова кружится, я сейчас упаду...

Ф е д о р И в а н о в и ч (выходит из левой двери и идет через сцену). Что это вы всё вздрагиваете, когда видите меня?

Пауза.

Гм... (Берет у нее из рук письмо и рвет его на клочки.) Все это вы бросьте. Вы должны думать только обо мне.

Пауза.

Е л е н а А н д р е е в н а. Это что значит?

Ф е д о р И в а н о в и ч. А это значит, что, если я кого раз наметил, тому уж не вырваться из этих рук.

Е л е н а А н д р е е в н а. Нет, это значит, что вы глупы и наглы.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Сегодня в семь с половиною часов вечера вы должны быть за садом около мостика и ждать меня... Ну-с? Больше я ничего не имею вам сказать... Итак, мой ангел, до семи с половиною часов. *(Хочет взять ее за руку.)*

Елена Андреевна дает ему пощечину.

Сильно сказано...

Е л е н а А н д р е е в н а. Ступайте прочь!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Слушаю-с... *(Идет и возвращается.)* Я тронут... Будем рассуждать мирно. Видите ли... на этом свете я все испытал, даже уху из золотых рыбок раза два ел... Только вот еще на шарах не летал и ни разу еще у ученых профессоров жен не увозил...

Е л е н а А н д р е е в н а. Ступайте...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Сейчас уйду... Все испытал... И столько у меня от этого наглости, что просто деваться некуда. То есть все это я к тому говорю, что если вам когда-нибудь понадобится друг или верный пес, то обратитесь ко мне... Я тронут...

Е л е н а А н д р е е в н а. Никаких мне псов не надо... Ступайте...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Слушаю... *(Растроганный.)* Тем не менее все-таки я тронут... Конечно, тронут.. Да... *(Нерешительно уходит.)*

Елена Андреевна (одна). Голова болит... Каждую ночь я вижу нехорошие сны и предчувствую что-то ужасное... Какая, однако, мерзость! Молодежь родилась и воспитывалась вместе, друг с другом на «ты», всегда целуются, жить бы им в мире и согласии, но, кажется, скоро все съедят друг друга... Леса спасает Леший, а людей некому спасать. (Идет к левой двери, но, увидав идущих навстречу Желтухина и Юлю, уходит в среднюю.)

VIII

Желтухин и Юля.

Юля. Как мы с тобой несчастны, Ленечка, ах, как несчастны!

Желтухин. Кто же уполномочивал тебя говорить с нею? Непрошенная сваха, баба! Ты мне все дело испортила! Она подумает, что я сам не умею говорить, и... и какое мещанство! Тысячу раз говорил я, что все это надо оставить. Ничего кроме унижения и этих всяких намеков, низостей, подлостей... Старик, вероятно, догадался, что я люблю ее, и уж эксплуатирует мое чувство! Хочет, чтобы я купил у него это имение.

Юля. А сколько он просит?

Желтухин. Тссс!.. Идут!..

Входят из левой двери Серебряков, Орловский и Марья Васильевна; последняя читает на ходу брошюру.

IX

Те же, Серебряков, Орловский и Марья Васильевна.

Орловский. Я и сам, душа моя, что-то не совсем здоров. Вот уж два дня голова болит и все тело ломит...

Серебряков. Где же остальные? Не люблю я этого дома. Какой-то лабиринт. Двадцать шесть громадных комнат, разбредутся все, и никого никогда не

найдешь. *(Звонит.)* Пригласите сюда Егора Петровича и Елену Андреевну.

Желтухин. Юля, тебе нечего делать, поди поищи Егора Петровича и Елену Андреевну.

Юля уходит.

Серебряков. С нездоровьем еще можно мириться, куда ни шло, но чего я не могу переварить, так этого своего теперешнего настроения. У меня такое чувство, как будто я уже умер или с земли свалился на какую-то чужую планету.

Орловский. Оно с какой точки взглянуть...

Марья Васильевна *(читая)*. Дайте мне карандаш... Опять противоречие! Надо отметить.

Орловский. Извольте, ваше превосходительство! *(Подает карандаш и целует руку.)*

Входит Войницкий.

Х

Те же, Войницкий, потом Елена Андреевна.

Войницкий. Я вам нужен?

Серебряков. Да, Жорж.

Войницкий. Что вам от меня угодно?

Серебряков. Вам... Что же ты сердишься?

Пауза.

Если я в чем виноват перед тобой, то извини, пожалуйста...

Войницкий. Оставь этот тон... Приступим к делу... Что тебе нужно?

Входит Елена Андреевна.

Серебряков. Вот и Леночка... Садитесь, господа.

Пауза.

Я пригласил вас, господа, чтобы объявить вам, что к нам едет ревизор. Впрочем, шутки в сторону. Дело серьезное. Я, господа, собрал вас, чтобы попросить у вас помощи и совета, и, зная всегдашнюю вашу любез-

ность, надеюсь, что получу их. Человек я ученый, книжный и всегда был чужд практической жизни. Обойтись без указаний сведущих людей я не могу и прошу тебя, Иван Иванович, вот вас, Леонид Степанович, и тебя, Жорж... Дело в том, что *тапет отпес ипа пох*¹, то есть все мы под богом ходим; я стар, болен и потому нахожу своевременным регулировать свои имущественные отношения постольку, поскольку они касаются моей семьи. Жизнь моя уже кончена, о себе я не думаю, но у меня молодая жена, дочь-девушка. Продолжать жить в деревне им невозможно.

Е л е н а А н д р е е в н а. Мне все равно.

С е р е б р я к о в. Мы для деревни не созданы. Жить же в городе на те средства, какие мы получаем с этого имения, невозможно. Третьего дня я продал на четыре тысячи лесу, но это мера экстраординарная, которою нельзя пользоваться ежегодно. Нужно изыскать такие меры, которые гарантировали бы нам постоянную, более или менее определенную цифру дохода. Я придумал одну такую меру и имею честь предложить ее на ваше обсуждение. Минуя детали, изложу ее в общих чертах. Наше имение дает в среднем размере не более двух процентов. Я предлагаю продать его. Если вырученные деньги мы обратим в процентные бумаги, то будем получать от четырех до пяти процентов. Я думаю, что будет даже излишек в несколько тысяч, который нам позволит купить в Финляндии небольшую дачу...

В о й н и ц к и й. Постой, мне кажется, что мне изменяет мой слух. Повтори, что ты сказал...

С е р е б р я к о в. Деньги обратит в процентные бумаги и купить дачу в Финляндии...

В о й н и ц к и й. Не Финляндия... ты еще что-то другое сказал.

С е р е б р я к о в. Я предлагаю продать имение.

В о й н и ц к и й. Вот это самое... Ты продашь имение... превосходно, богатая идея... А куда прикажешь деваться мне со старухой матерью?

С е р е б р я к о в. Все это своевременно мы обсудим... Не сразу же...

---

¹ всех одинаково ожидает ночь (лат.).

В о й н и ц к и й. Постой... Очевидно, до сих пор у меня не было ни капли здравого смысла. До сих пор я имел глупость думать, что это имение принадлежит Соне. Мой покойный отец купил это имение в приданое для моей сестры. До сих пор я был наивен, понимал законы не по-турецки и думал, что имение от сестры перешло к Соне.

С е р е б р я к о в. Да, имение принадлежит Соне... Кто спорит? Без согласия Сони я не решусь продать его. К тому же это я делаю для блага Сони.

В о й н и ц к и й. Это непостижимо, непостижимо! Или я с ума сошел, или... или...

М а р ь я В а с и л ь е в н а. Жорж, не противоречь профессору! Он лучше нас знает, что хорошо и что дурно.

В о й н и ц к и й. Нет, дайте мне воды... (*Пьет воду.*)
Говорите, что хотите! Что хотите!

С е р е б р я к о в. Я не понимаю, отчего ты волнуешься, Жорж? Я не говорю, что мой проект идеален. Если все найдут его негодным, то я не буду настаивать.

Входит Д я д и н; он во фраке, в белых перчатках и с широкополым цилиндром.

Х I

Т е ж е и Д я д и н.

Д я д и н. Честь имею кланяться. Прошу прощения, что осмеливаюсь входить без доклада. Виновен, но заслуживаю снисхождения, так как у вас в передней нет ни одного domestica¹.

С е р е б р я к о в (*смущенно*). Очень рад... Прошу...

Д я д и н (*расшиаркиваясь*). Ваше превосходительство! Mesdames! Мое вторжение в ваши пределы имеет двойную цель. Во-первых, я пришел сюда, чтобы нанести визит и засвидетельствовать свое благоговейное уважение, во-вторых, чтобы пригласить всех вас, по случаю прекрасной погоды, совершить экспедицию в

¹ слуги (от *франц.* domestique).

мою область. Обитаю я на водяной мельнице, которую арендую у нашего общего друга Лешего. Это укромный поэтический уголок земли, где ночью слышится плеск русалок, а днем...

В о й н и ц к и й. Постой, Вафля, мы о деле... Погоди, после... (*Серебрякову.*) Вот спроси ты у него... Это именье куплено у его дяди.

С е р е б р я к о в. Ах, да зачем мне спрашивать? К чему?

В о й н и ц к и й. Это именье было куплено по тогдашнему времени за девяносто пять тысяч. Отец уплатил только семьдесят, и осталось долгу двадцать пять тысяч. Теперь слушайте... Именье это не было бы куплено, если бы я не отказался от наследства в пользу сестры, которую любил. Мало того, я десять лет работал, как вол, и выплатил весь долг.

О р л о в с к и й. Чего же вы, душа моя, хотите?

В о й н и ц к и й. Именье чисто от долгов и не построено только благодаря моим личным усилиям. И вот, когда я стал стар, меня хотят выгнать отсюда в шею!

С е р е б р я к о в. Я не понимаю, чего ты доби- ваешься?

В о й н и ц к и й. Двадцать пять лет я управлял этим именьем, работал, высылал тебе деньги, как самый добросовестный приказчик, и за все время ты ни разу не поблагодарил меня! Все время, и в молодости и теперь, я получал от тебя жалованья пятьсот рублей в год — нищенские деньги! — и ты ни разу не догадался прибавить мне хоть один рубль!

С е р е б р я к о в. Жорж, почем же я знал! Я человек непрактический и ничего не понимаю. Ты мог бы сам прибавить себе, сколько угодно.

В о й н и ц к и й. Зачем я не крал? Отчего вы все не презираете меня за то, что я не крал? Это было бы справедливо, и теперь я не был бы нищим!

М а р ь я В а с и л ь е в н а (*строго*). Жорж!

Д я д и н (*волнуясь*). Жорженька, не надо, не надо... Я дрожу... Зачем портить хорошие отношения? (*Целует его.*) Не надо...

В о й н и ц к и й. Двадцать пять лет я вот с ней, вот с этой матерью, как крот, сидел в четырех стенах. Все

наши мысли и чувства принадлежали тебе одному. Днем мы говорили о тебе, о твоих работах, гордились твоей известностью, с благоговением произносили твое имя; почти мы губили на то, что читали журналы и книги, которые я теперь глубоко презираю!

Дядин. Не надо, Жорженька, не надо... Не могу...

Серебряков. Я не понимаю, что тебе нужно?

Войничкий. Ты был для нас существом высшего порядка, а твои статьи мы знали наизусть... Но теперь у меня открылись глаза. Я все вижу! Пишешь ты об искусстве, но ничего не понимаешь в искусстве! Все твои работы, которые я любил, не стоят гроша медного!

Серебряков. Господа! Да уймите же его наконец! Я уйду!

Елена Андреевна. Жорж, я требую, чтобы вы замолчали! Слышите?

Войничкий. Незамолчу! (*Загораживая Серебрякову дорогу.*) Постой, я не кончил! Ты погубил мою жизнь! Я не жил, не жил! По твоей милости я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни! Ты мой злейший враг!

Дядин. Я не могу... не могу... я уйду в другую комнату... (*В сильном волнении уходит в правую дверь.*)

Серебряков. Что ты хочешь от меня? И какое ты имеешь право говорить со мной таким тоном? Ничтожество! Если именье твое, то бери его, я не нуждаюсь в нем!

Желтухин (*в сторону*). Ну, заварилась каша!.. Уйду! (*Уходит.*)

Елена Андреевна. Если не замолчите, то я сию минуту уеду из этого ада! (*Кричит.*) Я не могу больше выносить!

Войничкий. Пропала жизнь! я талантлив, умен, смел... Если бы жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский... Я зарпортовался! Я с ума схожу... Матушка, я в отчаянии! Матушка!

Марья Васильевна. Слушайся профессора!

Войничкий. Матушка! Что мне делать? Не нужно, не говорите! Я сам знаю, что мне делать! (*Се-*

ребрякову.) Будешь ты меня помнить! (Уходит в среднюю дверь.)

Марья Васильевна идет за ним.

Серебряков. Господа, что же это наконец такое? Уберите от меня этого сумасшедшего!

Орловский. Ничего, ничего, Саша, пусть у него душа уляжется. Ты не волнуйся так.

Серебряков. Не могу я жить с ним под одной крышей! Живет тут (указывает на среднюю дверь), почти рядом со мной... Пусть перебирается в деревню, во флигель, или я переберусь отсюда, но оставаться с ним я не могу...

Елена Андреевна (мужу). Если повторится еще что-нибудь подобное, то я уеду!

Серебряков. Ах, не пугай, пожалуйста!

Елена Андреевна. Я не пугаю, но все вы точно условились сделать из моей жизни ад... Я уеду...

Серебряков. Все отлично знают, что ты молода, я стар и что ты делаешь большое одолжение, что живешь здесь...

Елена Андреевна. Продолжай, продолжай...

Орловский. Ну, ну, ну... Друзья мои...

Быстро входит Хрущов.

ХИ

Те же и Хрущов.

Хрущов (волнуясь). Очень рад, что застаю вас дома, Александр Владимирович... Простите, быть может, я пришел не вовремя и помешал вам... Но не в этом дело. Здравствуйте...

Серебряков. Что вам угодно?

Хрущов. Извините, я взволнован — это оттого, что сейчас я быстро ехал верхом... Александр Владимирович, я слышал, что третьего дня вы продали Кузнецову свой лес на сруб. Если это правда, а не простая сплетня, то, прошу вас, не делайте этого.

Елена Андреевна. Михаил Львович, муж сейчас не расположен говорить о делах. Пойдемте в сад.

Хрущов. Но мне сейчас нужно говорить!

Елена Андреевна. Как знаете... Я не могу...
(Уходит.)

Хрущов. Позвольте мне съездить к Кузнецову и сказать ему, что вы раздумали... Да? Позволяете? Повалить тысячу деревьев, уничтожить их ради каких-нибудь двух-трех тысяч, ради женских тряпок, прихоти, роскоши... Уничтожить, чтобы в будущем потомство проклидало наше варварство! Если вы, ученый, знаменитый человек, решаетесь на такую жестокость, то что же должны делать люди, стоящие много ниже вас? Как это ужасно!

Орловский. Миша, после об этом.

Серебряков. Пойдем, Иван Иванович, это никогда не кончится.

Хрущов (*загораживая Серебрякову дорогу*). В таком случае вот что, профессор... Погодите, через три месяца я получу деньги и куплю у вас сам.

Орловский. Извини, Миша, но это даже странно... Ну, ты, положим, идейный человек... покорнейше тебя благодарим за это, кланяемся тебе низко (*кланяется*), но зачем же стулья ломать?

Хрущов (*вспыхнув*). Всеобщий крестненький! Много добродушных людей на свете, и это всегда казалось мне подозрительным! Добродушны они все оттого, что равнодушны!

Орловский. Вот ты ссориться сюда приехал, душа моя... Нехорошо! Идея-то идеей, но надо, брат, иметь еще и эту штуку... (*Показывает на сердце.*) Без этой штуки, душа моя, всем твоим лесам и торфам цена грош медный... Не обижайся, но зеленый ты еще, ух, какой зеленый!

Серебряков (*резко*). И в другой раз потрудитесь не входить без доклада, и прошу вас избавить меня от ваших психопатических выходов! Всем вам хотелось вывести меня из терпения, и это удалось вам... Извольте меня оставить! Все эти ваши леса, торфы я считаю бредом и психопатией — вот мое мнение! Пойдем, Иван Иванович! (*Уходит.*)

Орловский (идя за ним). Это, Саша, уж слишком... Зачем так резко? (Уходит.)

Хрущов (один, после паузы). Бред, психопатия... Значит, по мнению знаменитого ученого и профессора, я сумасшедший... Преклоняюсь перед авторитетом вашего превосходительства и поеду сейчас домой, обрею себе голову. Нет, сумасшедшая земля, которая еще держит вас! (Быстро идет к правой двери; из левой входит Соня, которая подслушивала у двери в продолжение всего XII явления.)

ХIII

Хрущов и Соня.

Соня (бежит за ним). Пойдите... Я все слышала... Говорите же... Говорите скорее, а то я не выдержу и сама начну говорить!

Хрущов. Софья Александровна, я сказал уже все, что мне нужно. Я умолял вашего отца пощадить лес, я был прав, а он оскорбил меня, назвал сумасшедшим... Я сумасшедший!

Соня. Довольно, довольно...

Хрущов. Да, не сумасшедшие те, которые под ученостью прячут свое жестокое, каменное сердце и свое бездушие выдают за глубокую мудрость! Не сумасшедшие те, которые выходят за стариков замуж только для того, чтобы у всех на глазах обманывать их, чтобы покупать себе модные, щегольские платья на деньги, вырученные от порубки лесов!

Соня. Слушайте меня, слушайте... (Сжимает ему руки.) Дайте мне сказать вам...

Хрущов. Перестанем. Кончим. Я для вас чужой, ваше мнение о себе я уже знаю, и делать мне тут больше нечего. Прощайте. Жалею, что после нашего короткого знакомства, которым я так дорожил, у меня останутся в памяти только подагра вашего отца и ваши рассуждения о моем демократизме... Но не я в этом виноват... Не я...

Соня плачет, закрывает лицо и быстро уходит в левую дверь.

Я имел неосторожность полюбить здесь, это послужит для меня уроком! Вон из этого погребца! (*Идет к правой двери; из левой выходит Елена Андреевна.*)

XIV

Хрущов и Елена Андреевна.

Елена Андреевна. Вы еще здесь? Пойдите... Сейчас Иван Иванович сказал мне, что муж был резок с вами... Простите, он сегодня сердит и не понял вас... Что же касается меня, то моя душа принадлежит вам, Михаил Львович! Верьте в искренность моего уважения, я сочувствую, тронута, и позвольте мне от чистого сердца предложить вам мою дружбу. (*Протягивает обе руки.*)

Хрущов (*брезгливо*). Отойдите от меня... Я презираю вашу дружбу! (*Уходит.*)

Елена Андреевна (*одна, стонет*). За что? За что?

За сценой выстрел.

XV

Елена Андреевна, Марья Васильевна, потом Соня, Серебряков, Орловский и Желтухин.

Марья Васильевна выходит, пошатываясь, из средней двери, вскрикивает и падает без чувств. Соня выходит и бежит в среднюю дверь.

Серебряков	}	Что такое?
Орловский		
Желтухин		

Слышно, как вскрикивает Соня; она возвращается и кричит: «Дядя Жорж застрелился!» Она, Орловский, Серебряков и Желтухин бегут в соседнюю дверь.

Елена Андреевна (*стонет*). За что? За что?

В правой двери показывается Дядин.

XVI

Елена Андреевна, Марья Васильевна и Дядин.

Дядин (в дверях). Что такое?

Елена Андреевна (ему). Увезите меня отсюда! Бросьте меня в глубокую пропасть, убейте, но здесь я не могу оставаться. Скорее, умоляю вас! (Уходит с Дядиным.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лес и дом при мельнице, которую арендует Дядин у Хрушова.

I

Елена Андреевна и Дядин (сидят на скамье под окном).

Елена Андреевна. Голубчик Илья Ильич, завтра вы опять съездите на почту.

Дядин. Всенепременно.

Елена Андреевна. Погожу еще три дня. Если не получу от брата ответа на свое письмо, то возьму у вас денег взаймы и сама поеду в Москву. Не век же мне жить тут у вас на мельнице.

Дядин. Оно конечно...

Пауза.

Не смею я учить вас, многоуважаемая, но все ваши письма, телеграммы и что я каждый день езжу на почту — все это, извините, напрасные хлопоты. Какой бы ответ ни прислал вам братец, вы все равно вернетесь к супругу.

Елена Андреевна. Не вернусь я... Надо рассуждать, Илья Ильич. Мужа я не люблю. Молодежь, которую я любила, была несправедлива ко мне от начала до конца. Зачем же я туда вернусь? Вы скаже-

те — долг... Это я и сама знаю отлично, но, повторяю, надо рассуждать...

Пауза.

Дядин. Так-с... Величайший русский поэт Ломоносов убежал из Архангельской губернии и нашел свою фортуна в Москве. Это, конечно, благородно с его стороны... А вы-то зачем бежали? Ведь вашего счастья, ежели рассуждать по совести, нигде нету... Положено канареечке в клетке сидеть и на чужое счастье поглядывать, ну, и сиди весь век.

Елена Андреевна. А может быть, я не канарейка, а вольный воробей!

Дядин. Эва! Видно птицу по полету, многоуважаемая... За эти две недели другая дама успела бы в десяти городах побывать и всем в глаза пыль пустить, а вы изволили добежать только до мельницы, да и то у вас вся душа измучилась... Нет, куда уж! Поживете у меня еще некоторый период времени, сердце ваше успокоится, и поедете к супругу. *(Прислушивается.)* Кто-то едет в коляске. *(Встает.)*

Елена Андреевна. Я уйду.

Дядин. Не смею долгие утруждать вас своим присутствием. Пойду к себе на мельницу и засну немножко... Нынче я встал раньше Авроры.

Елена Андреевна. Когда проснетесь, приходите, вместе чай будем пить. *(Уходит в дом.)*

Дядин *(один)*. Если бы я жил в умственном центре, то с меня могли бы нарисовать в журнале карикатуру с презабавною сатирической надписью. Помилуйте, будучи уже в пожилых летах и с непривлекательною наружностью, я увез у знаменитого профессора молодую жену! Это восхитительно! *(Уходит.)*

II

Семен *(несет ведра)* и Юля *(входит)*.

Юля. Здравствуй, Сенька, бог в помощь! Илья Ильич дома?

Семен. Дома. Пошел на мельницу.

Ю л я. Поди позови.

Се м е н. Сейчас. *(Уходит.)*

Ю л я *(одна)*. Спит, должно быть... *(Садится на лавочку под окном и глубоко вздыхает.)* Одни спят, другие гуляют, а я целый день мыкаюсь... не посылает бог смерти. *(Вздыхает еще глубже.)* Господи, есть же такие глупые люди, как этот Вафля! Еду я сейчас мимо его амбара, а из дверей черненький поросенок выходит... Вот как порвут ему свиньи чужие мешки, тогда и будет знать...

Входит Д я д и н.

Ш

Ю л я и Д я д и н.

Д я д и н *(надевает сюртук)*. Это вы, Юлия Степановна? Виноват, я дезабилье... Хотел уснуть немножко в объятиях Морфея.

Ю л я. Здравствуйте.

Д я д и н. Извините, я не приглашаю вас в комнаты... Там у меня не прибрано и прочее... Ежели угодно, то пожалуйте на мельницу...

Ю л я. Я и тут посижу. Вот я зачем к вам приехала, Илья Ильич. Ленечка и профессор, чтоб развлечься, хотят сегодня здесь у вас на мельнице пикник устроить, чаю напиток...

Д я д и н. Весьма приятно.

Ю л я. Я вперед приехала... Скоро и они будут. Распорядитесь, чтобы поставили тут стол, ну и самовар, конечно... Велите Сеньке, чтоб он вынул из моей коляски корзины с провизией.

Д я д и н. Это можно.

Пауза.

Ну что? Как у вас там?

Ю л я. Плохо, Илья Ильич... Верите ли, такая работа, что я даже заболела. Вы знаете, ведь профессор и Сонечка теперь у нас живут!

Д я д и н. Знаю.

Ю л я. После того как Егор Петрович руки на себя наложил, они не могут жить в своем доме... Боятся. Днем все-таки еще ничего, а как вечер, сойдутся все в одной комнате и сидят до самого рассвета. Страшно всем. Боятся, как бы в потемках Егор Петрович не представился...

Д я д и н. Предрассудки... А про Елену Андреевну вспоминают?

Ю л я. Конечно, вспоминают.

Пауза.

Укатила!

Д я д и н. Да, сюжет, достойный кисти Айвазовского... Взяла и укатила.

Ю л я. И теперь неизвестно где... Может, уехала, а может, с отчаяния...

Д я д и н. Бог милостив, Юлия Степановна! Все будет благополучно.

Входит Х р у щ о в с папкой и с ящиком для рисовальных принадлежностей.

IV

Т е ж е и Х р у щ о в.

Х р у щ о в. Эй! Кто здесь есть? Семен!

Д я д и н. Взгляни сюда!

Х р у щ о в. А!.. Здравствуйте, Юлечка!

Ю л я. Здравствуйте, Михаил Львович.

Х р у щ о в. А я, Илья Ильич, опять к тебе пришел работать. Не сидится дома. Вели по-вчерашнему поставить под это дерево мой стол, да и скажи, чтобы две лампы приготовили. Уж начинает смеркаться...

Д я д и н. Слушаю, ваше благородие. (*Уходит.*)

Х р у щ о в. Как живете, Юлечка?

Ю л я. Так себе...

Пауза.

Х р у щ о в. Серебряковы у вас живут?

Ю л я. У нас.

Х р у щ о в. Гм... А ваш Ленечка что делает?

Ю л я. Дома сидит... Все с Сонечкой...

Х р у щ о в. Еще бы!

Пауза.

Ему бы жениться на ней.

Ю л я. Что ж? *(Вздыхает.)* Дай бог! Он человек образованный, благородный, она тоже из хорошего семейства... Я всегда ей желала...

Х р у щ о в. Дура она...

Ю л я. Ну, не скажите.

Х р у щ о в. И ваш Ленечка тоже умник... Вообще вся ваша публика как на подбор. Ума палата!

Ю л я. Вы, должно быть, сегодня не обедали.

Х р у щ о в. Почему вы это думаете?

Ю л я. Сердиты вы уж очень.

Входят Д я д и н и Семен; оба несут небольшой стол.

V

Т е ж е, Д я д и н и Семен.

Д я д и н. А у тебя, Миша, губа не дура. Прекрасное место выбрал ты себе для работы. Это оазис! Именно оазис! Вообрази, что это вокруг всё пальмы, Юлечка — кроткая лань, ты лев, я тигр.

Х р у щ о в. Хороший ты, душевный человек, Илья Ильич, но что у тебя за манеры? Какие-то мармеладные слова, ногами шаркаешь, плечами дергаешь... Если кто посторонний увидит, то подумает, что ты не человек, а черт знает что... Досадно...

Д я д и н. Значит, на роду у меня так написано... Фатальное предопределение.

Х р у щ о в. Ну вот, фатальное предопределение. Брось все это. *(Фиксирует на столе чертеж.)* Я сегодня останусь у тебя ночевать.

Д я д и н. Чрезвычайно рад... Вот ты, Миша, сердишься, а у меня на душе невыразимо отрадно! Как будто сидит у меня в груди птичка и песенку поет.

Х р у щ о в. Радуйся.

Пауза.

У тебя в груди птичка, а у меня жаба. Двадцать тысяч скандалов! Шиманский продал свой лес на сруб... Это раз! Елена Андреевна бежала от мужа, и теперь никто не знает, где она. Это два! Я чувствую, что с каждым днем становлюсь все глупее, мелочнее и бездарнее... Это три! Вчера я хотел рассказать тебе, но не мог, не хватило храбрости. Можешь меня поздравить. После покойного Егора Петровича остался дневник. Этот дневник на первых порах попал в руки Ивана Иваныча, а был у него и прочел раз десять...

Ю л я. Наши тоже читали.

Х р у щ о в. Роман Жоржа с Еленой Андреевной, о котором трезвонил весь уезд, оказывается подлой, грязной сплетней... Я верил этой сплетне и клеветал заодно с другими, ненавидел, презирал, оскорблял.

Д я д и н. Конечно, это нехорошо.

Х р у щ о в. Первый, кому я поверил, был ваш брат, Юлечка! Хорош тоже и я! Поверил вашему брату, которого не уважаю, и не верил этой женщине, которая на моих же глазах жертвовала собой. Я охотнее верю злу, чем добру, и не вижу дальше своего носа. А это значит, что я бездарен, как все.

Д я д и н (Юле). Пойдемте, детка, на мельницу. Пускай он, злюка, тут работает, а мы с вами погуляем. Пойдемте... Работай, Мишенька. *(Уходит с Юлей.)*

Х р у щ о в (один; разводит в блюдечке краску). Раз ночью я видел, как он прижался лицом к ее руке. У него в дневнике подробно описана эта ночь, описано, как я приехал туда, что говорил ему. Он приводит мои слова и называет меня глупцом и узким человеком.

Пауза.

Слишком густо... Надо посветлее. А дальше он бранит Соню за то, что она меня полюбила... Никогда она меня не любила... Кляксу сделал... *(Скоблит бумагу ножом.)* Даже если допустить, что это немножко верно, то все-таки нечего уж об этом думать. Глупо началось, глупо кончилось...

С е м е н   р а б о ч и й   несут большой стол.

Что это вы? К чему это?

Семен. Илья Ильич велел. Господа из Желтухина приедут чай пить.

Хрущов. Покорно благодарю. Значит, насчет работы придется отложить попечение... Соберу все и уйду домой.

Входит Желтухин под руку с Соней.

VI

Хрущов, Желтухин и Соня.

Желтухин (*поет*). «Невольню к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила...»

Хрущов. Кто это там? А! (*Спешит уложить в ящики рисовальные принадлежности.*)

Желтухин. Еще один вопрос, дорогая Софи... Помните, в день рождения вы завтракали у нас? Сознаться, что вы хохотали тогда над моей наружностью.

Соня. Полноте, Леонид Степаныч. Можно ли это говорить? Хохотала я без причины.

Желтухин (*увидев Хрущова*). А, кого вижу! И ты здесь? Здравствуй.

Хрущов. Здравствуй.

Желтухин. Работаешь? Отлично... Где Вафля?

Хрущов. Там...

Желтухин. Где там?

Хрущов. Я, кажется, ясно говорю... Там, на мельнице.

Желтухин. Пойти позвать его. (*Идет и напевает.*) «Невольню к этим грустным берегам...» (*Уходит.*)

Соня. Здравствуйте...

Хрущов. Здравствуйте.

Пауза.

Соня. Что это вы рисуете?

Хрущов. Так... неинтересно.

Соня. Это план?

Хрущов. Нет, лесная карта нашего уезда. Я составил.

Пауза.

Зеленая краска означает места, где были леса при на-

ших дедах и раньше; светло-зеленая — где вырублен лес в последние двадцать пять лет, ну, а голубая — где еще уцелел лес... Да...

Пауза.

Ну, а вы что? Счастливы?

С о н я. Теперь, Михаил Львович, не время думать о счастье.

Х р у щ о в. О чем же думать?

С о н я. И горе наше произошло только оттого, что мы слишком много думали о счастье...

Х р у щ о в. Так-с.

Пауза.

С о н я. Нет худа без добра. Горе научило меня. Надо, Михаил Львович, забыть о своем счастье и думать только о счастье других. Нужно, чтоб вся жизнь состояла из жертв.

Х р у щ о в. Ну да...

Пауза.

У Марьи Васильевны застрелился сын, а она все еще ищет противоречий в своих брошюрках. Над вами стряслось несчастье, а вы тешите свое самолюбие: стараетесь исковеркать свою жизнь и думаете, что это похоже на жертвы... Ни у кого нет сердца... Нет его ни у вас, ни у меня... Делается совсем не то, что нужно, и все идет прахом... Я сейчас уйду и не буду мешать вам и Желтухину. Что же вы плачете? Я этого вовсе не хотел.

С о н я. Ничего, ничего... *(Утирает глаза.)*

Входят Ю л я, Д я д и н и Ж е л т у х и н.

VII

Т е ж е, Ю л я, Д я д и н, Ж е л т у х и н, потом С е р е б р я к о в и О р л о в с к и й.

Голос Серебрякова: «Ау! Где вы, господа?»

С о н я *(кричит)*. Папа, здесь!

Д я д и н. Самовар несут! Восхитительно! *(Хлопчет с Юлией около стола.)*

Входят С е р е б р я к о в и О р л о в с к и й.

С о н я. Сюда, папа!

С е р е б р я к о в. Вижу, вижу...

Ж е л т у х и н (*громко*). Господа, объявляю заседание открытым! Вафля, откупоривай наливку!

Х р у щ о в (*Серебрякову*). Профессор, забудем все, что между нами произошло! (*Протягивает руку.*) Я прошу у вас извинения...

С е р е б р я к о в. Благодарю. Очень рад. Вы тоже простите меня. Когда я после того случая на другой день старался обдумать все происшедшее и вспомнил о нашем разговоре, мне было очень неприятно... Будем друзьями. (*Берет его под руку и идет к столу.*)

О р л о в с к и й. Вот так бы давно, душа моя. Худой мир лучше доброй ссоры.

Д я д и н. Ваше превосходительство, я счастлив, что вы изволили пожаловать в мой оазис. Неизъяснимо приятно!

С е р е б р я к о в. Благодарю, почтеннейший. Здесь в самом деле прекрасно. Именно оазис.

О р л о в с к и й. А ты, Саша, любишь природу?

С е р е б р я к о в. Весьма.

Пауза.

Не будем, господа, молчать, будем говорить. В нашем положении это самое лучшее. Надо глядеть несчастьям в глаза смело и прямо. Я гляжу бодрее вас всех, и это оттого, что я больше всех несчастлив.

Ю л я. Господа, я сахару класть не буду; пейте с вареньем.

Д я д и н (*суетится около гостей*). Как я рад, как я рад!

С е р е б р я к о в. В последнее время, Михаил Львович, я так много пережил и столько передумал, что, кажется, мог бы написать в назидание потомству целый трактат о том, как надо жить. Век живи, век учись, а несчастья учат нас.

Д я д и н. Кто старое помянет, тому глаз вон. Бог милостив, все обойдется благополучно.

Соня вздрагивает.

Ж е л т у х и н. Что это вы так вздрогнули?
С о н я. Кто-то крикнул.
Д я д и н. Это на реке мужики раков ловят.

Пауза.

Ж е л т у х и н. Господа, мы ведь условились, что проведем этот вечер так, как будто ничего не случилось... Право, а то напряжение какое-то...

Д я д и н. Я, ваше превосходительство, питаю к науке не только благоговение, но даже родственные чувства. Брата моего Григория Ильича жены брат, может быть, изволите знать, Константин Гаврилыч Новоселов был магистром иностранной словесности.

С е р е б р я к о в. Знаком не был, но знаю.

Пауза.

Ю л я. Завтра ровно пятнадцать дней, как умер Егор Петрович.

Х р у щ о в. Юлечка, не будем говорить об этом.

С е р е б р я к о в. Бодро, бодро!

Пауза.

Ж е л т у х и н. Все-таки чувствуется какое-то напряжение...

С е р е б р я к о в. Природа не терпит пустоты. Она лишила меня двух близких людей и, чтобы пополнить этот дефект, скоро послала мне новых друзей. Пью ваше здоровье, Леонид Степанович!

Ж е л т у х и н. Благодарю вас, дорогой Александр Владимирович! В первую очередь позвольте мне выпить за вашу плодотворную ученую деятельность.

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ!

С е р е б р я к о в. Ценю ваше приветствие. От души желаю, чтобы скорее наступило время, когда наши дружеские отношения перейдут в более короткие.

Входит Ф е д о р И в а н о в и ч.

VIII

Т е ж е и Ф е д о р И в а н о в и ч .

Ф е д о р И в а н о в и ч . Вот оно что! Пикник!

О р л о в с к и й . Сыночек мой... красавец!

Ф е д о р И в а н о в и ч . Здравствуйте. (*Целуется с Соней и Юлей.*)

О р л о в с к и й . Целые две недели не видались. Где был? Что видел?

Ф е д о р И в а н о в и ч . Поехал я сейчас к Лене, там мне сказали, что вы здесь, ну я и поехал сюда.

О р л о в с к и й . Где шатался?

Ф е д о р И в а н о в и ч . Три ночи не спал... Вчера, отец, в карты пять тысяч проиграл. И пил, и в карты играл, и в городе раз пять был... Совсем очумел.

О р л о в с к и й . Молодчина! Стало быть, теперь выпивши?

Ф е д о р И в а н о в и ч . Ни в одном глазе. Юлька, чаю! Только с лимоном, покислей... А каков Жорж-то, а? Взял ни с того ни с сего и чичикнул себе в лоб! И нашел тоже из чего: из Лефоше! Не мог взять Смита и Вессона!

Х р у щ о в . Замолчи ты, скотина!

Ф е д о р И в а н о в и ч . Скотина, но только породистая. (*Разглаживает себе бороду.*) Одна борода чего стоит... Вот я и скотина, и дурак, и каналья, а стоит мне только захотеть — и за меня любая невеста пойдет. Соня, выходи за меня замуж! (*Хрущову.*) Впрочем, виноват... Pardon...

Х р у щ о в . Перестань дурака ломать.

Ю л я . Пропавший ты человек, Феденька! Во всей губернии нет другого такого пьяницы и мотыги, как ты. Даже глядеть на тебя жалко. Фараон фараоном — чистое наказание!

Ф е д о р И в а н о в и ч . Ну, запела Лазаря! Иди сядь рядом со мной... Вот так. Я к тебе на две недели поеду жить... Отдохнуть надо. (*Целует ее.*)

Ю л я . От людей за тебя совестно. Ты должен отца своего под старость утешать, а ты его только срамишь. Дурацкая жизнь, и больше ничего.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Бросаю пить! Баста! (*Наливает себе наливки.*) Это сливянка или вишневка?

Ю л я. Не пей же, не пей.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Одну рюмку можно. (*Пьет.*) Дарю тебе, Леший, пару лошадей и ружье. К Юле поеду жить... Проживу у нее недельки две.

Х р у щ о в. Тебе бы в дисциплинарном батальоне пожить.

Ю л я. Пей, пей чай!

Д я д и н. Ты с сухариками, Феденька.

О р л о в с к и й (*Серебрякову*). Я, брат Саша, до сорока лет вел такую же вот жизнь, как мой Федор. Раз я, дүша моя, стал считать, сколько женщин на своем веку я сделал несчастными? Считал, считал, дошел до семидесяти и бросил. Ну-с, а как только исполнилось мне сорок лет, вдруг на меня, брат Саша, что-то нашло. Тоска, места себе нигде не найду, одним словом, разлад в душе, да и шабаш. Я туда-сюда, и книжки читаю, и работаю, и путешествую — не помогает. Ну-с, дүша моя, поехал я как-то в гости к покойному куму моему, светлейшему князю Дмитрию Павловичу. Закусили, пообедали... После обеда, чтобы не спать, затеяли на дворе стрельбу в цель. Народу собралось видимо-невидимо. И наш Вафля тут был.

Д я д и н. Был, был... Помню.

О р л о в с к и й. Тоска у меня, понимаешь ли — господи! Не выдержал. Вдруг слезы брызнули из глаз, зашатался и как крикну на весь двор что есть мочи: «Друзья мои, люди добрые, простите меня, ради Христа!» В ту же самую минуту стало на душе у меня чисто, ласково, тепло, и с той поры, дүша моя, во всем уезде нет счастливей меня человека. И тебе это самое надо сделать.

С е р е б р я к о в. Что?

На небе показывается зарево.

О р л о в с к и й. Вот это самое. На капитуляцию сдаться надо.

С е р е б р я к о в. Образчик туземной философии. Ты советуешь мне прощения просить. За что? Пусть у меня прощения попросят!

С о н я. Папа, но ведь *мы* виноваты!

С е р е б р я к о в. Да? Господа, очевидно, в настоящую минуту все вы имеете в виду мои отношения к жене. Неужели, по-вашему, я виноват? Это даже смешно, господа. Она нарушила свой долг, оставила меня в тяжелую минуту жизни...

Х р у щ о в. Александр Владимирович, послушайте меня... Вы двадцать пять лет были профессором и служили науке, я сажаю леса и занимаюсь медициной, но к чему, для кого все это, если мы не шадим тех, для кого работаем? Мы говорим, что служим людям, и в то же время бесчеловечно губим друг друга. Например, сделали ли мы с вами что-нибудь, чтобы спасти Жоржа? Где ваша жена, которую все мы оскорбляли? Где ваш покой, где покой вашей дочери? Все погибло, разрушено, все идет прахом. Вы, господа, называете меня Лешим, но ведь не я один, во всех вас сидит леший, все вы бродите в темном лесу и живете ощупью. Ума, знаний и сердца у всех хватает только на то, чтобы потить жизнь себе и другим.

Е л е н а   А н д р е е в н а выходит из дому и садится на скамье под окном.

IX

Т е ж е и Е л е н а   А н д р е е в н а.

Х р у щ о в. Я считал себя идейным, гуманным человеком и наряду с этим не прощал людям малейших ошибок, верил сплетням, клеветал заодно с другими, и когда, например, ваша жена доверчиво предложила мне свою дружбу, я выпалил ей с высоты своего величия: «Отойдите от меня! Я презираю вашу дружбу!» Вот каков я. Во мне сидит леший, я мелок, бездарен, слеп, но и вы, профессор, не орел! И в то же время весь уезд, все женщины видят во мне героя, передового человека, а вы знамениты на всю Россию. А если таких, как я, серьезно считают героями и если такие, как вы, серьезно знамениты, то это значит, что на безлюдье и

Фома дворянин, что нет истинных героев, нет талантов, нет людей, которые выводили бы нас из этого темного леса, исправляли бы то, что мы портим, нет настоящих орлов, которые по праву пользовались бы почетной известностью...

Серебряков. Виноват... Я приехал сюда не для того, чтобы полемизировать с вами и защищать свои права на известность.

Желтухин. Вообще, Миша, прекратим этот разговор.

Хрущов. Я сейчас кончу и уйду. Да, я мелок, но и вы, профессор, не орел! Мелок Жорж, который ничего не нашел умнее сделать, как только пустить себе пулю в лоб. Все мелки! Что же касается женщин...

Елена Андреевна (*перебивая*). Что же касается женщин, то и они не крупнее. (*Идет к столу.*) Елена Андреевна ушла от своего мужа, и вы думаете, она сделает что-нибудь путное из своей свободы? Не беспокойтесь... Она вернется... (*Садится за стол.*) Вот уж и вернулась.

Общее замешательство.

Дядин (*хохочет*). Это восхитительно! Господа, не велите казнить, велите слово вымолвить! Ваше превосходительство, это я похитил у вас супругу, как некогда некий Парис прекрасную Елену! Я! Хотя рябые Парисы и не бывают, но, друг Горацио, на свете есть много такого, что не снилось нашим мудрецам!

Хрущов. Ничего не понимаю... Это вы, Елена Андреевна?

Елена Андреевна. Эти две недели я прожила у Ильи Ильича... Что вы на меня все так смотрите? Ну, здравствуйте... Я сидела у окна и все слышала. (*Обнимает Соню.*) Давайте мириться. Здравствуй, милая девочка... Мир и согласие!

Дядин (*потирая руки*). Это восхитительно!

Елена Андреевна (*Хрущову*). Михаил Львович. (*Дает руку.*) Кто старое помянет, тому глаз вон. Здравствуйте, Федор Иванович... Юлечка...

Орловский. Душа моя, профессорша наша

славная, красавица... Она вернулась, опять пришла к нам...

Е л е н а А н д р е е в н а. Я соскучилась по вас. Здравствуй, Александр! *(Протягивает мужу руку, тот отворачивается.)* Александр!

Серебряков. Вы нарушили ваш долг.

Е л е н а А н д р е е в н а. Александр!

Серебряков. Не скрою, я очень рад видеть вас и говорить с вами, но не здесь, а дома... *(Отходит от стола.)*

Орловский. Саша!

Пауза.

Е л е н а А н д р е е в н а. Так... Значит, Александр, наш вопрос решается очень просто: никак. Ну, так тому и быть! Я эпизодическое лицо, счастье мое канареечное, бабье счастье... Сиди сиднем весь век дома, ешь, пей, спи и слушай каждый день, как говорят тебе о подагре, о своих правах, о заслугах. Что вы все опустили головы, точно сконфузились? Давайте пить наливку, что ли? Эх!

Дядин. Все обойдется, исправится, все будет хорошо и благополучно.

Федор Иванович *(подходит к Серебрякову, взволнованный)*. Александр Владимирович, я тронут... Прошу вас, приласкайте вашу жену, скажите ей хоть одно доброе слово, и, честное слово благородного человека, я всю жизнь буду вашим верным другом, подарю вам лучшую свою тройку.

Серебряков. Благодарю, но, извините, я вас не понимаю...

Федор Иванович. Гм... не понимаете... Иду я раз с охоты, смотрю — на дереве филин сидит... Я в него трах бекасинником! Он сидит... я в него девятым номером... Сидит... Ничто его не берет. Сидит и только глазами хлопает.

Серебряков. К чему же это относится?

Федор Иванович. К филину. *(Возвращается к столу.)*

Орловский *(прислушивается)*. Позвольте, господа... Тише... Кажется, где-то в набат быют...

Федор Иванович (*увидел зарево*). Ой-ой-ой! Поглядите на небо! Какое зарево!

Орловский. Батюшки, а мы сидим тут и не видим!

Дядин. Ловко.

Федор Иванович. Те-те-те! Вот так иллюминация! Это около Алексеевского.

Хрущов. Нет, Алексеевское будет правее... Скорее это в Ново-Петровском.

Юля. Как страшно! Боюсь я пожаров!

Хрущов. Конечно в Ново-Петровском.

Дядин (*кричит*). Семен, сбегай на плотину, погляди оттуда, что горит. Может, видно!

Семен (*кричит*). Это Телибеевский лес горит.

Дядин. Что?

Семен. Телибеевский лес!

Дядин. Лес...

Продолжительная пауза.

Хрущов. Мне надо идти туда... на пожар. Прощайте... Извините, я был резок — это оттого, что никогда я себя не чувствовал в таком угнетенном состоянии, как сегодня... У меня тяжело на душе... но все это не беда... надо быть человеком и твердо стоять на ногах. Я не застрелюсь и не брошусь под колеса мельницы... Пусть я не герой, но я сделаюсь им! Я отращу себе крылья орла, и не испугают меня ни это зарево, ни сам черт! Пусть горят леса — я посею новые! Пусть меня не любят — я полюблю другую! (*Быстро уходит.*)

Елена Андреевна. Какой он молодец!

Орловский. Да... «Пусть меня не любят — я полюблю другую». Как сие понимать прикажете?

Соня. Увезите меня отсюда... Домой хочу...

Серебряков. Да, пора уже ехать. Сырость здесь невозможная. Где-то были мой плед и пальто...

Желтухин. Плед в коляске, а пальто здесь. (*Подает пальто.*)

Соня (*в сильном волнении*). Увезите меня отсюда... Увезите...

Желтухин. Я к вашим услугам...

С о н я. Нет, я с крестеньким поеду. Возьмите меня с собой, крестенький...

О р л о в с к и й. Поедем, душа моя, поедем. (*Помогает ей одеться.*)

Ж е л т у х и н (*в сторону*). Черт знает... Ничего кроме подлостей и унижения.

Федор Иванович и Юлия укладывают в корзину посуду и салфетки.

С е р е б р я к о в. Левая нога болит в ступне... Ревматизм, должно быть... Опять придется всю ночь не спать.

Е л е н а А н д р е е в н а (*застегивая мужу пальто*). Милый Илья Ильич, принесите мне из дому мою шляпу и тальму!

Д я д и н. Сию минуту! (*Уходит в дом и возвращается с шляпой и тальмой.*)

О р л о в с к и й. Зарева, душа моя, испугалась! Не бойся, оно стало меньше. Пожар потухает...

Ю л я. Полбанки кизилового варенья осталось... Ну, это пусть Илья Ильич скушает. (*Брату.*) Ленечка, бери корзину.

Е л е н а А н д р е е в н а. Я готова. (*Мужу.*) Ну, бери меня, статуя командора, и проваливайся со мной в свои двадцать шесть унылых комнат! Туда мне и дорога!

С е р е б р я к о в. Статуя командора... Я посмеялся бы этому сравнению, но мне мешает боль в ноге. (*Всем.*) До свидания, господа! Благодарю вас за угощение и за приятное общество... Великолепный вечер, отличный чай — все прекрасно, но, простите, только одного я не могу признать у вас — это вашей туземной философии и взглядов на жизнь. Надо, господа, дело делать. Так нельзя! Надо дело делать... Да-с... Прощайте. (*Уходит с женой.*)

Ф е д о р И в а н о в и ч. Пойдем, салопница! (*Отцу.*) Прощай, отче! (*Уходит с Юлей.*)

Ж е л т у х и н (*с корзиной, идя за ними*). Тяжелая корзина, черт бы ее побрал... Терпеть не могу этих пикников. (*Уходит и кричит за сценой.*) Алексей, подавай!

Х

Орловский, Соня и Дядин.

Орловский (Соне). Ну, что же, села? Пойдем, манюся... (Идет с Соней.)

Дядин (в сторону). А со мной никто не простился... Это восхитительно! (Тушит свечи.)

Орловский (Соне). Что же ты?

Соня. Не могу я идти, крестненький... Сил нет! Я в отчаянии, крестненький... я в отчаянии! Мне невыносимо тяжело!

Орловский (встревоженно). Что такое? Душа моя, красавица...

Соня. Останемся... побудем здесь немного.

Орловский. То увезите, то останемся... Тебя не поймешь...

Соня. Здесь я потеряла сегодня свое счастье... Не могу... Ах, крестненький, зачем я еще не умерла! (Обнимает его.) Ах, если б вы знали, если б вы знали!

Орловский. Тебе водицы. Пойдем сядем... иди...

Дядин. Что такое? Софья Александровна, матушка... я не могу, я весь дрожу... (Слезливо.) Не могу я видеть этого... Деточка моя...

Соня. Илья Ильич, родной мой, свезите меня на пожар! Умоляю вас!

Орловский. Зачем тебе на пожар? Что ты там будешь делать?

Соня. Умоляю вас, свезите, а то я сама пойду. Я в отчаянии... Крестненький, мне тяжело, невыносимо тяжело. Свезите меня на пожар.

Быстро входит Хрущов.

ХІ

Те же и Хрущов.

Хрущов (кричит). Илья Ильич!

Дядин. Здесь. Что тебе?

Хрущов. Я не могу идти пешком, дай мне лошадь.

Соня (узнав Хрущова, радостно вскрикивает). Михаил Львович! (Идет к нему.) Михаил Львович! (Ор-

ловскому.) Уйдите, крестенький, мне поговорить с ним нужно. (Хрущову.) Михаил Львович, вы сказали, что полюбите другую... (Орловскому.) Уйдите, крестенький. (Хрущову.) Я теперь другая... Я хочу одну только правду... Ничего, ничего, кроме правды. Я люблю, люблю вас... люблю...

Орловский. Вот так история с географией. (Хочет.)

Дядин. Это восхитительно!

Соня (Орловскому). Уйдите, крестенький. (Хрущову.) Да, да, одной только правды, и больше ничего... Говорите же, говорите... Я все сказала...

Хрущов (обнимая ее). Голубка моя!

Соня. Не уходите, крестенький... Когда ты объяснялся мне, я всякий раз задыхалась от радости, но я была скована предрассудками; отвечать тебе правду мне мешало то же самое, что теперь мешает моему отцу улыбаться Елене. Теперь я свободна...

Орловский (хохочет). Спелись-таки наконец. Выкарабкались на берег! Честь имею вас поздравить. (Низко кланяется.) Ах вы бесстыдники, бесстыдники! Канителили, друг дружку за фалды ловили!

Дядин (обнимая Хрущова). Мишенька, голубчик, как ты меня обрадовал! Мишенька!

Орловский (обнимая и целуя Соню). Дуся, капареечка моя... Дочка моя крестенькая...

Соня хохочет.

Ну, закатилась!

Хрущов. Позвольте, я никак не могу опомниться... Дайте мне еще поговорить с нею... Не мешайте... Умоляю вас, уходите...

Входят Федор Иванович и Юля.

ХИ

Те же, Федор Иванович и Юля.

Юля. Но ведь ты, Феденька, все врешь! Ты все врешь!

Орловский. Тссс! Тише, ребятки! Мой разбойник идет. Спрячемся, господа, поскорее! Пожалуйста.

Орловский, Дядин, Хрущов и Соня прячутся.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Я забыл тут свой кнут и перчатку.

Ю л я. Но ведь ты все врешь!

Ф е д о р И в а н о в и ч. Ну, вру... Что ж из этого? Не хочу я сейчас ехать к тебе... Погуляем, тогда и поедем.

Ю л я. Забота мне с тобой! Чистое наказание! *(Всплескивает руками.)* Ну, не дурак ли этот Вафля! До сих пор со стола не убрал! Ведь самовар украсть могут... Ах, Вафля, Вафля, кажется, уж старый, а ума меньше, чем у дитя!

Д я д и н *(в сторону)*. Благодарим покорно.

Ю л я. Когда мы шли, тут кто-то смеялся...

Ф е д о р И в а н о в и ч. Это бабы купаются... *(Поднимает перчатку.)* Чья-то перчатка... Сонина... Сегодня Соню точно муха укусила. В Лешего влюблена. Она в него по уши врезалась, а он, болван, не видит.

Ю л я *(сердито)*. Куда же это мы идем?

Ф е д о р И в а н о в и ч. На плотину... Пойдем погуляем... Лучшего места во всем уезде нет... Красота!

О р л о в с к и й *(в сторону)*. Сыночек мой, красавец, борода широкая...

Ю л я. Я сейчас слышала чей-то голос.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Тут чудеса, тут леший бродит, русалка на ветвях сидит... Так-то, дядя! *(Хлопает ее по плечу.)*

Ю л я. Я не дядя.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Будем рассуждать мирно. Слушай, Юлечка. Я прошел сквозь огонь, воду и медные трубы... Мне уж тридцать пять лет, а у меня никакого звания, кроме как поручик сербской службы и унтер-офицер русского запаса. Болтаюсь между небом и землей... Нужно мне образ жизни переменить, и знаешь... понимаешь, у меня теперь в голове такая фантазия, что если я женюсь, то в моей жизни произойдет круговорот... Выходи за меня, а? Лучшей мне не надо...

Ю л я *(смущенно)*. Гм... Видишь ли... Сначала исправься, Феденька.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Да ну, не цыгань! Говори прямо!

Ю л я. Мне совестно... (*Оглядывается.*) Пстой, как бы кто не вошел или не подслушал... Кажется, Вафля в окно смотрит.

Ф е д о р И в а н о в и ч. Никого нет.

Ю л я (*бросается ему на шею*). Феденька!

Соня хохочет; Орловский, Дядин и Хрущов хохочут, хлопают в ладоши и кричат: «Браво! Браво!»

Ф е д о р И в а н о в и ч. Тьфу! Испугали! Откуда вы взялись?

С о н я. Юлечка, поздравляю! И я тоже, и я тоже!

Смех, поцелуи, шум.

Д я д и н. Это восхитительно! Это восхитительно!

ЮБИЛЕЙ

Шутка в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Шипучин Андрей Андреевич, председатель правления N-ского Общества взаимного кредита, нестарый человек, с моноклем.

Татьяна Алексеевна, его жена, 25 лет.

Хирин Кузьма Николаевич, бухгалтер банка, старик.

Мерчуткина Настасья Федоровна, старуха в салопе.

Члены банка.

Служащие в банке.

Действие происходит в N-ском банке взаимного кредита. Кабинет председателя правления. Налево дверь, ведущая в контору банка. Два письменных стола. Обстановка с претензией на изысканную роскошь: бархатная мебель, цветы, статуи, ковры, телефон. Полдень.

Хирин (один; он в валенках).

Хирин (*кричит в дверь*). Пошлите взять в аптеке валериановых капель на пятнадцать копеек да велите принести в директорский кабинет свежей воды! Сто раз вам говорить! (*Идет к столу.*) Совсем замучился. Пишу уже четвертые сутки и глаз не смыкаю; от утра до вечера пишу здесь, а от вечера до утра — дома.

(*Кашляет.*) А тут еще воспаление во всем теле. Зноб, жар, кашель, ноги ломит и в глазах этакие... междометия. (*Садится.*) Наш кривляка, этот мерзавец, председатель правления, сегодня на общем собрании будет читать доклад: «Наш банк в настоящем и в будущем». Какой Гамбетта, подумаешь... (*Пишет.*) Два... один... один... шесть... ноль... семь... Затем шесть... ноль... один... шесть... Ему хочется пыль пустить, а я вот сиди и работай для него как каторжный!.. Он в этот доклад одной только поэзии напустил, и больше ничего, а я вот день-деньской на счетах щелкай, черт бы его душу драл!.. (*Щелкает на счетах.*) Терпеть не могу! (*Пишет.*) Значит, один... три... семь... два... один... ноль... Обещал наградить за труды. Если сегодня все обойдется благополучно и удастся очки втереть публике, то обещал золотой жетон и триста наградных... Увидим. (*Пишет.*) Ну, а если труды мои пропадут даром, то, брат, не взъщи... Я человек вспыльчивый... Я, брат, под горячую руку могу и преступление совершить... Да!

За сценой шум и аплодисменты. Голос Шипучина: «Благодарю! благодарю! Тронут!» Входит Ш и п у ч и н. Он во фраке и белом галстуке; в руках только что поднесенный ему альбом.

Ш и п у ч и н (*стоя в дверях и обращаясь в контуру*). Этот ваш подарок, дорогие сослуживцы, я буду хранить до самой смерти как воспоминание о счастливейших днях моей жизни! Да, милостивые государи! Еще раз благодарю! (*Посылает воздушный поцелуй и идет к Хирину.*) Мой дорогой, мой почтеннейший Кузьма Николаевич!

Все время, пока он на сцене, служащие изредка входят с бумагами для подписи и уходят.

Х и р и н (*вставая*). Честь имею поздравить вас, Андрей Андрейч, с пятнадцатилетней годовщиной нашего банка и желаю, чтоб...

Ш и п у ч и н (*крепко пожимает руку*). Благодарю, мой дорогой! Благодарю! Для сегодняшнего знаменитого дня, ради юбилея, полагаю, можно и поцеловаться!..

Целуются.

Очень, очень рад! Спасибо вам за службу... за все, за все спасибо! Если мною, пока я имею честь быть председателем правления этого банка, сделано что-нибудь полезное, то этим я обязан прежде всего своим сослуживцам. *(Вздыхает.)* Да, батенька, пятнадцать лет! Пятнадцать лет, не будь я Шипучин! *(Живо.)* Ну, что мой доклад? Подвигается?

Х и р и н. Да. Осталось всего страниц пять.

Ш и п у ч и н. Прекрасно. Значит, к трем часам будет готов?

Х и р и н. Если никто не помешает, то кончу. Пустяки осталось.

Ш и п у ч и н. Великолепно. Великолепно, не будь я Шипучин! Общее собрание будет в четыре. Пожалуйста, голубчик. Дайте-ка мне первую половину, я проштудирую... Дайте скорее... *(Берет доклад.)* На этот доклад я возлагаю громадные надежды... Это мое profession de foi¹, или, лучше сказать, мой фейерверк... Фейерверк, не будь я Шипучин! *(Садится и про себя читает доклад.)* Устал я, однако, адски... Ночью у меня был припадок подагры, все утро провел в хлопотах и побегушках, потом эти волнения, овации, эта ажитация... устал!

Х и р и н *(пишет).* Два... ноль... ноль... три... девять... два... ноль... От цифр в глазах зелено... Три... один... шесть... четыре... один... пять... *(Щелкает на счетах.)*

Ш и п у ч и н. Тоже неприятность... Сегодня утром была у меня ваша супруга и опять жаловалась на вас. Говорила, что вчера вечером вы за нею и за свояченицей с ножом гонялись. Кузьма Николаич, на что это похоже? Ай-ай!

Х и р и н *(сурово).* Осмелюсь ради юбилея, Андрей Андреич, обратиться к вам с просьбой. Прошу вас, хотя бы из уважения к моим каторжным трудам, не вмешивайтесь в мою семейную жизнь. Прошу!

Ш и п у ч и н *(вздыхает).* Невозможный у вас характер, Кузьма Николаич! Человек вы прекрасный, почтенный, а с женщинами держите себя как какой-нибудь

---

¹ изложение взглядов *(франц.)*.

Джек. Право. Не понимаю, за что вы их так ненавидите?

Х и р и н. А я вот не понимаю: за что вы их так любите?

Пауза.

Ш и п у ч и н. Служащие поднесли сейчас альбом, а члены банка, как я слышал, хотят поднести мне адрес и серебряный жбан... *(Играя моноклем.)* Хорошо, не будь я Шипучин! Это не лишнее... Для репутации банка необходима некоторая помпа, черт возьми! Вы свой человек, вам все, конечно, известно... Адрес сочинял я сам, серебряный жбан купил тоже я сам... Ну, и переплет для адреса сорок пять рублей, но без этого нельзя. Сами бы они не догадались. *(Оглядывается.)* Обстановочка-то какова! Что за обстановка! Вот говорят, что я мелочен, что мне нужно, чтобы только замки у дверей были почищены, чтоб служащие носили модные галстуки да у подъезда стоял толстый швейцар. Ну нет, судари мои. Замки у дверей и толстый швейцар — не мелочь. Дома у себя я могу быть мещанином, есть и спать по-свински, пить запоем...

Х и р и н. Прошу, пожалуйста, без намеков!

Ш и п у ч и н. Ах, никто не намекает! Какой у вас невозможный характер... Так вот я и говорю: дома у себя я могу быть мещанином, парвеню ¹ и слушаться своих привычек, но здесь все должно быть en grand ². Здесь банк! Здесь каждая деталь должна импонировать, так сказать, и иметь торжественный вид. *(Поднимает с пола бумажку и бросает ее в камин.)* Заслуга моя именно в том, что я высоко поднял репутацию банка!.. Великое дело — тон! Великое, не будь я Шипучин. *(Оглядыв Хирина.)* Дорогой мой, каждую минуту сюда может явиться депутация от членов банка, а вы в валенках, в этом шарфе... в каком-то пиджаке дикого цвета... Могли бы надеть фрак, ну наконец черный сюртук...

Х и р и н. Для меня здоровье дороже ваших членов банка. У меня воспаление всего тела.

¹ мужланом (от франц. parvenu).

² на широкую ногу (франц.).

Ш и п у ч и н (*волнуясь*). Но согласитесь, что это беспорядок! Вы нарушаете ансамбль!

Х и р и н. Если придет депутация, то я спрятаться могу. Не велика беда... (*Пишет.*) Семь... один... семь... два... один... пять... ноль... Я и сам беспорядков не люблю... Семь... два... девять... (*Щелкает на счетах.*) Терпеть не могу беспорядков! Вот хорошо бы вы сделали, если бы не приглашали сегодня на юбилейный обедам...

Ш и п у ч и н. Пустяки какие...

Х и р и н. Я знаю, вы для шику напустите их сегодня полную залу, но, глядите, они вам все дело испортят. От них всякий вред и беспорядок.

Ш и п у ч и н. Напротив, женское общество возвышает!

Х и р и н. Да... Ваша супруга, кажется, образованная, а в понедельник на прошлой неделе такое выпалила, что я потом дня два только руками разводил. Вдруг при посторонних спрашивает: «Правда ли, что у нас в банке муж купил акций Дряжско-Пряжского банка, которые упали на бирже? Ах, мой муж так беспокоится!» Это при посторонних-то! И зачем вы откровенничаете с ними, не понимаю! Хотите, чтобы они вас под уголовщину подвели?

Ш и п у ч и н. Ну, довольно, довольно! Для юбилея это все слишком мрачно. Кстати, вы мне напомнили. (*Смотрит на часы.*) Сейчас должна приехать моя супружница. В сущности, следовало бы съездить на вокзал, встретить ее, бедняжку, но нет времени и... и устал. Признаться, я не рад ей! То есть я рад, но для меня было бы приятнее, если бы она еще денька два пожила у своей матери. Она потребует, чтобы я сегодня провел весь вечер с нею, а между тем у нас сегодня предполагается после обеда маленькая экскурсия... (*Вздрагивает.*) Однако у меня уже начинается нервная дрожь. Нервы так напряжены, что достаточно, кажется, малейшего пустяка, чтобы я расплакался! Нет, надо быть крепким, не будь я Шипучин!

Входит Т а т ь я н а А л е к с е е в н а, в ватерпруфе и с дорожной сумочкой через плечо.

Ба! Легка на помине!

Татьяна Алексеевна. Милый! (*Бежит к мужу, продолжительный поцелуй.*)

Шипучин. А мы только что о тебе говорили!.. (*Смотрит на часы.*)

Татьяна Алексеевна (*запыхавшись*). Соскучился? Здоров? А я еще дома не была, свокзала прямо сюда. Нужно тебе рассказать многое, многое... не могу утерпеть... Раздеваться я не буду, я на минутку. (*Хирину.*) Здравствуйте, Кузьма Николаич! (*Мужу.*) Дома у нас все благополучно?

Шипучин. Все. А ты за эту неделю пополнила, похорошела... Ну, как съездила?

Татьяна Алексеевна. Превосходно. Кланяются тебе мама и Катя. Василий Андреич велел тебя поцеловать. (*Целует.*) Тетя прислала тебе банку варенья, и все сердятся, что ты не пишешь. Зина велела тебя поцеловать. (*Целует.*) Ах, если б ты знал, что было! Что было! Мне даже страшно рассказывать! Ах, что было! Но я вижу по глазам, что ты мне не рад!

Шипучин. Напротив... Милая... (*Целует.*)

Хирин сердито кашляет.

Татьяна Алексеевна (*вздыхает*). Ах, бедная Катя, бедная Катя! Мне ее жаль, так жаль!

Шипучин. У нас, милая, сегодня юбилей, всякую минуту может явиться сюда депутация от членов банка, а ты не одета.

Татьяна Алексеевна. Правда, юбилей! Поздравляю, господа... Желаю вам... Значит, сегодня собрание, обед... Это я люблю. А помнишь тот прекрасный адрес, который ты так долго сочинял для членов банка? Его сегодня будут тебе читать?

Хирин сердито кашляет.

Шипучин (*смущенно*). Милая, об этом не говорить... Право, ехала бы домой.

Татьяна Алексеевна. Сейчас, сейчас. В одну минуту расскажу и уеду. Я тебе все с самого начала. Ну-с... Когда ты меня проводил, я, помнишь, села рядом с той полной дамой и стала читать. В вагоне я не люблю разговаривать. Три станции все читала и ни

«Юбилей». Мерчуткиша — А. П. Зуева, Шипучини — В. Я. Станцын.
Мосфильм, 1944.

с кем ни одного слова... Ну, наступил вечер, и такие, знаешь, пошли всё мрачные мысли! Напротив сидел молодой человек, ничего себе так, недурненький, брюнет... Ну, разговорились... Подошел моряк, потом студент какой-то... (*Смеется.*) Я сказала им, что я незамужем... Как они за мной ухаживали! Болтали мы до самой полночи, брюнет рассказывал ужасно смешные анекдоты, а моряк все пел. У меня грудь заболела от смеха. А когда моряк — ах, эти моряки! — когда моряк узнал нечаянно, что меня зовут Татьяной, то знаешь, что он пел? (*Поет басом.*) Онегин, я скрывать не стану, безумно я люблю Татьяну!.. (*Хочет.*)

Хирин сердито кашляет.

Ш и п у ч и н. Однако, Танюша, мы мешаем Кузьме Николаичу. Поезжай домой, милая... После...

Т а т ь я н а **А л е к с е в н а.** Ничего, ничего, пусть и он послушает, это очень интересно. Я сейчас кончу. На станцию выехал за мной Сережа. Подвернулся тут какой-то молодой человек, податной инспектор, кажется... ничего себе, славненький, особенно глаза... Сережа представил его, и мы поехали втроем... Погода была чудная...

За сценой голоса: «Нельзя! Нельзя! Что вам угодно?»

Входит **М е р ч у т к и н а.**

М е р ч у т к и н а (*в дверях, отмахиваясь*). Чего хватаете-то? Вот еще! Мне самого нужно!.. (*Входит, Шипучину.*) Честь имею, ваше превосходительство... Жена губернского секретаря, Настасья Федоровна Мерчуткина-с.

Ш и п у ч и н. Что вам угодно?

М е р ч у т к и н а. Изволите ли видеть, ваше превосходительство, муж мой, губернский секретарь Мерчуткин, был болен пять месяцев, и, пока он лежал дома и лечился, ему без всякой причины отставку дали, ваше превосходительство, а когда я пошла за его жалованьем, то они, изволите ли видеть, взяли и вычли из его жалованья двадцать четыре рубля тридцать шесть копеек. За что?— спрашиваю. «А он, говорят, из товарищеской кассы брал, и за него другие ручались». Как же так? Нешто он мог без моего согласия брать? Так

нельзя, ваше превосходительство! Я женщина бедная, только и кормлюсь жильцами... Я слабая, беззащитная... От всех обиду терплю и ни от кого доброго слова не слышу.

Ш и п у ч и н. Позвольте... *(Берет от нее прошение и читает стоя.)*

Т а т ь я н а А л е к с е е в н а *(Хирину)*. Но нужно сначала... На прошлой неделе вдруг я получаю от мамы письмо. Пишет, что сестре Кате сделал предложение некий Грендилевский. Прекрасный, скромный молодой человек, но без всяких средств и никакого определенного положения. И на беду, представьте себе, Катя увлеклась им. Что тут делать? Мама пишет, чтобы я немедленно приехала и повлияла на Катю...

Х и р и н *(сурово)*. Позвольте, вы меня сбили! Вы, мама да Катя, а я вот сбился и ничего не понимаю.

Т а т ь я н а А л е к с е е в н а. Экая важность! А вы слушайте, когда с вами дама говорит! Отчего вы сегодня такой сердитый? Влюблены? *(Смеется.)*

Ш и п у ч и н *(Мерчуткиной)*. Позвольте, однако, как же это? Я ничего не понимаю...

Т а т ь я н а А л е к с е е в н а. Влюблены? Ага! По-краснел!

Ш и п у ч и н *(жене)*. Танюша, поди, милая, на минутку в контору. Я сейчас.

Т а т ь я н а А л е к с е е в н а. Хорошо. *(Уходит.)*

Ш и п у ч и н. Я ничего не понимаю. Очевидно, вы, сударыня, не туда попали. Ваша просьба по существу совсем к нам не относится. Вы потрудитесь обратиться в то ведомство, где служил ваш муж.

М е р ч у т к и н а. Я, батюшка, в пяти местах уже была, нигде даже прошения не приняли. Я уж и голову потеряла, да спасибо зятю Борису Матвейчу, надоумил к вам сходить: «Вы, говорит, мамаша, обратитесь к господину Шипучину; они влиятельный человек, все могут...» Помогите, ваше превосходительство!

Ш и п у ч и н. Мы, госпожа Мерчуткина, ничего не можем для вас сделать. Поймите вы: ваш муж, насколько я могу судить, служил по военно-медицинскому ведомству, а наше учреждение совершенно частное, коммерческое, у нас банк. Как не понять этого!

М е р ч у т к и н а. Ваше превосходительство, а что муж мой болен был, у меня докторское свидетельство есть. Вот оно, извольте поглядеть...

Ш и п у ч и н (*раздраженно*). Прекрасно, я верю вам, но повторяю, это к нам не относится.

За сценой смех Татьяны Алексеевны; потом мужской смех.

(*Взглянув на дверь.*) Она там мешает служащим. (*Мерчуткиной.*) Странно и даже смешно. Неужели ваш муж не знает, куда вам обращаться?

М е р ч у т к и н а. Он, ваше превосходительство, у меня ничего не знает. Зарядил одно: «Не твое дело! пошла вон!», да и все тут...

Ш и п у ч и н. Повторяю, сударыня: ваш муж служил по военно-медицинскому ведомству, а здесь банк, учреждение частное, коммерческое...

М е р ч у т к и н а. Так, так, так... Понимаю, батюшка. В таком случае, ваше превосходительство, прикажите выдать мне хоть пятнадцать рублей! Я согласна не всё сразу.

Ш и п у ч и н (*вздыхает*). Уф!

Х и р и н. Андрей Андреич, этак я никогда доклада не кончу!

Ш и п у ч и н. Сейчас. (*Мерчуткиной.*) Вам не втолкуешь. Да поймите же, что обращаться к нам с подобной просьбой так же странно, как подавать прошение о разводе, например, в аптеку или в пробирную палатку.

Стук в дверь. Голос Татьяны Алексеевны: «Андрей, можно войти?»

(*Кричит.*) Погоди, милая, сейчас! (*Мерчуткиной.*) Вам недоплатили, но мы-то тут при чем? И к тому же, сударыня, у нас сегодня юбилей, мы заняты... и может сюда войти кто-нибудь сейчас... Извините...

М е р ч у т к и н а. Ваше превосходительство, пожалейте меня, сироту! Я женщина слабая, беззащитная... Замучилась до смерти... И с жильцами судись, и за мужа хлопочи, и по хозяйству бегай, а тут еще зять без места.

Ш и п у ч и н. Госпожа Мерчуткина, я... Нет, извините, я не могу с вами говорить! У меня даже голова

закружилась... Вы и нам мешаете и время понапрасну теряете... *(Вздыхает, в сторону.)* Вот пробка, не будь я Шипучин! *(Хиричу.)* Кузьма Николаич, объясните вы, пожалуйста, госпоже Мерчуткиной... *(Машет рукой и уходит в правление.)*

Х и р и н *(подходит к Мерчуткиной, сурово).* Что вам угодно?

М е р ч у т к и н а. Я женщина слабая, беззащитная... На вид, может, я крепкая, а ежели разобрать, так во мне ни одной жилочки нет здоровой! Еле на ногах стою и аппетита решилась. Кофей сегодня пила, и без всякого удовольствия.

Х и р и н. Я вас спрашиваю, что вам угодно?

М е р ч у т к и н а. Прикажете, батюшка, выдать мне пятнадцать рублей, а остальные хоть через месяц.

Х и р и н. Но ведь вам, кажется, было сказано русским языком: здесь банк!

М е р ч у т к и н а. Так, так... А если нужно, я могу медицинское свидетельство представить.

Х и р и н. У вас на плечах голова или что?

М е р ч у т к и н а. Миленький, ведь я по закону прошу. Мне чужого не нужно.

Х и р и н. Я вас, мадам, спрашиваю: у вас голова на плечах или что? Ну, черт меня подери совсем, мне некогда с вами разговаривать! Я занят. *(Указывает на дверь.)* Прошу!

М е р ч у т к и н а *(удивленная)*. А деньги как же?..

Х и р и н. Одним словом, у вас на плечах не голова, а вот что... *(Стучит пальцем по столу, потом себе по лбу.)*

М е р ч у т к и н а *(обидевшись)*. Что? Ну, нечего, нечего... Своей жене постукай... Я губернская секретарша... Со мной не очень!

Х и р и н *(вспылив, вполголоса)*. Вон отсюда!

М е р ч у т к и н а. Но, но... Не очень!

Х и р и н *(вполголоса)*. Ежели ты не уйдешь сию секунду, то я за дворником пошлю! Вон! *(Топочет ногами.)*

М е р ч у т к и н а. Нечего, нечего! Не боюсь! Видали мы таких... Скважина!

Х и р и н. Кажется, во всю свою жизнь не видал противнее... Уф! Даже в голову ударило... *(Тяжело дышит.)*

шит.) Я тебе еще раз говорю... Слышишь? Ежели ты, старая кикимора, не уйдешь отсюда, то я тебя в порошок сотру! У меня такой характер, что я могу из тебя на весь век калеку сделать! Я могу преступление совершить!

М е р ч у т к и н а. Собака лает, ветер носит. Не испугалась. Видали мы таких.

Х и р и н (*в отчаянии*). Видеть ее не могу! Мне дурно! Я не могу! (*Идет к столу и садится.*) Напустили баб полон банк, не могу я доклада писать! Не могу!

М е р ч у т к и н а. Я не чужое прошу, а свое, по закону. Ишь срамник! В присутственном месте в валенках сидит... Мужик...

Входят Ш и п у ч и н   Т а т ь я н а   А л е к с е е в н а.

Т а т ь я н а   А л е к с е е в н а (*входя за мужем*). Поехали мы на вечер к Бережницким. На Кате было голубенькое фуляровое платье с легким кружевом и с открытой шейкой... Ей очень к лицу высокая прическа, и я ее сама причесала... Как оделась и причесалась, ну просто очарование!

Ш и п у ч и н (*уже с мигренью*). Да, да... очарование... Сейчас могут прийти сюда.

М е р ч у т к и н а. Ваше превосходительство!..

Ш и п у ч и н (*уныло*). Что еще? Что вам угодно?

М е р ч у т к и н а. Ваше превосходительство!.. (*Указывает на Хирина.*) Вот этот, вот самый... вот этот постучал себе пальцем по лбу, а потом по столу... Вы велели ему мое дело разобрать, а он насмехается и всякие слова. Я женщина слабая, беззащитная.

Ш и п у ч и н. Хорошо, сударыня, я разберу... приму меры... Уходите... после!.. (*В сторону.*) У меня подагра начинается!..

Х и р и н (*подходит к Шипучину, тихо*). Андрей Андрееч, прикажите послать за швейцаром, пусть ее в три шеи погонит! Ведь это что такое?

Ш и п у ч и н (*испуганно*). Нет, нет! Она визг поднимет, а в этом доме много квартир.

М е р ч у т к и н а. Ваше превосходительство!..

Х и р и н (*плачущим голосом*). Но ведь мне доклад

надо писать! Я не успею!.. *(Возвращается к столу.)*
Я не могу!

М е р ч у т к и н а. Ваше превосходительство, когда же я получу? Мне нынче деньги надобны.

Ш и п у ч и н *(в сторону, с негодованием)*. За-ме-ча-тель-но подлая баба! *(Ей, мягко.)* Сударыня, я уже вам говорил. Здесь банк, учреждение частное, коммерческое...

М е р ч у т к и н а. Сделайте милость, ваше превосходительство, будьте отцом родным... Ежели медицинского свидетельства мало, то я могу и из участка удостоверение представить. Прикажите выдать мне деньги!

Ш и п у ч и н *(тяжело вздыхает.)* Уф!

Т а т ь я н а А л е к с е е в н а *(Мерчуткиной)*. Бабушка, вам же говорят, что вы мешаете. Какая вы, право.

М е р ч у т к и н а. Красавица, матушка, за меня похлопотать некому. Одно только звание, что пью и ем, а кофей нынче пила без всякого удовольствия.

Ш и п у ч и н *(в изнеможении, Мерчуткиной)*. Сколько вы хотите получить?

М е р ч у т к и н а. Двадцать четыре рубля тридцать шесть копеек.

Ш и п у ч и н. Хорошо!.. *(Достает из бумажника 25 руб. и подает ей.)* Вот вам двадцать пять рублей. Берите и... уходите!

Хирин сердито кашляет.

М е р ч у т к и н а. Покорнейше благодарю, ваше превосходительство... *(Прячет деньги.)*

Т а т ь я н а А л е к с е е в н а *(сидясь около мужа)*. Однако мне пора домой... *(Посмотрев на часы.)* Но я еще не кончила... В одну минуточку кончу и уйду... Что было! Ах, что было! И так, поехали мы на вечер к Бережницким... Ничего себе, весело было, но не особенно... Был, конечно, и Катин вздыхатель Грендилевский... Ну, я с Катей поговорила, поплакала, повлила на нее, она тут же на вечере объяснилась с Грендилевским и отказала ему. Ну, думаю, все устроилось как нельзя лучше: маму успокоила, Катю спасла и теперь сама могу быть спокойна... Что же ты думаешь? Перед

самым ужином идем мы с Катей по аллее и вдруг... (Волнуясь.) И вдруг слышим выстрел... Нет, я не могу говорить об этом хладнокровно! (Обмахивается платком.) Нет, не могу!

Ш и п у ч и н (вздыхает). Уф!

Т а т ь я н а А л е к с е е в н а (плачет). Бежим к беседке, а там... там лежит бедный Грендилевский... с пистолетом в руке...

Ш и п у ч и н. Нет, я этого не вынесу! Я не вынесу! (Мерцуткиной.) Вам что еще нужно?

М е р ц у т к и н а. Ваше превосходительство, нельзя ли моему мужу опять поступить на место?

Т а т ь я н а А л е к с е е в н а (плача). Выстрелил себе прямо в сердце... вот тут... Катя упала без чувств, бедняжка... А он сам страшно испугался, лежит и... и просит послать за доктором. Скоро приехал доктор и... и спас несчастного...

М е р ц у т к и н а. Ваше превосходительство, нельзя ли моему мужу опять поступить на место?

Ш и п у ч и н. Нет, я не вынесу! (Плачет.) Не вынесу! (Протягивает к Хирину обе руки, в отчаянии.) Прогоните ее! Прогоните, умоляю вас!

Х и р и н (подходя к Татьяне Алексеевне). Вон отсюда!

Ш и п у ч и н. Не ее, а вот эту... вот эту ужасную... (Указывает на Мерцуткину.) Вот эту!

Х и р и н (не поняв его, Татьяне Алексеевне). Вон отсюда! (Топочет ногами.) Вон пошла!

Т а т ь я н а А л е к с е е в н а. Что? Что вы? С ума сошли?

Ш и п у ч и н. Это ужасно! Я несчастный человек! Гоните ее! Гоните!

Х и р и н (Татьяне Алексеевне). Вон! Искалечу! Исковеркаю! Преступление совершу!

Т а т ь я н а А л е к с е е в н а (бежит от него, он за ней). Да как вы смеете! Вы нахал! (Кричит.) Андрей! Спаси! Андрей! (Взвизгивает.)

Ш и п у ч и н (бежит за ними). Перестаньте! Умоляю вас! Тише! Пощадите меня.

Х и р и н (гонится за Мерцуткиной). Вон остюда! Ловите! Бейте! Режьте ее!

Ш и п у ч и н (*кричит*). Перестаньте! Прошу вас! Умоляю!

М е р ч у т к и н а. Батюшки... батюшки!.. (*Взвизгивает.*) Батюшки!..

Т а т ь я н а А л е к с е е в н а (*кричит*). Спасите! Спасите!.. Ах, ах... дурно! Дурно! (*Вскакивает на стул, потом падает на диван и стонет, как в обмороке.*)

Х и р и н (*гонится за Мерчуткиной*). Бейте ее! Лупите! Режьте!

М е р ч у т к и н а. Ах, ах... батюшки, в глазах темно! Ах! (*Падает без чувств на руки Шипучина.*)

Стук в дверь, и голос за сценой: «Депутация!»

Ш и п у ч и н. Депутация... репутация... оккупация...

Х и р и н (*топочет ногами*). Вон, черт бы меня драл! (*Засучивает рукава.*) Дайте мне ее! Преступление могу совершить!

Входит депутация из пяти человек; все во фраках. У одного в руках адрес в бархатном переплете, у другого — жбан. В дверь из правления смотрят служащие, Татьяна Алексеевна на диване, Мерчуткина на руках у Шипучина, обе тихо стонут.

Ч л е н б а н к а (*громко читает*). Многоуважаемый и дорогой Андрей Андреевич! Бросая ретроспективный взгляд на прошлое нашего финансового учреждения и пробегая умственным взором историю его постепенного развития, мы получаем в высшей степени отрадное впечатление. Правда, в первое время его существования небольшие размеры основного капитала, отсутствие каких-либо серьезных операций, а также неопределенность целей ставили ребром гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?», и в одно время даже раздавались голоса в пользу закрытия банка. Но вот во главе учреждения становитесь вы. Ваши знания, энергия и присущий вам такт были причиной необычайного успеха и редкого процветания. Репутация банка... (*кашляет*) репутация банка...

М е р ч у т к и н а (*стонет*). Ох! Ох!

Т а т ь я н а А л е к с е е в н а (*стонет*). Воды! Воды!

Ч л е н б а н к а (*продолжает*). Репутация... (*кашляет*) репутация банка поднята вами на такую высоту,

что наше учреждение может ныне соперничать с лучшими заграничными учреждениями...

Ш и п у ч и н. Депутация... репутация... оккупация... шли два приятеля вечернею порой и дельный разговор вели между собой... Не говори, что молодость сгубила, что ревностью истерзана моей.

Ч л е н б а н к а (*продолжает в смущении*). Затем, бросая объективный взгляд на настоящее, мы, многоуважаемый и дорогой Андрей Андреевич... (*Понизив тон.*) В таком случае мы после... Мы лучше после...

Уходят в смущении.

З а н а в е с

Ч А Й К А

Комедия в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ирина Николаевна Аркадина, по мужу Треплева, актриса.

Константин Гаврилович Треплев, ее сын, молодой человек.

Петр Николаевич Сорин, ее брат.

Нина Михайловна Заречная, молодая девушка, дочь богатого помещика.

Илья Афанасьевич Шамраев, поручик в отставке, управляющий у Сорина.

Полина Андреевна, его жена.

Маша, его дочь.

Борис Алексеевич Тригорин, беллетрист.

Евгений Сергеевич Дорн, врач.

Семен Семенович Медведенко, учитель.

Яков, работник.

Повар.

Горничная.

Действие происходит в усадьбе Сорина.— Между третьим и четвертым действием проходит два года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Часть парка в именин Сорина. Широкая аллея, ведущая по направлению от зрителей в глубину парка к озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашнего спектакля, так что озера совсем не видно. Налево и направо у эстрады кустарник.

Несколько стульев, столик.

Только что зашло солнце. На эстраде за опущенным занавесом Яков и другие работники; слышатся кашель и стук. Маша и Медведенко идут слева, возвращаясь с прогулки.

Медведенко. Отчего вы всегда ходите в черном?

Маша. Это траур по моей жизни. Я несчастна.

Медведенко. Отчего? *(В раздумье.)* Не понимаю... Вы здоровы, отец у вас хотя и небогатый, но с достатком. Мне живется гораздо тяжелее, чем вам. Я получаю всего двадцать три рубля в месяц, да еще вычитают с меня в эмериттуру, а все же я не ношу траура.

Садятся.

Маша. Дело не в деньгах. И бедняк может быть счастлив.

Медведенко. Это в теории, а на практике выходит так: я, да мать, да две сестры и братишка, а жалованья всего двадцать три рубля. Ведь есть и пить надо? Чаю и сахару надо? Табаку надо? Вот тут и вертись.

Маша *(оглядываясь на эстраду)*. Скоро начнется спектакль.

Медведенко. Да. Играть будет Заречная, а пьеса сочинения Константина Гавриловича. Они влюблены друг в друга, и сегодня их души сольются в стремлении дать один и тот же художественный образ. А у моей души и у вашей нет общих точек соприкосновения. Я люблю вас, не могу от тоски сидеть дома, каждый день хожу пешком шесть верст сюда да шесть обратно и встречаю один лишь индифферентизм с вашей стороны. Это понятно. Я без средств, семья у меня боль-

шая... Какая охота идти за человека, которому самому есть нечего?

М а ш а. Пустяки. (*Нюхает табак.*) Ваша любовь трогает меня, но я не могу отвечать взаимностью, вот и все. (*Протягивает ему табакерку.*) Одолжайтесь.

М е д в е д е н к о. Не хочется.

Пауза.

М а ш а. Душно, должно быть ночью будет гроза. Вы всё философствуете или говорите о деньгах. По-вашему, нет большего несчастья, как бедность, а по-моему, в тысячу раз легче ходить в лохмотьях и побираться, чем... Впрочем, вам не понять этого...

Входят справа С о р и н и Т р е п л е в.

С о р и н (*опираясь на трость*). Мне, брат, в деревне как-то не того, и, понятная вещь, никогда я тут не привыкну. Вчера лег в десять и сегодня утром проснулся в девять с таким чувством, как будто от долгого сна у меня мозг прилип к черепу и все такое. (*Смеется.*) А после обеда нечаянно опять уснул, и теперь я весь разбит, испытываю кошмар, в конце концов...

Т р е п л е в. Правда, тебе нужно жить в городе. (*Увидев Машу и Медведенка.*) Господа, когда начнется, вас позовут, а теперь нельзя здесь. Уходите, пожалуйста.

С о р и н (*Маше*). Марья Ильинична, будьте так добры, попросите вашего папашу, чтобы он распорядился отвязать собаку, а то она воеет. Сестра опять всю ночь не спала.

М а ш а. Говорите с моим отцом сами, а я не стану. Увольте, пожалуйста. (*Медведенку.*) Пойдемте!

М е д в е д е н к о (*Треплеву*). Так вы перед началом пришлите сказать.

Оба уходят.

С о р и н. Значит, опять всю ночь будет выть собака. Вот история, никогда в деревне я не жил, как хотел. Бывало, возьмешь отпуск на двадцать восемь дней и приедешь сюда, чтобы отдохнуть и все, но тут тебя так доймают всяким вздором, что уж с первого дня хочется вон. (*Смеется.*) Всегда я уезжал отсюда с удоволь-

ствием... Ну, а теперь я в отставке, деваться некуда в конце концов. Хочешь — не хочешь, живи...

Яков (*Треплеву*). Мы, Константин Гаврилыч, купаться пойдем.

Треплев. Хорошо, только через десять минут будьте на местах. (*Смотрит на часы.*) Скоро начнется.

Яков. Слушаю. (*Уходит.*)

Треплев (*окидывая взглядом эстраду*). Вот тебе и театр. Занавес, потом первая кулиса, потом вторая и дальше пустое пространство. Декораций никаких. Открывается вид прямо на озеро и на горизонт. Поднимем занавес ровно в половине девятого, когда взойдет луна.

Сорин. Великолепно.

Треплев. Если Заречная опоздает, то, конечно, пропадет весь эффект. Пора бы уж ей быть. Отец и мачеха стерегут ее, и вырваться ей из дому так же трудно, как из тюрьмы. (*Поправляет дяде галстук.*) Голова и борода у тебя взлохмачены. Надо бы постричься, что ли...

Сорин (*расчесывая бороду*). Трагедия моей жизни. У меня и в молодости была такая наружность, будто я запоем пил — и все. Меня никогда не любили женщины. (*Садясь.*) Отчего сестра не в духе?

Треплев. Отчего? Скучает. (*Садясь рядом.*) Ревнует. Она уже и против меня, и против спектакля, и против моей пьесы, потому что не она играет, а Заречная. Она не знает моей пьесы, но уже ненавидит ее.

Сорин (*смеется*). Выдумашь, право...

Треплев. Ей уже досадно, что вот на этой маленькой сцене будет иметь успех Заречная, а не она. (*Посмотрев на часы.*) Психологический курьез — моя мать. Бесспорно талантлива, умна, способна рыдать над книжкой, отхватит тебе всего Некрасова наизусть, за большими ухаживает, как ангел; но попробуй похвалить при ней Дузе. Ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ее необыкновенною игрой в «*La dame aux camélias*»¹ или в «Чад жизни», но так как здесь, в деревне, нет этого дурмана, то вот она скучает и злится, и все мы — ее

---

¹ «Дама с камелиями» (франц.).

враги, все мы виноваты. Затем она суеверна, боится трех свечей, тринадцатого числа. Она скупа. У нее в Одессе в банке семьдесят тысяч — это я знаю наверное. А попроси у нее займы, она станет плакать.

С о р и н. Ты вообразил, что твоя пьеса не нравится матери, и уже волнуешься и все. Успокойся, мать тебя обожает.

Т р е п л е в (*обрывая у цветка лепестки*). Любит — не любит, любит — не любит, любит — не любит. (*Смеется.*) Видишь, моя мать меня не любит. Еще бы! Ей хочется жить, любить, носить светлые кофточки, а мне уже двадцать пять лет, и я постоянно напоминаю ей, что она уже не молода. Когда меня нет, ей только тридцать два года, при мне же сорок три, и за это она меня ненавидит. Она знает также, что я не признаю театра. Она любит театр, ей кажется, что она служит человечеству, святому искусству, а по-моему, современный театр — это рутинная, предрассудочная. Когда поднимается занавес и при вечернем освещении, в комнате с тремя стенами, эти великие таланты, жрецы святого искусства изображают, как люди едят, пьют, любят, ходят, носят свои пиджаки; когда из пошлых картин и фраз стараются выудить мораль — мораль маленькую, удобопонятную, полезную в домашнем обиходе; когда в тысяче вариаций мне подносят все одно и то же, одно и то же, одно и то же, — то я бегу и бегу, как Мопассан бежал от Эйфелевой башни, которая давила ему мозг своею пошлостью.

С о р и н. Без театра нельзя.

Т р е п л е в. Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно. (*Смотрит на часы.*) Я люблю мать, сильно люблю; но она ведет бестолковую жизнь, вечно носится с этим беллетристом, имя ее постоянно треплют в газетах, — и это меня утомляет. Иногда же просто во мне говорит эгоизм обыкновенного смертного; бывает жаль, что у меня мать известная актриса, и кажется, будь это обыкновенная женщина, то я был бы счастливее. Дядя, что может быть отчаяннее и глупее положения: бывало, у нее сидят в гостях сплошь все знаменитости, артисты и писатели, и между ними только один я — ничто, и

меня терпят только потому, что я ее сын. Кто я? Что я? Вышел из третьего курса университета по обстоятельствам, как говорится, от редакции не зависящим, никаких талантов, денег ни гроша, а по паспорту я — киевский мещанин. Мой отец ведь киевский мещанин, хотя тоже был известным актером. Так вот, когда, бывало, в ее гостиной все эти артисты и писатели обращали на меня свое милостивое внимание, то мне казалось, что своими взглядами они измеряли мое ничтожество, — я угадывал их мысли и страдал от унижения...

С о р и н. Кстати, скажи, пожалуйста, что за человек этот беллетрист? Не поймешь его. Все молчит.

Т р е п л е в. Человек умный, простой, немножко, знаешь, меланхоличный. Очень порядочный. Сорок лет будет ему еще не скоро, но он уже знаменит и сыт по горло... Что касается его писаний, то... как тебе сказать? Мило, талантливо... но... после Толстого или Зола не захочешь читать Тригорина.

С о р и н. А я, брат, люблю литераторов. Когда-то я страстно хотел двух вещей: хотел жениться и хотел стать литератором, но не удалось ни то, ни другое. Да. И маленьким литератором приятно быть в конце концов.

Т р е п л е в (*прислушивается*). Я слышу шаги... (*Обнимает дядю.*) Я без нее жить не могу... Даже звук ее шагов прекрасен... Я счастлив безумно. (*Быстро идет навстречу Нине Заречной, которая входит.*) Волшебница, мечта моя...

Н и н а (*взволнованно*). Я не опоздала... Конечно, я не опоздала...

Т р е п л е в (*целует ее руки*). Нет, нет, нет...

Н и н а. Весь день я беспокоилась, мне было так страшно! Я боялась, что отец не пустит меня... Но он сейчас уехал с мачехой. Красное небо, уже начинает восходить луна, и я гнала лошадь, гнала. (*Смеется.*) Но я рада. (*Крепко жмет руку Сорина.*)

С о р и н (*смеется*). Глазки, кажется, заплаканы... Ге-ге! Нехорошо!

Н и н а. Это так... Видите, как мне тяжело дышать. Через полчаса я уеду, надо спешить. Нельзя, нельзя, бога ради не удерживайте. Отец не знает, что я здесь.

Т р е п л е в. В самом деле, уже пора начинать. Надо идти звать всех.

С о р и н. Я схожу и все. Сию минуту. (*Идет вправо и поет.*) «Во Францию два гренадера...» (*Оглядывается.*) Раз так же вот я запел, а один товарищ прокурора и говорит мне: «А у вас, ваше превосходительство, голос сильный...» Потом подумал и прибавил: «Но... противный». (*Смеется и уходит.*)

Н и н а. Отец и его жена не пускают меня сюда. Говорят, что здесь богема... боятся, как бы я не пошла в актрисы... А меня тянет сюда к озеру, как чайку... Мое сердце полно вами. (*Оглядывается.*)

Т р е п л е в. Мы одни.

Н и н а. Кажется, кто-то там...

Т р е п л е в. Никого. (*Поцелуй.*)

Н и н а. Это какое дерево?

Т р е п л е в. Вяз.

Н и н а. Отчего оно такое темное?

Т р е п л е в. Уже вечер, темнеют все предметы. Не уезжайте рано, умоляю вас.

Н и н а. Нельзя.

Т р е п л е в. А если я поеду к вам, Нина? Я всю ночь буду стоять в саду и смотреть на ваше окно.

Н и н а. Нельзя, вас заметит сторож. Трезор еще не привык к вам и будет лаять.

Т р е п л е в. Я люблю вас.

Н и н а. Тсс...

Т р е п л е в (*услышав шаги*). Кто там? Вы, Яков?

Я к о в (*за эстрадой*). Точно так.

Т р е п л е в. Становитесь по местам. Пора. Луна восходит?

Я к о в. Точно так.

Т р е п л е в. Спирт есть? Сера есть? Когда покажутся красные глаза, нужно, чтобы пахло серой. (*Нине.*) Идите, там все приготовлено. Вы волнуетесь?..

Н и н а. Да, очень. Ваша мама — ничего, ее я не боюсь, но у вас Тригорин... Играть при нем мне страшно и стыдно... Известный писатель... Он молод?

Т р е п л е в. Да.

Н и н а. Какие у него чудесные рассказы!

Т р е п л е в (*холодно*). Не знаю, не читал.

Н и н а. В вашей пьесе трудно играть. В ней нет живых лиц.

Т р е п л е в. Живые лица! Надо изображать жизнь не такую, как она есть, и не такую, как должна быть, а такую, как она представляется в мечтах.

Н и н а. В вашей пьесе мало действия, одна только читка. И в пьесе, по-моему, непременно должна быть любовь...

Оба уходят за эстраду.

Входят Полина Андреевна и Дорн.

П о л и н а А н д р е е в н а. Становится сыро. Вернитесь, наденьте калоши.

Д о р н. Мне жарко.

П о л и н а А н д р е е в н а. Вы не бережете себя. Это упрямство. Вы — доктор и отлично знаете, что вам вреден сырой воздух, но вам хочется, чтобы я страдала; вы нарочно просидели вчера весь вечер на террасе...

Д о р н (*напевает*). «Не говори, что молодость сгубила».

П о л и н а А н д р е е в н а. Вы были так увлечены разговором с Ириной Николаевной... вы не замечали холода. Признайтесь, она вам нравится...

Д о р н. Мне пятьдесят пять лет.

П о л и н а А н д р е е в н а. Пустяки, для мужчины это не старость. Вы прекрасно сохранились и еще нравитесь женщинам.

Д о р н. Так что же вам угодно?

П о л и н а А н д р е е в н а. Перед актрисой вы все готовы падать ниц. Все!

Д о р н (*напевает*). «Я вновь пред тобою...» Если в обществе любят артистов и относятся к ним иначе, чем, например, к купцам, то это в порядке вещей. Это — идеализм.

П о л и н а А н д р е е в н а. Женщины всегда влюблялись в вас и вешались на шею. Это тоже идеализм?

Д о р н (*пожав плечами*). Что ж? В отношениях женщин ко мне было много хорошего. Во мне любили главным образом превосходного врача. Лет десять — пятнадцать назад, вы помните, во всей губернии я был

единственным порядочным акушером. Затем всегда я был честным человеком.

П о л и н а   А н д р е е в н а (*хватает его за руку*).
Дорогой мой!

Д о р н. Тише. Идут.

Входят А р к а д и н а под руку с С о р и н ы м, Т р и г о р и н,
Ш а м р а е в, М е д в е д е н к о и М а ш а.

Ш а м р а е в. В тысяча восемьсот семьдесят третьем году в Полтаве на ярмарке она играла изумительно. Один восторг! Чудно играла! Не изволите ли также знать, где теперь комик Чадин, Павел Семеныч? В Расплюеве был неподражаем, лучше Садовского, клянусь вам, многоуважаемая. Где он теперь?

А р к а д и н а. Вы всё спрашиваете про каких-то допотопных. Откуда я знаю! (*Садится.*)

Ш а м р а е в (*вздыхнув*). Пашка Чадин! Таких уж нет теперь. Пала сцена, Ирина Николаевна! Прежде были могучие дубы, а теперь мы видим одни только пни.

Д о р н. Блестящих дарований теперь мало, это правда, но средний актер стал гораздо выше.

Ш а м р а е в. Не могу с вами согласиться. Впрочем, это дело вкуса. De gustibus aut bene, aut nihil ¹.

Т р е п л е в выходит из-за эстрады.

А р к а д и н а (*сыну*). Мой милый сын, когда же начало?

Т р е п л е в. Через минуту. Прошу терпения.

А р к а д и н а (*читает из Гамлета*). «Мой сын! Ты очи обратил мне внутрь души, и я увидела ее в таких кровавых, в таких смертельных язвах — нет спасенья!»

Т р е п л е в (*из Гамлета*). «И для чего ж ты поддалась пороку, любви искала в бездне преступленья?»

За эстрадой играют в рожок.

Господа, начало! Прошу внимания!

Пауза.

---

¹ О вкусах — или хорошо, или ничего. Сочетание двух латинских изречений: «О вкусах не спорят» и «О мертвых — или хорошо, или ничего».

Я начинаю. (*Стучит палочкой и говорит громко.*) О вы, почтенные, старые тени, которые носитесь в ночную пору над этим озером, усыпите нас, и пусть нам приснится то, что будет через двести тысяч лет!

С о р и н. Через двести тысяч лет ничего не будет.

Т р е п л е в. Так вот пусть изобразят нам это ничего.

А р к а д и н а. Пусть. Мы спим.

Поднимается занавес; открывается вид на озеро; луна над горизонтом, отражение ее в воде; на большом камне сидит Н и н а З а р е ч н а я, вся в белом.

Н и н а. Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом,— словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли... Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах. Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно.

Пауза.

Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака, а души их всех слились в одну. Общая мировая душа — это я... я... Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и последней пиявки. Во мне сознания людей слились с инстинктами животных, и я помню все, все, все, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь.

Показываются болотные огни.

А р к а д и н а (*тихо*). Это что-то декадентское.

Т р е п л е в (*умоляюще и с упреком*). Мама!

Н и н а. Я одинока. Раз в сто лет я открываю уста, чтобы говорить, и мой голос звучит в этой пустоте уныло, и никто не слышит... И вы, бледные огни, не слышите меня... Под утро вас рождает гнилое болото, и вы блуждаете до зари, но без мысли, без воли, без трепетания жизни. Боясь, чтобы в вас не возникла жизнь, отец вечной материи, дьявол, каждое мгновение

в вас, как в камнях и в воде, производит обмен атомов, и вы меняетесь непрерывно. Во вселенной остается постоянным и неизменным один лишь дух.

Пауза.

Как пленник, брошенный в пустой глубокий колодец, я не знаю, где я и что меня ждет. От меня не скрыто лишь, что в упорной, жестокой борьбе с дьяволом, началом материальных сил, мне суждено победить, и после того материя и дух сольются в гармонии прекрасной и наступит царство мировой воли. Но это будет, лишь когда мало-помалу, через длинный, длинный ряд тысячелетий, и луна, и светлый Сириус, и земля обратятся в пыль... А до тех пор ужас, ужас...

Пауза; на фоне озера показываются две красных точки.

Вот приближается мой могучий противник, дьявол. Я вижу его страшные, багровые глаза...

Аркадина. Серой пахнет. Это так нужно?

Треплев. Да.

Аркадина (*смеется*). Да, это эффект.

Треплев. Мама!

Нина. Он скучает без человека...

Полина Андреевна (*Дорну*). Вы сняли шляпу. Наденьте, а то простудитесь.

Аркадина. Это доктор снял шляпу перед дьяволом, отцом вечной материи.

Треплев (*вспылив, громко*). Пьеса кончена! Довольно! Занавес!

Аркадина. Что же ты сердишься?

Треплев. Довольно! Занавес! Подавай занавес! (*Топнув ногой.*) Занавес!

Занавес опускается.

Виноват! Я выпустил из вида, что писать пьесы и играть на сцене могут только немногие избранные. Я нарушил монополию! Мне... я... (*Хочет еще что-то сказать, но машет рукой и уходит влево.*)

Аркадина. Что с ним?

Сорин. Ирина, нельзя так, матушка, обращаться с молодым самолюбием.

Аркадина. Что же я ему сказала?

Сорин. Ты его обидела.

Аркадина. Он сам предупреждал, что это шутка, и я относилась к его пьесе, как к шутке.

Сорин. Все-таки...

Аркадина. Теперь оказывается, что он написал великое произведение! Скажите пожалуйста! Стало быть, устроил он этот спектакль и надушил серой не для шутки, а для демонстрации... Ему хотелось поучить нас, как надо писать и что нужно играть. Наконец это становится скучно. Эти постоянные вылазки против меня и шпильки, воля ваша, надоедят хоть кому! Капризный, самолюбивый мальчик.

Сорин. Он хотел доставить тебе удовольствие.

Аркадина. Да? Однако же вот он не выбрал какой-нибудь обыкновенной пьесы, а заставил нас прослушать этот декадентский бред. Ради шутки я готова слушать и бред, но ведь тут претензии на новые формы, на новую эру в искусстве. А по-моему, никаких тут новых форм нет, а просто дурной характер.

Тригорин. Каждый пишет так, как хочет и как может.

Аркадина. Пусть он пишет, как хочет и как может, только пусть оставит меня в покое.

Дорн. Юпитер, ты сердисься...

Аркадина. Я не Юпитер, а женщина. *(Закуривает.)* Я не сержусь, мне только досадно, что молодой человек так скучно проводит время. Я не хотела его обидеть.

Медведенко. Никто не имеет основания отделять дух от материи, так как, быть может, самый дух есть совокупность материальных атомов. *(Живо, Тригорину.)* А вот, знаете ли, описать бы в пьесе и потом сыграть на сцене, как живет наш брат — учитель. Трудно, трудно живется!

Аркадина. Это справедливо, но не будем говорить ни о пьесах, ни об атомах. Вечер такой славный! Слышите, господа, поют? *(Прислушивается.)* Как хорошо!

Полина Андреевна. Это на том берегу.

Пауза.

А р к а д и н а (*Тригорину*). Сядьте возле меня. Лет десять — пятнадцать назад, здесь, на озере, музыка и пение слышались непрерывно почти каждую ночь. Тут на берегу шесть помещичьих усадеб. Помню, смех, шум, стрельба, и всё романы, романы... Jeune première¹ и кумиром всех этих шести усадеб был тогда вот, рекомендую (*кивает на Дорна*), доктор Евгений Сергеевич. И теперь он очарователен, но тогда был неотразим. Однако меня начинает мучить совесть. За что я обидела моего бедного мальчика? Я непокойна. (*Громко.*) Костя! Сын! Костя!

М а ш а. Я пойду поищу его.

А р к а д и н а. Пожалуйста, милая.

М а ш а (*идет влево*). Ау! Константин Гаврилович!.. Ау! (*Уходит.*)

Н и н а (*выходя из-за эстрады*). Очевидно, продолжения не будет, мне можно выйти. Здравствуйте! (*Целуется с Аркадиной и Полиной Андреевной.*)

С о р и н. Bravo! bravo!

А р к а д и н а. Bravo, bravo! Мы любовались. С такою наружностью, с таким чудным голосом нельзя, грешно сидеть в деревне. У вас должен быть талант. Слышите? Вы обязаны поступить на сцену!

Н и н а. О, это моя мечта! (*Вздыхнув.*) Но она никогда не осуществится.

А р к а д и н а. Кто знает? Вот позвольте вам представить: Тригорин, Борис Алексеевич.

Н и н а. Ах, я так рада... (*Сконфузившись.*) Я всегда вас читаю...

А р к а д и н а (*усаживая ее возле*). Не конфузьтесь, милая. Он знаменитость, но у него простая душа. Видите, он сам сконфузился.

Д о р н. Полагаю, теперь можно поднять занавес, а то жутко.

Ш а м р а е в (*громко*). Яков, подними-ка, братец, занавес!

Занавес поднимается.

Н и н а (*Тригорину*). Не правда ли, странная пьеса?

---

¹ Первым любовником (театральное амплуа — франц.).

Т р и г о р и н. Я ничего не понял. Впрочем, смотрел я с удовольствием. Вы так искренно играли. И декорация была прекрасная.

Пауза.

Должно быть, в этом озере много рыбы.

Н и н а. Да.

Т р и г о р и н. Я люблю удить рыбу. Для меня нет больше наслаждения, как сидеть под вечер на берегу и смотреть на поплавок.

Н и н а. Но, я думаю, кто испытал наслаждение творчества, для того уже все другие наслаждения не существуют.

А р к а д и н а (*смеясь*). Не говорите так. Когда ему говорят хорошие слова, то он проваливается.

Ш а м р а е в. Помню, в Москве в оперном театре однажды знаменитый Сильва взял нижнее до. А в это время, как нарочно, сидел на галерее бас из наших синодальных певчих, и вдруг, можете себе представить наше крайнее изумление, мы слышим с галереи: «Браво, Сильва!» — целую октавой ниже... Вот этак (*низким баском*): «Браво, Сильва...» Театр так и замер.

Пауза.

Д о р н. Тихий ангел пролетел.

Н и н а. А мне пора. Прощайте.

А р к а д и н а. Куда? Куда так рано? Мы вас не пустим.

Н и н а. Меня ждет папа.

А р к а д и н а. Какой он, право...

Целуются.

Ну, что делать. Жаль, жаль вас отпускать.

Н и н а. Если бы вы знали, как мне тяжело уезжать!

А р к а д и н а. Вас бы проводил кто-нибудь, моя крошка.

Н и н а (*испуганно*). О нет, нет!

С о р и н (*ей, умоляюще*). Оставайтесь!

Н и н а. Не могу, Петр Николаевич.

С о р и н. Оставайтесь на один час и все. Ну, что право...

Н и н а (*подумав, сквозь слезы*). Нельзя! (*Пожимает руку и быстро уходит.*)

А р к а д и н а. Несчастливая девушка, в сущности. Говорят, ее покойная мать завещала мужу все свое громадное состояние, все до копейки, и теперь эта девочка осталась ни с чем, так как отец ее уже завещал все своей второй жене. Это возмутительно.

Д о р н. Да, ее папенька порядочная-таки скотина, надо отдать ему полную справедливость.

С о р и н (*потирая озябшие руки*). Пойдемте-ка, господа, и мы, а то становится сыро. У меня ноги болят.

А р к а д и н а. Они у тебя, как деревянные, едва ходят. Ну, пойдем, старик злосчастный. (*Берет его под руку.*)

Ш а м р а е в (*подавая руку жене*). Мадам?

С о р и н. Я слышу, опять воет собака. (*Шамраеву.*) Будьте добры, Илья Афанасьевич, прикажите отвязать ее.

Ш а м р а е в. Нельзя, Петр Николаевич, боюсь, как бы воры в амбар не забрались. Там у меня просо. (*Идущему рядом Медведенку.*) Да, на целую октаву ниже: «Браво, Сильва!» А ведь не певец, простой синодальный певчий.

М е д в е д е н к о. А сколько жалованья получает синодальный певчий?

Все уходят, кроме Дорна.

Д о р н (*один*). Не знаю, быть может, я ничего не понимаю или сошел с ума, но пьеса мне понравилась. В ней что-то есть. Когда эта девочка говорила об одинокестве и потом, когда показались красные глаза дьявола, у меня от волнения дрожали руки. Свежо, наивно... Вот, кажется, он идет. Мне хочется наговорить ему побольше приятного.

Т р е п л е в (*входит*). Уже нет никого.

Д о р н. Я здесь.

Т р е п л е в. Меня по всему парку ищет Машенька. Несносное создание.

Д о р н. Константин Гаврилович, мне ваша пьеса чрезвычайно понравилась. Странная она какая-то, и

конца я не слышал, и все-таки впечатление сильное. Вы талантливый человек, вам надо продолжать.

Треплев крепко жмет ему руку и обнимает порывисто.

Фу, какой нервный. Слезы на глазах... Я что хочу сказать? Вы взяли сюжет из области отвлеченных идей. Так и следовало, потому что художественное произведение непременно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно. Как вы бледны!

Треплев. Так вы говорите — продолжать?

Дорн. Да... Но изображайте только важное и вечное. Вы знаете, я прожил свою жизнь разнообразно и со вкусом, я доволен, но если бы мне пришлось испытать подъем духа, какой бывает у художников во время творчества, то, мне кажется, я презирал бы свою материальную оболочку и все, что этой оболочке свойственно, и уносился бы от земли подальше в высоту.

Треплев. Виноват, где Заречная?

Дорн. И вот еще что. В произведении должна быть ясная, определенная мысль. Вы должны знать, для чего пишете, иначе, если пойдете по этой живописной дороге без определенной цели, то вы заблудитесь и ваш талант погубит вас.

Треплев (*нетерпеливо*). Где Заречная?

Дорн. Она уехала домой.

Треплев (*в отчаянии*). Что же мне делать? Я хочу ее видеть... Мне необходимо ее видеть... Я поеду...

Маша входит.

Дорн (*Треплеву*). Успокойтесь, мой друг.

Треплев. Но все-таки я поеду. Я должен поехать.

Маша. Идите, Константин Гаврилович, в дом. Вас ждет ваша мама. Она непокойна.

Треплев. Скажите ей, что я уехал. И прошу вас всех, оставьте меня в покое! Оставьте! Не ходите за мной!

Дорн. Но, но, но, милый... нельзя так... Нехорошо.

Т р е п л е в (*сквозь слезы*). Прощайте, доктор. Благодарю... (*Уходит.*)

Д о р н (*вздыхнув*). Молодость, молодость!

М а ш а. Когда нечего больше сказать, то говорят: молодость, молодость... (*Нюхает табак.*)

Д о р н (*берет у нее табакерку и швыряет в кусты*). Это гадко!

Пауза.

В доме, кажется, играют. Надо идти.

М а ш а. Погодите.

Д о р н. Что?

М а ш а. Я еще раз хочу вам сказать. Мне хочется поговорить... (*Волнуясь.*) Я не люблю своего отца... но к вам лежит мое сердце. Почему-то я всею душой чувствую, что вы мне близки... Помогите же мне. Помогите, а то я сделаю глупость, я насмеюсь над своею жизнью, испорчу ее... Не могу дольше...

Д о р н. Что? В чем помочь?

М а ш а. Я страдаю. Никто, никто не знает моих страданий! (*Кладет ему голову на грудь, тихо.*) Я люблю Константина.

Д о р н. Как все нервны! Как все нервны! И сколько любви... О, колдовское озеро! (*Нежно.*) Но что же я могу сделать, дитя мое? Что? Что?

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Площадка для крокета. В глубине направо дом с большою террасой, налево видно озеро, в котором, отражаясь, сверкает солнце. Цветники. Полдень. Жарко. Сбоку площадки, в тени старой липы, сидят на скамье А р к а д и н а, Д о р н и М а ш а.

У Дорна на коленях раскрытая книга.

А р к а д и н а (*Маше*). Вот встанемте.

Обе встают.

Станем рядом. Вам двадцать два года, а мне почти вдвое. Евгений Сергеевич, кто из нас моложе?

Д о р н. Вы, конечно.

А р к а д и н а. Вот-с... А почему? Потому что я работаю, я чувствую, я постоянно в суеде, а вы сидите всё на одном месте, не живете... И у меня правило: не стараться в будущее. Я никогда не думаю ни о старости, ни о смерти. Чему быть, того не миновать.

М а ш а. А у меня такое чувство, как будто я родилась уже давно-давно; жизнь свою я тащу волоком, как бесконечный шлейф... И часто не бывает никакой охоты жить. *(Садится.)* Конечно, это все пустяки. Надо встряхнуться, сбросить с себя все это.

Д о р н *(напевает тихо)*. «Расскажите вы ей, цветы мои...»

А р к а д и н а. Затем я корректна, как англичанин. Я, милая, держу себя в струне, как говорится, и всегда одета и причесана *comme il faut*¹. Чтобы я позволила себе выйти из дому, хотя бы вот в сад, в блузе или непричесанной? Никогда. Оттого я и сохранилась, что никогда не была фефелой, не распускала себя, как некоторые... *(Подбоченясь, прохаживается по площадке.)* Вот вам,— как цыпочка. Хоть пятнадцатилетнюю девочку играть.

Д о р н. Ну-с, тем не менее все-таки я продолжаю *(Берет книгу.)* Мы остановились на лабазнике и крысах...

А р к а д и н а. И крысах. Читайте. *(Садится.)* Впрочем, дайте мне, я буду читать. Моя очередь. *(Берет книгу и ищет в ней глазами.)* И крысах... Вот оно... *(Читает.)* «И, разумеется, для светских людей баловать романистов и привлекать их к себе так же опасно, как лабазнику воспитывать крыс в своих амбарах. А между тем их любят. Итак, когда женщина избрала писателя, которого она желает заполнить, она осаждаёт его посредством комплиментов, любезностей и угождений...» Ну, это у французов, может быть, но у нас ничего подобного, никаких программ. У нас женщина обыкновенно, прежде чем заполнить писателя, сама уже влюблена по уши, сделайте милость. Недалеко ходить, взять хоть меня и Тригорина...

---

¹ как надлежит *(франц.)*.

Идет Сорин, опираясь на трость, и рядом с ним Нина;
Медведенко катит за ними пустое кресло.

Сорин (*тоном, каким ласкают детей*). Да? У нас радость? Мы сегодня веселы в конце концов? (*Сестре.*) У нас радость! Отец и мачеха уехали в Тверь, и мы теперь свободны на целых три дня.

Нина (*садится рядом с Аркадиной и обнимает ее*). Я счастлива! Я теперь принадлежу вам.

Сорин (*садится в свое кресло*). Она сегодня красивенькая.

Аркадина. Нарядная, интересная... За это вы умница. (*Целует Нину.*) Но не нужно очень хвалить, а то сглазим. Где Борис Алексеевич?

Нина. Он в купальне рыбу удит.

Аркадина. Как ему не надоест! (*Хочет продолжать читать.*)

Нина. Это вы что?

Аркадина. Мопассан, «На воде», милочка. (*Читает несколько строк про себя.*) Ну, дальше неинтересно и неверно. (*Закрывает книгу.*) Непокойна у меня душа. Скажите, что с моим сыном? Отчего он так скучен и суров? Он целые дни проводит на озере, и я его почти совсем не вижу.

Маша. У него нехорошо на душе. (*Нине, робко.*) Попрошу вас, прочтите из его пьесы!

Нина (*пожав плечами*). Вы хотите? Это так неинтересно!

Маша (*сдерживая восторг*). Когда он сам читает что-нибудь, то глаза у него горят и лицо становится бледным. У него прекрасный, печальный голос, а манеры как у поэта.

Слышно, как храпит Сорин.

Дорн. Спокойной ночи!

Аркадина. Петруша!

Сорин. А?

Аркадина. Ты спишь?

Сорин. Нисколько.

Пауза.

Аркадина. Ты не лечишься, а это нехорошо, брат.

Сорин. Я рад бы лечиться. да вот доктор не хочет. Доктор. Лечиться в шестьдесят лет!

Сорин. И в шестьдесят лет жить хочется.

Дорн (*досадливо*). Э! Ну, принимайте валериановые капли.

Аркадина. Мне кажется, ему хорошо бы поехать куда-нибудь на воды.

Дорн. Что ж? Можно поехать. Можно и не поехать.

Аркадина. Вот и пойми.

Дорн. И понимать нечего. Все ясно.

Пауза.

Медведев. Петру Николаевичу следовало бы бросить курить.

Сорин. Пустяки.

Дорн. Нет, не пустяки. Вино и табак обезличивают. После сигары или рюмки водки вы уже не Петр Николаевич, а Петр Николаевич плюс еще кто-то; у вас расплывается ваше я, и вы уже относитесь к самому себе, как к третьему лицу — он.

Сорин (*смеется*). Вам хорошо рассуждать. Вы пожили на своем веку, а я? Я прослужил по судебному ведомству двадцать восемь лет, но еще не жил, ничего не испытал в конце концов, и, понятная вещь, жить мне очень хочется. Вы сыты и равнодушны, и потому имеете склонность к философии, я же хочу жить и потому пью за обедом херес и курю сигары и все. Вот и все.

Дорн. Надо относиться к жизни серьезно, а лечиться в шестьдесят лет, жалеть, что в молодости мало наслаждался, это, извините, легкомыслие.

Маша (*встает*). Завтракать пора, должно быть. (*Идет ленивою, вялою походкой.*) Ногу отсидела... (*Уходит.*)

Дорн. Пойдет и перед завтраком две рюмочки пропустит.

Сорин. Личного счастья нет у бедняжки.

Дорн. Пустое, ваше превосходительство.

Сорин. Вы рассуждаете, как сытый человек.

Аркадина. Ах, что может быть скучнее этой вот милой деревенской скуки! Жарко, тихо, никто ничего не делает, все философствуют... Хорошо с вами, друзья, приятно вас слушать, но... сидеть у себя в номере и учить роль — куда лучше!

Нина (*восторженно*). Хорошо! Я понимаю вас.

Сорин. Конечно, в городе лучше. Сидишь в своем кабинете, лакей никого не впускает без доклада, телефон... на улице извозчики и все...

Дорн (*напевает*). «Расскажите вы ей, цветы мои...»

Входит Шамраев, за ним Полина Андреевна.

Шамраев. Вот и наши. Добрый день! (*Целует руку у Аркадиной, потом у Нины.*) Весьма рад видеть вас в добром здоровье. (*Аркадиной.*) Жена говорит, что вы собираетесь сегодня ехать с нею вместе в город. Это правда?

Аркадина. Да, мы собираемся.

Шамраев. Гм... Это великолепно, но на чем же вы поедете, многоуважаемая? Сегодня у нас возят рожь, все работники заняты. А на каких лошадях, позвольте вас спросить?

Аркадина. На каких? Почему я знаю — на каких!

Сорин. У нас же выездные есть.

Шамраев (*волнуясь*). Выездные? А где я возьму хомуты? Где я возьму хомуты? Это удивительно! Это непостижимо! Высокоуважаемая! Извините, я благоговею перед вашим талантом, готов отдать за вас десять лет жизни, но лошадей я вам не могу дать!

Аркадина. Но если я должна ехать? Странное дело!

Шамраев. Многоуважаемая! Вы не знаете, что значит хозяйство!

Аркадина (*вспылив*). Это старая история! В таком случае я сегодня же уезжаю в Москву. Прикажете нанять для меня лошадей в деревне, а то я уйду на станцию пешком!

Шамраев (*вспылив*). В таком случае я отказываюсь от места! Ищите себе другого управляющего! (*Уходит.*)

А р к а д и н а. Каждое лето так, каждое лето меня здесь оскорбляют! Нога моя здесь больше не будет! *(Уходит влево, где предполагается купальня; через минуту видно, как она проходит в дом; за нею идет Тригорин с удочками и с ведром.)*

С о р и н *(вспылив)*. Это нахальство! Это черт знает что такое! Мне это надоело в конце концов. Сейчас же подать сюда всех лошадей!

Н и н а *(Полине Андреевне)*. Отказать Ирине Николаевне, знаменитой артистке! Разве всякое желание ее, даже каприз, не важнее вашего хозяйства? Просто невероятно!

П о л и н а А н д р е е в н а *(в отчаянии)*. Что я могу? Войдите в мое положение: что я могу?

С о р и н *(Нине)*. Пойдемте к сестре... Мы все будем умолять ее, чтобы она не уезжала. Не правда ли? *(Глядя по направлению, куда ушел Шамраев.)* Невыносимый человек! Деспот!

Н и н а *(мешая ему встать)*. Сидите, сидите... Мы вас доведем... *(Она и Медведенко катят кресло.)* О, как это ужасно!..

С о р и н. Да, да, это ужасно... Но он не уйдет, я сейчас поговорю с ним.

Уходят; остаются только Дорн и Полина Андреевна.

Д о р н. Люди скучны. В сущности, следовало бы вашего мужа отсюда просто в шею, а ведь все кончится тем, что эта старая баба Петр Николаевич и его сестра попросят у него извинения. Вот увидите!

П о л и н а А н д р е е в н а. Он и выездных лошадей послал в поле. И каждый день такие недоразумения. Если бы вы знали, как это волнует меня! Я заболеваю; видите, я дрожу... Я не выношу его грубости. *(Умоляюще.)* Евгений, дорогой, ненаглядный, возьмите меня к себе... Время наше уходит, мы уже не молоды, и хоть бы в конце жизни нам не прятаться, не лгать...

Пауза.

Д о р н. Мне пятьдесят пять лет, уже поздно менять свою жизнь.

Полина Андреевна. Я знаю, вы отказываете мне потому, что, кроме меня, есть женщины, которые вам близки. Взять всех к себе невозможно. Я понимаю. Простите, я надоела вам.

Нина показывается около дома; она рвет цветы.

Дорн. Нет, ничего.

Полина Андреевна. Я страдаю от ревности. Конечно, вы доктор, вам нельзя избегать женщин. Я понимаю...

Дорн (*Нине, которая подходит*). Как там?

Нина. Ирина Николаевна плачет, а у Петра Николаевича астма.

Дорн (*встает*). Пойти дать обоим валериановых капель...

Нина (*подает ему цветы*). Извольте!

Дорн. Merci bien¹. (*Идет к дому*.)

Полина Андреевна (*идя с ним*). Какие миленькие цветы! (*Около дома, глухим голосом*.) Дайте мне эти цветы! Дайте мне эти цветы! (*Получив цветы, рвет их и бросает в сторону; оба идут в дом*.)

Нина (*одна*). Как странно видеть, что известная артистка плачет, да еще по такому пустому поводу! И не странно ли, знаменитый писатель, любимец публики, о нем пишут во всех газетах, портреты его продаются, его переводят на иностранные языки, а он целый день ловит рыбу и радуется, что поймал двух голавлей. Я думала, что известные люди горды, неприступны, что они презирают толпу и свою славой, блеском своего имени как бы мстят ей за то, что она выше всего ставит знатность происхождения и богатство. Но они вот плачут, удят рыбу, играют в карты, смеются и сердятся, как все...

Треплев (*входит без шляпы, с ружьем и с убитой чайкой*). Вы одни здесь?

Нина. Одна.

Треплев кладет у ее ног чайку.

Что это значит?

---

¹ Весьма благодарен (*франц.*).

Т р е п л е в. Я имел подлость убить сегодня эту чайку. Кладу у ваших ног.

Н и н а. Что с вами? *(Поднимает чайку и смотрит на нее.)*

Т р е п л е в *(после паузы)*. Скоро таким же образом я убью самого себя.

Н и н а. Я вас не узнаю.

Т р е п л е в. Да, после того, как я перестал узнавать вас. Вы изменились ко мне, ваш взгляд холоден, мое присутствие стесняет вас.

Н и н а. В последнее время вы стали раздражительны, выражаетесь все непонятно, какими-то символами. И вот эта чайка тоже, по-видимому, символ, но, простите, я не понимаю... *(Кладет чайку на скамью.)* Я слишком проста, чтобы понимать вас.

Т р е п л е в. Это началось с того вечера, когда так глупо провалилась моя пьеса. Женщины не прощают неуспеха. Я все сжег, все до последнего клочка. Если бы вы знали, как я несчастлив! Ваше охлаждение страшно, невероятно, точно я проснулся и вижу вот, будто это озеро вдруг высохло или утекло в землю. Вы только что сказали, что вы слишком просты, чтобы понимать меня. О, что тут понимать?! Пьеса не понравилась, вы презираете мое вдохновение, уже считаете меня заурядным, ничтожным, каких много... *(Топнув ногой.)* Как это я хорошо понимаю, как понимаю! У меня в мозгу точно гвоздь, будь он проклят вместе с моим самолюбием, которое сосет мою кровь, сосет, как змея... *(Увидев Тригорина, который идет, читая книжку.)* Вот идет истинный талант; ступает, как Гамлет, и тоже с книжкой. *(Дразнит.)* «Слова, слова, слова...» Это солнце еще не подошло к вам, а вы уже улыбаетесь, взгляд ваш растаял в его лучах. Не стану мешать вам. *(Уходит быстро.)*

Т р и г о р и н *(записывая в книжку)*. Нюхает табак и пьет водку... Всегда в черном. Ее любит учитель...

Н и н а. Здравствуйте, Борис Алексеевич!

Т р и г о р и н. Здравствуйте. Обстоятельства неожиданно сложились так, что, кажется, мы сегодня уезжаем. Мы с вами едва ли еще увидимся когда-нибудь. А жаль. Мне приходится не часто встречать молодых девушек,

молодых и интересных, я уже забыл и не могу себе ясно представить, как чувствуют себя в восемнадцать — девятнадцать лет, и потому у меня в повестях и рассказах молодые девушки обыкновенно фальшивы. Я бы вот хотел хоть один час побыть на вашем месте, чтобы узнать, как вы думаете и вообще что вы за штука.

Н и н а. А я хотела бы побывать на вашем месте.

Т р и г о р и н. Зачем?

Н и н а. Чтобы узнать, как чувствует себя известный талантливый писатель. Как чувствуется известность? Как вы ощущаете то, что вы известны?

Т р и г о р и н. Как? Должно быть, никак. Об этом я никогда не думал. (*Подумав.*) Что-нибудь из двух: или вы преувеличиваете мою известность, или же вообще она никак не ощущается.

Н и н а. А если читаете про себя в газетах?

Т р и г о р и н. Когда хвалят, приятно, а когда бранят, то потом два дня чувствуешь себя не в духе.

Н и н а. Чудный мир! Как я завидую вам, если бы вы знали! Жребий людей различен. Одни едва влачат свое скучное, незаметное существование, все похожие друг на друга, все несчастные; другим же, как, например, вам, — вы один из миллиона, — выпала на долю жизнь интересная, светлая, полная значения... Вы счастливы...

Т р и г о р и н. Я? (*Пожимая плечами.*) Гм... Вы вот говорите об известности, о счастье, о какой-то светлой, интересной жизни, а для меня все эти хорошие слова, простите, все равно что мармелад, которого я никогда не ем. Вы очень молоды и очень добры.

Н и н а. Ваша жизнь прекрасна!

Т р и г о р и н. Что же в ней особенно хорошего? (*Смотрит на часы.*) Я должен сейчас идти и писать. Извините, мне некогда... (*Смеется.*) Вы, как говорится, наступили на мою самую любимую мозоль, и вот я начинаю волноваться и немного сердиться. Впрочем, давайте говорить. Будем говорить о моей прекрасной, светлой жизни... Ну-с, с чего начнем? (*Подумав немного.*) Бывают насильственные представления, когда человек день и ночь думает, например, все о луне, и у меня есть своя такая луна. День и ночь одолевает меня одна неотвязчивая мысль: я должен писать, я должен

писать, я должен... Едва кончил повесть, как уже почему-то должен писать другую, потом третью, после третьей четвертую... Пишу непрерывно, как на перекладных, и иначе не могу. Что же тут прекрасного и светлого, я вас спрашиваю? О, что за дикая жизнь! Вот я с вами, я волнуюсь, а между тем каждое мгновение помню, что меня ждет неоконченная повесть. Вижу вот облако, похожее на рояль. Думаю: надо будет упомянуть где-нибудь в рассказе, что плыло облако, похожее на рояль. Пахнет гелиотропом. Скорее мотаю на ус: приторный запах, вдовый цвет, упомянуть при описании летнего вечера. Ловлю себя и вас на каждой фразе, на каждом слове и спешу скорее запереть все эти фразы и слова в свою литературную кладовую: авось пригодится! Когда кончаю работу, бегу в театр или удить рыбу; тут бы и отдохнуть, забыться, ан — нет, в голове уже ворочается тяжелое чугунное ядро — новый сюжет, и уже тянет к столу, и надо спешить опять писать и писать. И так всегда, всегда, и нет мне покоя от самого себя, и я чувствую, что съедаю собственную жизнь, что для меда, который я отдаю кому-то в пространство, я обираю пыль с лучших своих цветов, рву самые цветы и топчу их корни. Разве я не сумасшедший? Разве мои близкие и знакомые держат себя со мною, как со здоровым? «Что пописываете? Чем нас подарите?» Одно и то же, одно и то же, и мне кажется, что это внимание знакомых, похвалы, восхищение — все это обман, меня обманывают, как больного, и я иногда боюсь, что вот-вот подкрадутся ко мне сзади, схватят и повезут, как Поприщина, в сумасшедший дом. А в те годы, в молодые, лучшие годы, когда я начинал, мое писательство было одним сплошным мучением. Маленький писатель, особенно когда ему не везет, кажется себе неуклюжим, неловким, лишним, нервы у него напряжены, издерганы; неудержимо бродит он около людей, причастных к литературе и к искусству, непризнанный, никем не замечаемый, боясь прямо и смело смотреть в глаза, точно своего читателя, но почему-то в моем воображении он представлялся мне недружелюбным, недоверчивым. Я боялся публики, она была страшна мне, и когда мне

приходилось ставить свою новую пьесу, то мне казалось всякий раз, что брюнеты враждебно настроены, а блондины холодно равнодушны. О, как это ужасно! Какое это было мучение!

Н и н а. Позвольте, но разве вдохновение и самый процесс творчества не дают вам высоких, счастливых минут?

Т р и г о р и н. Да. Когда пишу, приятно. И корректуру читать приятно, но... едва вышло из печати, как я не выношу и вижу уже, что оно не то, ошибка, что его не следовало бы писать вовсе, и мне досадно, на душе дрянно... (Смеется.) А публика читает: «Да, мило, талантливо... Мило, но далеко до Толстого», или: «Прекрасная вещь, но «Отцы и дети» Тургенева лучше». И так до гробовой доски все будет только мило и талантливо, мило и талантливо — больше ничего, а как умру, знакомые, проходя мимо могилы, будут говорить: «Здесь лежит Тригорин. Хороший был писатель, но он писал хуже Тургенева».

Н и н а. Простите, я отказываюсь понимать вас. Вы просто избалованы успехом.

Т р и г о р и н. Каким успехом? Я никогда не нравился себе. Я не люблю себя как писателя. Хуже всего, что я в каком-то чаду и часто не понимаю, что я пишу... Я люблю вот эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. Но ведь я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и проч. и проч., и я говорю обо всем, тороплюсь, меня со всех сторон подгоняют, сердятся, я мечусь из стороны в сторону, как лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука все уходят вперед и вперед, а я все отстаю и отстаю, как мужик, опоздавший на поезд, и в конце концов чувствую, что я умею писать только пейзаж, а во всем остальном я фальшив, и фальшив до мозга костей.

Н и н а. Вы заработались, и у вас нет времени и охоты сознать свое значение. Пусть вы недовольны собою, но для других вы велики и прекрасны! Если бы я

была таким писателем, как вы, то я отдала бы толпе всю свою жизнь, но сознавала бы, что счастье ее только в том, чтобы возвышаться до меня, и она возила бы меня на колеснице.

Т р и г о р и н. Ну, на колеснице... Агамемнон я, что ли?

Оба улыбнулись.

Н и н а. За такое счастье, как быть писательницей или артисткой, я перенесла бы нелюбовь близких, нужду, разочарование, я жила бы под крышей и ела бы только ржаной хлеб, страдала бы от недовольства собою, от сознания своих несовершенств, но зато бы уж я потребовала славы... настоящей, шумной славы... *(Закрывает лицо руками.)* Голова кружится... Уф!..

Голос Аркадиной из дому: «Борис Алексеевич!»

Т р и г о р и н. Меня зовут... Должно быть, укладываться. А не хочется уезжать. *(Оглядывается на озеро.)* Ишь ведь какая благодать!.. Хорошо!

Н и н а. Видите на том берегу дом и сад?

Т р и г о р и н. Да.

Н и н а. Это усадьба моей покойной матери. Я там родилась. Я всю жизнь провела около этого озера и знаю на нем каждый островок.

Т р и г о р и н. Хорошо у вас тут! *(Увидев чайку.)* А это что?

Н и н а. Чайка. Константин Гаврилыч убил.

Т р и г о р и н. Красивая птица. Право, не хочется уезжать. Вот уговорите-ка Ирину Николаевну, чтобы она осталась. *(Записывает в книжку.)*

Н и н а. Что это вы пишете?

Т р и г о р и н. Так, записываю... Сюжет мелькнул... *(Пряча книжку.)* Сюжет для небольшого рассказа: на берегу озера с детства живет молодая девушка, такая, как вы; любит озеро, как чайка, и счастлива, и свободна, как чайка. Но случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил ее, как вот эту чайку.

Пауза.

В окне показывается А р к а д и н а.

Аркадина. Борис Алексеевич, где вы?
Тригорин. Сейчас! (*Идет и оглядывается на Нину; у окна, Аркадиной.*) Что?
Аркадина. Мы остаемся.

Тригорин уходит в дом.

Нина (*подходит к рампе; после некоторого раздумья*). Сон!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Столовая в доме Сорина. Направо и налево двери. Буфет. Шкаф с лекарствами. Посреди комнаты стол. Чемодан и картонки, заметны приготовления к отъезду. Тригорин завтракает. Маша стоит у стола.

Маша. Все это я рассказываю вам как писателю. Можете воспользоваться. Я вам по совести: если бы он ранил себя серьезно, то я не стала бы жить ни одной минуты. А все же я храбрая. Вот взяла и решила: вырву эту любовь из своего сердца, с корнем вырву.

Тригорин. Каким же образом?

Маша. Замуж выхожу. За Медведенка.

Тригорин. Это за учителя?

Маша. Да.

Тригорин. Не понимаю, какая надобность.

Маша. Любить безнадежно, целые годы все ждать чего-то... А как выйду замуж, будет уже не до любви, новые заботы заглушат все старое. И все-таки, знаете ли, перемена. Не повторить ли нам?

Тригорин. А не много ли будет?

Маша. Ну, вот! (*Наливает по рюмке.*) Вы не смотрите на меня так. Женщины пьют чаще, чем вы думаете. Меньшинство пьет открыто, как я, а большинство тайно. Да. И всё водку или коньяк. (*Чокается.*) Желаю вам! Вы человек простой, жалко с вами расставаться.

Пьют.

Т р и г о р и н. Мне самому не хочется уезжать.

М а ш а. А вы попросите, чтобы она осталась.

Т р и г о р и н. Нет, теперь не останется. Сын ведет себя крайне бестактно. То стрелялся, а теперь, говорят, собирается меня на дуэль вызвать. А чего ради? Дуется, фыркает, проповедует новые формы... Но ведь всем хватит места, и новым и старым,— зачем толкаться?

М а ш а. Ну, и ревность. Впрочем, это не мое дело.

Пауза. Я к о в проходит слева направо с чемоданом; входит Н и н а и останавливается у окна.

Мой учитель не очень-то умен, но добрый человек и бедняк, и меня сильно любит. Его жалко. И его мать-старушку жалко. Ну-с, позвольте пожелать вам всего хорошего. Не поминайте лихом. (*Крепко пожимает руку.*) Очень вам благодарна за ваше доброе расположение. Пришлите же мне ваши книжки, непременно с автографом. Только не пишите «многоуважаемой», а просто так: «Марье, родства не помнящей, неизвестно для чего живущей на этом свете». Прощайте! (*Уходит.*)

Н и н а (*протягивая в сторону Тригорина руку, сжатую в кулак*). Чет или нечет?

Т р и г о р и н. Чет.

Н и н а (*вздыхнув*). Нет. У меня в руке только одна горошина. Я загадала: идти мне в актрисы или нет? Хоть бы посоветовал кто.

Т р и г о р и н. Тут советовать нельзя.

Пауза.

Н и н а. Мы расстаемся и... пожалуй, более уже не увидимся. Я прошу вас принять от меня на память вот этот маленький медальон. Я приказала вырезать ваши инициалы... а с этой стороны название вашей книжки: «Дни и ночи».

Т р и г о р и н. Как грациозно! (*Целует медальон.*) Прелестный подарок!

Н и н а. Иногда вспоминайте обо мне.

Т р и г о р и н. Я буду вспоминать. Я буду вспоминать вас, какою вы были в тот ясный день — помните? — неделю назад, когда вы были в светлом платье... Мы

разговаривали... еще тогда на скамье лежала белая чайка.

Н и н а (*задумчиво*). Да, чайка...

Пауза.

Больше нам говорить нельзя, сюда идут... Перед отъездом дайте мне две минуты, умоляю вас... (*Уходит влево; одновременно входят справа Аркадина, Сорин во фраке со звездой, потом Яков, озабоченный укладкой.*)

А р к а д и н а. Оставайся-ка, старик, дома. Тебе ли с твоим ревматизмом разъезжать по гостям? (*Тригорину.*) Это кто сейчас вышел? Нина?

Т р и г о р и н. Да.

А р к а д и н а. Pardon, мы помешали... (*Садится.*) Кажется, все уложила. Замучилась.

Т р и г о р и н (*читает на медальоне*). «Дни и ночи», страница 121, строки 11 и 12.

Я к о в (*убирая со стола*). Удочки тоже прикажете уложить?

Т р и г о р и н. Да, они мне еще понадобятся. А книги отдай кому-нибудь.

Я к о в. Слушаю.

Т р и г о р и н (*про себя*). Страница 121, строки 11 и 12. Что же в этих строках? (*Аркадиной.*) Тут в доме есть мои книжки?

А р к а д и н а. У брата в кабинете, в угловом шкапу.

Т р и г о р и н. Страница 121... (*Уходит.*)

А р к а д и н а. Право, Петруша, остался бы дома...

С о р и н. Вы уезжаете, без вас мне будет тяжело дома.

А р к а д и н а. А в городе что же?

С о р и н. Особенного ничего, но все же. (*Смеется.*) Будет закладка земского дома и все такое... Хочется хоть на час-другой воспрянуть от этой пескаринной жизни, а то очень уж я залежался, точно старый мундштук. Я приказал подавать лошадей к часу, в одно время и выедем.

А р к а д и н а (*после паузы*). Ну, живи тут, не скучай, не протсуживайся. Наблюдай за сыном. Береги его. Наставляй.

Пауза.

Вот уеду, так и не буду знать, отчего стрелялся Константин. Мне кажется, главной причиной была ревность, и чем скорее я увезу отсюда Тригорина, тем лучше.

С о р и н. Как тебе сказать? Были и другие причины. Понятная вещь, человек молодой, умный, живет в деревне, в глуши, без денег, без положения, без будущего. Никаких занятий. Стыдится и боится своей праздности. Я его чрезвычайно люблю, и он ко мне привязан, но все же в конце концов ему кажется, что он лишний в доме, что он тут нахлебник, приживал. Понятная вещь, самолюбие...

А р к а д и н а. Горе мне с ним! *(В раздумье.)* Поступить бы ему на службу, что ли...

С о р и н *(насвистывает, потом нерешительно)*. Мне кажется, было бы самое лучшее, если бы ты... дала ему немного денег. Прежде всего ему нужно одеться по-человечески и все. Посмотри, один и тот же сюртучишко он таскает три года, ходит без пальто... *(Смеется.)* Да и погулять малому не мешало бы... Поехать за границу, что ли... Это ведь не дорого стоит.

А р к а д и н а. Все-таки... Пожалуй, на костюм я еще могу, но чтобы за границу... Нет, в настоящее время и на костюм не могу. *(Решительно.)* Нет у меня денег!

Сорин смеется.

Нет!

С о р и н *(насвистывает)*. Так-с. Прости, милая, не сердись. Я тебе верю... Ты великодушная, благородная женщина.

А р к а д и н а *(сквозь слезы)*. Нет у меня денег!

С о р и н. Будь у меня деньги, понятная вещь, я бы сам дал ему, но у меня ничего нет, ни пятачка. *(Смеется.)* Всю мою пенсию у меня забирает управляющий и тратит на земледелие, скотоводство, пчеловодство, и деньги мои пропадают даром. Пчелыдохнут, коровыдохнут, лошадей мне никогда не дают...

А р к а д и н а. Да, у меня есть деньги, но ведь я артистка; одни туалеты разорили совсем.

С о р и н. Ты добрая, милая... Я тебя уважаю... Да... Но опять со мною что-то того... *(Пошатывается.)* Голова кружится. *(Держится за стол.)* Мне дурно и все.

Аркадина (*испуганно*). Петруша! (*Стараясь подержать его.*) Петруша, дорогой мой... (*Кричит.*) Помогите мне! Помогите!..

Входят Треплев с повязкой на голове, Медведенко. Ему дурно!

Сорин. Ничего, ничего... (*Улыбается и пьет воду.*) Уже прошло... и все...

Треплев (*матери*). Не пугайся, мама, это не опасно. С дядей теперь это часто бывает. (*Дяде.*) Тебе, дядя, надо полежать.

Сорин. Немножко, да... А все-таки в город я поеду... Полежу и поеду... понятная вещь... (*Идет, опираясь на трость.*)

Медведенко (*ведет его под руку*). Есть загадка: утром на четырех, в полдень на двух, вечером на трех...

Сорин (*смеется*). Именно. А ночью на спине. Благодарю вас, я сам могу идти...

Медведенко. Ну вот, церемонии!.. (*Он и Сорин уходят.*)

Аркадина. Как он меня напугал!

Треплев. Ему нездорово жить в деревне. Тоскует. Вот если бы ты, мама, вдруг расщедрилась и дала ему взаймы тысячи полторы-две, то он мог бы прожить в городе целый год.

Аркадина. У меня нет денег. Я актриса, а не банкирша.

Пауза.

Треплев. Мама, перемени мне повязку. Ты это хорошо делаешь.

Аркадина (*достает из аптечного шкафа йодформ и ящик с перевязочным материалом*). А доктор опоздал.

Треплев. Обещал быть к десяти, а уже полдень.

Аркадина. Садись. (*Снимает у него с головы повязку.*) Ты как в чалме. Вчера один приезжий спрашивал на кухне, какой ты национальности. А у тебя почти совсем зажило. Остались самые пустяки. (*Целует его в голову.*) А ты без меня опять не сделаешь чик-чик?

Треплев. Нет, мама. То была минута безумного отчаяния, когда я не мог владеть собою. Больше это не

повторится. *(Целует ей руку.)* У тебя золотые руки. Помню, очень давно, когда ты еще служила на казенной сцене, — я тогда был маленьким, — у нас во дворе была драка, сильно побили жилицу-прачку. Помнишь? Ее подняли без чувств... ты все ходила к ней, носила лекарства, мыла в корыте ее детей. Неужели не помнишь?

А р к а д и н а. Нет. *(Накладывает новую повязку.)*

Т р е п л е в. Две балерины жили тогда в том же доме, где мы... Ходили к тебе кофе пить...

А р к а д и н а. Это помню.

Т р е п л е в. Богомольные они такие были.

Пауза.

В последнее время, вот в эти дни, я люблю тебя так же нежно и беззаветно, как в детстве. Кроме тебя, теперь у меня никого не осталось. Только зачем, зачем ты поддаешься влиянию этого человека?

А р к а д и н а. Ты не понимаешь его, Константин. Это благороднейшая личность...

Т р е п л е в. Однако когда ему доложили, что я собираюсь вызвать его на дуэль, благородство не помешало ему сыграть труса. Уезжает. Позорное бегство!

А р к а д и н а. Какой вздор! Я сама прошу его уехать отсюда.

Т р е п л е в. Благороднейшая личность! Вот мы с тобою почти ссоримся из-за него, а он теперь где-нибудь в гостиной или в саду смеется над нами... развивает Нину, старается окончательно убедить ее, что он гений.

А р к а д и н а. Для тебя наслаждение говорить мне неприятности. Я уважаю этого человека и прошу при мне не выражаться о нем дурно.

Т р е п л е в. А я не уважаю. Ты хочешь, чтобы я тоже считал его гением, но прости, я лгать не умею, от его произведений мне претит.

А р к а д и н а. Это зависть. Людям не талантливым, но с претензиями, ничего больше не остается, как порицать настоящие таланты. Нечего сказать, утешение!

Т р е п л е в *(иронически)*. Настоящие таланты! *(Гневно.)* Я талантливее вас всех, коли на то пошло! *(Срывает с головы повязку.)* Вы, рутинеры, захватили первенство в искусстве и считаете законным и настоя-

щим лишь то, что делаете вы сами, а остальное вы гнетете и душите! Не признаю я вас! Не признаю ни тебя, ни его!

Аркадина Декадент!..

Треплев. Отправляйся в свой милый театр и играй там в жалких, бездарных пьесах!

Аркадина. Никогда я не играла в таких пьесах. Оставь меня! Ты и жалкого водевиля написать не в состоянии. Киевский мещанин! Приживал!

Треплев. Скрыга!

Аркадина. Оборвыш!

Треплев садится и тихо плачет.

Ничтожество! (*Пройдясь в волнении.*) Не плачь. Не нужно плакать... (*Плачет.*) Не надо... (*Целует его в лоб, в щеки, в голову.*) Милое мое дитя, прости... Прости свою грешную мать. Прости меня, несчастную.

Треплев (*обнимает ее*). Если бы ты знала! Я все потерял. Она меня не любит, я уже не могу писать... пропали все надежды...

Аркадина. Не отчаивайся... Все обойдется. Он сейчас уедет, она опять тебя полюбит. (*Утирает ему слезы.*) Будет. Мы уже помирились.

Треплев (*целует ей руки*). Да, мама.

Аркадина (*нежно*). Помиришь и с ним. Не надо дуэли... Ведь не надо?

Треплев. Хорошо... Только, мама, позволь мне не встречаться с ним. Мне это тяжело... выше сил...

Входит Тригорин.

Вот... Я выйду... (*Быстро убирает в шкаф лекарства.*) А повязку уже доктор сделает...

Тригорин (*ищет в книжке*). Страница 121... строки 11 и 12... Вот... (*Читает.*) «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее».

Треплев подбирает с полу повязку и уходит.

Аркадина (*поглядывая на часы*). Скоро лошадей подадут.

Тригорин (*про себя*). Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее.

Аркадина. У тебя, надеюсь, все уже уложено?

Т р и г о р и н (*нетерпеливо*). Да, да... (*В раздумье*.) Отчего в этом призыве чистой души послышалась мне печаль и мое сердце так болезненно сжалось?.. Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приходи и возьми ее. (*Аркадиной*.) Останемся еще на один день!

Аркадина отрицательно качает головой.

Останемся!

А р к а д и н а. Милый, я знаю, что удерживает тебя здесь. Но имей над собою власть. Ты немного опьянел, отрезвись.

Т р и г о р и н. Будь ты тоже трезва, будь умна, рассудительна, умоляю тебя, взгляни на все это как истинный друг... (*Жмет ей руку*.) Ты способна на жертвы... Будь моим другом, отпусти меня.

А р к а д и н а (*в сильном волнении*). Ты так увлечен?

Т р и г о р и н. Меня манит к ней! Быть может, это именно то, что мне нужно.

А р к а д и н а. Любовь провинциальной девочки? О, как ты мало себя знаешь!

Т р и г о р и н. Иногда люди спят на ходу, так вот я говорю с тобою, а сам будто сплю и вижу ее во сне... Мною овладели сладкие, дивные мечты... Отпусти...

А р к а д и н а (*дрожжа*). Нет, нет... Я обыкновенная женщина, со мною нельзя говорить так... Не мучай меня, Борис... Мне страшно...

Т р и г о р и н. Если захочешь, ты можешь быть необыкновенною. Любовь юная, прелестная, поэтическая, уносящая в мир грез, — на земле только она одна может дать счастье! Такой любви я не испытал еще... В молодости было некогда, я обивал пороги редакций, боролся с нуждой... Теперь вот она, эта любовь, пришла наконец, манит... Какой же смысл бежать от нее?

А р к а д и н а (*с гневом*). Ты сошел с ума!

Т р и г о р и н. И пускай.

А р к а д и н а. Вы все сговорились сегодня мучить меня! (*Плачет*.)

Т р и г о р и н (*берет себя за голову*). Не понимает! Не хочет понять!

Аркадина. Неужели я уже так стара и безобразна, что со мною можно, не стесняясь, говорить о других женщинах? *(Обнимает его и целует.)* О, ты обезумел! Мой прекрасный, дивный... Ты, последняя страница моей жизни! *(Становится на колени.)* Моя радость, моя гордость, мое блаженство... *(Обнимает его колени.)* Если ты покинешь меня хотя на один час, то я не переживу, сойду с ума, мой изумительный, великолепный, мой повелитель...

Тригорин. Сюда могут войти. *(Помогает ей встать.)*

Аркадина. Пусть, я не стыжусь моей любви к тебе. *(Целует ему руки.)* Сокровище мое, отчаянная голова, ты хочешь безумствовать, но я не хочу, не пущу... *(Смеется.)* Ты мой... ты мой... И этот лоб мой, и глаза мои, и эти прекрасные шелковистые волосы тоже мои... Ты весь мой. Ты такой талантливый, умный, лучший из всех теперешних писателей, ты единственная надежда России... У тебя столько искренности, простоты, свежести, здорового юмора... Ты можешь одним штрихом передать главное, что характерно для лица или пейзажа, люди у тебя как живые. О, тебя нельзя читать без восторга! Ты думаешь, это фимиам? Я лъщу? Ну, посмотри мне в глаза... посмотри... Похожа я на лгунью? Вот и видишь, я одна умею ценить тебя; одна говорю тебе правду, мой милый, чудный... Поедешь? Да? Ты меня не покинешь?..

Тригорин. У меня нет своей воли... У меня никогда не было своей воли... Вялый, рыхлый, всегда покорный — неужели это может нравиться женщине? Бери меня, увози, но только не отпускай от себя ни на шаг...

Аркадина *(про себя)*. Теперь он мой. *(Развязно, как ни в чем не бывало.)* Впрочем, если хочешь, можешь остаться. Я уеду сама, а ты приедешь потом, через неделю. В самом деле, куда тебе спешить?

Тригорин. Нет, уж поедем вместе.

Аркадина. Как хочешь. Вместе, так вместе...

Пауза.

Тригорин записывает в книжку.

Что ты?

Т р и г о р и н. Утром слышал хорошее выражение: «Девичий бор...» Пригодится. *(Потягивается.)* Значит, ехать? Опять вагоны, станции, буфеты, отбивные котлеты, разговоры...

Ш а м р а е в *(входит)*. Имею честь с прискорбием заявить, что лошади поданы. Пора уже, многоуважаемая, ехать на станцию; поезд приходит в два и пять минут. Так вы же, Ирина Николаевна, сделайте милость, не забудьте навести справочку: где теперь актер Суздальцев? Жив ли? Здоров ли? Вместе пивали когда-то... В «Ограбленной почте» играл неподражаемо... С ним тогда, помню, в Елисаветграде служил трагик Измайлов, тоже личность замечательная... Не торопитесь, многоуважаемая, пять минут еще можно. Раз в одной мелодраме они играли заговорщиков, и когда их вдруг накрыли, то надо было сказать: «Мы попали в западню», а Измайлов — «Мы попали в запандю»... *(Хочет.)* Запандю!..

Пока он говорит, Я к о в хлопчет около чемоданов, г о р н и ч н а я приносит Аркадиной шляпу, манто, зонтик, перчатки; все помогают Аркадиной одеться. Из левой двери выглядывает п о в а р, который немного погодя входит нерешительно. Входит П о л и н а А н д р е е в н а, потом С о р и н и М е д в е д е н к о.

П о л и н а А н д р е е в н а *(с корзиночкой)*. Вот вам слив на дорогу... Очень сладкие. Может, захотите полакомиться...

А р к а д и н а. Вы очень добры, Полина Андреевна.

П о л и н а А н д р е е в н а. Прощайте, моя дорогая! Если что было не так, то простите. *(Плачет.)*

А р к а д и н а *(обнимает ее)*. Все было хорошо, все было хорошо. Только вот плакать не нужно.

П о л и н а А н д р е е в н а. Время наше уходит!

А р к а д и н а. Что же делать!

С о р и н *(в пальто с пелериной, в шляпе, с палкой, выходит из левой двери; проходя через комнату)*. Сестра, пора, как бы не опоздать в конце концов. Я иду садиться. *(Уходит.)*

М е д в е д е н к о. А я пойду пешком на станцию... провожать. Я живо... *(Уходит.)*

А р к а д и н а. До свиданья, мои дорогие... Если будем живы и здоровы, летом опять увидимся...

Горничная, Яков и повар целуют у нее руку.

Не забывайте меня. (*Подает повару рубль.*) Вот вам рубль на троих.

П о в а р. Покорнейше благодарим, барыня. Счастливой вам дороги! Много вами довольны!

Я к о в. Дай бог час добрый!

Ш а м р а е в. Письмецом бы осчастливили! Прощайте, Борис Алексеевич!

А р к а д и н а. Где Константин? Скажите ему, что я уезжаю. Надо проститься. Ну, не поминайте лихом. (*Якову.*) Я дала рубль повару. Это на троих.

Все уходят вправо. Сцена пуста. За сценой шум, какой бывает, когда провожают. Горничная возвращается, чтобы взять со стола корзину со сливами, и опять уходит.

Т р и г о р и н (*возвращаясь*). Я забыл свою трость. Она, кажется, там на террасе. (*Идет и у левой двери встречается с Ниной, которая входит.*) Это вы? Мы уезжаем.

Н и н а. Я чувствовала, что мы еще увидимся. (*Возбужденно.*) Борис Алексеевич, я решила бесповоротно, жребий брошен, я поступаю на сцену. Завтра меня уже не будет здесь, я уйду от отца, покидаю все, начинаю новую жизнь... Я уезжаю, как и вы... в Москву. Мы увидимся там.

Т р и г о р и н (*оглянувшись*). Остановитесь в «Славянском базаре»... Дайте мне тотчас же знать... Молчановка, дом Грохольского... Я тороплюсь...

Пауза.

Н и н а. Еще одну минуту...

Т р и г о р и н (*вполголоса*). Вы так прекрасны... О, какое счастье думать, что мы скоро увидимся!

Она склоняется к нему на грудь.

Я опять увижу эти чудные глаза, невыразимо прекрасную, нежную улыбку... эти кроткие черты, выражение ангельской чистоты... Дорогая моя...

Продолжительный поцелуй.

З а н а в е с

Между третьим и четвертым действием проходит два года.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Одна из гостиных в доме Сорина, обращенная Константином Треплевым в рабочий кабинет. Направо и налево двери, ведущие во внутренние покои. Прямо стеклянная дверь на террасу. Кроме обычной гостиной мебели, в правом углу письменный стол, возле левой двери турецкий диван, шкаф с книгами, книги на окнах, на стульях.— Вечер. Горит одна лампа под колпаком. Полумрак. Слышно, как шумят деревья и воет ветер в трубах. Стучит сторож.

Медведевко и Маша входят.

М а ш а (*окликает*). Константин Гаврилыч! Константин Гаврилыч! (*Осматриваясь*.) Нет никого. Старик каждую минуту все спрашивает, где Костя, где Костя... Жить без него не может...

М е д в е д е в к о. Боится одиночества. (*Прислушиваясь*.) Какая ужасная погода! Это уже вторые сутки.

М а ш а (*припускает огня в лампе*). На озере волны. Громадные.

М е д в е д е в к о. В саду темно. Надо бы сказать, чтобы сломали в саду тот театр. Стоит голый, безобразный, как скелет, и занавеска от ветра хлопает. Когда я вчера вечером проходил мимо, то мне показалось, будто кто в нем плакал.

М а ш а. Ну, вот...

Пауза.

М е д в е д е в к о. Поедем, Маша, домой!

М а ш а (*качает отрицательно головой*). Я здесь останусь ночевать.

Медведенко (*умоляюще*). Маша, поедем! Наш ребеночек небось голоден.

Маша. Пустяки. Его Матрена покормит.

Пауза.

Медведенко. Жалко. Уже третью ночь без матери.

Маша. Скучный ты стал. Прежде, бывало, хоть пофилософствуешь, а теперь все ребенок, домой, ребенок, домой,—и больше от тебя ничего не услышишь.

Медведенко. Поедем, Маша!

Маша. Поезжай сам.

Медведенко. Твой отец не даст мне лошади.

Маша. Даст. Ты попроси, он и даст.

Медведенко. Пожалуй, попрошу. Значит, ты завтра приедешь?

Маша (*нюхает табак*). Ну, завтра. Пристал...

Входят Треплев и Полина Андреевна; Треплев принес подушки и одеяло, а Полина Андреевна постельное белье; кладут на турецкий диван, затем Треплев идет к своему столу и садится.

Зачем это, мама?

Полина Андреевна. Петр Николаевич просил постлать ему у Кости.

Маша. Давайте я... (*Постилает постель.*)

Полина Андреевна (*вздыхнув*). Старый, что малый... (*Подходит к письменному столу и, облокотившись, смотрит в рукопись.*)

Пауза.

Медведенко. Так я пойду. Прощай, Маша. (*Целует у жены руку.*) Прощайте, мамаша. (*Хочет поцеловать руку у тещи.*)

Полина Андреевна (*досадливо*). Ну! Иди с богом.

Медведенко. Прощайте, Константин Гаврилыч.

Треплев молча подает руку; Медведенко уходит.

Полина Андреевна (*глядя в рукопись*). Никто не думал и не гадал, что из вас, Костя, выйдет на-

стоящий писатель. А вот, слава богу, и деньги стали вам присылать из журналов. (*Проводит рукой по его волосам.*) И красивый стал... Милый Костя, хороший, будьте поласковее с моей Машенькой!..

М а ш а (*постилая*). Оставьте его, мама.

П о л и н а А н д р е е в н а (*Треплеву*). Она славенькая.

Пауза.

Женщине, Костя, ничего не нужно, только взгляни на нее ласково. По себе знаю.

Треплев встает из-за стола и молча уходит.

М а ш а. Вот и рассердили. Надо было приставать!

П о л и н а А н д р е е в н а. Жалко мне тебя, Машенька.

М а ш а. Очень нужно!

П о л и н а А н д р е е в н а. Сердце мое за тебя переболело. Я ведь все вижу, все понимаю.

М а ш а. Все глупости. Безнадежная любовь — это только в романах. Пустяки. Не нужно только распускать себя и все чего-то ждать, ждать у моря погоды... Раз в сердце завелась любовь, надо ее вон. Вот обещали перевести мужа в другой уезд. Как переедем туда,— все забуду... с корнем из сердца вырву.

Через две комнаты играют меланхолический вальс.

П о л и н а А н д р е е в н а. Костя играет. Значит, тоскует.

М а ш а (*делает бесшумно два-три тура вальса*). Главное, мама, перед глазами не видеть. Только бы дали моему Семену перевод, а там, поверьте, в один месяц забуду. Пустяки все это.

Открывается левая дверь, Д о р н и М е д в е д е н к о катят в кресле С о р и н а.

М е д в е д е н к о. У меня теперь в доме шестеро. А мука семь гривен пуд.

Д о р н. Вот тут и вертись.

М е д в е д е н к о. Вам хорошо смеяться. Денег у вас куры не клюют.

Д о р н. Денег? За тридцать лет практики, мой друг, беспокойной практики, когда я не принадлежал себе ни днем, ни ночью, мне удалось скопить только две тысячи, да и те я прожил недавно за границей. У меня ничего нет.

М а ш а (*мужу*). Ты не уехал?

М е д в е д е н к о (*виновато*). Что ж? Когда не дают лошади!

М а ш а (*с горькою досадой, вполголоса*). Глаза бы мои тебя не видели!

Кресло останавливается в левой половине комнаты; Полина Андреевна, Маша и Дорн садятся возле; Медведенко, опечаленный, отходит в сторону.

Д о р н. Сколько у вас перемен, однако! Из гостиной сделали кабинет.

М а ш а. Здесь Константину Гаврилычу удобнее работать. Он может, когда угодно, выходить в сад и там думать.

Стучит сторож.

С о р и н. Где сестра?

Д о р н. Поехала на станцию встречать Тригорина. Сейчас вернется.

С о р и н. Если вы нашли нужным выписать сюда сестру, значит я опасно болен. (*Помолчав.*) Вот история, я опасно болен, а между тем мне не дают никаких лекарств.

Д о р н. А чего вы хотите? Валериановых капель? Соды? Хины?

С о р и н. Ну, начинается философия. О, что за наказание! (*Кивнув головой на диван.*) Это для меня послано?

П о л и н а А н д р е е в н а. Для вас, Петр Николаевич.

С о р и н. Благодарю вас.

Д о р н (*напевает*). «Месяц плывет по ночным небесам...»

С о р и н. Вот хочу дать Косте сюжет для повести. Она должна называться так: «Человек, который хотел». «L'homme, qui a voulu». В молодости когда-то хотел я

сделаться литератором — и не сделался, хотел красиво говорить — и говорил отвратительно (*бразнит себя*): «и все и все такое, того, не того...» и, бывало, резюме везешь, везешь, даже в пот ударит; хотел жениться — и не женился; хотел всегда жить в городе — и вот кончаю свою жизнь в деревне, и все.

Д о р н. Хотел стать действительным статским советником — и стал.

С о р и н (*смеется*). К этому я не стремился. Это вышло само собою.

Д о р н. Выражать недовольство жизнью в шестьдесят два года, согласитесь, — это не великодушно.

С о р и н. Какой упрямец. Поймите, жить хочется!

Д о р н. Это легкомыслие. По законам природы всякая жизнь должна иметь конец.

С о р и н. Вы рассуждаете, как сытый человек. Вы сыты и потому равнодушны к жизни, вам все равно. Но умирать и вам будет страшно.

Д о р н. Страх смерти — животный страх... Надо подавлять его. Сознательно бояться смерти только верующие в вечную жизнь, которым страшно бывает своих грехов. А вы, во-первых, неверующий, во-вторых — какие у вас грехи? Вы двадцать пять лет прослужили по судебному ведомству — только всего.

С о р и н (*смеется*). Двадцать восемь...

Входит Т р е п л е в и садится на скамеечке у ног Сорина. Маша все время не отрывает от него глаз.

Д о р н. Мы мешаем Константину Гавриловичу работать.

Т р е п л е в. Нет, ничего.

Пауза.

М е д в е д е н к о. Позвольте вас спросить, доктор, какой город за границей вам больше понравился?

Д о р н. Генуя.

Т р е п л е в. Почему Генуя?

Д о р н. Там превосходная уличная толпа. Когда вечером выходишь из отеля, то вся улица бывает запружена народом. Движешься потом в толпе без всякой цели, туда-сюда, по ломаной линии, живешь с нею вме-

сте, сливаешься с нею психически и начинаешь верить, что в самом деле возможна одна мировая душа, вроде той, которую когда-то в вашей пьесе играла Нина Заречная. Кстати, где теперь Заречная? Где она и как?

Т р е п л е в. Должно быть, здорова.

Д о р н. Мне говорили, будто она повела какую-то особенную жизнь. В чем дело?

Т р е п л е в. Это, доктор, длинная история.

Д о р н. А вы покороче.

Пауза.

Т р е п л е в. Она убежала из дому и сошлась с Тригориным. Это вам известно?

Д о р н. Знаю.

Т р е п л е в. Был у нее ребенок. Ребенок умер. Тригорин разлюбил ее и вернулся к своим прежним привязанностям, как и следовало ожидать. Впрочем, он никогда не покидал прежних, а, по бесхарактерности, как-то ухитрился и тут и там. Насколько я мог понять из того, что мне известно, личная жизнь Нины не удалась совершенно.

Д о р н. А сцена?

Т р е п л е в. Кажется, еще хуже. Дебютировала она под Москвой в дачном театре, потом уехала в провинцию. Тогда я не упустил ее из виду и некоторое время куда она, туда и я. Бралась она все за большие роли, но играла грубо, безвкусно, с завываниями, с резкими жестами. Бывали моменты, когда она талантливо вскрикивала, талантливо умирала, но это были только моменты.

Д о р н. Значит, все-таки есть талант?

Т р е п л е в. Понять было трудно. Должно быть, есть. Я ее видел, но она не хотела меня видеть, и прислуга не пускала меня к ней в номер. Я понимал ее настроение и не настаивал на свидании.

Пауза.

Что же вам еще сказать? Потом я, когда уже вернулся домой, получал от нее письма. Письма умные, теплые, интересные; она не жаловалась, но я чувствовал, что она глубоко несчастна; что ни строчка, то больной, натянутый нерв. И воображение немного расстроено. Она

подписывалась Чайкой. В «Русалке» мельник говорит, что он ворон, так она в письмах все повторяла, что она чайка. Теперь она здесь.

Д о р н. То есть как здесь?

Т р е п л е в. В городе, на постоялом дворе. Уже дней пять как живет там в номере. Я было поехал к ней, и вот Марья Ильинишна ездила, но она никого не принимает. Семен Семенович уверяет, будто вчера после обеда видел ее в поле, в двух верстах отсюда.

М е д в е д е н к о. Да, я видел. Шла в ту сторону, к городу. Я поклонился, спросил, отчего не едет к нам в гости. Она сказала, что придет.

Т р е п л е в. Не придет она.

Пауза.

Отец и мачеха не хотят ее знать. Везде расставили сторожей, чтобы даже близко не допускать ее к усадьбе. *(Отходит с доктором к письменному столу.)* Как легко, доктор, быть философом на бумаге и как это трудно на деле!

С о р и н. Прелестная была девушка.

Д о р н. Что-с?

С о р и н. Прелестная, говорю, была девушка. Действительный статский советник Сорин был даже в нее влюблен некоторое время.

Д о р н. Старый ловелас.

Слышен смех Шамраева.

П о л и н а А н д р е е в н а. Кажется, наши приехали со станции...

Т р е п л е в. Да, я слышу маму.

Входят Аркадина, Тригорин, за ними Шамраев.

Ш а м р а е в *(входя)*. Мы все стареем, выветриваемся под влиянием стихий, а вы, многоуважаемая, все еще молоды... Светлая кофточка, живость... грация...

А р к а д и н а. Вы опять хотите сглазить меня, скучный человек!

Т р и г о р и н *(Сорину)*. Здравствуйте, Петр Николаевич! Что это вы всё хвораете? Нехорошо! *(Увидев Машу, радостно.)* Марья Ильинична!

М а ш а. Узнали? (*Жмет ему руку.*)

Т р и г о р и н. Замужем?

М а ш а. Давно.

Т р и г о р и н. Счастливы? (*Раскланивается с Дорном и с Медведенком, потом нерешительно подходит к Треплеву.*) Ирина Николаевна говорила, что вы уже забыли старое и перестали гневаться.

Треплев протягивает ему руку.

А р к а д и н а (*сыну*). Вот Борис Алексеевич привез журнал с твоим новым рассказом.

Т р е п л е в (*принимая книгу, Тригорину*). Благодарю вас. Вы очень любезны.

Садятся.

Т р и г о р и н. Вам шлют поклон ваши почитатели... В Петербурге и в Москве вообще заинтересованы вами, и меня всё спрашивают про вас. Спрашивают: какой он, сколько лет, брюнет или блондин. Думают все почему-то, что вы уже немолоды. И никто не знает вашей настоящей фамилии, так как вы печатаетесь под псевдонимом. Вы таинственны, как Железная Маска.

Т р е п л е в. Надолго к нам?

Т р и г о р и н. Нет, завтра же думаю в Москву. Надо. Тороплюсь кончить повесть, и затем еще обещал дать что-нибудь в сборник. Одним словом — старая история.

Пока они разговаривают, Аркадина и Полина Андреевна ставят среди комнаты ломберный стол и раскрывают его; Шамраев зажигает свечи, ставит стулья. Достают из шкафа лото.

Погода встретила меня неласково. Ветер жестокий. Завтра утром, если утихнет, отправлюсь на озеро удить рыбу. Кстати надо осмотреть сад и то место, где — помните? — играли вашу пьесу. У меня созрел мотив, надо только возобновить в памяти место действия.

М а ш а (*отцу*). Папа, позволь мужу взять лошадь! Ему нужно домой.

Ш а м р а е в (*дразнит*). Лошадь... домой... (*Строго.*) Сама видела: сейчас посылали на станцию. Не гонять же опять.

М а ш а. Но ведь есть другие лошади... (*Видя, что отец молчит, машет рукой.*) С вами связываться...

М е д в е д е н к о. Я, Маша, пешком пойду. Право...

П о л и н а А н д р е е в н а (*вздыхнув*). Пешком, в такую погоду... (*Садится за ломберный стол*). Пожалуйте, господа.

М е д в е д е н к о. Ведь всего только шесть верст... Прощай... (*Целует жене руку.*) Прощайте, мамаша.

Теща нехотя протягивает ему для поцелуя руку.

Я бы никого не беспокоил, но ребеночек... (*Кланяется всем.*) Прощайте... (*Уходит; походка виноватая.*)

Ш а м р а е в. Небось дойдет. Не генерал.

П о л и н а А н д р е е в н а (*стучит по столу*). Пожалуйте, господа. Не будем терять времени, а то скоро ужинать позовут.

Шамраев, Маша и Дорн садятся за стол.

А р к а д и н а (*Тригорину*). Когда наступают длинные осенние вечера, здесь играют в лото. Вот взгляните: старинное лото, в которое еще играла с нами покойная мать, когда мы были детьми. Не хотите ли до ужина сыграть с нами партию? (*Садится с Тригориным за стол.*) Игра скучная, но если привыкнуть к ней, то ничего. (*Сдаст всем по три карты.*)

Т р е п л е в (*перелистывая журнал*). Свою повесть прочел, а моей даже не разрезал. (*Кладет журнал на письменный стол, потом направляется к левой двери; проходя мимо матери, целует ее в голову.*)

А р к а д и н а. А ты, Костя?

Т р е п л е в. Прости, что-то не хочется... Я пройдуся. (*Уходит.*)

А р к а д и н а. Ставка — гривенник. Поставьте за меня, доктор.

Д о р н. Слушаю-с.

М а ш а. Все поставили? Я начинаю... Двадцать два!

А р к а д и н а. Есть.

М а ш а. Три!..

Д о р н. Так-с.

М а ш а. Поставили три? Восемь! Восемьдесят один! Десять!

Ш а м р а е в. Не спеши.

А р к а д и н а. Как меня в Харькове принимали, ба-
тюшки мои, до сих пор голова кружится!

М а ш а. Тридцать четыре!

За сценой играют меланхолический вальс.

А р к а д и н а. Студенты овацию устроили... Три
корзины, два венка и вот... *(Снимает с груди брошь и
бросает на стол.)*

Ш а м р а е в. Да, это вещь...

М а ш а. Пятьдесят!..

Д о р н. Ровно пятьдесят?

А р к а д и н а. На мне был удивительный туалет...
Что-что, а уж одеться я не дура.

П о л и н а А н д р е е в н а. Костя играет. Тоскует,
бедный.

Ш а м р а е в. В газетах бранят его очень.

М а ш а. Семьдесят семь!

А р к а д и н а. Охота обращать внимание.

Т р и г о р и н. Ему не везет. Все никак не может
попасть в свой настоящий тон. Что-то странное, неопре-
деленное, порой даже похожее на бред. Ни одного жи-
вого лица.

М а ш а. Одиннадцать!

А р к а д и н а *(оглянувшись на Сорина)*. Петруша,
тебе скучно?

Пауза.

Спит.

Д о р н. Спит действительный статский советник.

М а ш а. Семь! Девяносто!

Т р и г о р и н. Если бы я жил в такой усадьбе, у
озера, то разве я стал бы писать? Я поборол бы в себе
эту страсть и только и делал бы, что удил рыбу.

М а ш а. Двадцать восемь!

Т р и г о р и н. Поймать ерша или окуня — это та-
кое блаженство!

Д о р н. А я верю в Константина Гаврилыча. Что-то
есть! Что-то есть! Он мыслит образами, рассказы его
красочны, яркие, и я их сильно чувствую. Жаль только,
что он не имеет определенных задач. Производит впе-
чатление, и больше ничего, а ведь на одном впечатле-

нии далеко не уедешь. Ирина Николаевна, вы рады, что у вас сын писатель?

Аркадина. Представьте, я еще не читала. Все некогда.

Маша. Двадцать шесть!

Треплев тихо входит и идет к своему столу.

Шамраев (*Тригорину*). А у нас, Борис Алексеевич, осталась ваша вещь.

Тригорин. Какая?

Шамраев. Как-то Константин Гаврилыч застрелил чайку, и вы поручили мне заказать из нее чучело.

Тригорин. Не помню. (*Раздумывая*.) Не помню!

Маша. Шестьдесят шесть! Один!

Треплев (*распахивает окно, прислушивается*). Как темно! Не понимаю, отчего я испытываю такое беспокойство.

Аркадина. Костя, закрой окно, а то дует.

Треплев закрывает окно.

Маша. Восемьдесят восемь!

Тригорин. У меня партия, господа.

Аркадина (*весело*). Bravo! Bravo!

Шамраев. Bravo!

Аркадина. Этому человеку всегда и везде везет. (*Встает*.) А теперь пойдемте закусить чего-нибудь. Наша знаменитость не обедала сегодня. После ужина будем продолжать. (*Сыну*.) Костя, оставь свои рукописи, пойдем есть.

Треплев. Не хочу, мама, я сыт.

Аркадина. Как знаешь. (*Будит Сорина*.) Петруша, ужинать! (*Берет Шамраева под руку*.) Я расскажу вам, как меня принимали в Харькове...

Полина Андреевна тушит на столе свечи, потом она и Дорн катят кресло. Все уходит в левую дверь; на сцене остается один Треплев за письменным столом.

Треплев (*собирается писать; пробегает то, что уже написано*). Я так много говорил о новых формах, а теперь чувствую, что сам мало-помалу сползаю к рутине. (*Читает*.) «Афиша на заборе гласила... Бледное

лицо, обрамленное темными волосами...» Гласила, обрамленное... Это бездарно. *(Зачеркивает.)* Начну с того, как героя разбудил шум дождя, а остальное все вон. Описание лунного вечера длинно и изысканно. Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе... Это мучительно.

Пауза.

Да, я все больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, потому что это свободно льется из его души.

Кто-то стучит в окно, ближайшее к столу.

Что такое? *(Глядит в окно.)* Ничего не видно... *(Отворяет стеклянную дверь и смотрит в сад.)* Кто-то пробежал вниз по ступеням. *(Окликает.)* Кто здесь? *(Уходит; слышно, как он быстро идет по террасе; через полминуты возвращается с Ниной Заречной.)* Нина! Нина!

Нина кладет ему голову на грудь и сдержанно рыдает.

(Растроганный.) Нина! Нина! Это вы... вы... Я точно предчувствовал, весь день душа моя томилась ужасно. *(Снимает с нее шляпу и тальму.)* О, моя добрая, моя пенаглядная, она пришла! Не будем плакать, не будем.

Н и н а. Здесь есть кто-то.

Т р е п л е в. Никого.

Н и н а. Заприте двери, а то войдут.

Т р е п л е в. Никто не войдет.

Н и н а. Я знаю, Ирина Николаевна здесь. Заприте двери...

Т р е п л е в *(запирает правую дверь на ключ, подходит к левой)*. Тут нет замка. Я заставлю креслом. *(Ставит у двери кресло.)* Не бойтесь, никто не войдет.

Н и н а *(пристально глядит ему в лицо)*. Дайте я

посмотрю на вас. (*Оглядываясь.*) Тепло, хорошо... Здесь тогда была гостиная. Я сильно изменилась?

Т р е п л е в. Да... Вы похудели, и у вас глаза стали больше. Нина, как-то странно, что я вижу вас. Отчего вы не пускали меня к себе? Отчего вы до сих пор не приходили? Я знаю, вы здесь живете уже почти неделю... Я каждый день ходил к вам по нескольку раз, стоял у вас под окном, как нищий.

Н и н а. Я боялась, что вы меня ненавидите. Мне каждую ночь все снится, что вы смотрите на меня и не узнаете. Если бы вы знали! С самого приезда я все ходила тут... около озера. Около вашего дома была много раз и не решалась войти. Давайте сядем.

Садятся.

Сядем и будем говорить, говорить. Хорошо здесь, тепло, уютно... Слышите — ветер? У Тургенева есть место: «Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый угол». Я — чайка... Нет, не то. (*Трет себе лоб.*) О чем я? Да... Тургенев... «И да поможет господь всем бесприютным скитальцам...» Ничего. (*Рыдает.*)

Т р е п л е в. Нина, вы опять... Нина!

Н и н а. Ничего, мне легче от этого... Я уже два года не плакала. Вчера поздно вечером я пошла посмотреть в сад, цел ли наш театр. А он до сих пор стоит. Я заплакала в первый раз после двух лет, и у меня отлегло, стало яснее на душе. Видите, я уже не плачу. (*Берет его за руку.*) Итак, вы стали уже писателем... Вы писатель, я — актриса... Попали и мы с вами в круговорот... Жила я радостно, по-детски — проснешься утром и запоешь; любила вас, мечтала о славе, а теперь? Завтра рано утром ехать в Елец в третьем классе... с мужиками, а в Ельце образованные купцы будут приставать с любезностями. Груба жизнь!

Т р е п л е в. Зачем в Елец?

Н и н а. Взяла ангажемент на всю зиму. Пора ехать.

Т р е п л е в. Нина, я проклинал вас, ненавидел, рвал ваши письма и фотографии, но каждую минуту я сознавал, что душа моя привязана к вам навеки.

Разлюбить вас я не в силах, Нина. С тех пор как я потерял вас и как начал печататься, жизнь для меня невыносима,— я страдаю... Молодость мою вдруг как оторвало, и мне кажется, что я уже прожил на свете девяносто лет. Я зову вас, целую землю, по которой вы ходили; куда бы я ни смотрел, всюду мне представляется ваше лицо, эта ласковая улыбка, которая светила мне в лучшие годы моей жизни...

Н и н а (*растерянно*). Зачем он так говорит, зачем он так говорит?

Т р е п л е в. Я одинок, не согрет ничьей привязанностью, мне холодно, как в подземелье, и, что бы я ни писал, все это сухо, черство, мрачно. Оставайтесь здесь, Нина, умоляю вас, или позвольте мне уехать с вами!

Нина быстро надевает шляпу и тальму.

Нина, зачем? Бога ради, Нина... (*Смотрит, как она одевается.*)

Пауза.

Н и н а. Лошади мои стоят у калитки. Не прожайте, я сама дойду... (*Сквозь слезы.*) Дайте воды...

Т р е п л е в (*дает ей напиток*). Вы куда теперь?

Н и н а. В город.

Пауза.

Ирина Николаевна здесь?

Т р е п л е в. Да... В четверг дяде было нехорошо, мы ей телеграфировали, чтобы она приехала.

Н и н а. Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. (*Склоняется к столу.*) Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть! (*Поднимает голову.*) Я — чайка... Не то. Я — актриса. Ну да! (*Услышав смех Аркадиной и Тригорина, прислушивается, потом бежит к левой двери и смотрит в замочную скважину.*) И он здесь... (*Возвращаясь к Треплеву.*) Ну да... Ничего... Да... Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... Я стала мелочною, ничтожною, играла бессмысленно... Я не

знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я — чайка. Нет, не то... Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа. Это не то... (*Трет себе лоб.*) О чем я?.. Я говорю о сцене. Теперь уж я не так... Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю, думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле — все равно, играем мы на сцене или пишем — главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни.

Т р е п л е в (*печально.*) Вы нашли свою дорогу, вы знаете, куда идете, а я все еще ношусь в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верую и не знаю, в чем мое призвание.

Н и н а (*прислушиваясь*). Тсс... Я пойду. Прощайте. Когда я стану большою актрисой, приезжайте взглянуть на меня. Обещаете? А теперь... (*Жмет ему руку.*) Уже поздно. Я еле на ногах стою... я истощена, мне хочется есть...

Т р е п л е в. Оставайтесь, я дам вам поужинать...

Н и н а. Нет, нет... Не провожайте, я сама дойду... Лошади мой близко... Значит, она привезла его с собою? Что ж, все равно. Когда увидите Тригорина, то не говорите ему ничего... Я люблю его. Я люблю его даже сильнее, чем прежде... Сюжет для небольшого рассказа... Люблю, люблю страстно, до отчаяния люблю. Хорошо было прежде, Костя! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства, — чувства, похожие на нежные, изящные цветы... Помните?.. (*Читает.*) «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, — словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли. Уже тысячи веков,

как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах...» (*Обнимает порывисто Треплева и убегает в стеклянную дверь.*)

Т р е п л е в (после паузы). Нехорошо, если кто-нибудь встретит ее в саду и потом скажет маме. Это может огорчить маму... (*В продолжение двух минут молча рвет все свои рукописи и бросает под стол, потом отпирает правую дверь и уходит.*)

Д о р н (стараясь отворить левую дверь). Странно. Дверь как будто заперта... (*Входит и ставит на место кресло.*) Скачка с препятствиями.

Входят Аркадина, Полина Андреевна, за ними Яков с бутылками и Маша, потом Шамраев и Григорин.

А р к а д и н а. Красное вино и пиво для Бориса Алексеевича ставьте сюда, на стол. Мы будем играть и пить. Давайте садиться, господа.

П о л и н а А н д р е е в н а (Якову). Сейчас же подавай и чай. (*Зажигает свечи, садится за ломберный стол.*)

Ш а м р а е в (подводит Григорина к шкафу). Вот вещь, о которой я давеча говорил... (*Достает из шкафа чучело чайки.*) Ваш заказ.

Т р и г о р и н (глядя на чайку). Не помню! (*Подумав.*) Не помню!

Направо за сценой выстрел; все вздрагивают.

А р к а д и н а (испуганно). Что такое?

Д о р н. Ничего. Это, должно быть, в моей походной аптеке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь. (*Уходит в правую дверь, через полминуты возвращается.*) Так и есть. Лопнула склянка с эфиром. (*Напевает.*) «Я вновь пред тобою стою очарован...»

А р к а д и н а (садясь за стол). Фуй, я испугалась. Это мне напомнило, как... (*Закрывает лицо руками.*) Даже в глазах потемнело...

«Чайка». Нина Заречная — В. Ф. Коммиссаржевская
Александринский театр, Петербург. 1896.

Д о р н (*перелистывая журнал, Тригорину*). Тут месяца два назад была напечатана одна статья... письмо из Америки. и я хотел вас спросить между прочим... (*берет Тригорина за талию и отводит к рампе*) так как я очень интересуюсь этим вопросом... (*Тоном ниже, вполголоса.*) Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...

З а н а в е с

ДЯДЯ ВАНЯ

*Сцены на деревенской жизни
в четырех действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Серебряков Александр Владимирович, отставной профессор.

Елена Андреевна, его жена, 27 лет.

Софья Александровна (Соня), его дочь от первого брака.

Войницкая Мария Васильевна, вдова тайного советника, мать первой жены профессора.

Войницкий Иван Петрович, ее сын.

Астров Михаил Львович, врач.

Телегин Илья Ильич, обедневший помещик.

Марина, старая няня.

Работник.

Действие происходит в усадьбе Серебрякова.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сад. Видна часть сада с террасой. На аллее под старым тополем стол, сервированный для чая. Скамьи, стулья; на одной из скамей лежит гитара. Недалеко от стола качели. Третий час дня. Пасмурно. Марина (сырая, малоподвижная старушка, сидит у самовара, вяжет чулок) и Астров (ходит возле).

Марина (*наливает стакан*). Кушай, батюшка.

Астров (*нехотя принимает стакан*). Что-то не хочется.

Марина. Может, водочки выпьешь?

А с т р о в. Нет. Я не каждый день водку пью. К тому же душно.

Пауза.

Нянька, сколько прошло, как мы знакомы?

М а р и н а (*раздумывая*). Сколько? Дай бог память... Ты приехал сюда, в эти края... когда?.. еще жива была Вера Петровна, Сонечкина мать. Ты при ней к нам две зимы ездил... Ну, значит, лет одиннадцать прошло. (*Подумав.*) А может, и больше...

А с т р о в. Сильно я изменился с тех пор?

М а р и н а. Сильно. Тогда ты молодой был, красивый, а теперь постарел. И красота уже не та. Тоже сказать — и водочку пьешь.

А с т р о в. Да... В десять лет другим человеком стал. А какая причина? Заработался, нянька. От утра до ночи все на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили. За все время, пока мы с тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободного. Как не постареть? Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна... Затягивает эта жизнь. Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а поживешь с ними года два-три и мало-помалу сам, незаметно для себя, становишься чудаком. Неизбежная участь. (*Закручивая свои длинные усы.*) Ишь громадные усы выросли... Глупые усы. Я стал чудаком, нянька... Поглупеть-то я еще не поглупел, бог милостив, мозги на своем месте, но чувства как-то притупились. Ничего я не хочу, ничего мне не нужно, никого я не люблю... Вот разве тебя только люблю. (*Целует ее в голову.*) У меня в детстве была такая же нянька.

М а р и н а. Может, ты кушать хочешь?

А с т р о в. Нет. В великом посту на третьей неделе поехал я в Малицкое на эпидемию... Сыпной тиф... В избах народ вповалку... Грязь, вонь, дым, телята на полу, с больными вместе... Поросята тут же... Возился я целый день, не присел, маковой росинки во рту не было, а приехал домой, не дают отдохнуть — привезли с железной дороги стрелочника; положил я его на стол, чтобы ему операцию делать, а он возьми и умри у меня

под хлороформом. И когда вот не нужно, чувства проснулись во мне, и защемило мою совесть, точно это я умышленно убил его... Сел я, закрыл глаза — вот этак, и думаю: те, которые будут жить через сто — двести лет после нас и для которых мы теперь пробиваем дорогу, помянут ли нас добрым словом? Нянька, ведь не помянут!

М а р и н а. Люди не помянут, зато бог помянет.

А с т р о в. Вот спасибо. Хорошо ты сказала.

Входит В о й н и ц к и й.

В о й н и ц к и й (*выходит из дому; он выспался после завтрака и имеет помятый вид; садится на скамью, поправляет свой щегольской галстук*). Да...

Пауза.

Да...

А с т р о в. Выспался?

В о й н и ц к и й. Да... Очень. (*Зекает.*) С тех пор, как здесь живет профессор со своею супругой, жизнь выбилась из колеи... Сплю не вовремя, за завтраком и обедом ем разные кабулы, пью вина... нездорово все это! Прежде минуты свободной не было, я и Соня работали — мое почтение, а теперь работает одна Соня, а я сплю, ем, пью... Нехорошо!

М а р и н а (*покачав головой*). Порядки! Профессор встает в двенадцать часов, а самовар кипит с утра, все его дожидается. Без них обедали всегда в первом часу, как везде у людей, а при них в седьмом. Ночью профессор читает и пишет, и вдруг часу во втором звонок... Что такое, батюшки! Чаю! Буди для него народ, ставь самовар... Порядки!

А с т р о в. И долго они еще здесь проживут?

В о й н и ц к и й (*свистит*). Сто лет. Профессор решил поселиться здесь.

М а р и н а. Вот и теперь. Самовар уже два часа на столе, а они гулять пошли.

В о й н и ц к и й. Идут, идут... Не волнуйся.

Слышны голоса; из глубины сада, возвращаясь с прогулки, идут Серебряков, Елена Андреевна, Соня и Телегин.

Серебряков. Прекрасно, прекрасно... Чудесные виды.

Телегин. Замечательные, ваше превосходительство.

Соня. Мы завтра поедem в лесничество, папа. Хочешь?

Войничкий. Господа, чай пить!

Серебряков. Друзья мои, пришлите мне чай в кабинет, будьте добры! Мне сегодня нужно еще кое-что сделать.

Соня. А в лесничестве тебе непременно понравится...

Елена Андреевна, Серебряков и Соня уходят в дом; Телегин идет к столу и садится возле Марины.

Войничкий. Жарко, душно, а наш великий ученый в пальто, в калошах, с зонтиком и в перчатках.

Астров. Стало быть, бережет себя.

Войничкий. А как она хороша! Как хороша! Во всю свою жизнь не видел женщины красивее.

Телегин. Еду ли я по полю, Марина Тимофеевна, гуляю ли в тенистом саду, смотрю ли на этот стол, я испытываю неизъяснимое блаженство! Погода очаровательная, птички поют, живем мы все в мире и согласии,— чего еще нам? (*Принимая стакан.*) Чувствительно вам благодарен!

Войничкий (*мечтательно*). Глаза... Чудная женщина!

Астров. Расскажи-ка что-нибудь, Иван Петрович.

Войничкий (*вяло*). Что тебе рассказать?

Астров. Нового нет ли чего?

Войничкий. Ничего. Все старо. Я тот же, что и был, пожалуй, стал хуже, так как обленился, ничего не делаю и только ворчу, как старый хрен. Моя старая галка, тапап, все еще лепечет про женскую эмансипацию; одним глазом смотрит в могилу, а другим ищет в своих умных книжках зарю новой жизни.

Астров. А профессор?

Войничкий. А профессор по-прежнему от утра до глубокой ночи сидит у себя в кабинете и пишет. «Напрягши ум, наморщивши чело, все оды пишем, пишем,

и ни себе, ни им похвал нигде не слышим». Бедная бумага! Он бы лучше свою автобиографию написал. Какой это превосходный сюжет! Отставной профессор, понимаешь ли, старый сухарь, ученая вобла... Подагра, ревматизм, мигрень, от ревности и зависти вспухла печенка... Живет эта вобла в имении своей первой жены, живет поневоле, потому что жить в городе ему не по карману. Вечно жалуется на свои несчастья, хотя, в сущности, сам необыкновенно счастлив. *(Нервно.)* Ты только подумай, какое счастье! Сын простого дьячка, бурсак, добился ученых степеней и кафедры, стал его превосходительством, зятем сенатора и проч. и проч. Все это неважно, впрочем. Но ты возьми вот что. Человек ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве. Двадцать пять лет он пережевывает чужие мысли о реализме, натурализме и всяком другом вздоре; двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным давно уже известно, а для глупых неинтересно: значит, двадцать пять лет переливает из пустого в порожнее. И в то же время какое самомнение! Какие претензии! Он вышел в отставку, и его не знает ни одна живая душа, он совершенно неизвестен; значит, двадцать пять лет он занимал чужое место. А посмотри: шагает как полубог!

А с т р о в. Ну, ты, кажется, завидуешь.

В о й н и ц к и й. Да, завидую! А какой успех у женщин! Ни один Дон-Жуан не знал такого полного успеха! Его первая жена, моя сестра, прекрасное, кроткое создание, чистая, как вот это голубое небо, благородная, великодушная, имевшая поклонников больше, чем он учеников, — любила его так, как могут любить одни только чистые ангелы таких же чистых и прекрасных, как они сами. Моя мать, его теща, до сих пор обожает его, и до сих пор он внушает ей священный ужас. Его вторая жена, красавица, умница — вы ее только что видели — вышла за него, когда уже он был стар, отдала ему молодость, красоту, свободу, свой блеск. За что? Почему?

А с т р о в. Она верна профессору?

В о й н и ц к и й. К сожалению, да.

А с т р о в. Почему же к сожалению?

В о й н и ц к и й. Потому что эта верность фальшива от начала до конца. В ней много риторики, но нет логики. Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь,— это безнравственно; стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство — это не безнравственно.

Т е л е г и н (*плачушим голосом*). Ваня, я не люблю, когда ты это говоришь. Ну, вот, право... Кто изменяет жене или мужу, тот, значит, неверный человек, тот может изменить и отечеству!

В о й н и ц к и й (*с досадой*). Заткни фонтан, Вафля!

Т е л е г и н. Позволь, Ваня. Жена моя бежала от меня на другой день после свадьбы с любимым человеком по причине моей непривлекательной наружности. После того я своего долга не нарушал. Я до сих пор ее люблю и верен ей, помогаю чем могу и отдал свое имущество на воспитание деточек, которых она прижила с любимым человеком. Счастья я лишился, но у меня осталась гордость. А она? Молодость уже прошла, красота под влиянием законов природы поблекла, любимый человек скончался... Что же у нее осталось?

Входят С о н я и Е л е н а А н д р е е в н а; немного погодя входит М а р и я В а с и л ь е в н а с книгой; она садится и читает; ей дают чаю, и она пьет не глядя.

С о н я (*торопливо, няне*). Там, нянечка, мужики пришли. Поди поговори с ними, а чай я сама... (*Наливает чай.*)

Няня уходит. Елена Андреевна берет свою чашку и пьет, сидя на качелях.

А с т р о в (*Елене Андреевне*). Я ведь к вашему мужу. Вы писали, что он очень болен, ревматизм и еще что-то, а оказывается, он здоровехонек.

Е л е н а А н д р е е в н а. Вчера вечером он хандрил, жаловался на боли в ногах, а сегодня ничего...

А с т р о в. А я-то сломя голову скакал тридцать верст. Ну, да ничего, не впервой. Зато уж останусь у вас до завтра и по крайней мере выплюсь *quantum satis*¹.

---

¹ сколько надо, вволю (*лат.*).

С о н я. И прекрасно. Это такая редкость, что вы у нас ночуете. Вы небось не обедали?

А с т р о в. Нет-с, не обедал.

С о н я. Так вот кстати и пообедаете. Мы теперь обедаем в седьмом часу. *(Пьет.)* Холодный чай!

Т е л е г и н. В самоваре уже значительно понизилась температура.

Е л е н а А н д р е е в н а. Ничего, Иван Иванович, мы и холодный выпьем.

Т е л е г и н. Виноват-с... Не Иван Иванович, а Илья Ильич-с... Илья Ильич Телегин, или, как некоторые зовут меня по причине моего рябого лица, Вафля. Я когда-то крестил Сонечку, и его превосходительство, ваш супруг, знает меня очень хорошо. Я теперь у вас живу-с, в этом имении-с... Если изволили заметить, я каждый день с вами обедаю.

С о н я. Илья Ильич — наш помощник, правая рука. *(Нежно.)* Давайте, крестенький, я вам еще налью.

М а р и я В а с и л ь е в н а. Ах!

С о н я. Что с вами, бабушка?

М а р и я В а с и л ь е в н а. Забыла я сказать Александру... потеряла память... сегодня получила я письмо из Харькова от Павла Алексевича... Прислал свою новую брошюру...

А с т р о в. Интересно?

М а р и я В а с и л ь е в н а. Интересно, но как-то странно. Опроверяет то, что семь лет назад сам же защищал. Это ужасно!

В о й н и ц к и й. Ничего нет ужасного. Пейте, тап-тап, чай.

М а р и я В а с и л ь е в н а. Но я хочу говорить!

В о й н и ц к и й. Но мы уже пятьдесят лет говорим, и говорим, и читаем брошюры. Пора бы уж и кончить.

М а р и я В а с и л ь е в н а. Тебе почему-то неприятно слушать, когда я говорю. Прости, Жан, но в последний год ты так изменился, что я тебя совершенно не узнаю... Ты был человеком определенных убеждений, светлую личностью...

В о й н и ц к и й. О да! Я был светлой личностью, от которой никому не было светло...

Пауза.

Я был светлою личностью... Нельзя сострить ядовитей! Теперь мне сорок семь лет. До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманивать свои глаза вашей этою схоластикой, чтобы не видеть настоящей жизни,— и думал, что делаю хорошо. А теперь, если бы вы знали! Я ночи не сплю с досады, от злости, что так глупо проворонил время, когда мог бы иметь все, в чем отказывает мне теперь моя старость!

С о н я. Дядя Ваня, скучно!

М а р и я В а с и л ь е в н а (сыну). Ты точно обвиняешь в чем-то свои прежние убеждения... Но виноваты не они, а ты сам. Ты забывал, что убеждения сами по себе ничто, мертвая буква... Нужно было дело делать.

В о й н и ц к и й. Дело? Не всякий способен быть пишущим *perpetuum mobile*, как ваш герр профессор.

М а р и я В а с и л ь е в н а. Что ты хочешь этим сказать?

С о н я (умоляюще). Бабушка! Дядя Ваня! Умоляю вас!

В о й н и ц к и й. Я молчу. Молчу и извиняюсь.

Пауза.

Е л е н а А н д р е е в н а. А хорошая сегодня погода... Не жарко...

Пауза.

В о й н и ц к и й. В такую погоду хорошо повеситься...

Телегин настраивает гитару. Марина ходит около дома и кличет кур.

М а р и н а. Цип, цип, цип...

С о н я. Нянечка, зачем мужики приходили?..

М а р и н а. Все то же, опять всё насчет пустоши. Цип, цип, цип...

С о н я. Кого ты это?

М а р и н а. Пеструшка ушла с цыплятами... Вороны бы не потаскали... (Уходит.)

Телегин играет польку; все молча слушают; входит р а б о т н и к.

Работник. Господин доктор здесь? (*Астрову.*)
Пожалуйте, Михаил Львович, за вами приехали.

Астров. Откуда?

Работник. С фабрики.

Астров (*с досадой*). Покорно благодарю. Что ж, надо ехать... (*Ищет глазами фуражку.*) Досадно, черт подери...

Соня. Как это неприятно, право... С фабрики приезжайте обедать.

Астров. Нет, уж поздно будет. Где уж... Куда уж... (*Работнику.*) Вот что, притащи-ка мне, любезный, рюмку водки в самом деле. (*Работник уходит.*) Где уж... куда уж... (*Нашел фуражку.*) У Островского в какой-то пьесе есть человек с большими усами и малыми способностями... Так это я. Ну, честь имею, господа... (*Елене Андреевне.*) Если когда-нибудь заглянете ко мне, вот вместе с Софьей Александровной, то буду искренно рад. У меня небольшое именишко, всего десятин тридцать, но, если интересуетесь, образцовый сад и питомник, какого не найдете за тысячу верст кругом. Рядом со мною казенное лесничество... Лесничий там стар, болеет всегда, так что, в сущности, я заведую всеми делами.

Елена Андреевна. Мне уже говорили, что вы очень любите леса. Конечно, можно принести большую пользу, но разве это не мешает вашему настоящему призванию? Ведь вы доктор.

Астров. Одному богу известно, в чем наше настоящее призвание.

Елена Андреевна. И интересно?

Астров. Да, дело интересное.

Войничкий (*с иронией*). Очень!

Елена Андреевна (*Астрову*). Вы еще молодой человек, вам на вид... ну, тридцать шесть — тридцать семь лет... и, должно быть, не так интересно, как вы говорите. Все лес и лес. Я думаю, однообразно.

Соня. Нет, это чрезвычайно интересно. Михаил Львович каждый год сажает новые леса, и ему уже прислали бронзовую медаль и диплом. Он хлопочет, чтобы не истребляли старых. Если вы выслушаете его, то согласитесь с ним вполне. Он говорит, что леса

украшают землю, что они учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Леса смягчают суровый климат. В странах, где мягкий климат, меньше тратится сил на борьбу с природой, и потому там мягче и нежнее человек; там люди красивые, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства...

В о й н и ц к и й (*смеясь*). Bravo, bravo!.. Все это мило, но не убедительно, так что (*Астрову*) позволь мне, мой друг, продолжать топить печи дровами и строить сараи из дерева.

А с т р о в. Ты можешь топить печи торфом, а сараи строить из камня. Ну, я допускаю, руби леса из нужды, но зачем истреблять их? Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи, и все оттого, что у ленивого человека не хватает смысла нагнуться и поднять с земли топливо. (*Елене Андреевне*.) Не правда ли, сударыня? Надо быть безрассудным варваром, чтобы жечь в своей печке эту красоту, разрушать то, чего мы не можем создать. Человек одарен разумом и творческой силой, чтобы преумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее. (*Войницкому*.) Вот ты глядишь на меня с иронией, и все, что я говорю, тебе кажется несерьезным, и... и, быть может, это в самом деле чудачество, но когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью, и я... (*Увидев работника, который принес на подносе рюмку водки*.) Однако... (*пьет*) мне пора. Все это,

вероятно, чудачество в конце концов. Честь имею клапаться! (*Идет к дому.*)

С о н я (*берет его под руку и идет вместе*). Когда же вы приедете к нам?

А с т р о в. Не знаю...

С о н я. Опять через месяц?..

Астров и Соня уходят в дом; Мария Васильевна и Телегин остаются возле стола; Елена Андреевна и Войницкий идут к террасе.

Е л е н а А н д р е е в н а. А вы, Иван Петрович, опять вели себя невозможно. Нужно было вам раздражать Марию Васильевну, говорить о *perpetuum mobile*! И сегодня за завтраком вы опять спорили с Александром. Как это мелко!

В о й н и ц к и й. Но если я его ненавижу!

Е л е н а А н д р е е в н а. Ненавидеть Александра не за что, он такой же, как все. Не хуже вас.

В о й н и ц к и й. Если бы вы могли видеть свое лицо, свои движения... Какая вам лень жить! Ах, какая лень!

Е л е н а А н д р е е в н а. Ах, и лень и скучно! Все бранят моего мужа, все смотрят на меня с сожалением: несчастная, у нее старый муж! Это участие ко мне — о, как я его понимаю! Вот как сказал сейчас Астров: все вы безрассудно губите леса, и скоро на земле ничего не останется. Точно так вы безрассудно губите человека, и скоро благодаря вам на земле не останется ни верности, ни чистоты, ни способности жертвовать собою. Почему вы не можете видеть равнодушно женщину, если она не ваша? Потому что,— прав этот доктор,— во всех вас сидит бес разрушения. Вам не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга.

В о й н и ц к и й. Не люблю я этой философии!

Пауза.

Е л е н а А н д р е е в н а. У этого доктора утомленное нервное лицо. Интересное лицо. Соне, очевидно, он нравится, она влюблена в него, и я ее понимаю. При мне он был здесь уже три раза, но я застенчива и ни разу не поговорила с ним как следует, не обласкала его. Он подумал, что я зла. Вероятно, Иван Петрович,

оттого мы с вами такие друзья, что оба мы нудные, скучные люди! Нудные! Не смотрите на меня так, я этого не люблю.

В о й н и ц к и й. Могу ли я смотреть на вас иначе, если я люблю вас? Вы мое счастье, жизнь, моя молодость! Я знаю, шансы мои на взаимность ничтожны, равны нулю, но мне ничего не нужно, позвольте мне только глядеть на вас, слышать ваш голос...

Е л е н а А н д р е е в н а. Тише, вас могут услышать!

Идут в дом.

В о й н и ц к и й (*идя за нею*). Позвольте мне говорить о своей любви, не гоните меня прочь, и это одно будет для меня величайшим счастьем...

Е л е н а А н д р е е в н а. Это мучительно...

Оба уходят в дом.

Телегин бьет по струнам и играет польку; Мария Васильевна что-то записывает на полях брошюры.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Столовая в доме Серебрякова. Ночь. Слышно, как в саду стучит сторож.

С е р е б р я к о в (*сидит в кресле перед открытым окном и дремлет*) и Е л е н а А н д р е е в н а (*сидит подле него и тоже дремлет*).

С е р е б р я к о в (*очнувшись*). Кто здесь? Соня, ты?

Е л е н а А н д р е е в н а. Это я.

С е р е б р я к о в. Ты, Леночка... Невыносимая боль!

Е л е н а А н д р е е в н а. У тебя плед упал на пол. (*Кутает ему ноги.*) Я, Александр, затворю окно.

С е р е б р я к о в. Нет, мне душно... Я сейчас задремал, и мне снилось, будто у меня левая нога чужая. Проснулся от мучительной боли. Нет, это не подагра, скорей ревматизм. Который теперь час?

Е л е н а А н д р е е в н а. Двадцать минут первого.

Пауза.

Серебряков. Утром пощи в библиотеке Батюшкова. Кажется, он есть у нас.

Е л е н а А н д р е е в н а. А?

Серебряков. Пощи утром Батюшкова. Помнится, он был у нас. Но отчего мне так тяжело дышать?

Е л е н а А н д р е е в н а. Ты устал. Вторую ночь не спишь.

Серебряков. Говорят, у Тургенева от подагры сделалась грудная жаба. Боюсь, как бы у меня не было. Проклятая, отвратительная старость. Черт бы ее побрал. Когда я постарел, я стал себе противен. Да и вам всем, должно быть, противно на меня смотреть.

Е л е н а А н д р е е в н а. Ты говоришь о своей старости таким тоном, как будто все мы виноваты, что ты стар.

Серебряков. Тебе же первой я противен.

Елена Андреевна отходит и садится поодаль.

Конечно, ты права. Я не глуп и понимаю. Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старик, почти труп. Что ж? Разве я не понимаю? И, конечно, глупо, что я до сих пор жив. Но погодите, скоро я освобожу вас всех. Недолго мне еще придется тянуть.

Е л е н а А н д р е е в н а. Я изнемогаю... Бога ради молчи.

Серебряков. Выходит так, что благодаря мне все изнемогли, скучают, губят свою молодость, один только я наслаждаюсь жизнью и доволен. Ну да, конечно!

Е л е н а А н д р е е в н а. Замолчи! Ты меня замучил!

Серебряков. Я всех замучил. Конечно.

Е л е н а А н д р е е в н а *(сквозь слезы)*. Невыносимо! Скажи, что ты хочешь от меня?

Серебряков. Ничего.

Е л е н а А н д р е е в н а. Ну, так замолчи. Я прошу.

Серебряков. Странное дело, заговорит Иван Петрович или эта старая идиотка, Марья Васильевна, — и ничего, все слушают, но скажи я хоть одно слово, как все начинают чувствовать себя несчастными. Даже голос мой противен. Ну, допустим, я противен, я эгоист, я деспот, но неужели я даже в старости не имею некоторого права на эгоизм? Неужели я не заслужил? Неужели же, я спрашиваю, я не имею права на покойную старость, на внимание к себе людей?

Елена Андреевна. Никто не оспаривает у тебя твоих прав.

Окно хлопает от ветра.

Ветер поднялся, я закрою окно. *(Закрывает.)* Сейчас будет дождь. Никто у тебя твоих прав не оспаривает.

Пауза; сторож в саду стучит и поет песню.

Серебряков. Всю жизнь работать для науки, привыкнуть к своему кабинету, к аудитории, к почтенным товарищам — и вдруг, ни с того ни с сего, очутиться в этом склепе, каждый день видеть тут глупых людей, слушать ничтожные разговоры... Я хочу жить, я люблю успех, люблю известность, шум, а тут — как в ссылке. Каждую минуту тосковать о прошлом, следить за успехами других, бояться смерти... Не могу! Нет сил! А тут еще не хотят простить мне моей старости!

Елена Андреевна. Погоди, имей терпение: через пять-шесть лет и я буду стара.

Входит Соня.

Соня. Папа, ты сам приказал послать за доктором Астровым, а когда он приехал, ты отказываешься принять его. Это не деликатно. Только напрасно побеспокоили человека...

Серебряков. На что мне твой Астров? Он столько же понимает в медицине, как я в астрономии.

Соня. Не выписывать же сюда для твоей подагры целый медицинский факультет.

Серебряков. С этим юродивым я и разговаривать не стану.

С о н я. Это как угодно. (*Садится.*) Мне все равно.

Серебряков. Который теперь час?

Е л е н а А н д р е е в н а. Первый.

Серебряков. Душно... Соня, дай мне со стола капли!

С о н я. Сейчас. (*Подает капли.*)

Серебряков (*раздраженно*). Ах, да не эти! Ни о чем нельзя попросить!

С о н я. Пожалуйста, не капризничай. Может быть, это некоторым и нравится, но меня избавь, сделай милость! Я этого не люблю. И мне некогда, мне нужно завтра рано вставать, у меня сенокос.

Входит В о й н и ц к и й в халате и со свечой.

В о й н и ц к и й. На дворе гроза собирается.

Молния.

Вона как! Hélène и Соня, идите спать, я пришел вас сменить.

Серебряков (*испуганно*). Нет, нет! Не оставляйте меня с ним! Нет. Он меня заговорит!

В о й н и ц к и й. Но надо же дать им покой! Они уже другую ночь не спят.

Серебряков. Пусть идут спать, но и ты уходи. Благодарю. Умоляю тебя. Во имя нашей прежней дружбы, не протестуй. После поговорим.

В о й н и ц к и й (*с усмешкой*). Препней нашей дружбы... Препней...

С о н я. Замолчи, дядя Ваня.

Серебряков (*жене*). Дорогая моя, не оставляй меня с ним! Он меня заговорит.

В о й н и ц к и й. Это становится даже смешно.

Входит М а р и н а со свечой.

С о н я. Ты бы ложились, нянечка. Уже поздно.

М а р и н а. Самовар со стола не убран. Не очень-то ляжешь.

Серебряков. Все не спят, изнемогают, один только я блаженствую.

М а р и н а (*подходит к Серебрякову, нежно*). Что, батюшка? Больно? У меня у самой ноги гудут, так и

гудут. *(Поправляет плед.)* Это у вас давняя болезнь. Вера Петровна, покойница, Сонечкина мать, бывало, ночи не спит, убивается... Очень уж она вас любила...

Пауза.

Старые, что малые, хочется, чтобы пожалел кто, а старых-то никому не жалко. *(Целует Серебрякова в плечо.)* Пойдем, батюшка, в постель... Пойдем, светик... Я тебя липовым чаем напою, ножки твои согрею... Богу за тебя помолюсь...

Серебряков *(растроганный)*. Пойдем, Марина.

Марина. У самой-то у меня ноги так и гудут, так и гудут! *(Ведет его вместе с Соней.)* Вера Петровна, бывало, все убивается, все плачет... Ты, Сонюшка, тогда была еще мала, глупа... Иди, иди, батюшка...

Серебряков, Соня и Марина уходят.

Елена Андреевна. Я замучилась с ним. Едва на ногах стою.

Войнички. Вы с ним, а я с самим собою. Вот уже третью ночь не сплю.

Елена Андреевна. Неблагополучно в этом доме. Ваша мать ненавидит все, кроме своих брошюр и профессора; профессор раздражен, мне не верит, вас боится; Соня злится на отца, злится на меня и не говорит со мною вот уже две недели; вы ненавидите мужа и открыто презираете свою мать; я раздражена и сегодня раз двадцать принималась плакать... Неблагополучно в этом доме.

Войнички. Оставим философию!

Елена Андреевна. Вы, Иван Петрович, образованны и умны и, кажется, должны бы понимать, что мир погибает не от разбойников, не от пожаров, а от ненависти, вражды, от всех этих мелких дрязг... Ваше бы дело не ворчать, а мирить всех.

Войнички. Сначала помирите меня с самим собою! Дорогая моя... *(Припадает к ее руке.)*

Елена Андреевна. Оставьте! *(Отнимает руку.)* Уходите!

Войнички. Сейчас пройдет дождь, и все в природе освежится и легко вздохнет. Одного только меня

не освежит гроза. Днем и ночью, точно домовой, душит меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлого нет, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелепости. Вот вам моя жизнь и моя любовь: куда мне их девать, что мне с ними делать? Чувство мое гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму, и сам я гибну.

Е л е н а А н д р е е в н а. Когда вы мне говорите о своей любви, я как-то тупею и не знаю, что говорить. Простите, я ничего не могу сказать вам. (*Хочет идти.*) Спокойной ночи.

В о й н и ц к и й (*загораживая ей дорогу*). И если бы вы знали, как я страдаю от мысли, что рядом со мною в этом же доме гибнет другая жизнь — ваша! Чего вы ждете? Какая проклятая философия мешает вам? Поймите же, поймите...

Е л е н а А н д р е е в н а (*пристально смотрит на него*). Иван Петрович, вы пьяны!

В о й н и ц к и й. Может быть, может быть...

Е л е н а А н д р е е в н а. Где доктор?

В о й н и ц к и й. Он там... у меня ночует. Может быть, может быть... Все может быть!

Е л е н а А н д р е е в н а. И сегодня пили? К чему это?

В о й н и ц к и й. Все-таки на жизнь похоже... Не мешайте мне, Hélène!

Е л е н а А н д р е е в н а. Раньше вы никогда не пили, и никогда вы так много не говорили... Идите спать! Мне с вами скучно.

В о й н и ц к и й (*припадая к ее руке*). Дорогая моя... чудная!

Е л е н а А н д р е е в н а (*с досадой*). Оставьте меня. Это наконец противно. (*Уходит.*)

В о й н и ц к и й (*один*). Ушла...

Пауза.

Десять лет тому назад я встречал ее у покойной сестры. Тогда ей было семнадцать, а мне тридцать семь лет. Отчего я тогда не влюбился в нее и не сделал ей предложения? Ведь это было так возможно! И была бы она теперь моею женой... Да... Теперь оба мы просну-

лись бы от грозы; она испугалась бы грома, а я держал бы ее в своих объятиях и шептал: «Не бойся, я здесь». О, чудные мысли, как хорошо, я даже смеюсь... но, боже мой, мысли путаются в голове... Зачем я стар? Зачем она меня не понимает? Ее риторика, ленивая мораль, вздорные, ленивые мысли о погибели мира — все это мне глубоко ненавистно.

Пауза.

О, как я обманут! Я обожал этого профессора, этого жалкого подагрика, я работал на него как вол! Я и Соня выжимали из этого имени последние соки; мы, точно кулаки, торговали постным маслом, горохом, тврогом, сами недоедали куска, чтобы из грошей и копеек собирать тысячи и посылать ему. Я гордился им и его наукой, я жил, я дышал им! Все, что он писал и изрекал, казалось мне гениальным... Боже, а теперь? Вот он в отставке, и теперь виден весь итог его жизни: после него не останется ни одной страницы труда, он совершенно неизвестен, он ничто! Мыльный пузырь! И я обманут... — вижу, — глупо обманут...

Входит А ст р о в в сюртуке, без жилета и без галстука; он невеселе; за ним Т е л е г и н с гитарой.

А ст р о в. Играй!

Т е л е г и н. Все спят-с!

А ст р о в. Играй!

Телегин тихо наигрывает.

(Войницкому.) Ты один здесь? Дам нет? (Подбоченясь, тихо поет.) «Ходи хата, ходи печь, хозяину негде лечь...» А меня гроза разбудила. Важный дождик. Который теперь час?

В о й н и ц к и й. А черт его знает.

А ст р о в. Мне как будто бы послышался голос Елены Андреевны.

В о й н и ц к и й. Сейчас она была здесь.

А ст р о в. Роскошная женщина. (Осматривает склянки на столе.) Лекарства. Каких только тут нет рецептов! И харьковские, и московские, и тульские...

Всем городам надоел своею подагрой. Он болен или притворяется?

В о й н и ц к и й. Болен.

Пауза.

А с т р о в. Что ты сегодня такой печальный? Профессора жаль, что ли?

В о й н и ц к и й. Оставь меня.

А с т р о в. А то, может быть, в профессоршу влюблен?

В о й н и ц к и й. Она мой друг.

А с т р о в. Уже?

В о й н и ц к и й. Что значит это «уже»?

А с т р о в. Женщина может быть другом мужчины лишь в такой последовательности: сначала приятель, потом любовница, а затем уж друг.

В о й н и ц к и й. Пошляческая философия.

А с т р о в. Как? Да... Надо сознаться — становлюсь пошляком. Видишь, я и пьян. Обыкновенно я напиваюсь так один раз в месяц. Когда бываю в таком состоянии, то становлюсь нахальным и наглым до крайности. Мне тогда всё нипочем! Я берусь за самые трудные операции и делаю их прекрасно; я рисую самые широкие планы будущего; в это время я уже не кажусь себе чудачком и верю, что приношу человечеству громадную пользу... громадную! И в это время у меня своя собственная философская система, и все вы, братцы, представляетесь мне такими букашками... микробами. *(Телегину.)* Вафля, играй!

Т е л е г и н. Дружочек, я рад бы для тебя всею душой, но пойми же,— в доме спят!

А с т р о в. Играй!

Телегин тихо наигрывает.

Выпить бы надо. Пойдем, там, кажется, у нас еще коньяк остался. А как рассветет, ко мне поедем. Идётся? У меня есть фельдшер, который никогда не скажет «идет», а «идётся». Мошенник страшный. Так идётся? *(Увидев входящую Соню.)* Извините, я без галстука. *(Быстро уходит; Телегин идет за ним.)*

С о н я. А ты, дядя Ваня, опять напился с доктором. Подружились ясные соколы. Ну, тот уж всегда такой, а ты-то с чего? В твои годы это совсем не к лицу.

В о й н и ц к и й. Годы тут ни при чем. Когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего.

С о н я. Сено у нас все скошено, идут каждый день дожди, все гниет, а ты занимаешься миражами. Ты совсем забросил хозяйство... Я работаю одна, совсем из сил выбилась... *(Испуганно.)* Дядя, у тебя на глазах слезы!

В о й н и ц к и й. Какие слезы? Ничего нет... вздор... Ты сейчас взглянула на меня, как покойная твоя мать. Милая моя... *(Жадно целует ее руки и лицо.)* Сестра моя... милая сестра моя... где она теперь? Е с л и б ы о н а з н а л а ! А х , е с л и б ы о н а з н а л а !

С о н я. Что? Дядя, что знала?

В о й н и ц к и й. Тяжело, не хорошо... Ничего... После... Ничего... Я уйду... *(Уходит.)*

С о н я *(стучит в дверь)*. Михаил Львович! Вы не спите? На минутку!

А с т р о в *(за дверью)*. Сейчас! *(Немного погодя входит; он уже в жилетке и галстуке.)* Что прикажете?

С о н я. Сами вы пейте, если это вам не противно, но, умоляю, не давайте пить дяде. Ему вредно.

А с т р о в. Хорошо. Мы не будем больше пить.

Пауза.

Я сейчас уеду к себе. Решено и подписано. Пока запрягут, будет уже рассвет.

С о н я. Дождь идет. Погодите до утра.

А с т р о в. Гроза идет мимо, только краем захватит. Поеду. И, пожалуйста, больше не приглашайте меня к вашему отцу. Я ему говорю — подагра, а он — ревматизм; я прошу лежать, он сидит. А сегодня так и вовсе не стал говорить со мною.

С о н я. Избалован. *(Ищет в буфете.)* Хотите закусить?

А с т р о в. Пожалуй, дайте.

С о н я. Я люблю по ночам закусывать. В буфете, кажется, что-то есть. Он в жизни, говорят, имел большой

успех у женщин, и его дамы избаловали. Вот берите сыр.

Оба стоят у буфета и едят.

А с т р о в. Я сегодня ничего не ел, только пил. У вашего отца тяжелый характер. (*Достает из буфета бутылку.*) Можно? (*Выпивает рюмку.*) Здесь никого нет, и можно говорить прямо. Знаете, мне кажется, что в вашем доме я не выжил бы одного месяца, задохнулся бы в этом воздухе... Ваш отец, который весь ушел в свою подагру и в книги, дядя Ваня со своею хандрой, ваша бабушка, наконец ваша мачеха...

С о н я. Что мачеха?

А с т р о в. В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Она прекрасна, спора нет, но... ведь она только ест, спит, гуляет, чарует всех нас своею красотой — и больше ничего. У нее нет никаких обязанностей, на нее работают другие... Ведь так? А праздная жизнь не может быть чистою.

Пауза.

Впрочем, быть может, я отношусь слишком строго. Я не удовлетворен жизнью, как ваш дядя Ваня, и оба мы становимся брюзгами.

С о н я. А вы недовольны жизнью?

А с т р о в. Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю ее всеми силами моей души. А что касается моей собственной, личной жизни, то, ей-богу, в ней нет решительно ничего хорошего. Знаете, когда идешь темною ночью по лесу, и если в это время вдали светит огонек, то не замечаешь ни утомления, ни потемок, ни колючих веток, которые бьют тебя по лицу... Я работаю, — вам это известно, — как никто в уезде, судьба бьет меня не переставая, порой страдаю я невыносимо, но у меня вдали нет огонька. Я для себя уже ничего не жду, не люблю людей... Давно уже никого не люблю.

С о н я. Никого?

А с т р о в. Никого. Некоторую нежность я чувствую только к вашей няньке — по старой памяти. Мужики однообразны очень, неразвиты, грязно живут, а с интел-

лигенцией трудно ладить. Она утомляет. Все они, наши добрые знакомые, мелко мыслят, мелко чувствуют и не видят дальше своего носа — просто-напросто глупы. А те, которые поумнее и покрупнее, истеричны, заедены анализом, рефлексом... Эти ноют, ненавистничают, болезненно клеветуют, подходят к человеку боком, смотрят на него искоса и решают: «О, это психопат!», или: «Это фразер!» А когда не знают, какой ярлык прилепить к моему лбу, то говорят: «Это странный человек, странный!» Я люблю лес — это странно; я не ем мяса — это тоже странно. Непосредственного, чистого, свободного отношения к природе и к людям уже нет... Нет и нет! *(Хочет выпить.)*

С о н я *(мешает ему)*. Нет, прошу вас, умоляю, не пейте больше.

А с т р о в. Отчего?

С о н я. Это так не идет к вам! Вы изящны, у вас такой нежный голос... Даже больше, вы, как никто из всех, кого я знаю, — вы прекрасны. Зачем же вы хотите походить на обыкновенных людей, которые пьют и играют в карты? О, не делайте этого, умоляю вас! Вы говорите всегда, что люди не творят, а только разрушают то, что им дано свыше. Зачем же, зачем вы разрушаете самого себя? Не надо, не надо, умоляю, заклинаю вас.

А с т р о в *(протягивает ей руку)*. Не буду больше пить.

С о н я. Дайте мне слово.

А с т р о в. Честное слово.

С о н я *(крепко пожимает руку)*. Благодарю!

А с т р о в. Баста! Я отрезвел. Видите, я уже совсем трезв и таким останусь до конца дней моих. *(Смотрит на часы.)* Итак, будем продолжать. Я говорю: мое время уже ушло, поздно мне... Постарел, заработался, испошился, притупились все чувства, и, кажется, я уже не мог бы привязаться к человеку. Я никого не люблю и... уже не люблю. Что меня еще захватывает, так это красота. Неравнодушен я к ней. Мне кажется, что если бы вот Елена Андреевна захотела, то могла бы вскружить мне голову в один день... Но ведь это не любовь, не привязанность... *(Закрывает рукой глаза и вздрагивает.)*

С о н я. Что с вами?

А с т р о в. Так... В великом посту у меня больной умер под хлороформом.

С о н я. Об этом пора забыть.

Пауза.

Скажите мне, Михаил Львович... Если бы у меня была подруга или младшая сестра и если бы вы узнали, что она... ну, положим, любит вас, то как бы вы отнеслись к этому?

А с т р о в (*пожав плечами*). Не знаю. Должно быть, никак. Я дал бы ей понять, что полюбить ее не могу... да и не тем моя голова занята. Как-никак, а если ехать, то уже пора. Прощайте, голубушка, а то мы так до утра не кончим. (*Пожимает руку.*) Я пройду через гостиную, если позволите, а то боюсь, как бы ваш дядя меня не задержал. (*Уходит.*)

С о н я (*одна*). Он ничего не сказал мне... Душа и сердце его все еще скрыты от меня, но отчего же я чувствую себя такую счастливою? (*Смеется от счастья.*) Я ему сказала: вы изящны, благородны, у вас такой нежный голос... Разве это вышло некстати? Голос его дрожит, ласкает... вот я чувствую его в воздухе. А когда я сказала ему про младшую сестру, он не понял... (*Ломая руки.*) О, как это ужасно, что я некрасива! Как ужасно! А я знаю, что я некрасива, знаю, знаю... В прошлое воскресенье, когда выходили из церкви, я слышала, как говорили про меня, и одна женщина сказала: «Она добрая, великодушная, но жаль, что она так некрасива...» Некрасива...

Входит Е л е н а А н д р е е в н а.

Е л е н а А н д р е е в н а (*открывает окна*). Прошла гроза. Какой хороший воздух!

Пауза.

Где доктор?

С о н я. Ушел.

Пауза.

Е л е н а А н д р е е в н а. Софи!

С о н я. Что?

Е л е н а А н д р е е в н а. До каких пор вы будете дуться на меня? Друг другу мы не сделали никакого зла. Зачем же нам быть врагами? Полноте...

С о н я. Я сама хотела... *(Обнимает ее.)* Довольно сердиться.

Е л е н а А н д р е е в н а. И отлично.

Обе взволнованы.

С о н я. Папа лег?

Е л е н а А н д р е е в н а. Нет, сидит в гостиной... Не говорим мы друг с другом по целым неделям и бог знает из-за чего... *(Увидев, что буфет открыт.)* Что это?

С о н я. Михаил Львович ужинал.

Е л е н а А н д р е е в н а. И вино есть... Давайте выпьем брудершафт.

С о н я. Давайте.

Е л е н а А н д р е е в н а. Из одной рюмочки... *(Наливает.)* Этак лучше. Ну, значит — ты?

С о н я. Ты.

Пьют и целуются.

Я давно уже хотела мириться, да все как-то совестно было... *(Плачет.)*

Е л е н а А н д р е е в н а. Что же ты плачешь?

С о н я. Ничего, это я так.

Е л е н а А н д р е е в н а. Ну, будет, будет... *(Плачет.)* Чудачка, и я заплакала...

Пауза.

Ты на меня сердита за то, что я будто вышла за твоего отца по расчету... Если веришь клятвам, то клянусь тебе, — я выходила за него по любви. Я увлеклась им, как ученым и известным человеком. Любовь была не настоящая, искусственная, но ведь мне казалось тогда, что она настоящая. Я не виновата. А ты с самой нашей свадьбы не переставала казнить меня своими умными подозрительными глазами.

С о н я. Ну, мир, мир! Забудем.

Е л е н а А н д р е е в н а. Не надо смотреть так — тебе это не идет. Надо всем верить, иначе жить нельзя.

Пауза.

С о н я. Скажи мне по совести, как друг... Ты счастлива?

Е л е н а А н д р е е в н а. Нет.

С о н я. Я это знала. Еще один вопрос. Скажи откровенно, — ты хотела бы, чтобы у тебя был молодой муж?

Е л е н а А н д р е е в н а. Какая ты еще девочка. Конечно, хотела бы. *(Смеется.)* Ну, спроси еще что-нибудь, спроси...

С о н я. Тебе доктор нравится?

Е л е н а А н д р е е в н а. Да, очень.

С о н я *(смеется)*. У меня глупое лицо... да? Вот он ушел, а я все слышу его голос и шаги, а посмотрю на темное окно, — там мне представляется его лицо. Дай мне высказаться... Но я не могу говорить так громко, мне стыдно. Пойдем ко мне в комнату, там поговорим. Я тебе кажусь глупой? Сознайся... Скажи мне про него что-нибудь...

Е л е н а А н д р е е в н а. Что же?

С о н я. Он умный... Он все умеет, все может... Он и лечит, и сажает лес...

Е л е н а А н д р е е в н а. Не в лесу и не в медицине дело... Милая моя, пойми, это талант! А ты знаешь, что значит талант? Смелость, свободная голова, широкий размах... Посадит деревцо и уже загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уже мерещится ему счастье человечества. Такие люди редки, их нужно любить... Он пьет, бывает грубоват, — но что за беда? Талантливый человек в России не может быть чистеньким. Сама подумай, что за жизнь у этого доктора! Непролазная грязь на дорогах, морозы, метели, расстояния громадные, народ грубый, дикий, кругом нужда, болезни, а при такой обстановке тому, кто работает и борется изо дня в день, трудно сохранить себя к сорока годам чистеньким и трезвым... *(Целует ее.)* Я от души тебе желаю, ты стоишь счастья... *(Встает.)* А я нудная, эпизодическое лицо... И в музыке, и в доме мужа, во всех романах — везде, одним словом, я была только эпизодическим лицом. Собственно говоря, Соня, если вдуматься, то я очень, очень несчастна! *(Ходит в волнении по сцене.)* Нет мне счастья на этом свете. Нет! Что ты смеешься?

С о н я (*смеется, закрыв лицо*). Я так счастлива... счастлива!

Е л е н а А н д р е е в н а. Мне хочется играть... Я сыграла бы теперь что-нибудь.

С о н я. Сыграй. (*Обнимает ее*.) Я не могу спать... Сыграй!

Е л е н а А н д р е е в н а. Сейчас. Твой отец не спит. Когда он болен, его раздражает музыка. Поди спроси. Если он ничего, то сыграю. Поди.

С о н я. Сейчас. (*Уходит.*)

В саду стучит сторож.

Е л е н а А н д р е е в н а. Давно уже я не играла. Буду играть и плакать, плакать, как дура. (*В окно.*) Это ты стучишь, Ефим?

Голос сторожа: «Я!»

Е л е н а А н д р е е в н а. Не стучи, барин нездоров.

Голос сторожа: «Сейчас уйду! (*Подсвистывает.*) Эй, вы, Жучка, Мальчик! Жучка!»

Пауза.

С о н я (*вернувшись*). Нельзя!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гостиная в доме Серебрякова. Три двери: направо, налево и посредине.

День.

В о й н и ц к и й, С о н я (*сидят*) и Е л е н а А н д р е е в н а (*ходит по сцене, о чем-то думая*).

В о й н и ц к и й. Герр профессор изволил выразить желание, чтобы сегодня все мы собрались вот в этой гостиной к часу дня. (*Смотрит на часы.*) Без четверти час. Хочет о чем-то поведать миру.

Е л е н а А н д р е е в н а. Вероятно, какое-нибудь дело.

В о й н и ц к и й. Никаких у него нет дел. Пишет чепуху, брюзжит и ревнует, больше ничего.

С о н я *(тоном упрёка)*. Дядя!

В о й н и ц к и й. Ну, ну, виноват. *(Указывает на Елену Андреевну.)* Полубойтесь: ходит и от лени шагается. Очень мило! Очень!

Е л е н а А н д р е е в н а. Вы целый день жужжите, всё жужжите — как не надоест! *(С тоской.)* Я умираю от скуки, не знаю, что мне делать.

С о н я *(пожимая плечами)*. Мало ли дела? Только бы захотела.

Е л е н а А н д р е е в н а. Например?

С о н я. Хозяйством занимайся, учи, лечи. Мало ли? Вот когда тебя и папы здесь не было, мы с дядей Ваней сами ездили на базар мукой торговать.

Е л е н а А н д р е е в н а. Не умею. Да и неинтересно. Это только в идейных романах учат и лечат мужиков, а как я, ни с того ни с сего, возьму вдруг и пойду их лечить или учить?

С о н я. А вот я так не понимаю, как это не идти и не учить. Погоди, и ты привыкнешь. *(Обнимает ее.)* Не скучай, родная. *(Смеясь.)* Ты скучаешь, не находишь себе места, а скука и праздность заразительны. Смотри: дядя Ваня ничего не делает и только ходит за тобою, как тень, я оставила свои дела и прибежала к тебе, чтобы поговорить. Обленилась, не могу! Доктор Михаил Львович прежде бывал у нас очень редко, раз в месяц, упросить его было трудно, а теперь он ездит сюда каждый день, бросил и свои леса и медицину. Ты колдунья, должно быть.

В о й н и ц к и й. Что томитесь? *(Живо.)* Ну, дорогая моя, роскошь, будьте умницей! В ваших жилах течет русалочья кровь, будьте же русалкой! Дайте себе волю хоть раз в жизни, влюбитесь поскорее в какого-нибудь водяного по самые уши — и бултых с головой в омут, чтобы герр профессор и все мы только руками развели!

Е л е н а А н д р е е в н а *(с гневом)*. Оставьте меня в покое! Как это жестоко! *(Хочет уйти.)*

В о й н и ц к и й *(не пускает ее)*. Ну, ну, моя радость, простите... Извиняюсь. *(Целует руку.)* Мир.

Е л е н а А н д р е е в н а. У ангела не хватило бы терпения, согласитесь.

В о й н и ц к и й. В знак мира и согласия я принесу сейчас букет роз; еще утром для вас приготовил... Осенние розы — прелестные, грустные розы... *(Уходит.)*

С о н я. Осенние розы — прелестные, грустные розы...

Обе смотрят в окно.

Е л е н а А н д р е е в н а. Вот уже и сентябрь. Как-то мы проживем здесь зиму!

Пауза.

Где доктор?

С о н я. В комнате у дяди Вани. Что-то пишет. Я рада, что дядя Ваня ушел, мне нужно поговорить с тобою.

Е л е н а А н д р е е в н а. О чем?

С о н я. О чем? *(Кладет ей голову на грудь.)*

Е л е н а А н д р е е в н а. Ну, полно, полно... *(Приглаживает ей волосы.)* Полно.

С о н я. Я некрасива.

Е л е н а А н д р е е в н а. У тебя прекрасные волосы.

С о н я. Нет! *(Оглядывается, чтобы взглянуть на себя в зеркало.)* Нет! Когда женщина некрасива, то ей говорят: «У вас прекрасные глаза, у вас прекрасные волосы»... Я его люблю уже шесть лет, люблю больше, чем свою мать; я каждую минуту слышу его, чувствую пожатие его руки; и я смотрю на дверь, жду, мне все кажется, что он сейчас войдет. И вот, ты видишь, я *в*се прихожу к тебе, чтобы поговорить о нем. Теперь он бывает здесь каждый день, но не смотрит на меня, не видит... Это такое страдание! У меня нет никакой надежды, нет, нет! *(В отчаянии.)* О боже, пошли мне силы... Я всю ночь молилась... Я часто подхожу к нему, сама заговариваю с ним, смотрю ему в глаза... У меня уже нет гордости, нет сил владеть собою... Не удержалась и вчера призналась дяде Ване, что люблю... И вся прислуга знает, что я его люблю. Все знают.

Е л е н а А н д р е е в н а. А он?

С о н я. Нет. Он меня не замечает.

Е л е н а А н д р е е в н а (*в раздумье*). Странный он человек... Знаешь что? Позволь, я поговорю с ним... Я осторожно, намеками...

Пауза.

Право, до каких же пор быть в неизвестности... Позволь!

Соня утвердительно кивает головой.

И прекрасно. Любит или не любит — это не трудно узнать. Ты не смущайся, голубка, не беспокойся, — я допрошу его осторожно, он и не заметит. Нам только узнать: да или нет?

Пауза.

Если нет, то пусть не бывает здесь. Так?

Соня утвердительно кивает головой.

Легче, когда не видишь. Откладывать в долгий ящик не будем, допросим его теперь же. Он собирался показать мне какие-то чертежи... Поди скажи, что я желаю его видеть.

С о н я (*в сильном волнении*). Ты мне скажешь всю правду?

Е л е н а А н д р е е в н а. Да, конечно. Мне кажется, что правда, какая бы она ни была, все-таки не так страшна, как неизвестность. Положись на меня, голубка.

С о н я. Да... да... Я скажу, что ты хочешь видеть его чертежи... (*Идет и останавливается возле двери.*) Нет, неизвестность лучше... Все-таки надежда...

Е л е н а А н д р е е в н а. Что ты?

С о н я. Ничего. (*Уходит.*)

Е л е н а А н д р е е в н а (*одна*). Нет ничего хуже, когда знаешь чужую тайну и не можешь помочь. (*Раздумывая.*) Он не влюблен в нее — это ясно, но отчего бы ему не жениться на ней? Она некрасива, но для деревенского доктора, в его годы, это была бы прекрасная жена. Умница, такая добрая, чистая... Нет, это не то, не то...

Пауза.

Я понимаю эту бедную девочку. Среди отчаянной скуки, когда вместо людей кругом бродят какие-то серые пятна, слышатся одни пошлости, когда только и знают, что едят, пьют, спят, иногда приезжает он, непохожий на других, красивый, интересный, увлекательный, точно среди потемок восходит месяц ясный... Поддаться обаянию такого человека, забыться... Кажется, я сама увлеклась немножко. Да, мне без него скучно, я вот улыбаюсь, когда думаю о нем... Этот дядя Ваня говорит, будто в моих жилах течет русалочья кровь. «Дайте себе волю хоть раз в жизни»... Что ж? Может быть, так и нужно... Улететь бы вольною птицей от всех вас, от ваших сонных физиономий, от разговоров, забыть, что все вы существуете на свете... Но я труслива, застенчива... Меня замучит совесть... Вот он бывает здесь каждый день, я угадываю, зачем он здесь, и уже чувствую себя виноватою, готова пасть перед Соней на колени, извиняться, плакать...

А с т р о в (входит с картограммой). Добрый день! *(Пожимает руку.)* Вы хотели видеть мою живопись?

Е л е н а А н д р е е в н а. Вчера вы обещали показать мне свои работы... Вы свободны?

А с т р о в. О, конечно. *(Растягивает на ломберном столе картограмму и укрепляет ее кнопками.)* Вы где родились?

Е л е н а А н д р е е в н а (помогая ему). В Петербурге.

А с т р о в. А получили образование?

Е л е н а А н д р е е в н а. В консерватории.

А с т р о в. Для вас, пожалуй, это неинтересно.

Е л е н а А н д р е е в н а. Почему? Я, правда, деревни не знаю, но я много читала.

А с т р о в. Здесь в доме есть мой собственный стол... В комнате у Ивана Петровича. Когда я утомлюсь совершенно, до полного оупения, то все бросаю и бегу сюда, и вот забавляюсь этой штукой час-другой... Иван Петрович и Софья Александровна щелкают на счетах, а я сижу подле них за своим столом и мажу, и мне тепло, покойно, и сверчок кричит. Но это удовольствие я позволяю себе не часто, раз в месяц... *(Показывая на картограмме.)* Теперь смотрите сюда. Картина нашего

уезда, каким он был пятьдесят лет назад. Темно- и светло-зеленая краска означает леса; половина всей площади занята лесом. Где по зелени положена красная сетка, там водились лоси, козы... Я показываю тут и флору и фауну. На этом озере жили лебеди, гуси, утки, и, как говорят старики, птицы всякой была сила, видимо-невидимо: носилась она тучей. Кроме сел и деревень, видите, там и сям разбросаны разные выселки, хуторочки, раскольничьи скиты, водяные мельницы... Рогатого скота и лошадей было много. По голубой краске видно. Например, в этой волости голубая краска легла густо; тут были целые табуны, и на каждый двор приходилось по три лошади.

Пауза.

Теперь посмотрим ниже. То, что было двадцать пять лет назад. Тут уж под лесом только одна треть всей площади. Коз уже нет, но лоси есть. Зеленая и голубая краски уже бледнее. И так далее, и так далее. Переходим к третьей части: картина уезда в настоящем. Зеленая краска лежит кое-где, но не сплошь, а пятнами; исчезли и лоси, и лебеди, и глухари... От прежних выселков, хуторков, скитов, мельниц и следа нет. В общем, картина постепенного и несомненного вырождения, которому, по-видимому, остается еще каких-нибудь десять — пятнадцать лет, чтобы стать полным. Вы скажете, что тут культурные влияния, что старая жизнь, естественно, должна была уступить место новой. Да, я понимаю, если бы на месте этих истребленных лесов пролегли шоссе, железные дороги, если бы тут были заводы, фабрики, школы — народ стал бы здоровее, богаче, умнее, но ведь тут ничего подобного! В уезде те же болота, комары, то же бездорожье, нищета, тиф, дифтерит, пожары... Тут мы имеем дело с вырождением вследствие непосильной борьбы за существование; это вырождение от косности, от невежества, от полнейшего отсутствия самосознания, когда озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сбросить своих детей, инстинктивно, бессознательно хватается за все, чем только можно утолить голод, согреться, разрушает все, не думая о завтрашнем дне...

«Дядя Ваня». Астров — К. С. Станиславский, Елена Андреевна — О. Л. Книппер.
Московский художественный театр, 1899 г.

Разрушено уже почти все, но взамен не создано еще ничего. (*Холодно.*) Я по лицу вижу, что это вам неинтересно.

Е л е н а А н д р е е в н а. Но я в этом так мало понимаю...

А с т р о в. И понимать тут нечего, просто неинтересно.

Е л е н а А н д р е е в н а. Откровенно говоря, мысли мои не тем заняты. Простите. Мне нужно сделать вам маленький допрос, и я смущена, не знаю, как начать.

А с т р о в. Допрос?

Е л е н а А н д р е е в н а. Да, допрос, но... довольно невинный. Сядем!

Садятся.

Дело касается одной молодой особы. Мы будем говорить, как честные люди, как приятели, без обиняков. Поговорим и забудем, о чем была речь. Да?

А с т р о в. Да.

Е л е н а А н д р е е в н а. Дело касается моей падчерицы Сони. Она вам нравится?

А с т р о в. Да, я ее уважаю.

Е л е н а А н д р е е в н а. Она вам нравится как женщина?

А с т р о в (*не сразу*). Нет.

Е л е н а А н д р е е в н а. Еще два-три слова — и конец. Вы ничего не замечали?

А с т р о в. Ничего.

Е л е н а А н д р е е в н а (*берет его за руку*). Вы не любите ее, по глазам вижу... Она страдает... Поймите это и... перестаньте бывать здесь.

А с т р о в (*встает*). Время мое уже ушло... Да и некогда... (*Пожав плечами.*) Когда мне? (*Он смущен.*)

Е л е н а А н д р е е в н а. Фу, какой неприятный разговор! Я так волнуюсь, точно протащила на себе тысячу пудов. Ну, слава богу, кончили. Забудем, будто не говорили вовсе, и... и уезжайте. Вы умный человек, поймете...

Пауза.

Я даже красная вся стала.

Астров. Если бы вы сказали месяц-два назад, то я, пожалуй, еще подумал бы, но теперь... *(Пожимает плечами.)* А если она страдает, то, конечно... Только одного не понимаю: зачем вам понадобился этот допрос? *(Глядит ей в глаза и грозит пальцем.)* Вы — хитрая!

Елена Андреевна. Что это значит?

Астров *(смеясь)*. Хитрая! Положим, Соня страдает, я охотно допускаю, но к чему этот ваш допрос? *(Мешая ей говорить, живо.)* Позвольте, не делайте удивленного лица, вы отлично знаете, зачем я бываю здесь каждый день... Зачем и ради кого бываю, это вы отлично знаете. Хищница милая, не смотрите на меня так, я старый воробей...

Елена Андреевна *(в недоумении)*. Хищница? Ничего не понимаю.

Астров. Красивый, пушистый хорек... Вам нужны жертвы! Вот я уже целый месяц ничего не делаю, бросил все, жадно ищу вас — и это вам ужасно нравится, ужасно... Ну, что ж? Я побежден, вы это знали и без допроса. *(Скрестив руки и нагнув голову.)* Покоряюсь. Нате, ешьте!

Елена Андреевна. Вы с ума сошли!

Астров *(смеется сквозь зубы)*. Вы застенчивы...

Елена Андреевна. О, я лучше и выше, чем вы думаете! Клянусь вам! *(Хочет уйти.)*

Астров *(загораживая ей дорогу)*. Я сегодня уеду, бывать здесь не буду, но... *(Берет ее за руку, оглядывается.)* Где мы будем видеться? Говорите скорее: где? Сюда могут войти, говорите скорее. *(Страстно.)* Какая чудная, роскошная... Один поцелуй... Мне поцеловать только ваши ароматные волосы...

Елена Андреевна. Клянусь вам...

Астров *(мешая ей говорить)*. Зачем клясться? Не надо клясться. Не надо лишних слов... О, какая красивая! Какие руки! *(Целует руки.)*

Елена Андреевна. Но довольно, наконец... уходите... *(Отнимает руки.)* Вы забылись.

Астров. Говорите же, говорите, где мы завтра увидимся? *(Берет ее за талию.)* Ты видишь, это неизбежно, нам надо видеться. *(Целует ее; в это время входит Войницкий с букетом роз и останавливается у двери.)*

Елена Андреевна (*не видя Войницкого*). Пощадите... оставьте меня... (*Кладет Астрову голову на грудь.*) Нет! (*Хочет уйти.*)

Астров (*удерживая ее за талию*). Приезжай завтра в лесничество... часам к двум... Да? Да? Ты приедешь?

Елена Андреевна (*увидев Войницкого*). Пустите! (*В сильном смущении отходит к окну.*) Это ужасно.

Войницкий (*кладет букет на стул; волнуясь, вытирает платком лицо и за воротником*). Ничего... Да... Ничего...

Астров (*будуруя*). Сегодня, многоуважаемый Иван Петрович, погода недурна. Утром было пасмурно, словно как бы на дождь, а теперь солнце. Говоря по совести, осень выдалась прекрасная... и озими ничего себе. (*Свертывает картограмму в трубку.*) Вот только что: дни коротки стали... (*Уходит.*)

Елена Андреевна (*быстро подходит к Войницкому*). Вы постараетесь, вы употребите все ваше влияние, чтобы я и муж уехали отсюда сегодня же! Слышите? Сегодня же!

Войницкий (*вытирая лицо*). А? Ну, да... хорошо... Я, Hélène, все видел, все...

Елена Андреевна (*нервно*). Слышите? Я должна уехать отсюда сегодня же!

Входят Серебряков, Соня, Телегин и Марина.

Телегин. Я сам, ваше превосходительство, что-то не совсем здоров. Вот уже два дня хвораю. Голова что-то того...

Серебряков. Где же остальные? Не люблю я этого дома. Какой-то лабиринт. Двадцать шесть громадных комнат, разбредутся все, и никого никогда не найдешь. (*Звонит.*) Пригласите сюда Марию Васильевну и Елену Андреевну!

Елена Андреевна. Я здесь.

Серебряков. Прошу, господа, садиться.

Соня (*подойдя к Елене Андреевне, нетерпеливо*). Что он сказал?

Елена Андреевна. После.

С о н я. Ты дрожишь? Ты взволнована? (*Пытливо всматривается в ее лицо.*) Я понимаю... Он сказал, что уже больше не будет бывать здесь... да?

Пауза.

Скажи: да?

Елена Андреевна утвердительно кивает головой.

Серебряков (*Телегину*). С нездоровьем еще можно мириться, куда ни шло, но чего я не могу переварить, так это строя деревенской жизни. У меня такое чувство, как будто я с земли свалился на какую-то чужую планету. Садитесь, господа, прошу вас. Соня!

Соня не слышит его, она стоит, печально опустив голову.

Соня!

Пауза.

Не слышит. (*Марине.*) И ты, няня, садись.

Няня садится и вяжет чулок.

Прошу, господа. Повесьте, так сказать, ваши уши на гвоздь внимания. (*Смеется.*)

Войницкий (*волнуясь*). Я, быть может, не нужен? Могу уйти?

Серебряков. Нет, ты здесь нужнее всех.

Войницкий. Что вам от меня угодно?

Серебряков. Вам... Что же ты сердисься?

Пауза.

Если я в чем виноват перед тобою, то извини, пожалуйста.

Войницкий. Оставь этот тон. Приступим к делу... Что тебе нужно?

Входит Мария Васильевна.

Серебряков. Вот и тапап. Я начинаю, господа.

Пауза.

Я пригласил вас, господа, чтобы объявить вам, что к нам едет ревизор. Впрочем, шутки в сторону. Дело серьезное. Я, господа, собрал вас, чтобы попросить у

вас помощи и совета, и, зная всегдашнюю вашу любовь, надеюсь, что получу их. Человек я ученый, книжный и всегда был чужд практической жизни. Обойтись без указаний сведущих людей я не могу и прошу тебя, Иван Петрович, вот вас, Илья Ильич, вас, тамап... Дело в том, что тапет отпес упа пох, то есть все мы под богом ходим; я стар, болен и потому нахожу своевременным регулировать свои имущественные отношения постольку, поскольку они касаются моей семьи. Жизнь моя уже кончена, о себе я не думаю, но у меня молодая жена, дочь-девушка.

Пауза.

Продолжать жить в деревне мне невозможно. Мы для деревни не созданы. Жить же в городе на те средства, какие мы получаем от этого имения, невозможно. Если продать, положим, лес, то это мера экстраординарная, которою нельзя пользоваться ежегодно. Нужно изыскать такие меры, которые гарантировали бы нам постоянную, более или менее определенную цифру дохода. Я придумал одну такую меру и имею честь предложить ее на ваше обсуждение. Минуя детали, изложу ее в общих чертах. Наше имение дает в среднем размере не более двух процентов. Я предлагаю продать его. Если вырученные деньги мы обратим в процентные бумаги, то будем получать от четырех до пяти процентов, и я думаю, что будет даже излишек в несколько тысяч, который нам позволит купить в Финляндии небольшую дачу.

В о й н и ц к и й. Постой... Мне кажется, что мне изменяет мой слух. Повтори, что ты сказал.

С е р е б р я к о в. Деньги обратить в процентные бумаги и на излишек, какой останется, купить дачу в Финляндии.

В о й н и ц к и й. Не Финляндия... Ты еще что-то другое сказал.

С е р е б р я к о в. Я предлагаю продать имение.

В о й н и ц к и й. Вот это самое. Ты продашь имение, превосходно, богатая идея... А куда прикажешь деваться мне со старухой матерью и вот с Соней?

С е р е б р я к о в. Все это своевременно мы обсудим. Не сразу же.

В о й н и ц к и й. Постой. Очевидно, до сих пор у меня не было ни капли здравого смысла. До сих пор я имел глупость думать, что это имение принадлежит Соне. Мой покойный отец купил это имение в приданое для моей сестры. До сих пор я был наивен, понимал законы не по-турецки и думал, что имение от сестры перешло к Соне.

С е р е б р я к о в. Да, имение принадлежит Соне. Кто спорит? Без согласия Сони я не решусь продать его. К тому же я предлагаю сделать это для блага Сони.

В о й н и ц к и й. Это непостижимо, непостижимо! Или я с ума сошел, или... или...

М а р и я В а с и л ь е в н а. Жан, не противоречь Александру. Верь, он лучше нас знает, что хорошо и что дурно.

В о й н и ц к и й. Нет, дайте мне воды. *(Пьет воду.)* Говорите что хотите, что хотите!

С е р е б р я к о в. Я не понимаю, отчего ты волнуешься. Я не говорю, что мой проект идеален. Если все найдут его негодным, то я не буду настаивать.

Пауза.

Т е л е г и н *(в смущении)*. Я, ваше превосходительство, питаю к науке не только благоговение, но и родственные чувства. Брата моего Григория Ильича жены брат, может, изволите знать, Константин Трофимович Лакедемонов, был магистром...

В о й н и ц к и й. Постой, Вафля, мы о деле... Погоди, после... *(Серебрякову.)* Вот спроси ты у него. Это имение куплено у его дяди.

С е р е б р я к о в. Ах, зачем мне спрашивать? К чему?

В о й н и ц к и й. Это имение было куплено по тогдашнему времени за девяносто пять тысяч. Отец уплатил только семьдесят, и осталось долгу двадцать пять тысяч. Теперь слушайте... Имение это не было бы куплено, если бы я не отказался от наследства в пользу сестры, которую горячо любил. Мало того, я десять лет работал как вол и выплатил весь долг...

С е р е б р я к о в. Я жалею, что начал этот разговор.

В о й н и ц к и й. Имение чисто от долгов и не расстроено только благодаря моим личным усилиям. И вот когда я стал стар, меня хотят выгнать отсюда в шею!

С е р е б р я к о в. Я не понимаю, чего ты добиваешься!

В о й н и ц к и й. Двадцать пять лет я управлял этим имением, работал, высылал тебе деньги, как самый добросовестный приказчик, и за все время ты ни разу не поблагодарил меня. Все время — и в молодости и теперь — я получал от тебя жалованья пятьсот рублей в год — нищенские деньги! — и ты ни разу не догадался прибавить мне хоть один рубль!

С е р е б р я к о в. Иван Петрович, почему же я знал? Я человек не практический и ничего не понимаю. Ты мог бы сам прибавить себе, сколько угодно.

В о й н и ц к и й. Зачем я не крал? Отчего вы все не презираете меня за то, что я не крал? Это было бы справедливо, и теперь я не был бы нищим!

М а р и я В а с и л ь е в н а (*строго*). Жан!

Т е л е г и н (*волнуясь*). Ваня, дружочек, не надо, не надо... я дрожу... Зачем портить хорошие отношения? (*Целует его.*) Не надо.

В о й н и ц к и й. Двадцать пять лет я вот с этою матерью, как крот, сидел в четырех стенах... Все наши мысли и чувства принадлежали тебе одному. Днем мы говорили о тебе, о твоих работах, гордились тобою, с благоговением произносили твое имя; ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которые я теперь глубоко презираю!

Т е л е г и н. Не надо, Ваня, не надо... Не могу...

С е р е б р я к о в (*гневно*). Не понимаю, что тебе нужно?

В о й н и ц к и й. Ты для нас был существом высшего порядка, а твои статьи мы знали наизусть... Но теперь у меня открылись глаза! Я все вижу! Пишешь ты об искусстве, но ничего не понимаешь в искусстве! Все твои работы, которые я любил, не стоят гроша медного! Ты морочил нас!

С е р е б р я к о в. Господа! Да уймите же его наконец! Я уйду!

Елена Андреевна. Иван Петрович, я требую, чтобы вы замолчали! Слышите?

Войничкий. Не замолчу! (*Загораживая Серебрякову дорогу.*) Постой, я не кончил! Ты погубил мою жизнь! Я не жил, не жил! По твоей милости я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни! Ты мой злейший враг!

Телегин. Я не могу... не могу... Я уйду... (*В сильном волнении уходит.*)

Серебряков. Что ты хочешь от меня? И какое ты имеешь право говорить со мною таким тоном? Ничтожество! Если имение твое, то бери его, я не нуждаюсь в нем!

Елена Андреевна. Я сию же минуту уезжаю из этого ада! (*Кричит.*) Я не могу дольше выносить!

Войничкий. Пропала жизнь! Я талантлив, умен, смел... Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский... Я зарпортовался! Я с ума схожу... Матушка, я в отчаянии! Матушка!

Мария Васильевна (*строго*). Слушайся Александра!

Соня (*становится перед няней на колени и прижимается к ней*). Нянечка! Нянечка!

Войничкий. Матушка! Что мне делать? Не нужно, не говорите! Я сам знаю, что мне делать! (*Серебрякову.*) Будешь ты меня помнить! (*Уходит в среднюю дверь.*)

Мария Васильевна идет за ним.

Серебряков. Господа, что же это такое наконец? Уберите от меня этого сумасшедшего! Не могу я жить с ним под одною крышей! Живет тут (*указывает на среднюю дверь*), почти рядом со мною... Пусть перебирается в деревню, во флигель, или я переберусь отсюда, но оставаться с ним в одном доме я не могу...

Елена Андреевна (*мужу*). Мы сегодня уедем отсюда! Необходимо распорядиться сию же минуту.

Серебряков. Ничтожнейший человек!

Соня (*стоя на коленях, оборачивается к отцу; нервно, сквозь слезы*). Надо быть милосердным, папа!

Я и дядя Ваня так несчастны! (*Сдерживая отчаяние.*)
Надо быть милосердным! Вспомни, когда ты был помо-
ложе, дядя Ваня и бабушка по ночам переводили для
тебя книги, переписывали твои бумаги... все ночи, все
ночи! Я и дядя Ваня работали без отдыха, боялись по-
тратить на себя копейку и всё посылали тебе... Мы не
ели даром хлеба! Я говорю не то, не то я говорю, но
ты должен понять нас, папа. Надо быть милосерд-
ным!

Е л е н а А н д р е е в н а (*взволнованная, мужу*).
Александр, ради бога объяснись с ним... Умоляю.

С е р е б р я к о в. Хорошо, я объяснюсь с ним...
Я ни в чем его не обвиняю, я не сержусь, но, согласитесь,
поведение его по меньшей мере странно. Извольте, я
пойду к нему. (*Уходит в среднюю дверь.*)

Е л е н а А н д р е е в н а. Будь с ним помягче,
успокой его... (*Уходит за ним.*)

С о н я (*прижимаясь к няне*). Нянечка! Нянечка!

М а р и н а. Ничего, деточка. Погочут гусаки — и
перестанут... Погочут — и перестанут....

С о н я. Нянечка!

М а р и н а (*гладит ее по голове*). Дрожишь, словно
в мороз! Ну, ну, сиротка, бог милостив. Липового чай-
ку или малинки, оно и пройдет... Не горюй, сиротка...
(*Глядя на среднюю дверь, с сердцем.*) Ишь расхотелись
гусаки, чтоб вам пусто!

За сценой выстрел; слышно, как вскрикивает Елена Андреевна;
Соня вздрагивает.

У, чтоб тебя!

С е р е б р я к о в (*вбегает, пошатываясь от испу-
га*). Удержите его! Удержите! Он сошел с ума!

Елена Андреевна и Войницкий борются в дверях.

Е л е н а А н д р е е в н а (*стараясь отнять у него
револьвер*). Отдайте! Отдайте, вам говорят!

В о й н и ц к и й. Пустите, Hélène! Пустите меня!
(*Освободившись, вбегает и ищет глазами Серебрякова.*)
Где он? А, вот он! (*Стреляет в него.*) Бац!

Пауза.

Не попал? Опять промах?! (С гневом.) А, черт, черт... черт бы побрал... (Бьет револьвером об пол и в изнеможении садится на стул. Серебряков ошеломлен; Елена Андреевна прислонилась к стене, ей дурно.)

Е л е н а   А н д р е е в н а. Увезите меня отсюда! Увезите, убейте, но... я не могу здесь оставаться, не могу!

В о й н и ц к и й (в отчаянии). О, что я делаю! Что я делаю!

С о н я (тихо). Нянечка! Нянечка!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната Ивана Петровича; тут его спальня, тут же и контора имения. У окна большой стол с приходо-расходными книгами и бумагами всякого рода, конторка, шкафы, весы. Стол поменьше для Астрова; на этом столе принадлежности для рисования, краски; возле папка. Клетка со скворцом. На стене карта Африки, видимо никому здесь не нужная. Громадный диван, обитый клеенкой. Налево — дверь, ведущая в покой; направо — дверь в сени; подле правой двери положен половик, чтобы не нагрязнили мужики. Осенний вечер. Тишина.

Т е л е г и н и   М а р и н а (сидят друг против друга и мотают чулочную шерсть).

Т е л е г и н. Вы скорее, Марина Тимофеевна, а то сейчас позовут прощаться. Уже приказали лошадей подавать.

М а р и н а (старается мотать быстрее). Немного осталось.

Т е л е г и н. В Харьков уезжают. Там жить будут.

М а р и н а. И лучше.

Т е л е г и н. Напужались... Елена Андреевна «одного часа, говорит, не желаю жить здесь... уедем да уедем... Поживем, говорит, в Харькове, оглядимся и тогда за вещами пришьлем...» Налегке уезжают. Значит,

Марина Тимофеевна, не судьба им жить тут. Не судьба... Фатальное предопределение.

М а р и н а. И лучше. Давеча подняли шум, пальбу—срам один!

Т е л е г и н. Да, сюжет, достойный кисти Айвазовского.

М а р и н а. Глаза бы мои не глядели.

Пауза.

Опять заживем, как было, по-старому. Утром в восьмом часу чай, в первом часу обед, вечером — ужинать садиться; всё своим порядком, как у людей... по-христиански. *(Со вздохом.)* Давно уже я, грешница, лапши не ела.

Т е л е г и н. Да, давненько у нас лапши не готовили.

Пауза.

Давненько... Сегодня утром, Марина Тимофеевна, иду я деревней, а лавочник мне вслед: «Эй ты, приживал!» И так мне горько стало!

М а р и н а. А ты без внимания, батюшка. Все мы у бога приживалы. Как ты, как Соня, как Иван Петрович — никто без дела не сидит, все трудимся! Все... Где Соня?

Т е л е г и н. В саду. С доктором все ходит, Ивана Петровича ищет. Боятся, как бы он на себя рук не наложил.

М а р и н а. А где его пистолет?

Т е л е г и н *(шепотом)*. Я в погребе спрятал!

М а р и н а *(с усмешкой)*. Грехи!

Входят со двора В о й н и ц к и й и А с т р о в.

В о й н и ц к и й. Оставь меня. *(Марине и Телегину.)* Уйдите отсюда, оставьте меня одного хоть на один час! Я не терплю опеки.

Т е л е г и н. Сию минуту, Ваня. *(Уходит на цыпочках.)*

М а р и н а. Гусак: го-го-го! *(Собирает шерсть и уходит.)*

В о й н и ц к и й. Оставь меня!

Астров. С большим удовольствием, мне давно уже нужно уехать отсюда, но, повторяю, я не уеду, пока ты не возвратишь того, что взял у меня.

Войничкий. Я у тебя ничего не брал.

Астров. Серьезно говорю — не задерживай. Мне давно уже пора ехать.

Войничкий. Ничего я у тебя не брал.

Оба садятся.

Астров. Да? Что ж, погожу еще немного, а потом, извини, придется употребить насилие. Свяжем тебя и обыщем. Говорю это совершенно серьезно.

Войничкий. Как угодно.

Пауза.

Разыграть такого дурака: стрелять два раза и ни разу не попасть! Этого я себе никогда не прощу!

Астров. Пришла охота стрелять, ну, и палил бы в лоб себе самому.

Войничкий (*пожав плечами*). Странно. Я покушался на убийство, а меня не арестовывают, не отдают под суд. Значит, считают меня сумасшедшим. (*Злой смех.*) Я — сумасшедший, а не сумасшедшие те, которые под личиной профессора, ученого мага, прячут свою бездарность, тупость, свое вопиющее бессердечие. Не сумасшедшие те, которые выходят за стариков и потом у всех на глазах обманывают их. Я видел, видел, как ты обнимал ее!

Астров. Да-с, обнимал-с, а тебе вот. (*Делает нос.*)

Войничкий (*глядя на дверь*). Нет, сумасшедшая земля, которая еще держит вас!

Астров. Ну, и глупо.

Войничкий. Что ж, я — сумасшедший, не вменяем, я имею право говорить глупости.

Астров. Стара штука. Ты не сумасшедший, а просто чудак. Шут гороховый. Прежде и я всякого чудака считал больным, ненормальным, а теперь я такого мнения, что нормальное состояние человека — это быть чудаком. Ты вполне нормален.

В о й н и ц к и й (*закрывает лицо руками*). Стыдно! Если бы ты знал, как мне стыдно! Это острое чувство стыда не может сравниться ни с какою болью. (*С тоской.*) Невыносимо! (*Склоняется к столу.*) Что мне делать? Что мне делать?

А с т р о в. Ничего.

В о й н и ц к и й. Дай мне чего-нибудь! О боже мой... Мне сорок семь лет; если, положим, я проживу до шестидесяти, то мне остается еще тринадцать. Долго! Как я проживу эти тринадцать лет? Что буду делать, чем наполню их? О, понимаешь... (*судорожно жмет Астрову руку*) понимаешь, если бы можно было прожить остаток жизни как-нибудь по-новому. Проснуться бы в ясное, тихое утро и почувствовать, что жить ты начал снова, что все прошлое забыто, рассеялось, как дым. (*Плачет.*) Начать новую жизнь... Подскажи мне, как начать... с чего начать...

А с т р о в (*с досадой*). Э, ну тебя! Какая еще там новая жизнь! Наше положение, твое и мое, безнадежно.

В о й н и ц к и й. Да?

А с т р о в. Я убежден в этом.

В о й н и ц к и й. Дай мне чего-нибудь... (*Показывая на сердце.*) Жжет здесь.

А с т р о в (*кричит сердито*). Перестань! (*Смягчившись.*) Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас и которые будут презирать нас за то, что мы прожили свои жизни так глупо и так безвкусно, — те, быть может, найдут средство, как быть счастливыми, а мы... У нас с тобою только одна надежда и есть. Надежда, что когда мы будем почивать в своих гробах, то нас посетят видения, быть может даже приятные. (*Вздыхнув.*) Да, брат. Во всем уезде было только два порядочных, интеллигентных человека: я да ты. Но в какие-нибудь десять лет жизнь обывательская, жизнь презренная затянула нас; она своими гнилыми испарениями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, как все. (*Живо.*) Но ты мне зубов не заговаривай, однако. Ты отдай то, что взял у меня.

В о й н и ц к и й. Я у тебя ничего не брал.

А с т р о в. Ты взял у меня из дорожной аптеки баночку с морфием.

Пауза.

Послушай, если тебе во что бы то ни стало хочется покончить с собою, то ступай в лес и застрелись там. Морфий же отдай, а то пойдут разговоры, догадки, подумают, что это я тебе дал... С меня же довольно и того, что мне придется вскрывать тебя... Ты думаешь, это интересно?

Входит С о н я.

В о й н и ц к и й. Оставь меня!

А с т р о в (*Соне*). Софья Александровна, ваш дядя утащил из моей аптеки баночку с морфием и не отдает. Скажите ему, что это... не умно наконец. Да и некогда мне. Мне пора ехать.

С о н я. Дядя Ваня, ты взял морфий?

Пауза.

А с т р о в. Он взял. Я в этом уверен.

С о н я. Отдай. Зачем ты нас пугаешь? (*Нежно*.) Отдай, дядя Ваня! Я, быть может, несчастна не меньше твоего, однако же не прихожу в отчаяние. Я терплю и буду терпеть, пока жизнь моя не окончится сама собою... Терпи и ты.

Пауза.

Отдай! (*Целует ему руки*.) Дорогой, славный дядя, милый, отдай! (*Плачет*.) Ты добрый, ты пожалеешь нас и отдашь. Терпи, дядя! Терпи!

В о й н и ц к и й (*достает из стола баночку и подает ее Астрову*). На, возьми! (*Соне*.) Но надо скорее работать, скорее делать что-нибудь, а то не могу... не могу...

С о н я. Да, да, работать. Как только проводим наших, сядем работать... (*Нервно перебирает на столе бумаги*.) У нас все запущено.

А с т р о в (*кладет баночку в аптеку и затягивает ремни*). Теперь можно и в путь.

Е л е н а А н д р е е в н а (*входит*). Иван Петрович, вы здесь? Мы сейчас уезжаем... Идите к Александру, он хочет что-то сказать вам.

С о н я. Иди, дядя Ваня. (*Берет Войницкого под руку.*) Пойдем. Папа и ты должны помириться. Это необходимо.

Соня и Войницкий уходят.

Е л е н а А н д р е е в н а. Я уезжаю. (*Подает Астрову руку.*) Прощайте.

А с т р о в. Уже?

Е л е н а А н д р е е в н а. Лошади уже поданы.

А с т р о в. Прощайте.

Е л е н а А н д р е е в н а. Сегодня вы обещали мне, что уедете отсюда.

А с т р о в. Я помню. Сейчас уеду.

Пауза.

Испугались? (*Берет ее за руку.*) Разве это так страшно?

Е л е н а А н д р е е в н а. Да.

А с т р о в. А то остались бы! А? Завтра в лесничестве...

Е л е н а А н д р е е в н а. Нет... Уже решено... И потому я гляжу на вас так храбро, что уже решен отъезд... Я об одном вас прошу: думайте обо мне лучше. Мне хочется, чтобы вы меня уважали.

А с т р о в. Э! (*Жест нетерпения.*) Оставайтесь, прошу вас. Сознайтесь, делать вам на этом свете нечего, цели жизни у вас никакой, занять вам своего внимания нечем, и, рано или поздно, все равно поддадитесь чувству, — это неизбежно. Так уж лучше это не в Харькове и не где-нибудь в Курске, а здесь, на лоне природы... Поэтично по крайней мере, даже осень красива... Здесь есть лесничество, полуразрушенные усадьбы во вкусе Тургенева...

Е л е н а А н д р е е в н а. Какой вы смешной... Я сердита на вас, но все же... буду вспоминать о вас с удовольствием. Вы интересный, оригинальный человек. Больше мы с вами уже никогда не увидимся, а потому — зачем скрывать? Я даже увлеклась вами немножко. Ну, давайте пожмем друг другу руки и разойдемся друзьями. Не поминайте лихом.

А с т р о в (*пожал руку*). Да, уезжайте... (*В раздумье.*) Как будто бы вы и хороший, душевный человек,

но как будто бы и что-то странное во всем вашем существе. Вот вы приехали сюда с мужем, и все, которые здесь работали, копошились, создавали что-то, должны были побросать свои дела и все лето заниматься только подагрой вашего мужа и вами. Оба — он и вы — заразили всех нас вашей праздностью. Я увлекся, целый месяц ничего не делал, а в это время люди болели, в лесах моих, лесных порослях, мужики пасли свой скот... Итак, куда бы ни ступили вы и ваш муж, всюду вы вносите разрушение... Я шучу, конечно, но все же... странно, и я убежден, что если бы вы остались, то опустошение произошло бы громадное. И я бы погиб, да и вам бы... несдобровать. Ну, уезжайте. *Finita la comedia!*¹

Елена Андреевна (*берет с его стола карандаш и быстро прячет*). Этот карандаш я беру себе на память.

Астров. Как-то странно... Были знакомы и вдруг почему-то... никогда уже больше не увидимся. Так и всё на свете... Пока здесь никого нет, пока дядя Ваня не вошел с букетом, позвольте мне... поцеловать вас... На прощанье... Да? (*Целует ее в щеку.*) Ну, вот... и прекрасно.

Елена Андреевна. Желаю вам всего хорошего. (*Оглянувшись.*) Куда ни шло, раз в жизни! (*Обнимает его порывисто, и оба тотчас же быстро отходят друг от друга.*) Надо уезжать.

Астров. Уезжайте поскорее. Если лошади поданы, то отправляйтесь.

Елена Андреевна. Сюда идут, кажется.

Оба прислушиваются.

Астров. *Finita!*

Входят Серебряков, Войницкий, Мария Васильевна с книгой, Телегин и Соня.

Серебряков (*Войницкому*). Кто старое помянет, тому глаз вон. После того, что случилось, в эти несколько часов я так много пережил и столько передумал, что, кажется, мог бы написать в назидание потомству

---

¹ Комедия окончена! (*итал.*)

цельный трактат о том, как надо жить. Я охотно принимаю твои извинения и сам прошу извинить меня. Прощай! *(Целуется с Войницким три раза.)*

В о й н и ц к и й. Ты будешь аккуратно получать то же, что получал и раньше. Все будет по-старому.

Елена Андреевна обнимает Сою.

Серебряков *(целует у Марии Васильевны руку)*. Матап...

М а р и я В а с и л ь е в н а *(целует его)*. Александр, снимитесь опять и пришлите мне вашу фотографию. Вы знаете, как вы мне дороги.

Т е л е г и н. Прощайте, ваше превосходительство! Нас не забывайте!

Серебряков *(поцеловав дочь)*. Прощай... Все прощайте! *(Подавая руку Астрову.)* Благодарю вас за приятное общество... Я уважаю ваш образ мыслей, ваши увлечения, порывы, но позвольте старику внести в мой прощальный привет только одно замечание: надо, господа, дело делать! Надо дело делать! *(Общий поклон.)* Всего хорошего! *(Уходит; за ним идут Мария Васильевна и Соня.)*

В о й н и ц к и й *(крепко целует руку у Елены Андреевны)*. Прощайте... Простите... Никогда больше не увидимся.

Е л е н а А н д р е е в н а *(растроганная)*. Прощайте, голубчик. *(Целует его в голову и уходит.)*

А с т р о в *(Телегину)*. Скажи там, Вафля, чтобы заодно кстати подавали и мне лошадей.

Т е л е г и н. Слушаю, дружок. *(Уходит.)*

Остаются только Астров и Войницкий.

А с т р о в *(убирает со стола краски и прячет их в чемодан)*. Что же ты не идешь проводить?

В о й н и ц к и й. Пусть уезжают, а я... я не могу. Мне тяжело. Надо поскорей занять себя чем-нибудь... Работать, работать! *(Роется в бумагах на столе.)*

Пауза; слышны звонки.

А с т р о в. Уехали. Профессор рад небось! Его теперь сюда и калачом не заманишь.

Марина (входит). Уехали. (Садится в кресло и вяжет чулок.)

Соня (входит). Уехали. (Утирает глаза.) Дай бог благополучно. (Дяде.) Ну, дядя Ваня, давай делать что-нибудь.

Войничкий. Работать, работать...

Соня. Давно, давно уже мы не сидели вместе за этим столом. (Зажигает на столе лампу.) Чернил, кажется, нет... (Берет чернильницу, идет к шкафу и наливает чернил.) А мне грустно, что они уехали.

Мария Васильевна (медленно входит). Уехали! (Садится и погружается в чтение.)

Соня (садится за стол и перелистывает конторскую книгу). Напишем, дядя Ваня, прежде всего счета. У нас страшно запущено. Сегодня опять присылали за счетом. Пиши. Ты пиши один счет, я — другой...

Войничкий (пишет). «Счет... господину...»

Оба пишут молча.

Марина (зевает). Баиньки захотелось...

Астров. Тишина. Перья скрипят, сверчок кричит. Тепло, уютно... Не хочется уезжать отсюда.

Слышны бубенчики.

Вот подают лошадей... Остается, стало быть, проститься с вами, друзья мои, проститься со своим столом и — айда! (Укладывает картограммы в папку.)

Марина. И чего засуетился? Сидел бы.

Астров. Нельзя.

Войничкий (пишет). «И старого долга осталось два семьдесят пять...»

Входит работник.

Работник. Михаил Львович, лошади поданы.

Астров. Слышал. (Подает ему аптечку, чемодан и папку.) Вот, возьми это. Гляди, чтобы не помять папку.

Работник. Слушаю. (Уходит.)

Астров. Ну-с... (Идет проститься.)

Соня. Когда же мы увидимся?

А с т р о в. Не раньше лета, должно быть. Зимой едва ли... Само собою, если случится что, то дайте знать — приеду. (*Пожимает руки.*) Спасибо за хлеб, за соль, за ласку... одним словом, за все. (*Идет к няне и целует ее в голову.*) Прощай, старая.

М а р и н а. Так и уедешь без чаю?

А с т р о в. Не хочу, нянька.

М а р и н а. Может, водочки выпьешь?

А с т р о в (*нерешительно*). Пожалуй...

Марина уходит.

(*После паузы.*) Моя пристяжная что-то захромала. Вчера еще заметил, когда Петрушка водил поить.

В о й н и ц к и й. Перековать надо.

А с т р о в. Придется в Рождественном заехать к кузнецу. Не миновать. (*Подходит к карте Африки и смотрит на нее.*) А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарница — страшное дело!

В о й н и ц к и й. Да, вероятно.

М а р и н а (*возвращается с подносом, на котором рюмка водки и кусочек хлеба*). Кушай.

Астров пьет водку.

На здоровье, батюшка. (*Низко кланяется.*) А ты бы хлебцем закусил.

А с т р о в. Нет, я и так... Затем всего хорошего! (*Марине.*) Не провожай меня, нянька. Не надо. (*Он уходит. Соня идет за ним со свечой, чтобы проводить его; Марина садится в свое кресло.*)

В о й н и ц к и й (*пишет*). «2-го февраля масла постного 20 фунтов... 16-го февраля опять масла постного 20 фунтов... Гречневой крупы...»

Пауза.

Слышны бубенчики.

М а р и н а. Уехал.

Пауза.

С о н я (*возвращается, ставит свечу на стол*). Уехал...

В о й н и ц к и й (*сосчитал на счетах и записывает.*) Итого... пятнадцать... двадцать пять...

Соня садится и пишет.

М а р и н а (*зевает*). Ох, грехи наши...

Т е л е г и н входит на цыпочках, садится у двери и тихо настраивает гитару.

В о й н и ц к и й (*Соне, проведя рукой по ее волосам*).
Дитя мое, как мне тяжело! О, если б ты знала, как мне тяжело!

С о н я. Что же делать, надо жить!

Пауза.

Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный, длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и бог сжалится над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем. Я верую, дядя, верую горячо, страстно... (*Становится перед ним на колени и кладет голову на его руки; утомленным голосом.*) Мы отдохнем!

Телегин тихо играет на гитаре.

Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую... (*Вытирает ему платком слезы.*) Бедный, бедный дядя Ваня, ты плачешь... (*Сквозь слезы.*) Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем... (*Обнимает его.*) Мы отдохнем!

Стучит сторож.

Телегин тихо наигрывает; Мария Васильевна пишет на полях брошюры; Марина вяжет чулок.

Мы отдохнем!

Занавес медленно опускается

ТРИ СЕСТРЫ

Драма в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Прозоров Андрей Сергеевич.

Наталья Ивановна, его невеста, потом жена.

Ольга }
Маша } его сестры.
Ирина }

Кулыгин Федор Ильич, учитель гимназии, муж Маши.

Вершинин Александр Игнатьевич, подполковник, батарейный командир.

Тузенбах Николай Львович, барон, поручик.

Соленый Василий Васильевич, штабс-капитан.

Чебутыкин Иван Романович, военный доктор.

Федотик Алексей Петрович, подпоручик.

Родэ Владимир Карлович, подпоручик.

Ферапонт, сторож из земской управы, старик.

Анфиса, нянька, старуха 80 лет.

Действие происходит в губернском городе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В доме Прозоровых. Гостиная с колоннами, за которыми виден большой зал. Полдень; на дворе солнечно, весело. В зале накрывают стол для завтрака. О л ь г а в синем форменном платье учительницы женской гимназии, все время поправляет ученические тетрадки, стоя и на ходу; М а ш а в черном платье, со шляпкой на коленях сидит и читает книжку, И р и н а в белом платье стоит задумавшись.

О л ь г а. Отец умер ровно год назад, как раз в этот день, пятого мая, в твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шел снег. Мне казалось, я не переживу, ты лежала в обмороке, как мертвая. Но вот прошел год, и мы вспоминаем об этом легко, ты уже в белом платье, лицо твое сияет.

Часы бьют двенадцать.

И тогда также били часы.

Пауза.

Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбище стреляли. Он был генерал, командовал бригадой, между тем народу шло мало. Впрочем, был дождь тогда. Сильный дождь и снег.

И р и н а. Зачем вспоминать!

За колоннами, в зале около стола показываются барон Т у з е н б а х, Ч е б у т ы к и н и С о л е н ы й.

О л ь г а. Сегодня тепло, можно окна держать настежь, а березы еще не распускались. Отец получил бригаду и выехал с нами из Москвы одиннадцать лет назад, и, я отлично помню, в начале мая, вот в эту пору, в Москве уже все в цвету, тепло, все залито солнцем. Одиннадцать лет прошло, а я помню там все, как будто выехали вчера. Боже мой! Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно.

Ч е б у т ы к и н. Черта с два!

Т у з е н б а х. Конечно, вздор.

Маша, задумавшись над книжкой, тихо насвистывает песню.

О л ь г а. Не свисти, Маша. Как это ты можешь!

Пауза.

Оттого, что я каждый день в гимназии и потом даю уроки до вечера, у меня постоянно болит голова и такие мысли, точно я уже состарилась. И в самом деле, за эти четыре года, пока служу в гимназии, я чувствую, как из меня выходят каждый день по каплям и силы и молодость. И только растет и крепнет одна мечта...

И р и н а. Уехать в Москву. Продать дом, покончить все здесь и в Москву...

О л ь г а. Да! Скорее в Москву.

Чебутыкин и Тузенбах смеются.

И р и н а. Брат, вероятно, будет профессором, он все равно не станет жить здесь. Только вот остановка за бедной Машей.

О л ь г а. Маша будет приезжать в Москву на все лето, каждый год.

Маша тихо насвистывает песню.

И р и н а. Бог даст, все устроится. (*Глядя в окно.*) Хорошая погода сегодня. Я не знаю, отчего у меня на душе так светло! Сегодня утром вспомнила, что я именинница, и вдруг почувствовала радость, и вспомнила детство, когда еще была жива мама. И какие чудные мысли волновали меня, какие мысли!

О л ь г а. Сегодня ты вся сияешь, кажешься необыкновенно красивой. И Маша тоже красива. Андрей был бы хорош, только он располнел очень, это к нему не идет. А я постарела, похудела сильно, оттого, должно быть, что сержусь в гимназии на девочек. Вот сегодня я свободна, я дома, и у меня не болит голова, я чувствую себя моложе, чем вчера. Мне двадцать восемь лет, только... Все хорошо, все от бога, но мне кажется, если бы я вышла замуж и целый день сидела дома, то это было бы лучше.

Пауза.

Я бы любила мужа.

Т у з е н б а х (*Соленому*). Такой вы вздор говорите,

надоело вас слушать. (*Входя в гостиную.*) Забыл сказать. Сегодня у вас с визитом будет наш новый батарейный командир Вершинин: (*Садится у пианино.*)

О л ь г а. Ну, что ж! Очень рада.

И р и н а. Он старый?

Т у з е н б а х. Нет, ничего. Самое большее лет сорок, сорок пять. (*Тихо наигрывает.*) По-видимому, славный малый. Не глуп — это несомненно. Только говорит много.

И р и н а. Интересный человек?

Т у з е н б а х. Да, ничего себе, только жена, теща и две девочки. Притом женат во второй раз. Он делает визиты и везде говорит, что у него жена и две девочки. И здесь скажет. Жена какая-то полоумная, с длинной девической косой, говорит одни высокопарные вещи, философствует и часто покушается на самоубийство, очевидно, чтобы насолить мужу. Я бы давно ушел от такой, но он терпит и только жалуется.

С о л е н ы й (*входя из залы в гостиную с Чебутыкиным*). Одной рукой я поднимаю только полтора пуда, а двумя пять, даже шесть пудов. Из этого я заключаю, что два человека сильнее одного не вдвое, а втрое, даже больше...

Ч е б у т ы к и н (*читает на ходу газету*). При падении волос... два золотника нафталина на полбутылки спирта... растворить и употреблять ежедневно... (*Записывает в книжку.*) Запишем-с! (*Соленому.*) Так вот, я говорю вам, пробочка втыкается в бутылочку, и сквозь нее проходит стеклянная трубочка... Потом вы берете щепоточку самых простых, обыкновеннейших квасцов...

И р и н а. Иван Романыч, милый Иван Романыч!

Ч е б у т ы к и н. Что, девочка моя, радость моя?

И р и н а. Скажите мне, отчего я сегодня так счастлива? Точно я на парусах, надо мной широкое голубое небо и носятся большие белые птицы. Отчего это? Отчего?

Ч е б у т ы к и н (*целует ей обе руки, нежно*). Птица моя белая...

И р и н а. Когда я сегодня проснулась, встала и умылась, то мне вдруг стало казаться, что для меня все

ясно на этом свете, и я знаю, как надо жить. Милый Иван Романыч, я знаю все. Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги. Как хорошо быть рабочим, который встает чуть свет и бьет на улице камни, или пастухом, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге... Боже мой, не то что человеком, лучше быть волком, лучше быть простою лошадью, только бы работать, чем молодой женщиной, которая встает в двенадцать часов дня, потом пьет в постели кофе, потом два часа одевается... о, как это ужасно! В жаркую погоду так иногда хочется пить, как мне захотелось работать. И если я не буду рано вставать и трудиться, то откажите мне в вашей дружбе, Иван Романыч.

Ч е б у т ы к и н (*нежно*). Откажу, откажу...

О л ь г а. Отец приучил нас вставать в семь часов. Теперь Ирина просыпается в семь и по крайней мере до девяти лежит и о чем-то думает. А лицо серьезное! (*Смеется.*)

И р и н а. Ты привыкла видеть меня девочкой, и тебе странно, когда у меня серьезное лицо. Мне двадцать лет!

Т у з е н б а х. Тоска по труде, о боже мой, как она мне понятна! Я не работал ни разу в жизни. Родился я в Петербурге, холодном и праздном, в семье, которая никогда не знала труда и никаких забот. Помню, когда я приезжал домой из корпуса, то лакей стаскивал с меня сапоги, я капризничал в это время, а моя мать смотрела на меня с благоговением и удивлялась, когда другие на меня смотрели иначе. Меня оберегали от труда. Только едва ли удалось оберечь, едва ли! Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь двадцать пять — тридцать лет работать будет уже каждый человек. Каждый!

Ч е б у т ы к и н. Я не буду работать.

Т у з е н б а х. Вы не в счет.

С о л е н ы й. Через двадцать пять лет вас уже не будет на свете, слава богу. Года через два-три вы умрете от

кондрашки, или я вспылю и всажу вам пулю в лоб, ангел мой. *(Вынимает из кармана флакон с духами и опрыскивает себе грудь, руки.)*

Ч е б у т ы к и н *(смеется)*. А я в самом деле никогда ничего не делал. Как вышел из университета, так не ударил пальцем о палец, даже ни одной книжки не прочел, а читал только одни газеты... *(Вынимает из кармана другую газету.)* Вот... Знаю по газетам, что был, положим, Добролюбов, а что он там писал — не знаю... Бог его знает...

Слышно, как стучат в пол из нижнего этажа.

Вот... Зовут меня вниз, кто-то ко мне пришел. Сейчас приду... погодите... *(Торопливо уходит, расчесывая бороду.)*

И р и н а. Это он что-то выдумал.

Т у з е н б а х. Да. Ушел с торжественной физиономией, очевидно принесет вам сейчас подарок.

И р и н а. Как это неприятно!

О л ь г а. Да, это ужасно. Он всегда делает глупости.

М а ш а. У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... Золотая цепь на дубе том... *(Встает и напевает тихо.)*

О л ь г а. Ты сегодня невеселая, Маша.

Маша, напевая, надевает шляпу.

Куда ты?

М а ш а. Домой.

И р и н а. Странно...

Т у з е н б а х. Уходить с именин!

М а ш а. Все равно... Приду вечером. Прощай, моя хорошая... *(Целует Ирину.)* Желаю тебе еще раз, будь здорова, будь счастлива. В прежнее время, когда был жив отец, к нам на именины приходило всякий раз по тридцать — сорок офицеров, было шумно, а сегодня только полтора человека и тихо, как в пустыне... Я уйду... Сегодня я в мерлехлюндии, невесело мне, и ты не слушай меня. *(Смеется сквозь слезы.)* После поговорим, а пока прощай, моя милая, пойду куда-нибудь.

И р и н а *(недовольная)*. Ну, какая ты...

О л ь г а *(со слезами)*. Я понимаю тебя, Маша.

С о л е н ы й. Если философствует мужчина, то это будет философистика или там софистика; если же философствует женщина или две женщины, то уж это будет — потяни меня за палец.

М а ш а. Что вы хотите этим сказать, ужасно страшный человек?

С о л е н ы й. Ничего. Он ахнуть не успел, как на него медведь напал.

Пауза.

М а ш а (*Ольге, сердито*). Не реви!

Входят А н ф и с а и Ф е р а п о н т с тортом.

А н ф и с а. Сюда, батюшка мой. Входи, ноги у тебя чистые. (*Ирине.*) Из земской управы, от Протопопова, Михаила Иваныча... Пирог.

И р и н а. Спасибо. Поблагодари. (*Принимает торт.*)

Ф е р а п о н т. Чего?

И р и н а (*громче*). Поблагодари!

О л ь г а. Нянечка, дай ему пирога. Ферапонт, иди, там тебе пирога дадут.

Ф е р а п о н т. Чего?

А н ф и с а. Пойдем, батюшка Ферапонт Спиридоныч. Пойдем... (*Уходит с Ферапонтом.*)

М а ш а. Не люблю я Протопопова, этого Михаила Потапыча или Иваныча. Его не следует приглашать.

И р и н а. Я не приглашала.

М а ш а. И прекрасно.

Входит Ч е б у т ы к и н, за ним солдат с серебряным самоваром; гул изумления и недовольства.

О л ь г а (*закрывает лицо руками*). Самовар! Это ужасно! (*Уходит в залу к столу.*)

И р и н а. Голубчик Иван Романыч, что вы делаете!

Т у з е н б а х (*смеется*). Я говорил вам.

М а ш а. Иван Романыч, у вас просто стыда нет!

Ч е б у т ы к и н. Милые мои, хорошие мои, вы у меня единственные, вы для меня самое дорогое, что только есть на свете. Мне скоро шестьдесят, я старик, одинокий, ничтожный старик... Ничего во мне нет хоро-

шего, кроме этой любви к вам, и если бы не вы, то я бы давно уже не жил на свете... (*Ирине.*) Милая, деточка моя, я знал вас со дня вашего рождения... носил на руках... я любил покойницу маму...

Ирина. Но зачем такие дорогие подарки!

Чебутыкин (*сквозь слезы, сердито*). Дорогие подарки... Ну вас совсем! (*Денщику.*) Неси самовар туда... (*Дразнит.*) Дорогие подарки...

Денщик уносит самовар в зал.

Анфиса (*проходя через гостиную*). Милые, полковник незнакомый! Уж пальто снял, деточки, сюда идет. Аринашка, ты же будь ласковая, вежливенькая... (*Уходя.*) И завтракать уже давно пора... господи...

Тузенбах. Вершинин, должно быть.

Входит *Вершинин*.

Подполковник *Вершинин*!

Вершинин (*Маше и Ирине*). Честь имею представиться: Вершинин. Очень, очень рад, что наконец я у вас. Какие вы стали! Ай! ай!

Ирина. Садитесь, пожалуйста. Нам очень приятно.

Вершинин (*взсело*). Как я рад, как я рад! Но ведь вас три сестры. Я помню — три девочки. Лиц уж не помню, но что у вашего отца, полковника Прозорова, были три маленьких девочки, я отлично помню и видел собственными глазами. Как идет время! Ой, ой, как идет время!

Тузенбах. Александр Игнатьевич из Москвы.

Ирина. Из Москвы? Вы из Москвы?

Вершинин. Да, оттуда. Ваш покойный отец был там батарейным командиром, а я в той же бригаде офицером. (*Маше.*) Вот ваше лицо немножко помню, кажется.

Маша. А я вас — нет!

Ирина. Оля! Оля! (*Кричит в залу.*) Оля, иди же!

Ольга входит из залы в гостиную.

Подполковник *Вершинин*, оказывается, из Москвы.

В е р ш и н и н. Вы, стало быть, Ольга Сергеевна, старшая... А вы Мария... А вы Ирина — младшая...

О л ь г а. Вы из Москвы?

В е р ш и н и н. Да. Учился в Москве и начал службу в Москве, долго служил там, наконец получил здесь батарею — перешел сюда, как видите. Я вас не помню собственно, помню только, что вас было три сестры. Ваш отец сохранился у меня в памяти, вот закрою глаза и вижу, как живого. Я у вас бывал в Москве...

О л ь г а. Мне казалось, я всех помню, и вдруг...

В е р ш и н и н. Меня зовут Александром Игнатьевичем...

И р и н а. Александр Игнатьевич, вы из Москвы... Вот неожиданность!

О л ь г а. Ведь мы туда переезжаем.

И р и н а. Думаем, к осени уже будем там. Наш родной город, мы родились там... На Старой Басманной улице...

Обе смеются от радости.

М а ш а. Неожиданно земляка увидели. (*Живо.*) Теперь вспомнила! Помнишь, Оля, у нас говорили: «влюбленный майор». Вы были тогда поручиком и в кого-то были влюблены, и вас все дразнили почему-то майором...

В е р ш и н и н (*смеется.*) Вот, вот... Влюбленный майор, это так...

М а ш а. У вас были тогда только усы... О, как вы постарели! (*Сквозь слезы.*) Как вы постарели!

В е р ш и н и н. Да, когда меня звали влюбленным майором, я был еще молод, был влюблен. Теперь не то.

О л ь г а. Но у вас еще ни одного седого волоса. Вы постарели, но еще не стары.

В е р ш и н и н. Однако уже сорок третий год. Вы давно из Москвы?

И р и н а. Одиннадцать лет. Ну, что ты, Маша, плачешь, чудачка... (*Сквозь слезы.*) И я заплачу...

М а ш а. Я ничего. А на какой вы улице жили?

В е р ш и н и н. На Старой Басманной.

О л ь г а. И мы там тоже...

В е р ш и н и н. Одно время я жил на Немецкой улице. С Немецкой улицы я хаживал в Красные казар-

мы. Там по пути угрюмый мост, под мостом вода шумит. Одинокому становится грустно на душе.

Пауза.

А здесь какая широкая, какая богатая река! Чудесная река!

О л ь г а. Да, но только холодно. Здесь холодно и комары...

В е р ш и н и н. Что вы! Здесь такой здоровый, хороший, славянский климат. Лес, река... и здесь тоже березы. Милые, скромные березы, я люблю их больше всех деревьев. Хорошо здесь жить. Только странно, вокзал железной дороги в двадцати верстах... И никто не знает, почему это так.

С о л е н ы й. А я знаю, почему это так.

Все глядят на него.

Потому что если бы вокзал был близко, то не был бы далеко, а если он далеко, то, значит, не близко.

Неловкое молчание.

Т у з е н б а х. Шутник, Василий Васильич.

О л ь г а. Теперь и я вспомнила вас. Помню.

В е р ш и н и н. Я вашу матушку знал.

Ч е б у т ы к и н. Хорошая была, царство ей небесное.

И р и н а. Мама в Москве погребена.

О л ь г а. В Ново-Девичьем...

М а ш а. Представьте, я уж начинаю забывать ее лицо. Так и о нас не будут помнить. Забудут.

В е р ш и н и н. Да. Забудут. Такова уж судьба наша, ничего не поделаешь. То, что кажется нам серьезным, значительным, очень важным,— придет время,— будет забыто или будет казаться неважным.

Пауза.

И интересно, мы теперь совсем не можем знать, что, собственно, будет считаться высоким, важным и что жалким, смешным. Разве открытие Коперника или, положим, Колумба не казалось в первое время ненужным, смешным, а какой-нибудь пустой вздор, написанный чудаком, не

казался истиной? И может статься, что наша теперешняя жизнь, с которой мы так миримся, будет со временем казаться странной, неудобной, неумной, недостаточно чистой, быть может, даже грешной...

Т у з е н б а х. Кто знает? А быть может, нашу жизнь назовут высокой и вспомнят о ней с уважением. Теперь нет пыток, нет казней, нашествий, но вместе с тем сколько страданий!

С о л е н ы й *(тонким голосом)*. Цип, цип, цип... Барона кашей не корми, а только дай ему пофилософствовать.

Т у з е н б а х. Василий Васильич, прошу вас оставить меня в покое... *(Садится на другое место.)* Это скучно наконец.

С о л е н ы й *(тонким голосом)*. Цип, цип, цип...

Т у з е н б а х *(Вершинину)*. Страдания, которые наблюдаются теперь,—их так много! — говорят все-таки об известном нравственном подъеме, которого уже достигло общество...

В е р ш и н и н. Да, да, конечно.

Ч е б у т ы к и н. Вы только что сказали, барон, нашу жизнь назовут высокой; но люди всё же низенькие... *(Встает.)* Глядите, какой я низенький. Это для моего утешения надо говорить, что жизнь моя высокая, понятная вещь.

За сценой игра на скрипке.

М а ш а. Это Андрей играет, наш брат.

И р и н а. Он у нас ученый. Должно быть, будет профессором. Папа был военным, а его сын избрал себе ученую карьеру.

М а ш а. По желанию папы.

О л ь г а. Мы сегодня его задразнили. Он, кажется, влюблен немножко.

И р и н а. В одну здешнюю барышню. Сегодня она будет у нас, по всей вероятности.

М а ш а. Ах, как она одевается! Не то чтобы некрасиво, не модно, а просто жалко. Какая-то странная, яркая, желтоватая юбка с этакой пошленькой бахромой и красная кофточка. И щеки такие вымытые, вымытые!

Андрей не влюблен — я не допускаю, все-таки у него вкус есть, а просто он так, дразнит нас, дурачится. Я вчера слышала, она выходит за Протопопова, председателя здешней управы. И прекрасно... *(В боковую дверь.)* Андрей, поди сюда! Милый, на минутку!

Входит Андрей.

Ольга. Это мой брат, Андрей Сергеич.

Вершинин Вершинин.

Андрей. Прозоров. *(Утирает вспотевшее лицо.)*
Вы к нам батарейным командиром?

Ольга. Можешь представить, Александр Игнатьич из Москвы.

Андрей. Да? Ну, поздравляю, теперь мои сестрицы не дадут вам покою.

Вершинин. Я уже успел надоесть вашим сестрам.

Ирина. Посмотрите, какую рамочку для портрета подарил мне сегодня Андрей! *(Показывает рамочку.)* Это он сам сделал.

Вершинин *(глядя на рамочку и не зная что сказать)*. Да... вещь...

Ирина. И вот ту рамочку, что над пианино, он тоже сделал.

Андрей машет рукой и отходит.

Ольга. Он у нас и ученый, и на скрипке играет, и выпиливает разные штучки — одним словом, мастер на все руки. Андрей, не уходи! У него манера — всегда уходить. Поди сюда!

Маша и Ирина берут его под руки и со смехом ведут назад.

Маша. Иди, иди!

Андрей. Оставьте, пожалуйста.

Маша. Какой смешной! Александра Игнатьевича называли когда-то влюбленным майором, и он нисколько не сердился.

Вершинин. Нисколько!

Маша. А я хочу тебя назвать: влюбленный скрипач!

«Три сестры». Барон Тузенбах — В. И. Качалов, Ирина —
В. В. Барановская. Московский художественный театр, 1901 г.

И р и н а. Или влюбленный профессор!..

О л ь г а. Он влюблен! Андрюша влюблен!

И р и н а (*аплодируя*). Браво, браво! Бис! Андрюшка влюблен!

Ч е б у т ы к и н (*подходит сзади к Андрею и берет его обеими руками за талию*). Для любви одной природа нас на свет произвела! (*Хохочет; он все время с газетой.*)

А н д р е й. Ну, довольно, довольно... (*Утирает лицо.*) Я всю ночь не спал и теперь немножко не в себе, как говорится. До четырех часов читал, потом лег, но ничего не вышло. Думал о том о сем, а тут ранний рассвет, солнце так и лезет в спальню. Хочу за лето, пока буду здесь, перевести одну книжку с английского.

В е р ш и н и н. А вы читаете по-английски?

А н д р е й. Да. Отец, царство ему небесное, угнетал нас воспитанием. Это смешно и глупо, но в этом все-таки надо сознаться, после его смерти я стал полнеть и вот располнел в один год, точно мое тело освободилось от гнета. Благодаря отцу я и сестры знаем французский, немецкий и английский языки, а Ирина знает еще итальянски. Но чего это стоило!

М а ш а. В этом городе знать три языка ненужная роскошь. Даже и не роскошь, а какой-то ненужный придаток, вроде шестого пальца. Мы знаем много лишнего.

В е р ш и н и н. Вот те на! (*Смеется.*) Знаете много лишнего! Мне кажется, нет и не может быть такого скучного и унылого города, в котором был бы не нужен умный, образованный человек. Допустим, что среди ста тысяч населения этого города, конечно отсталого и грубого, таких, как вы, только три. Само собою разумеется, вам не победить окружающей вас темной массы; в течение вашей жизни, мало-помалу, вы должны будете уступить и затеряться в стотысячной толпе, вас заглушит жизнь, но все же вы не исчезнете, не останетесь без влияния; таких, как вы, после вас явится уже, быть может, шесть, потом двенадцать и так далее, пока наконец такие, как вы, не станут большинством. Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать

больше, чем видели и знали его дед и отец. (*Смеется.*)
А вы жалуетесь, что знаете много лишнего.

М а ш а (*снимает шляпу*). Я остаюсь завтракать.

И р и н а (*со вздохом*). Право, все это следовало бы записать...

Андрея нет, он незаметно ушел.

Т у з е н б а х. Через много лет, вы говорите, жизнь на земле будет прекрасной, изумительной. Это правда. Но, чтобы участвовать в ней теперь, хотя издали, нужно приготавливаться к ней, нужно работать...

В е р ш и н и н (*встает*). Да. Сколько, однако, у вас цветов! (*Оглядываясь.*) И квартира чудесная. Завидую! А я всю жизнь мою болтался по квартиркам с двумя стульями, с одним диваном и с печами, которые всегда дымят. У меня в жизни не хватало именно вот таких цветов... (*Потирает руки.*) Эх! Ну, да что!

Т у з е н б а х. Да, нужно работать. Вы небось думаете: расчувствовался немец. Но я, честное слово, русский и по-немецки даже не говорю. Отец у меня православный...

Пауза.

В е р ш и н и н (*ходит по сцене*). Я часто думаю: что, если бы начать жить снова, притом сознательно? Если бы одна жизнь, которая уже прожита, была, как говорится, начерно, другая — начисто! Тогда каждый из нас, я думаю, постарался бы прежде всего не повторять самого себя, по крайней мере создал бы для себя иную обстановку жизни, устроил бы себе такую квартиру с цветами, с массой света... У меня жена, двое девочек, притом жена дама нездоровая и так далее и так далее, ну, а если бы начинать жизнь сначала, то я не женился бы... Нет, нет!

Входит К у л ы г и н в форменном фраке.

К у л ы г и н (*подходит к Ирине*). Дорогая сестра, позволь мне поздравить тебя с днем твоего ангела и пожелать искренно, от души, здоровья и всего того, что можно пожелать девушке твоих лет. И потом поднести тебе в подарок вот эту книжку. (*Подает книжку.*) История нашей гимназии за пятьдесят лет, написанная

мною. Пустяшная книжка, написана от нечего делать, но ты все-таки прочти. Здравствуйте, господа! (*Вершинину.*) Кулыгин, учитель здешней гимназии. Надворный советник. (*Ирине.*) В этой книжке ты найдешь список всех, кончивших курс в нашей гимназии за эти пятьдесят лет. Feci, quod potui, faciant meliora potentes¹. (*Целует Машу.*)

И р и н а. Но ведь на пасху ты уже подарил мне такую книжку.

К у л ы г и н (*смеется*). Не может быть! В таком случае отдай назад или вот лучше отдай полковнику. Возьмите, полковник. Когда-нибудь прочтете от скуки.

В е р ш и н и н. Благодарю вас. (*Собирается уйти.*) Я чрезвычайно рад, что познакомился...

О л ь г а. Вы уходите? Нет, нет!

И р и н а. Вы останетесь у нас завтракать. Пожалуйста.

О л ь г а. Прошу вас!

В е р ш и н и н (*кланяется*). Я, кажется, попал на именины. Простите, я не знал, не поздравил вас... (*Уходит с Ольгой в залу.*)

К у л ы г и н. Сегодня, господа, воскресный день, день отдыха, будем же отдыхать, будем веселиться каждый сообразно со своим возрастом и положением. Ковры надо будет убрать на лето и спрятать до зимы... Персидским порошком или нафталином... Римляне были здоровы, потому что умели трудиться, умели и отдыхать, у них была mens sana in corpore sano². Жизнь их текла по известным формам. Наш директор говорит: главное во всякой жизни — это ее форма... Что теряет свою форму, то кончается — и в нашей обыденной жизни то же самое. (*Берет Машу за талию, смеясь.*) Маша меня любит. Моя жена меня любит. И оконные занавески тоже туда с коврами... Сегодня я весел, в отличном настроении духа. Маша, в четыре часа сегодня мы у директора. Устраивается прогулка педагогов и их семейств.

М а ш а. Не пойду я.

К у л ы г и н (*огорченный*). Милая Маша, почему?

---

¹ Сделал, что мог, пусть, кто может, сделает лучше (*лат.*).

² В здоровом теле здоровый дух (*лат.*).

М а ш а. После об этом... (*Сердито.*) Хорошо, я пойду, только отстань, пожалуйста... (*Отходит.*)

К у л ы г и н. А затем вечер проведем у директора. Несмотря на свое болезненное состояние, этот человек старается прежде всего быть общественным. Превосходная, светлая личность. Великолепный человек. Вчера, после совета, он мне говорит: «Устал, Федор Ильич! Устал!» (*Смотрит на стенные часы, потом на свои.*) Ваши часы спешат на семь минут. Да, говорит, устал!

За сценой игра на скрипке.

О л ь г а. Господа, милости просим, пожалуйста завтракать! Пирог!

К у л ы г и н. Ах, милая моя Ольга, милая моя! Я вчера работал с утра до одиннадцати часов вечера, устал и сегодня чувствую себя счастливым. (*Уходит в залу к столу.*) Милая моя...

Ч е б у т ы к и н (*кладет газету в карман, причесывает бороду*). Пирог? Великолепно!

М а ш а (*Чебутыкину строго*). Только смотрите: ничего не пить сегодня. Слышите? Вам вредно пить.

Ч е б у т ы к и н. Эва! У меня уж прошло. Два года как запоя не было. (*Нетерпеливо.*) Э, матушка, да не все ли равно!

М а ш а. Все-таки не смейте пить. Не смейте. (*Сердито, но так, чтобы не слышал муж.*) Опять, черт подери, скучать целый вечер у директора!

Т у з е н б а х. Я бы не пошел на вашем месте... Очень просто.

Ч е б у т ы к и н. Не ходите, дуся моя.

М а ш а. Да, не ходите... Эта жизнь проклятая, невыносимая... (*Идет в залу.*)

Ч е б у т ы к и н (*идет за ней*). Ну-у!

С о л е н ы й (*проходя в залу*). Цип, цип, цип...

Т у з е н б а х. Довольно, Василий Васильич. Будет!

С о л е н ы й. Цип, цип, цип...

К у л ы г и н (*весело*). Ваше здоровье, полковник! Я педагог и здесь, в доме, свой человек, Машин муж... Она добрая, очень добрая...

В е р ш и н и н. Я выпью вот этой темной водки...
(*Пьет.*) Ваше здоровье! (*Ольге.*) Мне у вас так хорошо!..

В гостиной остаются только Ирина и Тузенбах.

И р и н а. Маша сегодня не в духе. Она вышла замуж восемнадцати лет, когда он казался ей самым умным человеком. А теперь не то. Он самый добрый, но не самый умный.

О л ь г а (*нетерпеливо*). Андрей, иди же, наконец!

А н д р е й (*за сценой*). Сейчас. (*Входит и идет к столу.*)

Т у з е н б а х. О чем вы думаете?

И р и н а. Так. Я не люблю и боюсь этого вашего Соленого. Он говорит одни глупости...

Т у з е н б а х. Станный он человек. Мне и жаль его и досадно, но больше жаль. Мне кажется, он застенчив... Когда мы вдвоем с ним, то он бывает очень умен и ласков, а в обществе он грубый человек, бреттер. Не ходите, пусть пока сядут за стол. Дайте мне побыть около вас. О чем вы думаете?

Пауза.

Вам двадцать лет, мне еще нет тридцати. Сколько лет нам осталось впереди, длинный, длинный ряд дней, полных моей любви к вам...

И р и н а. Николай Львович, не говорите мне о любви.

Т у з е н б а х (*не слушая*). У меня страстная жажда жизни, борьбы, труда, и эта жажда в душе слилась с любовью к вам, Ирина, и, как нарочно, вы прекрасны, и жизнь мне кажется такой прекрасной! О чем вы думаете?

И р и н а. Вы говорите: прекрасна жизнь. Да, но если она только кажется такой! У нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава... Текут у меня слезы. Это не нужно... (*Быстро вытирает лицо, улыбается.*) Работать нужно, работать. Оттого нам невесело и смотрим мы на жизнь так мрачно, что не знаем труда. Мы родились от людей, презиравших труд...

Н а т а л ь я И в а н о в н а входит; она в розовом платье, с зеленым поясом.

Н а т а ш а. Там уже завтракать садятся... Я опоздала... *(Мельком глядится в зеркало, поправляется.)* Кажется, причесана ничего себе... *(Увидев Ирину.)* Милая Ирина Сергеевна, поздравляю вас! *(Целует крепко и продолжительно.)* У вас много гостей, мне, право, совестно... Здравствуйте, барон!

О л ь г а *(входя в гостиную)*. Ну, вот и Наталия Ивановна. Здравствуйте, моя милая!

Целуются.

Н а т а ш а. С именинницей. У вас такое большое общество, я смущена ужасно...

О л ь г а. Полно, у нас всё свои. *(Вполголоса испуганно.)* На вас зеленый пояс! Милая, это нехорошо!

Н а т а ш а. Разве есть примета?

О л ь г а. Нет, просто не идет... и как-то странно...

Н а т а ш а *(плачушим голосом)*. Да? Но ведь это не зеленый, а скорее матовый. *(Идет за Ольгой в залу.)*

В зале садятся завтракать; в гостиной ни души.

К у л ы г и н. Желаю тебе, Ирина, жениха хорошего. Пора тебе уж выходить.

Ч е б у т ы к и н. Наталья Ивановна, и вам женишка желаю.

К у л ы г и н. У Натальи Ивановны уже есть женишок.

М а ш а *(стучит вилкой по тарелке)*. Выпью рюмочку винца! Эх ма, жизнь малиновая, где наша не пропадала!

К у л ы г и н. Ты ведешь себя на три с минусом.

В е р ш и н и н. А наливка вкусная. На чем это настоено?

С о л е н ы й. На тараканах.

И р и н а *(плачушим голосом)*. Фу! Фу! Какое отвращение!..

О л ь г а. За ужином будет жареная индейка и сладкий пирог с яблоками. Слава богу, сегодня целый день я дома, вечером — дома... Господа, вечером приходите...

В е р ш и н и н. Позвольте и мне прийти вечером!

И р и н а. Пожалуйста.

Н а т а ш а. У них попросту.

Ч е б у т ы к и н. Для любви одной природа нас на свет произвела. *(Смеется.)*

А н д р е й *(сердито)*. Перестаньте, господа! Не надоело вам.

Ф е д о т и к и Р о д э входят с большой корзиной цветов.

Ф е д о т и к. Однако уже завтракают.

Р о д э *(громко и картавя)*. Завтракают? Да, уже завтракают...

Ф е д о т и к. Погоди минутку! *(Снимает фотографию.)* Раз! Погоди еще немного... *(Снимает другую фотографию.)* Два! Теперь готово!

Берут корзину и идут в залу, где их встречают с шумом.

Р о д э *(громко)*. Поздравляю, желаю всего, всего! Погода сегодня очаровательная, одно великолепие. Сегодня все утро гулял с гимназистами. Я преподаю в гимназии гимнастику...

Ф е д о т и к. Можете двигаться, Ирина Сергеевна, можете! *(Снимая фотографию.)* Вы сегодня интересны. *(Вьнимает из кармана волчок.)* Вот, между прочим, волчок... Удивительный звук...

И р и н а. Какая прелесть!

М а ш а. У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... Золотая цепь на дубе том... *(Плаксиво.)* Ну, зачем я это говорю? Привязалась ко мне эта фраза с самого утра...

К у л ы г и н. Тринадцать за столом!

Р о д э *(громко)*. Господа, неужели вы придаете значение предрассудкам?

Смех.

К у л ы г и н. Если тринадцать за столом, то, значит, есть тут влюбленные. Уж не вы ли, Иван Романович, чего доброго...

Смех.

Ч е б у т ы к и н. Я старый грешник, а вот отчего Наталья Ивановна сконфузилась, решительно понять не могу.

Громкий смех; Наташа выбегает из залы в гостиную, за ней Андрей.

А н д р е й. Полно, не обращайтесь внимания! Погодите... стойте, прошу вас...

Н а т а ш а. Мне стыдно... Я не знаю, что со мной делается, а они поднимают меня на смех. То, что я сейчас вышла из-за стола, неприлично, но я не могу... не могу... *(Закрывает лицо руками.)*

А н д р е й. Дорогая моя, прошу вас, умоляю, не волнуйтесь. Уверяю вас, они шутят, они от доброго сердца. Дорогая моя, моя хорошая, они все добрые, сердечные люди и любят меня и вас. Идите сюда к окну, нас здесь не видно им... *(Оглядывается.)*

Н а т а ш а. Я так не привыкла бывать в обществе!..

А н д р е й. О молодость, чудная, прекрасная молодость! Моя дорогая, моя хорошая, не волнуйтесь так!.. Верьте мне, верьте... Мне так хорошо, душа полна любви, восторга... О, нас не видят! Не видят! За что, за что я полюбил вас, когда полюбил — о, ничего не понимаю. Дорогая моя, хорошая, чистая, будьте моей женой! Я вас люблю, люблю... как никого никогда...

Поцелуй.

Д в а о ф и ц е р а входят и, увидев целующуюся пару, останавливаются в изумлении.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Декорация первого акта.

Восемь часов вечера. За сценой на улице едва слышно играют на гармонике. Нет огня. Входит Наталья Ивановна в капоте, со свечой; она идет и останавливается у двери, которая ведет в комнату Андрея.

Н а т а ш а. Ты, Андрюша, что делаешь? Читаешь? Ничего, я так только... *(Идет, отворяет другую дверь и, заглянув в нее, затворяет.)* Огня нет ли...

А н д р е й *(входит с книгой в руке)*. Ты что, Наташа?

Н а т а ш а. Смотрю, огня нет ли... Теперь масленица, прислуга сама не своя, гляди да и гляди, чтоб чего

не вышло. Вчера в полночь прохожу через столовую, а там свеча горит. Кто зажег, так и не добились толку. *(Ставит свечу.)* Который час?

А н д р е й *(взглянув на часы)*. Девятого четверть.

Н а т а ш а. А Ольги и Ирины до сих пор еще нет. Не пришли. Все трудятся, бедняжки. Ольга на педагогическом совете, Ирина на телеграфе... *(Вздыхает.)* Сегодня утром говорю твоей сестре: «Побереги, говорю, себя, Ирина, голубчик». И не слушает. Четверть девятого, говоришь? Я боюсь, Бобик наш совсем нездоров. Отчего он холодный такой? Вчера у него был жар, а сегодня холодный весь... Я так боюсь!

А н д р е й. Ничего, Наташа. Мальчик здоров.

Н а т а ш а. Но все-таки лучше пускай диета. Я боюсь. И сегодня в десятом часу, говорили, ряженные у нас будут, лучше бы они не приходили, Андрюша.

А н д р е й. Право, я не знаю. Их ведь звали.

Н а т а ш а. Сегодня мальчишечка проснулся утром и глядит на меня, и вдруг улыбнулся: значит, узнал. «Бобик, говорю, здравствуй! Здравствуй, милый!» А он смеется. Дети понимают, отлично понимают. Так, значит, Андрюша, я скажу, чтобы ряженных не принимали.

А н д р е й *(нерешительно)*. Да ведь это как сестры. Они тут хозяйки.

Н а т а ш а. И они тоже, я им скажу. Они добрые... *(Идет.)* К ужину я велела простокваши. Доктор говорит, тебе нужно одну простоквашу есть, иначе не похудеешь. *(Остановливается.)* Бобик холодный. Я боюсь, ему холодно в его комнате, пожалуй. Надо бы хоть где теплой погоды поместить его в другой комнате. Например, у Ирины комната как раз для ребенка: и сухо, и целый день солнце. Надо ей сказать, она пока может с Ольгой в одной комнате... Все равно днем дома не бывает, только ночует...

Пауза.

Андрюшанчик, отчего ты молчишь?

А н д р е й. Так, задумался... Да и нечего говорить...

Н а т а ш а. Да... что-то я хотела тебе сказать... Ах,

да, там из управы Ферапонт пришел, тебя спрашивает.

А н д р е й *(зевает)*. Позови его.

Наташа уходит; Андрей, нагнувшись к забытой ею свече, читает книгу. Входит Ф е р а п о н т; он в старом трепаном пальто, с поднятым воротником, уши повязаны.

Здравствуй, душа моя. Что скажешь?

Ф е р а п о н т. Председатель прислал книжку и бумагу какую-то. Вот... *(Подает книгу и пакет.)*

А н д р е й. Спасибо. Хорошо. Отчего же ты пришел так не рано? Ведь девятый час уже.

Ф е р а п о н т. Чего?

А н д р е й *(громче)*. Я говорю, поздно пришел, уже девятый час.

Ф е р а п о н т. Так точно. Я пришел к вам, еще светло было, да не пускали все. Барин, говорят, занят. Ну, что ж. Занят так занят, спешить мне некуда. *(Думая, что Андрей спрашивает его о чем-то.)* Чего?

А н д р е й. Ничего. *(Рассматривая книгу.)* Завтра пятница, у нас нет присутствия, но я все равно приду... займись. Дома скучно...

Пауза.

Милый дед, как странно меняется, как обманывает жизнь! Сегодня от скуки, от нечего делать, я взял в руки вот эту книгу — старые университетские лекции, и мне стало смешно... Боже мой, я секретарь земской управы, той управы, где председательствует Протопопов, я секретарь, и самое большее, на что я могу надеяться, — это быть членом земской управы! Мне быть членом здешней земской управы, мне, которому снится каждую ночь, что я профессор Московского университета, знаменитый ученый, которым гордится русская земля!

Ф е р а п о н т. Не могу знать.. Слышу-то плохо...

А н д р е й. Если бы ты слышал как следует, то я, быть может, и не говорил бы с тобой. Мне нужно говорить с кем-нибудь, а жена меня не понимает, сестер я боюсь почему-то, боюсь, что они засмеют меня, застыдят... Я не пью, трактиров не люблю, но с каким удо-

вольствием я посидел бы теперь в Москве у Тестова или в Большом Московском, голубчик мой.

Ф е р а п о н т. А в Москве, в управе давеча рассказывал подрядчик, какие-то купцы ели блины; один, который съел сорок блинов, будто помер. Не то сорок, не то пятьдесят. Не упомяну.

А н д р е й. Сидишь в Москве, в громадной зале ресторана, никого не знаешь, и тебя никто не знает, и в то же время не чувствуешь себя чужим. А здесь ты всех знаешь и тебя все знают, но чужой, чужой... Чужой и одинокий.

Ф е р а п о н т. Чего?

Пауза.

И тот же подрядчик сказывал — может, и врет, — будто поперек всей Москвы канат протянут.

А н д р е й. Для чего?

Ф е р а п о н т. Не могу знать. Подрядчик говорил.

А н д р е й. Чепуха. *(Читает книгу.)* Ты был когда-нибудь в Москве?

Ф е р а п о н т *(после паузы)*. Не был. Не привел бог.

Пауза.

Мне идти?

А н д р е й. Можешь идти. Будь здоров.

Ферапонт уходит.

Будь здоров. *(Читая.)* Завтра утром придешь, возьмешь тут бумаги... Ступай...

Пауза.

Он ушел.

Звонок.

Да, дела... *(Потягивается и не спеша уходит к себе.)*

За сценой поет нянька, укачивая ребенка. Входят М а ш а и В е р ш и н и н. Пока они беседуют, горничная зажигает лампу и свечи.

М а ш а. Не знаю.

Пауза.

Не знаю. Конечно, много значит привычка. После смерти отца, например, мы долго не могли привыкнуть к тому, что у нас уже нет денщиков. Но и помимо привычки, мне кажется, говорит во мне просто справедливость. Может быть, в других местах и не так, но в нашем городе самые порядочные, самые благородные и воспитанные люди — это военные.

В е р ш и н и н. Мне пить хочется. Я бы выпил чаю.

М а ш а (*взглянув на часы*). Скоро дадут. Меня выдали замуж, когда мне было восемнадцать лет, и я своего мужа боялась, потому что он был учителем, а я тогда едва кончила курс. Он казался мне тогда ужасно ученым, умным и важным. А теперь уж не то, к сожалению.

В е р ш и н и н. Так... да.

М а ш а. Про мужа я не говорю, к нему я привыкла, но между штатскими вообще так много людей грубых, нелюбезных, невоспитанных. Меня волнует, оскорбляет грубость, я страдаю, когда вижу, что человек недостаточно тонок, недостаточно мягок, любезен. Когда мне случается быть среди учителей, товарищей мужа, то я просто страдаю.

В е р ш и н и н. Да-с... Но мне кажется, все равно что штатский, что военный, одинаково неинтересно, по крайней мере в этом городе. Все равно! Если послушать здешнего интеллигента, штатского или военного, то с женой он замучился, с домом замучился, с имением замучился, с лошадьми замучился... Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко? Почему?

М а ш а. Почему?

В е р ш и н и н. Почему он с детьми замучился, с женой замучился? А почему жена и дети с ним замучились?

М а ш а. Вы сегодня немножко не в духе.

В е р ш и н и н. Может быть. Я сегодня не обедал, ничего не ел с утра. У меня дочь больна немножко, а когда болеют мои девочки, то мною овладевает тревога, меня мучает совесть за то, что у них такая мать. О, если бы вы видели ее сегодня! Что за ничтожество! Мы на-

чали браниться с семи часов утра, а в девять я хлопнул дверью и ушел.

Пауза.

Я никогда не говорю об этом, и странно, жалею только вам одной. (*Целует руку.*) Не сердитесь на меня. Кроме вас одной, у меня нет никого, никого...

Пауза.

М а ш а. Какой шум в печке. У нас незадолго до смерти отца гудело в трубе. Вот точно так.

В е р ш и н и н. Вы с предрассудками?

М а ш а. Да.

В е р ш и н и н. Странно это. (*Целует руку.*) Вы великолепная, чудная женщина. Великолепная, чудная! Здесь темно, но я вижу блеск ваших глаз.

М а ш а (*садится на другой стул*). Здесь светлей...

В е р ш и н и н. Я люблю, люблю, люблю... Люблю ваши глаза, ваши движения, которые мне снятся... Великолепная, чудная женщина!

М а ш а (*тихо смеясь*). Когда вы говорите со мной так, то я почему-то смеюсь, хотя мне страшно. Не повторяйте, прошу вас... (*Вполголоса.*) А впрочем, говорите, мне все равно... (*Закрывает лицо руками.*) Мне все равно. Сюда идут, говорите о чем-нибудь другом...

И р и н а и Т у з е н б а х входят через залу.

Т у з е н б а х. У меня тройная фамилия. Меня зовут барон Тузенбах-Кроне-Альтшауер, но я русский, православный, как вы. Немецкого у меня осталось мало, разве только терпеливость, упрямство, с каким я надоедаю вам. Я провожаю вас каждый вечер.

И р и н а. Как я устала!

Т у з е н б а х. И каждый день буду приходить на телеграф и провожать вас домой, буду десять—двадцать лет, пока вы не прогоните... (*Увидев Машу и Вершинина, радостно.*) Это вы? Здравствуйте.

И р и н а. Вот я и дома наконец. (*Маше.*) Сейчас приходит одна дама, телеграфирует своему брату в Саратов, что у ней сегодня сын умер, и никак не может вспомнить адреса. Так и послала без адреса, просто в

Саратов. Плачет. И я ей нагрубила ни с того, ни с сего. «Мне, говорю, некогда». Так глупо вышло. Сегодня у нас ряженые?

М а ш а. Да.

И р и н а (*садится в кресло*). Отдохнуть. Устала.

Т у з е н б а х (*с улыбкой*). Когда вы приходите с должности, то кажется такой молоденькой, несчастенькой...

Пауза.

И р и н а. Устала. Нет, не люблю я телеграфа, не люблю.

М а ш а. Ты похудела... (*Насвистывает.*) И помолодела и на мальчишку стала похожа лицом.

Т у з е н б а х. Это от прически.

И р и н а. Надо поискать другую должность, а эта не по мне. Чего я так хотела, о чем мечтала, того-то в ней именно и нет. Труд без поэзии, без мыслей...

Стук в пол.

Доктор стучит. (*Тузенбаху.*) Милый, постучите... Я не могу... устала...

Тузенбах стучит в пол.

Сейчас придет. Надо бы принять какие-нибудь меры. Вчера доктор и наш Андрей были в клубе и опять проигрались. Говорят, Андрей двести рублей проиграл.

М а ш а (*равнодушно*). Что ж теперь делать!

И р и н а. Две недели назад проиграл, в декабре проиграл. Скорее бы все проиграл, быть может, уехали бы из этого города. Господи боже мой, мне Москва снится каждую ночь, я совсем как помешанная. (*Смеется.*) Мы переезжаем туда в июне, а до июня осталось еще... февраль, март, апрель, май.. почти полгода!

М а ш а. Надо только, чтобы Наташа не узнала как-нибудь о проигрыше.

И р и н а. Ей, я думаю, все равно.

Ч е б у т ы к и н, только что вставший с постели,— он отдыхал после обеда,— входит в залу и причесывает бороду, потом садится за стол и вынимает из кармана газеты.

М а ш а. Вот пришел... Он заплатил за квартиру?

Ирина (*смеется*). Нет. За восемь месяцев ни копейки. Очевидно, забыл.

Маша (*смеется*). Как он важно сидит!

Все смеются; пауза.

Ирина. Что вы молчите, Александр Игнатьич? Вершинин. Не знаю. Чаю хочется. Полжизни за стакан чаю! С утра ничего не ел...

Чебутыкин. Ирина Сергеевна!

Ирина. Что вам?

Чебутыкин. Пожалуйста сюда. Venez ici ¹.

Ирина идет и садится за стол.

Я без вас не могу.

Ирина раскладывает пасьянс.

Вершинин. Что ж? Если не дают чаю, то давайте хоть пофилософствуем.

Тузенбах. Давайте. О чем?

Вершинин. О чем? Давайте помечтаем... например, о той жизни, которая будет после нас, лет через двести — триста.

Тузенбах. Что ж? После нас будут летать на воздушных шарах, изменятся пиджаки, откроют, быть может, шестое чувство и разовьют его, но жизнь останется все та же, жизнь трудная, полная тайн и счастливая. И через тысячу лет человек будет так же вздыхать: «ах, тяжело жить!» — вместе с тем точно так же, как теперь, он будет бояться и не хотеть смерти.

Вершинин (*подумав*). Как вам сказать? Мне кажется, все на земле должно измениться мало-помалу и уже меняется на наших глазах. Через двести — триста, наконец тысячу лет, — дело не в сроке, — настанет новая счастливая жизнь. Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно, но мы для нее живем теперь, работаем, ну, страдаем, мы творим ее — и в этом одном цель нашего бытия и, если хотите, наше счастье.

Маша тихо смеется.

---

¹ Идите сюда (*франц.*).

Т у з е н б а х. Что вы?

М а ш а. Не знаю. Сегодня весь день смеюсь с утра.

В е р ш и н и н. Я кончил там же, где и вы, в академии я не был; читаю я много, но выбирать книг не умею и читаю, быть может, совсем не то, что нужно, а между тем, чем больше живу, тем больше хочу знать. Мои волосы седеют, я почти старик уже, но знаю мало, ах, как мало! Но все же, мне кажется, самое главное и настоящее я знаю, крепко знаю. И как бы мне хотелось доказать вам, что счастья нет, не должно быть и не будет для нас... Мы должны только работать и работать, а счастье — это удел наших далеких потомков.

Пауза.

Не я, то хоть потомки потомков моих.

Ф е д о т и к и Р о д э показываются в зале; они садятся и напевают тихо, наигрывая на гитаре.

Т у з е н б а х. По-вашему, даже не мечтать о счастье! Но если я счастлив!

В е р ш и н и н. Нет.

Т у з е н б а х (*всплеснув руками и смеясь.*) Очевидно, мы не понимаем друг друга. Ну, как мне убедить вас?

Маша тихо смеется.

(*Показывая ей палец.*) Смейтесь! (*Вершинину.*) Не то что через двести или триста, но и через миллион лет жизнь останется такою же, как и была; она не меняется, остается постоянною, следуя своим собственным законам, до которых вам нет дела или по крайней мере которых вы никогда не узнаете. Перелетные птицы, журавли, например, летят и летят, и какие бы мысли, высокие или малые, ни бродили в их головах, все же будут лететь и не знать, зачем и куда. Они летят и будут лететь, какие бы философы ни завелись среди них; и пускай философствуют как хотят, лишь бы летели...

М а ш а. Все-таки смысл?

Т у з е н б а х. Смысл... Вот снег идет. Какой смысл?

Пауза.

М а ш а. Мне кажется, человек должен быть верующим или должен искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста... Жить и не знать, для чего журавли летят, для чего дети рождаются, для чего звезды на небе... Или знать, для чего живешь, или же все пустяки, тринтрава.

Пауза.

В е р ш и н и н. Все-таки жалко, что молодость прошла...

М а ш а. У Гоголя сказано: скучно жить на этом свете, господа!

Т у з е н б а х. А я скажу: трудно с вами спорить, господа! Ну вас совсем...

Ч е б у т ы к и н (*читая газету*). Бальзак венчался в Бердичеве.

Ирина напевает тихо.

Даже запишу себе это в книжку. (*Записывает.*) Бальзак венчался в Бердичеве. (*Читает газету.*)

И р и н а (*раскладывает пасьянс, задумчиво*). Бальзак венчался в Бердичеве.

Т у з е н б а х. Жребий брошен. Вы знаете, Мария Сергеевна, я подал в отставку.

М а ш а. Слышала. И ничего я не вижу в этом хорошего. Не люблю я штатских.

Т у з е н б а х. Все равно... (*Встает.*) Я некрасив, какой я военный? Ну, да все равно, впрочем... Буду работать. Хоть один день в моей жизни поработать так, чтобы прийти вечером домой, в утомлении повалиться в постель и уснуть тотчас же. (*Уходя в залу.*) Рабочие, должно быть, спят крепко!

Ф е д о т и к (*Ирине*). Сейчас на Московской у Пыжикова купил для вас цветных карандашей. И вот этот ножичек...

И р и н а. Вы привыкли обращаться со мной, как с маленькой, но ведь я уже выросла... (*Берет карандаши и ножичек, радостно.*) Какая прелесть!

Ф е д о т и к. А для себя я купил ножик... вот поглядите... нож, еще другой нож, третий, это в ушахковырять, это ножнички, это ногти чистить...

Родэ (громко). Доктор, сколько вам лет?
Чебутыкин. Мне? Тридцать два.

Смех.

Федотик. Я сейчас покажу вам другой пасьянс...
(Раскладывает пасьянс.)

Подают самовар; Анфиса около самовара; немного погода приходит Наташа и тоже суетится около стола, приходит Солёный и, поздоровавшись, садится за стол.

Вершинин. Однако какой ветер!

Маша. Да. Надоела зима. Я уже и забыла, какое лето.

Ирина. Выйдет пасьянс, я вижу. Будем в Москве.

Федотик. Нет, не выйдет. Видите, осьмерка легла на двойку пик. (Смеется.) Значит, вы не будете в Москве.

Чебутыкин (читает газету). Цицикар. Здесь свирепствует оспа.

Анфиса (подходя к Маше). Маша, чай кушать, матушка. (Вершинину.) Пожалуйста, ваше высокоблагородие... простите, батюшка, забыла имя, отчество...

Маша. Принеси сюда, няня. Туда не пойду.

Ирина. Няня!

Анфиса. Иду-у!

Наташа (Соленому). Грудные дети прекрасно понимают. «Здравствуй, говорю, Бобик. Здравствуй, милый!» Он взглянул на меня как-то особенно. Вы думаете, во мне говорит только мать, но нет, нет, уверяю вас! Это необыкновенный ребенок.

Солёный. Если бы этот ребенок был мой, то я изжарил бы его на сковородке и съел бы. (Идет со стаканом в гостиную и садится в угол.)

Наташа (закрыв лицо руками). Грубый, невоспитанный человек!

Маша. Счастлив тот, кто не замечает, лето теперь или зима. Мне кажется, если бы я была в Москве, то относилась бы равнодушно к погоде...

Вершинин. На днях я читал дневник одного французского министра, писанный в тюрьме. Министр был осужден за Панаму. С каким упоением, восторгом упоминает он о птицах, которых видит в тюремном окне

и которых не замечал раньше, когда был министром. Теперь, конечно, когда он выпущен на свободу, он уже по-прежнему не замечает птиц. Так же и вы не будете замечать Москвы, когда будете жить в ней. Счастья у нас нет и не бывает, мы только желаем его.

Т у з е н б а х (*берет со стола коробку*). Где же конфеты?

И р и н а. Соленый съел.

Т у з е н б а х. Все?

А н ф и с а (*подавая чай*). Вам письмо, батюшка.

В е р ш и н и н. Мне? (*Берет письмо.*) От дочери. (*Читает.*) Да, конечно... Я, извините, Мария Сергеевна, уйду потихоньку. Чаю не буду пить. (*Встает, взволнованный.*) Вечно эти истории...

М а ш а. Что такое? Не секрет?

В е р ш и н и н (*тихо*). Жена опять отравилась. Надо идти. Я пройду незаметно. Ужасно неприятно все это. (*Целует Маше руку.*) Милая моя, славная, хорошая женщина... Я здесь пройду потихоньку... (*Уходит.*)

А н ф и с а. Куда ж он? А я чай подала.... Экой какой.

М а ш а (*рассердившись*). Отстань! Пристаешь тут, покоя от тебя нет... (*Идет с чашкой к столу.*) Надоела ты мне, старая!

А н ф и с а. Что ж ты обижаешься? Милая!

Голос Андрея: «Анфиса!»

(*Дразнит.*) Анфиса! Сидит там... (*Уходит.*)

М а ш а (*в зале у стола, сердито*). Дайте же мне сесть! (*Мешает на столе карты.*) Расселись тут с картами. Пейте чай!

И р и н а. Ты, Машка, злая.

М а ш а. Раз я злая, не говорите со мной. Не трогайте меня!

Ч е б у т ы к и н (*смеясь*). Не трогайте ее, не трогайте...

М а ш а. Вам шестьдесят лет, а вы, как мальчишка, всегда городите черт знает что.

Н а т а ш а (*вздыхает*). Милая Маша, к чему употреблять в разговоре такие выражения? При твоей прекрасной наружности в приличном светском обществе

ты, я тебе прямо скажу, была бы просто очаровательна, если бы не эти твои слова. Je vous prie pardonnez moi, Marie, mais vous avez des manières un peu grossières ¹.

Т у з е н б а х (*сдерживая смех*). Дайте мне... дайте мне... Там, кажется, коньяк...

Н а т а ш а. Il paraît, que mon Бобик déjà ne dort pas ², проснулся. Он у меня сегодня нездоров. Я пойду к нему, простите.... (*Уходит.*)

И р и н а. А куда ушел Александр Игнатьич?

М а ш а. Домой. У него опять с женой что-то необычайное.

Т у з е н б а х (*идет к Соленому, в руках графинчик с коньяком*). Все вы сидите один, о чем-то думаете — и не поймешь о чем. Ну, давайте мириться. Давайте выпьем коньяку.

Пьют.

Сегодня мне придется играть на пианино всю ночь, вероятно, играть всякий вздор... Куда ни шло!

С о л е н ы й. Почему мириться? Я с вами не ссорился.

Т у з е н б а х. Всегда вы возбуждаете такое чувство, как будто между нами что-то произошло. У вас характер странный, надо сознаться.

С о л е н ы й (*декламируя*). Я странен, не странен кто ж! Не сердись, Алеко!

Т у з е н б а х. И при чем тут Алеко...

Пауза.

С о л е н ы й. Когда я вдвоем с кем-нибудь, то ничего, я как все, но в обществе я уныл, застенчив и... говорю всякий вздор. Но все-таки я честнее и благороднее очень, очень многих. И могу это доказать.

Т у з е н б а х. Я часто сержусь на вас, вы постоянно придираетесь ко мне, когда мы бываем в обществе, но все же вы мне симпатичны почему-то. Куда ни шло, напьюсь сегодня. Выпьем!

С о л е н ы й. Выпьем.

Пьют.

---

¹ Прошу извинить меня, Мари, но у вас несколько грубые манеры (*франц.*).

² Кажется, мой Бобик уже не спит (*франц.*).

Я против вас, барон, никогда ничего не имел. Но у меня характер Лермонтова. *(Тихо.)* Я даже немножко похож на Лермонтова... как говорят... *(Достает из кармана флакон с духами и льет на руки.)*

Т у з е н б а х. Подаю в отставку. Баста! Пять лет все раздумывал и наконец решил. Буду работать.

С о л е н ы й *(декламируя)*. Не сердись, Алско... Забудь, забудь мечтания свои...

Пока они говорят, А н д р е й входит с книгой тихо и садится у свечи.

Т у з е н б а х. Буду работать....

Ч е б у т ы к и н *(идя в гостиную с Ириной)*. И угощение было тоже настоящее кавказское: суп с луком, а на жаркое — чехартма, мясное.

С о л е н ы й. Черемша вовсе не мясо, а растение вроде нашего лука.

Ч е б у т ы к и н. Нет-с, ангел мой. Чехартма не лук, а жаркое из баранины.

С о л е н ы й. А я вам говорю, черемша — лук.

Ч е б у т ы к и н. А я вам говорю, чехартма — баранина.

С о л е н ы й. Я вам говорю, черемша — лук.

Ч е б у т ы к и н. Что же я буду с вами спорить. Вы никогда не были на Кавказе и не ели чехартмы.

С о л е н ы й. Не ел, потому что терпеть не могу. От черемши такой же запах, как от чеснока.

А н д р е й *(умоляюще)*. Довольно, господа! Прошу вас!

Т у з е н б а х. Когда придут ряженные?

И р и н а. Обещали к девяти; значит, сейчас.

Т у з е н б а х *(обнимает Андрея)*. Ах вы, сени, мои сени, сени новые мои...

А н д р е й *(пляшет и поет)*. Сени новые, кленовые...

Ч е б у т ы к и н *(пляшет)*. Решетчатые!

Смех.

Т у з е н б а х *(целует Андрея)*. Черт возьми, давайте выпьем, Андрюша, давайте выпьем на «ты». И я с тобой, Андрюша, в Москву, в университет.

С о л е н ы й. В какой? В Москве два университета.
А н д р е й. В Москве один университет.
С о л е н ы й. А я вам говорю — два.
А н д р е й. Пускай хоть три. Тем лучше.
С о л е н ы й. В Москве два университета!

Ропот и шиканье.

В Москве два университета: старый и новый. А если вам неуютно слушать, если мои слова раздражают вас, то я могу не говорить. Я даже могу уйти в другую комнату... *(Уходит в одну из дверей.)*

Т у з е н б а х. Bravo, bravo! *(Смеется.)* Господа, начинайте, я сажусь играть! Смешной этот Соленый... *(Садится за пианино, играет вальс.)*

М а ш а *(танцует вальс одна)*. Барон пьян, барон пьян, барон пьян!

Входит Н а т а ш а.

Н а т а ш а *(Чебутыкину)*. Иван Романыч! *(Говорит о чем-то Чебутыкину, потом тихо уходит.)*

Чебутыкин трогает Тузенбаха за плечо и шепчет ему о чем-то.

И р и н а. Что такое?

Ч е б у т ы к и н. Нам пора уходить. Будьте здоровы.

Т у з е н б а х. Спокойной ночи. Пора уходить.

И р и н а. Позвольте... А ряженые?..

А н д р е й *(сконфуженный)*. Ряженных не будет. Видишь ли, моя милая, Наташа говорит, что Бобик не совсем здоров, и потому... Одним словом, я не знаю, мне решительно все равно.

И р и н а *(пожимая плечами)*. Бобик нездоров!

М а ш а. Где наша не пропадала! Гонят, стало быть, надо уходить. *(Ирине.)* Не Бобик болен, а она сама... Вот! *(Стучит пальцем по лбу.)* Мещанка!

Андрей уходит в правую дверь к себе, Чебутыкин идет за в зале прощаются.

Ф е д о т и к. Какая жалость! Я рассчитывал провести вечерок, но если болен ребеночек, то, конечно... Я завтра принесу ему игрушек...

Р о д э (*громко*). Я сегодня нарочно выспался после обеда, думал, что всю ночь буду танцевать. Ведь теперь только девять часов!

М а ш а. Выйдем на улицу, там потолкуем. Решим, что и как.

Слышно: «Прощайте! Будьте здоровы!» Слышен веселый смех Тузенбаха. Все уходит. Анфиса и горничная убирают со стола, тушат огни. Слышно, как поет нянька. А н д р е й в пальто и шляпе и Ч е б у т ы к и н тихо входят.

Ч е б у т ы к и н. Жениться я не успел, потому что жизнь промелькнула, как молния, да и потому, что безумно любил твою матушку, которая была замужем...

А н д р е й. Жениться не нужно. Не нужно, потому что скучно.

Ч е б у т ы к и н. Так-то оно так, да одиночество. Как там ни философствуй, а одиночество страшная штука, голубчик мой... Хотя, в сущности... конечно, решительно все равно!

А н д р е й. Пойдемте скорей.

Ч е б у т ы к и н. Что же спешить? Успеем.

А н д р е й. Я боюсь, жена бы не остановила.

Ч е б у т ы к и н. А!

А н д р е й. Сегодня я играть не стану, только так посижу. Нездоровится... Что мне делать, Иван Романыч, от одышки?

Ч е б у т ы к и н. Что спрашивать! Не помню, голубчик. Не знаю.

А н д р е й. Пройдем кухней.

Звонок, потом опять звонок: слышны голоса, смех.
Уходят.

И р и н а (*входит*). Что там?

А н ф и с а (*шепотом*). Ряженые!

Звонок.

И р и н а. Скажи, нянечка, дома нет никого. Пусть извинят.

Анфиса уходит. Ирина в раздумье ходит по комнате; она взволнована. Входит С о л е н ы й.

Соленый (в недоумении). Никого нет... А где же все?

Ирина. Ушли домой.

Соленый. Странно. Вы одни тут?

Ирина. Одна.

Пауза.

Прощайте.

Соленый. Давеча я вел себя недостаточно сдержанно, нетактично. Но вы не такая, как все, вы высоки и чисты, вам видна правда... Только вы одна можете понять меня. Я люблю, глубоко, бесконечно люблю...

Ирина. Прощайте! Уходите.

Соленый. Я не могу жить без вас. (Идя за ней.) О мое блаженство! (Сквозь слезы.) О счастье! Роскошные, чудные, изумительные глаза, каких я не видел ни у одной женщины...

Ирина (холодно). Перестаньте, Василий Васильич!

Соленый. Первый раз я говорю о любви к вам, и точно я не на земле, а на другой планете. (Трет себе лоб.) Ну, да все равно. Насильно мил не будешь, конечно... Но счастливых соперников у меня не должно быть... Не должно... Клянусь вам всем святым, соперника я убью... О чудная!

Наташа проходит со свечой.

Наташа (заглядывает в одну дверь, в другую и проходит мимо двери, ведущей в комнату мужа). Тут Андрей. Пусть читает. Вы простите, Василий Васильич, я не знала, что вы здесь, я по-домашнему...

Соленый. Мне все равно. Прощайте! (Уходит.)

Наташа. А ты устала, милая, бедная моя девочка! (Целует Ирину.) Ложилась бы спать пораньше.

Ирина. Бобик спит?

Наташа. Спит. Но беспокойно спит. Кстати, милая, я хотела тебе сказать, да все то тебя нет, то мне некогда... Бобику в теперешней детской, мне кажется, холодно и сыро. А твоя комната такая хорошая для ребенка. Милая, родная, переберись пока к Оле!

Ирина (не понимая). Куда?

Слышно, к дому подъезжает тройка с бубенчиками.

Н а т а ш а. Ты с Олей будешь в одной комнате, пока что, а твою комнату Бобику. Он такой милашка, сегодня я говорю ему: «Бобик, ты мой! Мой!» А он на меня смотрит своими глазеночками.

Звонок.

Должно быть, Ольга. Как она поздно!

Г о р н и ч н а я подходит к Наташе и шепчет ей на ухо.

Н а т а ш а. Протопопов? Какой чудак. Приехал Протопопов, зовет меня покататься с ним на тройке. (Смеется.) Какие странные эти мужчины...

Звонок.

Кто-то там пришел. Поехать разве на четверть часика прокатиться... (Горничной.) Скажи, сейчас.

Звонок.

Звонят... там Ольга, должно быть.... (Уходит.)

Горничная убегает; Ирина сидит задумавшись; входят Кулыгин, Ольга, за ними Вершинин.

К у л ы г и н. Вот тебе и раз. А говорили, что у них будет вечер.

В е р ш и н и н. Странно, я ушел недавно, полчаса назад, и ждали ряженных...

И р и н а. Все ушли.

К у л ы г и н. И Маша ушла? Куда она ушла? А зачем Протопопов внизу ждет на тройке? Кого он ждет?

И р и н а. Не задавайте вопросов... Я устала.

К у л ы г и н. Ну, капризница...

О л ь г а. Совет только что кончился. Я замучилась. Наша начальница больна, теперь я вместо нее. Голова, голова болит, голова... (Садится.) Андрей проиграл вчера в карты двести рублей... Весь город говорит об этом...

К у л ы г и н. Да, и я устал на совете. (Садится.)

В е р ш и н и н. Жена моя сейчас вздумала поугагать меня, едва не отравилась. Все обошлось, и я рад, отдыхаю теперь... Стало быть, надо уходить? Что ж, позвольте пожелать всего хорошего. Федор Ильич, по-

едемте со мной куда-нибудь! Я дома не могу оставаться, совсем не могу... Поедемте!

К у л ы г и н. Устал. Не поеду. (*Встает.*) Устал. Жена домой пошла?

И р и н а. Должно быть.

К у л ы г и н (*целует Ирине руку*). Прощай. Завтра и послезавтра целый день отдыхать. Всего хорошего! (*Идет.*) Чаю очень хочется. Рассчитывал провести вечер в приятном обществе и — о, fallасет hominum spem! ¹ Винительный падеж при восклицании...

В е р ш и н и н. Значит, один поеду. (*Уходит с Кулыгиным посвистывая.*)

О л ь г а. Голова болит, голова... Андрей проиграл... весь город говорит... Пойду лягу. (*Идет.*) Завтра я свободна... О боже мой, как это приятно! Завтра свободна, послезавтра свободна... Голова болит, голова... (*Уходит.*)

И р и н а (*одна*). Все ушли. Никого нет.

На улице гармоника, нянька поет песню.

Н а т а ш а (*в шубе и шапке идет через залу; за ней горничная*). Через полчаса я буду дома. Только проедусь немножко. (*Уходит.*)

И р и н а (*оставишись одна, тоскует*). В Москву! В Москву! В Москву!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната Ольги и Ирины. Налево и направо постели, загороженные ширмами. Третий час ночи. За сценой бьют в набат по случаю пожара, начавшегося уже давно. Видно, что в доме еще не ложились спать. На диване лежит М а ш а, одетая, как обыкновенно, в черное платье. Входят О л ь г а и А н ф и с а.

А н ф и с а. Сидят теперь внизу под лестницей... Я говорю — «пожалуйста наверх, нешто, говорю, можно так», — плачут. «Папаша, говорят, не знаем где. Не дай

¹ о, призрачная надежда людская! (*лат.*)

бог, говорят, сгорел». Выдумали! И на дворе какие-то... тоже раздетые.

О л ь г а (*вынимает из шкафа платье*). Вот это серенькое возьми... И вот это... кофточку тоже... И эту юбку бери, нянечка... Что же это такое, боже мой! Кирсановский переулочек весь сгорел, очевидно... Это возьми... Это возьми... (*Кидает ей на руки платье.*) Вершинины, бедные, напугались... Их дом едва не сгорел. Пусть у нас переночуют... домой их нельзя пускать... У бедного Федотика все сгорело, ничего не осталось...

А н ф и с а. Ферапонта позвала бы, Олюшка, а то не донесу...

О л ь г а (*звонит*). Не дозвонишься... (*В дверь.*) Подите сюда, кто там есть!

В открытую дверь видно окно, красное от зарева; слышно, как мимо дома проезжает пожарная команда.

Какой это ужас! И как надоело!

Входит Ф е р а п о н т.

Вот возьми снеси вниз... Там под лестницей стоят барышни Колотилины... отдай им. И это отдай...

Ф е р а п о н т. Слушаю. В двенадцатом году Москва тоже горела. Господи ты боже мой! Французы удивлялись.

О л ь г а. Иди, ступай.

Ф е р а п о н т. Слушаю. (*Уходит.*)

О л ь г а. Нянечка, милая, все отдавай. Ничего нам не надо, все отдавай, нянечка... Я устала, едва на ногах стою... Вершининых нельзя отпускать домой... Девочки лягут в гостиной, а Александра Игнатъича вниз к барону... Федотика тоже к барону, или пусть у нас в зале... Доктор, как нарочно, пьян, ужасно пьян, и к нему никого нельзя. И жену Вершинина тоже в гостиной.

А н ф и с а (*утомленно*). Олюшка, милая, не гони ты меня! Не гони!

О л ь г а. Глупости ты говоришь, няня. Никто тебя не гонит.

А н ф и с а (*кладет ей голову на грудь*). Родная моя, золотая моя, я тружусь, я работаю... Слаба стану, все

скажут: пошла! А куда я пойду? Куда? Восемьдесят лет. Восемьдесят второй год...

О л ь г а. Ты посиди, нянечка... Устала ты, бедная... (*Усаживает ее.*) Отдохни, моя хорошая. Побледнела как!

Н а т а ш а входит.

Н а т а ш а. Там, говорят, поскорее нужно составить общество для помощи погорельцам. Что ж? Прекрасная мысль. Вообще нужно помогать бедным людям, это обязанность богатых. Бобик и Софочка спят себе, спят как ни в чем не бывало. У нас так много народу везде, куда ни пойдешь, полон дом. Теперь в городе инфлюэнца, боюсь, как бы не захватили дети.

О л ь г а (*не слушая ее*). В этой комнате не видно пожара, тут покойно...

Н а т а ш а. Да... Я, должно быть, растрепанная. (*Перед зеркалом.*) Говорят, я пополнела... и неправда! Ничуть! А Маша спит, утомилась, бедная... (*Анфиса холодно.*) При мне не смей сидеть! Встань! Ступай отсюда!

Анфиса уходит; пауза.

И зачем ты держишь эту старуху, не понимаю!

О л ь г а (*оторопев*). Извини, я тоже не понимаю...

Н а т а ш а. Ни к чему она тут. Она крестьянка, должна в деревне жить... Что за баловство! Я люблю в доме порядок! Лишних не должно быть в доме. (*Гладит ее по щеке*). Ты, бедняжка, устала! Устала наша начальница! А когда моя Софочка вырастет и поступит в гимназию, я буду тебя бояться.

О л ь г а. Не буду я начальницей.

Н а т а ш а. Тебя выберут, Олечка. Это решено.

О л ь г а. Я откажусь. Не могу... Это мне не по силам... (*Пьет воду.*) Ты сейчас так грубо обошлась с няней... Прости, я не в состоянии переносить... в глазах потемнело...

Н а т а ш а (*взволнованно*). Прости, Оля, прости... Я не хотела тебя огорчать.

М а ш а встает, берет подушку и уходит, сердитая.

О л ь г а. Пойми, милая... мы воспитаны, быть может, странно, но я не переношу этого. Подобное отношение угнетает меня, я заболеваю... я просто падаю духом!

Н а т а ш а. Прости, прости... *(Целует ее.)*

О л ь г а. Всякая, даже малейшая, грубость, не деликатно сказанное слово волнует меня...

Н а т а ш а. Я часто говорю лишнее, это правда, но согласись, моя милая, она могла бы жить в деревне.

О л ь г а. Она уже тридцать лет у нас.

Н а т а ш а. Но ведь теперь она не может работать! Или я не понимаю, или же ты не хочешь меня понять. Она не способна к труду, она только спит или сидит.

О л ь г а. И пускай сидит.

Н а т а ш а *(удивленно)*. Как пускай сидит? Но ведь она же прислуга. *(Сквозь слезы.)* Я тебя не понимаю, Оля. У меня нянька есть, кормилица есть, у нас горничная, кухарка... для чего же нам еще эта старуха? Для чего?

За сценой бьют в набат.

О л ь г а. В эту ночь я постарела на десять лет.

Н а т а ш а. Нам нужно уговориться, Оля. Ты в гимназии, я — дома, у тебя учење, у меня — хозяйство. И если я говорю что насчет прислуги, то знаю, что говорю; я знаю, что го-во-рю... И чтоб завтра же не было здесь этой старой воровки, старой хрычевки... *(стучит ногами)* этой ведьмы!.. Не смей меня раздражать! Не смей! *(Спохватившись.)* Право, если ты не переберешься вниз, то мы всегда будем ссориться. Это ужасно.

Входит К у л ы г и н.

К у л ы г и н. Где Маша? Пора бы уже домой. Пожар, говорят, стихает. *(Потягивается.)* Сгорел только один квартал, а ведь был ветер, вначале казалось, что горит весь город. *(Садится.)* Утомился. Олечка моя милая... Я часто думаю: если бы не Маша, то я на тебе бы женился, Олечка. Ты очень хорошая... Замучился. *(Прислушивается.)*

О л ь г а. Что?

К у л ы г и н. Как нарочно, у доктора запой, пьян он ужасно. Как нарочно! *(Встает.)* Вот он идет сюда, кажется... Слышите? Да, сюда... *(Смеется.)* Экий какой, право... Я спрячусь... *(Идет к шкафу и становится в углу.)* Этакий разбойник.

О л ь г а. Два года не пил, а тут вдруг взял и напился.... *(Идет с Наташей в глубину комнаты.)*

Ч е б у т ы к и н входит; не шатаясь, как трезвый, проходит по комнате, останавливается, смотрит, потом подходит к рукомойнику и начинает мыть руки.

Ч е б у т ы к и н *(угрюмо)*. Черт бы всех побрал... подрал... Думают, что я доктор, умею лечить всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все позабыл, что знал, ничего не помню, решительно ничего.

Ольга и Наташа, незаметно для него, уходят.

Черт бы побрал. В прошлую среду лечил на Засыпи женщину — умерла, и я виноват, что она умерла. Да... Кое-что знал лет двадцать пять назад, а теперь ничего не помню. Ничего. Может быть, я и не человек, а только вот делаю вид, что у меня и руки, и ноги, и голова; может быть, я и не существую вовсе, а только кажется мне, что я хожу, ем, сплю. *(Плачет.)* О, если бы не существовать! *(Перестает плакать, угрюмо.)* Черт знает... Третьего дня разговор в клубе; говорят, Шекспир, Вольтер... Я не читал, совсем не читал, а на лице своем показал, будто читал. И другие тоже, как я. Пошлость! Низость! И та женщина, что уморил в среду, вспомнилась... и все вспомнилось, и стало на душе криво, гадко, мерзко... пошел, запил....

И р и н а, В е р ш и н и н и Т у з е н б а х входят; на Тузенбахе штатское платье, новое и модное.

И р и н а. Здесь посидим. Сюда никто не войдет.

В е р ш и н и н. Если бы не солдаты, то сгорел бы весь город. Молодцы! *(Потирает от удовольствия руки.)* Золотой народ! Ах, что за молодцы!

К у л ы г и н *(подходя к ним)*. Который час, господа?

Т у з е н б а х. Уже четвертый час. Светает.

И р и н а. Все сидят в зале, никто не уходит. И ваш этот Соленый сидит... (*Чебутыкину.*) Вы бы, доктор, шли спать.

Ч е б у т ы к и н. Ничего-с... Благодарю-с. (*Причесывает бороду.*)

К у л ы г и н (*смеется*). Назююкался, Иван Романыч! (*Хлопает по плечу.*) Молодец! In vino veritas ¹,— говорили древние.

Т у з е н б а х. Меня все просят устроить концерт в пользу погорельцев.

И р и н а. Ну, кто там...

Т у з е н б а х. Можно бы устроить, если захотеть. Марья Сергеевна, по-моему, играет на рояле чудесно.

К у л ы г и н. Чудесно играет!

И р и н а. Она уже забыла. Три года не играла... или четыре.

Т у з е н б а х. Здесь в городе решительно никто не понимает музыки, ни одна душа, но я, я понимаю и честным словом уверяю вас, что Мария Сергеевна играет великолепно, почти талантливо.

К у л ы г и н. Вы правы, барон. Я ее очень люблю, Машу. Она славная.

Т у з е н б а х. Уметь играть так роскошно и в то же время сознавать, что тебя никто, никто не понимает!

К у л ы г и н (*вздыхает*). Да... Но прилично ли ей участвовать в концерте?

Пауза.

Я ведь, господа, ничего не знаю. Может быть, это и хорошо будет. Должен признаться, наш директор хороший человек, даже очень хороший, умнейший, но у него такие взгляды... Конечно, не его дело, но все-таки, если хотите, то я, пожалуй, поговорю с ним.

Чебутыкин берет в руки фарфоровые часы и рассматривает их.

В е р ш и н и н. На пожаре я загрязнился весь, ни на что не похож.

Пауза.

---

¹ Истина в вине (*лат.*).

Вчера я мельком слышал, будто нашу бригаду хотят перевести куда-то далеко. Одни говорят, в Царство Польское, другие — будто в Читу.

Т у з е н б а х. Я тоже слышал. Что ж? Город тогда совсем опустеет.

И р и н а. И мы уедем!

Ч е б у т ы к и н (*роняет часы, которые разбиваются*). Вдребезги!

Пауза; все огорчены и сконфужены.

К у л ы г и н (*подбирая осколки*). Разбить такую дорогую вещь — ах, Иван Романыч, Иван Романыч! Ноль с минусом вам за поведение!

И р и н а. Это часы покойной мамы.

Ч е б у т ы к и н. Может быть... Мамы так мамы. Может, я не разбивал, а только кажется, что разбил. Может быть, нам только кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет. Ничего я не знаю, никто ничего не знает. (*У двери.*) Что смотрите? У Наташи романчик с Протопоповым, а вы не видите... Вы вот сидите тут и ничего не видите, а у Наташи романчик с Протопоповым.... (*Поет.*) Не угодно ль этот финик вам принять... (*Уходит.*)

В е р ш и н и н. Да... (*Смеется.*) Как все это, в сущности, странно!

Пауза.

Когда начался пожар, я побежал скорей домой; подхожу, смотрю — дом наш цел и невредим и вне опасности, но мои две девочки стоят у порога в одном белье, матери нет, суется народ, бегают лошади, собаки, и у девочек на лицах тревога, ужас, мольба, не знаю что; сердце у меня сжалось, когда я увидел эти лица. Боже мой, думаю, что придется пережить еще этим девочкам в течение долгой жизни! Я хватаю их, бегу и все думаю одно: что им придется еще пережить на этом свете!

Набат; пауза.

Прихожу сюда, а мать здесь, кричит, сердится.

М а ш а входит с подушкой и садится на диван.

И когда мои девочки стояли у порога в одном белье и улица была красной от огня, был страшный шум, то я подумал, что нечто похожее происходило много лет назад, когда набегал неожиданно враг, грабил, зажигал... Между тем, в сущности, какая разница между тем что есть и что было! А пройдет еще немного времени, каких-нибудь двести — триста лет, и на нашу теперешнюю жизнь так же будут смотреть и со страхом и с насмешкой, все нынешнее будет казаться и угловатым, и тяжелым, и очень неудобным, и странным. О, наверное, какая это будет жизнь, какая жизнь! *(Смеется.)* Простите, я опять зафилософствовался. Позвольте продолжать, господа. Мне ужасно хочется философствовать, такое у меня теперь настроение.

Пауза.

Точно спят все. Так я говорю: какая это будет жизнь! Вы можете себе только представить... Вот таких, как вы, в городе теперь только три, но в следующих поколениях будет больше, все больше и больше, и придет время, когда все изменится по-вашему, жить будут по-вашему, а потом и вы устареете, народятся люди, которые будут лучше вас... *(Смеется.)* Сегодня у меня какое-то особенное настроение. Хочется жить чертовски... *(Поет.)* Любви все возрасты покорны, ее порывы благодетельны... *(Смеется.)*

М а ш а. Трам-там-там...

В е р ш и н и н. Там-там...

М а ш а. Тра-ра-ра?

В е р ш и н и н. Тра-та-та. *(Смеется.)*

Входит Федотик.

Ф е д о т и к *(танцует)*. Погорел, погорел! Весь дочиста!

Смех.

И р и н а. Что ж за шутки. Все сгорело?

Ф е д о т и к *(смеется)*. Все дочиста. Ничего не осталось. И гитара сгорела, и фотография сгорела, и все

мой письма... И хотел подарить вам записную книжечку — тоже сгорела.

Входит С о л е н ы й.

И р и н а. Нет, пожалуйста, уходите, Василий Васильич. Сюда нельзя.

С о л е н ы й. Почему же это барону можно, а мне нельзя?

В е р ш и н и н. Надо уходить, в самом деле. Как пожар?

С о л е н ы й. Говорят, стихает. Нет, мне положительно странно, почему это барону можно, а мне нельзя? *(Вынимает флакон с духами и прыскается.)*

В е р ш и н и н. Трам-там-там?

М а ш а. Трам-там.

В е р ш и н и н *(смеется, Соленому)*. Пойдемте в залу.

С о л е н ы й. Хорошо-с, так и запишем. Мысль эту можно б боле пояснить, да боюсь, как бы гусей не раздразнить... *(Глядя на Тузенбаха.)* Цип, цип, цип... *(Уходит с Вершининым и Федотиком.)*

И р и н а. Как накурил этот Соленый... *(В недоумении.)* Барон спит! Барон! Барон!

Т у з е н б а х *(очнувшись)*. Устал я, однако... Кирпичный завод... Это я не брежу, а в самом деле, скоро поеду на кирпичный завод, начну работать... Уже был разговор. *(Ирине, нежно.)* Вы такая бледная, прекрасная, обаятельная... Мне кажется, ваша бледность проясняет темный воздух, как свет... Вы печальны, вы довольны жизнью... О, поедemте со мной, поедemте работать вместе!..

М а ш а. Николай Львович, уходите отсюда.

Т у з е н б а х *(смеясь)*. Вы здесь? Я не вижу. *(Целует Ирине руку.)* Прощайте, я пойду... Я гляжу на вас теперь, и вспоминается мне, как когда-то давно, в день ваших именин, вы, бодрая, веселая, говорили о радостях труда... И какая мне тогда мерещилась счастливая жизнь! Где она? *(Целует руку.)* У вас слезы на глазах. Ложитесь спать, уж светает... начинается утро... Если бы мне было позволено отдать за вас жизнь свою!

М а ш а. Николай Львович, уходите! Ну что, право...

Т у з е н б а х. Ухожу... (*Уходит.*)

М а ш а (*ложась*). Ты спишь, Федор?

К у л ы г и н. А?

М а ш а. Шел бы домой.

К у л ы г и н. Милая моя Маша, дорогая моя Маша...

И р и н а. Она утомилась. Дал бы ей отдохнуть, Федя.

К у л ы г и н. Сейчас уйду... Жена моя хорошая, славная... Люблю тебя, мою единственную...

М а ш а (*сердито*). Ато, amas, amat, amatus, amatis, amant ¹.

К у л ы г и н (*смеется*). Нет, право, она удивительная. Женат я на тебе семь лет, а кажется, что венчались только вчера. Честное слово. Нет, право, ты удивительная женщина. Я доволен, я доволен, я доволен!

М а ш а. Надоело, надоело, надоело... (*Встает и говорит сидя.*) И вот не выходит у меня из головы... Просто возмутительно. Сидит гвоздем в голове, не могу молчать. Я про Андрея... Заложил он этот дом в банке, и все деньги забрала его жена, а ведь дом принадлежит не ему одному, а нам четверым! Он должен это знать, если он порядочный человек.

К у л ы г и н. Охота тебе, Маша! На что тебе? Андрюша кругом должен, ну, и бог с ним.

М а ш а. Это, во всяком случае, возмутительно. (*Ложится.*)

К у л ы г и н. Мы с тобой не бедны. Я работаю, хожу в гимназию, потом уроки даю... Я честный человек. Простой... Omnia mea mecum porto ², как говорится.

М а ш а. Мне ничего не нужно, но меня возмущает несправедливость.

Пауза.

Ступай, Федор.

К у л ы г и н (*целует ее*). Ты устала, отдохни с пол-

---

¹Люблю, любишь и т. д. (*лат.*).

²Все мое ношу с собою (*лат.*).

часика, а я там посижу, подожду. Спи... (*Идет.*) Я доволен, я доволен, я доволен. (*Уходит.*)

И р и н а. В самом деле, как измелъчал наш Андрей, как он выдохся и постарел около этой женщины! Когда-то готовился в профессора, а вчера хвалился, что попал наконец в члены земской управы. Он член управы, а Протопопов председатель... Весь город говорит, смеется, и только он один ничего не знает и не видит... И вот все побежали на пожар, а он сидит у себя в комнате и никакого внимания. Только на скрипке играет. (*Нервно.*) О, ужасно, ужасно, ужасно! (*Плачет.*) Я не могу, не могу переносить больше!.. Не могу, не могу!..

О л ь г а входит, убирает около своего столика.

(*Громко рыдает.*) Выбросьте меня, выбросьте, я больше не могу!..

О л ь г а (*испугавшись*). Что ты, что ты? Милая!

И р и н а (*рыдая*). Куда? Куда все ушло? Где оно? О боже мой, боже мой! Я все забыла, забыла... У меня перепуталось в голове... Я не помню, как по-итальянски окно или вот потолок... Все забываю, каждый день забываю, а жизнь уходит и никогда не вернется, никогда, никогда мы не уедем в Москву... Я вижу, что не уедем...

О л ь г а. Милая, милая...

И р и н а (*сдерживаясь*). О, я несчастная... Не могу я работать, не стану работать. Довольно, довольно! Была телеграфисткой, теперь служу в городской управе и ненавижу и презираю все, что только мне дают делать... Мне уже двадцать четвертый год, работаю уже давно, и мозг высох, похудела, подурнела, постарела, и ничего, ничего, никакого удовлетворения, а время идет, и все кажется, что уходишь от настоящей прекрасной жизни, уходишь все дальше и дальше, в какую-то пропасть. Я в отчаянии, и как я жива, как не убила себя до сих пор, не понимаю...

О л ь г а. Не плачь, моя девочка, не плачь... Я страдаю.

И р и н а. Я не плачу, не плачу... Довольно... Ну, вот я уже не плачу. Довольно... Довольно!

О л ь г а. Милая, говорю тебе, как сестра, как друг, если хочешь моего совета, выходи за барона!

Ирина тихо плачет.

Ведь ты его уважаешь, высоко ценишь... Он, правда, некрасивый, но он такой порядочный, чистый... Ведь замуж выходят не из любви, а для того, чтобы исполнить свой долг. Я по крайней мере так думаю, и я бы вышла без любви. Кто бы ни посватал, все равно бы пошла, лишь бы порядочный человек. Даже за старика бы пошла...

И р и н а. Я все ждала, переселимся в Москву, там мне встретится мой настоящий, я мечтала о нем, любила... Но оказалось, все вздор, все вздор...

О л ь г а (*обнимает сестру*). Милая моя, прекрасная сестра, я все понимаю; когда барон Николай Львович оставил военную службу и пришел к нам в пиджаке, то показался мне таким некрасивым, что я даже заплакала... Он спрашивает: «Что вы плачете?» Как я ему скажу! Но если бы бог привел ему жениться на тебе, то я была бы счастлива. Тут ведь другое, совсем другое.

Н а т а ш а со свечой проходит через сцену из правой двери в левую молча.

М а ш а (*садится*). Она ходит так, как будто она подождла.

О л ь г а. Ты, Маша, глупая. Самая глупая в нашей семье — это ты. Извини, пожалуйста.

Пауза.

М а ш а. Мне хочется каяться, милые сестры. Тонится душа моя. Покаяюсь вам и уж больше никому, никогда... Скажу сию минуту. (*Тихо.*) Это моя тайна, но вы все должны знать... Не могу молчать...

Пауза.

Я люблю, люблю... Люблю этого человека... Вы его только что видели... Ну, да что там. Одним словом, люблю Вершинина...

О л ь г а (*идет к себе за ширмы*). Оставь это. Я все равно не слышу.

М а ш а. Что же делать! (*Берется за голову*.) Он казался мне сначала странным, потом я жалела его... потом полюбила... полюбила с его голосом, его словами, несчастьями, двумя девочками...

О л ь г а (*за ширмой*). Я не слышу все равно. Какие бы ты глупости ни говорила, я все равно не слышу.

М а ш а. Э, глупая ты, Оля. Люблю — такая, значит, судьба моя. Значит, доля моя такая... И он меня любит... Это все страшно. Да? Не хорошо это? (*Тянет Ирину за руку, привлекает к себе*.) О моя милая... Как-то мы проживем нашу жизнь, что из нас будет... Когда читаешь роман какой-нибудь, то кажется, что все это старо и все так понятно, а как сама полюбишь, то и видно тебе, что никто ничего не знает и каждый должен решать сам за себя... Милые мои, сестры мои... Призналась вам, теперь буду молчать... Буду теперь, как гоголевский сумасшедший... молчание... молчание...

А н д р е й, за ним Ф е р а п о н т.

А н д р е й (*сердито*). Что тебе нужно? Я не понимаю.

Ф е р а п о н т (*в дверях, нетерпеливо*). Я, Андрей Сергеевич, уже говорил раз десять.

А н д р е й. Во-первых, я тебе не Андрей Сергеевич, а ваше высокоблагородие!

Ф е р а п о н т. Пожарные, ваше высокоблагородие, просят, позвольте на реку садом проехать. А то кругом ездют, ездют — чистое наказание.

А н д р е й. Хорошо. Скажи, хорошо.

Ферапонт уходит.

Надоели. Где Ольга?

О л ь г а выходит из-за ширмы.

Я пришел к тебе, дай мне ключ от шкапа, я затерял свой. У тебя есть такой маленький ключик.

Ольга подает ему молча ключ. Ирина идет к себе за ширму.
Пауза.

А какой громадный пожар! Теперь стало утихать. Черт знает, разозлил меня этот Ферапонт, я сказал ему глупость... Ваше высокоблагородие...

Пауза.

Что же ты молчишь, Оля?

Пауза.

Пора уже оставить эти глупости и не дуться так, здорово живешь. Ты, Маша, здесь, Ирина здесь, ну вот прекрасно — объяснимся начистоту, раз навсегда. Что вы имеете против меня? Что?

О л ь г а. Оставь, Андрюша. Завтра объяснимся. *(Волнуясь.)* Какая мучительная ночь!

А н д р е й *(он очень смущен)*. Не волнуйся. Я совершенно хладнокровно вас спрашиваю: что вы имеете против меня? Говорите прямо.

Голос Вершинина: «Грам-там-там!»

М а ш а *(встает, громко)*. Тра-та-та! *(Ольге.)* Прощай, Оля, господь с тобой. *(Идет за ширму, целует Ирину.)* Спи покойно... Прощай, Андрей. Уходи, они утомлены... завтра объяснишься... *(Уходит.)*

О л ь г а. В самом деле, Андрюша, отложим до завтра... *(Идет к себе за ширму.)* Спать пора.

А н д р е й. Только скажу и уйду. Сейчас... Во-первых, вы имеете что-то против Наташи, моей жены, и это я замечаю с самого дня моей свадьбы. Наташа прекрасный, честный человек, прямой и благородный — вот мое мнение. Свою жену я люблю и уважаю, понимаете, уважаю и требую, чтобы ее уважали также и другие. Повторяю, она честный, благородный человек, а все ваши неудовольствия, простите, это просто капризы.

Пауза.

Во-вторых, вы как будто сердитесь за то, что я не профессор, не занимаюсь наукой. Но я служу в земстве, я член земской управы, и это свое служение считаю таким же святым и высоким, как служение науке. Я член земской управы и горжусь этим, если желаете знать...

Пауза.

В-третьих... Я еще имею сказать... Я заложил дом, не испросив у вас позволения... В этом я виноват, да, и прошу меня извинить. Меня побудили к этому долги... тридцать пять тысяч. Я уже не играю в карты, давно бросил, но главное, что могу сказать в свое оправдание, это то, что вы девушки, вы получаете пенсию, я же не имел... заработка, так сказать...

Пауза.

К у л ы г и н *(в дверь)*. Маши здесь нет? *(Встревоженно.)* Где же она? Это странно... *(Уходит.)*

А н д р е й. Не слушают. Наташа превосходный, честный человек. *(Ходит по сцене молча, потом останавливается.)* Когда я женился, я думал, что мы будем счастливы... все счастливы... Но боже мой... *(Плачет.)* Милые мои сестры, дорогие сестры, не верьте мне, не верьте... *(Уходит.)*

К у л ы г и н *(в дверь встревоженно)*. Где Маша? Здесь Маши нет? Удивительное дело. *(Уходит.)*

Набат, сцена пустая.

И р и н а *(за ширмами)*. Оля! Кто это стучит в пол?

О л ь г а. Это доктор Иван Романыч. Он пьян.

И р и н а. Какая беспокойная ночь!

Пауза.

Оля! *(Выглядывает из-за ширмы.)* Слышала? Бригаду берут от нас, переводят куда-то далеко.

О л ь г а. Это слухи только.

И р и н а. Останемся мы тогда одни... Оля!

О л ь г а. Ну?

И р и н а. Милая, дорогая, я уважаю, я ценю барона, он прекрасный человек, я выйду за него, согласна, только поедem в Москву! Умоляю тебя, поедem! Лучше Москвы ничего нет на свете! Поедem, Оля! Поедem!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Старый сад при доме Прозоровых. Длинная еловая аллея, в конце которой видна река. На той стороне реки — лес. Направо терраса дома; здесь на столе бутылки и стаканы; видно, что только что пили шампанское. Двенадцать часов дня. С улицы к реке через сад ходят изредка прохожие; быстро проходят человек пять солдат. Чебутыкин в благодушном настроении, которое не покидает его в течение всего акта, сидит в кресле, в саду, ждет, когда его позовут; он в фуражке и с палкой. Ирина, Кулыгин, с орденом на шее, без усов, и Тузенбах, стоя на террасе, провожают Федотика и Родэ, которые сходят вниз; оба офицера в походной форме.

Тузенбах (*целуется с Федотиком*). Вы хороший, мы жили так дружно. (*Целуется с Родэ*.) Еще раз... Прощайте, дорогой мой!

Ирина. До свиданья!

Федотик. Не до свиданья, а прощайте, мы больше уж никогда не увидимся!

Кулыгин. Кто знает! (*Вытирает глаза, улыбается*.) Вот я и заплакал.

Ирина. Когда-нибудь встретимся.

Федотик. Лет через десять — пятнадцать? Но тогда мы едва узнаем друг друга, холодно поздороваемся... (*Снимает фотографию*.) Стойте... Еще в последний раз.

Родэ (*обнимает Тузенбаха*). Не увидимся больше... (*Целует руку Ирине*.) Спасибо за все, за все!

Федотик (*с досадой*). Да постой!

Тузенбах. Даст бог, увидимся. Пишите же нам. Непременно пишите.

Родэ (*окидывает взглядом сад*). Прощайте, деревья! (*Кричит*.) Гоп-гоп!

Пауза.

Прощай, эхо!

Кулыгин. Чего доброго женитесь там, в Польше... Жена-полька обнимет и скажет: «Кохане!» (*Смеется*.)

Федотик (*взглянув на часы*). Осталось меньше часа. Из нашей батареи только Соленый пойдет на барже, мы же со строевой частью. Сегодня уйдут три

батареи дивизионно, завтра опять три — и в городе наступит тишина и спокойствие.

Тузенбах. И скучища страшная.

Родэ. А Мария Сергеевна где?

Кулыгин. Маша в саду.

Федотик. С ней проститься.

Родэ. Прощайте, надо уходить, а то я заплачу...
(Обнимает быстро Тузенбаха и Кулыгина, целует руку Ирине.) Прекрасно мы здесь пожили...

Федотик (Кулыгину). Это вам на память... книжка с карандашиком... Мы здесь пойдем к реке...

Отходят, оба оглядываются.

Родэ (кричит). Гоп-гоп!

Кулыгин (кричит). Прощайте!

В глубине сцены Федотик и Родэ встречаются с Машей и прощаются с нею; она уходит с ними.

Ирина. Ушли... (Садится на нижнюю ступень террасы.)

Чебутыкин. А со мной забыли проститься.

Ирина. Вы же чего?

Чебутыкин. Да и я как-то забыл. Впрочем, скоро увижусь с ними, уйду завтра. Да... Еще один денек остался. Через год дадут мне отставку, опять приеду сюда и буду доживать свой век около вас... Мне до пенсии только один годочек остался... (Кладет в карман газету, вынимает другую.) Приеду сюда к вам и изменю жизнь коренным образом... Стану таким тихоньким, благо... благоугодным, приличеньким...

Ирина. А вам надо бы изменить жизнь, голубчик. Надо бы как-нибудь.

Чебутыкин. Да. Чувствую. (Тихо напевает.) Тарара... бумбия... сию на тумбе я...

Кулыгин. Неисправим Иван Романыч! Неисправим!

Чебутыкин. Да, вот к вам бы на выучку. Тогда бы исправился.

Ирина. Федор сбрил себе усы. Видеть не могу!

Кулыгин. А что?

Ч е б у т ы к и н. Я бы сказал, на что теперь похожа ваша физиономия, да не могу.

К у л ы г и н. Что ж! Так принято, это *modus vivendi*¹. Директор у нас с выбритыми усами, и я тоже, как стал инспектором, побрился. Никому не нравится, а для меня все равно. Я доволен. С усами я или без усов, и я одинаково доволен. (*Садится.*)

В глубине сада А н д р е й провозит в колясочке спящего ребенка.

И р и н а. Иван Романыч, голубчик, родной мой, я страшно обеспокоена. Вы вчера были на бульваре, скажите, что произошло там?

Ч е б у т ы к и н. Что произошло? Ничего. Пустяки. (*Читает газету.*) Все равно!

К у л ы г и н. Так рассказывают, будто Соленый и барон встретились вчера на бульваре около театра...

Т у з е н б а х. Перестаньте! Ну что, право... (*Машет рукой и уходит в дом.*)

К у л ы г и н. Около театра... Соленый стал придираться к барону, а тот не стерпел, сказал что-то обидное...

Ч е б у т ы к и н. Не знаю. Чепуха все.

К у л ы г и н! В какой-то семинарии учитель написал на сочинении «чепуха», а ученик прочел «реникса» — думал, что по-латыни написано... (*Смеется.*) Смешно удивительно. Говорят, будто Соленый влюблен в Ирину и будто возненавидел барона... Это понятно. Ирина очень хорошая девушка. Она даже похожа на Машу, такая же задумчивая. Только у тебя, Ирина, характер мягче. Хотя и у Маши, впрочем, тоже очень хороший характер. Я ее люблю, Машу.

В глубине сада за сценой: «Ау! Гоп-гоп!»

И р и н а (*вздрагивает*). Меня как-то все пугает сегодня.

Пауза.

У меня уже все готово, я после обеда отправляю свои вещи. Мы с бароном завтра венчаемся, завтра же уезжаем на кирпичный завод, и послезавтра я уже в

---

¹ Здесь. так уж заведено (*лат.*).

школе, начинается новая жизнь. Как-то мне поможет бог! Когда я держала экзамен на учительницу, то даже плакала от радости, от благодати...

Пауза.

Сейчас придет подвода за вещами...

К у л ы г и н. Так-то оно так, только как-то все это не серьезно. Одни только идеи, а серьезного мало. Впрочем, от души тебе желаю.

Ч е б у т ы к и н (*в умилении*). Славная моя, хорошая... Золотая моя... Далеко вы ушли, не догонишь вас. Остался я позади, точно перелетная птица, которая состарилась, не может лететь. Летите, мои милые, летите с богом!

Пауза.

Напрасно, Федор Ильич, вы усы себе сбрили.

К у л ы г и н. Будет вам! (*Вздыхает.*) Вот сегодня уйдут военные, и все опять пойдет по-старому. Что бы там ни говорили, Маша хорошая, честная женщина, я ее очень люблю и благодарю свою судьбу... Судьба у людей разная... Тут в акцизе служит некто Козырев. Он учился со мной, его уволили из пятого, класса гимназии за то, что никак не мог понять *ut consecutivum*¹. Теперь он ужасно бедствует, болен, и я когда встречаюсь, то говорю ему: «Здравствуй, *ut consecutivum!*» Да, говорит, именно, *consecutivum*, а сам кашляет... А мне вот всю мою жизнь везет, я счастлив, вот имею даже Станислава второй степени и сам теперь преподаю другим это *ut consecutivum*. Конечно, я умный человек, умнее очень многих, но счастье не в этом...

В доме играют на рояле «Молитву девы».

И р и н а. А завтра вечером я уже не буду слышать этой «Молитвы девы», не буду встречаться с Протопоповым...

Пауза.

А Протопопов сидит там в гостиной; и сегодня пришел...

К у л ы г и н. Начальница еще не приехала?

---

¹ Синтаксический оборот в латинском языке.

И р и н а. Нет. За ней послали. Если б только вы знали, как мне трудно жить здесь одной, без Оли... Она живет в гимназии; она начальница, целый день занята делом, а я одна, мне скучно, нечего делать, и ненавистна комната, в которой живу... Я так и решила: если мне не суждено быть в Москве, то так тому и быть. Значит, судьба. Ничего не поделаешь... Все в божьей воле, это правда. Николай Львович сделал мне предложение... Что ж? Подумала и решила. Он хороший человек, удивительно даже, такой хороший... И у меня вдруг точно крылья выросли на душе, я повеселела, стало мне легко и опять захотелось работать, работать... Только вот вчера произошло что-то, какая-то тайна нависла надо мной...

Ч е б у т ы к и н. Реникса. Чепуха.

Н а т а ш а (в оклю). Начальница!

К у л ы г и н. Приехала начальница. Пойдем.

Уходит с Ириной в дом.

Ч е б у т ы к и н (читает газету, тихо напевает). Тара-ра... бумбия... сажу на тумбе я...

М а ш а подходит; в глубине А н д р е й провозит колясочку.

М а ш а. Сидит себе здесь, посиживает...

Ч е б у т ы к и н. А что?

М а ш а (садится). Ничего...

Пауза.

Вы любили мою мать?

Ч е б у т ы к и н. Очень.

М а ш а. А она вас?

Ч е б у т ы к и н (после паузы). Этого я уже не помню.

М а ш а. Мой здесь? Так когда-то наша кухарка Марфа говорила про своего городского: мой. Мой здесь?

Ч е б у т ы к и н. Нет еще.

М а ш а. Когда берешь счастье урывочками, по кусочкам, потом его теряешь, как я, то мало-помалу грубеешь, становишься злющей... (Указывает себе на грудь.) Вот тут у меня кипит... (Глядя на брата Анд-

рея, который провозит колясочку.) Вот Андрей наш, братец... Все надежды пропали. Тысячи народа поднимали колокол, потрачено было много труда и денег, а он вдруг упал и разбился. Вдруг, ни с того ни с сего. Так и Андрей...

А н д р е й. И когда наконец в доме успокоятся. Такой шум.

Ч е б у т ы к и н. Скоро. (Смотрит на часы.) У меня часы старинные, с боем... (Заводит часы, они бьют.) Первая, вторая и пятая батарея уйдут ровно в час...

Пауза.

А я завтра.

А н д р е й. Навсегда?

Ч е б у т ы к и н. Не знаю. Может, через год вернусь. Хотя, черт его знает... все равно...

Слышно, как где-то далеко играют на арфе и скрипке.

А н д р е й. Опустеет город: Точно его колпаком накроют.

Пауза.

Что-то произошло вчера около театра; все говорят, а я не знаю.

Ч е б у т ы к и н. Ничего. Глупости. Соленый стал придираться к барону, а тот вспылил и оскорбил его, и вышло так в конце концов, что Соленый обязан был вызвать его на дуэль. (Смотрит на часы.) Пора бы, кажется, уж... В половине первого, в казенной роще, вот в той, что отсюда видать за рекой... Пиф-паф. (Смеется.) Соленый воображает, что он Лермонтов, и даже стихи пишет. Вот шутки шутками, а уж у него третья дуэль.

М а ш а. У кого?

Ч е б у т ы к и н. У Соленого.

М а ш а. А у барона?

Ч е б у т ы к и н. Что у барона?

Пауза.

М а ш а. В голове у меня перепуталось... Все-таки я говорю, не следует им позволять. Он может ранить барона или даже убить.

Ч е б у т ы к и н. Барон хороший человек, но одним бароном больше, одним меньше — не все ли равно? Пускай! Все равно!

За садом крик: «Ау! Гоп-гоп!»

Подождешь. Это Скворцов кричит, секундانت. В лодке сидит.

Пауза.

А н д р е й. По-моему, и участвовать на дуэли и присутствовать на ней, хотя бы в качестве врача, просто безнравственно.

Ч е б у т ы к и н. Это только кажется... Нас нет, ничего нет на свете, мы не существуем, а только кажется, что существуем... И не все ли равно!

М а ш а. Так вот целый день говорят, говорят... *(Идет.)* Живешь в таком климате, того гляди снег пойдет, и тут еще эти разговоры... *(Останавливаясь.)* Я не пойду в дом, я не могу туда ходить... Когда придет Вершинин, скажете мне... *(Идет по аллее.)* А уже летят перелетные птицы... *(Глядит вверх.)* Лебеди или гуси... Милые мои, счастливые мои... *(Уходит.)*

А н д р е й. Опустеет наш дом. Уедут офицеры, уедете вы, сестра замуж выйдет, и останусь в доме я один.

Ч е б у т ы к и н. А жена?

Ф е р а п о н т входит с бумагами.

А н д р е й. Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем том нечто приносящее ее до мелкого, слепого, этакое шершавого животного. Во всяком случае, она не человек. Говорю вам как другу, единственному человеку, которому могу открыть свою душу. Я люблю Наташу, это так, но иногда она кажется мне удивительно пошлой, и тогда я теряюсь, не понимаю, за что, отчего я так люблю ее или по крайней мере любил...

Ч е б у т ы к и н *(встает)*. Я, брат, завтра уезжаю, может, никогда не увидимся, так вот тебе мой совет. Знаешь, надень шапку, возьми в руки палку и уходи... уходи и иди, иди без оглядки. И чем дальше уйдешь, тем лучше.

Соленый проходит в глубине сцены с двумя офицерами, увидев Чебутыкина, он поворачивается к нему; офицеры идут дальше.

Соленый. Доктор, пора! Уже половина первого. *(Здоровается с Андреем.)*

Чебутыкин. Сейчас. Надоели вы мне все. *(Андрею.)* Если кто спросит меня, Андрюша, то скажешь, что я сейчас... *(Вздыхает.)* Охо-хо-хо!

Соленый. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел. *(Идет с ним.)* Что вы крихтите, старик?

Чебутыкин. Ну!

Соленый. Как здоровье?

Чебутыкин *(сердито)*. Как масло коровье.

Соленый. Старик волнуется напрасно. Я позволю себе немного, я только подстрелю его, как вальдшнепа. *(Вынимает духи и брызгает на руки.)* Вот вылил сегодня целый флакон, а они все пахнут. Они у меня пахнут трупом.

Пауза.

Так-с... Помните стихи? А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой...

Чебутыкин. Да. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел. *(Уходит с Соленым.)*

Слышны крики: «Гоп-гоп! Ау!» Андрей и Ферапонт входят.

Ферапонт. Бумаги подписать...

Андрей *(нервно)*. Отстань от меня! Отстань! Умоляю! *(Уходит с колясочкой.)*

Ферапонт. На то ведь и бумаги, чтоб их подписывать. *(Уходит в глубину сцены.)*

Входят Ирина и Тузенбах *(в соломенной шляпе)*, Кулыгин проходит через сцену, крича: «Ау, Маша, ау!»

Тузенбах. Это, кажется, единственный человек в городе, который рад, что уходят военные.

Ирина. Это понятно.

Пауза.

Наш город опустеет теперь.

«Три сестры». Маша — О. Л. Книппер, Ольга — М. Г. Савицкая,
Ирина — Н. Н. Литовцева. Московский художественный театр,
1901.

Т у з е н б а х (*поглядев на часы*). Милая, я сейчас приду.

И р и н а. Куда ты?

Т у з е н б а х. Мне нужно в город, затем... проводить товарищей.

И р и н а. Неправда... Николай, отчего ты такой рассеянный сегодня?

Пауза.

Что вчера произошло около театра?

Т у з е н б а х (*нетерпеливое движение*). Через час я вернусь и опять буду с тобой. (*Целует ей руки.*) Ненаглядная моя... (*Всматривается ей в лицо.*) Уже пять лет прошло, как я люблю тебя, и все не могу привыкнуть, и ты кажешься мне все прекраснее. Какие прелестные, чудные волосы! Какие глаза! Я увезу тебя завтра, мы будем работать, будем богаты, мечты мои оживут. Ты будешь счастлива. Только вот одно, только одно: ты меня не любишь!

И р и н а. Это не в моей власти. Я буду твоя женой, и верной и покорной, но любви нет, что же делать! (*Плачет.*) Я не любила ни разу в жизни. О, я так мечтала о любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя, как дорогой рояль, который заперт и ключ потерян.

Пауза.

У тебя беспокойный взгляд.

Т у з е н б а х. Я не спал всю ночь. В моей жизни нет ничего такого страшного, что могло бы испугать меня, и только этот потерянный ключ терзает мою душу, не дает мне спать... Скажи мне что-нибудь.

Пауза.

Скажи мне что-нибудь...

И р и н а. Что? Что сказать? Что?

Т у з е н б а х. Что-нибудь.

И р и н а. Полно! Полно!

Пауза.

Т у з е н б а х. Какие пустяки, какие глупые мелочи иногда приобретают в жизни значение вдруг, ни с того

ни с сего. По-прежнему смеешься над ними, считаешь пустяками, и все же идешь и чувствуешь, что у тебя нет сил остановиться. О, не будем говорить об этом! Мне весело. Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотрит на меня с любопытством и ждет. Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!

Крик: «Ау! Гоп-гоп!»

Надо идти, уже пора... Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так, мне кажется, если я и умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе. Прощай, моя милая... (*Целует руки.*) Твои бумаги, что ты мне дала, лежат у меня на столе, под календарем.

И р и н а. И я с тобой пойду.

Т у з е н б а х (*тревожно*). Нет, нет! (*Быстро идет, на аллее останавливается.*) Ирина!

И р и н а. Что?

Т у з е н б а х (*не зная, что сказать*). Я не пил сегодня кофе. Скажешь, чтобы мне сварили... (*Быстро уходит.*)

Ирина стоит задумавшись, потом уходит в глубину сцены и садится на качели. Входит А н д р е й с колясочкой, показывается
Ф е р а п о н т.

Ф е р а п о н т. Андрей Сергеич, бумаги-то ведь не мои, а казенные. Не я их выдумал.

А н д р е й. О, где оно, куда ушло мое прошлое, когда я был молод, весел, умен, когда я мечтал и мыслил изящно, когда настоящее и будущее мое озарялось надеждой? Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, серы, неинтересны, ленивы, равнодушны, бесполезны, несчастны... Город наш существует уже двести лет, в нем сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других, ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного ученого, ни одного художника, ни мало-мальски заметного человека, который возбуждал бы зависть или страстное желание подражать ему... Только едят, пьют, спят, потом умирают... рождаются другие и тоже едят, пьют, спят и,

чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством, и жены обманывают мужей, а мужья лгут, делают вид, что ничего не видят, ничего не слышат, и неотразимо пошлое влияние гнетет детей, и искра божия гаснет в них, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери... (*Ферапонту сердито.*) Что тебе?

Ф е р а п о н т. Чего? Бумаги подписать.

А н д р е й. Надоел ты мне.

Ф е р а п о н т (*подавая бумаги*). Сейчас швейцар из казенной палаты сказывал... Будто, говорит, зимой в Петербурге мороз был в двести градусов.

А н д р е й. Настоящее противно, но зато когда я думаю о будущем, то как хорошо! Становится так легко, так просторно; и вдали забрезжит свет, я вижу свободу, я вижу, как я и дети мои становимся свободны от праздности, от квасу, от гуся с капустой, от сна после обеда, от подлого тунеядства...

Ф е р а п о н т. Две тысячи людей померзло будто. Народ, говорит, ужасался. Не то в Петербурге, не то в Москве — не упомяну.

А н д р е й (*охваченный нежным чувством*). Милые мои сестры, чудные мои сестры! (*Сквозь слезы.*) Маша, сестра моя...

Н а т а ш а (*в окне*). Кто здесь разговаривает так громко? Это ты, Андрюша? Софочку разбудишь. Il ne faut pas faire du bruit, la Sophie est dormée déjà. Vous êtes un ours¹. (*Рассердившись.*) Если хочешь разговаривать, то отдай колясочку с ребенком кому-нибудь другому. Ферапонт, возьми у барина колясочку!

Ф е р а п о н т. Слушаю. (*Берет колясочку.*)

А н д р е й (*сконфуженно*). Я говорю тихо.

Н а т а ш а (*за окном, лаская своего мальчика*). Бобик! Шалун Бобик! Дурной Бобик!

А н д р е й (*оглядывая бумаги*). Ладно, пересмотрю и, что нужно, подпишу, а ты снесешь опять в управу... (*Уходит в дом, читая бумаги; Ферапонт везет колясочку в глубину сада.*)

---

¹ Не шумите, Софи уже спит. Вы — медведь! (*искаж. франц.*)

Н а т а ш а (*за окном*). Бобик, как зовут твою маму? Милый, милый! А это кто? Это тетя Оля, скажи тете: здравствуй, Оля!

Бродячие музыканты, мужчина и девушка играют на скрипке и арфе; из дому выходят В е р ш и н и н, О л ь г а и А н ф и с а и с минуту слушают молча; подходит И р и н а.

О л ь г а. Наш сад как проходной двор, через него и ходят и ездят. Няня, дай этим музыкантам что-нибудь!..

А н ф и с а (*подаёт музыкантам*). Уходите с богом, сердечные.

Музыканты кланяются и уходят.

Горький народ. От сытости не заиграешь. (*Ирине.*) Здравствуй, Ариша! (*Целует ее.*) И-и, деточка, вот живу! Вот живу! В гимназии на казенной квартире, золотая, вместе с Олюшкой — определил господь на старости лет. Отродясь я, грешница, так не жила... Квартира большая, казенная, и мне цельная комнатка и кроватка. Все казенное. Проснусь ночью и — о господи, мать божия, счастливей меня человека нету!

В е р ш и н и н (*взглянув на часы*). Сейчас уходим, Ольга Сергеевна. Мне пора.

Пауза.

Я желаю вам всего, всего... Где Мария Сергеевна?

И р и н а. Она где-то в саду... Я пойду поищу ее.

В е р ш и н и н. Будьте добры. Я тороплюсь.

А н ф и с а. Пойду и я поищу. (*Кричит.*) Машенька, ау! (*Уходит вместе с Ириной в глубину сада.*) А-у, а-у!

В е р ш и н и н. Все имеет свой конец. Вот и мы расстаемся. (*Смотрит на часы.*) Город давал нам что-то вроде завтрака, пили шампанское, городской голова говорил речь; я ел и слушал, а душой был здесь, у вас... (*Оглядывает сад.*) Привык я к вам.

О л ь г а. Увидимся ли мы еще когда-нибудь?

В е р ш и н и н. Должно быть, нет.

Пауза.

Жена моя и обе девочки проживут здесь еще месяца два; пожалуйста, если что случится или что понадобится...

О л ь г а. Да, да, конечно. Будьте покойны.

Пауза.

В городе завтра не будет уже ни одного военного, все станет воспоминанием, и, конечно, для нас начнется новая жизнь...

Пауза.

Все делается не по-нашему. Я не хотела быть начальницей, и все-таки сделалась ею. В Москве, значит, не быть...

В е р ш и н и н. Ну... Спасибо вам за все... Простите мне, если что не так... Много, очень уж много я говорил — и за это простите, не поминайте лихом.

О л ь г а (*утирает глаза*). Что ж это Маша не идет...

В е р ш и н и н. Что же еще вам сказать на прощание? О чем пофилософствовать?.. (*Смеется.*) Жизнь тяжела. Она представляется многим из нас глухой и безнадёжной, но все же, надо сознаться, она становится все яснее и легче, и, по-видимому, недалеко то время, когда она станет совсем светлой. (*Смотрит на часы.*) Пора мне, пора! Прежде человечество было занято войнами, заполняя все свое существование походами, набегами, победами, теперь же все это отжило, оставив после себя громадное пустое место, которое пока нечем заполнить; человечество страстно ищет и, конечно, найдет. Ах, только бы поскорее!

Пауза.

Если бы, знаете, к трудолюбию прибавить образование, а к образованию трудолюбие. (*Смотрит на часы.*) Мне, однако, пора...

О л ь г а. Вот она идет.

М а ш а входят.

В е р ш и н и н. Я пришел проститься...

Ольга отходит немного в сторону, чтобы не помешать прощанию.

М а ш а (*смотря ему в лицо*). Прощай...

Продолжительный поцелуй.

О л ь г а. Будет, будет...

Маша сильно рыдает.

В е р ш и н и н. Пиши мне... Не забывай! пусти меня... пора... Ольга Сергеевна, возьмите ее, мне уже... пора... опоздал... (*Растроганный, целует руки Ольге, потом еще раз обнимает Машу и быстро уходит.*)

О л ь г а. Будет, Маша! Перестань, милая...

Входит Кулыгин.

К у л ы г и н (*в смущении*). Ничего, пусть поплачет, пусть... Хорошая моя Маша, добрая моя Маша... Ты моя жена, и я счастлив, что бы там ни было... Я не жалуюсь, не делаю тебе ни одного упрека... Вот и Оля свидетельница... Начнем жить опять по-старому, и я тебе ни одного слова, ни намека...

М а ш а (*сдерживая рыдания*). У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... золотая цепь на дубе том... Я с ума схожу... У лукоморья... дуб зеленый...

О л ь г а. Успокойся, Маша... Успокойся... Дай ей воды.

М а ш а. Я больше не плачу...

К у л ы г и н. Она уже не плачет... она добрая...

Слышен глухой, далекий выстрел.

М а ш а. У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том... Кот зеленый... дуб зеленый... Я путаю... (*Пьет воду.*) Неудачная жизнь... ничего мне теперь не нужно... Я сейчас успокоюсь... Все равно... Что значит у лукоморья? Почему это слово у меня в голове? Путаются мысли.

И р и н а входит.

О л ь г а. Успокойся, Маша. Ну, вот умница... Пойдем в комнату.

М а ш а (*сердито*). Не пойду я туда. (*Рыдает, но тотчас же останавливается.*) Я в дом уже не хожу, и не пойду...

И р и н а. Давайте посидим вместе, хоть помолчим. Ведь завтра я уезжаю...

Пауза.

К у л ы г и н. Вчера в третьем классе у одного мальчугана я отнял вот усы и бороду... (*Надевает усы и бо-*

роду.) Похож на учителя немецкого языка... (Смеется.)
Не правда ли? Смешные эти мальчишки.

М а ш а. В самом деле похож на вашего немца.

О л ь г а (смеется). Да.

Маша плачет.

И р и н а. Будет, Маша!

К у л ы г и н. Очень похож...

Входит Н а т а ш а.

Н а т а ш а (горничной). Что? С Софочкой посидит Протопопов, Михаил Иванович, а Бобика пусть покатает Андрей Сергееч. Столько хлопот с детьми... (Ирине.) Ирина, ты завтра уезжаешь, — такая жалость. Останься еще хоть недельку. (Увидев Кулыгина, вскрикивает; тот смеется и снимает усы и бороду.) Ну вас совсем, испугали! (Ирине.) Я к тебе привыкла и расстаться с тобой, ты думаешь, мне будет легко? В твою комнату я велю переселить Андрея с его скрипкой — пусть там пилит! — а в его комнату мы поместим Софочку. Дивный, чудный ребенок! Что за девчурка! Сегодня она посмотрела на меня таким глазками и — «мама»!

К у л ы г и н. Прекрасный ребенок, это верно.

Н а т а ш а. Значит, завтра я уже одна тут. (Вздыхает.) Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потом вот этот клен... По вечерам он такой некрасивый... (Ирине.) Милая, совсем не к лицу тебе этот пояс... Это безвкусица... Надо что-нибудь светленькое. И тут везде я велю понасажать цветочков, цветочков, и будет запах... (Строго.) Зачем здесь на скамье валяется вилка? (Проходя в дом, горничной.) Зачем здесь на скамье валяется вилка, я спрашиваю? (Кричит.) Молчать!

К у л ы г и н. Разошлась!

За сценой музыка играет марш; все слушают.

О л ь г а. Уходят.

Входит Ч е б у т ы к и н.

М а ш а. Уходят наши. Ну, что ж... Счастливым им путь! (Мужу.) Надо домой... Где моя шляпа и тальма?

К у л ы г и н. Я в дом отнес... Принесу сейчас. (*Уходит в дом.*)

О л ь г а. Да, теперь можно по домам. Пора.

Ч е б у т ы к и н. Ольга Сергеевна!

О л ь г а. Что?

Пауза.

Что?

Ч е б у т ы к и н. Ничего... Не знаю, как сказать вам... (*Шепчет ей на ухо.*)

О л ь г а (*в испуге*). Не может быть!

Ч е б у т ы к и н. Да... Такая история... Утомился я, замучился, больше не хочу говорить... (*С досадой.*) Впрочем, все равно!

М а ш а. Что случилось?

О л ь г а (*обнимает Ирину*). Ужасный сегодня день... Я не знаю, как тебе сказать, моя дорогая...

И р и н а. Что? Говорите скорей: что? Бога ради! (*Плачет.*)

Ч е б у т ы к и н. Сейчас на дуэли убит барон...

И р и н а (*тихо плачет*). Я знала, я знала...

Ч е б у т ы к и н (*в глубине сцены садится на скамью*). Утомился... (*Вынимает из кармана газету.*) Пусть поплачут... (*Тихо напевает.*) Та-ра-ра-бумбия... сижу на тумбе я... Не все ли равно!

Три сестры стоят, прижавшись друг к другу.

М а ш а. О, как играет музыка! Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем, навсегда, мы останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...

И р и н а (*кладет голову на грудь Ольги*). Придет время, все узнают, зачем все это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить... надо работать, только работать! Завтра я поеду одна, буду учить в школе и всю свою жизнь отдам тем, кому она, быть может, нужна. Теперь осень, скоро придет зима, засыплет снегом, а я буду работать, буду работать...

О л ь г а (*обнимает обеих сестер*). Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания

наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О милые сестры, жизнь паша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!

Музыка играет все тише и тише; Кулыгин, веселый, улыбающийся, несет шляпу и тальму, Андрей везет колясочку, в которой сидит Бобик.

Ч е б у т ы к и н (*тихо напевает*). Тара...ра... бумбия... сижу на тумбе я... (*Читает газету.*) Все равно! Все равно!

О л ь г а. Если бы знать, если бы знать!

З а н а в е с

О ВРЕДЕ ТАБАКА

Сцена-монолог в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО:

Иван Иванович Нюхин, муж своей жены, содержательницы музыкальной школы и женского пансиона.

Сцена представляет эстраду одного из провинциальных клубов.

Нюхин (*с длинными бакенами, без усов, в старом поношенном фраке, величественно входит, кланяется и поправляет жилетку*). Милостивые государыни и некоторым образом милостивые государи. (*Расчесывает бакены.*) Жене моей было предложено, чтобы я с благотворительною целью прочел здесь какую-нибудь популярную лекцию. Что ж? Лекцию так лекцию — мне решительно все равно. Я, конечно, не профессор и чужд ученых степеней, но тем не менее все-таки я вот уже тридцать лет не переставая, можно даже сказать, для вреда собственному здоровью и прочее, работаю над вопросами строго научного свойства, размышляю и даже пишу иногда, можете себе представить, ученые статьи, то есть не то чтобы ученые, а так, извините за выражение, вроде как бы ученые. Между прочим, на сих днях мною написана была громадная статья под заглавием: «О вреде некоторых насекомых». Дочерям очень понравилось, особенно про клопов, я же прочитал и разорвал. Ведь все равно, как ни пиши, а без персидского порошка не обойтись. У нас даже в роале клопы... Предметом сегодняшней моей лекции я избрал, так ска-

зять, вред, который приносит человечеству потребление табаку. Я сам курю, но жена моя велела читать сегодня о вреде табака, и, стало быть, нечего тут разговаривать. О табаке так о табаке — мне решительно все равно, вам же, милостивые государи, предлагаю отнестись к моей настоящей лекции с должною серьезностью, иначе как бы чего не вышло. Кого же пугает сухая, научная лекция, кому не нравится, тот может не слушать и выйти. (*Поправляет жилетку.*) Особенно прошу внимания у присутствующих здесь господ врачей, которые могут почерпнуть из моей лекции много полезных сведений, так как табак, помимо его вредных действий, употребляется также в медицине. Так, например, если муху посадить в табакерку, то она издохнет, вероятно, от расстройства нервов. Табак есть главным образом растение... Когда я читаю лекцию, то обыкновенно подмигиваю правым глазом, но вы не обращайтесь внимания; это от волнения. Я очень нервный человек, вообще говоря, а глазом начал подмигивать в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году тринадцатого сентября, в тот самый день, когда у моей жены родилась, некоторым образом, четвертая дочь Варвара. У меня все дочери родились тринадцатого числа. Впрочем (*поглядев на часы*), ввиду недостатка времени, не станем отклоняться от предмета лекции. Надо вам заметить, жена моя содержит музыкальную школу и частный пансион, то есть не то чтобы пансион, а так, нечто вроде. Между нами говоря, жена любит пожаловаться на недостатки, но у нее кое-что припрятано, этак тысяч сорок или пятьдесят, у меня же ни копейки за душой, ни гроша — ну, да что толковать! В пансионе я состою заведующим хозяйственной частью. Я покупаю провизию, проверяю прислугу, записываю расходы, шью тетрадки, вывожу клопов, прогуливаю женину собачку, ловлю мышей... Вчера вечером на моей обязанности лежало выдать кухарке муку и масло, так как предполагались блины. Ну-с, одним словом, сегодня, когда блины были уже испечены, моя жена пришла на кухню сказать, что три воспитанницы не будут кушать блинов, так как у них распухли железы. Таким образом оказалось, что мы испекли несколько лишних блинов. Куда прикажете девать их? Жена сначала велела отнести их

на погреб, а потом подумала, подумала и говорит: «Ешь эти блины сам, чучело». Она, когда бывает не в духе, зовет меня так: чучело, или аспид, или сатана. А какой я сатана? Она всегда не в духе. И я не съел, а проглотил, не жевавши, так как всегда бываю голоден. Вчера, например, она не дала мне обедать. «Тебя, говорит, чучело, кормить не для чего...» Но, однако (*смотрит на часы*), мы заболтались и несколько уклонились от темы. Будем продолжать. Хотя, конечно, вы охотнее прослушали бы теперь романс, или какую-нибудь этакую симфонию, или арию... (*Запевает.*) «Мы не моргнем в пылу сраженья глазом...» Не помню уж, откуда это... Между прочим, я забыл сказать вам, что в музыкальной школе моей жены, кроме заведования хозяйством, на мне лежит еще преподавание математики, физики, химии, географии, истории, сольфеджио, литературы и прочее. За танцы, пение и рисование жена берет особую плату, хотя танцы и пение преподаю тоже я. Наше музыкальное училище находится в Пятисобачьем переулке, в доме номер тринадцать. Вот потому-то, вероятно, и жизнь моя такая неудачная, что живем мы в доме номер тринадцать. И дочери мои родились тринадцатого числа, и в доме у нас тринадцать окошек... Ну, да что толковать! Для переговоров жену мою можно застать дома во всякое время, а программа школы, если желаете, продается у швейцара по тридцать копеек за экземпляр. (*Вынимает из кармана несколько брошюр.*) И вот я, если желаете, могу поделиться. За каждый экземпляр по тридцать копеек! Кто желает?

Пауза.

Никто не желает? Ну, по двадцать копеек!

Пауза.

Досадно. Да, дом номер тринадцать! Ничто мне не удается, постарел, поглупел... Вот читаю лекцию, на вид я весел, а самому так и хочется крикнуть во все горло или полететь куда-нибудь за тридевять земель. И пожаловаться некому, даже плакать хочется... Вы скажете: дочери... Что дочери? Я говорю им, а они только смеются... У моей жены семь дочерей... Нет, виноват, кажется,

шесть... *(Живо.)* Семь! Старшей из них Анне двадцать семь лет, младшей семнадцать. Милостивые государи! *(Оглядывается.)* Я несчастлив, я обратился в дурака, в ничтожество, но, в сущности, вы видите перед собой счастливейшего из отцов. В сущности, это так должно быть, и я не смею говорить иначе. Если б вы только знали! Я прожил с женой тридцать три года, и могу сказать, это были лучшие годы моей жизни, не то чтобы лучшие, а так вообще. Протекли они, одним словом, как один счастливый миг, собственно говоря, черт бы их побрал совсем. *(Оглядывается.)* Впрочем, она, кажется, еще не пришла, ее здесь нет, и можно говорить все что угодно... Я ужасно боюсь... боюсь, когда она на меня смотрит. Да, так вот я и говорю: дочери мои не выходят так долго замуж, вероятно, потому, что они застенчивы, и потому, что мужчины их никогда не видят. Вечеров давать жена моя не хочет, на обеды она никого не приглашает, это очень скупая, сердитая, сварливая дама, и потому никто не бывает у нас, но... могу вам сообщить по секрету... *(Приближается к рампе.)* Дочерей моей жены можно видеть по большим праздникам у тетки их Натальи Семеновны, той самой, которая страдает ревматизмом и ходит в этаким желтом платье с черными пятнышками, точно вся осыпана тараканами. Там подают и закуски. А когда там не бывает моей жены, то можно и это... *(Щелкает себя по щеке.)* Надо вам заметить, пьянею я от одной рюмки, и от этого становится хорошо на душе и в то же время так грустно, что и высказать не могу; вспоминаются почему-то молодые годы, и хочется почему-то бежать, ах, если бы вы знали, как хочется! *(С увлечением.)* Бежать, бросить все и бежать без оглядки... куда? Все равно куда... лишь бы бежать от этой дрянной, пошлой, дешевенькой жизни, превратившей меня в старого, жалкого дурака, старого, жалкого идиота, бежать от этой глупой, мелкой, злой, злой, злой скряги, от моей жены, которая мучила меня тридцать три года, бежать от музыки, от кухни, от жениных денег, от всех этих пу-стяков и пошлостей... и остановиться где-нибудь далеко-далеко в поле и стоять деревом, столбом, огородным пугалом, под широким небом, и глядеть всю ночь, как над тобой стоит тихий, ясный месяц, и забыть, забыть...

О, как бы я хотел ничего не помнить!.. Как бы я хотел сорвать с себя этот подлый, старый фрак, в котором я тридцать лет назад венчался... *(срывает с себя фрак)* в котором постоянно читаю лекции с благотворительной целью... Вот тебе! *(Топчет фрак.)* Вот тебе! Стар я, беден, жалок, как эта самая жилетка с ее поношенной, облезлой спиной... *(Показывает спину.)* Не нужно мне ничего! Я выше и чище этого, я был когда-то молод, умен, учился в университете, мечтал, считал себя человеком... Теперь не нужно мне ничего! Ничего бы, кроме покоя... кроме покоя! *(Поглядев в сторону, быстро надевает фрак.)* Однако за кулисами стоит жена... Пришла и ждет меня там... *(Смотрит на часы.)* Уже прошло время... Если спросит она, то, пожалуйста, прошу вас, скажите ей, что лекция была... что чучело, то есть я, держал себя с достоинством. *(Смотрит в сторону, откашливается.)* Она смотрит сюда... *(Возвысив голос.)* Исходя из того положения, что табак заключает в себе страшный яд, о котором я только что говорил, курить ни в каком случае не следует, и я позволю себе, некоторым образом, надеяться, что эта моя лекция «о вреде табака» принесет свою пользу. Я все сказал. *Dixi et animam levavi!*¹ *(Кланяется и величественно уходит.)*

---

¹ Сказал и облегчил душу! *(лат.)*

ВИШНЕВЫЙ САД

Комедия в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Раневская Любовь Андреевна, помещица.
Аня, ее дочь, 17 лет.
Варя, ее приемная дочь, 24 лет.
Гаев Леонид Андреевич, брат Раневской.
Лопухин Ермолай Алексеевич, купец.
Трофимов Петр Сергеевич, студент.
Симеонов-Пищик Борис Борисович, помещик.
Шарлотта Ивановна, гувернантка.
Епиходов Семен Пантелеевич, конторщик.
Дуняша, горничная.
Фирс, лакей, старик 87 лет.
Яша, молодой лакей.
Прохожий.
Начальник станции.
Почтовый чиновник.
Гости, прислуга.

Действие происходит в имении Л. А. Раневской.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната, которая до сих пор называется детской. Одна из дверей ведет в комнату Ани. Рассвет, скоро взойдет солнце. Уже май, цветут вишневые деревья, но в саду холодно, утренник.

Окна в комнате закрыты.

Входят Д у н я ш а со свечой и Л о п а х и н с книгой в руке.

Л о п а х и н. Пришел поезд, слава богу. Который час?

Д у н я ш а. Скоро два. *(Тушит свечу.)* Уже светло.

Л о п а х и н. На сколько же это опоздал поезд? Часа на два по крайней мере. *(Зевает и потягивается.)* Я-то хорош, какого дурака сваял! Нарочно приехал сюда, чтобы на станции встретить, и вдруг проспал... Сидя уснул. Досада... Хоть бы ты меня разбудила.

Д у н я ш а. Я думала, что вы уехали. *(Прислушивается.)* Вот, кажется, уже едут.

Л о п а х и н *(прислушивается)*. Нет... Багаж получить, то да се...

Пауза.

Любовь Андреевна прожила за границей пять лет, не знаю, какая она теперь стала... Хороший она человек. Легкий, простой человек. Помню, когда я был мальчонком лет пятнадцати, отец мой покойный — он тогда здесь на деревне в лавке торговал — ударил меня по лицу кулаком, кровь пошла из носу... Мы тогда вместе пришли зачем-то во двор, и он выпивши был. Любовь Андреевна, как сейчас помню, еще молоденькая, такая худенькая, подвела меня к рукомойнику, вот в этой самой комнате, в детской. «Не плачь, говорит, мужичок, до свадьбы заживет...»

Пауза.

Мужичок... Отец мой, правда, мужик был, а я вот в белой жилетке, желтых башмаках. Со свиным рылом в калашный ряд... Только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобраться, то мужик мужиком... *(Перелистывает книгу.)* Читал вот книгу и ничего не понял. Читал и заснул.

Пауза.

Д у н я ш а. А собаки всю ночь не спали, чуют, что хозяйева едут.

Л о п а х и н. Что ты, Дуняша, такая...

Д у н я ш а. Руки трясутся. Я в обморок упаду.

Л о п а х и н. Очень уж ты нежная, Дуняша. И одеваешься, как барышня, и прическа тоже. Так нельзя. Надо себя помнить.

Входит Е п и х о д о в с букетом, он в пиджаке и в ярко вычищенных сапогах, которые сильно скрипят; войдя, он роняет букет.

Е п и х о д о в (*поднимает букет*). Вот садовник прислал, говорит, в столовой поставить. (*Отдает Дуняше букет.*)

Л о п а х и н. И квасу мне принесешь.

Д у н я ш а. Слушаю. (*Уходит.*)

Е п и х о д о в. Сейчас утренник, мороз в три градуса, а вишня вся в цвету. Не могу одобрить нашего климата. (*Вздыхает.*) Не могу. Наш климат не может способствовать в самый раз. Вот, Ермолай Алексеич, позвольте вам присовокупить, купил я себе третьего дня сапоги, а они, смею вас уверить, скрипят так, что нет никакой возможности. Чем бы смазать?

Л о п а х и н. Отстань. Надоел.

Е п и х о д о в. Каждый день случается со мной какое-нибудь несчастье. И я не ропщу, привык и даже улыбаюсь.

Д у н я ш а входит, подает Лопухину квас.

Я пойду. (*Натыкается на стул, который падает.*) Вот... (*Как бы торжествуя.*) Вот видите, извините за выражение, какое обстоятельство, между прочим... Это просто даже замечательно! (*Уходит.*)

Д у н я ш а. А мне, Ермолай Алексеич, признаться, Епиходов предложение сделал.

Л о п а х и н. А!

Д у н я ш а. Не знаю уж как... Человек он смирный, а только иной раз как начнет говорить, ничего не поймешь. И хорошо, и чувствительно, только непонятно. Мне он как будто и нравится. Он меня любит безумно. Человек он несчастливый, каждый день что-нибудь. Его так и дразнят у нас: двадцать два несчастья...

Л о п а х и н (*прислушивается*). Вот, кажется, едут...

Д у н я ш а. Едут! Что ж это со мной... похолодела вся.

Л о п а х и н. Едут, в самом деле. Пойдем встречать. Узнает ли она меня? Пять лет не видались.

Д у н я ш а (*в волнении*). Я сейчас упаду... Ах, упаду!

Слышно, как к дому подъезжают два экипажа. Лопухин и Дуняша быстро уходят. Сцена пуста. В соседних комнатах начинается шум. Через сцену, опираясь на палочку, торопливо проходит Ф и р с, ездивший встречать Любовь Андреевну; он в старинной ливрее и в высокой шляпе что-то говорит сам с собой, но нельзя разобрать ни одного слова. Шум за сценой все усиливается. Голос: «Вот пройдите здесь...» Любовь Андреевна, Аня и Шарлотта Ивановна с собачкой на цепочке, одетые по-дорожному. Варя в пальто и платке, Гаев, Симеонов-Пищик, Л о п а х и н, Д у н я ш а с узлом и зонтиком, прислуга с вещами — все идут через комнату.

А н я. Пройдете здесь. Ты, мама, помнишь, какая это комната?

Л ю б о в ь А н д р е е в н а (*радостно, сквозь слезы*). Детская!

В а р я. Как холодно, у меня руки заоченели. (*Любови Андреевне.*) Ваши комнаты, белая и фиолетовая, такими же и остались, мамочка.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой... (*Плачет.*) И теперь я как маленькая... (*Целует брата, Варю, потом опять брата.*) А Варя по-прежнему все такая же, на монашку похожа. И Дуняшу я узнала... (*Целует Дуняшу.*)

Г а е в. Поезд опоздал на два часа. Каково? Каковы порядки?

Ш а р л о т т а (*Пищику*). Моя собака и орехи кушает.

П и щ и к (*удивленно*). Вы подумайте!

Уходят все, кроме Ани и Дуняши.

Д у н я ш а. Заждались мы... (*Снимает с Ани пальто, шляпу.*)

А н я. Я не спала в дороге четыре ночи... теперь озябла очень.

Д у н я ш а. Вы уехали в великом посту, тогда был снег, был мороз, а теперь? Милая моя! *(Смеется, целует ее.)* Заждалась вас, радость моя, светик... Я скажу вам сейчас, одной минутки не могу утерпеть...

А н я *(вяло)*. Опять что-нибудь...

Д у н я ш а. Конторщик Епиходов после святой мне предложение сделал.

А н я. Ты все об одном... *(Поправляя волосы.)* Я потеряла все шпильки... *(Она очень утомлена, даже пошатывается.)*

Д у н я ш а. Уж я не знаю, что и думать. Он меня любит, так любит!

А н я *(глядит в свою дверь, нежно)*. Моя комната, мои окна, как будто я не уезжала. Я дома! Завтра утром встану, побегу в сад... О, если бы я могла уснуть! Я не спала всю дорогу, томило меня беспокойство.

Д у н я ш а. Третьего дня Петр Сергеич приехали.

А н я *(радостно)*. Петя!

Д у н я ш а. В бане спят, там и живут. Боюсь, говорят, стеснить. *(Взглянув на свои карманные часы.)* Надо бы их разбудить, да Варвара Михайловна не велела. Ты, говорит, его не буди.

Входит В а р я, на поясе у нее вязка ключей.

В а р я. Дуняша, кофе поскорей... Мамочка кофе просит.

Д у н я ш а. Сию минуточку. *(Уходит.)*

В а р я. Ну, слава богу, приехали. Опять ты дома. *(Ласкаясь.)* Душечка моя приехала! Красавица приехала!

А н я. Натерпелась я.

В а р я. Воображаю!

А н я. Выехала я на страстной неделе, тогда было холодно. Шарлотта всю дорогу говорит, представляет фокусы. И зачем ты навязала мне Шарлотту...

В а р я. Нельзя же тебе одной ехать, душечка. В семнадцать лет!

А н я. Приезжаем в Париж, там холодно, снег. По-французски говорю я ужасно. Мама живет на пятом этаже, прихожу к ней, у нее какие-то французы, дамы, старый патер с книжкой, и накурено, неуютно. Мне

вдруг стало жаль мамы, так жаль, я обняла ее голову, сжала руками и не могу выпустить. Мама потом все ласкалась, плакала...

В а р я (*сквозь слезы*). Не говори, не говори...

А н я. Дачу свою около Ментоны она уже продала, у нее ничего не осталось, ничего. У меня тоже не осталось ни копейки, едва доехали. И мама не понимает! Сядем на вокзале обедать, и она требует самое дорогое и на чай лакеям дает по рублю. Шарлотта тоже. Яша тоже требует себе порцию, просто ужасно. Ведь у мамы лакей Яша, мы привезли его сюда...

В а р я. Видела подлеца.

А н я. Ну что, как? Заплатили проценты?

В а р я. Где там.

А н я. Боже мой, боже мой...

В а р я. В августе будут продавать имение...

А н я. Боже мой...

Л о п а х и н (*заглядывает в дверь и мычит*). Ме-е-е... (*Уходит.*)

В а р я (*сквозь слезы*). Вот так бы и дала ему... (*Грозит кулаком.*)

А н я (*обнимает Варю, тихо*). Варя, он сделал предложение? (*Варя отрицательно качает головой.*) Ведь он же тебя любит... Отчего вы не объяснитесь, чего вы ждете?

В а р я. Я так думаю, ничего у нас не выйдет. У него дела много, ему не до меня... и внимания не обращает. Бог с ним совсем, тяжело мне его видеть... Все говорят о нашей свадьбе, все поздравляют, а на самом деле ничего нет, все как сон... (*Другим тоном.*) У тебя брошка вроде как пчелка.

А н я (*печально*). Это мама купила. (*Идет в свою комнату, говорит весело, по-детски.*) А в Париже я на воздушном шаре летала!

В а р я. Душечка моя приехала! Красавица приехала!

Д у н я ш а уже вернулась с кофейником и варит кофе.

(*Стоит около двери.*) Хожу я, душечка, целый день по хозяйству и все мечтаю. Выдать бы тебя за богатого человека, и я бы тогда была покойной, пошла бы себе

в пустынь, потом в Киев... в Москву, и так бы все ходила по святым местам... Ходила бы и ходила. Благолепие!..

А н я. Птицы поют в саду. Который теперь час?

В а р я. Должно, третий. Тебе пора спать, душечка. (Входя в комнату к Ане.) Благолепие!

Входит Я ш а с пледом, дорожной сумочкой.

Я ш а (идет через сцену, деликатно). Тут можно пройти-с?

Д у н я ш а. И не узнаешь вас, Яша. Какой вы стали за границей.

Я ш а. Гм... А вы кто?

Д у н я ш а. Когда вы уезжали отсюда, я была такой... (Показывает от пола.) Дуняша, Федора Козодова дочь. Вы не помните!

Я ш а. Гм... Огурчик! (Оглядывается и обнимает ее; она вскрикивает и роняет блюдечко. Яша быстро уходит.)

В а р я (в дверях, недовольным голосом). Что еще тут?

Д у н я ш а (сквозь слезы). Блюдечко разбила...

В а р я. Это к добру.

А н я (выйдя из своей комнаты). Надо бы маму предупредить: Петя здесь...

В а р я. Я приказала его не будить.

А н я (задумчиво). Шесть лет тому назад умер отец, через месяц утонул в реке брат Гриша, хорошенький семилетний мальчик. Мама не перенесла, ушла, ушла без оглядки... (Вздрагивает.) Как я ее понимаю, если бы она знала!

Пауза.

А Петя Трофимов был учителем Гриши, он может напомнить...

Входит Ф и р с, он в пиджаке и белом жилете.

Ф и р с (идет к кофейнику, озабоченно). Барыня здесь будут кушать... (Надевает белые перчатки.) Готов кофий? (Строго Дуняше.) Ты! А сливки?

Д у н я ш а. Ах, боже мой... (Быстро уходит.)

Фирс (*хлопочет около кофейника*). Эх ты недо-тепа... (*Бормочет про себя*.) Приехали из Парижа... И барин когда-то ездил в Париж... на лошадях... (*Смеется*.)

Варя. Фирс, ты о чем?

Фирс. Чего изволите? (*Радостно*.) Барыня моя приехала! Дождался! Теперь хоть и помереть... (*Плачет от радости*.)

Входят Любовь Андреевна, Гаев и Симеонов-Пищик; Симеонов-Пищик в поддевке из тонкого сукна и шароварах. Гаев, входя, руками и туловищем делает движения, как будто играет на бильярде.

Любовь Андреевна. Как это? Дай-ка вспомнить... Желтого в угол! Дуплет в середину!

Гаев. Режу в угол! Когда-то мы с тобой, сестра, спали вот в этой самой комнате, а теперь мне уже пятьдесят один год, как это ни странно...

Лопахин. Да, время идет.

Гаев. Кого?

Лопахин. Время, говорю, идет.

Гаев. А здесь пачулями пахнет.

Аня. Я спать пойду. Спокойной ночи, мама. (*Целует мать*.)

Любовь Андреевна. Ненаглядная дитюся моя. (*Целует ей руки*.) Ты рада, что ты дома? Я никак в себя не приду.

Аня. Прощай, дядя.

Гаев (*целует ей лицо, руки*). Господь с тобой. Как ты похожа на свою мать! (*Сестре*.) Ты, Люба, в ее годы была точно такая.

Аня подает руку Лопахину и Пищику, уходит и затворяет за собой дверь.

Любовь Андреевна. Она утомилась очень.

Пищик. Дорога небось длинная.

Варя (*Лопахину и Пищику*). Что ж, господа? Третий час, пора и честь знать.

Любовь Андреевна (*смеется*). Ты все такая же, Варя. (*Привлекает ее к себе и целует*.) Вот выпью кофе, тогда все уйдем.

Фирс кладет ей под ноги подушечку.

Спасибо, родной. Я привыкла к кофе. Пью его и днем и ночью. Спасибо, мой старичок. *(Целует Фирса.)*

В а р я. Поглядеть, все ли вещи привезли... *(Уходит.)*

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Неужели это я сижу? *(Смеется.)* Мне хочется прыгать, размахивать руками. *(Закрывает лицо руками.)* А вдруг я сплю! Видит бог, я люблю родину, люблю нежно, я не могла смотреть из вагона, все плакала. *(Сквозь слезы.)* Однако же надо пить кофе. Спасибо тебе, Фирс, спасибо, мой старичок. Я так рада, что ты еще жив.

Ф и р с. Позавчера.

Г а е в. Он плохо слышит.

Л о п а х и н. Мне сейчас, в пятом часу утра, в Харьков ехать. Такая досада! Хотелось поглядеть на вас, поговорить... Вы все такая же великолепная.

П и щ и к *(тяжело дышит)*. Даже похорошела... Одета по-парижскому... пропадай моя телега, все четыре колеса...

Л о п а х и н. Ваш брат, вот Леонид Андреич, говорит про меня, что я хам, я кулак, но это мне решительно все равно. Пускай говорит. Хотелось бы только, чтобы вы мне верили по-прежнему, чтобы ваши удивительные, трогательные глаза глядели на меня, как прежде. Боже милосердный! Мой отец был крепостным у вашего деда и отца, но вы, собственно вы, сделали для меня когда-то так много, что я забыл все и люблю вас, как родную... больше, чем родную.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Я не могу усидеть, не в состоянии... *(Вскакивает и ходит в сильном волнении.)* Я не переживу этой радости... Смейтесь надо мной, я глупая... Шкафик мой родной... *(Целует шкаф.)* Столик мой.

Г а е в. А без тебя тут няня умерла.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а *(садится и пьет кофе)*. Да, царство небесное. Мне писали.

Г а е в. И Анастасий умер. Петрушка Косой от меня ушел и теперь в городе у пристава живет. *(Вынимает из кармана коробку с леденцами, сосет.)*

П и щ и к. Дочка моя, Дашенька... вам кланяется...

Л о п а х и н. Мне хочется сказать вам что-нибудь

очень приятное, веселое. (*Взглянув на часы.*) Сейчас уеду, некогда разговаривать... ну, да я в двух-трех словах. Вам уже известно, вишневый сад ваш продается за долги, на двадцать второе августа назначены торги, но вы не беспокойтесь, моя дорогая, спите себе спокойно, выход есть... Вот мой проект. Прошу внимания! Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода.

Г а е в. Извините, какая чепуха!

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Я вас не совсем понимаю, Ермолай Алексеич.

Л о п а х и н. Вы будете брать с дачников самое малое по двадцать пять рублей в год за десятину, и если теперь же объявите, то, я ручаюсь чем угодно, у вас до осени не останется ни одного свободного клочка, все разберут. Одним словом, поздравляю, вы спасены. Местоположение чудесное, река глубокая. Только, конечно, нужно поубрать, почистить... например, скажем, снести все старые постройки, вот этот дом, который уже никуда не годится, вырубить старый вишневый сад...

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Вырубить? Милый мой, простите, вы ничего не понимаете. Если во всей губернии есть что-нибудь интересное, даже замечательное, так это только наш вишневый сад.

Л о п а х и н. Замечательного в этом саду только то, что он очень большой. Вишня родится раз в два года, да и ту девать некуда, никто не покупает.

Г а е в. И в «Энциклопедическом словаре» упоминается про этот сад.

Л о п а х и н (*взглянув на часы*). Если ничего не придумаем и ни к чему не придем, то двадцать второго августа и вишневый сад и все имение будут продавать с аукциона. Решайтесь же! Другого выхода нет, клянусь вам. Нет и нет.

Ф и р с. В прежнее время, лет сорок — пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили, и, бывало...

Г а е в. Помолчи, Фирс.

Ф и р с. И, бывало, сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Харькв. Денег было! И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая... Способ тогда знали...

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. А где же теперь этот способ?

Ф и р с. Забыли. Никто не помнит.

П и щ и к (*Любови Андреевне*). Что в Париже? Как? Ели лягушек?

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Крокодилов ела.

П и щ и к. Вы подумайте...

Л о п а х и н. До сих пор в деревне были только господа и мужики, а теперь появились еще дачники. Все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами. И можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своей одной десятине он займется хозяйством, и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным...

Г а е в (*возмущаясь*). Какая чепуха!

Входят В а р я Я ш а.

В а р я. Тут, мамочка, вам две телеграммы. (*Выбирает ключ и со звоном отпирает старинный шкаф.*) Вот они.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Это из Парижа. (*Рвет телеграммы, не прочитав.*) С Парижем кончено...

Г а е в. А ты знаешь, Люба, сколько этому шкафу лет? Неделю назад я выдвинул нижний ящик, гляжу, а там выжжены цифры. Шкаф сделан ровно сто лет тому назад. Каково? А? Можно было бы юбилей отпраздновать. Предмет неодоушевленный, а все-таки, как-никак, книжный шкаф.

П и щ и к (*удивленно*). Сто лет... Вы подумайте!..

Г а е в. Да... Это вещь... (*Ощупав шкаф.*) Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости; твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал в течение ста лет, поддерживая (*сквозь слезы*) в поколе-

ниях нашего рода бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывая в нас идеалы добра и общественного самосознания.

Пауза.

Л о п а х и н. Да...

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Ты все такой же, Леня.

Г а е в *(немного сконфуженный)*. От шара направо в угол! Режу в среднюю!

Л о п а х и н *(поглядывая на часы)*. Ну, мне пора.

Я ш а *(подает Любви Андреевне лекарство)*. Может, примете сейчас пилюли...

П и щ и к. Не надо принимать медикаменты, милейшая... от них ни вреда, ни пользы... Дайте-ка сюда... многоуважаемая. *(Берет пилюли, высыпает их себе на ладонь, дует на них, кладет в рот и запивает квасом.)* Вот!

Л ю б о в ь А н д р е е в н а *(испуганно)*. Да вы с ума сошли!

П и щ и к. Все пилюли принял.

Л о п а х и н. Экая прорва.

Все смеются.

Ф и р с. Они были у нас на святой, полведра огурцов скушали... *(Бормочет.)*

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. О чем это он?

В а р я. Уж три года так бормочет. Мы привыкли.

Я ш а. Преклонный возраст.

Ш а р л о т т а И в а н о в н а в белом платье, очень худая, стянутая, с лорнеткой на поясе проходит через сцену.

Л о п а х и н. Простите, Шарлотта Ивановна, я не успел еще поздороваться с вами. *(Хочет поцеловать у нее руку.)*

Ш а р л о т т а *(отнимая руку)*. Если позволить вам поцеловать руку, то вы потом пожелаете в локоть, потом в плечо...

Л о п а х и н. Не везет мне сегодня.

Все смеются.

Шарлотта Ивановна, покажите фокус!

Любовь Андреевна. Шарлотта, покажите фокус!

Шарлотта. Не надо. Я спать желаю. (*Уходит.*)

Лопухин. Через три недели увидимся. (*Целует Любви Андреевне руку.*) Пока прощайте. Пора. (*Гаеву.*) До свиданья. (*Целуется с Пищиком.*) До свиданья. (*Подает руку Варю, потом Фирсу и Яше.*) Не хочется уезжать. (*Любви Андреевне.*) Ежели надумаете насчет дач и решите, тогда дайте знать, я займы тысяч пятьдесят достану. Seriously подумайте.

Варя (*сердито*). Да уходите же наконец!

Лопухин. Ухожу, ухожу... (*Уходит.*)

Гаев. Хам. Впрочем, прощай... Варя выходит за него замуж, это Варин женишок.

Варя. Не говорите, дядечка, лишнего.

Любовь Андреевна. Что ж, Варя, я буду очень рада. Он хороший человек.

Пищик. Человек, надо правду говорить... достойнейший... И моя Дашенька... тоже говорит, что... разные слова говорит. (*Храпит, но тотчас же просыпается.*) А все-таки, многоуважаемая, одолжите мне... займы двести сорок рублей... завтра по закладной проценты платить...

Варя (*испуганно*). Нету, нету!

Любовь Андреевна. У меня в самом деле нет ничего.

Пищик. Найдутся. (*Смеется.*) Не теряю никогда надежды. Вот, думаю, уж все пропало, погиб, ан глядь,— железная дорога по моей земле прошла, и... мне заплатили. А там, гляди, еще что-нибудь случится не сегодня-завтра... Двести тысяч выиграет Дашенька... у нее билет есть.

Любовь Андреевна. Кофе выпит, можно на покой.

Фирс (*чистит щеткой Гаева, наставительно*). Опять не те брючки надели. И что мне с вами делать!

Варя (*тихо*). Аня спит. (*Тихо отворяет окно.*) Уже взошло солнце, не холодно. Взгляните, мамочка: какие чудесные деревья! Боже мой, воздух! Скворцы поют!

Г а е в (*отворяет другое окно*). Сад весь белый. Ты не забыла, Люба? Вот эта длинная аллея идет прямо, прямо, точно протянутый ремень, она блестит в лунные ночи. Ты помнишь? Не забыла?

Л ю б о в ь А н д р е е в н а (*глядит в окно на сад*). О мое детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мною каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось. (*Смеется от радости.*) Весь, весь белый! О сад мой! После темной ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя... Если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое!

Г а е в. Да, и сад продадут за долги, как это ни странно...

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье! (*Смеется от радости.*) Это она.

Г а е в. Где?

В а р я. Господь с вами, мамочка.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Никого нет, мне показалось. Направо, на повороте к беседке, белое деревцо склонилось, похоже на женщину...

Входит Т р о ф и м о в в поношенном студенческом мундире.
в очках.

Какой изумительный сад! Белые массы цветов, голубое небо...

Т р о ф и м о в. Любовь Андреевна!

Она оглянулась на него.

Я только поклонюсь вам и тотчас же уйду. (*Горючо целует руку.*) Мне приказано было ждать до утра, но у меня не хватило терпения...

Любовь Андреевна смотрит с недоумением.

В а р я (*сквозь слезы*). Это Петя Трофимов...

Т р о ф и м о в. Петя Трофимов, бывший учитель вашего Гриши... Неужели я так изменился?

Любовь Андреевна обнимает его и тихо плачет.

Гаев (*смущенно*). Полно, полно, Люба.

Варя (*плачет*). Говорила ведь, Петя, чтобы погодили до завтра.

Любовь Андреевна. Гриша мой... мой мальчик... Гриша... сын...

Варя. Что же делать, мамочка. Воля божья.

Трофимов (*мягко, сквозь слезы*). Будет, будет...

Любовь Андреевна (*тихо плачет*). Мальчик погиб, утонул... Для чего? Для чего, мой друг. (*Тише.*) Там Аня спит, а я громко говорю... поднимаю шум... Что же, Петя? Отчего вы так подурнели? Отчего постарели?

Трофимов. Меня в вагоне одна баба назвала так: облезлый барин.

Любовь Андреевна. Вы были тогда совсем мальчиком, милым студентиком, а теперь волосы негустые, очки. Неужели вы все еще студент? (*Идет к двери.*)

Трофимов. Должно быть, я буду вечным студентом.

Любовь Андреевна (*целует брата, потом Варю*). Ну, идите спать... Постарел и ты, Леонид.

Пищик (*идет за ней*). Значит, теперь спать... Ох, подагра моя. Я у вас останусь... Мне бы, Любовь Андреевна, душа моя, завтра утречком... двести сорок рублей...

Гаев. А этот все свое.

Пищик. Двести сорок рублей... проценты по закладной платить.

Любовь Андреевна. Нет у меня денег, голубчик.

Пищик. Отдам, милая... Сумма пустяшная...

Любовь Андреевна. Ну, хорошо, Леонид даст... Ты дай, Леонид.

Гаев. Дам я ему, держи карман.

Любовь Андреевна. Что же делать, дай... Ему нужно... Он отдаст.

Любовь Андреевна, Трофимов, Пищик и Фирс уходят. Остаются Гаев, Варя и Яша.

Гаев. Сестра не отвыкла еще сорить деньгами. (*Яше.*) Отойди, любезный, от тебя курицей пахнет.

Я ша (с усмешкой). А вы, Леонид Андрейч, все такой же, как были.

Га ев. Кого? (Варе.) Что он сказал?

В а р я (Яше). Твоя мать пришла из деревни, со вчерашнего дня сидит в людской, хочет повидаться...

Я ша. Бог с ней совсем!

В а р я. Ах бесстыдник!

Я ша. Очень нужно. Могла бы и завтра прийти. (Уходит.)

В а р я. Мамочка такая же, как была, нисколько не изменилась. Если бы ей волю, она бы все раздала.

Га ев. Да...

Пауза.

Если против какой-нибудь болезни предлагается очень много средств, то это значит, что болезнь неизлечима. Я думаю, напрягаю мозги, у меня много средств, очень много и, значит, в сущности, ни одного. Хорошо бы получить от кого-нибудь наследство, хорошо бы выдать нашу Аню за очень богатого человека, хорошо бы поехать в Ярославль и попытать счастья у тетушки-графини. Тетка ведь очень, очень богата.

В а р я (плачет). Если бы бог помог.

Га ев. Не реви. Тетка очень богата, но нас она не любит. Сестра, во-первых, вышла замуж за присяжного поверенного, не дворянина...

А н я показывается в дверях.

Вышла за не дворянина и вела себя нельзя сказать чтобы очень добродетельно. Она хорошая, добрая, славная, я ее очень люблю, но, как там ни придумывай смягчающие обстоятельства, все же, надо сознаться, она порочна. Это чувствуется в ее малейшем движении.

В а р я (шепотом). Аня стоит в дверях.

Га ев. Кого?

Пауза.

Удивительно, мне что-то в правый глаз попало... плохо стал видеть. И в четверг, когда я был в окружном суде...

Входит А н я.

В а р я. Что же ты не спишь, Аня?

А н я. Не спится. Не могу.

Г а е в. Крошка моя. *(Целует Ане лицо, руки.)* Дитя мое... *(Сквозь слезы.)* Ты не племянница, ты мой ангел, ты для меня все. Верь мне, верь...

А н я. Я верю тебе, дядя. Тебя все любят, уважают... но, милый дядя, тебе надо молчать, только молчать. Что ты говорил только что про мою маму, про свою сестру? Для чего ты это говорил?

Г а е в. Да, да... *(Ее рукой закрывает себе лицо.)* В самом деле, это ужасно! Боже мой! Боже, спаси меня! И сегодня я речь говорил перед шкафом... так глупо! И только когда кончил, понял, что глупо.

В а р я. Правда, дядечка, вам надо бы молчать. Молчите себе, и все.

А н я. Если будешь молчать, то тебе же самому будет покойнее.

Г а е в. Молчу. *(Целует Ане и Варе руки.)* Молчу. Только вот о деле. В четверг я был в окружном суде, ну, сошлась компания, начался разговор о том о сем, пятое-десятое, и, кажется, вот можно будет устроить заем под векселя, чтобы заплатить проценты в банк.

В а р я. Если бы господь помог!

Г а е в. Во вторник поеду, еще раз поговорю. *(Варе.)* Не реви. *(Ане.)* Твоя мама поговорит с Лопахинным; он, конечно, ей не откажет... А ты, как отдохнешь, поедешь в Ярославль к графине, твоей бабушке. Вот так и будем действовать с трех концов — и дело наше в шляпе. Проценты мы заплатим, я убежден... *(Кладет в рот леденец.)* Честью моей, чем хочешь, клянусь, имение не будет продано! *(Возбужденно.)* Счастьем моим клянусь! Вот тебе моя рука, назови меня тогда дрянным, бесчестным человеком, если я допущу до аукциона! Всем существом моим клянусь!

А н я *(спокойное настроение вернулось к ней, она счастлива)*. Какой ты хороший, дядя, какой умный! *(Обнимает дядю.)* Я теперь покойна! Я покойна! Я счастлива!

Входит Ф и р с.

Ф и р с *(укоризненно)*. Леонид Андреич, бога вы не боитесь! Когда же спать?

Г а е в. Сейчас, сейчас. Ты уходи, Фирс. Я уж, так и быть, сам разденусь. Ну, детки, бай-бай... Подробности завтра, а теперь идите спать. (*Целует Аню и Варю.*) Я человек восьмидесятых годов... Не хвалят это время, но все же могу сказать, за убеждения мне доставалось немало в жизни. Недаром меня мужик любит. Мужика надо знать! Надо знать, с какой...

А н я. Опять ты, дядя!

В а р я. Вы, дядечка, молчите.

Ф и р с (*сердито*). Леонид Андреев!

Г а е в. Иду, иду... Ложитесь. От двух бортов в середину! Кладу чистого... (*Уходит, за ним семенит Фирс.*)

А н я. Я теперь покойна. В Ярославль ехать не хочется, я не люблю бабушку, но все же я покойна. Спасибо дяде. (*Садится.*)

В а р я. Надо спать. Пойду. А тут без тебя было удовольствие. В старой людской, как тебе известно, живут одни старые слуги: Ефимьюшка, Поля, Евстигней, ну и Карп. Стали они пускать к себе ночевать каких-то проходимцев — я промолчала. Только вот, слышу, распустили слух, будто я велела кормить их одним только горохом. От скупости, видишь ли... И это все Евстигней... Хорошо, думаю. Коли так, думаю, то погоди же. Зову я Евстигнея... (*Зевает.*) Приходит... Как же ты, говорю, Евстигней... дурак ты этакой... (*Поглядев на Аню.*) Анечка!..

Пауза.

Заснула!.. (*Берет Аню под руку.*) Пойдем в постельку... Пойдем!.. (*Ведет ее.*) Душечка моя уснула! Пойдем...

Идут.

Далеко за садом пастух играет на свирели. Трофимов идет через сцену и, увидев Варю и Аню, останавливается.

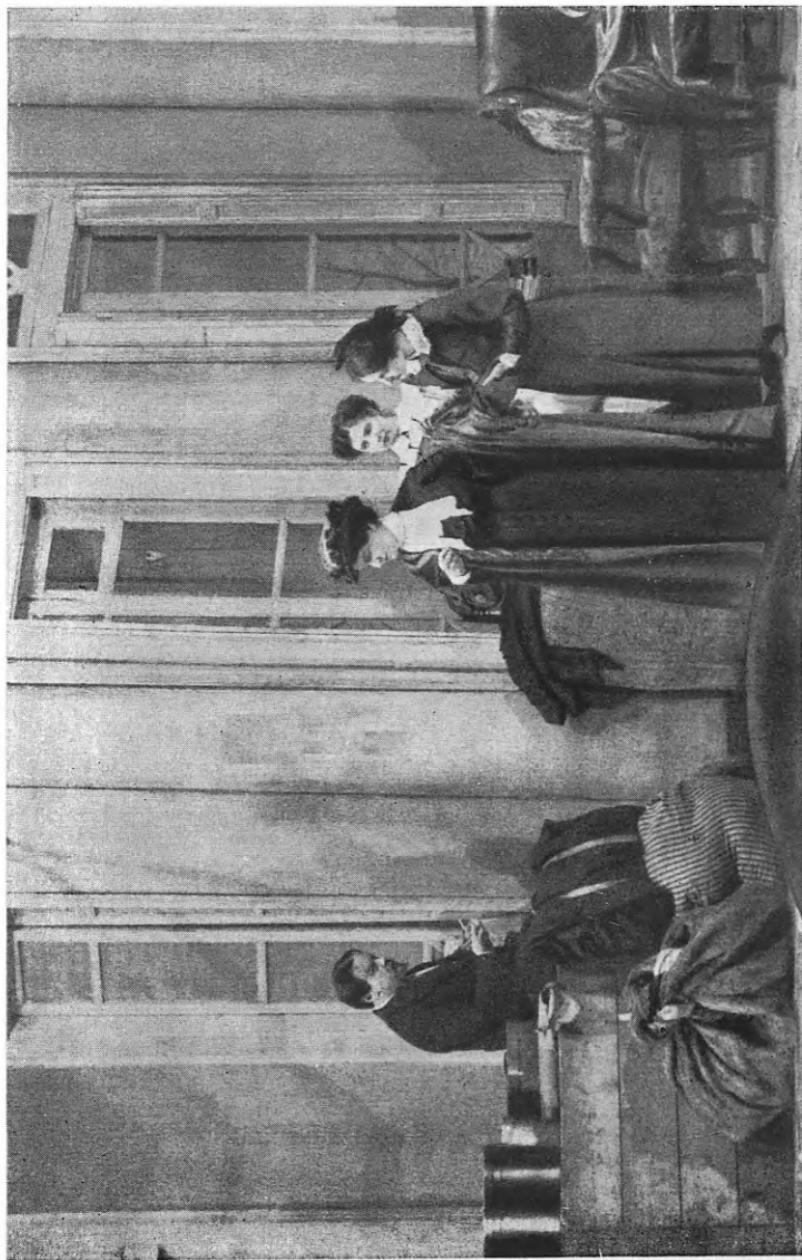
В а р я. Тссс... Она спит... спит... Пойдем, родная.

А н я (*тихо, в полусне*). Я так устала... все колокольчики... Дядя... милый... и мама и дядя...

В а р я. Пойдем, родная, пойдем... (*Уходит в комнату Ани.*)

Т р о ф и м о в (*в умилении*). Солнышко мое! Весна моя!

З а н а в е с

«Вишневы́й сад». Лопухин — Н. О. Массалитинов, Равельская — О. Л. Книппер, Аня —
Л. М. Корнева, Дуняша — Л. И. Дмитриевская. Московский художественный театр, 1915.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Поле. Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовенка, возле нее колодец, большие камни, когда-то бывшие, по-видимому, могильными плитами, и старая скамья. Видна дорога в усадьбу Гаева. В стороне, возвышаясь, темнеют тополи: там начинается вишневый сад. Вдали ряд телеграфных столбов, и далеко-далеко на горизонте неясно обозначается большой город, который бывает виден только в очень хорошую, ясную погоду. Скоро сядет солнце. Шарлотта, Яша и Дуняша сидят на скамье; Епиходов стоит возле и играет на гитаре; все сидят задумавшись, Шарлотта в старой фуражке: она сняла с плеч ружье и поправляет пряжку на ремне.

Шарлотта (*в раздумье*). У меня нет настоящего паспорта, я не знаю, сколько мне лет, и мне все кажется, что я молоденькая. Когда я была маленькой девочкой, то мой отец и мамаша ездили по ярмаркам и давали представления, очень хорошие. А я прыгала salto-mortale и разные штучки. И когда папаша и мамаша умерли, меня взяла к себе одна немецкая госпожа и стала меня учить. Хорошо. Я выросла, потом пошла в гувернантки. А откуда я и кто я — не знаю... Кто мои родители, может, они не венчались... не знаю (*Достает из кармана огурец и ест.*) Ничего не знаю.

Пауза.

Так хочется поговорить, а не с кем... Никого у меня нет.

Епиходов (*играет на гитаре и поет*). «Что мне до шумного света, что мне друзья и враги...» Как приятно играть на мандолине!

Дуняша. Это гитара, а не мандолина. (*Глядится в зеркальце и пудрится.*)

Епиходов. Для безумца, который влюблен, это мандолина... (*Напевает.*) «Было бы сердце согрето жаром взаимной любви...»

Яша подпевает.

Шарлотта. Ужасно поют эти люди... фуй. Как шакалы.

Д у н я ш а (*Яше*). Все-таки какое счастье побывать за границей.

Я ш а. Да, конечно. Не могу с вами не согласиться. (*Зевает, потом закуривает сигару.*)

Е п и х о д о в. Понятное дело. За границей все давно уж в полной комплектции.

Я ш а. Само собой.

Е п и х о д о в. Я развитой человек, читаю разные замечательные книги, но никак не могу понять направления, чего мне, собственно, хочется, жить мне или застрелиться, собственно говоря, но тем не менее я всегда ношу при себе револьвер. Вот он... (*Показывает револьвер.*)

Ш а р л о т т а. Кончила. Теперь пойду. (*Надевает ружье.*) Ты, Епиходов, очень умный человек и очень страшный; тебя должны безумно любить женщины. Бррр! (*Идет.*) Эти умники все такие глупые, не с кем мне поговорить... Все одна, одна, никого у меня нет и... и кто я, зачем я, неизвестно... (*Уходит не спеша.*)

Е п и х о д о в. Собственно говоря, не касаясь других предметов, я должен выразиться о себе, между прочим, что судьба относится ко мне без сожаления, как буря к небольшому кораблю. Если, допустим, я ошибаюсь, тогда зачем же сегодня утром я просыпаюсь, к примеру сказать, гляжу, а у меня на груди страшной величины паук... Вот такой. (*Показывает обеими руками.*) И тоже квасу возьмешь, чтобы напиться, а там, глядишь, что-нибудь в высшей степени неприличное, вроде таракана.

Пауза.

Вы читали Бокля?

Пауза.

Я желаю побеспокоить вас, Авдотья Федоровна, на пару слов.

Д у н я ш а. Говорите.

Е п и х о д о в. Мне бы желательно с вами наедине... (*Вздыхает.*)

Д у н я ш а (*смущенно*). Хорошо... только сначала принесите мне мою тальмочку... Она около шкапа... тут немножко сыро...

Е п и х о д о в. Хорошо-с... принесу-с... Теперь я знаю, что мне делать с моим револьвером... (*Берет гитару и уходит, наигрывая.*)

Я ш а. Двадцать два несчастья! Глупый человек, между нами говоря. (*Зевает.*)

Д у н я ш а. Не дай бог, застрелится.

Пауза.

Я стала тревожная, все беспокоюсь. Меня еще девочкой взяли к господам, я теперь отвыкла от простой жизни, и вот руки белые-белые, как у барышни. Нежная стала, такая деликатная, благородная, всего боюсь... Страшно так. И если вы, Яша, обманете меня, то я не знаю, что будет с моими нервами.

Я ш а (*целует ее*). Огурчик! Конечно, каждая девушка должна себя помнить, и я больше всего не люблю, ежели девушка дурного поведения.

Д у н я ш а. Я страстно полюбила вас, вы образованный, можете обо всем рассуждать.

Пауза.

Я ш а (*зевает*). Да-с... По-моему, так: ежели девушка кого любит, то она, значит, безнравственная.

Пауза.

Приятно выкурить сигару на чистом воздухе... (*Прислушивается.*) Сюда идут... Это господа...

Дуняша порывисто обнимает его.

Идите домой, будто ходили на реку купаться, идите этой дорожкой, а то встретятся и подумают про меня, будто я с вами на свидании. Терпеть этого не могу.

Д у н я ш а (*тихо кашляет*). У меня от сигары голова разболелась... (*Уходит.*)

Яша остается, сидит возле часовни. Входят Л ю б о в ь А н д р е е в н а, Г а е в и Л о п а х и н.

Л о п а х и н. Надо окончательно решить, — время не ждет. Вопрос ведь совсем пустой. Согласны вы отдать землю под дачи или нет? Ответьте одно слово: да или нет? Только одно слово!

Любовь Андреевна. Кто это здесь курит отвратительные сигары... *(Садится.)*

Гаев. Вот железную дорогу построили, и стало удобно. *(Садится.)* Съездили в город и позавтракали... желтого в середину! Мне бы сначала пойти в дом, сыграть одну партию...

Любовь Андреевна. Успеешь.

Лопехин. Только одно слово! *(Умоляюще.)*
Дайте же мне ответ!

Гаев *(зевая)*. Кого?

Любовь Андреевна *(глядит в свое портмоне)*. Вчера было много денег, а сегодня совсем мало. Бедная моя Варя из экономии кормит всех молочным супом, на кухне старикам дают один горох, а я трачу как-то бессмысленно. *(Уронила портмоне, рассыпала золотые.)*
Ну, посыпались... *(Ей досадно.)*

Яша. Позвольте, я сейчас подберу. *(Собирает монеты.)*

Любовь Андреевна. Будьте добры, Яша. И зачем я поехала завтракать... Дрянной ваш ресторан с музыкой, скатерти пахнут мылом... Зачем так много пить, Леня? Зачем так много есть? Зачем так много говорить? Сегодня в ресторане ты говорил опять много и все некстати. О семидесятих годах, о декадентах. И кому? Половым говорить о декадентах!

Лопехин. Да.

Гаев *(махает рукой)*. Я не исправим, это очевидно... *(Раздраженно Яше.)* Что такое, постоянно вертишься перед глазами...

Яша *(смеется)*. Я не могу без смеха вашего голоса слышать.

Гаев *(сестре)*. Или я, или он...

Любовь Андреевна. Уходите, Яша, ступайте...

Яша *(отдает Любови Андреевне кошелек)*. Сейчас уйду. *(Едва удерживается от смеха.)* Сию минуту... *(Уходит.)*

Лопехин. Ваше имение собирается купить богач Дериганов. На торги, говорят, придет сам лично.

Любовь Андреевна. А вы откуда слышали?

Лопехин. В городе говорят.

Г а е в. Ярославская тетушка обещала прислать, а когда и сколько придет, неизвестно...

Л о п а х и н. Сколько она придет? Тысяч сто? Двести?

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Ну... Тысяч десять—пятнадцать, и на том спасибо.

Л о п а х и н. Простите, таких легкомысленных людей, как вы, господа, таких неделовых, странных, я еще не встречал. Вам говорят русским языком, имение ваше продается, а вы точно не понимаете.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Что же нам делать? Научите, что?

Л о п а х и н. Я вас каждый день учу. Каждый день я говорю все одно и то же. И вишневый сад и землю необходимо отдать в аренду под дачи, сделать это теперь же, поскорее,— аукцион на носу! Поймите! Раз окончательно решите, чтобы были дачи, так денег вам дадут сколько угодно, и вы тогда спасены.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Дачи и дачники — это так пошло, простите.

Г а е в. Совершенно с тобой согласен.

Л о п а х и н. Я или зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду. Не могу! Вы меня замучили! (*Газету.*) Баба вы!

Г а е в. Кого?

Л о п а х и н. Баба! (*Хочет уйти.*)

Л ю б о в ь А н д р е е в н а (*испуганно*). Нет, не уходите, останьтесь, голубчик. Прошу вас. Может быть, надумаем что-нибудь!

Л о п а х и н. О чем тут думать!

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Не уходите, прошу вас. С вами все-таки веселее...

Пауза.

Я все жду чего-то, как будто над нами должен обвалиться дом.

Г а е в (*в глубоком раздумье*). Дуплет в угол... Круазе в середину...

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Уж очень много мы грешили...

Л о п а х и н. Какие у вас грехи...

Г а е в (*кладет в рот леденец*). Говорят, что я все свое состояние проел на леденцах... (*Смеется.*)

Л ю б о в ь   А н д р е е в н а. О, мои грехи... Я всегда сорила деньгами без удержу, как сумасшедшая, и вышла замуж за человека, который делал одни только долги. Муж мой умер от шампанского,— он страшно пил, — и на несчастье я полюбила другого, сошлась, и как раз в это время,— это было первое наказание, удар прямо в голову,— вот тут на реке... утонул мой мальчик, и я уехала за границу, совсем уехала, чтобы никогда не возвращаться, не видеть этой реки... Я закрыла глаза, бежала, себя не помня, а *он* за мной... безжалостно, грубо. Купила я дачу возле Ментоны, так как *он* заболел там, и три года я не знала отдыха ни днем, ни ночью; больной измучил меня, душа моя высохла. А в прошлом году, когда дачу продали за долги, я уехала в Париж, и там он обобрал меня, бросил, сошелся с другой, я пробовала отравиться... Так глупо, так стыдно... И потянуло вдруг в Россию, на родину, к девочке моей... (*Утирает слезы.*) Господи, господи, будь милостив, прости мне грехи мои! Не наказывай меня больше! (*Достает из кармана телеграмму.*) Получила сегодня из Парижа... Просит прощения, умоляет вернуться... (*Рвет телеграмму.*) Словно где-то музыка. (*Прислушивается.*)

Г а е в. Это наш знаменитый еврейский оркестр. Помнишь, четыре скрипки, флейта и контрабас.

Л ю б о в ь   А н д р е е в н а. Он еще существует? Его бы к нам зазвать как-нибудь, устроить вечерок.

Л о п а х и н (*прислушивается*). Не слышать... (*Тихо напевает.*) «И за деньги русака немцы офранцузят». (*Смеется.*) Какую я вчера пьесу смотрел в театре, очень смешно.

Л ю б о в ь   А н д р е е в н а. И, наверное, ничего нет смешного. Вам не пьесы смотреть, а смотреть бы почаще на самих себя. Как вы все серо живете, как много говорите ненужного.

Л о п а х и н. Это правда. Надо прямо говорить, жизнь у нас дурацкая...

Пауза.

Мой папаша был мужик, идиот, ничего не понимал,

меня не учил, а только бил спьяна, и все палкой. В сущности, и я такой же болван и идиот. Ничему не обучался, почерк у меня скверный, пишу я так, что от людей совестно, как свинья.

Любовь Андреевна. Жениться вам нужно, мой друг.

Лопухин. Да... Это правда.

Любовь Андреевна. На нашей бы Варе. Она хорошая девушка.

Лопухин. Да.

Любовь Андреевна. Она у меня из простых, работает целый день, а главное, вас любит. Да и вам-то давно нравится.

Лопухин. Что же? Я не прочь... Она хорошая девушка.

Пауза.

Гаев. Мне предлагают место в банке. Шесть тысяч в год... Слышала?

Любовь Андреевна. Где тебе! Сиди уж...

Фирс входит; он принес пальто.

Фирс (*Гаеву*). Извольте, сударь, надеть, а то сыро.

Гаев (*надевает пальто*). Надоел ты, брат.

Фирс. Нечего там... Утром уехали, не сказавшись. (*Оглядывает его.*)

Любовь Андреевна. Как ты постарел, Фирс!

Фирс. Чего изволите?

Лопухин. Говорят, ты постарел очень!

Фирс. Живу давно. Меня женить собирались, а вашего папаши еще на свете не было... (*Смеется.*) А воля вышла, я уже старшим камердинером был. Тогда я не согласился на волю, остался при господах...

Пауза.

И помню, все рады, а чему рады, и сами не знают.

Лопухин. Прежде очень хорошо было. По крайней мере драли.

Фирс (*не расслышав*). А еще бы. Мужики при господах, господа при мужиках, а теперь все враздробь, не поймешь ничего.

Г а е в. Помолчи, Фирс. Завтра мне нужно в город. Обещали познакомить с одним генералом, который может дать под вексель.

Л о п а х и н. Ничего у вас не выйдет. И не заплатите вы процентов, будьте покойны.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Это он бредит. Никаких генералов нет.

Входят Т р о ф и м о в, А н я и В а р я.

Г а е в. А вот и наши идут.

А н я. Мама сидит.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а (*нежно*). Иди, иди... Родные мои... (*Обнимая Аню и Варю.*) Если бы вы обе знали, как я вас люблю. Садитесь рядом, вот так.

Все усаживаются.

Л о п а х и н. Наш вечный студент все с барышнями ходит.

Т р о ф и м о в. Не ваше дело.

Л о п а х и н. Ему пятьдесят лет скоро, а он все еще студент.

Т р о ф и м о в. Оставьте ваши дурацкие шутки.

Л о п а х и н. Что же ты, чудак, сердисься?

Т р о ф и м о в. А ты не приставай.

Л о п а х и н (*смеется*). Позвольте вас спросить, как вы обо мне понимаете?

Т р о ф и м о в. Я, Ермолай Алексеич, так понимаю: вы богатый человек, будете скоро миллионером. Вот как в смысле обмена веществ нужен хищный зверь, который съедает все, что попадается ему на пути, так и ты нужен.

Все смеются.

В а р я. Вы, Петя, расскажите лучше о планетах.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Нет, давайте продолжим вчерашний разговор.

Т р о ф и м о в. О чем это?

Г а е в. О гордом человеке.

Т р о ф и м о в. Мы вчера говорили долго, но ни к чему не пришли. В гордом человеке, в вашем смысле, есть что-то мистическое. Быть может, вы и правы по своему, но если рассуждать попросту, без затей, то ка-

кая там гордость, есть ли в ней смысл, если человек физиологически устроен неважно, если в своем громадном большинстве он груб, неумен, глубоко несчастлив. Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать.

Г а е в. Все равно умрешь.

Т р о ф и м о в. Кто знает? И что значит — умрешь? Быть может, у человека сто чувств и со смертью погибают только пять, известных нам, а остальные девяносто пять остаются живы.

Л ю б о в ь   А н д р е е в н а. Какой вы умный, Петя!..

Л о п а х и н (*иронически*). Страсть!

Т р о ф и м о в. Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы. Все, что недосыгаемо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину. У нас, в России, работают пока очень немногие. Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, ничего не ищет, ничего не делает и к труду пока не способно. Называют себя интеллигенцией, а прислуге говорят «ты», с мужиками обращаются, как с животными, учатся плохо, серьезно ничего не читают, ровно ничего не делают, о науках только говорят, в искусстве понимают мало. Все серьезные, у всех строгие лица, все говорят только о важном, философствуют, а между тем у всех на глазах рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота... И, очевидно, все хорошие разговоры у нас для того только, чтобы отвести глаза себе и другим. Укажите мне, где у нас ясли, о которых говорят так много и часто, где читальни? О них только в романах пишут, на деле же их нет совсем. Есть только грязь, пошлость, азиатчина... Я боюсь и не люблю очень серьезных физиономий, боюсь серьезных разговоров. Лучше помолчим!

Л о п а х и н. Знаете, я встаю в пятом часу утра, работаю с утра до вечера, ну, у меня постоянно деньги свои и чужие, и я вижу, какие кругом люди. Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей. Иной раз, когда не спится,

я думаю: «Господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...»

Любовь Андреевна. Вам понадобились великаны... Они только в сказках хороши, а так они пугают.

В глубине сцены проходит Епиходов и играет на гитаре.

(Задумчиво.) Епиходов идет...

Аня (задумчиво). Епиходов идет...

Гаев. Солнце село, господа.

Трофимов. Да.

Гаев (негромко, как бы декламируя). О природа, дивная, ты блещешь вечным сиянием, прекрасная и равнодушная, ты, которую мы называем матерью, сочетаешь в себе бытие и смерть, ты живишь и разрушаешь...

Варя (умоляюще). Дядечка!

Аня. Дядя, ты опять!

Трофимов. Вы лучше желтого в середину дуэлетом.

Гаев. Я молчу, молчу.

Все сидят, задумались. Тишина. Слышно только, как тихо бормочет Фирс. Вдруг раздается отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный.

Любовь Андреевна. Это что?

Лопахин. Не знаю. Где-нибудь далеко в шахтах сорвалась бадья. Но где-нибудь очень далеко.

Гаев. А может быть, птица какая-нибудь... вроде цапли.

Трофимов. Или филин...

Любовь Андреевна (вздрагивает). Неприятно почему-то.

Пауза.

Фирс. Перед несчастьем то же было: и сова кричала, и самовар гудел бесперечь.

Гаев. Перед каким несчастьем?

Фирс. Перед волей.

Пауза.

Любовь Андреевна. Знаете, друзья, пойдемте, уже вечереет. *(Ане.)* У тебя на глазах слезы... Что ты, девочка? *(Обнимает ее.)*

Аня. Это так, мама. Ничего.

Трофимов. Кто-то идет.

Показывается прохожий в белой потасканной фуражке, в пальто; он слегка пьян.

Прохожий. Позвольте вас спросить, могу ли я пройти здесь прямо на станцию?

Гаев. Можете. Идите по этой дороге.

Прохожий. Чувствительно вам благодарен. *(Кашлянув.)* Погода превосходная... *(Декламирует.)* Брат мой, страдающий брат... выдь на Волгу, чей стон... *(Варе.)* Мадемуазель, позвольте голодному россиянину копеек тридцать...

Варя испугалась, вскрикивает.

Лопухин *(сердито)*. Всякому безобразию есть свое приличие!

Любовь Андреевна *(оторопев)*. Возьмите... вот вам... *(Ищет в портмоне.)* Серебра нет... Все равно, вот вам золотой...

Прохожий. Чувствительно вам благодарен! *(Уходит.)*

Смех.

Варя *(испуганная)*. Я уйду... я уйду... Ах, мамочка, дома людям есть нечего, а вы ему отдали золотой.

Любовь Андреевна. Что ж со мной, глупой, делать! Я тебе дома отдам все, что у меня есть. Ермолай Алексеич, дадите мне еще взаймы!..

Лопухин. Слушаю.

Любовь Андреевна. Пойдемте, господа, пора. А тут, Варя, мы тебя совсем просватали, поздравляю.

Варя *(сквозь слезы)*. Этим, мама, шутить нельзя.

Лопухин. Охмелия, иди в монастырь...

Гаев. А у меня дрожат руки: давно не играл на бильярде.

Лопухин. Охмелия, о нимфа, помяни меня в твоих молитвах!

Любовь Андреевна. Идемте, господа. Скоро ужинать.

Варя. Напугал он меня. Сердце так и стучит.

Лопухин. Напоминаю вам, господа: двадцать второго августа будет продаваться вишневый сад. Думайте об этом!.. Думайте!..

Уходят все, кроме Трофимова и Ани.

Аня (*смеясь*). Спасибо прохожему, напугал Варю, теперь мы одни.

Трофимов. Варя боится, а вдруг мы полюбим друг друга, и целые дни не отходит от нас. Она своей узкой головой не может понять, что мы выше любви. Обойти то мелкое и призрачное, что мешает быть свободным и счастливым, вот цель и смысл нашей жизни. Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали! Вперед! Не отставай, друзья!

Аня (*всплескивая руками*). Как хорошо вы говорите!

Пауза.

Сегодня здесь дивно!

Трофимов. Да, погода удивительная.

Аня. Что вы со мной сделали, Петя, отчего я уже не люблю вишневого сада, как прежде. Я любила его так нежно, мне казалось, на земле нет лучше места, как наш сад.

Трофимов. Вся Россия наш сад. Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест.

Пауза.

Подумайте, Аня: ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостники, владевшие живыми душами, и неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов... Владеть живыми душами — ведь это переродило всех вас, живших раньше и теперь живущих, так что ваша мать, вы, дядя уже не замечаете, что вы живете в долг, на чужой счет, на счет тех людей, которых вы не пускаете дальше передней... Мы отстали по крайней мере лет на двести, у нас нет еще ровно ничего, нет определенного отношения к

прошлому, мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьем водку. Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, закончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом. Поймите это, Аня.

А н я. Дом, в котором мы живем, давно уже не наш дом, и я уйду, даю вам слово.

Т р о ф и м о в. Если у вас есть ключи от хозяйства, то бросьте их в колодец и уходите. Будьте свободны, как ветер.

А н я (*в восторге*). Как хорошо вы сказали!

Т р о ф и м о в. Верьте мне, Аня, верьте! Мне еще нет тридцати, я молод, я еще студент, но я уже столько вынес! Как зима, так я голоден, болен, встревожен, беден, как нищий, и — куда только судьба не гоняла меня, где я только не был! И все же душа моя всегда, во всякую минуту, и днем и ночью, была полна неизъяснимых предчувствий. Я предчувствую счастье, Аня, я уже вижу его...

А н я (*задумчиво*). Восходит луна.

Слышно, как Епиходов играет на гитаре все ту же грустную песню. Восходит луна. Где-то около тополей Варя ищет Аню и зовет:

«Аня! Где ты?»

Т р о ф и м о в. Да, восходит луна.

Пауза.

Вот оно, счастье, вот оно идет, подходит все ближе и ближе, я уже слышу его шаги. И если мы не увидим, не узнаем его, то что за беда? Его увидят другие!

Голос Вари: «Аня! Где ты?»

Опять эта Варя! (*Сердито.*) Возмутительно!

А н я. Что ж? Пойдемте к реке. Там хорошо.

Т р о ф и м о в. Пойдемте.

Идут.

Голос Вари: «Аня! Аня!»

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гостиная, отделенная аркой от зала. Горит люстра. Слышно, как в передней играет еврейский оркестр, тот самый, о котором упоминается во втором акте. Вечер. В зале танцуют grand-rond. Голос Симеонова-Пищика: «Promenade à une paire!» Выходят в гостиную: в первой паре Пищик и Шарлотта Ивановна, во второй — Трофимов и Любовь Андреевна, в третьей — Аня с почтовым чиновником, в четвертой — Варя с начальником станции и т. д. Варя тихо плачет и, танцуя, утирает слезы. В последней паре Дуныша. Идут по гостиной. Пищик кричит: «Grand-rond, balancez!» и «Les cavaliers à genoux et remerciez vos dames!»¹

Ф и р с во фраке приносит на подносе сельтерскую воду. Входят в гостиную П и щ и к и Т р о ф и м о в.

П и щ и к. Я полнокровный, со мной уже два раза удар был, танцевать трудно, но, как говорится, попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй. Здоровье-то у меня лошадиное. Мой покойный родитель, шутник, царство небесное, насчет нашего происхождения говорил так, будто древний род наш Симеоновых-Пищиков происходит будто бы от той самой лошади, которую Калигула посадил в сенате... (*Садится.*) Но вот беда: денег нет! Голодная собака верует только в мясо... (*Хранит и тотчас же просыпается.*) Так и я... могу только про деньги...

Т р о ф и м о в. А у вас в фигуре в самом деле есть что-то лошадиное.

П и щ и к. Что ж... лошадь хороший зверь... лошадь продать можно...

Слышно, как в соседней комнате играют на бильярде. В зале под аркой показывается В а р я.

Т р о ф и м о в (*дразнит*). Мадам Лопахина! Мадам Лопахина!..

В а р я (*сердито*). Облезлый барин!

Т р о ф и м о в. Да, я облезлый барин и горжусь этим!

---

¹ Здесь и выше название танцевальных фигур (*франц.*).

В а р я (в горьком раздумье). Вот наняли музыкантов, а чем платить? (Уходит.)

Т р о ф и м о в (Пищик). Если бы энергия, которую вы в течение всей вашей жизни затратили на поиски денег для уплаты процентов, пошла у вас на что-нибудь другое, то, вероятно, в конце концов вы могли бы вернуть землю.

П и щ и к. Ницше... философ... величайший, знаменитейший... громадного ума человек, говорит в своих сочинениях, будто фальшивые бумажки делать можно.

Т р о ф и м о в. А вы читали Ницше?

П и щ и к. Ну... Мне Дашенька говорила. А я теперь в таком положении, что хоть фальшивые бумажки делай... Послезавтра триста десять рублей платить... Сто тридцать уже достал... (Ощупывает карманы, встревоженно.) Деньги пропали! Потерял деньги! (Сквозь слезы.) Где деньги? (Радостно.) Вот они, за подкладкой... Даже в пот ударило...

Входят Любовь Андреевна и Шарлотта Ивановна.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а (напевает лезгинку). Отчего так долго нет Леонида? Что он делает в городе? (Дуняше.) Дуняша, предложите музыкантам чаю...

Т р о ф и м о в. Торги не состоялись, по всей вероятности.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. И музыканты пришли некстати, и бал мы затеяли некстати... Ну, ничего... (Садится и тихо напевает.)

Ш а р л о т т а (подает Пищикку колоду карт). Вот вам колода карт, задумайте какую-нибудь одну карту.

П и щ и к. Задумал.

Ш а р л о т т а. Тасуйте теперь колоду. Очень хорошо. Дайте сюда, о мой милый господин Пищик. Ein, zwei, drei! ¹ Теперь поищите, она у вас в боковом кармане...

П и щ и к (достает из бокового кармана карту). Восьмерка пик, совершенно верно! (Удивляясь.) Вы подумайте!

---

¹ Раз, два, три! (нем.)

Шарлотта (*держит на ладони колоду карт, Трофимову*). Говорите скорее, какая карта сверху?

Трофимов. Что ж? Ну, дама пик.

Шарлотта. Есть! (*Пищик*.) Ну? Какая карта сверху?

Пищик. Туз червовый.

Шарлотта. Есть! (*Бьет по ладони, колода карт исчезает.*) А какая сегодня хорошая погода!

Ей отвечает таинственный женский голос, точно из-под пола:
«О да, погода великолепная, сударыня».

Вы такой хороший мой идеал...

Голос: «Вы, сударыня, мне тоже очень понравился».

Начальник станции (*аплодирует*). Госпожа чревовещательница, браво!

Пищик (*удивляясь*). Вы подумайте! Очаровательнейшая Шарлотта Ивановна... я просто влюблен...

Шарлотта. Влюблен? (*Пожав плечами.*) Разве вы можете любить? Guter Mensch, aber schlechter Musikant¹.

Трофимов (*хлопает Пищика по плечу*). Лошадь вы этакая...

Шарлотта. Прошу внимания, еще один фокус. (*Берет со стула плед.*) Вот очень хороший плед, я желаю продавать... (*Встряхивает.*) Не желает ли кто купить?

Пищик (*удивляясь*). Вы подумайте!

Шарлотта. Ein, zwei, drei! (*Быстро поднимает опущенный плед; за пледом стоит Аня; она делает реверанс, бежит к матери, обнимает ее и убегает назад в залу при общем восторге.*)

Любовь Андреевна (*аплодирует*). Браво, браво!..

Шарлотта. Теперь еще! Ein, zwei, drei. (*Поднимает плед; за пледом стоит Варя и кланяется.*)

Пищик (*удивляясь*). Вы подумайте!

Шарлотта. Конец! (*Бросает плед на Пищика, делает реверанс и убегает в залу.*)

---

¹ Хороший человек, но плохой музыкант (*нем.*).

П и щ и к (*спешит за ней*). Злодейка... какова? Какова? (*Уходит.*)

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. А Леонида все нет. Что он делает в городе так долго, не понимаю! Ведь все уже кончено там, имение продано или торги не состоялись, зачем же так долго держать в неведении!

В а р я (*стараясь ее утешить*). Дядечка купил, я в этом уверена.

Т р о ф и м о в (*насмешливо*). Да.

В а р я. Бабушка прислала ему доверенность, чтобы он купил на ее имя с переводом долга. Это она для Ани. И я уверена, бог поможет, дядечка купит.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Ярославская бабушка прислала пятнадцать тысяч, чтобы купить имение на ее имя,— нам она не верит,— а этих денег не хватило бы даже проценты заплатить. (*Закрывает лицо руками.*) Сегодня судьба моя решается, судьба...

Т р о ф и м о в (*дразнит Варю*). Мадам Лопахина!

В а р я (*сердито*). Вечный студент! Уже два раза увольняли из университета.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Что же ты сердишься, Варя? Он дразнит тебя Лопахиным, ну что ж? Хочешь — выходи за Лопахина, он хороший, интересный человек. Не хочешь — не выходи; тебя, дуся, никто не неволит...

В а р я. Я смотрю на это дело серьезно, мамочка, надо прямо говорить. Он хороший человек, мне нравится.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. И выходи. Что же ждать, не понимаю!

В а р я. Мамочка, не могу же я сама делать ему предложение. Вот уже два года все мне говорят про него, все говорят, а он или молчит, или шутит. Я понимаю. Он богатеет, занят делом, ему не до меня. Если бы были деньги, хоть немного, хоть бы сто рублей, бросила бы я все, ушла бы подальше. В монастырь бы ушла.

Т р о ф и м о в. Благолепие!

В а р я (*Трофимову*). Студенту надо быть умным! (*Мяжким тоном, со слезами.*) Какой вы стали некрасивый, Петя, как постарели! (*Любови Андреевне, уже не плача.*) Только вот без дела не могу, мамочка. Мне каждую минуту надо что-нибудь делать.

Входит Я ш а.

Я ша (едва удерживаясь от смеха). Епиходов бильярдный кий сломал!.. (Уходит.)

В а р я. Зачем же Епиходов здесь? Кто ему позволил на бильярде играть? Не понимаю этих людей... (Уходит.)

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Не дразните ее, Петя, вы видите, она и без того в горе.

Т р о ф и м о в. Уж очень она усердная, не в свое дело суется. Все лето не давала покоя ни мне, ни Ане, боялась, как бы у нас романа не вышло. Какое ей дело? И к тому же я вида не подавал, я так далек от пошлости. Мы выше любви!

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. А я вот, должно быть, ниже любви. (В сильном беспокойстве.) Отчего нет Леонида? Только бы знать: продано имение или нет? Несчастье представляет мне до такой степени невероятным, что даже как-то не знаю, что думать, теряюсь... Я могу сейчас крикнуть... могу глупость сделать. Спасите меня, Петя. Говорите же что-нибудь, говорите...

Т р о ф и м о в. Продано ли сегодня имение или не продано — не все ли равно? С ним давно уже покончено, нет поворота назад, заросла дорожка. Успокойтесь, дорогая. Не надо обманывать себя, надо хоть раз в жизни взглянуть правде прямо в глаза.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Какой правде? Вы видите, где правда и где неправда, а я точно потеряла зрение, ничего не вижу. Вы смело решаете все важные вопросы, но скажите, голубчик, не потому ли это, что вы молоды, что вы не успели перестрадать ни одного вашего вопроса? Вы смело смотрите вперед, и не потому ли, что не видите и не ждете ничего страшного, так как жизнь еще скрыта от ваших молодых глаз? Вы смелее, честнее, глубже нас, но вдумайтесь, будьте великодушны хоть на кончике пальца, пощадите меня. Ведь я родилась здесь, здесь жили мой отец и мать, мой дед, я люблю этот дом, без вишневого сада я не понимаю своей жизни, и если уж так нужно продавать, то продавайте и меня вместе с садом... (Обнимает Трофимова, целует его в лоб.) Ведь мой сын утонул здесь... (Плачет.) Пожалейте меня, хороший, добрый человек.

Трофимов. Вы знаете, я сочувствую всей душой.

Любовь Андреевна. Но надо иначе, иначе это сказать... (*Вынимает платок, на пол падает телеграмма.*) У меня сегодня тяжело на душе, вы не можете себе представить. Здесь мне шумно, дрожит душа от каждого звука, я вся дрожу, а уйти к себе не могу, мне одной в тишине страшно. Не осуждайте меня, Петя... Я вас люблю, как родного. Я охотно бы отдала за вас Аню, клянусь вам, только, голубчик, надо же учиться, надо курс кончить. Вы ничего не делаете, только судьба бросает вас с места на место, так это странно... Не правда ли? Да? И надо же что-нибудь с бородой сделать, чтобы она росла как-нибудь... (*Смеется.*) Смешной вы!

Трофимов (*поднимает телеграмму*). Я не желаю быть красавцем.

Любовь Андреевна. Это из Парижа телеграмма. Каждый день получаю. И вчера, и сегодня. Этот дикий человек опять заболел, опять с ним нехорошо... Он просит прощения, умоляет приехать, и понастоящему мне следовало бы съездить в Париж, побыть возле него. У вас, Петя, строгое лицо, но что же делать, голубчик мой, что мне делать, он болен, он одинок, несчастлив, а кто там поглядит за ним, кто удержит его от ошибок, кто даст ему вовремя лекарство? И что ж тут скрывать или молчать, я люблю его, это ясно. Люблю, люблю... Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу. (*Жмет Трофимову руку.*) Не думайте дурно, Петя, не говорите мне ничего, не говорите...

Трофимов (*сквозь слезы*). Простите за откровенность, бога ради: ведь он обобрал вас!

Любовь Андреевна. Нет, нет, нет, не надо говорить так... (*Закрывает уши.*)

Трофимов. Ведь он негодяй, только вы одна не знаете этого! Он мелкий негодяй, ничтожество...

Любовь Андреевна (*рассердившись, но сдержанно*). Вам двадцать шесть лет или двадцать семь, а вы все еще гимназист второго класса!

Трофимов. Пусть!

Любовь Андреевна. Надо быть женщиной, в ваши годы надо понимать тех, кто любит. И надо самому любить... надо влюбляться! *(Сердито.)* Да, да! И у вас нет чистоты, а вы просто чистюлька, смешной чудак, урод...

Трофимов *(в ужасе)*. Что она говорит!

Любовь Андреевна. «Я выше любви!» Вы не выше любви, а просто, как вот говорит наш Фирс, вы недотепа. В ваши годы не иметь любовницы!..

Трофимов *(в ужасе)*. Это ужасно! Что она говорит?! *(Идет быстро в зал, схватив себя за голову.)* Это ужасно... Не могу, я уйду... *(Уходит, но тотчас же возвращается.)* Между нами все кончено! *(Уходит в переднюю.)*

Любовь Андреевна *(кричит вслед)*. Петя, погодите! Смешной человек, я пошутила! Петя!

Слышно, как в передней кто-то быстро идет по лестнице и вдруг с грохотом падает вниз. Аня и Варя вскрикивают, но тотчас же слышится смех.

Что там такое?

Вбегает Аня.

Аня *(смеясь)*. Петя с лестницы упал! *(Убегает.)*

Любовь Андреевна. Какой чудак этот Петя...

Начальник станции останавливается среди залы и читает «Грешницу» А. Толстого. Его слушают, но едва он прочел несколько строк, как из передней доносятся звуки вальса, и чтение обрывается. Все танцуют. Проходят из передней Трофимов,

Аня, Варя и Любовь Андреевна.

Ну, Петя... ну, чистая душа... я прощения прошу... Пойдемте танцевать... *(Танцует с Петей.)*

Аня и Варя танцуют.

Фирс входит, ставит свою палку около боковой двери. Яша тоже вошел из гостиной, смотрит на танцы.

Яша. Что, дедушка?

Фирс. Нездоровится. Прежде у нас на балах танцевали генералы, бароны, адмиралы, а теперь посылаем за почтовым чиновником и начальником станции, да и

те не в охотку идут. Что-то ослабел я. Барин покойный, дедушка, всех сургучом пользовал, от всех болезней. Я сургуч принимаю каждый день уже лет двадцать, а то и больше; может, я от него и жив.

Я ша. Надоел ты, дед. (*Зевает.*) Хоть бы ты поскорее подох.

Фирс. Эх ты... недотепа! (*Бормочет.*)

Трофимов и Любовь Андреевна танцуют в зале, потом в гостиной.

Любовь Андреевна. Мерси. Я посижу... (*Садится.*) Устала.

Входит Аня.

Аня (*взволнованно*). А сейчас на кухне какой-то человек говорил, что вишневый сад уже продан сегодня.

Любовь Андреевна. Кому продан?

Аня. Не сказал, кому. Ушел. (*Танцует с Трофимовым, оба уходят в зал.*)

Яша. Это там какой-то старик болтал. Чужой.

Фирс. А Леонида Андреича еще нет, не приехал. Пальто на нем легкое, демисезон, того гляди простудится. Эх, молодо-зелено!

Любовь Андреевна. Я сейчас умру. Подите, Яша, узнайте, кому продано.

Яша. Да он давно ушел, старик-то. (*Смеется.*)

Любовь Андреевна (*с легкой досадой*). Ну, чему вы смеетесь? Чему рады?

Яша. Очень уж Епиходов смешной. Пустой человек. Двадцать два несчастья.

Любовь Андреевна. Фирс, если продадут имяне, то куда ты пойдешь?

Фирс. Куда прикажете, туда и пойду.

Любовь Андреевна. Отчего у тебя лицо такое? Ты нездоров? Шел бы, знаешь, спать...

Фирс. Да... (*С усмешкой.*) Я уйду спать, а без меня тут кто подаст, кто распорядится? Один на весь дом.

Яша (*Любови Андреевне*). Любовь Андреевна! Позвольте обратиться к вам с просьбой, будьте так добры! Если опять поедете в Париж, то возьмите меня

с собой, сделайте милость. Здесь мне оставаться положительно невозможно. (*Оглядываясь, вполголоса.*) Что ж там говорить, вы сами видите, страна необразованная, народ безнравственный, притом скука, на кухне кормят безобразно, а тут еще Фирс этот ходит, бормочет разные неподходящие слова. Возьмите меня с собой, будьте так добры!

Входит П и щ и к.

П и щ и к. Позвольте просить вас... на вальсишку, прекраснейшая... (*Любовь Андреевна идет с ним.*) Очаровательная, все-таки сто восемьдесят рубликов я возьму у вас... Возьму... (*Танцует.*) Сто восемьдесят рубликов...

Перешли в зал.

Я ш а (*тихо напевает*). «Поймешь ли ты души моей волнение...»

В зале фигура в сером цилиндре и в клетчатых панталонах, машет руками и прыгает, крики: «Браво, Шарлотта Ивановна!»

Д у н я ш а (*остановилась, чтобы попудриться*). Барышня велит мне танцевать — кавалеров много, а дам мало,— а у меня от танцев кружится голова, сердце бьется, Фирс Николаевич, а сейчас чиновник с почты такое мне сказал, что у меня дыхание захватило.

Музыка стихает.

Ф и р с. Что же он тебе сказал?

Д у н я ш а. Вы, говорит, как цветок.

Я ш а (*звевает*). Невежество... (*Уходит.*)

Д у н я ш а. Как цветок... Я такая деликатная девушка, ужасно люблю нежные слова.

Ф и р с. Закрутишься ты.

Входит Е п и х о д о в.

Е п и х о д о в. Вы, Авдотья Федоровна, не желаете меня видеть... как будто я какое насекомое. (*Вздыхает.*) Эх, жизнь!

Д у н я ш а. Что вам угодно?

Е п и х о д о в. Несомненно, может, вы и правы. (*Вздыхает.*) Но, конечно, если взглянуть с точки зре-

ния, то вы, позволю себе так выразиться, извините за откровенность, совершенно привели меня в состояние духа. Я знаю свою фортуна, каждый день со мной случается какое-нибудь несчастье, и к этому я давно уже привык, так что с улыбкой гляжу на свою судьбу. Вы дали мне слово, и хотя я...

Д у н я ш а. Прошу вас, после поговорим, а теперь оставьте меня в покое. Теперь я мечтаю. (*Играет веером.*)

Е п и х о д о в. У меня несчастье каждый день, и я, позволю себе так выразиться, только улыбаюсь, даже смеюсь.

Входит из зала В а р я.

В а р я. Ты все еще не ушел, Семен? Какой же ты, право, неуважительный человек. (*Дуняше.*) Ступай отсюда, Дуняша. (*Епиходову.*) То на бильярде играешь и кий сломал, то по гостинной расхаживаешь, как гость.

Е п и х о д о в. С меня взыскивать, позвольте вам выразиться, вы не можете.

В а р я. Я не взыскиваю с тебя, а говорю. Только и знаешь, что ходишь с места на место, а делом не занимаешься. Конторщика держим, а неизвестно — для чего.

Е п и х о д о в (*обиженно*). Работаю ли я, хожу ли, кушаю ли, играю ли на бильярде, про то могут рассуждать только люди понимающие и старшие.

В а р я. Ты смеешь мне говорить это! (*Вспылив.*) Ты смеешь? Значит, я ничего не понимаю? Убирайся же вон отсюда! Сию минуту!

Е п и х о д о в (*стремительно*). Прошу вас выражаться деликатным способом.

В а р я (*выйдя из себя*). Сию же минуту вон отсюда! Вон!

Он идет к двери, она за ним.

Двадцать два несчастья! Чтобы духу твоего здесь не было! Чтобы глаза мои тебя не видели!

Епиходов вышел; за дверью его голос: «Я на вас буду жаловаться».

А, ты назад идешь? *(Хватает палку, поставленную около двери Фирсом.)* Иди... Иди... Иди, я тебе покажу... А, ты идешь? Идешь? Так вот же тебе... *(Замахивается, в это время входит Лопахин.)*

Л о п а х и н. Покорнейше благодарю.

В а р я *(сердито и насмешливо)*. Виновата!

Л о п а х и н. Ничего-с. Покорно благодарю за приятное угощение.

В а р я. Не стоит благодарности. *(Отходит, потом оглядывается и спрашивает мягко.)* Я вас не ушибла?

Л о п а х и н. Нет, ничего. Шишка, однако, вскочит огромная.

Голоса в зале: «Лопахин приехал! Ермолай Алексич!»

П и щ и к. Видом видать, слыхом слышать... *(Целуется с Лопахиным.)* Коньячком от тебя попахивает, милый мой, душа моя. А мы тут тоже веселимся.

Входит Л ю б о в ь А н д р е е в н а.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Это вы, Ермолай Алексич? Отчего так долго? Где Леонид?

Л о п а х и н. Леонид Андренч со мной приехал, он идет...

Л ю б о в ь А н д р е е в н а *(волнуясь)*. Ну, что? Были торги? Говорите же!

Л о п а х и н *(сконфуженно, боясь обнаружить свою радость)*. Торги кончились к четырем часам... Мы к поезду опоздали, пришлось ждать до половины десятого. *(Тяжело вздохнув.)* Уф! У меня немножко голова кружится...

Входит Г а е в, в правой руке у него покупки, левой он утирает слезы.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Леня, что? Леня, ну? *(Нетерпеливо, со слезами.)* Скорей же, бога ради...

Г а е в *(ничего ей не отвечает, только машет рукой;*

Фирсу, плача). Вот возьми... Тут анчоусы, керченские сельди... Я сегодня ничего не ел... Столько я выстрадал!

Дверь в бильярдную открыта; слышен стук шаров и голос Яши: «Семь и восемнадцать!» У Гаева меняется выражение, он уже не плачет.

Устал я ужасно. Дашь мне, Фирс, переодеться. *(Уходит к себе через залу, за ним Фирс.)*

Пищик. Что на торгах? Рассказывай же!

Любовь Андреевна. Продан вишневый сад?

Лопехин. Продан.

Любовь Андреевна. Кто купил?

Лопехин. Я купил.

Пауза.

Любовь Андреевна угнетена; она упала бы, если бы не стояла возле кресла и стола. Варя снимает с пояса ключи, бросает их на пол, посреди гостиной, и уходит.

Я купил! Погодите, господа, сделайте милость, у меня в голове помутилось, говорить не могу... *(Смеется.)* Пришли мы на торги, там уже Дериганов. У Леонида Андреевича было только пятнадцать тысяч, а Дериганов сверх долга сразу надавал тридцать. Вижу, дело такое, я схватился с ним, надавал сорок. Он сорок пять. Я пятьдесят пять. Он, значит, по пяти надбавляет, я по десяти... Ну, кончилось. Сверх долга я надавал девяносто, осталось за мной. Вишневый сад теперь мой! Мой! *(Хочет.)* Боже мой, господи, вишневый сад мой! Скажите мне, что я пьян, не в своем уме, что все это мне представляется... *(Топочет ногами.)* Не смейтесь надо мной! Если бы отец мой и дед встали из гробов и посмотрели на все происшествие, как их Ермолай, битый, малограмотный Ермолай, который зимой босиком бегал, как этот самый Ермолай купил имение, прекрасней которого ничего нет на свете. Я купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню. Я сплю, это только мерещится мне, это только кажется... Это плод вашего воображения, покрытый мраком неизвестности... *(Поднимает ключи, ласково улыбаясь.)*

Бросила ключи, хочет показать, что она уж не хозяйка здесь... (*Звенит ключами.*) Ну, да все равно.

Слышно, как настраивается оркестр.

Эй, музыканты, играйте, я желаю вас слушать! Приходите все смотреть, как Ермолай Лопухин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья! Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь... Музыка, играй!

Играет музыка. Любовь Андреевна опустила на стул и горько плачет.

(*С укором.*) Отчего же, отчего вы меня не послушали? Бедная моя, хорошая, не вернешь теперь. (*Со слезами.*) О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь.

П и щ и к (*берет его под руку, вполголоса*). Она плачет. Пойдем в залу, пусть она одна... Пойдем... (*Берет его под руку и уводит в зал.*)

Л о п у х и н. Что ж такое? Музыка, играй отчетливо! Пускай всё, как я желаю! (*С иронией.*) Идет новый помещик, владелец вишневого сада! (*Толкнул нечаянно столик, едва не опрокинул канделябры.*) За все могу заплатить! (*Уходит с Пищиком.*)

В зале и гостиной нет никого, кроме Любви Андреевны, которая сидит, сжалась вся и горько плачет. Тихо играет музыка. Быстро входят А н я и Т р о ф и м о в. Аня подходит к матери и становится перед ней на колени. Трофимов остается у входа в залу.

А н я. Мама!.. Мама, ты плачешь? Милая, добрая, хорошая моя мама, моя прекрасная, я люблю тебя... я благословляю тебя. Вишневый сад продан, его уже нет, это правда, правда, но не плачь, мама, у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя хорошая, чистая душа... Пойдем со мной, пойдем, милая, отсюда, пойдем!.. Мы насадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его, поймешь, и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнешься, мама! Пойдем, милая! Пойдем!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Декорация первого акта. Нет ни занавесей на окнах, ни картин, осталось немного мебели, которая сложена в один угол, точно для продажи. Чувствуется пустота. Около выходной двери и в глубине сцены сложены чемоданы, дорожные узлы и т. п. Налево дверь открыта, оттуда слышны голоса Вари и Ани. Л о п а х и н стоит, ждет. Я ш а держит поднос со стаканчиками, налитыми шампанским. В передней Е п и х о д о в увязывает ящик. За сценой в глубине гул. Это пришли прощаться мужики. Голос Гаева: «Спасибо, братцы, спасибо вам».

Я ш а. Простой народ прощаться пришел. Я такого мнения, Ермолай Алексич: народ добрый, но мало понимает.

Гул стихает. Входят через переднюю Л ю б о в ь А н д р е е в н а и Г а е в, она не плачет, но бледна, лицо ее дрожит, она не может говорить.

Г а е в. Ты отдала им свой кошелек, Люба. Так нельзя! Так нельзя!

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Я не смогла! Я не смогла!

Оба уходят.

Л о п а х и н (*в дверь, им вслед*). Пожалуйте, покорнейше прошу! По стаканчику на прощанье. Из города не догадался привезть, а на станции нашел только одну бутылку. Пожалуйте!

Пауза.

Что ж, господа! Не желаете? (*Отходит от двери.*) Знал бы — не покупал. Ну, и я пить не стану.

Яша осторожно ставит поднос на стул.

Выпей, Яша, хоть ты.

Я ш а. С отъезжающими! Счастливо оставаться! (*Пьет.*) Это шампанское не настоящее, могу вас уверить.

Л о п а х и н. Восемь рублей бутылка.

Пауза.

Холодно здесь чертовски.

Я ша. Не топили сегодня, все равно уезжаем.
(Смеется.)

Л о п а х и н. Что ты?

Я ша. От удовольствия.

Л о п а х и н. На дворе октябрь, а солнечно и тихо, как летом. Строиться хорошо. (Поглядев на часы, в дверь.) Господа, имейте в виду, до поезда осталось всего сорок шесть минут! Значит, через двадцать минут на станцию ехать. Поторапливайтесь.

Т р о ф и м о в в пальто входит со двора.

Т р о ф и м о в. Мне кажется, ехать уже пора. Лошадь поданы. Черт его знает, где мои калоши. Пропали. (В дверь.) Аня, нет моих калош! Не нашел!

Л о п а х и н. А мне в Харьков надо. Поеду с вами в одном поезде. В Харькове проживу всю зиму. Я все болтался с вами, замучился без дела. Не могу без работы, не знаю, что вот делать с руками; болтаются как-то странно, точно чужие.

Т р о ф и м о в. Сейчас уедем, и вы опять приметесь за свой полезный труд.

Л о п а х и н. Выпей-ка стаканчик.

Т р о ф и м о в. Не стану.

Л о п а х и н. Значит, в Москву теперь?

Т р о ф и м о в. Да, провожу их в город, а завтра в Москву.

Л о п а х и н. Да... Что ж, профессора не читают лекций, небось все ждут, когда приедешь!

Т р о ф и м о в. Не твое дело.

Л о п а х и н. Сколько лет, как ты в университете учишься?

Т р о ф и м о в. Придумай что-нибудь поновее. Это старо и плоско. (Ищет калоши.) Знаешь, мы, пожалуй, не увидимся больше, так вот позволь мне дать тебе на прощанье один совет: не размахивай руками! Отвыкни от этой привычки — размахивать. И тоже вот строить дачи, рассчитывать, что из дачников со временем выйдут отдельные хозяева, рассчитывать так — это тоже значит размахивать... Как-никак, все-таки я тебя люблю. У тебя тонкие, нежные пальцы, как у артиста, у тебя тонкая, нежная душа...

Л о п а х и н (обнимает его). Прощай, голубчик. Спасибо за все. Ежели нужно, возьми у меня денег на дорогу.

Т р о ф и м о в. Для чего мне? Не нужно.

Л о п а х и н. Ведь у вас нет!

Т р о ф и м о в. Есть. Благодарю вас. Я за перевод получил. Вот они тут, в кармане. (Тревожно.) А калош моих нет!

В а р я (из другой комнаты). Возьмите вашу гадость! (Выбрасывает на сцену пару резиновых калош.)

Т р о ф и м о в. Что же вы сердитесь, Варя? Гм... Да это не мои калоши!

Л о п а х и н. Я весной посеял маку тысячу десятин, и теперь заработал сорок тысяч чистого. А когда мой мак цвел, что это была за картина! Так вот я, говорю, заработал сорок тысяч и, значит, предлагаю тебе взаимы, потому что могу. Зачем же нос драть? Я мужик... попросту.

Т р о ф и м о в. Твой отец был мужик, мой — аптекарь, и из этого не следует решительно ничего.

Лопахин вынимает бумажник.

Оставь, оставь... Дай мне хоть двести тысяч, не возьму. Я свободный человек. И все, что так высоко и дорого цените вы все, богатые и нищие, не имеет надо мной ни малейшей власти, вот как пух, который носится по воздуху. Я могу обходиться без вас, я могу проходить мимо вас, я силен и горд. Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле, и я в первых рядах!

Л о п а х и н. Дойдешь?

Т р о ф и м о в. Дойду.

Пауза.

Дойду или укажу другим путь, как дойти.

Слышно, как вдали стучат топором по дереву.

Л о п а х и н. Ну, прощай, голубчик. Пора ехать. Мы друг перед другом нос дерем, а жизнь знай себе проходит. Когда я работаю подолгу, без усталости, тогда мысли

полегче, и кажется, будто мне тоже известно, для чего я существую. А сколько, брат, в России людей, которые существуют неизвестно для чего. Ну, все равно, циркуляция дела не в этом. Леонид Андреич, говорят, принял место, будет в банке, шесть тысяч в год... Только ведь не усидит, ленив очень...

А н я *(в дверях)*. Мама вас просит: пока она не уехала, чтоб не рубили сада.

Т р о ф и м о в. В самом деле, неужели не хватает такта... *(Уходит через переднюю.)*

Л о п а х и н. Сейчас, сейчас... Экие, право. *(Уходит за ним.)*

А н я. Фирса отправили в больницу?

Я ш а. Я утром говорил. Отправили, надо думать.

А н я *(Епиходову, который проходит через залу)*. Семен Пантелеич, справьтесь, пожалуйста, отвезли ли Фирса в больницу.

Я ш а *(обиженно)*. Утром я говорил Егору. Что ж спрашивать по десяти раз!

Е п и х о д о в. Долголетний Фирс, по моему окончательному мнению, в починку не годится, ему надо к праотцам. А я могу ему только завидовать. *(Положил чемодан на картонку со шляпой и раздавил.)* Ну, вот, конечно. Так и знал. *(Уходит.)*

Я ш а *(насмешливо)*. Двадцать два несчастья...

В а р я *(за дверью)*. Фирса отвезли в больницу?

А н я. Отвезли.

В а р я. Отчего же письмо не взяли к доктору?

А н я. Так надо послать вдогонку... *(Уходит.)*

В а р я *(из соседней комнаты)*. Где Яша? Скажите, мать его пришла, хочет проститься с ним.

Я ш а *(машет рукой)*. Выводят только из терпения.

Д у н я ш а все время хлопочет около вещей; теперь, когда Яша остался один, она подошла к нему.

Д у н я ш а. Хоть бы взглянули разочек, Яша. Вы уезжаете... меня покидаете... *(Плачет и бросается ему на шею.)*

Я ш а. Что ж плакать? *(Пьет шампанское.)* Через шесть дней я опять в Париже. Завтра сядем в курьерский поезд и закатим, только нас и видели. Даже как-

то не верится. Вив ла Франс!..¹ Здесь не по мне, не могу жить... ничего не поделаешь. Насмотрелся на невежество — будет с меня. (*Пьет шампанское.*) Что ж плакать? Ведите себя прилично, тогда не будете плакать.

Д у н я ш а (*пудрится, глядясь в зеркальце*). Пришлите из Парижа письмо. Ведь я вас любила, Яша так любила! Я нежное существо, Яша!

Я ш а. Идут сюда. (*Хлопочет около чемоданов, тихо напевает.*)

Входят Л ю б о в ь А н д р е е в н а, Г а е в, А н я и Ш а р л о т т а И в а н о в н а.

Г а е в. Ехать бы нам. Уже немного осталось. (*Глядя на Яшу.*) От кого это селедкой пахнет?

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Минут через десять дайте уже в экипажи садиться... (*Окидывает взглядом комнату.*) Прощай, милый дом, старый дедушка. Пройдет зима, настанет весна, а там тебя уже не будет, тебя сломают. Сколько видели эти стены! (*Целует горячо дочь.*) Сокровище мое, ты сияешь, твои глазки играют, как два алмаза. Ты довольна? Очень?

А н я. Очень! Начинается новая жизнь, мама!

Г а е в (*весело*). В самом деле, теперь все хорошо. До продажи вишневого сада мы все волновались, страдали, а потом, когда вопрос был решен окончательно, бесповоротно, все успокоились, повеселели даже... Я банковский служака, теперь я финансист... желтого в середину, и ты, Люба, как-никак, выглядишь лучше, это несомненно.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Да. Нервы мои лучше, это правда.

Ей подают шляпу и пальто.

Я сплю хорошо. Выносите мои вещи, Яша. Пора. (*Ане.*) Девочка моя, скоро мы увидимся... Я уезжаю в Париж, буду жить там на те деньги, которые прислала твоя ярославская бабушка на покупку имения — да здравствует бабушка! — а денег этих хватит ненадолго.

---

¹ Да здравствует Франция! (*франц.*)

А н я. Ты, мама, вернешься скоро, скоро... не правда ли? Я подготовлюсь, выдержу экзамен в гимназии и потом буду работать, тебе помогать. Мы, мама, будем вместе читать разные книги... Не правда ли? (*Целует матери руки.*) Мы будем читать в осенние вечера, прочтем много книг, и перед нами откроется новый, чудесный мир... (*Мечтает.*) Мама, приезжай...

Л ю б о в ь   А н д р е е в н а. Приеду, мое золото. (*Обнимает дочь.*)

Входит Л о п а х и н, Шарлотта тихо напевает песенку.

Г а е в. Счастливая Шарлотта: поет!

Ш а р л о т т а (*берет узел, похожий на свернутого ребенка*). Мой ребеночек, бай, бай...

Слышится плач ребенка: «Уа, уа!..»

Замолчи, мой хороший, мой милый мальчик.

«Уа!.. уа!..»

Мне тебя так жалко! (*Бросает узел на место.*) Так вы, пожалуйста, найдите мне место. Я не могу так.

Л о п а х и н. Найдем, Шарлотта Ивановна, не беспокойтесь.

Г а е в. Все нас бросают, Варя уходит... мы стали вдруг не нужны.

Ш а р л о т т а. В городе мне жить негде. Надо уходить... (*Напевает.*) Все равно...

Входит П и щ и к.

Л о п а х и н. Чудо природы!..

П и щ и к (*запыхавшись*). Ой, дайте отдышаться... замучился... Мои почтеннейшие... Воды дайте...

Г а е в. За деньгами небось? Слуга покорный, ухажу от греха... (*Уходит.*)

П и щ и к. Давненько не был у вас... прекраснейшая... (*Лопахину.*) Ты здесь... рад тебя видеть... громаднейшего ума человек... возьми... получи... (*Подает Лопахину деньги.*) Четыреста рублей... За мной остается восемьсот сорок.

Л о п а х и н (*в недоумении пожимает плечами*). Точно во сне... Ты где же взял?

П и щ и к. Постой... Жарко... Событие необычайнейшее. Приехали ко мне англичане и нашли в земле какую-то белую глину... *(Любови Андреевне.)* И вам четыреста... прекрасная, удивительная... *(Подает деньги.)* Остальные потом. *(Пьет воду.)* Сейчас один молодой человек рассказывал в вагоне, будто какой-то... великий философ советует прыгать с крыш... «Прыгай!» — говорит, и в этом вся задача. *(Удивленно.)* Вы подумайте! Воды!..

Л о п а х и н. Какие же это англичане?

П и щ и к. Сдал им участок с глиной на двадцать четыре года... А теперь, извините, некогда... надо скакать дальше... Поеду к Знойкову... к Кардамонову... Всем должен... *(Пьет.)* Желаю здравствовать... В четверг заеду...

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Мы сейчас переезжаем в город, а завтра я за границу...

П и щ и к. Как? *(Встревоженно.)* Почему в город? То-то я гляжу на мебель... чемоданы... Ну, ничего... *(Сквозь слезы.)* Ничего... Величайшего ума люди... эти англичане... Ничего... Будьте счастливы... Бог поможет вам... Ничего... Всеу на этом свете бывает конец... *(Целует руку Любови Андреевне.)* А дойдет до вас слух, что мне конец пришел, вспомните вот эту самую... лошадь и скажите: «Был на свете такой, сякой... Симеонов-Пищик... царство ему небесное»... Замечательнейшая погода... Да... *(Уходит в сильном смущении, но тотчас же возвращается и говорит в дверях.)* Кланялась вам Дашенька! *(Уходит.)*

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Теперь можно и ехать. Уезжаю я с двумя заботами. Первая — это больной Фирс. *(Взглянув на часы.)* Еще минут пять можно...

А н я. Мама, Фирса уже отправили в больницу. Яша отправил утром.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Вторая моя печаль — Варя. Она привыкла рано вставать и работать, и теперь без труда она, как рыба без воды. Похудела, побледнела и плачет бедняжка...

Пауза.

Вы это очень хорошо знаете, Ермолай Алексеич; я меч-

тала... выдать ее за вас, да и по всему видно было, что вы женитесь. (*Шепчет Ане, та кивает Шарлотте, и обе уходят.*) Она вас любит, вам она по душе, и не знаю, не знаю, почему это вы точно сторонитесь друг друга. Не понимаю!

Л о п а х и н. Я сам тоже не понимаю, признаться. Как-то странно все... Если есть еще время, то я хоть сейчас готов... Покончим сразу — и баста, а без вас я, чувствую, не сделаю предложения.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. И превосходно. Ведь одна минута нужна, только. Я ее сейчас позову...

Л о п а х и н. Кстати и шампанское есть. (*Поглядев на стаканчики.*) Пустые, кто-то уже выпил.

Яша кашляет.

Это называется вылакать...

Л ю б о в ь А н д р е е в н а (*оживленно*). Прекрасно. Мы выйдем... Яша, allez! ¹ Я ее позову... (*В дверь.*) Варя, оставь все, поди сюда. Иди! (*Уходит с Яшей.*)

Л о п а х и н (*поглядев на часы*). Да...

Пауза.

За дверью сдержанный смех, шепот, наконец входит В а р я.

В а р я (*долго осматривает вещи*). Странно, никак не найду...

Л о п а х и н. Что вы ищете?

В а р я. Сама уложила и не помню.

Пауза.

Л о п а х и н. Вы куда же теперь, Варвара Михайловна?

В а р я. Я? К Рагулиным... Договорилась к ним смотреть за хозяйством... в экономки, что ли.

Л о п а х и н. Это в Яшнево? Верст семьдесят будет.

Пауза.

Вот и кончилась жизнь в этом доме...

В а р я (*оглядывая вещи*). Где же это... Или, может, я в сундук уложила... Да, жизнь в этом доме кончилась... больше уже не будет...

---

¹ идите! (*франц.*)

Л о п а х и н. А я в Харьков уезжаю сейчас... вот с этим поездом. Дела много. А тут во дворе оставляю Епиходова... Я его нанял.

В а р я. Что ж!

Л о п а х и н. В прошлом году об эту пору уже снег шел, если припомните, а теперь тихо, солнечно. Только что вот холодно... Градуса три мороза.

В а р я. Я не поглядела.

Пауза.

Да и разбит у нас градусник...

Пауза.

Голос в дверь со двора: «Ермолай Алексич!..»

Л о п а х и н (*точно давно ждал этого зова*). Сию минуту! (*Быстро уходит.*)

Варя, сидя на полу, положив голову на узел с платьем, тихо рыдает. Отворяется дверь, осторожно входит Л ю б о в ь А н д р е е в н а.

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Что?

Пауза.

Надо ехать.

В а р я (*уже не плачет, вытерла глаза*). Да, пора, мамочка. Я к Рагулиным поспею сегодня, не опоздать бы только к поезду...

Л ю б о в ь А н д р е е в н а (*в дверь*). Аня, одевайся!

Входит Аня, потом Гаев, Шарлотта Ивановна. На Гаеве теплое пальто с башлыком. Сходится прислуга, извозчики. Около вещей хлопочет Е п и х о д о в.

Теперь можно и в дорогу.

А н я (*радостно*). В дорогу!

Г а е в. Друзья мои, милые, дорогие друзья мои! Покидая этот дом навсегда, могу ли я умолчать, могу ли удержаться, чтобы не высказать на прощанье те чувства, которые наполняют теперь все мое существо...

А н я (*умоляюще*). Дядя!

В а р я. Дядечка, не нужно!

Гаев (*уныло*). Дуплетом желтого в середину... Молчу...

Входит Трофимов, потом Лопехин.

Трофимов. Что же, господа, пора ехать!

Лопехин. Епиходов, мое пальто!

Любовь Андреевна. Я посижу еще одну минутку. Точно раньше я никогда не видела, какие в этом доме стены, какие потолки, и теперь я гляжу на них с жадностью, с такой нежной любовью...

Гаев. Помню, когда мне было шесть лет, в троицын день я сидел на этом окне и смотрел, как мой отец шел в церковь...

Любовь Андреевна. Все вещи забрали?

Лопехин. Кажется, всё. (*Епиходову, надевая пальто.*) Ты же, Епиходов, смотри, чтобы все было в порядке.

Епиходов (*говорит сильным голосом*). Будьте покойны, Ермолай Алексеич!

Лопехин. Что это у тебя голос такой?

Епиходов. Сейчас воду пил, что-то проглотил.

Яша (*с презрением*). Невежество...

Любовь Андреевна. Уедем — и здесь не останется ни души...

Лопехин. До самой весны.

Варя (*выдергивает из узла зонтик, похоже, как будто она замахнулась; Лопехин делает вид, что испугался*). Что вы, что вы... Я и не думала.

Трофимов. Господа, идемте садиться в экипажи... Уже пора! Сейчас поезд придет!

Варя. Петя, вот они, ваши калоши, возле чемодана. (*Со слезами.*) И какие они у вас грязные, старые...

Трофимов (*надевая калоши*). Идем, господа!..

Гаев (*сильно смущен, боится заплакать*). Поезд... станция... Круазе в середину, белого дуплетом в угол...

Любовь Андреевна. Идем!

Лопехин. Все здесь? Никого там нет? (*Запирает боковую дверь налево.*) Здесь вещи сложены, надо запереть. Идем!..

А н я. Прощай, дом! Прощай, старая жизнь!
Т р о ф и м о в. Здравствуй, новая жизнь!.. (*Уходит с Аней.*)

Варя окидывает взглядом комнату и не спеша уходит. Уходят Яша и Шарлотта с собачкой.

Л о п а х и н. Значит, до весны. Выходите, господа... До свидания!.. (*Уходит.*)

Любовь Андреевна и Гаев остались вдвоем. Они точно ждали этого, бросаются на шею друг другу и рыдают сдержанно, тихо, боясь, чтобы их не услышали.

Г а е в (*в отчаянии*). Сестра моя, сестра моя...
Л ю б о в ь А н д р е е в н а. О мой милый, мой нежный, прекрасный сад!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай!.. Прощай!..

Голос Ани весело, призывающе: «Мама!..»
Голос Трофимова весело, возбужденно: «Ау!..»

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. В последний раз взглянуть на стены, на окна... По этой комнате любила ходить покойная мать...

Г а е в. Сестра моя, сестра моя!..

Голос Ани: «Мама!..»
Голос Трофимова: «Ау!..»

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Мы идем!..

Уходят.

Сцена пуста. Слышно, как на ключ запирают все двери, как потом отъезжают экипажи. Становится тихо. Среди тишины раздается глухой стук топора по дереву, звучащий одиноко и грустно. Слышатся шаги. Из двери, что направо, показывается Ф и р с. Он одет, как всегда, в пиджаке и белой жилетке, на ногах туфли.

Он болен.

Ф и р с (*подходит к двери, трогает за ручку*). Заперто. Уехали... (*Садится на диван.*) Про меня забыли... Ничего... я тут посижу... А Леонид Андреевич небось

шубы не надел, в пальто поехал... *(Озабоченно вздыхает.)* Я-то не поглядел... Молодо-зелено! *(Бормочет что-то, чего понять нельзя.)* Жизнь-то прошла, словно и не жил. *(Ложится.)* Я полежу... Силушки-то у тебя нету, ничего не осталось, ничего... Эх ты... недотепа!.. *(Лежит неподвижно.)*

Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву.

З а н а в е с

ПРИМЕЧАНИЯ

[ПЬЕСА БЕЗ НАЗВАНИЯ]

в 4-х действиях

Время написания пьесы определяется по косвенным данным. Авторская рукопись (хранится в ЦГАЛИ) не датирована; не имеет заглавного листа, поэтому до сих пор остается неизвестным название пьесы. Судя по авторскому почерку рукопись относится к раннему периоду творчества Чехова. Брат писателя в одной из своих статей сообщал о неизвестной пьесе, написанной Чеховым в студенческие годы. М. П. Чехов сжато передал ее содержание, в некоторой степени оно совпадает с содержанием данной пьесы. «Будучи студентом,— вспоминал Михаил Павлович,— он написал большую пьесу, которую мечтал поставить на сцене Московского Малого театра и даже послал ее известной московской артистке М. Н. Ермоловой на просмотр. Пьеса эта была очень громоздка, с поездом железной дороги, с конокрадами и с самосудом над цыганом» (А. П. Чехов, Письма, изд. 2, «Книгоиздательство писателей», М. 1917, т. 2, стр. IV).

В другой статье, говоря о той же пьесе, М. П. Чехов точнее обозначает время ее написания: «Драму эту А. П., тогда студент 2 курса, лично отнес М. Н. Ермоловой на прочтение» (А. Г р у з и н с к и й-Л а з а р е в, Пропавшие романы и пьесы Чехова, сб. «Энергия», кн. 3, П. 1914, стр. 164). Студентом 2-го курса А. П. Чехов был в 1880—1881 году, поэтому предположительно можно считать, что пьеса написана в эти годы.

Рукопись представляет собой беловик, правленный, видимо, в несколько приемов, об этом свидетельствуют разные почерки, карандаши (синий, черный) и чернила, которыми производилась правка. Исправления сводились, главным образом, к сокращению текста. Так, вычеркнуто почти целиком XV явление в I действии, изъяты реплики действующих лиц, длинноты заменены более сжатым тек-

стом и пр. Эти исправления воспроизведены при первой публикации пьесы. «Центрархив. Документы по истории литературы и общественной. Выпуск 5. Неизданная пьеса А. П. Чехова. Изд. «Новая Москва», 1923 (текст пьесы приготовлен к печати Н. Ф. Бельчиковым). В настоящем издании текст печатается в последней авторской редакции.

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

Драматический этюд в одном действии

Пьеса представляет собою драматическую переделку рассказа Чехова «Осень» (1883). В сентябре 1885 г. этюд представлялся в цензуру и был запрещен. Мотивы запрещения нам известны из сохранившегося рапорта цензора: «Действие происходит ночью, в кабаке на большой дороге. Среди всяких бродяг и проходимцев, зашедших в кабак обогреться и переночевать, оказывается разорившийся дворянин, который умоляет целовальника дать ему выпить в долг. Из разговора выясняется, что дворянин запил с горя вследствие того, что жена бросила его в день свадьбы. Случайно, чтобы укрыться от непогоды, попадает в кабак барыня, в которой несчастный пропойца узнает свою вероломную подругу. Один из посетителей кабака, сочувствующий пьяному дворянину, замахивается на нее топором, но его удерживают, и драматический этюд оканчивается неудавшимся покушением. Мрачная и грязная пьеса эта, по моему мнению, не может быть дозволена к представлению.— Цензор драматических сочинений Кейзер фон Нилькгейм». В верхнем углу рапорта имеется надпись начальника Главного управления по делам печати: «Запретить. Е. Феоктистов. 20 сент. 1885 г.», («Русский современник», 1924, № 2).

Рукописная копия этюда хранится в Ленинградской гос. театральной библиотеке им. А. В. Луначарского. На титульном листе экземпляра надпись цензора: «К представлению признано неудобным. 20 сентября 1885 г.».

О ВРЕДЕ ТАБАКА

Сцена-монолог в одном действии

Сцена написана в 1886 г. В письме к В. В. Билибину от 14 февраля этого года Чехов сообщал: «Сейчас только что кончил сцену-монолог «О вреде табака», который предназначался в тайнике души моей для комика Градова-Соколова. Имея в своем распоряжении только 2½ часа, я испортил этот монолог... Намерения были благие, а исполнение вышло плохиссимое...»

Сцена была напечатана в «Петербургской газете», 1886, № 47, 17 февраля. С авторскими исправлениями включена в первое издание сборника Чехова «Пестрые рассказы», Спб. 1886. С новыми исправлениями и сокращениями вышла в литографированном издании С. И. Напойкина (разрешено цензурой 31 января 1887 г.). В 1889 г. в литографиях С. И. Напойкина и Е. Н. Рассохиной вышли два тождественных издания (2-е исправленное литографированное).

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ (КАЛХАС)

Драматический этюд в одном действии

В основу пьесы «Лебединая песня (Калхас)» положен рассказ А. П. Чехова «Калхас» (1886).

14 января 1887 г. Чехов сообщал М. В. Киселевой: «Я написал пьесу на 4-х четвертушках. Игратья она будет 15—20 минут. Самая маленькая драма во всем мире. Играть в ней будет известный Давыдов, служащий теперь у Корша. Печатается она в «Сезоне», а посему всюду разойдется. Вообще маленькие вещи гораздо лучше писать, чем большие: претензий мало, а успех есть... Что же еще нужно? Драму свою писал я 1 час и 5 минут...»

В письме от 17 октября 1888 г. писатель просил А. Н. Плещеева получить в театрально-литературном комитете (при дирекции императорских театров) разрешение на постановку «Лебединой песни». Пьеса прошла через комитет, и Чехов в письме от 25 октября 1888 г. благодарил А. Н. Плещеева за помощь. 26 октября пьеса была передана актеру Малого театра А. П. Ленскому. В письме к нему Чехов писал: «Сегодня был у Вас и оставил «Калхаса» и копию... Я назвал «Калхаса» «Лебединой песней». Название длинное, кисло-сладкое, но придумать другого никак не мог, хотя думал долго».

Пьеса была напечатана в «Иллюстрированном артистическом сборнике «Сезон», под ред. Н. П. Кичеева, вып. I, М. 1887, под заглавием: *Калхас. Драматический этюд в одном действии*.

То же заглавие имеет и цензурный экземпляр, с разрешительной надписью 9 ноября 1888 г.

В «Сезоне» пьеса заканчивалась словами Никиты Ивановича: «Василь Васильич! Батюшка мой, голубчик... Ну успокойтесь... Господи! (*Кричит.*) Петрушка! Егорка! Кто тут есть? Боже, свеча тухнет!» В цензурном экземпляре после этих слов шел монолог из «Отелло»: по одному варианту — «О, если бы угодно было небу...», по другому — «Прости, покой, прости, мое довольство...»

Вскоре пьеса вышла в литографированном издании Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной под заглавием: «Лебединая песня (Калхас)». На титульном листе издания помета: «Была исполнена в 1-й раз на сцене театра Корша 19 февраля 1888 г.»

В литографированном тексте 1888 г. пьеса заканчивалась монологом из «Отелло»: «Прости, покой, прости, мое довольство...»

5 сентября 1889 г., отвечая издателю журнала «Артист» Ф. А. Куманину на просьбу предоставить ему пьесу для напечатания, Чехов писал: «Из всех немногочисленных пьес моих можно напечатать только одну, а именно «Лебединую песню (Калхас)»... Пьеса эта была раньше напечатана в «Сезоне» Кичеева, но не целиком, а в сильно сокращенном виде: в «Сезоне» я дал только часть первого монолога. Эту «Лебединую песню» можно достать у Рассохина». По тексту литографии Е. Н. Рассохиной пьеса была напечатана в журнале «Артист», 1889, кн. 2 (октябрь).

С небольшими сокращениями в монологе из «Отелло» «Лебединая песня» была включена Чеховым в его сборник «Пьесы», Спб. 1897. В этом издании были прибавлены реплика Никиты Ивановича и конец монолога Чацкого (см. стр. 215 наст. изд.). Кроме того, у Светлозидова были изменены годы: вместо 58 лет поставлено 68, и соответственно во фразе: «служил я на сцене 35 лет» — «45 лет».

В прижизненных собраниях сочинений Чехова — первом (1901) и втором (1902) — «Лебединая песня» печаталась без изменений.

ИВАНОВ

Драма в четырех действиях

Пьеса «Иванов» написана в конце сентября и начале октября 1887 г. (см. письмо Чехова П. М. Ежову от 5 октября 1887 г.).

13 сентября 1887 г. Чехов писал М. В. Киселевой: «Два раза был в театре Корша, и оба раза Корш убедительно просил меня написать ему пьесу... Актеры уверяют, что я хорошо напишу пьесу, так как умею играть на нервах».

Первоначальный текст пьесы сохранился в виде машинописной копии под заглавием: *Иванов. Комедия в 4-х действиях и 5 картинах*. Слово «комедия» зачеркнуто и сверху написано: «драма». Дата цензурного разрешения 6 ноября 1887 г. После даты приписано: «С исключениями» (экземпляр хранится в Гос. театральной библиотеке им. А. В. Луначарского, Ленинград).

В этом машинописном экземпляре цензурой были исключены отдельные слова в двух местах: 1) В 5-м явлении 3-го действия

в монологе Лебедева, обращенном к Иванову (исключенные слова ниже печатаем курсивом: *«(иронически)... Да, дела... Ты убийца... и изменник..»*; 2) в 6-м явлении того же действия в словах Львова: *«Меня возмущает человеческая жестокость... они точно хотят удивить Иисову своим религиозным закалом; все еще прокликает ее...»*

Этот же текст, с небольшими изменениями и исправлениями, вышел в литографированном издании Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной. Дата цензурного разрешения 10 декабря 1887 г.

Впервые пьеса была поставлена на провинциальной сцене, в Саратове, в середине ноября 1887 г. В Московском театре Корша первое представление состоялось 19 ноября того же года, в бенефис Н. В. Светлова, исполнявшего роль Боркина.

Первоначальная редакция 1887 г. во многом отличается от окончательного текста. Переработка пьесы имела несколько стадий.

Поводом к первой переделке была просьба режиссера Петербургского Александринского театра Ф. А. Федорова-Юрковского представить «Иванова» для спектакля в его бенефис. 11—12 октября 1888 г. Чехов писал А. С. Суворину: «Читал я своего «Иванова». Если, думается мне, написать другой, IV акт, да кое-что выкинуть, да вставить один монолог, который сидит у меня в мозгу, то пьеса выйдет законченной и весьма эффектной. К рождеству исправлю и пошлю в Александринку». В конце октября Чехов сообщал ему же: «В «Иванове» я радикально переделал 2 и 4 акты. Иванову дал монолог, Сашу подвергнул ретуши и пр. Если и теперь не поймут моего «Иванова», то брошу его в печь и напишу повесть «Довольно».

19 декабря Чехов послал новый текст «Иванова» А. С. Суворину для передачи заведующему репертуаром Александринского театра А. А. Потехину. Сравнительно с первой редакцией в новом тексте были произведены большие перемены.

В первой редакции четвертый акт состоял из двух картин, пьеса заключала в себе значительно больше бытовых подробностей, имелись отличия и в развитии событий. У Иванова по ходу пьесы отрицательное отношение к самому себе было выражено несколько слабее; после оскорбления, нанесенного ему Львовым, он не стрелял, а умирал от потрясения, произнося слова: «За что, за что...»

Во второй редакции устранено деление четвертого акта на две картины. Одни явления были совсем изъяты, другие, с мелкими композиционными и стилистическими изменениями, переставлены. Изъят диалог Дудкина и Косых о приданом, добавлен диалог Косых и

Львова. В диалоге Лебедева и Саши добавлены признание Саши о непонимании Иванова и совет Лебедева отказать Иванову. В конце пьесы по этой редакции Саша отказывается от Иванова, и в связи с этим весь диалог Саши и Лебедева и все последующее развитие сцены получают особое содержание, совсем не сходное ни с первоначальной редакцией, ни с окончательным текстом пьесы.

В первой редакции выдвигалась мысль о том, что при внимательном и благожелательном отношении со стороны окружающих, Иванов мог бы освободиться от своих мрачных мыслей; до оскорбления, нанесенного ему Львовым, он находился на пути к «выздоровлению». Во второй редакции судьба Иванова представлена в полной трагической безысходности. Он остается один. Саша перед самой свадьбой, уступая просьбам Иванова, отказывается от него. Отступает Лебедев: «Бог тебе судья, Николай, не мне тебя судить, а только извини, мы уж не друзья. Иди себе с богом куда хочешь, не пойдем мы друг друга. Ступай...» Оскорбление, полученное от Львова, является лишь последним ударом, завершающим и без того уже безвыходное положение.

Вскоре по письмам А. С. Суворина Чехов заметил, что сам Суворин и другие лица в театральных кругах понимают пьесу не так, как он сам представлял ее смысл. В большом письме к А. С. Суворину от 30 декабря 1888 г. (см. II т. наст. изд.) Чехов дал подробный авторский комментарий ко всем главным лицам пьесы. Заканчивая свои пояснения, Чехов добавлял: «Если всего вышеописанного нет в пьесе, то о постановке ее не может быть и речи. Значит, я написал не то, что хотел. Возьмите пьесу назад». О готовности отказаться от постановки пьесы Чехов тогда же писал И. Л. Щеглову (31 декабря 1888 г.) и А. Н. Плещееву (2 января 1889 г.). Между тем в Петербурге настаивали на постановке пьесы. А. С. Суворин телеграммой извещал Чехова об окончательном принятии ее на александринскую сцену.

Чехов принялся за новую переделку пьесы. 15 января 1889 г. он писал А. Н. Плещееву: «Всю неделю я возился над пьесой, строчил варианты, поправки, вставки, сделал новую Сашу (для Савиной), изменил IV акт до неузнаваемости, отшлифовал самого Иванова и так замучился, до такой степени возненавидел свою пьесу, что готов кончить словами Кина: «палками Иванова, палками!» В этом новом варианте вся пьеса, в том числе и ее IV акт, получила тот вид, какой она имеет в окончательной редакции.

По этому новому тексту пьеса была поставлена на сцене Александринского театра 31 января 1889 г.

Следующей стадией работы Чехова над пьесой была подготовка текста к печатанию в журнале «Северный вестник», 1889, кн. 3 (цензурное разрешение 25 февраля 1889 г.). Журнальный текст отличается от предыдущей редакции только изменениями стилистического характера.

Сновыми небольшими сокращениями и стилистическими исправлениями пьеса вошла в сборник Чехова «Пьесы» (СПб. 1897). Почти без изменений включено автором в Собрание сочинений (т. VII, 1901) и во второе издание того же тома (1902).

Идейная концепция пьесы определилась уже в первой редакции. Драматическое положение героя (Иванова) в пьесе вызывалось не какими-либо особыми обстоятельствами, а всею действительностью в целом. Иванова губит его «болезнь», причиной которой являются общие условия русской жизни; они сломили его волю, поселили в его душе безверие и отчаяние. Многим, кто наблюдает Иванова лишь внешне (Львов и др.), он представляется нечестным и дурным человеком. Однако всем ходом пьесы показано, что Иванов, с одной стороны, виновен в слабости, в отказе от дальнейших идейных поисков,— а с другой стороны, является жертвой действительности. Образ его имеет не только обличительный, но и драматический смысл.

Новую сторону драматической трактовки действительности в пьесе «Иванов» Чехов сам отметил в письме к брату Александру Павловичу от 24 октября 1887 г.: «Современные драматурги начинают свои пьесы исключительно ангелами, подлецами и шутами,— пойдика найди сии элементы во всей России! Найти-то найдешь, да не в таких крайних видах, какие нужны драматургам... Я хотел соригинальничать: не вывел ни одного злодея, ни одного ангела (хотя не сумел воздержаться от шутов), никого не обвинил, никого не оправдал»... Слова Чехова: «никого не обвинил, никого не оправдал» говорят не об отсутствии в пьесе авторского суда над людьми и жизнью, а о своеобразных особенностях взятого драматического конфликта. В пьесе нет прямого виновника. В борьбе с общественной действительностью у Иванова не хватило сил, он быстро «утомился». Отсюда пьеса развивает все дальнейшие особенности его поведения. У Иванова нет дурно направленной воли, у него нет плохих, морально низких целей. Поведение Иванова оказывается источником чужих несчастий (судьба Анны Петровны и др.), но и тут он является виновником без вины, так как бедствия и несчастья происходят не от дурных намерений, а от таких чувств и настроений, в которых он «не властен». Для Чехова Иванов

жизненно не годен («болезнь»), но он, если выразиться языком Львова, не «подлец». Поведение и слова Иванова дают окружающим многочисленные поводы к обвинению его в бесчестных намерениях. В то же время параллельно идущее освещение Иванова изнутри обнаруживает, что он совсем не таков. Следствия его «болезни» ужасны и для него самого, и для окружающих. Он негоден, вреден, непривлекателен, но в моральном смысле он не виноват, виновата жизнь, которая привела его в негодность. Кроме самого Иванова, Чехов в пьесе счел необходимым отметить отсутствие субъективной моральной вины и у тех, кто Иванова не понимает и осуждает. «Его оскорбление,— говорит Иванов о Львове,— едва не убило меня, но ведь он не виноват!.. Меня не понимали ни жена, ни друзья, ни враги, ни Саша, ни эти господа. Честен я или подл? Умен или глуп? Здоров или психопат? Люблю или ненавижу? Никто не знал и все терялись в догадках..»

Первые театральные представления пьесы (ноябрь 1887 г.) вызвали большое оживление и споры. «Театралы говорят,— писал Чехов брату Александру Павловичу,— что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисменто-шканья и никогда в другое время им не приходилось слышать столько споров, какие видели и слышали они на моей пьесе» (20 ноября).

О том же писал рецензент «Нового времени» (1887, № 4215): «Буря аплодисментов, вызовов и — шканья; таким смешением похвал и протестов не дебютировал ни один из авторов последнего времени».

М. П. Чехов вспоминал: «Успех спектакля был пестрый: одни шикали, другие, которых было большинство, шумно аплодировали и вызывали автора, но, в общем, «Иванова» не поняли, и еще долго потом газеты выясняли личность и характер главного героя» (М. П. Чехов, Антон Чехов и его сюжеты, М. 1923, стр. 40).

На все упреки и недоумения, касающиеся смысла пьесы, Чехов отозвался большим письмом к А. С. Суворину от 30 декабря 1888 г. Он говорит об «утомлении» Иванова от непосильных задач, какие он на себя взял, и этим объясняет его скептицизм и уныние: «... едва дожил он до 30—35 лет, как начинает уж чувствовать утомление и скуку, у него еще и порядочных усов нет, но он уж авторитетно говорит: «Не женитесь, батенька... Верьте моему опыту». Или: «Что такое, в сущности, либерализм? Между нами говоря, Катков часто был прав». Он готов уж отрицать и земство, и рацион [альное] хозяйство, и науку, и любовь... Таков тон у этих преждевременно утомленных людей...»

Перемена, происшедшая в нем, оскорбляет его порядочность. Он ищет причин вне и не находит; начинает искать внутри себя и находит одно только неопределенное чувство вины...

К утомлению, скуке и чувству вины прибавьте еще одного врага. Это — одиночество... Он одинок. Длинные зимы, длинные вечера, пустой сад, пустые комнаты, брюзжащий граф, больная жена... Уехать некуда. Поэтому каждую минуту его томит вопрос: куда деваться?.. Такие люди, как Иванов, не решают вопросов, а падают под их тяжестью. Они теряются, разводят руками, нервничают, жалуются, делают глупости и в конце концов, дав волю своим рыхлым, распушенным нервам, теряют под ногами почву и поступают в ряд «надломленных» и «непонятых».

О докторе Львове в этом же письме читаем: «Это тип честного, прямого, горячего, но узкого и прямолинейного человека... Все, что похоже на широту взгляда или на непосредственность чувства, чуждо Львову. Это олицетворенный шаблон, ходячая тенденция...

Львов честен, прям и рубит сплеча, не щадя живота. Если нужно, он бросит под карету бомбу, даст по рылу инспектору, пустит подлеца. Он ни перед чем не остановится... Такие люди нужны и в большинстве симпатичны. Рисовать их в карикатуре, хотя бы в интересах сцены, нечестно, да и не к чему. Правда, карикатура резче и потому понятнее, но лучше не дорисовать, чем замарать...»

«Саша — девица новейшей формации, — разъяснял Чехов. — Она образованна, умна, честна и проч. На безрыбье и рак рыба, и потому она отличает 35-летнего Иванова. Он лучше всех. Она знала его, когда была маленькой, и видела близко его деятельность в ту пору, когда он не был еще утомлен...»

Она воодушевлена задачей «воскресить упавшего, поставить его на ноги, дать ему счастье... Любит она не Иванова, а эту задачу. ...Бьется Саша с Ивановым целый год, а он все не воскресает и падает все ниже и ниже».

Читательские и актерские затруднения в понимании пьесы Чехов склонен был признать результатом собственной драматургической неопытности. В том же письме к Суворину он об этом отзывался так: «Я не сумел написать пьесу. Конечно, жаль. Иванов и Львов представляются моему воображению живыми людьми. Говорю вам по совести, искренно, эти люди родились в моей голове не из морской пены, не из предвзятых идей, не из «умственности», не случайно. Они результат наблюдения и изучения жизни. Они стоят в моем мозгу, и я чувствую, что я не солгал ни на один сантиметр и не перемудрил ни на одну йоту. Если же они на бумаге вышли

неживыми и неясными, то виноваты не они, а мое неумение передавать свои мысли. Значит, рано мне еще за пьесы браться».

В газетных и журнальных рецензиях 1889 г. (на постановку пьесы в Александринском театре и публикацию ее в «Северном вестнике») были даны преимущественно положительные отзывы. «Петербургская газета» (1889, № 31, 1 февраля) писала: «Это был успех полный и торжество истинно крупного таланта... Успех был колоссальный, такой успех, который редко случается на нашей драматической сцене...»

О «мастерски написанной картине жизни», о «массе ярких, типичных и нешаблонных лиц», о «свежести» и «смелости» пьесы писал В. А. Тихонов в «Неделе» (1889, № 6, 5 февраля). В связи с этим отзывом Чехов благодарил В. А. Тихонова (письмо от 7 марта 1889 г.). В другой большой статье, напечатанной в «Неделе» (1889, № 11), говорилось об «Иванове» как о самом замечательном факте театральной литературной жизни сезона. Образ Иванова, по мнению рецензента, «является лучшим выражением господствующего среди нас настроения и дает нам право причислить г. Чехова к тем художникам, которые умели схватывать и изображать внутреннюю физиономию сменяющихся поколений».

Сын писателя Н. С. Лескова записал в своем дневнике отзыв отца об «Иванове»: «Учительная пьеса. И все хорошо, и замысел, и типы, и язык — у всех свой, живой, и самое название, обобщающее, самое родовое... К сожалению, слишком много у нас «Ивановых», этих безвольных, слабых людей, роняющих всякое дело, за которое ни возьмутся. Умная пьеса! Большое драматургическое дарование» (А. Н. Л е с к о в, Из записей и памяти, сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1947, стр. 313).

Н. Михайловский («Русские ведомости», 1889, № 133) принял высказывания Иванова за призывы самого Чехова к «серенькой и заурядной жизни», к отказу от всякой борьбы,— и на этом основании осудил пьесу. Резко отрицательные отзывы пьесы получила в реакционной прессе («День», 1889, № 247; «Сын отечества», 1889, № 32; «Московские ведомости», 1889, № 36; «Гражданин», 1889, № 54). Сам Чехов в письме к И. Л. Щеглову от 18 февраля 1889 г. оценивал свое первое выступление в качестве драматурга как успех, хотя не безусловный и не для всех одинаково беспорный: «Вы в письме утешаете меня насчет «Иванова». Спасибо Вам, но уверяю Вас честным словом, я спокоен и совершенно удовлетворен тем, что сделал и что получил. Я сделал то, что мог и умел,— стало быть прав: глаза выше лба не растут; получил же я не по заслугам, больше,

чем нужно. И Шекспиру не приходилось слышать тех речей, какие прослышал я. Какого же лешего мне еще нужно. А если в Питере найдется сотня человек, которая пожимает плечами, презрительно ухмыляется, кивает, брызжет леной или лицемерно врет, то ведь я всего этого не вижу и беспокоить меня это не может. В Москве даже не пахнет Петербургом. Видаю я ежедневно сотню человек, но не слышу ни одного слова об Иванове, точно я и не писал этой пьесы, а питерские овации и успехи представляются мне беспокойным сном, от которого я отлично проснулся.

Кстати об успехе и овациях. Все это так шумно и так мало удовлетворяет, что в результате не получается ничего, кроме утомления и желания бежать, бежать».

МЕДВЕДЬ

*Шутка в одном действии
Посвящена Н. Н. Соловцову*

Пьеса была написана Чеховым в феврале 1888 г. (см. письма к Я. П. Полонскому 22 февраля 1888 г. и И. Л. Щеглову тогда же). 30 августа того же года «Медведь» был напечатан в газете «Новое время». 14 сентября 1888 г. в письме к Щеглову Чехов упоминает: «Вам нравится «Медведь»? Коли так, pošлю его в цензуру». 11—12 октября Чехов сообщал А. С. Суворину: «Медведь» пропущен цензурой (кажется, не безусловно) и будет идти у Корша. Соловцов жаждет играть его», — и 27 октября ему же: «Завтра у Корша идет мой «Медведь». В октябре же «Медведь» вышел в литографированном издании Е. Н. Рассохиной. На экземплярах имеется надпись: «Дозволено цензурой, Спб. 4 октября 1888 г.» С литографированного текста без изменений пьеса была перепечатана в журналах «Артист» (1890, кн. 6, февраль) и «Будильник» (1893, № 40—42); с небольшими исправлениями она вошла в сборник А. П. Чехова «Пьесы» (Спб. 1897). После незначительных поправок включена автором в Собрание сочинений (т. VII, 1901) и во второе издание того же тома (1902).

Водевиль имел большой успех. О его свежей веселости и яркости писали Чехову А. Н. Плещеев, И. Л. Щеглов (Леонтьев). Он хорошо был принят зрителями, что отмечал сам Чехов: «В Москве он идет с треском, пойдет и в провинции шибко. Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь» (А. Н. Плещееву 13 ноября 1888 г. См. о том же в письмах М. Киселевой 2 ноября, Н. А. Лейкину 5 ноября, И. Л. Щеглову 2 ноября). Рецензент «Театра и жизни» писал: «Медведь» — это форменная шутка, построенная на «невозможном» анекдоте и не претендующая на «жизнь» или «естественность»... Это очень нелепо, но

и очень смешно... и потому вызывает неудержимый хохот в публике» (1888, № 172, 30 октября). Так же положительно отзывался о водевиле «Будильник» (1888, № 43).

Водевиль был передан Чеховым в Петербург на сцену Александринского театра, затем он шел в провинции и пользовался неизменным успехом (см. письма Чехова к А. С. Суворину от 7 и 11 ноября, и 28 декабря 1888 г., И. Л. Щеглову от 18 сентября 1889 г. и др.).

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Шутка в одном действии

«Предложение» написано вскоре после водевиля «Медведь» (см. письма Чехова к А. С. Суворину от 27 октября 1888 г. и И. Л. Щеглову от 7 ноября 1888 г.). Разрешено цензурой 10 ноября 1888 г. В декабре этого года водевиль вышел в литографированном издании Е. Н. Рассохиной, с небольшими исправлениями напечатан в газете «Новое время» (1889, № 4732, 3 мая). С изменением нумерации явлений текст был перепечатан в сборнике Чехова «Пьесы» (Спб. 1897). Водевиль включен автором в том VII Собрания сочинений (1901) и во второе издание этого тома (1902).

А. Н. Плещеев писал Чехову 22 мая 1889 г.: «Читал я в «Новом времени» «Предложение». Это ужасно смешно, и на сцене будет гораздо забавнее «Медведя». Нельзя без хохота читать» (сб. «Слова», 2, М. 1914). На сцене в частном театре водевиль ставил И. Л. Щеглов (см. письма Чехова к нему от 11 марта и 12 апреля 1889 г.). Позднее он шел с исключительным успехом в Малом театре (письмо Чехова к А. М. Кондратьеву от 22 февраля 1891 г.). Д. Маковицкий в своем дневнике от 22 октября 1906 г. записал слова Л. Толстого: «Предложение» — обусловленный комизм. Нет в нем французской бессмысленной неожиданности» («Задруга», вып. 1—2, М. 1922—1923).

Об источниках охотничьих терминов в пьесе см. воспоминания А. Лазарева-Грузинского («Русское слово», 1914, № 151, 2 июля).

ТРАГИК ПОНЕВОЛЕ

Из дачной жизни

Шутка в одном действии

Водевиль «Трагик поневоле» написан на основе рассказа Чехова «Один из многих» (1887) в мае 1889 г. для артиста К. А. Варламова (см. письма Чехова к А. С. Суворину и к И. Л. Щеглову от 4 и

6 мая 1889 г.). Авторская рукопись, хранящаяся в Гос. театральной библиотеке им. А. В. Луначарского, имеет дату цензурного разрешения 14 мая 1889 г. Театральный текст вышел в литографированном издании В. А. Базарова (Спб. 1889) с цензурной датой: Спб. 1 июня 1889 г. Этот текст был перепечатан в литографированном издании Е. Н. Рассохиной (М. 1889) с цензурной датой: М. 22 ноября 1889 г. Незначительные исправления были внесены Чеховым при печатании водевиля в журнале «Артист» (1890, кн. 7). Автором включен во второе издание VII тома Собрания сочинений (1902).

СВАДЬБА

Сцена в одном действии

Пьеса является переделкой рассказа «Свадьба с генералом» (1884). Некоторые мотивы использованы из рассказов: «Свадебный сезон» (1881) и «Брак по расчету» (1884).

Написана «Свадьба» в октябре 1889 г. Две авторские беловые рукописи, с одинаковой разрешительной цензурной датой (2 ноября 1889 г.), по тексту совпадают не во всем. Очевидно, московская рукопись (Гос. библиотека им. В. И. Ленина), имеющая второе цензурное разрешение (25 апреля 1890 г.), была приготовлена Чеховым позднее, в ее тексте (сравнительно с ленинградской рукописью, хранящейся в Гос. театральной библиотеке им. А. В. Луначарского) имеются некоторые сокращения. Текст московской рукописи вышел в литографированном издании С. Ф. Рассохина с цензурным разрешением от 25 апреля 1890 г.

При подготовке собрания сочинений пьеса подверглась изменениям и сокращениям (главным образом в монологах Ревунова). С этими исправлениями пьеса была напечатана в сб. А. П. Чехова «Свадьба. Юбилей. Три сестры» (Спб. 1902), во 2-м издании VII тома Собрания сочинений (1902).

ЛЕШИЙ

Комедия в четырех действиях

Начало работы над «Лешим» относится к 1888 г. Первоначально Чехов имел в виду написать эту пьесу совместно с А. С. Сувориным (см. письмо Суворину от 18 октября 1888 г.), хотя замысел принадлежал только ему. Суворин вскоре отказался от участия в работе (см. письмо к нему Чехова от 15 ноября 1888 г.). Первый вариант пьесы был написан Чеховым весной и летом 1889 г. В сентябре этого же года он упичтожил его и в начале октября написал новый.

В письме от 6 октября 1889 г. Чехов сообщал А. Н. Плещееву: «А я написал комедию! Хоть плохую, а написал! В сентябре и начале октября работал так, что в голове даже мутно и глаза болят. Теперь две недели буду отдыхать» (см. также письмо Чехова к Е. М. Линтваревой от 8 октября 1889 г.).

«Леший» предназначался Чеховым для Московского Малого театра. «Пьеса готова,— писал он 6 октября А. П. Ленскому,— и уже переписывается начисто. Если она сойдется, то очень рад служить и буду весьма польщен, если мое детище увидит кулисы Малого театра. Роль Ваша вышла большая и, надеюсь, не легкая. Хороши также роли, которые я имею в виду предложить Гореву, Садовскому, Южину, Рыбакову и Музилю. Пьеса пойдет 31 октября в Питере в бенефис». Писатель имел в виду бенефис П. М. Свободина в Александринском театре. Актер, приехавший тогда в Москву, взял пьесу; этот текст и прошел цензуру: на сохранившемся экземпляре имеется дата цензурного разрешения «10 октября 1889 г.». Цензором в тексте были произведены два исключения. В 6 явлении 1-го действия, в словах Войницкого о Соне: «Помилуйте, за кого ей замуж идти — Гумбольдт уже умер, Эдисон в Америке, Лассаль тоже умер...» снято «Лассаль» и поставлено «Шопенгауэр». В 7 явлении 1-го действия, в мочологе Хрущова: «...Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью *от сознания, что я помогаю богу создавать организм*» выделенные слова заменены другими: «благодаря мне на этом свете одною жизнью больше».

9 октября пьеса обсуждалась на неофициальном собрании членов петербургского отделения Театрально-литературного комитета, признавшего ее «неподходящей для постановки на сцене» по «несценичности»...

Чехов, зная об этом решении, писал А. С. Суворину (13 октября 1889 г.): «Пьеса читалась Всеволожским, Григоровичем и К°. О дальнейшей судьбе ее, коли охота, можете узнать от Свободина, лица заинтересованного, и от Григоровича, бывшего председателем того военно-полевого суда, который судил меня и моего «Лешего». Пьеса забракована. Забракована ли она только для бенефиса Свободина (великие князья будут на бенефисе) или же вообще для казенной сцены, мне неизвестно, а уведомить меня об этом не сочли нужным». Сам Чехов за разъяснениями в комитет не обращался, не желая, чтобы его приняли за просителя. Спустя неделю, 21 октября, он писал А. Н. Плещееву: «Никаких извещений и мотивировок ни от кого я не получал, ничего не знаю, а запросов никаких не делаю из осто-

рожности, чтобы запрос мой не был истолкован как просьба или непрременное желание венчать себя Александринскими лаврами». Из заметки, помещенной в «Петербургской газете», Чехов узнал, что пьеса его в комитете была признана «прекрасной драматизированной повестью», но не драмой («Петербургская газета», 1889, № 287). Таковую же оценку давали пьесе Чехова А. П. Ленский (в письме к Чехову, не обозначенном точной датой) и Вл. И. Немирович-Данченко (в письме к Чехову от 6 ноября 1889 г.). В ответном письме к А. П. Ленскому от 2 ноября 1889 г. Чехов писал об отказе от всякой переделки «Лешего» и от всяких намерений в будущем писать пьесы: «... в другой раз уже не буду писать больше пьес. Нет на сие ни времени, ни таланта и, вероятно, нет достаточной любви к делу... «Лешего» переделывать не стану, а продам его в единое из частных театральных капищ».

В декабре 1889 г. Чехов передал пьесу в частный театр М. М. Абрамовой, где она была поставлена 27 декабря 1889 г. Специально для этой постановки текст пьесы был значительно переработан. В новом варианте она вышла в литографированном издании Е. Н. Рассохиной (М. 1890).

Новый текст по сравнению с прежним (цензурный экземпляр 1889 г.) отличается большими сокращениями и стилистическими заменами в первом и третьем актах и полной переработкой четвертого акта. В прежней редакции Елена Андреевна была увезена из дома Федором Ивановичем Орловским и затем в пути бежала от него и скрывалась в усадьбе Дядина. Профессор Серебряков после происшедшей катастрофы (самоубийство Войницкого и бегство жены) раскаивался и выражал сожаление о своем прежнем «жестоком» поведении. Финальная сцена (общая встреча на пикнике в усадьбе Дядина) заканчивалась общим миром и взаимопрощением.

После первого спектакля отзывы печати были преимущественно отрицательными. Чехова упрекали в механическом воспроизведении жизни, в слепом копировании будничной действительности и в невыполнении требований сцены («Московские ведомости», 1890, № 1; «Артист», 1890, № 6; «Театр и жизнь», 1889, № 439; «Будильник», 1890, 7 января и др.).

На предложение напечатать пьесу в журнале «Северный вестник» Чехов соглашался с большими колебаниями. Посылая «Лешего» А. Н. Плещееву для журнала, он писал (17 марта 1890 г.): «У меня все-таки надежда, что Вы, прочитав пьесу, быть может, разделите со мною те сомнения, которые заставляют меня посылать в журнал пьесу так нерешительно. Быть может, Вы не будете так снисходи-

тельны... и поставите на моей пьесе крест». Узнав от Плещеева о закрытии «Северного вестника», Чехов взял пьесу обратно, отказался от предложения журнала «Артист» напечатать пьесу и впоследствии не разрешал печатать или ставить «Лешего» на сцене.

В феврале 1897 г. на запрос М. П. Чехова о возможности постановки «Лешего» в Ярославском театре, писатель ответил: «Повторяю, «Лешего» нельзя играть» (4 февраля 1897 г.). В 1899 г. А. И. Урусов обратился к автору за разрешением напечатать «Лешего». Чехов ответил ему: «...умоляю вас, не сердитесь: я не могу печатать «Лешего». Эту пьесу я ненавижу и стараюсь забыть о ней. Сама ли она виновата или те обстоятельства, при которых она писалась и шла на сцене,— не знаю, но только для меня было бы истинным ударом, если бы какие-нибудь силы извлекли ее из-под спуда и заставили жить. Вот Вам яркий случай извращения родительского чувства!» (письмо от 16 октября 1889 г.).

ЮБИЛЕЙ

Шутка в одном действии

Водевиль написан в декабре 1891 г.; основой для него послужил рассказ писателя «Беззащитное существо» (1887). В феврале 1892 г. «Юбилей» был разрешен цензурой к представлению и выпущен в литографии С. Ф. Рассохина. В декабре 1901 г. при подготовке второго издания VII тома Собрания сочинений (1902) водевиль Чеховым исправлен (см. письмо к А. Ф. Марксу от 25 декабря 1901 г.).

Изменения коснулись ролей почти всех действующих лиц: были сделаны сокращения, замены и вставки текста. Изменены фамилии действующих лиц: вместо Кистунова — Шипучин, вместо Щукиной — Мерчуткина. Изменен финал пьесы. В первоначальном тексте водевиль заканчивался следующей сценой:

«Татьяна Алексеевна (лежит на диване и стонет).

Хирин (после продолжительной паузы). Что я вам говорил? Что я вам говорил? Пришли, напортили, наскандалили, и одна получила двадцать пять целковых и ушла, а другая мамочка вот... *(Указывает на Татьяну Алексеевну.)* Стлгчались. Говорил я вам тысячу раз, что их нельзя подпускать к себе на пушечный выстрел!

Кистунов. Депутация... репутация... Старуха, жена, валенки... Кто-то застрелился. Шли два приятеля вечернею порой и дельный разговор вели мжду собой... *(Протирая глаза.)* Две недели сочинял для акционеров адрес, купил на собственный счет

серебряный жбан, заплатил своих собственных семьдесят пять рублей за переплет для адреса, пять суток стоял перед зеркалом и готовил парю — и что же? Все пропало! Все! Осрамились! Погибли! Пропала репутация!

Х и р и н. А что виноват? Вы! Вы! Вы все дело испортили!

К и с т у н о в. Нет, вы! Если бы не ваши подлые валенки и ваш проклятый невыносимый характер, то ничего бы не случилось! Зачем вы погнались за женой? Зачем вы кричали на нее? Как вы смели?

Х и р и н. А если бы вы не были кокетом, да поменьше пыль в глаза пускали... Но, черт бы меня драл, я не желаю больше служить! Пожалуйте мне золотой жетон и триста наградных! Пожалуйте!

К и с т у н о в. Ничего не получишь, старый хрыч! Кукиш с маслом.

Х и р и н. Да!.. Так вот же твоему докладу! (*Рвет доклад.*) На! Вот! Я тебя на чистую воду выведу! Погоди!

К и с т у н о в (*кричит*). Убирайтесь вон! (*Звонит.*) Эй! Уберите его отсюда!

Х и р и н (*топочет ногами*). Прочь с глаз! я сейчас преступление совершу! Я за себя не ручаюсь! Прочь!

К и с т у н о в. Вон! (*С криками: «Прочь! Вон!» гоняются друг за другом. Шум. Вбегают служащие.*)»

ЧАЙКА

Комедия в четырех действиях

«Чайка» написана в 1895—1896 гг. 21 октября 1895 г. Чехов сообщал А. С. Суворину: «...пишу пьесу, которую кончу тоже, вероятно, не раньше как в конце ноября...» В письмах к Е. М. Шавровой и И. Л. Щеглову (от 7 и 14 ноября 1895 г.) он упоминает о своем намерении передать пьесу для постановки в Малый театр, в письмах к Суворину и А. И. Урусову (от 21 ноября) сообщает, что сдал ее для переписки на машинку. Работу свою над комедией писатель тогда не считал оконченной, сделанное называл «остовом пьесы», проектом, «который до будущего сезона будет еще изменяться миллион раз». В начале 1896 г. пьеса перерабатывалась (см. письмо Чехова к брату Александру Павловичу от 8 марта 1896 г.). Так, в ранней редакции в конце первого акта выяснялось, что Маша — дочь Дорна. Этот мотив при переработке был снят.

11 июля Чехов писал Суворину: «...цензор выразил готовность

прислать мне пьесу, чтобы я сам вычеркнул или изменил места, которые он находил сомнительными». При возвращении пьесы цензор указал Чехову: «Я отметил синим карандашом несколько мест... Дело не в сожительстве актрисы и литератора, а в спокойном взгляде сына и брата на это явление. В цензурном отношении было бы желательнее совершенно не упоминать об этом вопросе, но если с художественной точки зрения Вам необходимо охарактеризовать отношения Тригорина и Треплевой, надеюсь, Вы это сделаете так, что цензурная санкция явится беспрепятственно».

Сделав, по требованию цензора, небольшие изменения, Чехов послал «Чайку» И. Н. Потапенко с просьбой провести ее через цензуру; после дополнительных изменений, сделанных Потапенко и принятых Чеховым, пьеса была пропущена цензурой. 14 сентября 1896 г. она рассматривалась в Театрально-литературном комитете и была им пропущена, причем в протоколе указывалось, что, при определенных достоинствах, пьеса «страдает и существенными недостатками». Члены Комитета не поняли «Чайку», они усматривали в ней «предвзятый и ненужный ибсенизм», «неясность характеристики одних действующих лиц», «бледность характеристики других», «избитость третьих». О композиции пьесы говорилось, что в ней «заметна некоторая небрежность или спешность работы: несколько сцен как бы кинуты на бумагу случайно, без строгой связи с целым, без драматической последовательности» («Чайка» в постановке Московского Художественного театра». Режиссурная партия К. С. Станиславского», Л.—М. 1938, стр. 12—13).

После некоторых исправлений и сокращений «Чайка» была напечатана в журнале «Русская мысль» (1896, декабрь). С небольшими изменениями вошла в сборник Чехова «Пьесы» (СПб. 1897). Включена автором в том VII Собрания сочинений (1901) и во второе издание этого тома (1902).

Чехов сознавал необычность своих драматургических приемов и опасался за успех пьесы. Много раз писал он об этом в письмах: «Пишу ее не без удовольствия, хотя страшно вру против условий сцены. Комедия, три женских роли, шесть мужских, четыре акта, пейзаж (вид на озеро); много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви» (Суворину, 21 октября 1895 г.). «Вышла повесть. Я более недоволен и, читая свою новорожденную пьесу, еще раз убеждаюсь, что я совсем не драматург» (ему же, 21 ноября 1895 г.). «Пьесу я кончил. Называется она так: «Чайка». Вышло не ахти. Вообще говоря, я драматург неважный» (Е. М. Шавровой, 18 ноября 1895 г.).

Присутствуя на репетициях в Александринском театре, Чехов замечал несоответствие режиссерских решений, актерских приемов игры с теми требованиями, которые выдвигала его пьеса. По воспоминаниям Е. П. Карпова (режиссера Александринского театра), «Чехова коробил всякий фальшивый звук актера, затрепанная казенная интонация. Несмотря на свою стыдливую деликатность, он нередко останавливал среди сцены актеров и объяснял им значение той или иной фразы, толковал характеры, как они ему представляются, и все время твердил: «Главное, голубчики, не надо театральности... Просто все надо... Совсем просто... Они все простые, заурядные люди...» (Е. П. Карпов, История первого представления «Чайки», в кн. О Чехове. Воспоминания и статьи, Чеховская библиотека. М. 1910, стр. 68). Суворин в своем дневнике отметил, что уже после генеральной репетиции Чехов «беспокоился о пьесе и хотел, чтобы она не шла» (Дневник А. С. Суворина, М.—П. 1923, стр. 125). Свои опасения Чехов высказал сестре (письмо от 12 октября 1896 г.): «Пока «Чайка» идет неинтересно... Спектакль пройдет не шумно, а хмуро. Вообще настроение неважное». Писатель предвидел неудачу. М. П. Чехова в своих воспоминаниях писала: «В день первого представления «Чайки» на Александринской сцене я приехала в Петербург. Брат встретил меня на вокзале. Меня тут же на вокзале поразила его угрюмость. На его лице было ясно написано, что все уже потеряно, что ничего для него больше не существует. «В чем дело?» — с тревогой спросила я у брата. «Не знаю, что мне делать, — отвечал он, — ролей совсем не знают. Меня не слушают и не понимают... Из пьесы ничего не выходит» (М. П. Чехова, О Чехове, «Русское слово», 1910, № 13). Из актеров Чехова удовлетворила только В. Ф. Коммиссаржевская, игравшая роль Нины Заречной. «Коммиссаржевская играет изумительно», — писал он М. П. Чехову 15 октября 1896 г.

17 октября 1896 г. состоялось первое представление «Чайки» в Александринском театре в Петербурге. Пьеса успеха не имела. Главная причина неуспеха заключалась в неподготовленности режиссуры и актеров к пониманию и передаче новых принципов драматизма, введенных Чеховым. По словам режиссера Е. П. Карпова, было «трудно большинству артистов Александринского театра, привыкших за последние годы играть преимущественно репертуар Викт. Крылова и вообще легкую комедию, близкую фарсу, исполнять жизненную, тонкую, полную полутонов и настроений пьесу Ант. Пав. Чехова» (Е. П. Карпов, История первого представления «Чайки», стр. 67). Имело значение и то, что публика, со-

бравшаяся на бенефисный спектакль комической актрисы Е. И. Левкеевой, предполагала увидеть веселую пьесу и была разочарована.

Присутствовавший на спектакле Чехов был удручен. Незадолго до окончания спектакля он ушел из театра и рано утром выехал в Москву. В письме к Вл. И. Немировичу-Данченко от 20 ноября 1896 г. он писал: «Да, моя «Чайка» имела в Петербурге, в первом представлении, громадный неуспех. Театр дышал злобой, воздух сперся от ненависти, и я — по законам физики — вылетел из Петербурга, как бомба...» «Душа моя точно луженая,— писал он А. С. Суворину 14 декабря,— я не чувствую к своим пьесам ничего, кроме отвращения, и через силу читаю корректуру. Виновато в этом не то, что моя пьеса провалилась: ведь в большинстве мои пьесы проваливались и ранее... 17 октября не имела успеха не пьеса, а моя личность. Меня еще во время первого акта поразило одно обстоятельство, а именно: те, с кем я до 17 октя[бря] дружески и приятельски откровенничал, беспечно обедал, за кого ломал копыя...— все эти имели странное выражение, ужасно странное... Одним словом, произошло то, что дало повод Лейкину выразить в письме соблезнование, что у меня так мало друзей, а «Неделе» вопрошать: «Что сделал им Чехов», а «Театралу» поместить целую корреспонденцию (№ 95) о том, будто бы пишущая братия устроила мне в театре скандал».

После первого представления в театральной прессе появились отрицательные отзывы. В журнале «Театрал» говорилось: «Пресса набросилась на «Чайку» и ее автора с завидным усердием; дошли до того, что стали отрицать какой бы то ни было талант в г. Чехове, писали, что это раздутая величина, создание услужливых друзей... Злорадство некоторых критиков доходило прямо-таки до цинизма» (С. Т., «Петербургские письма», «Театрал», 1896, № 95). В газетах и юмористических журнальчиках помещались басни, стишки, сатирические фельетоны с насмешками над Чеховым и «Чайкой».

Последующие спектакли в том же театре, шедшие с некоторыми поправками в режиссерском истолковании пьесы, уже имели успех. Коммиссаржевская после второго спектакля писала Чехову: «Сейчас вернулась из театра. Антон Павлович, голубчик, наша взяла! Успех полный, единодушный, какой должен был быть и не мог не быть! Как мне хочется сейчас Вас видеть, а еще больше хочется, чтобы Вы были здесь, слышали единодушный крик: «Автора!» Ваша, нет, наша «Чайка», потому что я срослась с ней душой навек, жива, страдает и верует так горячо, что многих уверовать заставит» (письмо от 21 октября).

Об успехе «Чайки» в тех же спектаклях писали Чехову В.В. Библибин, Н. А. Лейкин и др. Приветственную телеграмму по этому поводу послал Чехову И. Н. Потапенко. Отвечая на письмо Билибина, Чехов писал: «Я, конечно, рад, очень рад, но все же успех 2-го и 3-го представления не может стереть с моей души впечатления 1-го представления. Я не видел всего, но то, что видел, было уныло и странно до чрезвычайности. Ролей не знали, играли деревянно, нерешительно, все пали духом; пала духом и Коммиссаржевская, которая играла неважно, и в театре было жарко, как в аду. Казалось, против пьесы были все стихии» (1 ноября 1896 г.).

Особенно большое впечатление на Чехова произвело письмо к нему А. Ф. Кони от 7 ноября 1896 г.: «Многоуважаемый Антон Павлович! Вас, быть может, удивит мое письмо, но я, несмотря на то, что утопаю в работе, не могу отказать от желания написать Вам по поводу Вашей «Чайки», которую я наконец удосужился видеть. Я слышал (от Савиной), что отношение публики к этой пьесе Вас очень огорчило... позвольте же одному из публики,— быть может, профану в литературе и драматическом искусстве, но знакомому с жизнью по своей служебной практике,— сказать Вам, что он благодарит Вас за глубокое наслаждение, данное ему Вашей пьесой. «Чайка» — произведение, выходящее из ряда по своему замыслу, по новизне мыслей, по вдумчивой наблюдательности над житейскими положениями. Это сама жизнь на сцене, с ее трагическими союзами, красноречивым бездумьем и молчаливыми страданиями,— жизнь обыденная, всем доступная и почти никем не понимаемая в ее внутренней жестокой иронии,— жизнь до того доступная и близкая нам, что подчас забываешь, что сидишь в театре, и способен сам принять участие в происходящей перед тобою беседе. И как хорош конец! Как верно житейски то, что не она, чайка, лишает себя жизни (что непременно заставил бы ее сделать заурядный драматург, бьющий на слезливость публики), а молодой человек, который живет в отвлеченном будущем и «ничего не понимает», зачем и к чему все кругом происходит. И то, что пьеса прерывается внезапно, оставляя зрителя самодорисовывать свое будущее, тусклое, вялое и неопределенное,— мне очень нравится. Так кончаются или, лучше сказать, оборываются эпические произведения. Я не говорю об исполнении, в котором чудесна Коммиссаржевская, а Сазонов и Писарев, как мне кажется, не поняли своих ролей и играют не тех, кого Вы хотели изобразить.

Вы, быть может, все-таки удивленно пожмете плечами. Какое Вам дело до моего мнения, и зачем я все это пишу. А вот зачем: я

люблю Вас за те минуты душевных движений, которые мне доставили и доставляют Ваши сочинения, и хочу издалека и наудачу сказать Вам слово сочувствия, быть может, Вам и ненужное. Преданный Вам А. Кони (А. П. Чехов, Полн. собр. соч., Гослитиздат, М. 1949, т. XVI, стр. 542—543). На письмо Кони Чехов отвечал 11 ноября 1896 г.: «Я Вас знаю уже давно, глубоко уважаю Вас и верю Вам больше, чем всем критикам, взятым вместе, — Вы это чувствовали, когда писали Ваше письмо, и оттого оно так прекрасно и убедительно. Я теперь покоен и вспоминаю о пьесе и спектакле уже без отвращения».

Писатель с трудом согласился на напечатание пьесы (см. письма Чехова к В. М. Лаврову от 1 ноября 1896 г. и Немировичу-Данченко от 20 ноября 1896 г.). При подготовке ее для журнала он по всему тексту сделал значительные сокращения. Пьеса была опубликована в декабрьской книге «Русской мысли» за 1896 г.

«Чайка» с успехом шла в провинции (в Киеве, в Астрахани, Таганроге и других городах). От автора требовали текста пьесы, но он относился к этому сдержанно. Подготавливая в 1897 г. к изданию сборник своих пьес, в том числе «Чайку» и «Дядю Ваню», Чехов сомневался, стоит ли их печатать.

Подлинным триумфом для «Чайки» была ее постановка в Художественно-общедоступном театре в Москве (Московский Художественный театр) в сезон 1898—1899 г.

Чехов долго не соглашался на новую постановку «Чайки». Немирович-Данченко писал ему: «...я готов отвечать чем угодно, что эти скрытые драмы и трагедии в каждой фигуре пьесы при умелой, не банальной, добросовестной постановке захватят и театральную залу... Если ты не дашь, ты зарежешь меня, так как «Чайка» единственная современная пьеса, захватывающая меня как режиссера, а ты — единственный современный писатель, который представляет большой интерес для театра с образцовым репертуаром» (Вл. И. Немирович-Данченко, Из прошлого, М. 1936, стр. 145—147). Чехов писал, что не хочет и не в силах переживать вновь те волнения, которые причинили ему так много боли. После долгих колебаний он все же дал согласие на постановку «Чайки» в Художественном театре.

Станиславский, проводивший лето в Харьковской губернии, писал мизансцены «Чайки», режиссерский план ее постановки и частями высылал в Пушкино, где шли первые черновые репетиции. Получив постановочный план трех действий «Чайки», Немирович-Данченко писал Станиславскому: «Видите ли, «Чайка» написана тон-

ким карандашом и требует, по-моему, при постановке необыкновенной осторожности. Есть места, которые легко могут вызвать неловкое впечатление. Я думал убрать все, что может расположить зрителя к излишним смешкам, дабы он был готов к восприятию лучших мест пьесы. Поэтому, например, при исполнении пьесы Треплева надо, чтобы лица вели себя в полутонах. Иначе публика легче пойдет за слушающими, чем за Треплевым и Ниной. Треплев и Нина должны здесь доминировать со своим нервным, декадентским мрачным настроением над шаловливым настроением остальных лиц. Если же случится наоборот, то произойдет именно та неловкость, которая провалила пьесу в П-бурге» («Ежегодник Московского Художественного театра, 1949/1950 г.», М. «Искусство», 1952, стр. 146).

Чехов присутствовал на первой и второй репетициях «Чайки» (9 и 11 сентября 1898 г.) в Московском Художественном театре. Немирович-Данченко писал Станиславскому об этих репетициях: «Приехал Чехов. Привел я его дня три назад на репетицию. Он быстро понял, как усиливает впечатление Ваша mise en scène. Прослушал два первых акта, высказал мне, а потом артистам свои замечания. Они очень волновались. Он нашел, что у нас на репетициях приятно, славная компания и отлично работает» (12 сентября).

О громадном успехе «Чайки» в постановке Московского Художественного театра и об исключительно важном значении этой постановки говорят приветственные телеграммы и письма к Чехову, находившемуся тогда в Ялте, отзывы печати, мемуары и пр. После первого представления (17 декабря 1898 г.) Немирович-Данченко телеграфировал Чехову: «Только что сыграли «Чайку». Успех колоссальный. С первого акта пьеса так захватила, что потом следовал ряд триумфов. Вызовы бесконечные. Мое заявление после третьего акта, что автора в театре нет, публика потребовала послать тебе от нее телеграмму. Мы сумасшедшие от счастья» (Вл. И. Немирович-Данченко, Из прошлого, М. 1936, стр. 196; там же см. его письмо-отчет о первом представлении). О волнении, охватившем публику при первом и последующих представлениях, писали Чехову А. Ф. Лазарев-Грузинский (Гос. библиотека СССР им. В.И. Ленина, Записки отдела рукописей, вып. 8, М. 1941, стр. 42), В. М. Соболевский (там же, стр. 61), А. И. Урусов (сб. «Слово», 2, стр. 286—287). М. Горький в конце декабря 1898 г. писал Чехову: «Ну, Вы, конечно, знаете о триумфе «Чайки». Вчера некто, прекрасно знающий театр, знакомый со всеми нашими корифеями сцены, человек, которому уже под 60 лет — очень тонкий знаток и человек

со вкусом — рассказывал мне со слезами от волнения: «Почти сорок лет хожу в театр и многое видел! Но никогда еще не видал такой удивительной *еретически-гениальной* вещи, как «Чайка». Это не один голос — Вы знаете. Не видал я «Чайку» на сцене, но читал — она написана могучей рукой!» (М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 28, М. 1954, стр. 53).

Автор увидел «Чайку» в постановке Московского Художественного театра 1 мая 1889 г., в этот день для него специально давался спектакль (без декораций, так как сезон к этому времени был закончен). Чехов писал о этом спектакле Горькому: «...судить о пьесе не могу хладнокровно, потому что сама Чайка играла отвратительно, все время рыдала навзрыд, а Тригорин (беллетрист) ходил по сцене и говорил, как паралитик, у него «нет своей воли», и исполнитель понял это так, что мне тошно было смотреть» (9 мая). О недовольстве Чехова общим ходом пьесы и в частности игрою Роксановой (Нина Заречная) и Станиславского (Тригорин) рассказывает О. Л. Книппер-Чехова в статье «О Чехове и о театре» (Журн. «Театр и драматургия», 1935, № 2, стр. 14) и сам Станиславский (К. С. Станиславский, Собр. соч., «Искусство», 1958, т. 5, стр. 336). Все же спектаклем в целом Чехов был удовлетворен. 15 мая он писал П. Ф. Иорданову. «В Москве для меня играли мою «Чайку» в Художественном театре. Постановка изумительная... Малый театр побледнел, а что касается *mise en scène* и постановки, то даже мейнингенцам далеко до нового Художественного театра»... На медуальоне, подаренном Чеховым Вл. И. Немировичу-Данченко, было выгравировано: «Ты дал моей «Чайке» жизнь. Спасибо!»

ДЯДЯ ВАНЯ

Сцены из деревенской жизни в четырех действиях

Пьеса «Дядя Ваня» явилась результатом переделки комедии «Леший», написанной Чеховым в 1889 г. Когда была осуществлена эта переделка, до сих пор неизвестно, точными документальными сведениями исследователи не располагают.

В первый раз Чехов называет «Дядю Ваню» в письме к А. С. Суворину от 2 декабря 1896 г., в связи с печатанием сборника «Пьесы»: «Остались еще не набранными две большие пьесы: известная Вам «Чайка» и не известный никому в мире «Дядя Ваня». М. П. Чехов в воспоминаниях сообщает: «...в «Лешем» было много промахов, так что пришлось ее потом переделать и даже изменить в ней заглавие. Но даже и в новой редакции эта пьеса не возбуждала доверия в ее

авторе. Он долго держал ее под спудом, а затем, когда выпустил ее в свет, и сам удивился, что она пошла» (М. П. Чехов, Об А. П. Чехове, «Журнал для всех», 1906, № 7, стр. 412). Позднее М. П. Чехов о том же сообщает несколько иначе. Говоря о недовольстве Чехова пьесой «Леший», он пишет: «Антон Павлович тогда же снял ее с репертуара, долго держал ее в столе и только несколько лет спустя переделал ее до неузнаваемости и под другим заглавием («Дядя Ваня») поставил ее на сцене Московского Художественного театра» (Письма А. П. Чехова, изд. 2, «Книгоиздательство писателей», М. 1917, т. 2, «Биографический очерк», стр. V. То же повторено в кн.: М. П. Чехов, Антон Чехов и его сюжеты, М. 1923, стр. 43).

Сам Чехов в письме к Дягилеву от 20 декабря 1901 г. отметил, что «Дядя Ваня» написан им в 1890 г. Возможно, писатель отождествил в данном случае «Дядю Ваню» с «Лешим», написанным в 1889 г. О том, что работа над «Дядей Ваней» велась позже, свидетельствуют Записные книжки писателя. Так, в первой из них есть запись, перенесенная из второй, относящейся к мелеховскому периоду (1892—1897 гг.), в которой имелись слова: «Чудаки казались ему прежде больными, а теперь он считает, что это нормальное состояние у человека — быть чудаком». Эти слова в пьесе принадлежат Астрову (действие 4-е): «Прежде я всякого чудака считал больным, ненормальным, а теперь я такого мнения, что нормальное состояние человека — это быть чудаком». Подготавливая Собрание сочинений в 1901 г., Чехов в томе драматургии расположил пьесы в хронологическом порядке, причем «Дядю Ваню» поместил после «Чайки».

Впервые «Дядя Ваня» был напечатан в сборнике Чехова «Пьесы» (Спб. 1897). С небольшими изменениями пьеса была включена автором в том VII Собрания сочинений (1901) и во второе издание этого тома (1902).

После выхода сборника «Пьесы» «Дядя Ваня» с успехом шел во многих провинциальных театрах (Одесса, Киев, Нижний-Новгород, Саратов, Тифлис и др.). Успех пьесы для Чехова был неожиданным. «Мой «Дядя Ваня», — писал он брату Михаилу Павловичу, — ходит по всей провинции, и всюду успех. Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Совсем я не рассчитывал на сию пьесу» (26 октября 1898 г.). О том же писал он А. С. Суворину 27 октября 1898 г. и сестре М. П. Чеховой 17 декабря 1898 г. Отзывы печати о пьесе были положительными. Отмечалась новизна и верность изображения «жизни без героев», «драмы будничной жизни» («Одесские новости», 1898, № 4389; «Кавказ», 1899, № 114; «Волжский вестник», 1898, № 94).

После постановки пьесы в Нижнем-Новгороде Горький в ноябре 1898 г. писал Чехову: «На днях смотрел «Дядю Ваню», смотрел и — плакал, как баба, хотя я человек далеко не нервный... Для меня — это страшная вещь. Ваш «Дядя Ваня» — это совершенно новый вид драматического искусства, молот, которым Вы бьете по пустым башкам публики... В последнем акте «Вани», когда доктор, после долгой паузы, говорит о жаре в Африке, — я задрожал от восхищения пред Вашим талантом и от страха за людей, за нашу бесцветную, нищенскую жизнь...» (М. Горький, Собр. соч., М. 1954, т. 28, стр. 46). В ответном письме Чехов писал Горькому, что «Дядя Ваня» написан очень давно, и что он, Чехов, отстал от театра, и что «писать для театра уже не хочется» (3 декабря 1898 г.). «Ваше заявление, — писал в ответ Горький, — о том, что Вам не хочется писать для театра, заставляет меня сказать Вам несколько слов о том, как понимающая Вас публика относится к Вашим пьесам. Говорят, например, что «Дядя Ваня» и «Чайка» — новый род драматического искусства, в котором реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа. Я нахожу, что это очень верно говорят. Слушая Вашу пьесу, думал я о жизни, принесенной в жертву идолу, о вторжении красоты в нищенскую жизнь людей и о многом другом, коренном и важном. Другие драмы не отвлекают человека от реальностей до философских обобщений — Ваши делают это» (М. Горький, Собр. соч., М. 1954, т. 28, стр. 52).

Режиссер Московского Малого театра А. М. Кондратьев обратился к Чехову с предложением предоставить «Дядю Ваню» Малому театру. Чехов 20 февраля 1899 г. отвечал ему: «Пьесу свою «Дядя Ваня» отдаю в Ваше распоряжение. Так как она не читалась еще в Театрально-литературном комитете, то прошу Вас взять на себя труд послать в комитет два экземпляра и попросить прочесть». Петербургское отделение Театрально-литературного комитета в заседании от 8 апреля 1899 г., в составе профессоров Н. И. Стороженко, Алексея Н. Веселовского, И. И. Иванова, признало пьесу Чехова «достойной постановки» лишь «при условии изменений и вторичного представления в комитет». В протоколе заседания как на «недостатки» пьесы указывалось, что до третьего акта дядя Ваня и Астров сливаются в один тип неудачника, что взрыв страсти у Астрова в разговоре с Еленой Андреевной ничем не подготовлен, что непонятна перемена в отношении Войницкого к профессору, которого он раньше обожал, что совсем необъяснимым представляется состояние невменяемости, в какой Войницкий гонится за Серебряковым с пистолетом, что характер Елены Андреевны нуждается в большом выяснении», что ее об-

раз «не вызывает интереса в зрителях», что пьеса нуждается в устранении длиннот и пр. (см. выдержку из протокола в книге В. А. Теляковского «Воспоминания, 1898—1917», П. 1924, стр. 168—170). Копия протокола была вручена писателю, на ней против слов: «Ничто не подготавливает нас к тому сильному взрыву страсти, который происходит во время разговора с Еленой» — рукою Чехова поставлено: «У кого?»; против замечаний о длиннотах в реплике Сони в конце пьесы поставлен знак вопроса и др. (там же, стр. 168). Пьеса была взята Чеховым и передана в Московский Художественный театр.

Чехов присутствовал на некоторых первых репетициях пьесы в МХТ. В письме к двоюродному брату Г. М. Чехову от 2 июня 1899 г. он писал: «Зимой в Художественном театре пойдет «Дядя Ваня». Я видел из репетиции два акта, идет замечательно». С сентября 1899 г. Чехов жил в Ялте, некоторые пояснения к отдельным ролям имеются в письмах Чехова к О. Л. Книппер. В письме от 26 сентября 1899 г. Книппер ему писала: «Меня смущает ремарка Алексева [К. С. Станиславского] по поводу последней сцены Астрова с Еленой: Астров у него обращается к Елене, как самый горячий влюбленный, хватается за свое чувство, как утопающий за соломинку. По-моему, если бы это было так, — Елена пошла бы за ним и у нее не хватило бы духу ответить ему: «Какой вы смешной...» Он, наоборот, говорит с ней в высшей степени цинично и сам как-то даже подсмеивается над своим цинизмом. Правда или нет?» В письме от 30 сентября 1899 г. Чехов отвечал: «Вы пишете, что Астров в этой сцене обращается к Елене, как самый горячий влюбленный, «хватается за свое чувство, как утопающий за соломинку». Но это неверно, совсем неверно! Елена нравится Астрову, она захватывает его своей красотой, но в последнем акте он уже знает, что ничего не выйдет, что Елена исчезает для него навсегда, — и он говорит с ней в этой сцене таким же тоном, как о жаре в Африке, и целует ее просто так, от нечего делать. Если Астров поведет эту сцену буйно, то пропадет все настроение IV акта — тихого и вялого». Несколько лет спустя, отвечая артистке-любительнице М. Ф. Победимской, Чехов писал, что ее понимание образа Елены Андреевны как человека «разумного, мыслящего и даже несчастного от неудовлетворения своей настоящей жизнью» — правильно. «Ваше мнение насчет Елены Андреевны совершенно справедливо... Быть может, Елена Андреевна и кажется не способной ни мыслить, ни даже любить, но когда я писал «Дядю Ваню», я имел в виду совершенно другое» (5 февраля 1903 г.). (См. «Лит. наследство», т. 68, М. 1960, стр. 249.)

Первое представление «Дяди Вани» в Московском Художественном театре состоялось 26 октября 1899 г. Многочисленные телеграммы сообщали Чехову об успехе. П. И. Куркин, врач, давний друг Чехова, писал ему: «Мне кажется, что я был где-то в далеком живом мире. Отзвуки этого мира еще громко звучат в душе и мешают отдаться будничной работе. Теперь все кругом кажется таким неинтересным и скучным... Дело, мне кажется, в трагизме этих людей, в трагизме этих будней, которые возвращаются теперь на свое место, возвращаются навсегда и навсегда сковывают этих людей. И дело еще в том, что огнем таланта здесь освещена жизнь и душа самых простых, самых обыкновенных людей. Все улицы переполнены этими простыми людьми, и частицу такого существования носит в себе каждый...» (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, Записки отдела рукописей, вып. 8, М. 1941, стр. 40).

По признанию самих участников спектакля, сценический успех «Дяди Вани» пришел не сразу. «После «Дяди Вани», — говорит Вл. И. Немирович-Данченко, — как всегда после премьеры, поехали в ресторан ожидать утренних газет, и действительно настроение было не то чтобы уж очень хорошее... Почти со всеми чеховскими пьесами было так: огромный успех сразу только у самого тонкого слоя публики, у людей чутких и видящих дальше и глубже... Но большая публика ни «Дядю Ваню», ни «Трех сестер», ни «Вишневого сада» не принимала сразу. Каждая из этих пьес завоевывала свой настоящий успех только со второго сезона, а в дальнейшем держалась до конца» (Вл. И. Немирович-Данченко, Из прошлого, М. 1938, стр. 166—167). О том же писал и К. С. Станиславский: «Трудно теперь поверить, что после премьеры «Дяди Вани» мы собрались тесной компанией в ресторане и лили там слезы, так как спектакль, по мнению всех, провалился. Однако время сделало свое дело: спектакль был признан, продержался более двадцати лет в репертуаре и стал известен в России, Европе и Америке» (К. С. Станиславский, Собр. соч., «Искусство», 1954, т. I, стр. 230). Книппер в письмах к Чехову писала много раз о своей неудовлетворенности спектаклем, в частности исполнением своей роли. И только впоследствии была достигнута гармония и стильность в исполнении всего ансамбля (см. ее письма 1899 г. и 1 октября 1900 г., «Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер», М. 1936).

Весной 1900 г. МХТ давал спектакли в Севастополе и Ялте. Здесь Чехов впервые видел свои пьесы в полной обстановке публичного спектакля. Он был доволен исполнением, хотя и делал некоторые дополнительные указания. В частности, о роли Астрова заметил

К. С. Станиславскому: «Он же свистит... Дядя Ваня плачет, а Астров — свистит...» (К. С. Станиславский, Собр. соч., «Искусство», 1954, т. 1, стр. 232). По словам артистки Н. С. Буровой, Чехов, заметив, что в третьем акте Соня при словах: «Надо быть милосердным, папа!» — становилась на колени и целовала руку у отца, сказал: «Этого не надо делать, это ведь не драма. Весь смысл и вся драма человека внутри, а не во внешних проявлениях. Драма была в жизни Сони до этого момента, драма будет после, а это — просто случай, продолжение выстрела, а выстрел ведь не драма, а случай» (альманах «Шиповник», кн. 23, 1914, стр. 194). По воспоминаниям А. Федорова, постановка и исполнение «Дяди Вани» удовлетворяли Чехова больше постановок других пьес («Памяти Чехова», Общество любителей российской словесности, 1906, стр. 166).

В газетных отзывах пьеса признавалась «выдающимся явлением в нашей театральной жизни» («Новости дня», 1898, № 5898, 25 октября), правдивой картиной «сереньких будней» (там же, № 5899, 26 октября). Отмечалась общественная актуальность пьесы: «Современный человек болен, нравственно болен, оттого, что ему хочется жить, а жить нечем» («Северный курьер», 1900, № 65, 7 января). В пьесах Чехова находили драму «настроения» в отличие от драмы «действия»: «Здесь единство действия заменено единством настроения» («Русские ведомости», 1899, № 298, 29 октября; о том же «Новости», 1899, № 306; «Жизнь», 1901, апрель и др.).

Об общественной злободневности пьесы писал Чехову В. М. Соколевский 28 марта 1900 г.: «Не далее как на последних двух неделях беседы на собраниях самоучащейся молодежи у В. А. [Гольцева] были посвящены специально «Дяде Ване» и «Чайке». Эти две вещи продолжают господствовать в репертуаре не только театра, но и вообще умственного обихода интеллигенции. На них упражняются, учатся думать, разбираться в жизни, искать выхода и т. д. Вот что значит затронуть самую суть и самые наболевшие струны» (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, Записки отдела рукописей, вып. 8, М. 1941, стр. 61).

ТРИ СЕСТРЫ

Драма в четырех действиях

Пьеса написана в 1900 г. Впервые о ее замысле Чехов сообщил 8 февраля 1899 г. Вл. И. Немировичу-Данченко: «...для Художественного театра я напишу... пьесу».

Август 1899 г. Чехов проводил в Москве, встречался с актерами и режиссерами Художественного театра, беседовал с некоторыми из

них о будущей пьесе. В конце августа писатель уехал в Ялту, но сразу не приступал к работе. К осени определились сюжет и название пьесы. «У меня есть сюжет «Три сестры»,— писал Чехов 24 ноября 1899 г. Немировичу-Данченко,— но прежде чем не кончу тех повестей, которые давно уже у меня на совести, за пьесу не засяду».

После успеха «Чайки» и «Дяди Вани», которые указали молодому Художественному театру новые пути в искусстве, актеры и режиссеры были крайне заинтересованы в новой чеховской пьесе. «Наша судьба с тех пор находилась в руках Антона Павловича: будет пьеса— будет и сезон, не будет пьесы — театр потеряет свой аромат»,—так характеризовал положение Станиславский (К. С. Станиславский, Собр. соч., «Искусство», 1954, т. 1, стр. 234). Театр торопил Чехова, стремясь получить пьесу к сезону 1900—1901 г.

В феврале 1900 г. Немирович-Данченко спрашивает: «Будет эта пьеса или нет? Должна быть. Непременно должна быть. Конечно, чем раньше, тем лучше, но хоть к осени, хоть осенью!» (В. И. Немирович-Данченко, Избранные письма, «Искусство», 1954, т. 2, стр. 187—188). «Пишу ли я новую пьесу? — отвечает Чехов 10 марта.— Она наклеивается, но писать не начал, не хочется...»

К осуществлению своего замысла Чехов приступает летом 1900 г., после весенних гастролей Художественного театра в Крыму. Побывав в театре и на спектаклях и репетициях, Чехов мог, как он говорил, «зарядиться, приобрести опыт и засесть за новую пьесу». 5 августа он сообщает актеру Художественного театра А. Л. Вишневному: «...для Вас przygotowую роль инспектора гимназии, мужа одной из сестер. Вы будете в форменном сюртуке и с орденом на шее». 18 августа Чехов пишет О. Л. Книппер: «Пьеса сидит в голове, уже вылилась, выровнялась и просится на бумагу».

По свидетельству Немировича-Данченко, Чехов говорил: «У меня весь акт в памяти. Сцена за сценой, даже почти фраза за фразой, надо только написать его». «...Набросок пьесы хранился у него в виде отдельных маленьких диалогов...» (См. предисловие к книге Н. Эфроса «Три сестры» в постановке Московского Художественного театра), изд. Светозар, Пб. 1919, стр. 7).

В Записных книжках Чехова и в [Записях на отдельных листках] имеется много заметок, использованных им в «Трех сестрах» (см. том 10 наст. издания).

В сентябре и начале октября Чехов жалуется, что работа над пьесой идет трудно, мешают многочисленные посетители и состоя-

ние здоровья (письма к Книппер от 30 августа, 5, 6, 8 и 14 сентября и 4 октября 1900 г.; к А. Б. Тараховскому — 6 сентября; к М. П. Чеховой — 9 сентября; к В. Ф. Коммиссаржевской — 13 сентября).

«Что-то у меня захромала одна из героинь, ничего с ней не поделаю и злюсь», — писал он Книппер 8 сентября. Среди черновых набросков к пьесе [Записи на отдельных листках] есть такие, которые дают основание предполагать, что «захромала» Маша: «В 3 акте Ирина: Ты ничего не делаешь! Маша: Я отравилась». «Кулыгин, узнав, что Маша отравилась, прежде всего боится, как бы не узнали в гимназии».

Очевидно, намечался какой-то другой сюжетный ход — самоубийство или попытка к самоубийству Маши, позднее отвергнутый писателем.

«Трех сестер» писать очень трудно, труднее, чем прежние пьесы. Ну да ничего, авось выйдет что-нибудь», — пишет он М. П. Чеховой 9 сентября.

16 октября Антон Павлович сообщает А. М. Горькому об окончании работы: «Можете себе представить, написал пьесу... Ужасно трудно было писать «Трех сестер». Ведь три героини, каждая должна быть на свой образец, и все три — генеральские дочки! Действие происходит в провинциальном городе, вроде Перми, среда — военные, артиллерия».

23 октября Чехов приехал из Ялты в Москву, и 29 октября 1900 г. пьеса была прочитана труппе Художественного театра. Это была первоначальная, ялтинская редакция пьесы, дошедшая до нас в виде машинописной копии, хранящейся в архиве музея Московского Художественного театра.

«...Антон Павлович, — вспоминает Книппер, — прочел свою пьесу «Три сестры» нам, артистам и режиссерам, долго ждавшим новой пьесы от любимого автора, — когда кончилось чтение, воцарилось какое-то недоумение, молчание... Антон Павлович смущенно улыбался и, нервно покашливая, ходил среди нас... Начали одиноко брошенными фразами что-то высказывать, слышалось: «Это же не пьеса, это только схема... Этого нельзя играть, нет ролей, какие-то намеки только...» (О. Л. Книппер-Чехова, Из моих воспоминаний о Художественном театре и об А. П. Чехове, сб. «Артисты Московского Художественного театра за рубежом», Прага, 1922).

Чехов и сам не считал пьесу законченной, что видно по его многочисленным высказываниям в письмах о нежелании давать ее

театру к ближайшему сезону. Писатель взялся за переработку пьесы, или, как он говорил, за «переписывание начисто».

11 декабря Чехов уехал за границу, успев передать театру доработанными только два первых акта. 14 декабря он прибыл в Ниццу и на другой день взялся за работу над третьим и четвертым актами. 17 декабря Чехов писал Книппер, игравшей Машу: «Вчера послал в Москву III акт пьесы, а завтра пошлю IV. В III я изменил лишь кое-что, а в IV произвел перемены крутые. Тебе прибавил много слов».

Автографы всех четырех актов, обнаруженные в архиве музея МХАТа в 1953 г., составляют беловую рукопись пьесы, позднее значительно переработанную.

Сравнение беловой рукописи с первоначальным текстом показывает, какую огромную работу проделал писатель: полнее раскрыты образы, переработаны и переставлены некоторые сцены, сокращены или дополнены реплики, по всему тексту проведена значительная стилистическая правка.

В «Трех сестрах» новая, своеобразная чеховская драматургия — драматургия подтекста, второго плана, скрытой, не выраженной в прямой речи мысли — достигла высшего развития. «Ни в одной предыдущей пьесе, даже ни в одной беллетристической вещи,— писал Вл. И. Немирович-Данченко,— Чехов не развертывал с такой свободой, как в «Трех сестрах», свою новую манеру стройки произведения. Я говорю об этой, почти механической, связи отдельных диалогов. ...Все действие так переполнено этими, как бы ничего не значащими диалогами, никого не задевающими слишком сильно за живое, никого особенно не волнующими, но, без всякого сомнения, схваченными из жизни и прошедшими через художественный темперамент автора и, конечно, глубоко связанными каким-то одним настроением, какой-то одной мечтой.

Вот это настроение, в котором отражается, может быть, даже все миропонимание Чехова, это настроение, с каким он как бы оглядывается на свой личный, пройденный путь жизни, на радости весны и постоянное крушение иллюзий и все-таки на какую-то непоколебимую веру в лучшее будущее, это настроение, в котором отражается множество воспоминаний, попавших в авторский дневничок,— оно-то и составляет то подводное течение всей пьесы, которое заменит устаревшее сценическое действие» (Н. Э ф р о с, «Три сестры» в Московском Художественном театре», изд. Светозар, Пб. 1919, стр. 8—10).

«И такая форма,— продолжал мысль Немировича-Данченко

Н. Е. Эфрос,—нужна ему не сама по себе, по своей новизне, но еще и потому, что в нее вмещается и ею не искажается новое содержание, новая драматургическая лирика и даже некая новая идеология» (там же, стр. 49).

Из писем видно, как пристально следил Чехов за подготовкой спектакля и, в частности, за соблюдением всех внесенных им изменений. «Ты знакома с теми переделками, какие я внес в III и IV акты? А знакома со вторым актом? Переписали для вас роли? Или же читаете по старым тетрадкам?» — спрашивает он Книппер в письме от 30 декабря 1900 г. В другом письме, от 2 января 1901 г.: «Опиши мне хоть одну репетицию «Трех сестер». Не нужно ли чего прибавить или что убавить?..» В течение января 1901 г. писатель почти ежедневно посылает советы, разъяснения и указания актерам и режиссерам, отвечает на их вопросы.

После отправки в театр переработанной пьесы Чехов продолжает уточнять и совершенствовать текст. 18 декабря 1900 г. он писал Немировичу-Данченко: «В III акте последние слова, которые произносит Соленый, суть (глядя на Тузенбаха): «Цип, цип, цип». Это прибавь, пожалуйста»; за несколько дней до премьеры просит А. Л. Вишневого, игравшего Кулыгина: «...перед фразой: «Главное во всякой жизни — это ее форма» — прибавьте слова: «Наш директор говорит»».

31 января 1901 г. состоялась премьера.

Пьеса вызвала множество отрицательных отзывов («Курьер», 1901, № 32, 34, 35; «Новости», 1901, № 41; «Новости дня», 1901, № 6361; «Русское слово», 1901, № 31; «Мир искусства», 1901, № 2-3 и др.). Критик Н. Эфрос в своей книге «Три сестры в Московском Художественном театре» передает общий тон прессы того времени: «Наутро после спектакля большинство... узнало от газетной критики, что «Три сестры»... совсем даже и не пьеса, а так, невесть что. Чехов, во-первых, «обокрал» самого себя, ибо все это у него уже было, и автор «Трех сестер» много заимствует у автора «Дяди Вани». Во-вторых, Чехов регрессирует, потому что раньше бывшее было много лучше. В-третьих, Чехов начинил свою новую пьесу, как фаршем, несочетаемыми, нежизненностями. В-пятых, Чехов сочетал какие-то несочетаемые идеи, проповедует не то оптимистический пессимизм, не то пессимистический оптимизм» (стр. 17).

Но зрители восприняли пьесу иначе. Если на премьерe, по словам К. С. Станиславского, успех был «неопределенный», то через несколько спектаклей «Три сестры» стали одной из любимейших и наиболее посещаемых пьес. Уже 5 февраля Книппер сообщала Чехову:

«По всей Москве только и разговору, что «Три сестры». Одним словом, успех Чехова и успех нашего театра».

В марте 1901 г. театр выехал на гастроли в Петербург. В конце марта М. Горький писал оттуда Чехову: «Три сестры» идут — изумительно! Лучше «Дяди Вани». Музыка, не игра».

В журнале «Театр и искусство» (1901, № 8) критик П. М. Ярцев так оценивал пьесу: «...большой художник слова растворился в работе равных ему сил. Получилось произведение искусства из тех, ради которых прекрасна жизнь... Драма построена не на движении внешних событий, а на тонких движениях жизни, будничной мысли и будничного страдания. Драма сыграна в очаровательных иллюзиях этих движений...» В № 44 (1901) того же журнала С. Сутугин, ранее резко критиковавший пьесу, признавал: «Три сестры» сделались теперь боевой пьесой. Их ставит вся провинция. Пьеса Чехова — того самого Чехова, которого «Чайка» скандально провалилась несколько лет тому назад в Александринском театре, пьеса «несценичного» Чехова — вдруг оказалась «маскоттой» (приносящей счастье *(испан.)*.— А. В.), делающей сборы».

15 марта 1901 г. драматическая цензура запретила «Три сестры» к представлению в народных театрах.

На сцене Чехов впервые увидел пьесу в сентябре 1901 г. Он принял участие в репетициях, о чем 24 сентября писал Л. В. Средину в Ялту: «Три сестры» идут великолепно, с блеском, идут гораздо лучше, чем написана пьеса. Я прорежиссировал слегка, сделал кое-кому авторское внушение, и пьеса, как говорят, теперь идет лучше, чем в прошлый сезон».

«Три сестры» были впервые напечатаны во втором номере журнала «Русская мысль» за 1901 г., вскоре после премьеры.

Обстоятельства сложились таким образом, что пьеса появилась на страницах журнала не прокорректированная автором. Редактор «Русской мысли», В. М. Лавров, в конце января 1901 г. выслал Чехову корректуру в Ниццу. Чехов же 26 января выехал из Ниццы в Италию, побывал в Пизе и Флоренции и в первых числах февраля прибыл в Рим, где и догнала его корректура.

«Так как теперь уже 7 февраля,— писал он Лаврову,— пьеса не успеет для февральской книжки. Сегодня я уезжаю в Ялту, откуда и вышлю ее, а ты пока вели мне выслать «действующих лиц», которых нет в корректуре и нет у меня».

В журнальной публикации имелись искажения чеховского текста (в репликах были пропуски слов и фраз, инверсии, пропуски ре-

марок, изменена авторская пунктуация), нарушающие порой смысл. Имея в распоряжении автограф белой рукописи, с которой, по всей вероятности, делался набор для «Русской мысли», мы можем точно установить разночтения, проникшие в текст. Приведем наиболее значительные отступления от белой рукописи. В реплике Ольги: «...ты уже в белом платье, лицо твое сияет» (стр. 534) — слово «платье» в рукописи отсутствует; в реплике Ирины: «Николай Львович, дорогой, не говорите мне о любви» (стр. 549) — выпало слово «дорогой»; в реплике Федотика: «Вы сегодня замечательно интересны» (стр. 551) — выпало слово «замечательно».

В монологе Вершинина фразы: «Но мне кажется, все равно. Все равно, что военный, что штатский, одинаково неинтересно» (стр. 556) — были напечатаны так: «Но мне кажется, все равно, что военный, что штатский, одинаково интересно». В реплике Тузенбаха: «...кажетесь такой маленькой...» (стр. 558) — вместо «маленькой» напечатано «молоденькой». В монологе Наташи после слов: «Нам нужно уговориться, Оля. Раз навсегда» — пропущены слова: «Раз навсегда». В монологе Чебутыкина после фразы: «...а теперь ничего не помню. Ничего» (стр. 574) — в рукописи есть слова: «В голове пусто, на душе холодно», которые «Русской мыслью» пропущены.

В словах Ольги: «Ведь замуж выходят не из любви, а только для того, чтобы исполнить свой долг», пропущено «только». В сцене прощания Ирины и Тузенбаха перед репликой Тузенбаха: «Милая, я сейчас приду», пропущена ремарка — «поглядев на часы». В этой же сцене после фразы Тузенбаха: «Скажи мне что-нибудь», — пропущены реплики: «И р и н а. Что? Что? Кругом все так таинственно, старые деревья стоят, молчат... *(Кладет голову ему на грудь.)* Тузенбах. Скажи мне что-нибудь».

В феврале — марте 1901 г. Чехов подготовил пьесу для издания у А. Ф. Маркса. По всему тексту он произвел значительные добавления, замены и сокращения, исправил смысловые искажения журнальной публикации.

Пьеса вышла отдельным изданием, с портретами исполнительниц главных ролей на обложке, в мае 1901 г. Сотрудник издательства Маркса А. Е. Розинер объяснял Чехову, что «Три сестры» появились уже после выхода седьмого тома Собрания сочинений писателя, поэтому пьеса и издана отдельно. «Теперь мы имеем в виду, — писал он, — приступить к печатанию нового издания седьмого тома. Можно ли включить в этот том и пьесу «Три сестры»? Чехов ответил согласен. «В издании «Три сестры», — писал он Розинеру

18 октября,—было сделано много опечаток, а потому не откажите выслать мне корректуру».

Подготавливая «Три сестры» для второго издания, Чехов во многих случаях отменил свою правку, сделанную в первом издании Маркса. Была в том числе восстановлена реплика Маши: «Выпью рюмочку винца! Эх-ма, жизнь малиновая, где наша не пропадала!»

Для подписчиков, которые уже приобрели первое издание VII тома, где не было ни «Трех сестер», ни переделанного водевиля «Свадьба», издательство Маркса выпустило сборник пьес, куда вошли «Три сестры» и переработанные Чеховым водевили «Свадьба» и «Юбилей». Сборник этот вышел в марте 1902 г. и являлся как бы дополнением к уже вышедшему VII тому Собрания сочинений. Текст пьесы был дан в нем с теми поправками, которые Чехов внес для второго издания VII тома.

Второе издание VII тома Собрания сочинений Чехова, изданного А. Ф. Марксом, является последней прижизненной публикацией пьесы.

О ВРЕДЕ ТАБАКА

Сцена-монолог в одном действии

Сцена написана в сентябре 1902 г. и впервые напечатана в XIV томе Собрания сочинений 1903 г. Одноименная с водевилем 1886 г., она предназначалась автором для второго издания VII тома Собрания сочинений 1902 г. В письме к А. Ф. Марксу (издателю собраний сочинений) Чехов писал: «В числе моих произведений, переданных Вам, имеется водевиль «О вреде табака»,— это в числе тех произведений, которые я просил Вас исключить из полного собрания сочинений и никогда их не печатать. Теперь я написал совершенно новую пьесу под тем же названием «О вреде табака», сохранив только фамилию действующего лица, и посылаю Вам для помещения в VII томе» (письмо от 1 октября 1902 г.). А. Ф. Маркс в ответном письме от 14 октября просил Чехова: «Так как эта пьеса совершенно новая, то не разрешите ли Вы мне ее напечатать предварительно в «Ниве» и затем уж поместить в VII томе?» Чехов ответил отказом. «Водевиль «О вреде табака»,— писал Чехов,— написан исключительно для сцены, в журнале же он может показаться ненужным и неинтересным, а потому прошу Вас в журнале его не помещать» (16 октября). Пьеса была напечатана в XIV томе Собрания сочинений Чехова, 1903 г.

ВИШНЕВЫЙ САД
Комедия в четырех действиях

Пьеса написана в 1903 г. По рассказу К. С. Станиславского, замысел «Вишневого сада» возник у Чехова уже в период репетиции «Трех сестер», в 1901 г. (альманах «Шиповник», кн. 23, 1914). Вскоре после постановки «Трех сестер» Чехов в письмах к О. Л. Книппер несколько раз говорил о намерении написать для Московского Художественного театра веселую пьесу (письма от 7 марта и 22 апреля 1901 г.). 20 января 1902 г. он сообщал ей: «Я не писал тебе о будущей пьесе не потому, что у меня нет веры в тебя, как ты пишешь, а потому, что нет еще веры в пьесу. Она чуть-чуть забрезжила в мозгу, как самый ранний рассвет, и я еще сам не понимаю, какая она, что из нее выйдет, и меняется она каждый день». 1 октября 1902 г. Чехов писал Станиславскому: «15 октября буду в Москве и объясню Вам, почему до сих пор не готова моя пьеса. Сюжет есть, но пока еще не хватает пороху». В декабре того же года в письме к Книппер от 24 декабря 1902 г. Чехов уже называет пьесу по ее заглавию: «Мой «Вишневый сад» будет в трех актах. Так мне кажется, а впрочем, окончательно еще не решил». В письме к ней же от 3 января 1903 г. писатель поясняет: «Вишневый сад» я хотел сделать в трех длинных актах, но могу сделать и в четырех, мне все равно, ибо 3 или 4 акта — пьеса все равно будет одинакова».

«Пьесу начну в феврале», — сообщал Чехов Станиславскому 1 января 1903 г., а В. Ф. Коммиссаржевской 27 января он писал: «Пьеса задумана, правда, и название ей у меня уже есть («Вишневый сад» — но это пока секрет), и засяду писать ее, вероятно, не позже конца февраля, если, конечно, буду здоров, здесь же отмечается, что центральная роль в пьесе будет принадлежать «старухе». В письме от 11 февраля 1903 г. Чехов обращался к М. П. Лилиной с просьбой играть в его новой пьесе, но предлагаемой роли не назвал и о самой пьесе писал: «Не знаю, какая она у меня будет, удастся ли — это еще вопрос... Весной пьеса моя будет готова, я привезу ее». В письме к Книппер, написанном в тот же день, писатель заметил: «Пьесу начну писать 21 февраля. Ты будешь играть глупенькую». 1 марта в письме к ней же Чехов сообщил о начале работы: «...для пьесы уже разложил бумагу на столе и написал заглавие». В начале марта, в письме к ней же, Чехов прибавил: «Если пьеса у меня выйдет не такая, как я ее задумал, то стукни меня по лбу кулаком. У Станиславского роль комическая, у тебя тоже». В первые недели марта работа над «Вишневым садом», видимо, непрерывно продолжалась. В письмах к Книппер Чехов сообщал о некоторых своих затрудне-

ниях и намерениях: «А пьеса, кстати сказать, мне не совсем удастся. Одно главное действующее лицо еще недостаточно продумано и мешает, но к пасхе, думаю, это лицо будет уже ясно, и я буду свободен от затруднений» (18 марта). «Вишневый сад» будет, стараюсь сделать, чтобы было меньше действующих лиц; этак интимнее» (21 марта).

В апреле работа была прервана поездкой писателя в Москву и Петербург и возобновилась, по-видимому, только после возвращения в Ялту в июне месяце. На вопрос Станиславского о пьесе Чехов в письме к нему от 28 июля 1903 г. ответил: «Пьеса моя не готова, подвигается туговато, что объясняю я и леностью, и чудесной погодой, и трудностью сюжета». В письме к Вл. И. Немировичу-Данченко от 2 сентября 1903 г. писатель сообщал: «Моя пьеса (если я буду продолжать работать так же, как работал до сегодня) будет окончена скоро, будь покоен. Трудно, очень трудно было писать второй акт, но, кажется, вышел ничего. Пьесу назову комедией». 13 сентября 1903 г. об окончании «Вишневого сада» Чехов писал одному из своих знакомых, М. А. Членову: «Пьесу я почти кончил, надо бы переписывать, мешает недуг, а диктовать не могу». Переписка рукописи шла медленно, многое подвергалось переделке. «Некоторые места мне очень не нравятся, я пишу их снова и опять переписываю» (Книппер от 3 октября; см. письма ей же от 7, 9, 12 октября). В письме к Станиславскому от 10 октября Чехов сообщал: «Пьесу я переписываю начисто во второй раз, оттого и запаздываю. Пришлю ее через три дня». 14 октября Чехов писал Книппер: «Мне не верится, что я уже не пишу пьесы. Веришь ли, два раза переписывал начисто».

Чехов не считал работу над комедией законченной: «Если пьеса теперь не сгодится, — писал он Книппер 17 октября, — то не падай духом... не унывай, через месяц я ее так переделаю, что не узнаешь. Ведь я ее писал томительно долго, с большими антрактами, с расстройством желудка, с кашлем». О своей готовности произвести в ней новые исправления Чехов писал жене и 23 октября 1903 г.

В ноябре 1903 г. пьеса поступила на рассмотрение драматической цензуры. Цензором были исключены два места. Приводим эти места, выделяя их курсивом. Во втором действии, в монологе Трофимова: «Все серьезные, у всех строгие лица, все говорят только о важном, философствуют, а между тем *у всех на глазах рабочие едят откровенно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате...*» Во втором действии, в монологе Трофимова: «Вся Россия наш сад... *Владеть живыми душами — ведь это переродило всех*

вас, живших раньше и теперь живущих, так что ваша мать, вы, дядя, уже не замечаете, что вы живете в долг, на чужой счет, на счет тех людей, которых вы не пускаете дальше передней (Авторская рукопись. Гос. театральная библиотека им. А. В. Луначарского).

Слова, изъятые цензурой, в авторской рукописи не зачеркнуты, они взяты в скобки, и над ними сверху вписан рукой Чехова другой текст. Вместо слов Трофимова: «... у всех на глазах рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате» — над строкой написано: «громадное большинство из нас, девяносто девять из ста, живут как дикари, чуть что, сейчас зуботычина, брань, едят отвратительно, спят в грязи, в духоте...» В другом месте слова Трофимова: «Владеть живыми душами ведь это (зачеркнуто: «развратило») переродило вас...», кончая словами: «дальше передней», взяты в скобки и сверху вписано: «О, это ужасно, сад ваш страшен, и когда вечером или ночью проходишь по саду, то старая кора на деревьях отсвечивает тускло, и кажется, вишневые деревья видят во сне то, что было сто, двести лет назад, и тяжелые видения томят их. Что говорить».

В декабре Чехов регулярно присутствовал на репетициях пьесы в Московском Художественном театре (см. письма Чехова Ф. Д. Батюшкову от 21 декабря и А. Н. Плещееву в декабре 1903 г.). Очевидно, в период репетиций и первых спектаклей текст подвергался некоторой правке. Об одном из исправлений, вероятно наиболее значительном, рассказывает Станиславский: «Пьеса долго не давалась. Особенно второй акт. Он не имеет, в театральном смысле, никакого действия и казался на репетициях очень однотонным. Было необходимо изобразить скуку ничегонеделания так, чтобы это было интересно. И это не удавалось... Акт казался нам растянутым, и мы, когда Чехов приехал в Москву, обратились к нему с просьбой разрешить сократить. Видимо, эта просьба причинила ему боль, лицо у него омрачилось. Но затем он ответил: «Что ж, сокращайте...» Уже после нескольких первых спектаклей Чехов изменил конец этого акта, вычеркнул бывшую раньше заключительную сцену, следовавшую за... сценою Пети Трофимова и Ани» («Речь», 1914, № 177).

Для публикации пьеса была передана Чеховым, по просьбе Горького, в сборник товарищества «Знание» (см. письма Чехова к Книппер от 17 октября и 3 ноября и телеграмму Горького Чехову от 16 октября 1903 г.— «М. Горький и А. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания», М. 1951, стр. 115). Выход сборника, где печаталась пьеса, задержался. Тем временем она стала печататься отдельным изданием у А. Ф. Маркса. Оба издания вышли почти одновре-

менно, в июне 1904 г. Текст пьесы в обоих изданиях тождественный.

Сравнение текста авторской рукописи, хранящейся в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина, с печатными изданиями 1904 г. позволяет видеть последние стадии работы автора над пьесой. Изменения имеют преимущественно стилистический характер. Наибольшей переработке подвергся второй акт, где вместе со стилистической правкой Чехов делал в тексте перестановки, изъятия и другие конструктивные перемены, особенно в начале и в конце акта.

Наиболее значительные изъятия были сделаны в конце второго действия. После слов Ани: «Как хорошо вы сказали!» — в рукописи финальная сцена читалась так:

Трофимов. Тс... кто-то идет. Опять эта Варя! *(Сердито.)*
Возмутительно!

Аня. Что ж? Пойдемте к реке. Там хорошо.

Трофимов. Пойдемте.

Аня. Скоро взойдет луна.

(Уходят.)

Входят Фирс, потом Шарлотта Ивановна. Фирс, бормоча, что-то ищет на земле около скамьи, зажигает спичку.

Фирс *(бормочет)*. Эх ты, недотепа!

Шарлотта *(садится на скамью и снимает картуз)*. Это ты, Фирс? Что ты тут ищешь?

Фирс. Барыня портмонеет потеряли.

Шарлотта *(ищет)*. Вот веер. А вот платочек... духами пахнет. *(Пауза.)* Больше ничего нет. Любовь Андреевна постоянно теряет. Она и жизнь свою потеряла. *(Тихо напевает песенку.)* У меня, дедушка, нет настоящего паспорта, я не знаю, сколько мне лет, и мне кажется, что я молоденькая... *(Надевает на Фирса картуз; тот сидит неподвижно.)* О, я тебя люблю, мой милый господин! *(Смеется.)* Ein, zwei, drei! *(Снимает с Фирса картуз, надевает его на себя.)* Когда я была маленькой девочкой, то мой отец и мамаша ездили по ярмаркам и давали представления, очень хорошие. А я прыгала salto mortale и разные штучки, тому подобное. И когда папаша и мамаша умерли, меня взяла к себе немецкая госпожа и стала меня учить. Хорошо. Я выросла, потом пошла в гувернантки. А откуда я и кто я — не знаю... Кто мои родители? Может, они не венчались... не знаю... *(Достает из кармана огурец и ест.)* Ничего не знаю.

Фирс. Мне было лет двадцать или двадцать пять, идсм это

я да сын отца дьякона, да повар Василий, а тут как раз на камне человек сидит... чей-то чужой, знакомый... Я отчего-то оробел и ушел, а они без меня взяли и убили его... Деньги у него были.

Шарлотта. Ну!

Фирс. Потом, значит, понаехал суд, стали допрашивать... Забрали... и меня тоже... Просидел в остроге года два... Потом ничего, выпустили... Давно было. *(Пауза.)* Всего не вспомнишь.

Шарлотта. Тебе умирать пора, дедушка. *(Ест огурец.)*

Фирс. А? *(Бормочет про себя.)* И вот, значит, поехали все вместе, а там остановка... Дядя прыгнул с телеги... взял куль... а в том куле опять куль. И глядит, там что-то дрыг! дрыг!

Шарлотта *(смеется тихо)*. Дрыг, дрыг! *(Ест огурец.)*

Слышно, как кто-то тихо идет по дороге и тихо играет на балалайке... Восходит луна. Где-то около тополей Варя ищет Аню и зовет: «Аня! Где ты!»

Вся эта сцена, кроме монолога Шарлотты, перенесенного в начало акта, была Чеховым снята. Конец акта был написан заново.

В письмах Чехов неоднократно разъяснял характер пьесы в целом, высказывался и по поводу отдельных ролей. «Вышла у меня не драма, а комедия, местами даже фарс...» (Лилиной, 15 сентября 1903 г.). Немировича-Данченко и Книппер он предупреждал, чтобы не было — «плачущего» тона у Ани, она «ребенок, веселый до конца». «Часто у меня, — пояснял он, — встречается «сквозь слезы», но это показывает только настроение лиц, а не слезы» (Книппер, 21 октября; Немировичу-Данченко, 23 октября). Писатель опасался за исполнение ролей Лопухина, Трофимова, Раневской. О Лопухине он писал, что это «роль... центральная», и предупреждал, чтобы его не играли как привычного купца (Книппер, 28 и 30 октября; Станиславскому, 30 октября, 10 ноября).

Чехов предусматривал возможные неясности в образе Трофимова: «Ведь Трофимов то и дело в ссылке, его то и дело выгоняют из университета, а как изобразить сии штуки» (письмо к Книппер 19 октября 1903 г.). О характере Раневской Чехов писал Книппер 25 октября 1903 г. и Коммиссаржевской 6 января 1904 г.

Много указаний делалось и о декоративной стороне спектакля (Немировичу-Данченко, 22 августа; Станиславскому, 5, 20 и 23 ноября). В декабре 1903 г. Чехов систематически присутствовал на репетициях пьесы. Ходом подготовки он был мало доволен. Это видно, в частности, из письма к В. К. Харькевич (13 января 1904 г.):

«Пьеса моя пойдет, кажется, 17 января; успеха особенного не жду, дело идет вяло».

17 января 1904 г. в Московском Художественном театре состоялась премьера. Первые спектакли писателя не удовлетворяли. На другой день после премьеры он писал И. Л. Щеглову: «Вчера шла моя пьеса, настроение у меня поэтому неважное» (18 января 1904 г.). Игра актеров представлялась ему «растерянной и неяркой» (Ф. Д. Батюшкову, 19 января 1904 г.). В письмах к Книппер Чехов выражал недовольство общей трактовкой пьесы: «Почему на афишах и в газетных объявлениях моя пьеса так упорно называется драмой? Немирович и Алексеев [Станиславский] в моей пьесе видят положительно не то, что я написал, и я готов дать какое угодно слово, что они ни разу не прочли внимательно моей пьесы» (10 апреля 1904 г.).

Недовольство Чехова Московским Художественным театром, очевидно, было вызвано тем, что на сцене происходило нарушение необходимых пропорций. Писатель видел в «Вишневом саде» и грустное и смешное в определенном их сочетании. Взять во всем нужную меру и не удавалось театру.

Станиславский вспоминал о том, как спектакль «Вишневый сад» «налаживался трудно» (К. С. Станиславский, Собр. соч., «Искусство», т. 1, стр. 270). Немирович-Данченко тоже отмечал, что пьеса дошла до зрителя не сразу (Вл. И. Немирович-Данченко, Из прошлого, «Искусство», М. 1938, стр. 167, 202).

В отзывах печати говорилось, что в «Вишневом саде» поставлен «памятник над могилой симпатичных белоручек» («Русь», 1904, № 110). «Никто до Чехова не заглянул так глубоко именно в психику, порождающую эту практическую несостоятельность и беспомощность» («Мир божий», 1904, № 8; ср. «Русское слово», 1904, № 19; «Русские ведомости», 1904, № 19, и др.). В большинстве отзывов выражалась неудовлетворенность образами Лопахина и Трофимова («Журнал для всех», 1904, № 5; «Мир божий», 1904, № 8; «Научное слово», 1904, № 3; «Театр и искусство», 1904, № 12 и др.). Непривычные черты купеческого типа в Лопахине были непонятны или связывались с попытками автора будто бы оправдать какие-то стороны «буржуазного строя» («Русь», 1904, № 110). В некоторых рецензиях отмечалось, что «представители молодого поколения» — Трофимов и Аня — даны неопределенно, неполно и нерешительно, без достаточной бодрости и уверенности («Театр и искусство», 1904, № 3; «Новый путь», 1904, май; «Русские ведомости», 1904, № 19). А. В. Луначарский в своей статье подчеркнул впечатление бессилия героев Чехова перед жизнью («Киевские отклики», 1904, № 246). В некоторых отзывах указывалось на преемственную связь «Вишневого

сада» с предшествующими пьесами Чехова («Научное слово», 1904, № 3; «Журнал для всех», 1904, № 5).

Горький в статье, написанной вскоре после смерти Чехова, резко выразил свое отрицательное отношение к таким персонажам, как Раневская и Трофимов: «Вот слезоточивая Раневская и другие бывшие хозяева «Вишневого сада», — эгоистичные, как дети, и дряблые, как старики. Они опоздали вовремя умереть и ноют, ничего не видя вокруг себя, ничего не понимая, — паразиты, лишенные сил снова присосаться к жизни. Дрянный студент Трофимов красно говорит о необходимости работать и — бездельничает, от скуки развлекаясь глупым издевательством над Варей, работающей не покладая рук для благополучия бездельников» («Нижегородский сборник», издание товарищества «Знание», Спб. 1905, стр. 15).

В. Г. Короленко в журнальной заметке «О сборниках товарищества «Знание» за 1903 г.», опубликованной за подписью «Журналист», отметил «Вишневый сад» как слабую пьесу Чехова («Русское богатство», 1904, кн. 8). Отвечая на возражения Ф. Д. Батюшкова и на его замечания, высказанные в статье «Предсмертный завет Чехова» («Мир божий», 1904, № 8), Короленко особо выделил свое несогласие с Чеховым в оценке Раневской и Трофимова: «Вы в Вашей статье, руководясь любовью к Чехову, тщательно разыскиваете малейшие крупинки «надежды на лучшее». Вы даже в Раневской видите уже перелом. Вот это, по-моему, и есть главный недостаток пьесы: отсутствие ясного художественно-определенного рисунка, основной ноты, что ли. По-моему, Вы ошибаетесь: Раневская — дворянская клушка, ни к чему не годная, благополучно уезжающая к своему парижскому содержанию. А Чехов все-таки затушевывал ее, окружив каким-то чувствительным облаком. Точно так же для меня облезное «лучшее будущее» — что-то непонятное и ненатуральное» (Письмо В. Г. Короленко к Ф. Д. Батюшкову от 2 сентября 1904 г. — В. Г. Короленко, Письма 1888—1921, под ред. Б. Л. Модзалевского. Труды Пушкинского дома при Российской Академии наук, издательство «Время», Петербург, 1922, стр. 271).

Отрицательные оценки «Вишневого сада» во многом были обусловлены новизной, необычностью пьесы.

Драматургия Чехова формировалась в обстановке безвременья, когда вместе с наступившей реакцией и крушением революционного народничества интеллигенция в преобладающей массе оказалась в состоянии идейного бездорожья. Общественное разоружение интеллигенции выразилось в отказе от борьбы за коренные

изменение жизни и уходе в сферу личных интересов, личного благополучия. Общественные интересы в этой среде не поднимались выше задач частичного улучшения жизни и нравственного самоусовершенствования. В этот период общественного застоя особенно ярко обнажалась никчемность, беспросветность обывательского существования.

Оказалось, что человек в наиболее светлых сторонах своего существа в такие жизненные рамки не укладывается, что для более чутких людей обывательское спокойствие не может быть счастьем, что так называемые «малые дела» не могут успокоить общественной совести и что под видимостью ровной и мирной жизни кроется постоянная тоска, боль и неудовлетворенность.

Чехов открыл этот конфликт в жизни людей известной ему среды. Стремясь к наиболее верному и наиболее осязаемому выражению этого конфликта, писатель и создает новые формы драматургии. Не события, не исключительно сложившиеся обстоятельства, а обычное, повседневное бытовое состояние человека внутренне конфликтно,— эта мысль и дала то необычное, что определяет и составляет в основном новизну чеховской драматургии. Жизнь действующих лиц протекает как бы в двойном процессе. Каждый в общей жизни участвует лишь частью своей души, и притом менее значительной; то, что внутренне для каждого является наиболее дорогим и важным, оказывается лишним, ненужным. Виноватых нет, а всем жить скучно, и всем хочется вырваться к какой-то другой жизни.

В пьесах создается двойное звучание каждого лица, что в общем эмоциональном строе пьесы дает то «подводное течение», о котором говорил Немирович-Данченко.

Для современников новизна формы иногда заслоняла суть и сложность отношения писателя к действующим лицам. Так, Чехов показывает обаятельность Раневской. В ее поведении нет прямой моральной «виновности». Она добра, приветлива, сердечна в общении с людьми. Но в то же время пьеса позволяет видеть легкомыслие, беспечность, непонимание Раневской реальной жизни. В словах Трофимова: «...вы живете в долг, на чужой счет, за счет тех людей, которых вы не пускаете дальше передней» — тоже авторская оценка.

Трофимов причастен к общественной борьбе, с ним связаны лучшие порывы к будущему, он зовет к новой жизни. Его сознание несовершенства жизни и стремление коренным образом изменить ее представлены как факт глубоко положительный. Критика

действительности в словах Трофимова и его призывы к лучшему будущему всегда даны в чертах авторского сочувствия. Вместе с тем образ Трофимова сопровождается авторской грустно-скептической улыбкой. Чехов не верит, что люди, подобные Трофимову, действительно будут в состоянии разломать устои господствующих общественных форм и установить лучшую жизнь.

В лице главных персонажей Чехов осуждает не столько отдельных людей, сколько совокупность тогдашних общественных условий, определивших судьбу Раневской, Трофимова, Лопахина и других.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. П. Чехов. 1899.

Пьеса без названия («Платонов»). Саша — Г. А. Пашкова, Платонов — Н. О. Гриценко, Софья — А. О. Петерсон, Войнищев — А. К. Граве. Театр им. Евг. Вахтангова, Москва, 1960. Стр. 96—97.

«Иванов». Иванов — Б. А. Смирнов. Театр им. Пушкина, Москва, 1954. Стр. 224—225.

«Юбилей». Мерчуткина — А. П. Зуева, Шипучин — В. Я. Станицын. Мосфильм. 1944. Стр. 416—417.

«Чайка». Нина Заречная — В. Ф. Коммиссаржевская. Александринский театр, Петербург, 1896. Стр. 480—481.

«Дядя Ваня». Астров — К. С. Станиславский, Елена Андреевна — О. Л. Книппер. Московский Художественный театр. 1899. Стр. 512—513.

«Три сестры». Барон Тузенбах — В. И. Качалов, Ирина — В. В. Барановская. Московский Художественный театр. 1901. Стр. 544—545.

«Три сестры». Маша — О. Л. Книппер, Ольга — М. Г. Савицкая, Ирина — Н. Н. Литовцева. Московский Художественный театр. 1901. Стр. 592—593.

«Вишневый сад». Лопахин — Н. О. Массалитинов, Раневская — О. Л. Книппер, Аня — Л. М. Коренева, Дуняша — Л. И. Дмитриевская, Московский Художественный театр, 1915. Стр. 624—625.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

(Пьеса без названия) в четырех действиях	5
На большой дороге. <i>Драматический этюд в одном действии</i>	179
О вреде табака. <i>Сцена-монолог в одном действии (1886)</i>	202
Лебединая песня (Калхас). <i>Драматический этюд в одном действии</i>	208
Иванов. <i>Драма в четырех действиях</i>	216
Медведь. <i>Шутка в одном действии. Посвящена Н. Н. Соловцову</i>	284
Предложение. <i>Шутка в одном действии</i>	300
Трагик поневоле. <i>Из дачной жизни. Шутка в одном действии</i>	315
Свадьба. <i>Сцена в одном действии</i>	321
Леший. <i>Комедия в четырех действиях</i>	336
Юбилей. <i>Шутка в одном действии</i>	411
Чайка. <i>Комедия в четырех действиях</i>	426
Дядя Ваня. <i>Сцены из деревенской жизни в четырех действиях</i>	482
Три сестры. <i>Драма в четырех действиях</i>	533
О вреде табака. <i>Сцена-монолог в одном действии (1903)</i>	602
Вишневый сад. <i>Комедия в четырех действиях</i>	607
П р и м е ч а н и я	665
<i>Перечень иллюстраций</i>	710

Антон Павлович

ЧЕХОВ

Собрание сочинений, т. 9

Редактор В. Титова

Художеств. редактор И. Жихарев

Техн. редактор Ф. Артемьева

Корректор Т. Лукьянова

*

Сдано в набор 12/XII 1960 г. Подписано
к печати 4/II 1963 г. Бумага
84×108^{1/32} 22,25 печ. л. 36,49 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 33,57+9 вкл.=34,02 л.
Тираж 598 500. Заказ № 1243. Цена 1р. 10 к.

Гослитиздат, Москва, Б-66,
Ново-Басманная, 19.

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

